СТРУГАЦКИЕ.
Материалы к исследованию:
письма, рабочие дневники

1967–1971

СТРУГАЦКИЕ.

Материалы к исследованию:
письма, рабочие дневники

1967–1971

составители:
Светлана Бондаренко
Виктор Курильский

ПринТерра-Дизайн
Волгоград 2013

ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С87

Литературно-художественное издание

Стругацкие.
С87 Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники. 1967–1971 гг. / Сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2013. – 736 с., ил.

ISBN 978-5-98424-162-5

Эта книга продолжает серию «Неизвестные Стругацкие» и является третьей во втором цикле «Письма. Рабочие дневники». Предыдущий цикл, «Черновики. Рукописи. Варианты», состоял из четырех книг, в которых были представлены черновики и ранние варианты известных произведений Аркадия и Бориса Стругацких, а также некоторые ранее не публиковавшиеся рассказы и пьесы.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98424-162-5

© Составители. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский, 2013
© Оформление. ООО «ПринТерра-Дизайн», 2013

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга продолжает серию «Неизвестные Стругацкие» и является третьей во втором цикле «Письма. Рабочие дневники». Предыдущий цикл, «Черновики. Рукописи. Варианты», состоял из четырех книг, в которых были представлены черновики и ранние варианты известных произведений Аркадия и Бориса Стругацких (АБС[1]), а также некоторые ранее не публиковавшиеся рассказы и пьесы.

Первая книга нового цикла рассказывала о жизни АБС с детства по 1962 год включительно. Вторая охватывала период с 1963 по 1966 год. Настоящая книга продолжает этот цикл.

Тем, кто читал предыдущие книги, позвольте напомнить, а тем, кто не читал, – сообщить, что перед вами повествование в документах и воспоминаниях (которые тоже являются отчасти документами) о жизни Аркадия и Бориса Стругацких. Речь идет главным образом о жизни творческой. Факты личной жизни затрагиваются лишь в том случае, если они имели влияние на само творчество АБС (реальные случаи, перенесенные в произведения; прототипы персонажей и т. п.) либо на возможность заниматься творчеством (проблемы со здоровьем – своим и близких, переезды и ремонты, занятость детьми). Последовательность документов в этой работе – в основном хронологическая.

Цель составителей – сообщать читателю как можно меньше фактов, не подкрепленных документами, и вообще, во главу угла поставить сами документы, ибо никакой самый яркий пересказ все-таки не может заменить самого оригинала: так будет и правдивее, и точнее.

Вся наша жизнь состоит из документов, начиная со свидетельства о рождении и заканчивая свидетельством о смерти. Конечно, не всё, представленное в этой работе, может и должно считаться эталоном правдивости. Многое (особенно опубликованные критические работы о творчестве АБС) могло писаться с обязательной оглядкой на внешние обстоятельства, исходя из политических реалий и задач того времени. Некоторые источники (в частности – воспоминания) могут ошибаться в деталях (так не было, но, скажем, настолько хотелось, чтобы было, что как бы произошло на самом деле) и даже явно противоречить друг другу. Но документы не отражают субъективного отношения публикатора к описываемому материалу и дают возможность читателю самому составить представление о данном предмете.

---

[1] Расшифровка аббревиатур, употреблявшихся сначала самими Стругацкими, а затем взятых на вооружение и любителями их творчества, приводится в конце книги. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания составителей.*

Кому интересна эта работа? Любителям творчества АБС, что естественно. Историкам литературы советского периода, историкам описываемого периода вообще, исследователям тайны творчества. И, разумеется, обычным читателям, неравнодушным к книгам Авторов. Ведь даже просто чтение писем или позднейших воспоминаний АБС позволяет нам по-новому взглянуть на написанное ими – заставляет переживать и радоваться вместе с Авторами, негодовать и возмущаться, ликовать и недоумевать; ждать вместе с Авторами решения какого-то вопроса и всегда поражаться, как постепенно, из домашних заготовок, из споров общего характера двух хотя и братьев, но весьма разных людей рождаются новые и новые книги.

Изложение, как и в предыдущих книгах с названием «Неизвестные Стругацкие», будет весьма эклектично, как эклектична жизнь любого человека, где личное переплетается с общественным, мечты с обязанностями, а друзья с врагами. Помимо собственно задумок и обсуждения рождающихся произведений АБС, в материалах книги будет упоминаться самими Авторами работа «на сторону» – переводы и сценарии, взаимоотношения Авторов с различными редакциями, с писательскими организациями, а также окололитературная атмосфера тех лет: «дружеские» и «вражеские» группировки, «война» молодых против старых, «противостояние» мнений о фантастике… Всё это будет описано в соответствии с тем, в какой мере об этом сообщали друг другу в цитируемых письмах Авторы, иногда с дополнением воспоминаниями или отрывками из упоминаемых Авторами публикаций.

Для молодых читателей многое из упомянутого Авторами будет внове, а старшее поколение сможет сопоставить тот или иной материал со своими личными впечатлениями. Так что, вполне возможно, образуется еще одна группа читателей этого труда – «воспоминатели», или «ностальжисты».

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Костяк книги составляют переписка АБС за долгие годы и рабочий дневник, который Авторы регулярно вели, съезжаясь для работы.

Вообще, эпистолярный жанр – это одна из сторон творчества любого писателя, а уж для пары писателей, разделенных пространством, переписка друг с другом – это необходимая часть работы. То, что у писателя-одиночки происходит невидимо-неслышимо (новая идея, проработка деталей, размышления о нужности-ненужности какой-либо линии повествования), у творческого коллектива неизбежно озвучивается: при встречах – в ходе личного общения, между встречами – в переписке и по телефону. АБС регулярно писали друг другу довольно долго, и переписка сошла на нет только, как когда-то сообщил АНС в передаче «Очевидное – невероятное», после установления прочной телефонной связи между Москвой и Ленинградом.

Письма, к сожалению, сохранились не все, но и количество оставшихся впечатляет: более тысячи. Это сейчас, при наличии Интернета и электронной почты, столько писем деятельный человек может без труда написать за год, а в то время… вспомним… бумага, ручка и чернила, потом – пишущая машинка; и не щелкнуть мышкой «Отправить», а сложить бумагу, вложить в конверт, заклеить, налепить марку, надписать адрес… да еще и отнести к ближайшему почтовому ящику, а то и на почту, так как зачастую письма сопровождали и непрерывно пересылаемые рукописи…

Рабочий дневник велся регулярно с 3 марта 65-го года и по последнюю рабочую встречу Авторов в конце 90-го года. Состоит этот дневник из трех общих тетрадей, исписанных мелкими почерками обоих Авторов. В рабочем дневнике нередко встречаются рисунки персонажей, зарисовки обстановки, а то и карты местностей, относящиеся к произведению, которое писалось в то время. Две тетради заполнены полностью, в третьей – только первые сорок страниц. Настоящее издание проиллюстрировано рисунками Авторов, взятыми из их рабочих дневников. Рисунки к этому тому расположены в предыдущем томе (НС–8).

Помимо названных документов, эта работа содержит некоторое количество дополнительных материалов[1], так или иначе относящихся к творческой жизни АБС. Что под этим подразумевается? Во-первых, воспоминания самих АБС и о них, посвященные

[1] Чтобы не загромождать текст повествования большими заголовками, содержащими не только автора и название документа, но и выходные данные (если документ был опубликован) или иные источники текста, в заголовке указываются только автор и сокращенное название. Полную расшифровку источника можно найти в конце книги.

каким-либо конкретным событиям. Во-вторых, переписка Авторов с издательствами и киностудиями, а то и с друзьями-литераторами. В-третьих, статьи самих Авторов (напечатанные и черновики) и статьи о творчестве АБС, опубликованные в описываемое время и иногда упоминаемые Авторами в переписке. Дополнительные материалы, как правило, даются отрывочно – лишь та необходимая часть, которая позволяет читателю полнее представить себе те годы, те настроения и ту работу, на которую у Авторов уходила львиная доля времени, когда они находились вдали друг от друга.

И еще одно замечание. В этой работе используются отнюдь не все документы, а только те, с которыми составители имели возможность ознакомиться к моменту написания этой книги. Некоторые документы пока закрыты для публикации: это, к примеру, личные дневники АБС, содержащие, конечно, и немало моментов, имеющих прямое отношение к их творчеству. Некоторые документы не попали пока в поле зрения группы «Людены» (особенно это касается воспоминаний знакомых и друзей АБС и их переписки). Работа над подробнейшей документированной биографией АБС будет продолжаться и после издания этой книги, поэтому любые материалы, так или иначе дополняющие это исследование, будут приветствоваться «люденами».

1967

Конец 60-х — начало нового этапа в жизни страны. 1967-й — год юбилея Октябрьской революции. Соответственно дате оживились идеологи, гайки стали вновь закручиваться, печать и кино заполонили «датские» книги и фильмы. В следующем году было принято решение войсками Варшавского договора поставить на место чехословацких реформаторов. Потом и вовсе — всю страну будто накрыли ватной подушкой. Дышать можно, но уже не в полные легкие. Найти интересное в прессе можно, но уже надо постараться. И напечататься стало еще труднее. Вольности инакомыслия в приватном разговоре позволить себе можно было только с надежными друзьями и только на кухне. Конечно, сталинские репрессии, мини-культ Хрущева — позади. Но — страна замерла на пороге застоя.

У АБС было несколько возможных вариантов поведения. Можно было покориться государству и писать то, что требуется. Как советовали многочисленные знакомые-приятели в издательствах: «Напишите о будущем, оптимистично!» Соответственно — быть, как теперь принято выражаться, «в шоколаде». Можно было, напротив, «переквалифицироваться в Солженицыны», уйти в диссиденты, быть в конце концов выгнанными из страны, быть «в шоколаде» уже «там». АБС выбрали третий путь, самый, вероятно, тяжелый: не «дразня гусей», всё же пытаться достучаться через эту ватную подушку до своего читателя, пытаться научить думать тех, кто хотел этого. Много позже это решение Авторов станет мишенью для критиков самых разных взглядов. Одни осудят сам факт присутствия в их книгах коммунистических идей. Другие, напротив,— неортодоксальную их трактовку или развенчание.

67-й начинается для Авторов оптимистично — с совместной работы над черновиком ГЛ.

Рабочий дневник АБС

2.01.1967

[дневник приездов: 2.01.67. Приехал писать ГЛ.]

Переделали имена во ВНМ. Перечитывали, что написано.
Что такое прогресс?
Почему вы так много пьете?
Что такое факт?
Тэдди много говорит о своем последнем сыне.

3.01.1967
Сделали 10 стр.
4.01.1967
Сделали 12 стр.
5.01.1967
Сделали 11 стр.
6.01.1967
Сделали 6 стр. Б. поехал в ГАО.
7.01.1967
Сделали 12 стр.
8.01.1967
Сделали 8 стр. Банный день.
9.01.1967
Сделали 12 стр.
10.01.1967
Сделали 11 стр.
11.01.1967
Сделали 12 стр.
12.01.1967
[дневник приездов: Началась последняя глава.]

Сделали 12 стр.
Звонили из ЛитГаз, просили отрывок какой-нибудь.
Звонили из КомсПр, просили интервью о мещанстве и настоящем человеке.
13.01.1967
Сделали 4 стр.
Б. едет встречать Адочку[1].
А. едет за билетом. Разбил очко!
14.01.1967
Сделали 2 стр. и ОКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК на 171 странице.
[15.01.67
дневник приездов: Кончено. Уезжаю № 13.
2-я игра до обеда реванш!]

[1] Здесь и далее — Стругацкая Аделаида Андреевна, супруга БНа.

В начале года радует Авторов и пресса. Журнал «Юность» в январском номере публикует критическую статью о фантастике, где о произведениях АБС сказано так:

Из: Горловский А. Время фантастики

<…>

История не апробируется в лабораториях. Ее не переиграешь заново. И фантастика взяла на себя роль некоей социальной лаборатории, в которой как бы проигрываются разные варианты на тему «А что случилось бы, если…» Подчас картины могут быть и неприятны, но ведь это только затем, чтобы отчетливее видеть: по этому пути двигаться нельзя.

Такова повесть Стругацких «Хищные вещи века», в которой рассказывается о людях, отравивших себя удовольствиями, людях опустошенных, искалеченных нравственно. Может быть, иных читателей именно эта повесть Стругацких впервые заставит задуматься, насколько опасно для человека сделать наслаждение целью жизни, подвергнуть себя нравственному и физическому самоубийству, медленному, незаметному и потому особенно страшному. И я не знаю, что здесь опаснее: то ли, что читатель не разберется в «экономическо-социологической» основе Страны Дураков, или то, что, разобравшись в ней, он облегченно вздохнет: «Ну, это-то меня лично не касается, потому что происходит в капиталистическом мире». Я очень хотел бы надеяться, что такой читатель всего-навсего плод моей фантазии, но иные газетные и негазетные выступления почему-то лишают меня моей благой уверенности.

<…>

Да, времена связаны между собой. И нельзя, подобно героям романа Чэда Оливера «Ветер времени», сделать себе инъекцию, чтобы, погрузясь в сон, перескочить все неудобства сегодняшней жизни и ближайших грядущих лет и проснуться в другом, спокойном и совершенном будущем, которое за время этого сна построят другие, путаясь, ошибаясь и погибая. Надо быть коммунистом, чтобы трезво смотреть в лицо опасности и сражаться с ней, как сражается Саул

Репнин, герой повести Стругацких «Попытка к бегству», который возвращается из прекрасного коммунистического завтра в свое время, в гитлеровский концлагерь, где его ждет гибель, но ждет и борьба. Нельзя переложить на других тревоги своего времени, нельзя дезертировать из него.

<…>

В то же время БН получает письмо из нового периодического издания — журнала «Журналист».

Из архива. Письмо БНу из журнала «Журналист»

Уважаемый Борис Натанович!

Посылаем Вам первый номер нового журнала «Журналист». Надеемся, что Вас заинтересует новое издание, его поиски.

Мы отдаем себе отчет в том, что подлинное лицо журнала определится не сразу. Самые большие надежды редакция возлагает на авторов, которые были бы постоянными, верными и требовательными сотрудниками издания. Рассчитываем и на Вашу помощь, зная Вас как человека, близкого журналистике.

«Журналист» надеется стать изданием широкой, наступательной публицистики, полемики. Чрезвычайно важен для нас и жанр документальной повести, исследования, очерка, кино- и телесценария, опирающегося на факт и документ,— рассказ о реальной основе художественного произведения. Заинтересует нас путевой дневник, писательская переписка, воспоминания, просто проза, связанная в чем-то с журналистикой, сатирические произведения, заметки о языке.

Каждая Ваша заявка, предложение будут приняты нами со вниманием и благодарностью.

Желаем Вам больших творческих успехов. Крепко рассчитываем на Ваш отклик. Ждем предложений.

С искренним уважением

Главный редактор журнала «Журналист»

[подпись] (Е. Яковлев)

Видимо, нелишне отметить, что подписано письмо Егором Яковлевым, будущим «прорабом Перестройки». К сожалению, контакт с журналом не получился, и в дальнейшем это издание ЦК КПСС доставляло Авторам одни неприятности. Отметим, например, одиозные статьи Краснобрыжего и Свининникова в 1969 году, и тогда же — информацию об альманахе «Ангара», когда издание закрыли в том числе и за публикацию СОТ. Но это в будущем. Пока же, как было уже сказано, начало 1967 года Авторов радует.

Письмо Аркадия брату, 18–20 января 1967[1], М.— Л.

Дорогой Боб!

И ничего не произошло.

Был я вчера на обсуждении статьи Китайгородского[2]. Никакого отношения к фантастике эта статья не имеет. Он слегка прошелся по действительно глупым комментариям Громовой к трем вещицам Лема (две сказочки и одна телепьеса)[3], сказал, что против фантастики в целом ничего не имеет, и со сладострастием занялся любимым делом: на восьми страницах из десяти обличал газетчиков, которые публикуют сенсационные сообщения о «чудесах», летающих тарелках и прочее. Но народу поднаперло на обсуждение много, и начался обыкновенный бардак. Выступил очень гневно и очень бестолково Юлька Кагарлицкий (его особенно оскорбило, что Китайгородский читал Лема в зале ожидания на аэродроме от нечего делать), потом нить спора была утрачена, и когда через полтора часа Володька Григорьев завел нудятину о скорости распространения гравитации, я с Юлькой ушел. Мы отправились в ресторанчик «Нарва» и потребили там коньячку. Короче, всё это недоразумение объясняется крайним невежеством нынешнего завотделом науки ЛГ.

Больше новостей нигде и ниоткуда нет. Звонила Белка[4], я ей продиктовал аннотацию на сборник «Гадкие лебеди», который выйдет в 68-м году (вкупе с ВНМ). Вышел том Азимова в Биб-ке мировой фантастики.

---

[1] Датировка составителей.

[2] Видимо, статья не была опубликована, прошло лишь ее обсуждение.

[3] Громова А. Лем смеется // НФ: Альманах науч. фантаст.: Вып. 2.— М.: Знание, 1965.

[4] Здесь и далее — Клюева Бела Григорьевна, редактор «Молодой гвардии».

Ленка[1] прочитала черновик, говорит, что ей понравилось, но что она бы удалила оттуда некоторые слишком сиюминутные обстоятельства (не беседу с президентом и не «перестаньте бренчать», а что-то другое, она еще будет перечитывать и отметит).

Да, прочитал я Лагина «Голубой человек». Написано хорошо, однако имеет место некоторая подловатая восторженность. Я ходил в поликлинику заказывать очки, встретил Лагина, и он мне полчаса вкручивал, какие все сволочи, что не пишут на него рецензии, и попросил нас с тобой написать обзорную рецензию по его творчеству. Я дал неопределенное согласие. Жду твоего слова.

Ты виделся ли с Гором?

Обнимаю, жму.

Поцелуй маму, Адку, Р-росшепера[2].

Твой Арк.

P. S. Только что по моему поручению звонили в Улан-Удэ в «Байкал». Всё точно. Читаются гранки. Сотруднику, который нам гранки не прислал и не сообщил о взятии ВНМ в журнал, сейчас дают мешалкой.

В № 12 «Звезды» небольшая рецензиюшечка на «Эллинский секрет»[3]. Доброжелательная.

20 января АН как председатель группы фантастики при Московской организации писателей направляет «наверх» письмо по поводу журнала фантастики.

Из архива.
Письмо группы по фантастике в СП СССР

В СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
от бюро рабочей группы фантастики
т/о прозы МОСП

[1] Здесь и далее — Воскресенская (фамилия по первому замужеству, урожденная Ошанина) Елена Ильинична, супруга АНа.

[2] Прозвище сына БНа Андрея.

[3] Михайлова И. Эллинский секрет. В мире фантастики и приключений // Звезда (Л.).— 1966.— № 12.

СОДЕРЖАНИЕ: о создании журнала фантастики — органа СП СССР.

Уважаемые товарищи!

Во исполнение решения общего собрания рабочей группы фантастики от 19.10.66 мы обращаемся к вам с просьбой оказать содействие в учреждении специального журнала — органа СП СССР, целиком посвященного фантастической и научно-фантастической литературе.

Необходимость в таком органе давно назрела. Существующие издания такого типа, как журнал «Вокруг света», его приложение «Искатель», альманах-ежегодник «Мир приключений», полупериодические сборники «НФ» (изд. «Знание») и «Фантастика, год…» (изд. «Молодая Гвардия»), не могут отвечать этой необходимости — либо в силу специфики своих издательств, либо из-за неоперативности. Нужен ежемесячный журнал с солидной теоретической основой, который был бы способен публиковать всё лучшее, что появляется в этом виде литературы, последовательно разрабатывать теорию этого вида литературы, быстро и четко отзываться на новые явления в этом виде литературы.

Нет смысла в сотый раз повторять тривиальные истины о значении фантастики и научной фантастики для идеологической борьбы, для воспитания молодежи, для процессов, протекающих в советской литературе. Насущная же необходимость в специализированном журнале определяется по крайней мере такими факторами:

а) отсутствием у Союза писателей органа, объединяющего советских писателей-фантастов;

б) огромной заинтересованностью в журнале у читательской общественности;

в) отсутствием у критиков и литературоведов платформы для разработки теории фантастики;

г) возросшим и продолжающим расти авторитетом советской фантастики за рубежом и многими другими.

Если вы согласны с нами и возьмете на себя труд способствовать учреждению такого журнала, то следует принять во внимание следующие два обстоятельства.

1. Журнал фантастики и научной фантастики ни в коем случае не должен быть юношеским журналом фантастики и приключений. Мы полагаем, что такого же мнения придерживается рабочая группа писателей-приключенцев. Фантастика и приключения — совершенно разные виды литературы, с очень разными практическими задачами и со своей спецификой. Создание журнала фантастики и приключений ничего не даст, это будет еще один вариант «Вокруг света» или «Искателя» со всеми их недостатками, с их литературной недостаточностью. Симбиоз приключенческой и фантастической литератур в свое время, быть может, и оправдывался обстоятельствами, но ныне представляется совершенно противоестественным.

2. Руководить журналом должен прозаик, или критик-литературовед, или опытный журналист, очень хорошо — как специалист! — знающий современную советскую и зарубежную фантастику, очень хорошо — как специалист! — разбирающийся в специфике фантастики, в ее месте в общем литературном процессе, мыслящий самостоятельно, пользующийся авторитетом у писателей-фантастов и критиков. При этом следует помнить, что руководителю журнала придется очень трудно.

Если эти два условия будут соблюдены, тогда есть все основания полагать, что Союз писателей получит в высшей степени популярный, серьезный журнал, которому мы все будем активно помогать и которым будем гордиться.

Рабочая группа фантастики т/о прозы МОСП.

А. Стругацкий

Москва, 20 янв. 1967 г.

Письмо Бориса брату, 22 января 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. У нас тут события. Гора неожиданно сделали председателем бюро секции прозы. В связи с этим возникла благоприятная ситуация отделиться от научпопов и создать комиссию фантастики при секции прозы. Идет борьба за это правое

дело. Создалось при этом такое положение, что отделиться можно. Меня прочили в председатели, я отказался в пользу Дмитревского. Дмитревский вдохновился и теперь повсюду звонит и вообще развил бешеную деятельность.

2. С Гором я беседовал по телефону, он обещал всё сделать для Рима и Мишки[1].

3. Про статью в «Звезде» насчет Эллинского секрета слышал, но не читал. Говорят, хвалят.

4. Пристают на телевидении. Затевают там цикл передач по фантастике, просят, чтобы я открыл этот цикл неким общим заявлением. Просто не знаю, как поступить. Наверное, соглашусь, тем более что запись предварительная, на пленку.

5. Рецензию по Лагину я писать готов. Лагина люблю. Правда, плохо представляю, как такую рецензию можно написать без упомянутой тобою подловатой восторженности.

6. Вундеркинды приглашают меня на ихний диспут о сущности прогресса — послушать. Прямо мы как в воду глядели.

7. Слухи ходят разные и в общем не ахти. Хотя конкретных действий не происходит.

8. Ходил менять паспорт, заработал штраф в 5 руб.

9. Сейчас еду к Илье.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

Письмо Аркадия брату, 26 января 1967[2], М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Получил из Улан-Удэ телеграмму: «Ваша повесть печатается первой книжке байкала выйдет конце января просим извинить что сотрудник которому поручено было известить вас своевременно не сообщил решение редколлегии будем рады вашему сотрудничеству байкале редактор журнала байкал бальбуров». У нас здесь есть мнение, что Бальбуров сможет опубликовать и Перецовскую часть — только

[1] Здесь и далее — Парнов Еремей Иудович и Емцев Михаил Тихонович, писатели.

[2] Датировка составителей.

в январе будущего года, не раньше. Попробуем закинуть удочку, как ты полагаешь?

2. Вчера был у Манина, праздновали день рождения Высоцкого. Я подарил ему от обоих нас рукопись полной «Улитки» — он был очень растроган. Между прочим, они собираются созвать у Манина небольшой концертик: Высоцкий, Галич и Анчаров. Это будет, вероятно, очень интересно.

3. В понедельник несу «УнС» в «Советский писатель». Почва там уже кое-какая подготовлена. Главное — нигде ни звука, что это фантастика. Философский роман. Кстати, известно ли тебе, что «УнС» — наш первый и пока единственный роман?

4. СП РСФСР собирается где-то в апреле проводить Всероссийское совещание по научной фантастике. Подробности неизвестны.

5. Один из секретарей СП СССР Воронков собирается в начале февраля собрать на день московских фантастов. Подробности неизвестны.

6. Пока мы выпивали и закусывали, в Секретариате СП идет активная возня по созданию журнала приключений и фантастики. Подробности неизвестны, но можно предполагать, что редактором хотят сделать Тевекеляна. Всё, что я мог сделать, это написать письмо Воронкову о том, что журнал должен быть исключительно по фантастике и редактором должен быть знающий человек. Что я и написал — как бы выполняя решение собрания нашей группы о ходатайстве насчет создания журнала.

7. Приехал директор издательства «Культур Ферлаг» ГДР, поручил разыскать нас и попросить что-нибудь для перевода. Пошлю им ХВВ.

8. Статью Васильевой о Стругацких «Новый мир» отвергнул. Озерова (зав. критическим отделом) не смогла пробить ее на редколлегии.

Жму всё, твой Арк.

Поцелуй маму и Адку.

В конце января, как и было обещано, в первом номере журнала «Байкал» выходит ВНМ с предисловием редакции.

[Редакционное предисловие к журнальной публикации повести «Второе нашествие марсиан»]

Братья Стругацкие не нуждаются в представлении — их имена достаточно известны любителям фантастики в нашей стране, да и за рубежом. Начав с космических приключений, Стругацкие в последние годы эволюционируют к фантастике социальной — в «Попытке к бегству», «Трудно быть богом» и более определенно в «Хищных вещах века».

Предлагаемая читателям «Байкала» повесть «Второе нашествие марсиан» создана с помощью традиционных элементов социально-фантастического жанра. Это — гротеск, гипербола, сатира. В самом названии подчеркнута преемственная связь этой повести с родственной литературой прошлого, в данном случае — с романами Уэллса. По поводу этого названия братья как-то полушутя говорили, что первое нашествие марсиан случилось в прошлом веке и было, как известно, описано в «Войне миров» Герберта Уэллса.

Повесть Стругацких имеет жесткую ориентированность — ее острие направлено против буржуазных обывателей, готовых принять и приветствовать любую диктатуру, любую самую противоестественную государственность при условии сохранения внешней благопристойности и уважения к жирной ряске их добропорядочности. Сегодня они принимают напалм, ведь это где-то там, далеко, и эмалевая полировка их холодильников, слава богу, от этого не страдает, а завтра обыватели примут концлагери, поскольку, господа, там, говорят, всё упорядочено, чинно и ведется строгая учетность. Таков он, «этот проклятый конформистский мир», который во имя сохранения собственных вилл и особнячков продал Чехословакию Гитлеру и попытался остановить бронированные чудовища третьего рейха дипломатическими реверансами при подписании Мюнхенского договора.

Иносказательность братьев Стругацких во «Втором нашествии марсиан» не столь уж туманна. Их марсиане — это вчерашние фашисты, сегодняшние берчисты и куклукскановцы, это — голдуотеры и им подобные.

В силу особенности литературного приема, взятого ими, марсиане показаны в повести вскользь, мельком, а больше уделено внимания восприятию мещанами новой диктатуры. И здесь авторам удастся создать атмосферу подлости «равнодушных», о которых с ненавистью писал еще Бруно Ясенский. Несомненно, Стругацкие владеют оружием сатиры и приемами гротеска. Но тем более жаль, что порой у авторов сатира соскальзывает к юмору, а юмор — к шуточкам. Но, надо надеяться, читатели оставят в стороне такие недочеты и сумеют оценить главное — издевающуюся ненависть авторов к конформизму буржуазного обывателя.

Письмо Бориса брату, 27 января 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Имело место отчетно-перевыборное собрание нашей секции. В связи с тем, что Гор стал теперь председателем секции прозы, мы решили воспользоваться случаем для того, чтобы отмежеваться от научпопов и создать при секции прозы комиссию по фантастике (на манер московской). Была проведена работа, распределены роли, Дмитревскому было обещано, что сделаем его председателем комиссии — словом, всё казалось о'кей. Однако, как и в прошлом году, последовал разгром и предательство. Выступал с горячей речью один я; Шейкин делал что мог, но мог он мало, ибо был связан решением партгруппы не требовать разъединения; Дмитревский срочно заболел; Варшавский и раньше был болен, но хоть прислал решительное письмо; Гор был вынужден молчать, т. к. ему неудобно было вмешиваться (его и так обвинили в том, что он перетягивает к себе в прозу фантастов); Шалимов изначально был против и в этом же плане и выступал; а Ларионова вдруг выступила против — до сих пор не понимаю: то ли от глупости, то ли из корыстных соображений.

В общем, ничего не вышло. Меня избрали (несмотря на мое и некоторых научпопов бешеное сопротивление) в бюро секции. Хотели сделать даже зампредседателя, но тут уж я отбился. А решаться всё будет, естественно, не внизу, а вверху: ходит четкий слух, что если 31 января будет переизбран тот же состав Правления, то последуют решительные реорганизации — на манер московских. В частности, будут распущены и влиты в крупные секции все мелкие секции, в т. ч. и наша научпоповская. Вот тогда и отделимся, наконец.

2. Я тут заболел — ангина. Поэтому никуда не хожу, хотя зван был и к вундеркиндам на диспут «Наука и прогресс», и выступать в телевидение, и еще куда-то. Получаю письма читателей, отвечаю понемножку. В «Труде» — небольшая рецензишка на «Эллинский секрет»[1]. О нас там сказано, что УнС, вероятно, вызовет большую полемику в прессе и что это повесть о гуманизме. Переписываюсь с Альтовым по поводу анкеты. Он меня вежливо материт, я не менее вежливо отбрехиваюсь. Анкеты я сейчас отдал Ядову в его лабораторию. Ядов намерен отдать их студенту-практиканту, дабы тот сделал курсовую работу, а я буду при нем научным руководителем — хохма! Сегодня — юбилей Гора. Я от нашего с тобой имени послал ему телеграмму. Хорошо бы и вашей рабочей группе это сделать. Празднование юбилея будет иметь место седьмого февраля — постарайся обернуться. Был у меня Мирер, но он ни хрена ни о чем не знает, поэтому просто трепались целый вечер.

3. Все твои действия одобряю. Только не понял: в СП ты отнес только УнС или, так сказать, полный том — В, ДР или чего мы там намеревались? По-моему, надо сразу нести том и требовать издания.

4. Совещание фантастов — вещь, конечно, несвоевременная. Но уж коли затеяли, придется сражаться.

Ну вот и всё пока. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленку целую!

[1] Соловьева И. Эллинский секрет // Труд (М.).— 1967.— 24 янв: «Можно уже сейчас сказать, что много критических копий будет сломано в полемике о повести А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне». Стругацкие упорно продолжают свои поиски в фантастике. В новой повести идет речь о природе гуманизма».

Не забудь Гору телеграмму от рабочей группы — он страшно обидчив. Письмо относительно Рима и Мишки он все-таки намерен послать лично Березко, говорит, что от этого будет больше толку.

Второй выпуск ленинградского сборника за 66 год задерживается из-за повести Гранина. Директор изд-ва заявил, что это скрытая пропаганда против. Вообще в Ленинграде както невесело.

Письмо Аркадия брату, 29 января 1967, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Итак, жребий брошен. Вчера я отнес УнС в «Советский писатель». Именно только УнС: Адалис категорически потребовала, чтобы даже слово «фантастика» не употреблялось нигде. В заявке я написал, что это философская повесть, попытка художественного осмысления самых общих закономерностей мышления и поведения современного интеллигента в чуждых ему условиях бесчеловечного прогресса фашистского толка и мертвой административно-бюрократической рутины. Приняли меня холодновато, но очень вежливо. Знают. Теперь будем ждать, а вернее — можно и не ждать, но читать можно теперь давать.

2. Васильевой предложили в «Литературке» написать о «ВНМ». Это для рубрики «Вышли в свет» или что-то в этом роде, три-четыре странички. Статья Травинского, вероятно, тоже пойдет.

3. Статью в «Юности» ты, наверное, уже читал. В первом номере[1].

4. Приехал Захар Ильич Файнбург, известный социолог из Пермского политехнического. Они провели интересные анкеты на заводе, в институте и в двух деревнях. Анкета большая и сложная, но он воспользовался теми материалами, где речь идет о фантастике. Прочно и точно установлено, что фантастика нужна, что ее регулярно читают 70 % сту-

[1] Горловский А. Время фантастики // Юность (М.).— 1967.— № 1.

дентов, 60 % рабочих (те, кто связан с автоматикой, высокой квалификацией и пр.) и даже 30 % колхозников. Не признают ее самые малокультурные слои населения и, кстати, сколь это ни странно, самые идеологически беспринципные. Файнбург написал статью: «Современный человек и научная фантастика. Опыт социологического исследования». Статья, видимо, пойдет в «Вопросах философии».

5. Хочется чего-нибудь писать.

6. 14-го будет у нас собрание рабочей группы — коллоквиум на тему «Фантастика и социальное прогнозирование». Бр-р-р-р.

7. Был я в «Комс. правде», говорил с ребятами. От нас ждут интервью на тему о молодой интеллигенции. Они заготовят вопросы, а мы на них ответим.

8. С Высоцким насчет песни я договорился. Он с удовольствием нам это дело предоставляет[1].

9. И опять же хочется чего-нибудь уже писать. А подлец же этот директор издата. А может, Гранину лучше послать повесть в Мол. Гв.?

Все. Жму и целую, твой Арк.

Целуй там всех подряд, старых и малых.

В начале года пресса по-прежнему внимательна к мнению АБС. В феврале публикуются две статьи Авторов. Во втором номере журнала «Народы Азии и Африки» — «Научно-фантастическая литература в Японии». В третьем номере журнала «Советский экран» — «Почему нет кинофантастики». Авторы же заняты новой публикацией — ответами на вопросы «Комсомольской правды».

Письмо Аркадия брату, 4 февраля 1967[2], М.— Л.

Дорогой Борик!

Посылаю тебе всё, что накропал. Как ты увидишь, там мало общего с вопросником, но мне кажется, ребята сами не знают точно, чего они хотят. Посылаю также «КП» с диалогом

[1] В ГЛ к словам песни Виктора Банева идет сноска: «Текст песни В. Высоцкого слегка изменен с разрешения автора».

[2] Датировка составителей.

с Амосовым — для общности[1]. С богом — работай. Режь и правь, пиши здорово, будь хозяином.

Жму,

твой [подпись]

Письмо Бориса брату, 5 февраля 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Дожились! Пишу тебе на каком-то г… вместо бумаги: нет бумаги![2] Ну, ладно. Кончилась эпопея с перевыборами нашего Правления. Всё описывать слишком длинно, но было интересно. Была явная, хотя и слабая попытка протащить в Правление <…> Прокофьева, кончилась она провалом. Левые неистовствовали. Правые вякали, их гнали с трибуны аплодисментами. Короче, секретариат был избран практически в прежнем составе, т. е. снова Дудин, Гранин и пр. Так что всё обошлось. Представитель обкома выступал, но не сообщил ничего интересного — гладко шпарил по «Правде» и всё подчеркивал, что у нас всё хорошо, всё нормально, работа идет, все едины и вообще. Словом, речь очень характерная для юбилейного года. От нового Правления ждут:

1. Реорганизации журнала «Нева». Журнал был изруган вдребезги, главред с треском провалился на выборах в Правление, так что, говорят, скоро в журнале всё будет иначе, в частности в редколлегию войдут Гор, Гранин и еще кто-то из порядочных.

2. Реорганизации нашего отделения по московскому образцу, т. е. разбиение на очень крупные секции, каждая из коих будет состоять из творческих объединений (рабочих групп). Так, вероятно, решится сакраментальный вопрос с отделением от научпопов.

3. Организации в Ленинграде отделения «Молодой гвардии». Это было бы здорово!

---

[1] Человек — мысли и сердце / Диалог Н. Амосова с корреспондентом Е. Гортинским // Комс. правда (М.).— 1967.— 10 янв.

[2] Письмо напечатано на бумаге в клеточку.

Новостей особых нет. В «Ленправде» была маленькая заметочка об «Эллинском секрете»[1] — об УнС сказано только, что таковая имеет место, а в общем заметочка благожелательная. Статью в «Юности» я читал — ну что ж — сдвиг, сдвиг, ничего не скажешь. Кто этот мальчик, ты не знаешь? Травинский прислал письмо, пишет, что его рецензия на сборник вот-вот пойдет в Литгазете — откладывается не по существенным соображениям.

Я читаю сейчас любопытный сборник статей: «Наука о науке»[2] — очень интересно.

Ну вот, собственно, и всё.

Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Да, если Адка у тебя не заберет ГЛ, то привези их с собою. Охота перечитать.

Леночке привет.

Письмо Аркадия брату, 8–9 февраля 1967[3], М.— Л.

Дорогой Бобка!

Ты мне не заливай — нет бумаги. Это ты просто лентяй и лежебока, потому что бумага лежит у мамы в столе, нет чтобы съездить и взять, так он еще прибедняется.

Ну, ладно. Очень интересно, что у вас там в СП. Кое-что мне рассказал Брускин — о собрании вашей секции, о <…> выступлении Ларионовой и прочее. Вероятнее всего, как мне кажется, правление ЛО вас все-таки разделит. Так что, главное — не бе.

Мальчика, который написал статью в «Юности», я не знаю, но это не первая его статья. Еще в самый разгар поругания ХВВ он поместил в «Труде» статью, где ХВВ хвалилась[4].

Васильева написала для ЛГ статью о ВНМ, но пока пустить ее не представляется возможным, поскольку нет

---

[1] Стороженко Н. Тропинки далеких планет // Ленинградская правда (Л.).— 1967.— 4 февр.— № 30.

[2] Наука о науке. Сборник статей.— М.: Прогресс, 1966.

[3] Датировка составителей.

[4] Горловский А. О будущем или сегодняшнем. Заметки о фантастике // Труд (М.).— 1966.— 5 мая.

оригинала, из Улан-Удэ, если даже тираж там уже готов, почта идет долгонько.

Вышел сигнал «Советского экрана» с нашей статьей о кино. Севке[1] дано задание купить нам три экза. Пришлю или привезу. Гонорар будет на мое имя, я тебе потом отдам.

14 февраля у нас будет коллоквиум на тему «Социальные мотивы в современной фантастике». Сейчас я должен идти в ЦДЛ и рассылать приглашения и тезисы, поскольку у нас уволили секретаршу. Экая напасть!

Приехал тут из Томска один мальчик, специалист по этике[2]. Пишет диссертацию на тему «Проблема выбора» — о соотношении цели и средств. Все по материалам художественной литературы, начиная от Игнатия Лойолы и Льва Николаевича Толстого до братьев Стругацких: ДР, ТББ, УнС. Находится в растерянности. Ему надо формализовать хоть какие-то основы морали, чтобы от них танцевать, а они не желают формализоваться. Я посоветовал ему три закона роботехники — взять, как некий абсолют, некую систему аксиом, и на этом всё строить. Видит много к тому препятствий.

Первый номер «Ин. л-ры» выйдет, видимо, через неделю-полторы.

Статья Юли Кагарлицкого в «Коммунисте» застряла. Ему предложили выбросить оттуда всё, что касается зарубежной фантастики, и предаться обливанию помоями Стругацких. Он, естественно, на дыбы. Сегодня собирается пойти туда и расплеваться окончательно. Горачий чэловэк.

А за сим жму твою честную,

поцелуй женщин и Р-росшепера, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 9 февраля 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Ситуация несколько переменилась. Дело в том, что в начале марта, числа первого, приедет Адкина мама и у нас

[1] Здесь и далее — Ревич Всеволод Александрович, журналист, литературовед, друг АБС.

[2] Будущий философ Бакштановский Владимир Иосифович.

появится возможность поработать никого не стесняя. У меня есть предложение: поехали в Дом творчества. Можно было бы, конечно, поработать у тебя, но это опять же — стеснение. Давай-ка нажми на все педали и на всех своих высокопоставленных знакомых и раздобудь-ка ты парочку путевок — куда угодно: в Крым, в Малеевку, в Переделкино, хотя лучше, конечно, под Москву. Очень тебя прошу похлопотать и поднажать. А то ведь и маме надо бы отдохнуть, и вообще. Давай, а? Нажми! Если под Москвой, то Ленка сможет к тебе наезжать, и будет всё превосходнейше. Жду ответа. А ты уж постарайся, исходя из того, что невозможного для члена бюро прозы не существует.

2. Посылаю тебе материалы. Ты написал хорошо, и добавил я мало. Кое-что вычеркнул. Если чернилами, то — категорически, а если карандашом, то как хочешь. Вообще-то получилось, конечно, не совсем то, но я думаю, что опубликовано это всё равно не будет (вопросы интеллигенции решаются у нас на уровне «Правды», как известно), так что сойдет.

3. Был юбилей Гора, противный, как и все юбилеи. Народу пришло немного, но приветствовали Гора и представитель горкома партии, и секретарь Дзержинского райкома, и, натурально, Дудин — первый секретарь ЛО ССП. Обещали Гору орден, но какой, еще не ясно. Потом все напились, и представитель горкома, весь испещренный красными пятнами, шатаясь, долго жал Гору руку и бормотал косноязычно: «…множества лет крепчайшего здоровья… и от себя лично, а от организаций я уже говорил с трибуны…»

4. С ленинградским сборником всё, кажется, обошлось — скоро выходит. Ниночка Чечулина говорила, что у них там в издательстве довольно тихо и что на 68 год можно надеяться протолкнуть трилогию. Посмотрим.

5. В темплане «МолГв» объявлено, что в 67 году Стругацкие выпускают «Второе нашествие». Сам я не видел, но мне говорил это Смолян — он даже заявку написал в Лавке на ВНМ. Наверное, какая-то ошибка?

6. Сегодня иду на телевидение. Опять они чего-то хотят. А несколько дней назад они пускали по телевизору это

ублюдочное представление — ПНвС[1]. Что делать? Может быть, запретить?

7. Мартынов подарил свою «Спираль времени»[2]. Пытался читать — не могу. Черт знает, что такое.

На том кончаю. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Да, насчет Марксовой фразы об искусстве — как-то неясно. Перефразировка какая-то двусмысленная. Если уточнить нельзя, то лучше вовсе выбросить.

Ленке привет!

И постарайся во что бы то ни стало добыть путевки, начиная с 1 марта! С мамой я уже это согласовал.

Ответы на вопросы об интеллигенции в архиве сохранились именно в таком виде — по тексту АНа идет правка (чернилами и карандашом) БНа. Ниже помещен вариант с внесенной правкой. Статья, как и предсказывал АН, опубликована не была.

Из архива. АБС. Ответы на вопросы

Сразу договоримся: мы не социологи, а простые советские писатели. В разговоре о таком мощном и серьезном общественном явлении, как молодая советская интеллигенция, мы можем исходить лишь из личных впечатлений и наблюдений и из самых общих соображений. Ни статистических, ни анкетных данных у нас, практически, нет. Не исключено поэтому, что наши высказывания не будут убедительны, а некоторые наши выводы окажутся даже неверны.

1. Что такое интеллигенция? Собственно, интеллигентность — понятие скорее мировоззренческое, чем социологическое. Интеллигентный человек характеризуется прежде всего определенным отношением к окружающему миру, а потом уже принадлежностью к некоторой социальной прослойке. Грубо говоря, интеллигентность — это знание плюс стремление к знанию, в противоположность мещанству, которое есть, прежде всего, невежество плюс нежелание

[1] Режиссер постановки — А. Белинский. См. письмо БНа от 31.08.65.

[2] Мартынов Г. Спираль времени.— Л.: Лениздат, 1966.

узнавать что-либо, лежащее за пределами очень узкого круга потребностей. Поэтому существуют очень неинтеллигентные доценты и члены Союза писателей и вполне интеллигентные, скажем, рабочие.

Однако такой подход, как нам ясно, противоречит интуитивному представлению, бытующему у читателей, и может вызвать путаницу. Поэтому будем говорить об интеллигенте как о творческим работнике умственного труда, причем ограничимся лишь той частью интеллигенции, которая участвует в экономических, культурных и прочих усилиях государства творческой работой в НАУКЕ, и ограничимся прежде всего потому, что именно научная интеллигенция, на наш взгляд, с наибольшей яркостью демонстрирует черты, характерные для современной молодой советской интеллигенции.

Что представляет собой современный интеллигент-научник?

а) Это человек массовый: современная научная интеллигенция — это армия из сотен тысяч работников.

б) Это человек коллективный: он работает в НИИ и лабораториях довольно обширными группами, зачастую — весьма обширными.

в) Это коммунист, инстинктивный и сознательный, в Марксовом смысле: идеальное общество для него — общество, предоставляющее все возможности для творческой работы, огромные массы духовной пищи и информацию во всей ее полноте.

г) Это гражданин: он остро переживает все явления внутренней и внешней политики своей страны.

д) Это скептик и революционер: он ненавидит застой и рутину, беспощаден к дураку и всякий авторитет склонен пробовать на зуб.

Как и рабочий класс, как и крестьянство, научная интеллигенция представляет собой вполне определенную производительную группу общества, что определяется современной ролью науки как производительной силы. Эта группа имеет свою психологию, свои духовные и материальные запросы, своих глашатаев в мире литературы и искусства. Она

испытывает влияние других социальных групп, сама влияет на них и не отграничена от них резко. Не защищена она и от влияния мещанской идеологии: фигура хорошего работника, но мещанина и прохвоста, столь же нередка среди интеллигентов, как и, скажем, среди рабочих и крестьян.

2. Современная массовая научная интеллигенция представляет собой явление, еще невиданное в истории, и может быть есть смысл рассматривать ее как следующую ступень в развитии общества к коммунизму — как самый передовой, самый развитый, самый революционный отряд советского общества, вобравший в себя всё лучшее, что есть в других трудящихся классах. Если мы согласимся с тем, что мещанское, буржуазное мировоззрение, питаемое самыми низкими биологическими и социальными инстинктами, действительно представляет угрозу для коммунизма, то научная интеллигенция может служить неким приближением к человечеству будущего, а отношение ее к миру, к труду, к культуре — моделью отношения к этим категориям коммунистического человека. И отсюда вытекает необходимость воспитывать в каждом члене современного советского общества черты, присущие интеллигенту.

Будем говорить откровенно: для этого делается еще слишком мало. Не знаем, что нужно сделать, чтобы исправить положение. Вероятно, начинать нужно с образования, потому что опыт показывает, что образование лежит в самой основе воспитания. А в образовании всё начинается с педагога, с учителя. Государству следует выдвинуть и всячески, пропагандистски и материально, законодательно и морально, поддерживать тезис: педагог является в стране самой главной профессией, педагогу — всяческое материальное стимулирование, все партийные и административные работники прежде всего отвечают за образование, а потом уже за остальное, в том числе и производство. Это первая половина проблемы. Вторая половина — сама фигура педагога. Уровень квалификации и интеллигентности педагога в массе должен быть доведен до уровня передового научного интеллигента. Интеллигент — лучший, идеальный

образец работника воспитания: с огромным кругозором, сомневающийся, ищущий, насмешливый и внимательный. Более всего любящий свое дело и потому хорошо защищенный от инстинктивных порывов, достаточно знающий, чтобы правильно выбрать основные принципы жизни, и достаточно умный, чтобы не превращать эти принципы в догму в изменившихся условиях. Воспитание воспитателей — проблема не только очень сложная, это проблема, требующая для своего решения многих лет упорной и последовательной работы. Чтобы решить эту проблему, потребуются десятки лет, огромные средства и все новейшие достижения психологии, педагогики, социологии. Воспитание человека всегда было великим ИСКУССТВОМ, со своими шедеврами и со своими гениями, вроде Ушинского, Корчака и Макаренко. Теперь задача сводится к превращению искусства в науку, и решать эту задачу надо начинать уже сейчас.

Всем очевидна роль средств массового воспитания: литературы, кино, телевидения. Недоучкам, трусам, серым людям здесь не место. Здесь тоже нужны настоящие интеллигенты. Хотя бы для того, чтобы правильно переводить известное изречение Маркса: не «искусство должно быть понятно народу», а «искусство должно быть понято народом»[1].

3. Для человека с широким кругозором и с психологией, наименее тронутой мещанской заразой, то есть для интеллигента, особенно молодого, авторитета места не существует. Он чутко улавливает любую фальшь и любую алогичность плохо убежденного или серого «властьимущего» и в лучшем случае потихоньку посмеется, а в худшем — разочаруется и плюнет.

Для научной интеллигенции реален только авторитет знания, увлеченности работой, подкрепленный постоянной готовностью отстаивать свои принципы хоть перед господом

[1] Точнее, речь о переводе слов В. Ленина, цитируемых в воспоминаниях К. Цеткин. В первом их издании 1924 г. перевод с немецкого оригинала был точным: «Искусство принадлежит народу. <…> Оно должно быть понято <…> массами…» Позднее перевод был откорректирован: «Оно должно быть понятно <…> массам…» Соответственно такой трактовке выстраивалась и политика властей по отношению к искусству и литературе.

богом. Начальник, обосновывающий отказ от своих принципов или от необходимых действий ссылками на туманные высшие соображения или на указания свыше, может быть и не будет осужден научной молодежью (она охотно соглашается, что ничто человеческое нам не чуждо), но авторитетом пользоваться не будет никогда. Начальник, потерпевший поражение от вышестоящих дураков, может рассчитывать на солидарность научников-подчиненных, если они уверены в его принципиальности.

Вообще, солидарность и принципиальность, взаимопомощь и взаимная поддержка свойственны научной интеллигенции более, чем остальному населению. Они интуитивно и сознательно упражняют эти черты — достаточно обратить внимание на массовость участия интеллигенции в разного рода рискованных туристических экспедициях, а также на то обстоятельство, что свыше 90 % альпинистов, этого самого опасного вида спорта, составляют физики и математики. Вероятно, «преодолевая себя» в экспедициях и восхождениях, научник подсознательно решает проблему: «Что есть я для моих товарищей?»

4. Интеллигенция, как самый жадный потребитель духовной пищи, как никто другой нуждается в информации. Она отлично понимает, что общедоступность информации является необходимым условием развития передового общества и формирования Человека Воспитанного. Оправданность суждений, здоровое критическое отношение к действительности, готовность к устранению пакостей и недоделок — всё это в большой степени зависит от возможности вооружаться наиболее полной информацией. Мало того, перекрытие каналов информации оскорбляет, как выражение неоправданного недоверия. Здесь — источник нигилизма, порожденного как информационным вакуумом, так и обидой. Нигилизм вместо здорового скептицизма, вырастающего на большом знании и подвигающего к действию,— а отсюда пренебрежение общественной работой, неприязнь к администрации, насмешливое отношение ко всяким попыткам организоваться для поддержки массовых общественных движений. Это можно

часто наблюдать у молодого интеллигента. И еще одно, очень важное: там, где нет информации, возникает и наливается мощью слух. Самый недостоверный, чудовищный, глупый, но он заполняет сосущую пустоту в картине действительности, ту пустоту, которую должна была заполнить информация.

5. В образе мыслей и в образе жизни интеллигенции много такого, что настраивает против нее обывателя и мещанина. Это естественно, это было всегда и будет всегда до тех пор, пока остаются обыватели и мещане, которым непонятно, а значит и враждебно всё, что выходит за пределы примитивных представлений о цели жизни и сущности человека. В отсталых слоях населения бытует миф о тунеядстве интеллигенции (этот миф, как это ни гнусно, поддерживается, бывает, даже молодежной печатью) и о бешеных ее заработках: «У них денег куры не клюют, а у нас на водку не хватает»[1]. Есть еще много людей, воспринимающих слово «интеллигенция» как ругательство, есть еще много любителей поговорить о нигилизме и неустойчивости интеллигенции. И когда такие любители заявляют, что в мире идет беспощадная идеологическая борьба, они словно не желают видеть, что научная интеллигенция — это не проводники враждебной марксизму идеологии, а идеологическая борьба — это не мордобой на ринге. Наша молодая научная молодежь есть огромная созидательная и революционная сила. Фронт идеологической борьбы проходит не по границам, а внутри каждого из нас. Сомнения, критическое отношение, стремление к непрерывному расширению кругозора — это не капитулянтство перед буржуазной культурой, а оружие борьбы за новую коммунистическую культуру, которая впитает в себя всё лучшее, что создано и создается на нашей планете в этой области. Находятся кретины, дошедшие в своей ненависти к интеллигенции до того, что обзывают ее «духовными власовцами»[2]. Находятся «начальнички», которые закрывают

[1] Строки песни В. Высоцкого «Песня завистника» («Мой сосед»).

[2] В. Фирсов. «Я пою о зорях и озерах...»: «Эка! Правдолюбцами рядятся, / На поклон идут к врагам страны. / Власовцы духовные родятся! / Мужики об этом знать должны» (Октябрь (М.).— 1966.— № 6). Прежде ярлык «литературный Власов» адресовался Б. Пастернаку.

выставки. Находятся «серые», которые панически боятся, как бы чего не вышло из стремления молодежи к знанию, к культуре.

Но для каждого, кто верит в неизбежность коммунизма, ясно, что история оставит за бортом всех этих обывателей и воинствующих мещан — уже просто потому, что коммунистическое общество — это общество, состоящее из творцов и исследователей.

Письмо Аркадия брату, 14 февраля 1967, М.— Л.

Здравствуй, дорогой Борис!

Пишу тебе в очень тяжкий для меня день: сегодня, во-первых, бюро, на котором решается судьба Емцева и Парнова, во-вторых, коллоквиум по социальным мотивам в фантастике. Поскольку я имею глупость отвечать и за то, и за другое, чувствую себя не очень.

Только что был в Литфонде по поводу путевок, результат ты уже знаешь из телефонного разговора, который будет у нас с тобой сегодня вечером.

Рад, что наша статья в «Комсомолку» закончилась. Теперь перепечатаю и отнесу, и дело с концом.

В темплане «МолГв» действительно имеет место «ВНМ». Но это, конечно, ошибка. Я писал заявку на 68 год, я тебе говорил об этом, по-моему.

На днях перечитал ГЛ. А знаешь, очень неплохо. Правда, простым глазом видны и просчеты — сюжетные, главным образом, но это будет настоящая вещь, не чета «Спирали времени». Я ее, между прочим, тоже получил и тоже пытался читать и тоже не смог. Бедный старик.

ПНвС по телевидению лучше всего, конечно, запретить. Только я не знаю, как это сделать. Сходи и упрись: скажи, что отказываешься участвовать в их деятельности, если они не снимут это безобразие с экрана. Может быть, так?

Вчера меня вытащили на радиозапись: беседа с молодыми сопляками, Клубом любителей фантастики, это еще альтовские ребятишки. Очень широкий диапазон разговора:

от роли фантастики в литературе до что такое Массачузетская машина и воскреснет ли Горбовский. Все-таки эти вот встречи производят на меня тягостное впечатление. Что-то тут не так и не то. А что именно — не уловлю. Может, это субъективное? Или это в принципе дерьмо?

Предисловие для нашего тома (с Днепровым) в Детгизовской библиотеке пишет Юля Кагарлицкий. А Днепров, между прочим, куда-то пропал. Нина Матвеевна[1] в ярости, том скоро сдавать, а «Глиняного бога» нет. Пропал Толя. Никаких следов. Куда она ни звонит, всюду отвечают: видели, но давно.

Такие у нас новости.

Целую, твой Арк. И не забудь про медсправку!

Привет Адке, поцелуй маму и Р-росшепера.

Письмо Бориса брату, 16 февраля 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Мама подробно изложила свой разговор с тобой. Итак, шестого марта начинается наша 24-дневная путевка в ДТ Голицыно. Правильно я говорю? Должен тебе сказать, что ты велик и могуч и вообще молодец. Передать не могу, как я рад, что всё так устроилось. Поработаем всласть. И все, насколько я понимаю, будут довольны. Когда мне приезжать и что с собою брать, ты сообщишь позже, ближе к отъезду. А вот у меня сейчас есть только одна идея: надо взять с собою туда ГЛ. На всякий случай. Дело в том, что я АБСОЛЮТНО не представляю себе, как мы будем писать ПРОДОЛЖЕНИЕ. В голове — ну ничегошеньки. Так что в крайнем случае помучаемся, помучаемся да и засядем за отделку ГЛ. А?

Почему встречи с читателем производят тягостное впечатление, я, кажется, понимаю. Дело в том, что читателя, особенно молодого, интересует совсем не то, что нас. Он (читатель), как правило, любит ф-ку, а мы ее не терпим. Он в штаны сикает при слове «пришелец», а нам блевать хочется.

[1] Здесь и далее — Беркова Нина Матвеевна, редактор издательства «Детская литература», писательница, критик.

Ему чрезвычайно важно знать с совершенной точностью, что есть фантастика, а для нас это проблема чисто утилитарная. И т. д. Я вот вчера выступал по просьбе Вилинбахова в Университетской биб-ке. Вот там было интересно. Студентов набилось в небольшую комнату человек сто, все активные, веселые, почитатели. Записок — куча. Ужо привезу.

Я провел в школе вундеркиндов анкету альтовскую. Материал получился маленький — всего сорок одна анкета, но небезлюбопытный. Например, выяснилось, что с иностранной ф-кой ребята знакомы в общем лучше, чем с советской, за исключением Ефремова, которого читали 88 процентов опрошенных. А вот нас: 73 %, Варшавского: 63; Мартынова: 46; Немцова: 44. В то время как Лема: 85; Азимова: 76; Брэдбери: 71. Таких авторов как Альтов, Журавлева, Емцев-Парнов и т. д. читали единицы. Потом я вычислил «коэффициент популярности»: отношение числа прочитавших данного автора с особой любовью к общему числу ПРОЧИТАВШИХ. Оказалось, порядок такой: Брэдбери — 72 %; Лем — 71 %; Стругацкие — 67 %; Азимов — 64 %; Варшавский — 58 %; Ефремов — 42 %; Мартынов — 33; ……. Немцов — 17 и Казанцев — 8!!! Интересно, правда? Но, повторяю, материал невелик, а кроме того — это все-таки вундеркинды, ученики 9–10 классов математической спецшколы. Любопытно, что нет ни одного автора, которого кто-нибудь бы не вычеркнул (в знак, как ты помнишь, особой неприязни). Но, скажем, нас, Лема, Брэдбери вычеркнули по единожды, Варшавского дважды, а вот, скажем, Ефремова вычеркнули 26 % читавших; Мартынова и Немцова — 50; Казанцева — 44 %. Активно вычеркивают Гора, Альтова, Журавлеву, но их читало слишком мало народу, чтобы стоило считать проценты.

В таком вот аксепте.

Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночку поцелуй.

Результатом выступления БНа в ЛГУ явилась публикация в «Университетском вестнике».

БНС. Диалог с писателем-фантастом

У каждого из нас есть свой устоявшийся круг любимых авторов, литературных героев. В детстве все мы пережили обязательный этап увлечения Свифтом, Ж. Верном, Беляевым и благополучно доросли до Толстого, Чехова, Драйзера. Для одних фантастика так и осталась лишь добрым детским воспоминанием, а другие на всю жизнь сделались ее верными рыцарями.

И нужно сказать, что сейчас у фантастики огромная, требовательная, очень активная и высококвалифицированная аудитория. Не удивительно поэтому, что желающих попасть на встречу с писателем-фантастом Б. Стругацким, которая прошла в научной библиотеке имени Горького 15 февраля, было больше чем достаточно. В бесконечном потоке записок — вопросы, отличные от тех, которые задают обычно писателям.

— Ваш взгляд на программу в «Чертах будущего» Кларка?

— Что вы можете сказать о его таблице распределения по времени научных достижений и открытий?

— Связана ли научно-фантастическая литература с промышленно-экономическим потенциалом?

— Да, конечно,— *говорит Борис Стругацкий,*— сейчас на первое место выдвигается не столько научно-техническая фантастика и иллюстрация научного прогресса, сколько фантастика социального плана, философская. Ведь и для сюжетов, которые рождаются у фантастов, трамплином всегда служит наша действительность. Когда мы спорим, выявляются самые волнующие направления общественно-политической мысли, и некоторые из них могут быть решены только в перспективе.

Сейчас в фантастике на переднем плане уже не узкотехнические, а социально-психологические, этические, философские проблемы.

Именно эти коренные вопросы, сплетенные в один узел, поднимаются в книгах Стругацких. Авторы внесли в них

углубленный психологизм, внимание к человеческой индивидуальности. Их герои всегда на историческом распутье, перед выбором, в котором проверяются высшие ценности: разум, человечность. Как трудно быть человеком, как важно всегда оставаться им и никогда не выпускать на волю сидящие где-то внутри животные инстинкты!

Не случайно поэтому разговор сам собой перешел рамки научно-фантастического, всё больше касаясь общечеловеческого.

— Что такое современный фашизм?

— По-моему,— *отвечает Стругацкий*,— это воинствующее мещанство. А мещанство есть невежество плюс нежелание узнать. Когда мещанская идеология овладевает массами и постоянно подогревается реваншистской пропагандой, развивается фашизм, первая жертва которого — разум. Вот почему мы считаем научную систему воспитания, построенную на основе социологических исследований, выводов, обобщений, жизненно необходимой.

И все-таки, что такое научная фантастика? Строгого определения этого жанра не существует. Одни считают ее той же научно-популярной или научно-художественной литературой с одной лишь разницей, что речь в ней идет не о сегодняшнем, а о завтрашнем дне науки. Другие вовсе относят ее к детской литературе.

Но как бы то ни было, а всё дальше в прошлое отодвигается юношеская популяризаторско-приключенческая «мушкетерская» фантастика.

Фантастика Брэдбери, Лема, Ефремова, наконец, Стругацких, И. Варшавского, А. Громовой завоевывает всё больше и больше поклонников. В этом — знамение нашего времени.

Кто-то верно сказал, что Стругацкие — моралисты в фантастике. Они исследуют природу добра и зла, рисуют картины будущего и помогают нам иначе, глубже взглянуть на окружающий мир, на собственную душу.

Письмо Аркадия брату, 19 февраля 1967, М.— Л.

Дорогой Боренька!

Всё совершенно точно. 6-го мы будем там. И поработаем. ГЛ, конечно, возьмем, да что ее брать, она у меня на полке стоит. Но все-таки не забывай, что на ПРОДОЛЖЕНИЕ у нас договор. Так что возьми те бумажечки, где мы набрасывали мыслишки, подумаем, напишем кое-что, а там видно будет. Писать-то всё равно надо, куда ты денешься?

Я сейчас читаю новую повесть Громовой на предмет рецензирования. НичегЁ, как ты выражаешься. Идея — контакт между людьми и животными и его историческая неизбежность. Происходит в наше время, партнерами по контакту являются кошки. Должен сказать, что психология кошек обрисована очень хорошо и с любовью. Люди же любовью автора не очень пользуются, да и справедливо, уж больно много среди них сволочей, как показывает автор.

Были мы с Ленкой у Высоцкого, неплохо провели время. Еще я вчера был у поэтессы и переводчицы, моего старого преподавателя Марковой. И ее зять подарил мне великолепный телескоп — 4.5-дюймовый рефлектор с экваториальной установкой, видоискателем и набором окуляров до 250 раз. Отличная игрушка! Ты знаешь, у меня всегда была слабость к таким вещам. Да и вообще это было очень трогательно. Вот он сейчас высится передо мною, красавец, зеркалом вверх, чтобы не пылился, блестящий, косой, мне по подбородок.

Наша статья для «Комсомолки» не вызвала никаких возражений, только просят еще раз встретиться и дополнить живым разговором, поскольку это все-таки идет по разделу «Наши диалоги». На той неделе схожу.

Где-то в конце месяца мне предстоит встретиться с университетскими любителями. Не хочется — надо! А то они ведь анкетами занимаются, так хоть в знак признания их заслуг.

Вот всё пока.

Жму, целую, твой Арк.

Адку поцелуй, а равно и Р-росшепера.

Рецензия АНа на популярнейшую в 60-е годы повесть Громовой сохранилась.

Из архива. АНС. Отзыв на повесть А. Громовой «Мы одной крови — ты и я!»

Новая повесть Ариадны Громовой не раскрывает потрясающие перспективы и сияющие дали, не разоблачает скрытые в грядущем угрозы, не анализирует состояние общества и тенденции, связанные с этим состоянием. Она гораздо более камерного типа, нежели «В круге света», «Глеги», «Поединок с собой». По содержанию она посвящена довольно частному аспекту большой проблемы взаимодействия между человеком и природой, а по сути является выражением страстного и очень личного протеста против жестокости некоторых наших обезьяноподобных современников в отношении «младшей братии», сожителей человека по планете.

У интеллигента — а современный интеллигент может по праву называться цветом и совестью современного общества — возможны разные взгляды на животный мир вообще и на домашних животных в частности. Интеллигент может относиться к животным с любовью и уважением, видеть в них действительно «младших братьев», нуждающихся в сочувствии, помощи, защите, заботе и т. д. Интеллигент может относиться к ним утилитарно, т. е. видеть в них «вещи», отданные человеку в пожизненное и бесконтрольное пользование в силу интеллектуального превосходства. Но каких бы взглядов ни придерживался интеллигент, он всегда будет гневно опровергать «право» человека на жестокость и тиранию в отношении животных — либо из любви к животным, либо из чувства социальной защиты, ибо, как правильно отмечает Громова, жестокость к животным есть верная дорога к оскотинению, к моральной деградации, к деинтеллектуализации.

Герой повести любит животных самозабвенно, преданно и нежно. Любовь, как известно, творит чудеса. У героя она выявляет гипнотические или парапсихологические свойства,

которые позволяют ему вступить в эмоциональный, а в некоторых случаях и в конкретно-информационный контакт с животными. В этой части повесть написана живо, увлекательно, художественно достоверно. Далее, однако, герой начинает пытаться осмыслить всё происшедшее. И вот здесь у Громовой кончается художественная литература и начинается публицистика. Диалоги героя с единомышленниками и противниками, рассуждения героя, внутренние монологи героя являются по сути изложением некоей продуманной и хорошо аргументированной позиции автора, причем изложение это частенько сбивается на общие места, банальности, и только неизгладимая эмоциональная печать — страстная любовь и ненависть, которыми проникнуты эти строки,— дает возможность прочитать эту часть повести до конца.

Впрочем, нельзя быть уверенным в том, что и эта часть не будет интересна и полезна юному читателю. К сожалению, пропаганда доброты к животным у нас очень не на высоте, а в художественной литературе она сводится, как правило, к сюсюканью и назиданиям. Настоящий человеческий гнев редко, очень редко звучит в связи с этим вопросом, и потому не представляется возможным настаивать на том, чтобы Громова убрала публицистику из своей повести. Но поработать над публицистической частью все-таки, вероятно, стоит.

Есть смысл и пересмотреть кое-что в образе героя. Любовь и сострадание к животным только патологически может сочетаться со злобной неприязнью к пищащим больным человеческим детенышам. Доброта к слабости — это везде доброта к слабости, поэтому как-то следует выправить отношение героя к семье своей сестры, да и вообще хорошо бы привести в равновесие восторженно-умиленный стиль, принятый автором при разговоре о котах, с насмешливо-отчужденным отношением к детям. Детям тоже живется нелегко в мире эгоизма и жестокости, автор отлично это понимает, раз уж показывает страшное семейство Пестряковых, но показать это художественно он (она) не удосужился.

А в общем повесть удалась. И вполне заслуживает опубликования.

Получают Авторы и письма из региональных издательств.

Из архива.
Письмо БНу из издательства «Ээсти раамат»

Уважаемые тов. Стругацкие!

Издательство «Ээсти Раамат» намерено издать на эстонском языке Ваши повести «Возвращение» и «Трудно быть богом». Книга намечена к изданию в серии «Юность и мир». Книги этой серии имеют краткое предисловие и краткую биографию автора, его фото (фронтиспис).

Поэтому обращаемся к Вам с большой просьбой выслать нам краткое предисловие, Ваши биографии и фотокарточки. Рукопись уже переведена на эстонский язык и редактируется. Мы бы хотели ее в мае с. г. сдать в производство, так что просим выслать нам вышеуказанное к 20.IV 1967 г.

Просим сообщить, согласны ли Вы выполнить нашу просьбу.

С уважением

Зав. редакцией детской и юношеской литературы Калинина.

Издание на эстонском вышло в следующем году и включало В, ДР и предисловие Авторов, датированное 17 марта 1967 года.

Письмо Бориса брату, 23 февраля 1967, Л.— М.

Дорогой Арк!

Вчера я ходил в нашу клинику и взял там соответствующую справку. Так что всё ОК. Напиши: а) Сколько брать с собой денег, б) Когда выезжать и с каким расчетом.

Новостей нет. Усиленно муссируется слух о разделении нашей секции, говорят — уже было заседание секретариата по этому поводу. Но на бюро секции все делают вид, что ничего не знают и с умными речами утверждают план работы до мая. Впрочем, возможно, до мая действительно ничего не переменится.

Прочел первый нумер Инлит-ры. НичегЁ. Публицистика подобрана неплохо, но все эти румыны и болгары совершенно портят впечатление. А этот фантастический юмор!..

В Лавку Писателей прибыло 40 экз «Избранного» Булгакова. Имело место заседание специальной распределительной комиссии. Выделили томик и мне, чем я очень горжусь. А еще купил я Гуляшки «Аввакум Захов против номера 07»[1] — ну и г…! Господи, набрел ведь человек на хорошую идею, но ведь слабак же, г…к, все испортил, бестолочь славянская.

Да, брат, нет новостей, и всё тут. И слава богу, впрочем. К чему нам новости? Вот слышал я из довольно достоверного источника, что, оказывается, Каменева, Бухарина, Рыкова, Зиновьева и пр. (всех, кроме Троцкого) давно уже реабилитировали, только не объявляют это во всеуслышание и знают это только соответствующие организации, родственники и их знакомые.

Неужели статья в Комсомолке пойдет без существенных изменений? Не верится что-то. Во всяком случае очень прошу: пришли окончательный текст мне для ознакомления. Дело серьезное, надо быть очень точными, если, действительно, они хотят печатать.

Что слышно насчет ВНМ? Февраль ведь кончается. Задрипанный журнальчик, а выходит с форсом, что твой «Новый мир». Если будет возможность, и если ВНМ напечатают, раздобудь по возможности несколько экзов — многие просят.

Ну вот и всё. Крепко жму ногу.

Твой [подпись]

P. S. А гонорарий нам за Инлит-ру полагается?

Ленке привет!

В первом номере журнала «Иностранная литература» публикуется подборка высказываний фантастов мира на тему «Почему я стал фантастом». На этот вопрос отвечают и АБС. Отрывок из этой статьи позже приводится в «Московском комсомольце» (16 февраля) и в «Комсомольце Татарии» (21 июня).

[1] Гуляшки А. Аввакум Захов против 07.— М.: Прогресс, 1967.

АБС. Почему я стал фантастом

По-видимому, каждый литератор старается передать читателям свои мысли и чувства по поводу интересующей его проблемы так, чтобы читатели не только восприняли эти проблемы как важные и насущные, но и заразились бы интересом автора. По нашему мнению, каждое конкретное произведение литературы и искусства непременно имеет две стороны: рациональную и эмоциональную. Потребитель духовной пищи (читатель, зритель, слушатель) должен воспринять обе стороны, иначе нельзя сказать, что автор выполнил свою задачу. Фантастика, если рассматривать лучшие ее образцы, обладает особой способностью заставить читателя и думать и чувствовать.

Как литература рациональная, фантастика успешно вводит думающего читателя в круг самых общих, самых современных, самых глубоких проблем, сплошь и рядом таких, которые выпадают из поля зрения иных видов художественной литературы: место человека во вселенной, сущность и возможности разума, социальные и биологические перспективы человечества и так далее. В наше время задача литературы, как нам кажется, состоит не только в исследовании типичного человека в типичной обстановке. Литература должна пытаться исследовать типичные общества, то есть практически — рассматривать всё многообразие связей между людьми, коллективами и созданной ими второй природой. Современный мир настолько сложен, связей так много и они так запутаны, что эту свою задачу литература может решать только путем неких социологических обобщений, построением социологических моделей, по необходимости упрощенных, но сохраняющих характернейшие тенденции и закономерности. Разумеется, важнейшими элементами этих моделей продолжают оставаться типичные люди, но действующие в обстоятельствах, типизированных не по линии конкретностей, а по линии тенденций. (Так, в «Машине времени» Уэллс типизирует современный ему капиталистический мир не по линии конкретностей, как это делали Золя,

Горький, Драйзер, но по линии присущих тому времени главных тенденций капитализма.)

Как литература эмоциональная, фантастика обладает свойством с максимальной силой воздействовать на воображение читателя. Прием введения фантастического элемента, даже если фантастическое произведение трактует классическую литературную проблему, обостряет и концентрирует эмоции автора, а значит, и читателя. Фантастический элемент служит неким катализатором, в присутствии которого реакция читателя на читаемое протекает особенно бурно. (Так, в романе «Человек-невидимка» Уэллс концентрирует ненависть и презрение к буржуазному мещанству с такой силой, как ему, на наш взгляд, никогда не удавалось больше в его антимещанских реалистических произведениях.)

Глубина и широта мысли, обостренная эмоциональность — эти свойства фантастики, будучи осознаны, привлекали крупнейших писателей на протяжении всей истории литературы. Эти же свойства в меру своих сил и способностей стараемся использовать в своем творчестве и мы.

В этом же номере «Иностранной литературы» публикуется беседа с Кобо Абэ с комментариями АБС, критические статьи Брандиса с Дмитревским и Кагарлицкого, в которых творчество АБС оценивается положительно.

Письмо Аркадия брату, 27 февраля 1967, М.— Л.

Дорогой Боб!

Отчаялся я соревноваться с тобой в размерах листка, очень уж неудобно печатать на маленьком. Пусть будет на большом.

Денег с собой брать, на мой взгляд, не надо: путевка стоит 90 р., тебе положено получить в Ин. Л-ре 70 р. Да еще сколько-то мы получим за «Сов. экран». А там еще что-нибудь набежит.

Приезжай когда хочешь. Если тебе не улыбается провести денек у нас, то можешь приехать утром (Стрелой) 6-го,

мы позавтракаем, захватим машинку и поедем, не спеша, в Голицыно: это минут тридцать пять от Филей, до которых десять минут на метро, до которого пять минут на троллейбусе, до которого две минуты ходу пешком от нашего дома. Сколько идти в Голицыне до ДТ — я пока не знаю.

Путевки на руках, там указаны комнаты. Вернее, до 11-го мы будем жить в одной большой, а 11-го разъедемся, один из нас переедет в другую комнату. Я полагаю, это хорошо и достаточно. Работать там, говорят, можно со смаком. Только бильярда не будет. И кино тоже.

Со статьей в «Комсомолке» еще не все решено. Три дня назад я там был еще раз, беседовали два часа, они будут на основе стенограммы дополнять и развивать, а потом дадут нам для проходки рукой мастера. Это будет, видимо, в твое присутствие в Голицыне.

О ВНМ ни слуху ни духу. Я уже давно послал письмо с просьбой выслать за наш счет десять-пятнадцать экзов. Но — пока ничего. Я уж боюсь, не пустили ли номер под нож.

Дома у нас хреново. Ошанин лежит на грани инфаркта, а местные гиганты опять закрывают большой словарь. Рериха они уже таким образом вогнали в гроб — объявили ему, что печатать его тибетско-русский словарь отказываются, он и умер от разрыва сердца. Теперь вот и Ошанин под угрозой[1].

Вот всё. Жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Поцелуй маму.

За время разлуки творческого дуэта БН записывает в рабочий дневник идею, которую нужно обсудить с братом при встрече: «Кто-то, скажем Виктор, частенько вместо «я» говорит «народ». Мне это не нужно = народу это не нужно. Мне это не нравится = народу это не нравится». По имени «Виктор» можно предположить, что эта лицемерная фраза, столь любимая советским официозом, тем же Хрущевым, планировалась для доделки ГЛ, но Авторы всё же

[1] «Большой китайско-русский словарь» в 4-х томах, составленный И. Ошаниным, вышел лишь после его смерти в 1983 году.

использовали ее в сатирической СОТ. В первом случае, сказанное Баневым, это звучало бы лишь иронически, тогда как в устах Вунюкова — уже вполне адекватно его образу профессионального аппаратчика.

И вот снова встреча. На этот раз — в Голицыне. АБС сначала планируют, а затем сразу пишут (редкость в творческой работе АБС, ибо обычно между этими двумя действами присутствовал немаленький перерыв) СОТ, по принятой позднее нумерации, «нулевой» вариант повести[1].

Рабочий дневник АБС

6.03.1967
12–30 прибыли в Голицыно.

Истоки бюрократии:
недоверие к людям (роль прецедента);
необходимость учета.

Московск. обл. Одинцовский р-н, пос. Голицыно,
Коммунистический пр. 26
(тел. 29 междуг<ородный>)

Бесплодно думали. Читали РК[2].

7.03.1967
Солнце.

— Я в прессе читал: если бы пришельцы были, они бы давно дали о себе знать…

— Но я же еще до нашей эры…

— Это вы бросьте. Если вы пришелец, извольте дать о себе знать. А до тех пор вы для меня не пришелец, а тунеядец. Работать надо! Вот вы — мужик здоровый, четыре руки. На заводе маготехники требуются: столяры, револьверщики, разнорабочие.

Председатель комиссии Вунюков Лавр Федотович.

[1] Опубликован в НС-2.

[2] «Раковый корпус» А. Солженицына. БНС: «Дали нам его на одну ночь».

Для ГЛ: в разговоре с вундеркиндами: настоящий писатель не может не писать. А графоманы? И что значит — не мочь не писать?

О коммунизме: коммунист — тот, кто овладел всеми сокровищами культуры[1].

1) Панург — появляется и исчезает, резонер.

2) Нарушение пространственности:

клоп развалился в кресле;

спрут тяпнул бутылку коньяка.

3) Нарушение причинно-следственных связей: упал стакан, поднял цветок.

4) Игра: просвечивание одной игры сквозь другую и неожиданные выходы из игры. Придумать термин для игры: выражение — «вы опять играете не то, это из другой оперы».

5) Несколько очень умных монологов:

а) доказательство неизбежности бунтующих машин;

б) что такое факт;

в) что такое свобода с точки зрения разных лиц и ее отношение к демократии;

г) о разуме: что есть разум, доказательно ли, что у насекомых нет разума. Это хвастает клоп;

д) о любви.

«К вопросу о циклотации» — случай с Саней Приваловым.

Клоп и Спирька — ругаются, взаимно обвиняют друг друга в людоедстве. Иногда Клоп впадает в паранойю: бьет себя в грудь и кричит: ну, паразит я, ну паразит, ну а что мне делать? Что?

Возбуждаясь, Клоп испускал неприятный для непьющего Федора запах дорогого коньяка «Курвуазье».

Снежный человек, играющий на клавесине.

Вунюков всё время вспоминает: когда я занимал пост заведующего…

---

[1] Вероятна отсылка к «Задачам союзов молодежи» В. Ленина: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Генерал: по машинам! Пики перед себя! Заводи! Арш-арш!

Одинокий застенчивый птеродактиль, которого за сенсацию не признали. Летает по сторонам, его зовут, он трясет головой, покрывается пятнами и убегает.

Пришелец — пилот с летающего блюдца под защитным колпаком. Не может починить — инструменты не проносятся. Даже обедать нельзя, сам пройду, а пища снаружи остается.

Представитель Китежграда сдает сенсации, комиссия — принимает.

Акт о приеме-сдаче.

Спрут Спирька приехал как посол заключать союз с людьми для истребления кашалотов и китов.

Клоп отвернулся, чтобы скрыть выступившие слезы. Мы обнялись.

8.03.67

Солнце. +5°

Начертан план Китежграда (прилагается).

Составлен 1-й план повести. 18 пунктов. Из них 5, 9, 13, 17 — Кодло обедает.

Составлен подробный план 1-го пункта. Имя резонера — Панург.

9.03.67

Ездили в Москву, были у Манина.

Составили план пролога.

10.03.67

Написали пролог. 6 стр.

11.03.67

Комиссия-тройка (ТПРУНЯ[с]) Тройка по рационализации и утилизации необъясненных явлений (сенсаций).

Председатель Вунюков Лавр Федотович.

Члены:

полковник мотокавалерии б/и[1];

пищевик-хозяйственник Рудольф Архипович Хлебоедов;

процедурщик Фарфуркис;

научн. консультант и секретарь Саша Привалов.

[1] Без имени.

Представитель горисполкома, комендант колонии тов. Зубо Иннокентий Филиппович.

Сделано 9 стр. До стр. 15.

12.03.67

Сделано 11 стр. До стр. 26.

13.03.67

Сделали 11 стр. (37).

14.03.67

Сделали 3 стр. (40). Едем в Москву править верстку «В» и заседать.

15.03.67

Сделали 7 стр. (47).

[обведено рамочкой:] НОВЫЙ АПОКАЛИПСИС

Верстка «Полдень, 22-й век».

16.03.67

Сделали 10 стр. (57). Арк едет в Москву.

17.03.67

Сделали 8 стр. (65). Письмо в Эстонию.

18.03.67

Сделали 10 стр. (75).

19.03.67

Сделали 10 стр. (85).

20.03.67

Сделали 10 стр. (95).

21.03.67

Сделали 8 стр. (103) Едем в Москву совещаться насчет конференции.

22.03.67

Сделали 8 стр. (111).

23.03.67

Сделали 8 стр. (119) Первые приступы усталости.

24.03.67

Сделали 5 стр. (124) Устали очень. Арк едет в Москву.

25.03.67

Сделали 8 стр. и ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 132 СТР.

Устали до опупения. Последние страницы брали штурмом — не кровью — сукровицей!

26.03.67–31.03.67

За это время:

1. Уехали из Голицына.

2. Написали ответ на статью в «Изв»[1], послали в 5 инстанций.

3. Совещались насчет конфер<ен>ции.

4. Встречались с социологами.

5. Были в КомсПр.

За время работы Авторов оживляется периодика. И если в статьях Анатолия Бритикова («Начало галактического братства».— «Детская литература», № 3) или Михаила Анчарова («О фантастике по-земному».— «Советский экран», № 5) АБС упоминаются в положительном контексте, то Юрий Котляр в «Октябре» продолжает вколачивать идеологические гвозди в творчество АБС.

Из: Котляр Ю. Мир мечты и фантазии

<…>

Книга Аркадия и Бориса Стругацких «Далекая Радуга» включает две повести — «Далекую Радугу» и «Трудно быть богом». Обратимся к первой. Эта повесть привлекает напряженностью сюжета, в ней есть ряд ярко выписанных образов, она пользуется известной популярностью среди молодежи.

На планете Далекая Радуга физики заняты важным экспериментом по мгновенной переброске людей через космические пространства («нуль-транспортировка»). Работа близилась к завершению, но физики просчитались, и возникла некая всесжигающая «Волна». Несколько часов — и всё живое будет сметено, а на планете всего лишь один небольшой звездолет, способный эвакуировать незначительную часть населения.

У наблюдательного читателя сразу же возникает недоумение. Один звездолет… А, собственно, почему? Ведь

[1] Гурский О., инструктор Октябрьского райкома КПСС; Воронков Д., инженер-экономист Министерства тяжелого энергетического и транспортного машиностроения; Михеев Э., инженер. Издание с перекосом // Известия (М.).— 1967.— 22 марта (московский вечерний выпуск — 21 марта). В «письме читателей» критиковался состав и уровень вышедших десяти томов БСФ и рекомендовалось «посвятить оставшиеся пять томов «Библиотеки» в основном лучшим произведениям советских фантастов и писателей других социалистических стран».

повествуется о далеком будущем, неужто наши высокоинтеллектуальные потомки окажутся столь беспечными и непредусмотрительными? Что-то сомнительно… Именно один (а не больше) звездолет понадобился авторам для того, чтобы искусственно создать безвыходную ситуацию: кого спасать — взрослых ученых мужей или детей? Что, мол, важней — сотни детских жизней или скачок науки в одной из ее отраслей лет на сто вперед?

И вот рассуждения Ламондуа, крупного ученого, фактического руководителя исследовательской работы на Далекой Радуге: «Но существует объективный закон, движущий человеческое общество. Он не зависит от наших эмоций. И он гласит: человечество должно познавать. Это самое главное для нас — борьба знания против незнания. И, если мы хотим, чтобы наши действия не казались нелепыми в свете этого закона, мы должны следовать ему, даже если нам приходится для этого отступать от некоторых врожденных или заданных нам воспитанием идей. — Ламондуа помолчал и расстегнул воротник рубашки».

Право же, расстегнутый ворот, символизирующий волнение Ламондуа, не делает его антигуманные доводы убедительней. Что касается «объективного закона», провозглашающего борьбу знания против незнания основой основ человеческого существования, то авторы здесь не совершили открытия. Технократические идеи, которыми пытаются подменить социальные, очень распространены на Западе. Они не новинка для нас и давно отвергнуты марксизмом как противоречащие диалектике развития человеческого общества.

К чему же приходит Ламондуа?

«Очень хочется жить, — сказал вдруг Ламондуа. — И дети… У меня их двое, мальчик и девочка; они там, в парке… Не знаю. Решайте.

Он опустил мегафон и остался стоять перед толпой весь обмякший, постаревший и жалкий».

Вот в это верится! Человек, в минуту смертельной опасности дрожащий за жизнь детей, иначе выглядеть и не может. Затянувшуюся дискуссию ученых о том, кого же спасать,

прекращает капитан звездолета, сообщивший, что спорить не о чем: дети уже на корабле. В неприглядном же свете выставили ученых будущего наши авторы!

Теперь о самой «проблеме». Имеем ли мы основания причислять такую «проблему» к числу коренных проблем нашей эпохи? Да никаких! Этот вопрос решен человечеством давно, и независимо от общественного строя решен однозначно: при аварии прежде всего спасать женщин и детей. Против этого гуманного принципа возражений не встречалось даже в капиталистическом обществе, однако в коммунистическом будущем Стругацких он берется под сомнение по мотивам откровенного рационализма.

Вообще при чтении повести возникает ощущение, что имеешь дело не столько с далеким будущим человечества, сколько с прошлым и дурным настоящим. Вот образчик лирического диалога.

« — Можешь смеяться, сколько угодно. Я и без тебя знаю, что у меня сейчас жалкий вид… Мне хочется сунуть голову тебе под мышку и вертеть хвостом. И чтобы ты похлопала меня по спине и сказала: «Фу, глупый, фу!»

— Фу, глупый, фу… — сказала Таня.

— А по спине?

— А по спине потом. И голову под мышку потом.

— Хорошо, потом. А сейчас? Хочешь я сделаю себе ошейник? Или намордник…

— Не надо намордник, — сказала Таня. — Зачем ты мне в наморднике?

— А зачем я тебе без намордника?

— Без намордника ты мне нравишься.

— Слуховая галлюцинация, — сказал Роберт, — чем это я могу тебе нравиться?

— У тебя ноги красивые».

Не подумайте, что это лирический диалог стиляг будущего. Нет, так в любви изъясняются покорители космоса, высококвалифицированные специалисты.

Вызывает недоумение и, так сказать, морально-производственный облик героев «Далекой Радуги». Было время,

когда ввиду бедности, нехватки и недостатков наши хозяйственники, изворачиваясь как умели, доставали стройматериалы, нужное сырье и т. д. как и где могли, лишь бы выполнить свои обязательства и планы. Немалую роль тут играл и трудовой накал, и нетерпение, и боевой задор пятилеток, когда казалось, что коммунизм наступит завтра и нечего считаться с формальностями. Сейчас такие приемы снабжения уже отживают не только потому, что в них отпадает необходимость, но и в силу возросшей сознательности и организованности советских людей. Никакому руководителю советской экспедиции и в голову не придет подозревать своих подчиненных в хищении, скажем, энергии передвижной электростанции, когда горючего в обрез. Зато у Стругацких такое поведение героев чуть ли не норма и даже своеобразная доблесть, якобы характеризующая самозабвенную увлеченность порученным делом.

« — Полчаса назад Симеон Галкин и Александра Постышева тайно подключились к зональной энергостанции и взяли всю энергию на двое суток вперед. — По лицу Конэко прошла судорога. — Машина рассчитана на честных людей… Они замаскировали подключение в густом кустарнике за оврагом, а поперек тропинки натянули проволоку. Они прекрасно знали, что я должен был бежать, чтобы предотвратить огромную утечку… — Он вдруг замолчал и принялся нервно вытаскивать репьи из волос».

Или: « — Слушайте, Горбовский, мы ничем не рискуем. Эти корабли мне отлично знакомы. Я сам летел сюда на десантнике. Мы проберемся в склад, возьмем по ульмотрону и запремся в кают-компании. Когда все это кончится, — он небрежным жестом указал на машины (стоявшие вокруг в ожидании дефицитных ульмотронов.— *Ю. К.*), — мы спокойно выйдем».

Непонятно, почему люди будущего в поступках и взаимоотношениях руководствуются у Стругацких архаическими нормами, уже отметенными нашей жизнью? Невольно создается впечатление, что их внутренний мир мало отличим от духовного мира иных наших сограждан 20–30-х годов.

Эта статичная проекция нехарактерных типажей недавнего прошлого в далекое коммунистическое будущее не только приходит в противоречие с нашим видением этого будущего, но прежде всего жестоко вредит самой повести, лишая ее достоверности подлинно художественного произведения и обращая в гротеск.

А теперь о повести «Трудно быть богом».

Где-то во Вселенной, на далекой планете, трудятся работники земного Института экспериментальной истории. Они посланы Землей для проверки и уточнения некой «базисной теории», разработанной в этом институте, взяв для эксперимента инопланетную феодальную империю Арканар. Заодно по мере сил они выполняют и просветительную миссию, но, между прочим, тайно: открытое вмешательство в жизнь Арканара им строжайше воспрещено. Поэтому все земляне приняли личины местных купцов, судей, аристократов и т. д. Однако повесть посвящена отнюдь не мифической «базисной теории», а двум проблемам, видимо, тоже причисленным к «коренным проблемам» нашей эпохи. Речь идет о допустимости вмешательства в ход истории и так называемом «понимании — непонимании», то есть возможности достижения понимания между представителями несходных общественных формаций, стоящих на различных ступенях развития.

Вытекает ли такая постановка вопроса из нашей земной действительности? Да, на Земле немало еще отсталых стран, есть даже народности, живущие чуть ли не в каменном веке, но у них перед глазами пример более развитых стран, и особенно социалистических. Совершенно ясно, что отсталые народы не живут, а доживают в каменном веке. Также и феодализм, где он уцелел, дотягивает последние дни. Иная картина в Арканаре: там феодализм, и ничего больше, пример взять не с кого и помощи ждать не от кого. Как же, в изображении Стругацких, относятся к этому косному и невежественному обществу посланцы земной коммунистической цивилизации, по своим возможностям боги? А вот как:

«Румата (земной историк Антон. — *Ю. К.*) отступил от окна и прошелся по гостиной. Это безнадежно, подумал он.

Никаких сил не хватит, чтобы вырвать их (рядовых арканарцев. — *Ю. К.*) из привычного круга забот и представлений. Можно дать им все. Можно поселить их в самых современных спектро-гласовых домах и научить их ионным процедурам — и всё равно по вечерам они будут собираться на кухне, резаться в карты и ржать над соседом, которого лупит жена. И не будет для них лучшего времяпрепровождения… Рэба (арканарский временщик.— *Ю. К.*) — чушь и мелочь в сравнении с громадой традиций, правил стадности, освященных веками, незыблемых, проверенных, доступных любому тупице из тупиц, освобождающих от необходимости думать и интересоваться».

Не слишком уважительно отзываются Стругацкие устами своих героев о людях, еще не достигших высот культуры. Иначе подходил к этому вопросу, скажем, Арсеньев, видевший в гольдах («Дерсу Узала») не стадные инстинкты, а прежде всего человечность. Правда, для этого нужно уметь видеть.

Своеобразен взгляд авторов и на законы общественного развития, четко выраженный в диалоге между тем же Руматой и арканарским мудрецом доктором Будахом.

« — Сделай так, — просит Будах, — чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни!

— Я мог бы сделать и это, — ответствует Румата. — Но стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли подменять одно человечество другим? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?»

Итак, в повести опровергается возможность вмешательства в ход истории. <…>

Утверждение статичной неизменности законов общественного развития никак не вытекает из философии марксизма-ленинизма, не подтверждается оно и практикой социалистических преобразований. В специфических условиях той или иной страны эти законы могут варьироваться в деталях, сохраняя суть. Неизменным остается лишь стремление

человечества по пути социального прогресса: от менее совершенных и менее справедливых общественных формаций к более совершенным и более справедливым, с неизбежным переходом к коммунистическому строю.

Надуманные «концепции» Стругацких, легко опровергаемые социологом, могут бросить тень на самоотверженную помощь нашего государства освободительным движениям в малоразвитых и колониальных странах.

Сомнительной выглядит и более чем скромная помощь землян арканарцам. Там, где они на нее всё же решаются, она настолько незначительна, что не оказывает ни малейшего влияния на ход событий в Арканаре. Земляне, по сути, занимают позицию сторонних наблюдателей. Именно при них воцаряется странный арканарский фашизм.

Поверим авторам, что землянам из «высших» соображений категорически запрещено активное вмешательство, особенно вооруженное, но помогать-то можно не только оружием. Миклухо-Маклай тоже выглядел богом в глазах наивных папуасов. Но это был «бог» не безучастный и надменный, а добрый и человечный. Он лечил, учил, помогал советом и живым примером.

Ничего общего с реальным не имеет арканарский фашизм, «смоделированный» Стругацкими и совершенно произвольно втиснутый в феодальное общество. Фашизм известен нам как наиболее варварское проявление современного капитализма на его империалистической стадии. Правомерен ли творческий прием совмещения разных социальных закономерностей воедино? <…>

Как видим, основная идея повести, ее содержание, мотивировка поведения и действий героев искусственны и надуманны. В этом ее основной идейно-художественный просчет.

<…>

Повесть «Хищные вещи века» — как бы своеобразный апофеоз и логическое завершение их «философских» поисков. Снова «модель»: «Мы построили модель Страны Дураков. Эта страна условная, как условен и сам гротеск,— пишут авторы в своем предисловии.— Мы не ставили перед

собой задачи показать капиталистическое государство с его полюсами богатства и нищеты, с его неизбежной классовой борьбой… Поэтому мы ограничимся одним, но, на наш взгляд, очень важным аспектом: духовная смерть, которую несет человеку буржуазная идеология».

Авторское предупреждение вызывает законное недоумение: как же можно исследовать общественное явление в отрыве от сущности строя, его породившего? Против таких беспочвенных исследований справедливо предостерегал еще К. Маркс…

Итак, согласно авторскому предисловию, в Стране Дураков господствует неокапиталистический строй, то есть всё же капиталистический. <…>

Стало быть, в Стране Дураков распределение благ происходит по потребности, но ведь это непременный принцип коммунистического общества, а не капиталистического, даже если оно «нео»! Распределение по потребности противоречит самой классовой сущности капитализма, заключающейся в имущественном и правовом неравенстве. Значит, содержание повести находится в резком противоречии даже с авторским замыслом, оговоренным в предисловии.

Идейный замысел повести вращается вокруг «хищной сущности» вещей, проявляющейся якобы при их изобилии и общедоступности. Но жизнь свидетельствует, что «хищная сущность» вещей проявляется лишь там, где одни обладают ими в избытке, а у других их не хватает, там, где одним «вещи» достаются без труда, а большинству — потом и кровью. То есть «хищная сущность» вещей сопутствует органическому неравенству, характерному для капитализма, но в капиталистической Стране Дураков, изображенной в повести, таковое не показано, следовательно, там не должно было быть и «хищной сути» вещей.

Жители Страны Дураков почти сплошь инфантильные мещане, предающиеся неумеренным чувственным наслаждениям самого грубого свойства и различным порокам. Причиной, по мнению авторов, является опять-таки изобилие! Вот после таких «философских повестей» и доказывай

молодежи необходимость борьбы за изобилие как одного из существенных признаков коммунизма!

В повести упомянуто военное разоружение — похоже на то, что произведено также и идеологическое, ибо о коммунистическом мире упоминается лишь вскользь, хотя герой Иван Жилин приехал как раз из этого мира. Зачем, кстати, он прибыл? Оказывается, в качестве агента какого-то Совета Безопасности на поиски зловредного наркотика под названием «слег». Поисками слега и ограничивается вся борьба за счастье человечества, показанная в повести. На классовую борьбу, неотделимую от капитализма, увы, нет и намека.

«Страна Дураков» оставляет впечатление не законченного художественного произведения, а предварительных набросков, авторской заготовки, над которой еще работать и работать. Пока же нельзя избежать заслуженных упреков и кривотолков, как нельзя авторам обижаться на тех, кто видит в «Стране Дураков» обидную карикатуру на наше близкое будущее.

<…>

Письмо Бориса брату, 4 апреля 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Путевки можно брать. Лучше всего таким образом, чтобы выехать обратно за неделю, примерно, до конца августа. Действуй, и да поможет те бог!

2. Общался я здесь по телефону с Мееровым, и звонил мне Дмитревский. Пока всё, вроде бы, благополучно. Только <…> Дмитревский чего-то такого наслышался в Москве и стал ужасным поборником описаний светлого будущего. Он и раньше этим страдал, а теперь прямо-таки свихнулся — твердит как попугай об основном направлении советской фантастики. В Москве <он> выскочил на совещании о темплане изд-ва «Мир» на иностранных языках и стал протестовать против того, чтобы Стругацких позднего периода переводили на иностранные языки. Пусть, мол, советская ф-ка предстанет перед зарубежными читателями не самыми

литературно сильными, а самыми идейными произведениями: «Возвращение» там, ну и… «Полдень XXII век», конечно… Я сделал ему по телефону мягкое, но решительное внушение. Он был смущен чрезвычайно, но потом ничего — оправился.

3. Был у Ильи[1]. Старик понемногу оклемывается. Распили с ним большую бутыль сухого и выкурили массу сигарет. Показал мне последний ленинградский сборник. Неплохая подборка, по-моему.

4. Дома лазарет. Жуткое дело!

5. Был у мамы. Она чувствует себя неплохо, очень зовет нас к себе, работать. Ужо.

6. Перечитал ГЛ. Неплохая штука. Огромные возможности. Многое надо еще доделывать и не всегда ясно, что. В общем, придется попотеть. Я даже рад, что на очереди не ГЛ, а ГС.

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет!

Отпиши, как дела по всем пунктам.

Письмо Аркадия брату, 6 апреля 1967, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Новостей никаких. Был в МолГв, там все бодрые, ожесточенно обсуждают, что дать в БСФ именного из советской фантастики. Бела сказала, что Осипов (!) им патетически указал по поводу заметки в «Известиях»: если вы отступитесь от своих принципов из-за этого, позор вам! Разумеется, сам бы он на это не решился, это чья-то подсказка сверху, видимо, разозлились на «Известия» и требуют гнуть прежнюю линию.

2. Звонил этот хмырь, который написал сценарий по «ПНвС». Я ему сказал, чтобы прислал он сценарий по почте, а потом я прочитаю и встречусь с ним.

3. Ляпунов передал мне наше итальянское издание. Изящный томик, в нем тщательно (даже стихи про суперлингуиста струттурале) переведенная ПкБ. Называется «Фуга нель

[1] Варшавский Илья Иосифович, писатель.

футуро», 178 страниц. Одно огорчительно, приплетена еще ни к селу ни к городу «Пурпурная мумия» Днепрова. Всё вместе стоит 350 лир, имеет место предисловие, где сказано, что очень изящный сюжет, а больше я ничего не понял.

4. Вчера были у Димки[1] с Ленкой, Таней[2] и Севкой. Было славно. Ни о чем особенно не говорили, возник только спор о том, что есть историческая необходимость, в результате которого Ленка заснула, а Севка задремал. Севка предложил собраться впятером-вшестером и написать за недельку комический приключенческий сценарий. Студию и режиссера берется обеспечить.

5. Всенепременно достань и вышли сюда пять экзов нового ленинградского сборника. Очень важно!!!

6. В «Мире» вышла на испанском языке «Далекая Радуга». <…>

7. Насчет путевок начну бороться. Разобью собачьи головы[3].

8. Занялся всерьез переводом «Почти человека» Абэ. Трудный автор.

9. Всё. Поцелуй Адку и Росшепера, привет родственникам.

Жму, целую, твой Арк. Маме тоже сейчас напишу.

Письмо Бориса брату, 9 апреля 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Виноват, долго не отвечал и вот почему. Принесла какая-то <…> анкеты от Ядова. Я спрашиваю: это все? Да, говорит. Ну ладно. Разворачиваю сверток — мать твою за ногу! Из 250 анкет Левина — 99, из 100 анкет Альтова — ни одной! Я — звонить Ядову, а тот уже отбыл в командировку. Ну что тут будешь сделать? Сел я и с досады обработал эти жалкие огрызки. Ни рабочих обещанных, ни крестьян. Эх, социологи, мать вашу так. В общем, возился с анкетами два дня. Результат тебе пересылаю. В таблице первый столбик — число

[1] Здесь и далее — Биленкин Дмитрий Александрович, писатель, критик, журналист.

[2] Здесь и далее — Чеховская Татьяна Петровна, журналист, редактор, супруга Ревича.

[3] Выражение времен китайской культурной революции, частое на плакатах-дацзыбао.

ЧИТАВШИХ, второй — число «плюсов», третий — число «минусов», четвертый — коэффициент Альтова. Поскольку т. Яковлева[1] прочло у нас 6 человек, можно было бы спокойно вычеркнуть из таблицы всех, у кого число читавших меньше 12, но я привожу данные чисто формально. Обрати внимание: Стругацкие набрали в среднем 76 баллов, Брэдбери — 75, Лем — 69, Ефремов — всего 64. Между тем, среди любимых авторов (есть в московской анкете такой вопрос) на первом месте с громадным отрывом — Лем, а Стругацкие, Брэдбери и Ефремов в одной куче — значительно ниже, а следующий за ними по порядку Мартынов набрал всего 50 баллов. Это — несомненно результат влияния авторитета. Люди помнят, что вообще-то Лем — замечательный автор, и пишут его в свои любимые, в то же время не подчеркивая НИ ОДНОГО из его конкретных произведений.

Звонила мне Алла Валентиновна[2] из Ленфильма. Меня не было, обещала позвонить еще раз. Интересно, к чему бы это? Ужо посмотрим.

Очень рад, что нас издают на иностранных языках. Изволь-ка прислать, а то хрен я тебе пришлю ленинградский сборник, за коим отправлюсь в Лавку, вероятно, завтра же. Сборник, кстати, г…, если не считать Гранина. А Михаил Владимиров, по-моему, знаешь кто? Членкор АН СССР проф. Волькенштейн. Впрочем, не уверен. Помнится только, что писал он под псевдонимом Владимиров.

Все больные у нас, кажется, поправляются. Можешь меня поздравить.

Помни, что мама скоро приедет в Москву — к тете Мане[3].

Засим крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет.

---

[1] Мнимый автор мнимого романа «Долгие сумерки Марса», социологическая «пустышка», включенная в список реальных авторов НФ из анкеты КЛФ МГУ для определения достоверности ее результатов. Анкета распространялась среди любителей фантастики в 1966–67 гг., ее итоги были подведены в сборнике «Фантастика, 1967».

[2] Михайлова Алла Валентиновна — редактор 3-го творческого объединения «Ленфильма».

[3] Теселько Мария Ивановна — тетя АБС, сестра А. И. Стругацкой.

Ленинградский сборник, упоминаемый в письме,— «Вахта “Арамиса”» (В мире фантастики и приключений.— Л.: Лениздат, 1967) — имел следующий состав: Брандис Е., Дмитревский В. От составителей; Ларионова О. Вахта «Арамиса», или Небесная любовь Паолы Пинкстоун; Варшавский И. Тараканы; Шалимов А. Ксанта, Бука, Фома и я; Владимиров М. Остров зеркального отражения; Лем С. Эдем, пер. с пол. Дм. Брускина; Гранин Д. Место для памятника; Брандис Е., Дмитревский В. Тема «предупреждения» в научной фантастике. В последней статье об АБС говорилось так:

Из: Брандис Е., Дмитревский В. Тема «предупреждения» в научной фантастике

<…>

Исторический оптимизм марксистской философии отнюдь не означает, что мы можем сложить оружие и ждать, когда разольются молочные реки и кисельные берега. То, что препятствует сейчас или может препятствовать в будущем достижению наших целей, должно быть устранено. Достижение идеала требует неустанной борьбы. На это и нужно обратить внимание, предостеречь человечество от существующих или потенциальных опасностей.

Именно так поступает Станислав Лем, создавший целый цикл романов-предупреждений. И не только Лем. Можно было бы назвать не один десяток произведений этого жанра, созданных писателями-фантастами социалистических стран, не исключая, разумеется, и советских.

В этой связи нельзя не остановиться на творчестве Аркадия и Бориса Стругацких. В научно-фантастических повестях «Страна Багровых туч», «Путь на Амальтею», «Стажеры», «Возвращение (Полдень, 22-й век)» они сконцентрировали свои усилия на изображении коммунистического будущего в разных его гранях и аспектах. Наиболее полно они воплотили свою мечту в последней из названных книг, где одинаково пристальное внимание уделено и раскрытию новых человеческих характеров, и самих общественных отношений, которые их формируют.

Подобно Лему, начав с утверждения идеала, Стругацкие перешли потом к показу тех возможных препятствий

и противоречий, которые могут встретиться в дальнейшем или громоздятся на нашем пути уже сегодня.

«Дорогие мальчики! Простите меня за обман. Я не историк. Я просто сбежал к вам, потому что хотел спастись. Вы этого не поймете. У меня осталась всего одна обойма, и меня взяла тоска. А теперь мне стыдно, и я возвращаюсь. А вы возвращайтесь на Саулу и делайте свое дело, а я уж доделаю свое. У меня еще целая обойма. Иду. Прощайте. Ваш С. Репнин».

С таким письмом обращается к своим молодым друзьям неведомо откуда появившийся и неизвестно куда исчезнувший Саул — главный герой повести Стругацких «Попытка к бегству».

Человек нашей эпохи, совершивший со своими далекими потомками «туристское путешествие» на неизвестную планету и столкнувшийся там с деспотизмом, варварством, произволом, кровавыми расправами — со всем тем, что стало, по-видимому, далекой историей для его спутников, этот странный человек возвращается в прошлое, чтобы до конца выполнить свой нравственный и гражданский долг. И Саул — Репнин погибает в фашистском концентрационном лагере, выпустив по врагам последнюю обойму из захваченного у них «шмайсера».

Временные смещения, создающие условный аллегорический фон, конечно, не следует понимать буквально. И не нужно искать объяснения, каким образом Репнин стал Саулом и попал в далекое будущее. Надо только правильно понять подтекст этой повести: ни при каких обстоятельствах невозможно совершить скачок в будущее, не взрыхлив для него и не пропитав кровью и потом почву настоящего.

Человек и общество — так можно определить главную тему и последующих повестей Стругацких. В своих фантастических социальных проекциях они выдвигают на первый план острые, а иной раз трагические конфликты, к которым приводят неизбежные противоречия между стремлением человека покорить Вселенную и сопротивлением косной материи; между могуществом творческого Разума и невозмож-

ностью проявить его силы в определенных исторических условиях; между субъективным пониманием нравственного долга и объективными закономерностями общественного развития. С такими философско-этическими конфликтами мы сталкиваемся и в «Далекой Радуге», и в «Трудно быть богом», и в других произведениях братьев Стругацких.

<…>

Между прочим, «Хищные вещи века» А. и Б. Стругацких, несмотря на известные нарушения внутренней логики повествования и недостаточно четкие социальные акценты, интересны именно тем, что доводят до сатирического гротеска несостоятельные идеи теоретиков «неокапитализма», способного якобы уничтожить классовые противоречия и создать рай для всех.

<…>

И Лем в «Эдеме», и вслед за ним братья Стругацкие в повести «Трудно быть богом» выдвигают дискуссионный философско-этический вопрос: при всех ли исторических условиях может быть оправдано вмешательство извне, даже если оно преследует самые гуманные благородные цели?

<…>

Письмо Аркадия брату, 14 апреля 1967, М.— Л.

Дорогой Боб!

Новостей никаких нет, так что особенно писать нечего. Занимаюсь все время какой-то белибердой, если не считать упорно-настойчивого наступления на Абэ. То юбилеи, то подарки, то еще мать его знает что. Звонит Лагин и плачется и угрожает и просит и требует, чтобы его «Голубого человека» включили в БСФ. И я-то ведь не против, я — за, но он мне по полчаса читает лекции о том, какая это хорошая книга и какие плохие книги были включены. Я аж потею. Он ведь <…> из закоренелых, весь обмотанный знаменами. Кстати, уточнен состав БСФ на этот год: 11 том — Воннегут «Утопия 14», 12 — П. Буль «Планета обезьян», «$E=MC^2$» и рассказы, 13 — К. Чапек «Фабрика абсолюта» и рассказы,

14 и 15 — антологии советских авторов. Все остальное — на последующие 10 томов с 68 по 70 годы.

Лесс прислал-таки (старый хрен) фотографии, перешлю тебе половину с мамой.

Но это всё моча, а вот давай-ка поточнее скоординируй меня относительно времени очередной встречи. Мама сказала, что ты чувствуешь себя неважно в смысле усталости и, кроме того, не уверен, что мы сможем смачно поработать, если встретимся в мае. Я, признаться, хотел приехать в конце апреля, но теперь очевидно, что это не так просто. Можно отложить до середины мая или даже до конца, когда Андрюшка кончит классы. Всё это мне хотелось бы знать поточнее, чтобы иметь возможность рассчитать время с переводом и другими занятиями. Сообщи, а?

Прислали договоры на СБТ. К сведению: объем СБТ — 13,83 авт. листа, вот так-то. А мы-то думали — 16! Завтра отвезу в Детгиз. Еще мне завтра везти в МолГв свой «Байкал» — для художника. Оказывается, «Фантастика 67» будет иллюстрирована. Ничего не поделаешь.

Вот всё.

Целуй Адку и Росшепера.

Привет твоим.

Жму и целую, твой АНС.

Письмо Аркадия брату, 15–17 апреля 1967[1], М.— Л.

Дорогой Борик!

Срочно заполни и вышли:

Москва, М. Черкасский пер. 1,

изд. “Детская литература”

Бухгалтерия.

Это по поводу СБТ, а также всего, что потреб. впредь. (За лист будут платить 180, по 50 %: раз сейчас и раз после выхода, как за один (1) тираж.)

Твой [подпись]

[1] Датировка составителей.

Письмо Бориса брату, 19 апреля 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Я специально задержал ответ на твои письма. Дело в том, что на другой день после маминого отъезда у Андрюшки обнаружился аппендицит, ему сделали операцию, и хотя всё обошлось, по-видимому, благополучно, маме не к чему было знать об этом: помочь она ничем не могла и только испортила бы вконец свою поездку. Ну а теперь письмо это придет к тебе, когда мама будет уже здесь. Я ее встречу согласно твоей телеграмме.

1. Андрюшка чувствует себя удовлетворительно, пребывает в больнице и уже ходит понемножку. Врачи намерены его выписать не то в пятницу, не то в субботу.

2. Теща (она, естественно, всё еще здесь) намерена забрать Андрюшку в Киев сразу же, не дожидаясь окончания классов. Не знаю, допустит ли это школа (скорее всего, по-моему, допустит), но это создает для нас с тобой благоприятную ситуацию. В принципе работать можно было бы начать уже в начале мая. Но я прошу пардону. Мне нужно ну хоть дней пятнадцать-двадцать для релаксации, ибо мое душевное состояние за истекший период (и на ближайшую неделю вперед) вряд ли можно назвать безмятежным: я издерган, нервен и пр. Если ты приедешь в начале мая, я буду очень рад — походим в кинишко, потреплемся безмятежно, но работать мне вряд ли захочется раньше, чем через две недели после отъезда тещи. Вывод: я жду тебя в любое время, когда это будет тебе (и маме) удобно, но РАБОТАТЬ я предлагаю начать не раньше 15 мая. Как ты полагаешь? Не сетуй на меня за отсрочку, а лучше учти общую мою разочарованность. Все-таки, пока мы с тобой гнили в Голицыне, я мечтал по крайней мере о пяти вещах: о том, как мне доставят 25 кляссеров советских марок; о том, как я буду играть в волейбольчик; о том, как я буду отдыхать с друзьями; о том, как я отпраздную день рождения; и о том, как мне хорошо будет вдвоем с Адкой. Злодейка судьба разрушила ВСЕ мои надежды. Я приехал домой и некоторое время пребывал на

раскладушке, ибо дом оказался занят тестем с тещей, потом тесть уехал, но теща всё еще здесь и довольно надолго. С марками меня обманули начисто, я не получил ничего. Друзья все разъехались по командировкам на другой день после моего возвращения. День рождения просто не состоялся вообще, так как мы, естественно, 15-го думали только об Андрюшке, которого отвезли в больницу вечером 14-го, и вообще мы ни о чем не думали, а просто торчали в больнице с Адкой. И даже волейбол мой провалился: в первый же день игры я повредил палец на руке и с тех пор играть не могу и смогу, по-видимому, не скоро. Итого 33 неудачи и никакой компенсации. Естественно, в этих условиях ни о каком отдыхе не может быть и речи — я взвинчен и утомлен еще больше, чем в последний день работы, когда пишу сукровицей и озираю мир налитыми глазами. Так что не сетуй, дай брату и соавтору передых. Давай приезжай просто так, как встарь, как с Камчатки. Мне на день рождения пулковчане подарили настольную игру «хоккей» очень увлекательную. По-моему, даже ты заинтересуешься — отличная имитация. Будем играть в «хоккей», или в тыщу, или ходить в кино, или по гостям — к Мееровым, к Кану, к Варшавскому, к Наталье[1]. А работать — попозже. А?

3. Бумаги в Детгиз отправил. Долго ломал голову, исходя из каких правил нам платят? Так ничего и не придумал. Ну, ладно — 60 % это понятно третье издание, но почему за один тираж? Всегда, по-моему, платят за два. Или тираж маленький? Ведь дадут наверное тысяч 200. Совести у них нет. Грабители.

4. Читал ли ты в «Октябре» № 4 статью Котляра о фантастике? К нам в Ленинград «Октябрь» еще не дошел, но о статье все знают. Что за очередная гадость? У нас, по слухам, пишет довольно гнусную статью Дмитревский: о Леме и о Стругацких в связи с антиутопиями. Статья пишется а). Для сборника ф-ки в Лениздате и б). Для «Коммуниста». Вилинбахов хочет тоже писать статью о социологии

[1] Здесь и далее — Н. Свенцицкая, физик-оптик, супруга Ю. Чистякова, знакомая БНа.

Стругацких (положительную, как я понял), но подробно мы с ним еще не говорили.

5. Альтов прислал отчет Азербайджанской комиссии об анкетном опросе, и теперь мы тут размышляем, как его поделикатнее довести до сведения Гора. Сошлись на том, что ничего, мол, страшного: речь-то идет лишь об одном произведении, к тому же — о самом первом и не самом удачном (сразу выяснилось, что Дмитревский всегда относился с сомнением к «Докучливому собеседнику»).

6. Не помню, писал ли я раньше, что звонили из Ленфильма. Сообщили, что нашим сценарием вроде бы заинтересовался Алексей Герман (сын покойного знаменитого писателя) — молодой начинающий способный режиссер. Сейчас он кончает какую-то работу, а потом хотел бы вплотную заняться ТББ. Я сказал: отчегё же? С тех пор — ни слуху ни духу.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке привет. Может быть, и она приедет? Я был бы рад.

Письмо Аркадия брату, 20 апреля 1967, М.— Л.

Дорогой Боб!

1) Только что закончил читать сверку «Возвращения». НичеГё. Пришлось, между прочим, еще кое-где слегка сокращать и растягивать, но так, по мелочам. Думаю, в июне получится сигнал.

2) Статью вонючего Котляра в «Октябре» ты, вероятно, уже читал. Я думаю, реагировать не стоит.

3) Ходят слухи о больших переменах в идеологических организациях. Говорят, снят Семичастный, отсылают куда-то послом Шелепина, сняли директоров ТАССа, АПН и т. д. И что плохо держится Павлов. Не знаю, насколько это верно. Короче, культ восстанавливаться не будет.

4) Хочу приехать все-таки числа 7-го.

5) Достал три тома Монтеня, буду читать на предмет «ГС».

Жму, целую, Арк.

Письмо Аркадия брату, 24 апреля 1967, М.— Л.

Дорогой братик!

Получил твое письмо, сразу не ответил, потому что захлопотался со всевозможными юбилеями (Ефремову 60, Гуревичу 50) и выступлениями (выступал в Московском физико-техническом институте).

Очень тебя нам было жалко. Надеюсь, это все уже идет на спад. Я приеду, возможно, с Ленкой, числа десятого, а то и седьмого, отдохнем, потрепемся, в киношки сходим, а как отдохнешь, тогда и за работу.

22-го я с Ниной Матвеевной ездил поздравлять Ивана Антоновича. Мы ему подарили общими силами антикварную французскую книгу-альбом с одетыми и неодетыми киска-ми, купили ее за 75 рублев через знакомых библиофилов, деньги собрали по 25 рублей с пары: мы с тобой, Громова и Беркова, Емцев и Парнов. Шеф был очень доволен, подарок королевский. Там же встретил я Дмитревского. Он жаловался на тебя за холодность, хвастался, что пишет статью в «Коммунист», материл «Октябрь» и Котляра. Потом приперлась кодла специально приехавших из Киева киношников, ставящих «Туманность Андромеды» — Шерстобитов, все время похохатывающий, артист и артистка, он играет Дар Ветера, она — Низу, технический директор и еще некто без реплик. Они привезли шефу в подарок уникальный календарь с кадрами из «Туманности» и хорошенькую модель «Тантры». Затем все сели пить коньяк, а шеф тосковал, он себя чувствовал неважно. Мы с Ниной демонстративно поднялись и громко заявили, что Ивану Антоновичу нужно отдохнуть, но на киношников это впечатления не произвело: шибко присосались к коньяку.

В тот же день я отправился выступать в МФТИ. Народу набилось человек четыреста, я спешил, провел вечер в поразившем меня самого темпе: прочитал отрывок из УНС (как ловят машинку) и ответил на сотню записок, из которых, впрочем, пять или шесть заключали просьбу придвинуть к себе микрофон, десяток осведомлялись, как мы пишем

вдвоем и т. д. Особенно интересных вопросов не было, хотя и отрадно, что слушали очень внимательно.

Экзы я получил, все пять штук, спасибо. Теперь мы коечем себя обеспечили. Звонил Бальбуров, редактор «Байкала». Он, оказывается, все это время был в Москве. А тут на него сразу насели за хамство девушки из «Лит. России», Саша Горбовский и еще много кто. Он бурно извинялся, грозился по приезде уволить виновных, кричал, что Стругацкие одни, а дармоедов в любой редакции много и т. д. Одним словом, обещал выслать нам десяток экзов. Не знаю, может, и соврал.

Вышла на трех языках в «Мире» наша «Далекая Радуга». Фирсов мне послезавтра передаст. Я ему «Вахту Арамиса», а он нам экзы.

Завтра у нас собрание рабочей группы, выступает Юлик[1] с докладом «Об эстетике фантастики». Это глава из его будущей книги, на которой он думает получить доктора.

Да! Очень я обрадовался, что наш Юрка Манин стал лауреатом. Есть, есть правда на земле.

Вот и всё пока. Поцелуй всех своих.

Жму, твой Арк.

«Юрка Манин стал лауреатом». 22 апреля 1967 г. Юрий Манин был удостоен Ленинской премии за цикл работ по теории алгебраических кривых и абелевых многообразий. В то время самого лауреата не было в Москве, но АН не удержался, чтобы не отметить с друзьями эту дату. Вспоминает супруга Высоцкого:

Абрамова Л. Факты его биографии: Л. Абрамова о Владимире Высоцком

Он не раз, не два — часто приходил. Это всегда была нечаянная радость, и мы с сестрой бросались готовить стол. Мы любили всех кормить, а его особенно. Он и ел так же талантливо и красиво, как писал, как всё делал. И вот еще помню его приход, еще до нашего с Володей развода, в июле

[1] Здесь и далее — Кагарлицкий Юлий Иосифович, литературовед, критик.

1967-го. А. Стругацкий жил с семьей на даче, мы его давно не видели. И гостей не ждали: у меня болели зубы, и физиономию слегка перекосило. Я была не дома, а у Лены, они с матерью, моей теткой, жили на улице Вавилова в первом этаже громадного кирпичного дома с лифтерами и пышным садом у окон. Аркадий позвонил именно туда и сообщил, что он в Москве, что скоро будет, потому что надо отметить событие: общий наш друг, математик Юра Манин получил какую-то премию, или орден, или звание, уж я не помню, но что-то очень хорошее и заслуженное. Его самого нет в Москве, но мы должны. Да! Мы должны! Зуб мой прошел, и физиономия распрямилась и просияла. Мы с Леной принялись за работу: застучали ножи, загремели сковородки. Форма одежды — парадная. Позвонили Володе в театр, там «Пугачев», спектакль недлинный, приходи к Лене, будет А. Стругацкий. Играй погениальнее, шибко не задерживайся. Ну подумаешь — фестивальные гости на спектакле! Ну поговоришь, они поахают — и к нам: Стругацкий не слышал еще ни «Жирафа», ни «На стол колоду, господа!»…

Стругацкий пришел с черным портфелем гигантского размера, величественный, сдержанно-возбужденный, поставил портфель в коридоре. Заговорили о математиках, о премиях, о японской фантастике. Я, улучив момент, на цыпочках вышла в коридор: такой портфель! Должно быть, там новый роман, должно быть, большой и прекрасный…

Шесть бутылок коньяка лежали в девственно-новом, пустом портфеле. Портфель по-японски «кабан». Японцы правы.

Письмо Бориса брату, 28 апреля 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Несколько задержался с ответом, ибо рассчитывал в четверг в писдоме получить кое-какую информацию. Так оно и вышло.

1. Слухи, о которых ты писал, подтверждаются полностью, хотя получены из других источников. Называются те же фамилии и ожидаются те же оргвыводы. По-видимому,

нет дыма без огня. Что-то очень важное происходит, ожидаются какие-то большие перемены и, возможно, в самую лучшую сторону.

2. Прибыл из Москвы Дмитревский. Под большим секретом (повторяю, ПОД БОЛЬШИМ СЕКРЕТОМ) рассказал о своих приключениях в «Коммунисте». Он, как известно, понес туда свою статью об утопии и антиутопии, написанную (по его словам) с самыми лучшими намерениями: забрать в одну руку и то, что выше, и то, что ниже пупа; невинность соблюсти и капитал приобрести; и парни сыты, и целки целы. Однако ожидал его афронт. Статью отклонили и сказали, что она запоздала, что СВЕРХУ получена статья, резко критическая, которая и будет опубликована сразу после съезда писателей[1]. Дмитревский напомнил, якобы, что в Москве существует группа людей, выступающая по поводу ф-ки с чисто субъективных и чрезмерно примитивных позиций. Да, мы это знаем, сказали ему. И мы отклоняли уже трижды статьи, предложенные нам Котляром. Данная статья написана человеком, близким к ф-ке, но написана квалифицированно и долбает социологию и философию Стругацких в романах ТББ и ХВВ. Имя автора сообщить было отказано (а м. б. Дмитревский сам скрывает). Дмитревский напомнил, якобы, что Стругацкие являются самыми талантливыми нашими фантастами. Да, мы это знаем, было ему отвечено. Но нам мало одного литературного таланта, нам важно, чтобы хорошая литформа была соединена с верной платформой. Дмитревский, якобы, предложил опубликовать наряду с этой гипотетической статьей еще одну, свою, где давалась бы позитивная оценка указанных произведений. Определенного ответа на это предложение он не получил.

3. Если исходить из того, что всё, сказанное Дмитревскому, правда, надо, вероятно, пытаться что-то предпринять. По этому поводу существуют некоторые предложения, но

4. …прежде всего, вероятно, надлежит выяснить, существует ли указанная статья и намерены ли ее публиковать.

[1] IV Всесоюзный съезд Союза советских писателей (22–27.05.1967).

Можно ведь предположить, что Дмитревскому забили баки, дабы обосновать отказ сотрудничать с ним. Кажется, у тебя есть знакомые, знакомые которых работают в «К-те». Нельзя ли как-нибудь попытаться выяснить истинное положение вещей? Только, Аркашенька, действовать надо очень осторожно. То, что рассказал Дмитревский,— редакционный секрет. Его предупредили, чтобы он не трепался. Если расследование будет производиться на базе рассказанного ДМИТРЕВСКИМ, Дмитревскому может стать плохо. Получится неудобно. Наверное, наводить справки нужно в спокойном тоне, придав расследованию вид регулярных расспросов: «Что там у вас в «К-те» слышно насчет фантастики? Не ожидается ли чего? В «Октябре» вот гнусная статейка Котляра, а у вас как?..» В таком примерно духе. И ни в коем случае не называть имени Дмитревского и даже не ссылаться на то, что ходят, мол, слухи. Дмитревский <…>, но подводить его не след.

5. Если выяснится, что статья есть и готовится быть выпущена, надо прилагать усилия к тому, чтобы ее как-то затормозить. Дмитревскому сказали, что статья спущена сверху. Работает, вероятно, отдел печати? Если да, то нельзя ли втравить в это дело Черноуцана? Тогда, правда, придется действовать через Громову, но, черт возьми, что же делать? Искать защиты в отделе культуры — это первый путь — самый эффективный, но и самый сомнительный. Второй путь — использовать ожидаемое выступление Ефремова на съезде. Если бы Ефремов счел возможным похвалить что надо и не слишком ругать, если бы он позволил себе повесить на нас пару благожелательных ярлыков, было бы здорово. Это не отменило бы статьи, вероятно, но отсрочило бы ее появление (неудобно же сразу ругать то, что было похвалено с трибуны съезда). А отсрочка — это сейчас великое дело. Все может перемениться. И наконец последнее, что мы придумали здесь. Есть подозрение, что статья написана Казанцевым. Хорошо бы, пока суть да дело, долбануть по Казанцеву, по последнему его роману, опубликованному в одном из РИЖСКИХ журналов. Написать мог бы Ревич, а опубликовать…

Ну тебе там виднее. Можно было бы успеть, и если Казанцев автор статьи, это могло бы опять же задержать ее.

6. Больше мы ничего не придумали. Может, вы окажетесь умнее. Но главное, постарайся не подвести Дмитревского. От него еще может быть немало пользы. Да и неудобно.

7. Сама по себе статья меня, честно говоря, не так уж и беспокоит. Но она теоретически может помешать выходу В и СБТ, и уж во всяком случае зарубит ВНМ. Не хотелось бы. Через год статью эту забудут, но год есть год, его просуществовать надо. Так что попытайся сделать все возможное и срочно отпиши мне результаты. Время еще есть, а значит, и шансы.

8. Дмитревский жаловался и на тво ю холодность. Очень он обиделся, что ты не пригласил его СПЕЦИАЛЬНО на какое-то там ваше заседание.

В остальном же все пока хорошо. Теща наконец уехала. Я вкушаю блаженство и жду тебя. Приезжай, как и хотел, 7–10-го. Вези информацию.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. А что там у Кагарлицкого с «Коммунистом»? Может, он что-нибудь знает?

Леночке привет.

Письмо Аркадия брату, 2 мая 1967[1], М.— Л.

Дорогой Борик!

Письмо твое меня изрядно встревожило. Экая, право, пакость. Только этого нам еще не хватало. Впрочем, уповая на милосердие, можно и из этих обстоятельств в конечном счете извлечь выгоду для работы. Но непонятна мне позиция Дмитревского. Мне позвонил Ефремов и сказал, что хочет со мной поговорить о своем выступлении на съезде. Это было за три часа до получения твоего письма и за шесть часов до предполагаемой нашей с Ленкой поездки на Кавказ (дней на десять проветриться). Я сказал, что дело терпит и поговорим

[1] Датировка составителей.

при возвращении. Он согласился, присовокупив только, что надобно принять меры против какого-то нового нападения. Получив твое письмо, я поехал на аэровокзал, сдал билеты с убытком в 6 руб. 20 коп. и попытался соединиться с Парновым. Его уже не оказалось: уехал на праздники в просторы. На следующий день поехал к Юльке, изложил суть дела (без источников), и он согласился взять на себя инициативу, притворившись, будто информацию получил именно он и сообщил мне, а также всем иным нашим. Он ни о чем не спрашивал. Просто объявил, что готов драться. К слову, он сегодня уже звонил Ариадне, и она предложила нам втроем как можно скорее отправиться к Черноуцану. Она ему будет звонить третьего. Затем я поехал к Ефремову. Ефремов был страшно удивлен, что я уже все от тебя знаю. Дмитревский рассказал ему все, взяв слово, что он мне ничего не скажет, и Ефремову удалось только взять у него согласие на консультацию со мной по составлению своего выступления, не рассказывая мне ничего, кроме смутных намеков. И вот — на тебе, Борису уже все известно. Крутит что-то наш Вл. Ив., ох и крутит! Не иначе какой-нито капиталец сбивает. Ну, пес с ним.

План, который Ефремов выдвигает в сотрудничестве с Дмитревским, меня очень удивил. Он собирается в качестве опережающего удара раскритиковать современную нашу фантастику и объявить, что ее недостатки нам уже известны самим, так что незачем-де «Коммунисту» вмешиваться. Как будто «Коммунист» после этого отменит статью! Разумеется, главным объектом рассмотрения будем мы. Что-де ТББ и ДР — это было хорошо, а вот начиная с ХВВ, УнС и ВНМ — это уже распад, размен на мелочи, а нужен положительный герой, романтика, что мы в последних вещах бьем мимо цели и все в этом роде. Надо тебе сказать, что эти три последних вещи действительно резко не нравятся шефу и он этого не скрывал никогда. Я с ним говорил вчера три часа, пытаясь добиться, в чем дело, и кажется понял. Шеф — педагог, романтицист, он считает, что литература должна давать читателю утешение и поучение, уменьшать количество

«инферно» на земле, как он выражается. Нужно вернуться к богатырскому эпосу, утверждает он. Богатырей никогда не было, но народ их создал, чтобы легче жилось и была бы надежда, так вот и мы, с нашим талантом, с нашей способностью к образному писанию, обязаны создавать образы самонаиновейшей формации богатырей. УнС и ВНМ вызывают у него, по его словам, чисто физическое отвращение, хотя он тут же признается, что это такое уж у него устройство, так же не любит он и Достоевского, Гоголя, Фолкнера, Хэма. Убеждать его было бесполезно, да и не умею я этого, всё боялся, что это будет похоже на заискивание и просьбу покривить для нас душой в докладе на съезде. Словом, ушел я от него совсем обескураженный. Вывод: в лучшем случае мы можем в выступлении Ефремова ожидать реабилитации нашей работы по ТББ включительно. Остальное — под топор. Конечно, и это уже неплохо, так как статья, судя по всему, будет бить и по ТББ, и такое выступление возможно задержит ее — хотя бы для переделок.

Как только появится Рим, немедленно свяжусь с ним и, ссылаясь на «сведения, полученные от Кагарлицкого», попробую заставить его повести более энергичную рекогносцировку в направлении «Коммуниста». Вообще, должен тебе сказать, что по мнению всех Рим сейчас совсем плох, очень занят матримониальными делами и потерял чувство реальности. Кстати, его и Мишку приняли уже на приемной комиссии, так что они, можно сказать, уже члены ССП.

Далее. Попробую организовать пересылку в «Коммунист» и другие журналы результатов анкеты, соответственно организованных и аранжированных. В мае закончится и обработка московской анкеты.

Вот такие дела по этой пакостной хреновине.

С другой стороны, в ЦК КПСС, в отделе культуры и в ЦК ВЛКСМ прошло обсуждение нашего ответа «Известиям». Про комсомол не знаю, а в отделе культуры наш ответ произвел, говорят, очень благоприятное впечатление. Это мне сообщил специально Римка все в тот же злосчастный день 29-го. Какие выводы из этого воспоследуют, я не знаю.

Получены еще неприятные сведения относительно Севера[1]. От киношников. Север, оказывается, чуть ли не запанибрата с Сытиным, ходит к нему, пьет чаи и помногу беседует. Экая пакость. Не знаю, плакать или смеяться. Надо будет спросить его самого при случае.

Ну вот, пока всё. Кстати, статья может быть вполне сытинская, мне сейчас пришло в голову. Написана Котляром и подписана Сытиным. Ему спокойно могли не отказать в отделе пропаганды и спустили директиву в «Коммунист».

Перечитал ГС. Должен сказать, неплохо получилось. Правда, много скороговорки, но это исправимо. У Монтеня, мне кажется, кое-что нам найдется.

Ну — хвост трубой!

Приеду, сам понимаешь, теперь не раньше десятого.

Целую маму, целуй Адку и Росшепера.

Твой, сам понимаешь, Арк.

РТ[2]. Кагарлицкий сказал, что теперь он понимает, почему ему так навязывали поругать Стругацких в статье. А какой-то хмырь, удивленный его отказом, сказал, пожимая плечами: «И чего отказывается? Боится он этих Стругацких, что ли?»

Письмо Бориса брату, 4 мая 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Дмитревский вряд ли крутит в данном случае. Просто вначале он не намерен был выдавать редакционную тайну, а потом приехал в Лрд, ощутил некий отрыв от масс, некую самостоятельность, обнаружившуюся у народа за время его отсутствия, и решил восстановить свое положение вождя. Поставил бутылку коньяку, хлебнул и принялся наращивать авторитет своими рассказами. Так я себе это представляю.

2. Позиция шефа меня очень огорчает, хотя и можно было ожидать чего-то подобного заранее. Я понимаю, тебе это делать неловко, но надо было бы как-то внушить шефу, что

[1] Здесь и далее — Гансовский Север Феликсович, писатель.

[2] «Пост Текстум» — это наша выдумка. Нигде больше я такой аббревиатуры не встречал. А мы ею пользовались потому, что не было латиницы на клавиатуре. — *БНС*.

хвалить следует больше, чем ругать. Только в этом случае можно приостановить статью в К-те. Если пропорция будет нарушена, речь Ефремова только поможет К-ту. Я попробую поговорить на эту тему с Дмитревским, но не знаю, не знаю… И как старик не понимает, что (объективно) задуманная речь поставит его в ряды черносотенцев! И нам сделает плохо, и сам сядет в калошу, и фантастику поставит под удар.

3. Впрочем, всё это чепуха. Главное — Черноуцан. Это реальная сила. Единственное, на что можно рассчитывать.

4. Почему ты пишешь об обсуждении нашего ответа «Известиям» в ОТДЕЛЕ КУЛЬТУРЫ? Мы же посылали в отдел ПЕЧАТИ. Или имеется в виду какой-то другой ответ (громовский плюс социологи)?

5. Что слышно о «В» и СБТ? Скоро ли дадут деньги? Скоро ли пойдет в печать? Нельзя ли подогнать?

6. Беседовал с многими людьми о ВНМ. Мнения самые разные: от «самая неудачная ваша вещь» до «лучшее из того, что вы написали».

7. Из Кишинева прислали «В» на молдавском языке в сопровождении любезного письма. Приятно все-таки.

8. Разузнай, можно ли произвольному члену СП присутствовать на заседаниях съезда. Если можно, то я хотел бы приехать.

9. Жду тебя с нетерпением. Работать не хочется, но хочется свободно потрепаться.

Вот и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Привет Ленке и всем, кто сражается за нас.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

В ГЛ:

история (слух) о мальчике с оперир<ованными> глазами.

Активный конец — борьба, бой.

11.05.67

Приехал Арк (вчера вечером). Обсуждаем ГС.

12.05.67

Обсуждаем ГС.

13.05.67

Подробный план ГС.

1. Пролог. Общее выяснение обстановки. Саша приехал давно. Витька и Роман — недавно. Эдик — только что. На носу — вечернее заседание. Саша предлагает попытаться убедить тройку. Роман: не наше это дело. Витька — украду и все. Эдик Сашу поддерживает.

Эдик (отдел Линейного Счастья) и Роман (отдел Недоступных Проблем) приехали за Клопом, Спиридоном и Федей. Витька — за жидким пришельцем. Саша — отбиться от эвристической машины.

Еще участвуют: Панург и Федя. А также Кузька — не объясняя, кто это.

2. Эвристическая машина и Кузька. Комендант радостно сообщает Саше, что придется ему взять эвристич<ескую> машину: есть мнение Выбегаллы. Афронт комиссии: логически через Сашино отбрыкивание от машины.

3. Сцена в кафе. Клоп, Федя, Саша и Эдик. Корнеев куда-то исчезает, всем нагрубив. Роман отправляется к товарищу Голому ухаживать за дочкой и проворачивать свои дела. Клавесин в горах.

4. Спиридон и жидкий пришелец. Меморандум Спиридона, аллегорическая сцена войны со спрутами, обычные обсуждения, переход к вопросу о дельфине Айзеке, кот<орый> тоже писал меморандумы, две тонны трески на коменданте. Жидкий пришелец. Эдик пытается снова воззвать к совести тройки. Но все спешат жрать.

5. Вечернего заседания нет из-за обжорства. В гостинице ожидает довольный Витька (беседующий с Говоруном. Федя тоже присутствует, но после первых же резких слов тихонько уходит. Говорун всех подзуживает). Он украл жидкого пришельца и предлагает помочь украсть Спиридона. Ссора, разброд и шатания[1] в четверке. Витька исчезает в Институт. Роман бреется, помадится и уходит к дочке Голого, объявив, что он всем им покажет, как делать науку. Эдик развивает

[1] «Разброд и шатания» — фраза В. Ленина, «Что делать?» (гл. 4, главка «в»).

теорию основного звена (что-нибудь нелепое: теща коменданта). Саша остается один — в отчаянии — рисуя картины дальнейшей работы с изобретателем эвристической машины. Затем идет к Спиридону с папкой. По тексту. Уходя, видит, как Клоп ходит по коридору и думает, кем бы закусить. На вечерней прогулке встречают: Ойру-Ойру с девицей, Эдика, возвращается от тещи.

6. Клоп Говорун, плезиозавр, болото и холм. Приходят Эдик, Роман и Саша. Выбегалло отлеживается, в качестве незаинтересованного лица Лавр Федотович предлагает ВРИО научного консультанта Сашу. Далее по тексту. Кузька пытается помочь во время нападения комаров.

7. Саша возвр<ащается> в гостиницу. К нему пристает эвристичник. Чтобы отделаться, Саша заставляет его сделать что-то бессмысленное. В номере сидят убитые Эдик, Витька, Роман. Эдик звено выдернул. Роман к Голому не попал. Витьку устыдили в институте. Бидон стоит в углу. Что делать? Саша рассеянно смотрит в окно, и в это время идет теоретич<еское> обсуждение: что делать? Слов тройка не понимает, на все им наплевать, связи и корни их могучи, свалить их нельзя. Эдельвейс звонит и спрашивает, как быть с латинскими словами. Саша при виде своего эвристичника осеняется: завалить тройку ненужными делами. В комнате начинается сущий ад. Волшебством выдергивают в номер самых разных ученых и заставляют подписывать письма. Тут же ставят почтовые штампы и отправляют.

8. Кузька? Эпиграф: нет бы раскошелиться и накормить пришельца…[1] Пришелец Константин, телепат. Приходит груда писем. Объявляется, что вечернего заседания не будет: сначала скептически к письмам, но затем смотрят обратные адреса. Вечером комиссия будет разбирать письма.

9. Выезд за город. Не забыть Кузьку! Тройка бодрая, но усталая, приезжает и вытесняет их из палаток. Полунамеки на удачу.

10. Утром разбор писем любителей, выдвижение на прессу. Очередное дело: черный ящик. Зуб товарища Зубо.

[1] Строка из песни В. Высоцкого «Пришельцы в космосе».

Тройка смотрит на это со скукой. Фарфуркис встает и произносит горячую речь. Тяжкие раздумья. Ребята предлагают свои услуги. Их отвергают. Хлебовводов грубо их попрекает, ссылается на то, что было раньше, а теперь лезете. Снова раздумье. Шелест: «Подкомиссию бы!» Фарфуркис предлагает создать подкомиссию для рассмотрения неактуальных дел. «Это как раз работа для молодежи!» Тут же получаются документы (сменная подкомиссия). Четверка в восторге. Гостиница. Володя Почкин. Ребята из НИИКОВО: им нужен черный ящик.

11. Послесловие Саши Привалова.

14.05.67

[дневник приездов: 14.05.67. Приехал 10.05 работать ГС.]

Разумный робот-поэт, поставленный регулировщиком движения.

15.05.67

Солнце. Сделали 4 стр. (6)

16.05.67

Сделали 8 стр. (11)

17.05.67

[дневник приездов: 17.05.67. Написано 2 главы ГС.]

«Rara avis in terris» (Редкая на земле птица; редкость).

Ювенал «Сатиры».

В поисках ч<его>-л<ибо> благородного Витька запустил щупальце в душу Хлебовводова, но извлек какие-то ссохшиеся корешки и истошный вопль: «Не держите двери! Следующая станция — Кропоткинская!»

Сделали 8 стр. (15)

18.05.67

[дневник приездов: 18.05.67. Сделано 3 гл. ГС (стр. 50).]

Сделали 13 стр. (18)

19.05.67

Сделали 11 стр. (13)

Б. едет играть в волейбол.

20.05.67

Сделали 8 стр. (17)

21.05.67

[дневник приездов: 21.05.67. ВсК. Сделано 100 стр. У Борьки болит зуб мудрости!]

Сделали 15 стр. (20)

22.05.67

[дневник приездов: 22.05.67. 115 стр. ГС.]

Сделали 12 стр. (15) 79

23.05.67

Сделали 12 стр. (15) 91

24.05.67

[дневник приездов: 24.05.67.]

Сделали 8 стр. (15) 99

25.05.67

[дневник приездов: 25.05.67.]

Сделали 27 стр. (29) 126

26.05.67

[дневник приездов: 26.05.67. Кончили СоТ. «Сказка о Тройке».]

Сделано 7 стр. (11) 133

27.05.67

Сделали (8)

И окончили на 193 стр.

28.05.67

[дневник приездов: 28.05.67. Отъезд АС в Москву.]

Переводили Выбегаллу.

В заключение: протокол заседания Тройки по обсужд<ению> данной книги (из-за секретности).

Письмо Аркадия брату, 1 июня 1967[1], М.— Л.

Дорогой Борис!

Новости, значит, такие: во-первых, посетил я «Сов. Пис.». Произошел там знаменательнейший разговор. Говорил я с заведующей, чудовищной дебелой бабищей, похожей на ММК[2].

[1] Датировка составителей.

[2] Т. е. на Марию Михайловну Калакуцкую. См. также именование «ММ», «мадам», «старуха».

Глядя на меня мертвенными глазами Лавра Федотовича, она изрекла: «Вряд ли издательство заинтересуется вашей рукописью». «Почему?» — спрашиваю. «Мы редко обращаемся к этому жанру».— «К какому жанру?» — «Профиль нашего издательства не позволяет».— «А какой у издательства профиль?» — «Одним словом, альянс у нас с вами не получится».— «Но почему же?» — «А вы скажите, почему эту вещь вашу отвергла “Молодая Гвардия”?» — «При чем здесь “Мол. Гвардия”? Эта вещь не была в “Мол. Гвардии”. Удивленное и разочарованное молчание. Затем: «Мы стараемся не печатать фантастику».— «Кто вам сказал, что это фантастика? Вы читали сами рукопись?» — «У меня нет времени читать все 1500 рукописей, которые проходят по редакции».— «А кто читал?» — «Никто не читал, мы были очень заняты, мы извиняемся, что раньше не поставили вас в известность, но были заняты подготовкой к съезду».— «Позвольте. Как же вы заранее говорите, что не будете издавать вещь, когда никто ее еще не читал?» — «Я не говорю, что мы не будем издавать. Я только хочу извиниться, что мы четыре месяца не могли вам ответить. Но мы исправим эту ошибку. Я дам читать члену правления (?), и он даст рецензию, тогда мы вам сообщим свое официальное решение».— «До свидания».— «До свидания». Вот такой почти дословно был разговор. А ты говоришь — Лавр Федотович! Это — заведующая редакцией русской советской прозы![1]

Ленка прочитала СоТ. Считает, что никогда не напечатают. И еще: что очень быстро все герои раскрываются, и дальше идет только обыгрывание уже известных читателю черт. Я это и сам чувствовал, но для меня, признаться, важны не эти черты, а всласть над ними поиздеваться. А Ленка этого не любит. Но она говорит, что очень убедительно и страшно.

СоТ ждут очень — и в «Детгизе», и в «Мол. Гв.».

На съезде все-таки было три интересных выступления. Выступали Симонов, Кетлинская, Гончар, требовали отмены

[1] Вероятно, речь о В. Вилковой.

цензуры. Но ничего не вышло. Еще, говорят, ходило среди делегатов письмо Солженицына[1] — тоже с тем же призывом. Маку[2].

Вот пока всё.

Жму, целую. Привет Адке.

Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 3 июня 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Новостей особенных нет, не особенных — тоже. Приятно только, что Шолохов обгадился со своими нападками на Эренбурга: через день в газетах появилось сообщение, что Эренбург вручал в Италии Ленинскую премию мира. Пишу тебе об этом потому, что ты мог этого не заметить. Газет-то не читаешь.

Прочел я СоТ — ничегё себе, но чего-то там не хватает. Прочла Адка — ей понравилось. Но вот сейчас я раздобыл «Дьяволиаду» Булгакова, и там тоже имеет место «Чрезвычайная Тройка в составе шестнадцати человек»[3]. Что делать?

Мне еще пришло в голову, что в послесловие надо обязательно включить обсуждение данной рукописи на заседании Тройки. Пусть повысказываются наши орлы — так сказать, от лица будущей критики.

В восьмом нумере «Коммуниста» — статья о театре. Лягают, хотя и вежливо, театр на Таганке. Раздобудь и прочти. С очень любопытных позиций и весьма хитроумно (правой рукой левое ухо) ругают там «Галилея».

Насчет письма Солженицына — точно. Он написал, говорят, сто пятьдесят писем и разослал всюду, куда имело смысл. Излагает там, главным образом, историю своих мытарств.

[1] В мае 1967 года А. Солженицын направил IV Съезду советских писателей открытое письмо, в котором призвал покончить с цензурой. После этого был подвергнут преследованиям и газетной травле, исключен из Союза писателей.

[2] АН часто использовал в обиходе японское выражение «коку маку», соответствующее, как я понимаю, русскому «фигу вам». «Маку» — сокращение с тем же смыслом.— *БНС*.

[3] Фактически названная Тройка упоминается в «Роковых яйцах».

Разговор твой в СовПисе — несомненно эпохален. И в общем-то ясно, чем дело кончится. Ну и хрен с ними.

Прислал письмо В. Травинский. Я просил его выслать подборку высказываний великих умов о человечестве. Он прислал кучу разнообразнейших цитат. Надеюсь выкопать там кой-чего для ГЛ.

В СоТ знаешь чего недостает? Сюжет не выровнен, не построен прочно и сплошняком, как у нас обычно. Рыхлость имеет место. И еще меня смущает мизерность разворачивающей сюжет пружины: «Как одолеть Тройку». Это что-то не то. В общем, будем еще думать. У меня есть ощущение, что нам будет предоставлено много времени для размышлений над этой вещью.

А я все хожу к зубодеру. А давеча пошел на марочную толкучку да и купил две марочки за сорок рублей — аж в пот ударило!

Ну вот и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке привет!

А что слышно насчет «В» и «СБТ»?

Письмо Аркадия брату, 5–6 июня 1967[1], М.— Л.

Дорогой Бобкинс!

Новостей особенных, сам понимаешь, нет.

Ужасное ты мне сообщил открытие — что Тройка есть у Булгакова. Это надо коренным образом переменить. Пусть тогда уж будет Комиссия или Особое Совещание, только надобно подходящее сокращение выбрать. Тройка же автоматически отпадает.

По сюжету мы, конечно, еще будем думать, и мне представляется, что неизбежны некоторые сокращения.

Сегодня получаю СоТ с машинки, считываю, а завтра несу в Детгиз Нине, а кроме того, уже просил Роман Подольный из «З-С» и ребята из университета. М. п., университетская анкета обработана. Не помню, писал ли тебе. Мы

[1] Датировка составителей.

опять впереди. Полное совпадение с бакинской анкетой. Те же Стругацкие, Азимов, Брэдбери, Лем, Ефремов впереди, те же Громова, Казанцев, Немцов позади. Позвони этому балбесу Вилинбахову и скажи: он меня уверял, что в любом другом месте результаты анкеты будут другие.

СБТ пошла в набор. «Полдень, XXII век» — отлично и без слова миновал цензуру и ждет сигнала.

У меня дел по горло. Во-первых, я продолжаю перевод Абэ. Во-вторых, нам с тобой заказано предисловие к Саймаку в «Мире» — есть у него романчик про пришельцев из соседствующего пространства в виде цветов, перевела Н. Галь, она нас любит, и отказаться от предисловия я не смог. Напишу черновик, пришлю тебе. За основу беру все те же щупальца будущего, прах их раздери. В-третьих, родственница Кима (сестра его покойной жены) позвонила мне и предложила взять его японскую библиотеку. Представляешь? Я туда пустился с чемоданчиком, а там книг на грузовую машину. И какие! Жаль, все на японском, ты не можешь. И еще я, видимо, войду в комиссию по литнаследству Романа Николаевича.

Вот пока всё, дружище.

Привет Адке и поцелуи.

Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 6 июня 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Настоящим препровождаю испрошенные тобою названия лекарств для Сашки Копылова. Постарайся достать, потому что дела Сашкины не ахти — есть опасения, что аритмия его останется на всю жизнь. Постарайся.

Новостей никаких нет. Только Алексей Левин переслал мне через Брандиса результаты московской анкеты. Ты, вероятно, и так в курсе, но на всякий случай сообщаю, что после суммирования всех данных (и по Баку, и по Москве) я получил следующее распределение (первые десять мест):

1	ТББ	81
2	ПНвС	80
3	Брэдбери	78
4	«Непобедимый»	78
5	Шекли	77
6	«Солярис»	76
7	ДР	76
8	Азимов	74
9	«Возвр. со зв.»	74
10	ХВВ	73

Вот так-то!

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке привет!!!!

А я все лечу свои зубы — героический Я! И конца этому не видно.

Письмо Бориса брату, 8 июня 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Новостей никаких нет. Звонил тут Дмитревский. Среди прочей болтовни попросил меня, чтобы я попросил тебя, чтобы ты справился (как официальное лицо или как угодно) в редакции ЖУРНАЛА «Молодая Гвардия» у тов. Никонова непосредственно, как продвигается и принята ли вообще статья Брандиса-Дмитревского о фантастике. Я втолковывал Дмитревскому, что у тебя отношений с этим журналом нет, но он все равно просил… Иисусом Христом… двенадцатью первоапостолами… справься, мол! Намекни там! Так что имей в виду.

Насчет Тройки я в общем как-то спокоен. У Булгакова она только упоминается вскользь и как таковая не функционирует. Но ежели ты полагаешь, что надобно сменить — сменим. Подумаешь! И сокращение придумывать не станем. На хер нам сокращение? Да в гробу мы его видали с кучей прочих аббревиатур в белых пачках и на пуантах! Вот название только придется перепридумывать — это да. Но ничего. Перепридумаем. Не впервой.

Сашка Копылов лежит в одной палате с каким-то ленинградским критиком-литературоведом. Так этот критик (сам он фантастику нэнавидит) хихикая сообщил, что В. Панова желчно завидует Стругацким — их популярности среди читателей. Вот так-то. Боюсь, наделает нам эта баба бед, ох боюсь! Она ведь в Ленинграде всесильна. Как бы к ней подъехать, умилостивить, ума не приложу.

Слушай, за «В» нам будут платить тоже только за ОДИН тираж (как и за СБТ)? Да это грабеж! Выясни, пожалуйста, и отпиши.

Вот и всё пока. Целую и жму ногу,

твой [подпись]

P. S. Ленке привет!

А что слышно насчет статьи в «Ком-те»? Угроза-то ведь не отпала.

И — неожиданно, без обычных договоренностей — АБС снова встречаются в Москве. Вероятно, в это время выходит злополучный номер «Коммуниста», о котором так волновались братья. И обсужден он был во время встречи, ибо после этого в письмах он не упоминается. Статья действительно страшненькая, ибо упрекает Авторов не в каких-либо частных просчетах, а в главном (главном на тот момент для любого советского писателя, если он хотел называться советским, и вообще — быть писателем).

Из: Сапарин В. Будущее человечества через призму фантастики

<…>

В тех случаях, когда писатель отрывается от марксистско-ленинского анализа законов общественного развития, его ждет неудача.

Покажем это на примере.

Среди советских фантастов и читателей в последнее время заметную популярность завоевали талантливые писатели Аркадий и Борис Стругацкие. Многие их произведения привлекают читателей свежестью мысли, оригинальностью коллизий, а главное, стремлением показать героя, остро ощущающего историческую ответственность за свои поступки, активно

действующего во имя самых светлых идей. Особенно хочется отметить в связи с этим глубокую по мысли антифашистскую повесть братьев Стругацких «Попытка к бегству».

Тем досаднее творческая осечка их с другой повестью — «Хищные вещи века».

История эта поучительна во многих отношениях. Увлекшись идеей математического моделирования, применяемого в физике и других областях естественных наук для прикидки перспектив развития отдельных процессов в искусственно ограниченных условиях, писатели задумали создать модель человеческого общества. Собственно, в самой попытке моделирования социальных процессов ничего плохого нет, и метод мог бы оказаться весьма плодотворным, если бы мысленный эксперимент строился на основе социальных закономерностей.

Но, конструируя модель общества — явления социального,— экспериментаторы странным и непостижимым образом даже с точки зрения элементарной логики решили исключить из его конструкции именно социальную суть.

С одной стороны, в авторском предисловии к книге говорится, что речь в повести идет о реальных тенденциях современного буржуазного строя, явлениях, суть которых раскрыта в работах К. Маркса, В. И. Ленина. С другой стороны, экспериментаторы там же оговаривают условия эксперимента: «Мы не ставили перед собой задачи показать капиталистическое государство с его полюсами богатства и нищеты, с его неизбежной классовой борьбой».

Нелогичная эта позиция получает столь же нелогичное обоснование: «Да и в одной небольшой повести нам никогда не удалось бы осветить все стороны, все социальные противоречия капиталистического государства». Конечно, все стороны и все социальные противоречия капиталистического государства невозможно осветить в повести, но это не дает ровно никаких оснований все эти стороны отбрасывать, коль скоро авторы взялись говорить о реальных тенденциях современного капиталистического мира. Но именно такая попытка делается в их эксперименте.

Авторы поясняют, что под тенденциями и явлениями, о которых речь шла выше, они имеют в виду «массовую идеологию, ежедневно и ежечасно порождаемую практикой частнособственнического предпринимательства», и саму практику, которая приводит к тому, что «меркантильные интересы… готовы поглотить все другие человеческие чувства, а само общество выглядит как толкучка стяжательских страстей».

Но нельзя упускать из виду, что К. Маркс и В. И. Ленин видели в буржуазном обществе разную идеологию у разных его классов. Массовая идеология, разделяемая всеми членами общества,— это особенность общества, в котором нет антагонистических классов или нет классов вообще, то есть социалистической страны, коммунистического общества.

Не учитывая эти коренные положения марксизма-ленинизма, авторы конструируют «капиталистическое государство», лишенное признаков классовой структуры. Страна Дураков (в повести она называется также «неострой») — это «средних размеров страна», достигшая материального изобилия (каким путем, не объясняется, просто говорится, что страна захвачена изобилием «врасплох»). Все или почти все поголовно обеспечены всем или почти всем по части материальных благ. Никаких сколько-нибудь серьезных умственных интересов у людей нет, не говоря уже о социальных устремлениях. Свободное время они просто «прожигают».

<…>

В конце концов всякая мельница выдает муку из того зерна, которое в нее насыпано. Если в машиноэлектронную модель общества не заложили социальных зерен, то и нечего ожидать каких бы то ни было социальных выводов. В чем же смысл опыта? Может быть, авторы эксперимента, отвлекаясь от прочих соображений, хотели просто показать, что если сделать два допущения: 1) предоставить некоему скоплению людей в изобилии материальные блага и 2) лишить их стимулов социального и морального порядка, грубо говоря, поставить их в положение животных на откормочном пункте, то животные начала и будут в них развиваться? Но моделирование такого сорта напоминает анекдотического

таракана, у которого экспериментатор оторвал ноги, чтобы доказать, что без ног таракан ходить не может.

Встает законный вопрос: целесообразны ли такие «фантастические» опыты? Читатель, знакомый с зарубежной фантастической литературой, легко заметит, что модель, созданная авторами повести, отнюдь не оригинальна, она в известной мере воплощает идеи, характерные для ряда романов-предупреждений, созданных на Западе. Но авторы тех романов, хотя и движимы благими побуждениями — предупредить об опасности подчинения человека вещам, безудержного распространения мещанства,— по существу смотрят на возможность развития человеческого общества с пессимистических позиций, ибо не видят подлинных тенденций его развития. Конечно, советским писателям отнюдь не заказано обращаться к столь «заезженной» в фантастике теме, но, очевидно, мы вправе ожидать в этом случае иной ее трактовки, иначе зачем же браться за перо? Но, увы, «табу», наложенное авторами повести на социальные стороны, не позволяет им сказать свое слово, вступить в полемику с теми, кто в силу разных причин страдает ограниченным социальным видением.

Но, может быть, повесть не претендует на серьезность, может быть, достаточно пожать плечами и улыбнуться наивным попыткам моделировать социальный механизм без социальных пружин, опытам, в самих условиях которых заложена их никчемность? В сложной лаборатории соорудили что-то вроде детских часов с нарисованными стрелками, которые не способны показывать время и условны, как и всякая игрушка.

Но повесть не допускает легкого к ней отношения.

Весь «гвоздь» в том, что, производя опыты в лаборатории, в некоем замкнутом условном пространстве, экспериментаторы выносят затем полученную модель в реальный мир и рассматривают ее во взаимоотношениях с целой планетой. Тут уже называются определенные, конкретные вехи истории человечества, устанавливается датировка событий (конец нынешнего века), разговор ведется в глобальном масштабе.

Тем интереснее узнать место, которое отводят авторы Стране Дураков на планете, узнать о ее взаимоотношениях с другими странами, о самом мире конца нашего века — пусть в самых общих контурах.

Однако в обрисовке мира нет даже пунктира, просто отдельные штрихи.

<…>

Судя по одному высказыванию (о нем подробнее пойдет речь дальше), можно сделать вывод, что «в огромном большинстве стран мира» еще существует капитализм. Конкретное упоминание о том, что на свете существует и социалистический мир, во всяком случае, наша страна, сводится буквально к следующему: «В Москве на Международном конгрессе ядерников Хаггертон и Соловьев сообщили о проекте промышленной установки для получения антивеществ. Третьяковская галерея прибыла в Леопольдвиль, официальное открытие произойдет завтра». Так информирует своих читателей одна из газет Страны Дураков. Другой информации читатель повести не получает.

Правда, главный герой повести Иван Жилин, от лица которого ведется повествование,— советский человек. Но он выступает как тайный эмиссар международного учреждения — загадочного Совета Безопасности. В своих размышлениях об общественном развитии Жилин ссылается на брошюру двух «советских педагогов», Криницкого и Миловановича, вышедшую «в конце века».

Педагогику авторы брошюры понимают как науку, совершенно лишенную социального содержания, и в своих рассуждениях ничем не обнаруживают даже отдаленного представления о научном коммунизме.

Знакомясь с размышлениями Жилина и рассуждениями названных «педагогов», на каждом шагу вы ощущаете необходимость в самых решительных возражениях.

<…>

В рассуждениях упомянутых советских людей «раскрывается» основная, коренная причина возникшей для человечества опасности. В конце века советские педагоги

Криницкий и Милованович констатировали, что «в огромном большинстве стран мира воспитание молодого поколения находится на уровне восемнадцатого-девятнадцатого столетий». «Эта давняя система воспитания,— пишут они далее,— ставила и ставит своей целью прежде всего и по преимуществу подготовить для общества квалифицированного, но оболваненного участника производственного процесса». Поэтому, приходят они к выводу, «вне производственного процесса человек в массе остается психологически человеком пещерным, Человеком Невоспитанным». Его характеризует «неспособность индивидуума к восприятию нашего сложного мира во всех его противоречиях, неспособность связывать психологически несовместимые понятия и явления, неспособность получать удовольствие от рассмотрения связей и закономерностей, если они не касаются непосредственного удовлетворения самых примитивных социальных инстинктов». «Человек Невоспитанный воспринимает мир как некий по сути своей тривиальный, рутинный, традиционно простой процесс, из которого лишь ценой больших усилий удается выколотить удовольствия, тоже в конце концов достаточно рутинные и традиционные».

Как видим, нарисована довольно пессимистическая картина.

Авторы брошюры не видят необходимости в социальных переменах в мире, о котором они рассказывают. Основная задача человечества на ближайшую эпоху, по их убеждению, будет чисто педагогическая: развитие мозга у Человека Невоспитанного. «…Неиспользованные потенции остаются, по-видимому, скрытой реальностью человеческого мозга. Задача научной педагогики как раз и состоит в том, чтобы привести в движение эти потенции, научить человека фантазии, привести множественность и разнообразие потенциальных связей человеческой психики в качественное и количественное соответствие с множественностью и разнообразием связей реального мира. Эта задача, как известно (!), и должна стать основной задачей человечества на ближайшую эпоху».

В своих рассуждениях Криницкий и Милованович не оригинальны. Утверждение, что подлинный прогресс человечества зависит от простого распространения образования, помимо социальных предпосылок и условий, вы можете не в конце века, а сегодня услышать из уст некоторых буржуазных социологов.

Самое же удивительное состоит в том, что в повести никто даже не пытается оспаривать эти взгляды «советских педагогов», а главное действующее лицо — смелый и решительный, но, как мы получим возможность убедиться дальше, весьма не сильный в вопросах теории Жилин — принимает их по своей простоте за чистую монету.

Таково главное препятствие, с которым столкнулись создатели «неостроя».

«Но пока эта задача не решена,— предостерегают Криницкий и Милованович,— остаются основания предполагать и опасаться, что успехи психотехники приведут к таким способам волновой стимуляции мозга, которые подарят человеку иллюзорное бытие, яркостью и неожиданностью своей значительно превышающее бытие реальное. И если вспомнить, что фантазия позволяет человеку быть и разумным существом и наслаждающимся животным, если добавить к этому, что психический материал для создания ослепительного иллюзорного бытия поставляется у Человека Невоспитанного самыми темными, самыми первобытными рефлексами, тогда нетрудно представить себе тот жуткий соблазн, который таится в подобных возможностях…»

Таким образом, искусственно созданная в творческой лаборатории писателей модель Страны Дураков вдруг превращается в некий типичный случай для истории человечества, предопределенный развитием или, вернее, недоразвитием Человека Невоспитанного, представляющего основную массу населения планеты.

Поскольку угроза, идущая из Страны Дураков, приобретает планетный масштаб, в действие вступают международные силы. Совет Безопасности (?) посылает туда для расследования обстоятельств своих тайных эмиссаров. Среди них

и Иван Жилин, хорошо известный читателям по другим произведениям братьев Стругацких.

Ознакомившись с отчаянным положением в Стране Дураков, Жилин решительно устремляется на ее спасение.

Жилину уже приходилось, и не раз, участвовать в спасательных операциях. <…>

В другой раз Жилин в сердцах восклицает: «До каких же пор вас нужно будет спасать? Вы когда-нибудь научитесь спасать себя сами? Почему вы вечно слушаете попов, фашиствующих демагогов, дураков опиров? Почему вы не желаете утруждать мозг? Почему вы так не хотите думать?» (Опир — одно из действующих лиц повести, философ — проповедник материального благоденствия.)

Как видно, Жилин вполне разделяет точку зрения Криницкого и Миловановича насчет того, что во всех бедствиях человечества повинна недоразвитость мозга у основной массы индивидуумов, и он так же, как и они, не видит социальных сторон даже в самых крупных событиях истории. В размышлениях положительных персонажей повести понятие Страны Дураков распространяется далеко за ее географические пределы.

В обрисованном Жилиным мире, где люди без конца подвергаются воздействию различных злых сил, не видно сил, им противостоящих. Спасение приходит все время извне.

Жилин решает принять активное участие в новом спасении дураков, «в последней войне, самой бескровной и самой тяжелой для ее солдат».

В этой войне он не сможет опираться на социальные силы: в Стране Дураков их нет, да они, собственно, в данном случае и не нужны. Ведь задача этой войны — развитие потенций мозга Человека Невоспитанного.

На этом повесть обрывается. Читатель может сам раздумывать о том, к чему приведут усилия Жилина и тех, кто возьмется ему помогать. Жилин, как и полагается закаленному бойцу, не сомневается, что он и другие «солдаты» — на этот раз «педагоги и воспитатели» — и в этой последней войне своего добьются. Что же, интересно, у них получится?

Страна Дураков без всяких социальных изменений, вполне по рецептам Криницкого и Милованович, превратится в общество материального изобилия с умственно развитыми людьми? С Жилина трудно спросить, но авторы, как нам кажется, могли бы помочь своему любимому герою сообразить, что цепочка: капиталистическое государство — «неокапитализм» с дефектами в силу недоразвитости человеческого мозга — «неокапитализм», исправленный благодаря педагогическим усилиям,— общество материального изобилия и духовного развития всех его членов — представляет собой чистый домысел, лишенный реальной основы, не имеющий никакой опоры в законах общественного развития. Жестоко поступили напоследок писатели с давним своим и таким симпатичным по характеру героем, направив его усилия на осуществление невыполнимой задачи.

Книга братьев Стругацких вызвала довольно много откликов. Были и положительные оценки, высказывалось немало и критических замечаний. Говорилось об уязвимости повести с философской стороны. Нам представляются в этом отношении справедливыми замечания, которые высказал академик Ю. Францев. <…>

О повести «Хищные вещи века», может быть, и не стоило бы столь детально говорить спустя почти два года после ее выхода, если бы в последнее время в ряде критических выступлений (И. Михайловой в № 12 «Звезды» за 1966 год, Ал. Горловского в № 1 «Юности» за 1967 год, Ю. Кагарлицкого в № 1 «Иностранной литературы» за 1967 год) не прозвучала бы только положительная оценка книги. При этом достоинства книги в некоторых случаях видят как раз в ее недостатках. <…>

Читателя предостерегают от опасности непонимания главного смысла повести и подсказывают, как ее надо «понимать». Но повесть не согласуется с этой «подсказкой». Она показывает не просто трагедию человека, подвергнувшего себя в жажде наслаждений нравственному и физическому самоубийству, а судьбу общества, которое «хищные вещи века» поставили на край гибели.

Однако в сколько-нибудь серьезном прогнозировании подобных процессов именно экономическая и социальная основа общества, отличия капиталистического мира от социалистического в первую очередь должны быть приняты во внимание.

В литературных дискуссиях, в выступлениях на страницах печати некоторые называют «Хищные вещи века» «повестью-предупреждением» и в том усматривают основное ее достоинство. Но, когда речь заходит о романе-предупреждении, мы не можем не различать, кого и о чем стремится предупредить писатель и из каких позиций он исходит. Нужно ли добавлять, что от советского автора мы, естественно, ожидаем марксистско-ленинского подхода к явлениям?

Кого и о чем «предупреждают» «Хищные вещи века»? Может быть, человечество вообще предупреждается, что любое общество, достигшее материального изобилия, рискует оказаться во власти «хищных вещей века»? Об «опасности» материального изобилия для человечества, как иногда приходится слышать? Беде, которая зависит не от социальной структуры общества, а от «человеческой натуры»?

В основе подобных взглядов лежит немарксистское, ограниченное представление о путях развития человечества.

<…>

Рабочий дневник АБС

12.06.67

Б. прибыл в Москву в связи с отвергнутием СоТ Детгизом. Надобно сочинить заявку на оптимистич<ескую> повесть о контакте.

Сочинили заявку. Повесть «Обитаемый остров».

Сюжет:

Иванов терпит крушение.

Обстановка. Капитализм. Олигархия. Управление через психоволны. Науки только утилитарные. Никакого развития. Машиной управляют жрецы. Средство идеальной пропаганды открыто только что. Неустойчивое равновесие. Грызня

в правительстве. Народ шатают из стороны в сторону, в зав<исимости> от того, кто дотягивается до кнопки. Психология тирании: что нужно тирану? Кнопочная власть — это не то, хочется искренности, великих дел.

Есть процент населения, на кого лучи не действуют. Часть — рвется в олигархи (олигархи тоже не подвержены). Часть — спасается в подполье от истребления, как неподатливый материал. Часть — революционеры, как декабристы и народники.

Иванов после мытарств попадает в подполье.

13.06.67

Афронт в «МолГв» с СоТ.

Новое не нужно:

a) Новое вытесняет старое (т. е. нас): завтра;

b) Новое причиняет хлопоты и беспокойство: сегодня.

Стратегия вещи: столкновение сил прогресса и конформизма.

Линии обороны:

a) Непризнание разумности (антропоцентризм);

b) Если и разумен, то контакт невыгоден;

c) Если контакт и выгоден, то вреден психологически — потрясение основ, политика, сосед в инд<ивидуальной> квартире.

Песня о преданном шпионе.

Песня о пастухе, которому выбодали глаз и который нарушил государственную границу.

14.06.67

Из домов вдруг выезжают люди — не понимая почему, и там начинают появляться мокрецы (напр<имер> дом, около которого Виктору приложили). И приятель Виктора на вилле; прислуга сбежала; горы грязной дорогой посуды; концентраты; «возьми меня с собой… впрочем, нет… я — так…». Потом сбег<а>ет. На вилле ночью эксперимент мокрецов, неудача, десятки погибших. Знамение — расступающаяся вода, или двигающаяся Луна и пр.

Владелец виллы — скульптор, бывший талант, ныне продавшийся.

Голем как прорицатель. «Предрекни что-нибудь, доктор!» И он предрекает: «Не будет кастрюль!..» Однажды он ломается, плачет, жалеет о том, что уйдет навсегда и не вернется.

На вилле: сквозь сон — детские голоса, смех. Потом толчок, скачет по лесу, поляна с трупами, освещ<аемая> луной, дуб, выдирающийся из земли, луна светит в квадрат, вырезанный в облаках; дети прогоняют их; возвращаются; детские слезы на полу. Бол-Кунац: «Идите, г-н Банев, это наше место, а вы — на свое».

Опыт теряет ценность из-за скорости прогресса — отсюда повышается консерватизм власть имущих.

15.06.67

Ездили в «Мир», забрали «Far Rainbow». Б. уезжает.

И снова общаются АН и Альтов: идет пересылка рукописи в издательство. Но теперь уже не АН собирается публиковать Альтова, а наоборот.

Из архива. Из письма АНу от Альтова, 15 июня 1967

Уважаемый Аркадий Натанович!

Мы очень рады получить вторую часть «Улитки». Поскольку наша Комиссия сейчас распущена на летние каникулы, присылать рукопись пока не надо. Окончательное комплектование сборника произойдет примерно в сентябре. К этому времени и понадобится рукопись.

Специфика нашего издательства, как я говорил, в том, что в нем нет порядка. Евгений Львович сейчас в Москве: надеюсь, он вам красноречиво расскажет об издательстве. Но именно в этом случае важна другая сторона этой самой специфики: издательство, конечно, не будет возражать.

Сокращать повесть, мне кажется, не надо. Пол-листа роли не играют. А объем — судя по всему — у нас будет.

Итак, еще раз спасибо!

<…>

[подпись]

Письмо Аркадия брату, 17 июня 1967, М.— Л.

Дорогой Боб!

Встреча с Мирским меня разочаровала — до такой степени, что я даже не стал выставлять ему вино. Очевидно, человек без работы, прочитал ПнА и В (остального не читал), под влиянием друзей решил, что это прекрасные вещи, и решил пробовать. Правда, ПнА он знает хорошо и вообще знает, видимо, чего хочет: скромную картину стоимостью подешевле, с характерами и с камерным конфликтом. Коротко говоря, он пойдет на студию Горького (а не Мосфильм) договариваться. Я ему прямо сказал, что без договора и аванса начинать мы не будем, и он нас отлично понял. Спросил только, сколько времени нам нужно на сценарий. Я ответил, что месяц. Всё.

Иных новостей нет. Вчера сходили с Ленкой на «Айболита»[1]. Должен сказать, что я, пожалуй, согласен с Ревичем. Мне не понравилось. Хороши только несколько сцен с Быковым, остальное утомительно и пресно.

Ну вот, жму руку, целую тебя и Адку. Завтра пишу мамочке.

Твой Арк.

P. S. Сейчас еду к Девису по поводу предисловия к Саймаку. Деньги все-таки нужно делать.

Письмо Бориса брату, 20 июня 1967, Л.— М.

Дорогой Арк!

Получил твое письмо. Что касается Мирского, то бог с ним. Наше дело маленькое — написать сценарий и получить 50 %. Если удастся — хорошо. А возможно, этот безработный Мирский и весь фильм пробьет — ему ведь тоже жить надобно.

В Ленфильм я позвонил сразу по приезде. Говорил с Рохлиным. Он подтвердил всё вышеизложенное и сказал, что когда им удастся взаимно сговориться всем, они мне позвонят. Пока вот не звонят.

Был у мамы. Она чувствует себя неплохо. Обследование радиоактивным фосфором дало примерно следующий вывод:

[1] К/ф «Айболит-66» реж. Р. Быкова.

«БЫСТРОГО роста опухоли нет». Теперь с этим заключением надо попасть к профессору и послушать, что он скажет.

Адка уехала. Я отдыхаю вовсю. «Не шалю, никого не трогаю, починяю зубы»[1]. Осталось еще починить полтора, а потом можно будет сделать перерыв — прочие терпят.

Получил два любительских письма. Одно — из Карагандинской обл-ти, от ребятишек. Другое — аж из Владивостока, с рисунками для ТББ. Даже не с рисунками — с линогравюрами.

Сегодня зван к Мееровым на тушеную баранью ногу с чесноком. Ужо. У Меерова отвергли рассказ для ленинградского сборника, продержав предварительно около года. Странны дела твои, господи!

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Письмо Аркадия брату, 23 июня 1967, М.— Л.

Дорогой Боб!

Имеет место некоторое странное развитие дел в «Сов. Писателе». Не помню, говорил ли я тебе, что Лена Соколова (бывшая жена)[2] сидит в аспирантуре МГУ и руководитель ее — спец по литературе 18 века Александр Васильевич Западов. Он ее любит, она к нему вхожа и проч. Гвоздь в том, что этот Западов является кроме всего прочего членом правления издательства «Сов. Писатель» и самым крупным авторитетом в редакции русской советской литературы. И еще он близкий друг с директором издательства Лесючевским. Нас он читал и одобрял, и когда Лена намекнула ему, чтобы он взял на рецензию нашу рукопись, он согласился. Позавчера я ходил к нему на свидание. Коротко говоря, дело сводится к следующему. Повесть ему понравилась. Видно влияние Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Подход булгаковский, но в сто раз лучше. Однако он, Западов, потому и авторитет в издательстве (хех-хех-хе!), что он занимает позицию читателя-дурака.

[1] Перифраз из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова (ч. 2, гл. 27).

[2] Бывшая жена Олега Соколова.

Повесть непонятна. В таком виде и с такими ассоциациями она не пойдет. Нужно кое-что изменить и прояснить. Что именно? Вы не подскажете, Аркадий Натанович, что бы мне написать в рецензии? Рецензия будет готова через неделю и будет она положительная с рядом предложений авторам. Надлежит Вам, Аркадий Натанович, при вызове в редакцию прочесть рецензию, изобразить на лице восторг, воскликнуть: «Вот этого нам как раз не хватало!» и со всем согласиться. Затем свершить некоторую работу по переделке и потребовать себе во внештатные редакторы его, Западова. И вещь отлично и быстро пройдет, за это он, Западов, ручается. Вот какое положение. Заметь, ему рукопись дали на заклание, его слово решающее, сколько бы ни было отрицательных мнений. Рецензия действительно будет к среде будущей, мне Лена уже звонила. Вот и думай теперь. Там еще много привходящих моментов: и то, что Западов в 27-м году учился в ЛГУ с двумя братьями Стругацкими (?), и то, что он любит и уважает мою учительницу и приятельницу Веру Николаевну Маркову и пр. Одним словом, обстановка максимально возможного благоприятствования.

Второе развитие дел — в Детгизе. Котляр прислал на имя главного редактора донос на Нину и Калакуцкую, обвиняя их в неспровоцированном враждебном к себе отношении, в покровительстве евреям, в злоупотреблениях и прочем. Главный взбеленился и объявил, что это оскорбление издательства. Что-то будет. Тем временем вчера я получил расторжение договора на «Тройку» и Нина сообщила, что завтра-послезавтра позовет меня подписывать авансовый договор на «Обитаемый Остров» — все визы уже есть.

В остальном всё ладно. Жму, целую. Привет Адке, будешь писать.

Поцелуй мамочку. Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 26 июня 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Дозвониться до тебя днем, по-видимому, невозможно, так что я — дабы не тянуть — решил просто написать. Опять же

из твоего сонного и малосвязного бормотания я таки уловил, что от нас ничего не зависит, и поверил в это. Письмо-то у тебя так написано, что я воспринял его как указание немедленно начать размышления на тему: как Западову написать рецензию на УнС самым удобным для нас способом. Меня ввели в заблуждение цитируемые тобою вопросы Западова: «Нужно кое-что изменить и пояснить. Вы не подскажете, что мне написать в рецензии?» Теперь я понял, что вопросы были риторическими. Ну что же, будем ждать развития событий. Глядишь, и получится что-нибудь. Неукоснительно сообщай мне о происходящем.

Я кончил лечить зубы. Ура. Теперь сегодня-завтра приедет Адочка, и мы начнем делать ремонт. После ремонта я переведу дух и поеду к тебе. Звонил я тут Нине Чечулиной в Лениздат. Оказывается, нашу трилогию на 68-й год зарубили, но реальной является возможность переиздать ее в 69 или 70. Завредакцией у них все вопит, что надо издавать не эти вонючие фантастические альманахи, а толстые книги отдельных авторов. Так что шансы есть. Сейчас Нина уходит в отпуск, а вернувшись — в начале августа — примется разнюхивать.

Мама чувствует себя неплохо. Я у нее последнее время частенько бываю — забиваем тысячу.

Вот и все мои новости.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Был на собрании писателей по итогам съезда. Шагинянша, говорят, сказала про съезд: «Большая гнусь». Так вот у нас была малая гнусь.

Письмо Аркадия брату, 29 июня 1967, М.— Л.

Дорогой Боб!

О ЗПвГ пока ничего нового. Жду звонка от Соколовой.

СоТ читали Ревичи и Биленкины. Им понравилось. Общее мнение — слишком растянуто. Севка даже конкретно предложил просто механически сокращать по каждой странице на четверть. Татьяна предлагает попробовать сунуть одну главу (с Эдельвейсом и жидким пришельцем)

в «Вокруг света» — давеча видел Соколова, он тоже осторожно на это намекал в смысле своего «Искателя».

По давнему обещанию дал читать СоТ в «Знание — силу». Пока ничего. Правда, дал всего позавчера, а нынче утро. Завтра буду звонить Подольному.

«Экран» устраивает просмотр нового фант. фильма «Мы — марсиане». Для фантастов. В целях обсуждения. Фантастов очень мало сейчас осталось, но человек пять наберется. В Обнинске показывали, там понравилось. Севке тоже нравится. Хотя, говорят, опять искалечили фильм до крайности. Первый вариант, говорят, был самый лучший. Потом стали доводить до уровня массового зрителя — и изрядно повыхолостили, кретины госкомитетовские.

Был на редколлегии «Знания — силы», обсуждался проспект юбилейного номера. И присутствовал там зам. госкомитета по профтеху, который курирует журнал. Вот Хлебовводов! Настоящий, матерый, куда нашему до него. Был послом в Венгрии, довел Венгрию до 56-го года, венгры приехали, в ноги упали: заберите, дурак ведь! Присмотрелись — и верно, дурак. Промаялся он в резерве несколько лет, а теперь вот зам. пред. госкомитета, издательскими делами в системе профтеха заправляет. Заявил это без ложной скромности: «Я, ета, получил указание в аккурат шестью отделами, ета, заведывать». Указание по существу дела дал буквально такое: «В юбилейном номере, ета, надо поместить всё, что положено поместить в юбилейном номере»[1].

Подписал за нас обоих договор на «Обитаемый остров». Аванс переводят третьего. Из «Мира» выслали договор на предисловие. А по «Мол. кафе» нам вместе причитается 180 руб. Приедешь — выдам наличными.

Вот всё. Вышли соображения по предложению Тани насчет главы в «Вокруг света».

Жму, целую, твой Арк. Да здравствуют отремонтированные челюсти.

---

[1] Речь о номенклатурном работнике Г. Денисове. Однако «довести Венгрию до 56-го года» он не мог, поскольку был там послом в 1963–1965 гг.

Следующий материал в библиографии Авторов стоит несколько особняком. Юрий Медведев, который позднее еще встретится нам многократно и в весьма негативном контексте, в ту пору издательским чиновником не был, по отношению к АБС вел себя вполне благожелательно, работал в журнале «Техника — молодежи» и как-то раз организовал там публикацию интервью, якобы взятого им у Авторов в квартире на Бережковской набережной. Правда, достоверность текста вызывает сильнейшие сомнения, ибо, насколько известно, с обоими братьями интервьюер вообще не встречался, в лучшем случае имела место беседа с одним АНом, далее «разложенная на голоса». Сейчас уже невозможно восстановить степень истинности того или иного высказывания, приписанного Авторам. Вероятно, тогда Медведев был уже шапочно знаком с АНом, но такого знакомства, конечно, недостаточно для столь вольных «шалостей».

Волей судеб именно Ю. Медведев, в будущем один из наиболее рьяных гонителей Авторов, нечаянно поспособствовал анонсированию их двух новых повестей (одной — под собственным именем, другой, будущей «Сказки о Тройке»,— под рабочим названием). Тех самых, которые затем оказались отлученными от печати и для абсолютного большинства читателей надолго оставались только названиями, упомянутыми в этом самом интервью, опубликованном в № 7 «Техники — молодежи».

АБС. Дороги научного прорицания

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.
А — Аркадий Стругацкий, писатель-фантаст.
Б — Борис Стругацкий, писатель-фантаст.
Я — автор репортажа.

Сознаюсь: я далеко не сразу полюбил их творчество. Первые повести этого, в ту пору еще непонятного для меня содружества астронома и японоведа казались мне слишком «приземленными», «реальными». В ту пору я упивался звездными мостами «Туманности Андромеды», открывал для себя медлительную, мерцающую прозу Рэя Брэдбери, зачитывался Станиславом Лемом.

И вдруг — «Далекая Радуга». Я «проглотил» ее сразу, в один присест, за одну ночь. С тех пор меня не покидает видение планеты, сотрясаемой страшной неведомой Волной,

и последние нуль-перелетчики уходят под звуки банджо в смыкающиеся ворота огня, и в одиноком небе висит корабль со спасенными для будущего детьми.

С тех пор братья Стругацкие написали несколько новых книг. Они переведены во многих странах мира. Герои этих книг, перенесенные волею таланта их создателей из будущего в настоящее, разбрелись по всей Земле…

Вот о чем я думал, когда солнечным московским утром вышагивал по Бережковской набережной к дому, где обитают Стругацкие. Поднялся по лестнице. Позвонил. Был препровожден в кабинет. Огляделся. Наверное, бессмысленно говорить, что все кабинеты писательские одинаковы: вдоль стен книжные полки, заставляющие сердце библиофила вздрагивать; на столе — завал писем и рукописей.

Вошли Аркадий и Борис. Они точно такие, как на прилагаемой фотографии. Поскольку мы и раньше были знакомы, я, не давая братьям опомниться, ринулся в волны «фантастического» интервью.

Я. Выходит всё больше и больше фантастических книг. Фантастика властвует над сердцами и умами миллионов читателей. Теперь существуют два мира: реальный и фантастический — с машинами времени, с роботами, со сверхсветовыми скоростями. На ваш взгляд: что есть фантастика? Какой вам видится история развития этого жанра?

А. *(доставая откуда-то записную книжку и перелистывая ее).* Когда занимаешься любимым делом, невозможно уйти от искушения определить суть его (дела) железной формулировкой. Фантастика — литературное отображение мира, сильно сдобренного человеческим воображением. Как заметил Абэ Кобо…

Б. *(подключаясь).* Да, как заметил наш японский друг Абэ Кобо, фантастика — пралитература, первичная литература. Мифы, сказки, поверья, легенды — фантастика младенческого возраста человечества. Конечно же, мифология — эта милая гипотеза о существовании сверхъестественных сил — пыталась осмыслить лишь природу, а не социальные коллизии. Но

полз ледник, сметая всё на своем пути, но огонь и наводнения пожирали первые творения рук человеческих, но орды варваров сеяли смерть и уничтожение — и человек начинал понимать: жизнь — это не подчинение воле богов, а скорее борьба с ними. Так возникла потребность в утопии (дословный перевод этого греческого слова — «место, не существующее нигде»). Утопия — одна из форм критики настоящего во имя будущего.

Я. Значит, и утопический проект Филеаса Халкедонского, и «Республика» Платона, и «Утопия» Томаса Мора, и «Город Солнца» Кампанеллы — все эти произведения, будучи свободной игрой фантазии, выражали неудовлетворенность людей существующими отношениями?

Б. Да, это, так сказать, попытки социального осмысления мира. Реализм — их естественное завершение. Человек, будучи от природы исследователем, не мог не ощутить потребности в реализме.

Я. А Свифт? Его смело можно называть реалистом, но вместе с тем…

А. Правильно. Элементы того, что мы теперь называем фантастикой,— спутники реализма со дня его рождения. Более того, есть блистательные писатели, в чьем творчестве реализм и фантастика неразделимы.

А, Б и Я *(вместе)*. Гоголь, Бальзак, Достоевский, Гофман… Михаил Булгаков… Брэдбери.

Б. Да, Брэдбери — один из великолепных представителей фантасмагории.

Я. Забыли Жюля Верна и Герберта Уэллса.

А. Жюль Верн — другое. Он первый понял, что в мире дает о себе знать влияние технологии. Он осознал: Земля медленно, но неотвратимо населяется машинами.

Б. И сам помог этому «размножению» машин, хотя до конца своих дней опасался, что его железные питомцы со временем могут стать даже причиной регресса общества. Жюль Верн — певец технологии. Люди и их отношения между собой интересовали его лишь как иллюстрация к техническим идеям. Талантливые описания последующих технических открытий — вот суть любого из его романов.

Я. Мысль интересная, но…

Я встал, взял с полки томик Жюля Верна и открыл наугад.

«…Вернувшись на «Наутилус» после двух часов работы, чтобы поесть и немного отдохнуть, я сразу почувствовал резкую разницу между чистым воздухом аппарата Рукверойля и сгущенной, перенасыщенной углекислотой атмосферой «Наутилуса». Воздух не обновлялся внутри корабля почти сорок восемь часов и был уже мало пригоден для дыхания.

За двенадцать часов непрерывной работы нам удалось вырубить из очерченного на льду овала слой толщиной только в один метр…»

Я. …Но ведь и Герберт Уэллс…

А. О, Уэллс совсем другое.

Юрий Олеша называл его романы «мифами нового времени — мифами о машине и человеке». Он первый понял, что введение фантастического приема необычайно выявит основные тенденции развития общества. Это он понял интуитивно. Занимаясь сугубо реалистическими проблемами, он решал их с помощью приемов фантастики. «Человек-невидимка» более резко отразил сущность английского мещанина, чем все уэллсовские нефантастические романы, вместе взятые. После него мало кто сомневался, что в общем спектре литературы фантастике по силам яркое освещение социальных тенденций. В этом суть дела. Не случайно за рубежом никто не считает Герберта Уэллса фантастом. А вот Жюля Верна считают, хотя он дал романтические образы.

Я. Значит, разделившись — условно! — на «уэллсовскую» и «жюль-верновскую» линии, фантастический жанр в таком виде и дожил до наших дней?

Б. В принципе да. Вот послушайте: наугад прочту абзац из Уэллса *(он раскрыл лежащую под рукой книгу):*

«…Рука, обмотанная цепью, прошла сквозь селенита, размозжила его, раздавила, как… конфету с жидкой начинкой. Он обмяк и расплескался. Можно было подумать, что

я ударил по гнилому грибу. Его хилое тело отлетело ярдов на двенадцать и мягко шлепнулось. Я был очень удивлен. Никогда бы я не поверил, что живое существо может быть таким рыхлым! На миг мне было трудно поверить, что это не сон.

Потом опять все стало совершенно реальным и грозным»…

Разве не похоже на прозу Брэдбери? Помните, у того есть рассказ, где в лунную ночь в горах встречаются два человека, хотят поздороваться, но их руки проходят одна сквозь другую. Эти люди из разных миров, из систем с разной точкой отсчета времени. Но дело даже не в том, что Брэдбери логически «додумал» идею Уэллса. И стилистически он — писатель-«уэллсовец»…

А. В последние годы эти две линии фантастического жанра начинают, по-моему, сближаться. Медленно и осторожно сближаются. Тут не стоит опасаться ни аннигиляции, ни кровосмешения.

Я. Кто-то из зарубежных литературоведов назвал фантастов «сумеречными пророками человечества». Отбрасывая эпитет «сумеречный», нельзя ли сказать: фантастика непрерывно бомбардирует Землю логическими моделями возможного будущего?

А, Б. *(вместе).* Нет, нет, нет, нет…

А. Нет. Чем выше уровень цивилизации, тем меньше остается у фантаста прав на пророчества. Жюль Верн мог еще закидывать удочки в будущее. В недалекое будущее. Но когда речь идет не о технологии, а о социальных перспективах, всякие художественные прогнозы — дилетантство. Ими должны заниматься только крупные ученые — историки, социологи, футурологи и т. д.

Б. Парадоксально, но фантастика не имеет почти никакого отношения к будущему, хотя и подготавливает человека ко времени железных чудес. Главная ее задача — в художественной форме переводить идеи науки на язык простого смертного.

Я. А как же «Туманность Андромеды», например?

Б. «Туманность Андромеды» — это отображение в художественных образах современных идей научного коммунизма. «Магелланово облако» Станислава Лема — тоже о настоящем. И наша повесть «Возвращение» с подзаголовком «Полдень. 22-й век» — вовсе не попытка напророчествовать. «Возвращение» — идеальное состояние человечества в наших недавних представлениях.

А. Когда-то я ужаснулся, прочтя «451° по Фаренгейту». А потом неожиданно понял: да ведь Брэдбери пишет о настоящем! Об ужасе и беззащитности современного гуманитария перед движением науки и технологии, находящихся в руках мерзавцев.

Б. Или блестящая книга Айзека Азимова «Я, робот». Что это такое? Предвидение развития кибернетики? Модели людей с абсолютной совестью, не отягощенной первобытными инстинктами. Три азимовских закона роботехники каждый фантаст должен повесить у себя над письменным столом.

Я инстинктивно посмотрел туда, где над столом писательским висели отчеркнутые красным карандашом

ТРИ ЗАКОНА РОБОТЕХНИКИ

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму законам.

Из «Справочника по роботехнике»

56-е изд., 2058 год.

Я. Речь зашла о роботах. Не может случиться так, что со временем разборка мыслящего робота из вопроса технологического превратится в вопрос этический?

А. По нынешней морали, да. Но нельзя забывать, что мы вольно или невольно считаем роботов неизмеримо ниже себя. Установление «совместных контактов» с роботами — дело будущего.

Я. Фантасты разработали тысячи моделей машин времени. Представьте, что в вашем распоряжении — самая мощная машина. Куда бы вам хотелось слетать?

А, Б. *(не раздумывая)*. В прошлое!

Я. ?!

А. На десять-двенадцать тысяч лет назад! «Проверить» цивилизацию, заглянуть к майя, инкам, ацтекам…

Б. В Древний Египет. В Финикию. Выяснить, прилетали ли на Землю существа из других миров.

Я. Хорошо, если бы машина была трехместной — попросился бы к вам в экипаж. Итак: в прошлое. Значит, ваши любимые писатели — историки?

А, Б. Любимые — Гоголь, Салтыков-Щедрин, Уэллс, Алексей Толстой, Ефремов, Брэдбери, Лем.

Я. Что вам больше всего нравится в фантастике?

А. Социальная глубина, реалистичность образов героев и выдумка.

Я. Над чем вы теперь работаете?

А. Сразу над двумя повестями. Пока можем сказать только их названия — «Гадкие лебеди» и «Новые приключения Александра Привалова».

Б. Зимой в журнале «Байкал» вышла повесть «Второе нашествие марсиан».

Я. Последний вопрос: ваши планы на будущее?

А, Б. Писать, писать, писать…

А. И еще — бороться с непониманием фантастики. Бытописатели без космического воображения делают вид, будто фантастика попросту не существует. Но те, кто чувствует ее огромные жанровые возможности — Тендряков, Гранин, Обухова, Соколова,— всё чаще обращаются к ней. Фантастика — пока еще гадкий утенок. У нее даже нет своего журнала. Но уже недалеко то время, когда на кино- и телеэкранах будут демонстрироваться ее фильмы, когда по радио будут звучать ее передачи. Когда у нее появятся свои историки и исследователи… В неказистом облике «гадкого утенка» уже явственно проступают черты будущего прекрасного лебедя. Дальнейшая трансформация неизбежна!

Письмо Бориса брату, 1 июля 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Звонил еще раз в Ленфильм, сообщил, что на днях уезжаю в Москву, поторопил. Обещали в ближайшее время устроить совещание.

2. Куски из СоТ, я полагаю, можно давать всем, кто хочет их получить. Всех предупреждать, что это первый вариант, что всё еще будет переделываться, но давать. Давая, сокращать посильно и поелику. Пусть-ка поработает повестушка. Какая она там ни на есть, а пусть поработает!

3. Позвонили мне из «Невы», попросили написать рецензию на повесть Шейкина. Повесть — не бог весть, но писать буду положительно-доброжелательную, с деловыми советами.

4. В доме — ремонт. Ходят посторонние люди, громко разговаривают и творят бесчинства. И продлится это еще не меньше недели.

5. Вдруг мне позвонил Карнаков. Опять насчет марок. Я был с ним максимально холоден, чего и тебе советую.

6. Прислали из Вильнюса издание «ДР» и «ТББ». Приятно. Первый перевод ТББ на иные языки.

Вот, сосно, и всё.

Жму ногу, целую, твой [подпись]

P. S. Ленке привет.

Письмо Аркадия брату, 5 июля 1967, М.— Л.

Дорогой Боб!

1. Звонил Мирский, сказал, что Герасимов (это шеф студии Горького) прочитал «Путь на Амальтею» и ему понравилось. Предложил Мирскому дать читать директору. На этом пока всё.

2. Севка устроил для фантастов просмотр нового мосфильмовского фильма «Таинственная стена» (в девичестве — «Мы — марсиане»)[1]. Ты знаешь, ничеГё. Я смотрел не

[1] Реж. И. Поволоцкая, Н. Садкович.

без удовольствия. По сравнению с литературой, конечно, ничего нового, но образ<а> получились хорошие, а есть места прямо-таки захватывающие. Этот фильм сейчас преследует Госкомитет, а мы написали им хвалебную бумагу.

3. Сказал Тане Ревич, чтобы брала главу из СоТ. Пусть пробует. Но как-то мне мнится, что ничего из этого не выйдет. Очень уж все среднее начальство обалдело и устало от подготовки к 50-летию.

4. Севка давеча сказал, что «Неделя» провела анкету среди выдающихся людей современности с вопросом, что они читают в данный день. Б. Егоров ответил, что читает «ТББ» и наслаждается. И вообще выяснилось, что большинство читают фантастику: Брэдбери, Азимова и т. д. Только Майя Плисецкая читала Пушкина, а Чаковский из «ЛитГазеты» читал «Записки» Пришвина. Надо будет расстараться и достать этот номер.

5. В № 6 «Вопросов философии» см. статью «Социология и научная фантастика» Файнбурга. Интересно. Там есть выводы из пермских анкет.

6. Рукопись «Фантастика, 67» (с ВНМ) на прочтении в главной редакции. Молись.

Вот всё. Ждем тебя, пожалуй к нам, не замешкав.

Привет Адке, целую, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 7 июля 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Был в Ленфильме. Встреча была организована редакцией для взаимного знакомства авторов и режиссера. Режиссер — Алексей Герман — молодой парень лет 25-ти, очень милый, с юмором, культурный, безумно левый, деловой. Очень мне понравился. Ничего окончательного сказано, естественно, не было. Много говорили о фильме, обменивались мнениями. Он прекрасно знает сценарий и повесть, видно, что это всё ему действительно нравится и что фильм снимать он действительно хочет. Сейчас он заканчивает свой первый фильм, должен сдать его в середине

ноября, а потом вплотную заняться нами. На том и разошлись, обменявшись мнениями и адресами. Редакция считает его перспективным молодым человеком. Посмотрим.

2. Ходил в «Неву». Меня попросили дать рецензию на повесть Шейкина и согласиться быть ее редактором. Я дал и согласился. Познакомился с редактором отдела прозы — милейшим парнем Соломоном[1] (Сашей) Лурье, большим нашим поклонником. Познакомился с главредом т. Поповым Лександрой Федорычем — человеком обаятельным, милым, мягким, вежливым и — по отзывам — чудовищной бездарью <…>, много лет уже старательно губящим журнал. Был обласкан, расспрошен о творческих планах и получил совершенно официальное предложение подать заявку на 1968 год, на фантастическую вещь в 10–15 листов. Оказывается, они уже давно говорят о том, что надо привлекать Стругацких (Лурье это подтвердил). Тираж у них падает. Ну что ж. Первый вариант «ОО» можно будет дать им на потеху. Хватит им печатать Мартынова да Шейкина.

3. Вырезку из «Недели» прилагаю. Молодец, Боря! Орел!

4. Ремонт идет вовсю. Я жду только наступления последнего этапа — когда все тяжести будут перетащены на отремонтированную территорию, моя грубая физсила станет не нужна, и тогда я моментально удеру. Ждать меня надобно числа одиннадцатого-двенадцатого. Вряд ли раньше. Но я еще позвоню или телеграфирую.

Вот пока и всё. Остальное при встрече.

Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет.

К письму приложена вырезка из «Недели» (1967, № 27) с ответами на микроанкету «Кто что читает». В ней космонавт Борис Егоров говорит: «“Трудно быть богом” А. и Б. Стругацких. Блестящая вещь!»

И вновь Авторы вместе. Они пишут чистовик ГЛ.

[1] Ошибочно. На самом деле — Самуил.

Рабочий дневник АБС

14.07.67

Б. прибыл в Москву. МолГв отклонила ВНМ в сборнике. Вышел сигнал «В».

15.07.67

Сделали 10 стр. (11)

16.07.67

Сделали 10 стр. (23)

Вечером едем к Чифу[1].

17.07.67

Сделали 10 стр. (34)

Вечером сделали 4 стр. (39)

18.07.67

Сделали 10 стр. (50)

19.07.67

Сделали 9 стр. (61)

Смотрели «Кто боится Вирджинии Вулф»[2].

20.07.67

Сделали 11 стр. (73)

Вечером сделали 2 стр. (76)

21.07.67

Сделали 10 стр. (87)

Вечером сделали 3 стр. (91)

22.07.67

Сделали 10 стр. (103)

Вечером сделали 4 стр. (108)

23.07.67

Сделали 11 стр. (120)

Были у Биленкина.

24.07.67

Сделали 10 стр. (133)

25.07.67

Сделали 10 стр. (146)

Взял билет. Был Манин с Марьяной.

---

[1] Чиф, Шеф — именование Ефремова.

[2] Амер. к/ф 1966 г. реж. М. Николс.

26.07.67

Сделали 10 стр. (157)

27.07.67

Сделали 7 стр. (165) Объявлен перерыв.

Обитаемый остров.

Взяли в местную полицию, отправили в столичный сумасшедший дом. Там он учится языку. Видения сумасшедших транслируются по телевидению. Его тоже. Им заинтересовался заговорщик, взял его на поруки. Во время пропаганд<истских> передач у неподверженных болит голова. Тех, у кого болит, разыскивает жандармская машина и сжигает. На улице такая машина сжигает заговорщика. Герой снова остается один, но со знанием языка.

Тучи вечные, ничего летающего нет. Запрещено.

Жандармерия отпускает героя как многообещающего заговорщика, на котором можно будет сделать громкий процесс.

Были в «Пекине».

28.07.67

Б. отбыл в Лрд.

28 июля, после обсуждения сюжета, Авторы пишут заявку на ОО, и в Ленинграде БН сразу же относит ее в журнал «Нева». Заявка сохранилась в архиве.

Из архива. АБС. Заявка на ОО в журнал «Нева»

Предлагаем редакции нашу новую научно-фантастическую повесть «Обитаемый остров» (название условное).

Повесть рассказывает о необыкновенной судьбе космолетчика-землянина, гражданина далекого коммунистического будущего, потерпевшего аварию и оказавшегося на неизвестной населенной планете. Отрезанный от Земли, потерявший надежду на возвращение, он не только не впадает в отчаяние, но самым активным образом включается в странные события, которые происходят там, и становится одной из ведущих фигур в этих событиях. Повесть мыслится как остросюжетная и посвящена подвигу настоящего коммунара во имя торжества гуманизма и справедливости.

Предполагаемый объем повести без сокращений — 20 авт. листов. Рукопись может быть представлена в редакцию в июне-июле 1968 г.

ПРИМЕЧАНИЕ: Предлагаемая повесть будет выпущена отдельным изданием в изд-ве «Детская Литература» (Москва) ориентировочно в первом квартале 1969 года. (Издательский договор № 4123 от 29.6.67.)

Письмо Бориса брату, 31 июля 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Только что вернулся из «Невы». Говорил там с завотделом прозы и с Главным. Был обласкан. Некоторое словопрение возникло вокруг листажа: 20 листов — это для них много. Главный сказал, что готов немедленно подписать договор на 10 листов, а там, если окажется, что сокращать трудно и жалко, то можно будет рассчитывать на 15. Я согласился. Завтра еду подписывать договор, аванс мы получим из расчета 10 а. л., а прочее зависит уже от нас.

Поразмыслив, я захватил с собою и СоТ, но отдал ее не зубрам, а нашему редактору Саше (Самуилу) Лурье. Сказал, что даю ему неофициально, прошу прочитать и сказать: можно ли рассчитывать на опубликование в этой забегаловке. Ему виднее, он там уже долго сидит, всякого насмотрелся. Шансов, конечно, немного. Саша мне рассказал, кого они заворачивают от себя: Гранина, Бондарева, Рекемчука и много-много менее известных писателей, виноватых лишь в том, что написали порядочную книгу. Но — чем мы рискуем?

В остальном всё более или менее в порядке. Ремонт окончен. Теперь мы с Адкой постепенно возвращаем квартире нормальный вид. Уеду я, вероятно, 5-го, так что написать ты мне не успеешь, но если будет что-то срочное — позвони.

Я получил перевод на 20 руб. из «Народов Африки и Азии». И еще перевод на 30 коп. за недополученный китайский филателистический журнал, дополучить коий мне, увы, не суждено.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Привет Леночке. Напомни ей, что надобно купить вилки.

Письмо Бориса брату, 5 августа 1967, Л.— М.

Дорогой Арк!

Конвертов нет в доме, потому пишу вот так[1].

Из Детгиза я получил 649.64.

Редактор Саша говорит, что СоТ прочел, понравилось, передал завреду. Независимо от мнения завреда (не терпящего ф-ки) рукопись будет дана на прочтение Гранину, Гору и пр. членам редколлегии. Обсуждение на редколлегии состоится, вероятно, на протяжении месяца. Там всё и решится. Шансы, говорит, есть. Будем ждать.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет. Неужели еще не куплены вилки?

Письмо Аркадия брату, 7 августа 1967, М.— Л.

Дорогой Борик!

Посылаю просимое.

Новостей со вчерашнего дня не было.

Сейчас с Ленкой идем смотреть «Фантомас разбушевался»[2].

Целую, поцелуй маму и Адку,

твой Арк.

В начале августа БН получает письмо из знаменитой ленинградской Публички.

Из архива. Письмо БНу из библиотеки им. М. Салтыкова-Щедрина

Глубокоуважаемый Борис Натанович!

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина выпускает биобиблиографический указатель «Русские советские писатели». Один из разделов этого указателя посвящен Вашему творчеству.

---

[1] Письмо на почтовой карточке.

[2] Франц.-итал. к/ф 1964 г., реж. А. Юнебель.

В связи с необходимостью дополнить и уточнить имеющиеся у нас сведения обращаемся к Вам с просьбой сообщить следующее:

1. Краткие биографические данные, а именно: дату рождения (год, месяц, число по старому и новому стилям), место рождения (по старому и новому административному делениям), социальное происхождение, где и когда Вы учились, какое учебное заведение окончили, когда начали трудовую деятельность, кем и где работали, в каком году и где именно было опубликовано Ваше первое художественное произведение, участвовали ли Вы в Великой Отечественной войне, имеете ли правительственные награды (какие именно). Просим указать также Вашу деятельность в выборных органах.

2. Псевдонимы, под которыми Ваши произведения публиковались в периодической печати и выходили отдельными изданиями.

3. В каких периодических изданиях (журналах, газетах, альманахах) и когда именно публиковались Ваши произведения.

4. В каких сборниках (неавторских) были впервые опубликованы Ваши произведения.

Все присланные Вами сведения будут приняты с глубокой благодарностью.

С уважением

Зам. директора по научной работе О. Д. Голубева

Вторая часть 7-го тома, дополненного библиографического указателя «Русские советские писатели, прозаики» выходит в 1972 году и содержит помимо перечня произведений АБС, вышедших к тому времени, еще и практически все сведения о публикации не только произведений, но и публицистики Авторов (статей и интервью), а также критики. Указатель можно было найти в любой мало-мальски крупной библиотеке, и им пользовались многочисленные любители творчества АБС, которые не только читали и перечитывали известные им произведения АБС, но которым было интересно всё, так или иначе связанное с творчеством любимых авторов.

Но вернемся в 1967 год. В перерыве между встречами АБС в 18-м номере журнала «Советский экран» был опубликован «круглый стол» писателей о кинофантастике (после просмотра фильмов «Таинственная стена» и «Его звали Роберт»), в котором принимал участие и АН.

Из: Два старта в кинофантастике

<…>

Аркадий СТРУГАЦКИЙ [о к/ф «Таинственная стена»]:

— Я пришел как писатель-фантаст к кинематографистам-фантастам. Картина мне понравилась. Каждая победа кинофантастов — это наша победа, их поражение — наше поражение. Не только из чувства простой товарищеской солидарности, но и из горячей заинтересованности в развитии советской фантастики в кино я всячески поддерживаю это начинание.

Если советская кинофантастика будет развиваться такими темпами — после печальной памяти «Планеты бурь» прошло шесть лет,— то, может быть, лет через шесть мы получим своих киноклассиков фантастики.

<…>

Аркадий СТРУГАЦКИЙ [о к/ф «Его звали Роберт»]:

— А может быть, это картина-пародия? Может быть, смысл в том, что Роберт — копия своего создателя? А «родитель»-то — человек узкий, душевно небогатый. Есть такой тип в современном научном мире: знающий, даже талантливый в своей области человек, но презирающий эмоциональную сторону жизни.

Не пародия ли машина-Роберт, который начинает чувствовать свое несовершенство и пытается стать богаче своего оригинала?

Конечно, с точки зрения фантастики в фильме некоторая, что ли, неквалификация. Авторы «Роберта», так же как и «Стены», в фантастике — читатели. Усердные и доброжелательные, но читатели. Они еще не владеют материалом, давно разработанным в литературе этого жанра.

Так и неясно, зачем нужно было делать робота похожим на человека для полета на Вегу? Зачем вся эта драма машинной «эмансипации»?

Возможно, вся эта фантастика просто прием, «ширма», а главное в хитрой иронии: человеческая личность на уровне соседа Роберта по гостинице вполне может сойти за робота, а робот на уровне Роберта — за человека?

<…>

Ариадна ГРОМОВА:

— Всё же жаль, что наши собратья по фантастике в кино работают без всякой консультации с литераторами. Бывают же в военных фильмах консультанты! Произведем, например, в «генералы от фантастики» Аркадия Стругацкого — пусть помогает.

(А. Стругацкий: «Согласен на ефрейтора и работать готов на общественных началах!»)

В конце августа — начале сентября БН подписывает (за обоих) договор с журналом «Нева». Но Авторам еще предстоит дописывать ГЛ и сокращать СОТ, поэтому они встречаются вновь.

Телеграмма Бориса брату, 4 сентября 1967, Л.— М.

БУДУ ШЕСТОГО ПОЕЗД ТРИНАДЦАТЫЙ = БОРИС

Рабочий дневник АБС

7.09.67

Б. прибыл в Москву.

Сделали 6 стр. (172)

8.09.67

Сделали 10 стр. (182)

9.09.67

После покрытия прыщами проходит три дня. Банев влечется Квадригой к нему на виллу ночевать. За три дня напряжение растет. Банев несколько раз пытался прорваться в лепрозорий — не удалось. Слухи: мокрец прилетел и сидел на крыше ратуши. Уход клопов и крыс.

Затем, после катастрофы: дети уже не дети, они выросли. Сон? Явь?

Сделали 10 стр. (194)

Вечером сделали 4 стр. (198)

Окончен старый вариант.

10.09.67

Думали.

11.09.67

1. Сцена в номере. Виктор и трезвый Квадрига. Воды почти нет, света почти нет, водка превр<атилась> в воду. Ресторан набит мокрецами. Разговор с Зур<змансором>. Голем.

2. Путь на виллу. Патрули солдат и легионеров. Виктора пытается раздеть веснушчатый солдатик.

3. Вилла, бардак. Ночь кошмаров. Плач Ирмы по мокрецам. Квадрига просит уехать. Следы босых ног. Вопли Квадриги о преданном и расстрелянном. Сон, внутренний диалог, самообвинение и самооправдание.

4. Визг Квадриги. Луна в квадрате («Подумаешь, квадрат»). Квадрига удирает на авто. Начинается исход. Виктор стоит в воротах и смотрит. В свете луны, в свете фар, в свете рассвета. Исчезли тучи, встает солнце.

5. Подъезжает мрачный Голем и Диана. Разговор о мокрецах, о том, что надо уезжать. Голем уезжает. Виктор и Диана остаются. Сцена с Тэдди. Разрушение города. И Бол-Кунац, и Ирма.

Сделали 3 стр. черновика. Лопнула водяная труба, воды нет и, говорят, два дня не будет. Творческое настроение упало.

12.09.67

Сделали 7 стр. черновика. Вода пошла.

Вечером сделали 2 стр. черновика.

13.09.67

Сделали 7 стр. черновика.

Вечером сделали 3 стр. черновика.

14.09.67

Сделали 5 стр. черновика и окончили I вариант последней главы.

Пришел договор из «Невы».

Подписали в МолГв договор на ГЛ.

15.09.67

Обрабатывали черновик.

16.09.67

Закончили обработку черновика.

17.09.67

И ЗАКОНЧИЛИ II ВАРИАНТ НА 225 СТР.

18.09.67

Пароксизм гриппа у Б.

19.09.67

Разрабатывали план.

20.09.67

1. Охотники в зоне.

2. Жандармерия.

3. Сумасш<едший> дом в столице. Телесеансы.

4. Освобождение и гибель освободителя.

5. Трущобы и девочка из кафе.

6. На службе в полиции. Встреча с ячейкой.

7. Деятельность ячейки. Главарь-провокатор. Секреты страны.

8. Взрыв башни. Неудача провокации. Арест. Посещ<ение> Гая.

9. Допрос. Каторга. Многообещающий заговорщик.

10. Рабочий отряд по строит<ельству> башен. Борьба с мутантами. Побег на танке к ним.

11. Попытка организован. движения мутантов. Попытка поднять самолет.

11а. Белые субмарины.

12. Возвращение в зону. Война, вербовка в штрафчасть.

13. Казармы штрафной части. Знакомство с зубром подполья.

14. Танковый прорыв. Дезертирство.

15. Научный центр. Создание заглушек по заказу начальства. Тайное строительство радиомаяка.

16. Вступление в высшее общество.

17. Нападение на пропаганд<истский> центр. Уничтожение вопреки мнению подполья.

18. Прилет землян. Отказ возвратиться.

Зеф — Санчо-Панса

Девушка, шансонетка

Молодой революционер

Главарь — провокатор
Полицейский чиновник
Зубр — революционер, ученый
21.09.67
Люди, живущие на белых субмаринах.
Были у Биленкина. Были у Громовой—Нудельмана.
22.09.67
Были у Гансовского насчет СоТ.
Были на Таганке и у Высоцкого.
23.09.67
Работали над СоТ для НФ.
24.09.67
Работали над СоТ.
25.09.67
Закончили СоТ для «Знания».
«Пекин» был закрыт, ходили в «Украину».
26.09.67
Б. уезжает.

22 сентября в дневнике появляется запись «Были на Таганке и у Высоцкого». Об этом вспоминал БН:

БНС. Офлайн-интервью, 23.07.98

В романе «Гадкие лебеди» главный герой поет несколько переделанную песню Высоцкого, и Вы указываете в примечании, что песня изменена с разрешения автора.

Расскажите, пожалуйста, как Вы получили это разрешение.

Илья. Самара, Россия

Однажды Высоцкий пригласил нас на «Гамлета», а после спектакля — к себе домой. Там мы пили чай (и ничего, кроме чая), Высоцкий пел, все (огромная толпа, человек 20) слушали. Я сидел рядом и, улучив момент, изложил ему суть дела. Он сказал, что Аркадий уже просил его об этом раньше и он тогда же дал свое согласие. Вот и все дела.

Письмо Бориса брату, 30 сентября 1967, Л.— М.

Дорогой Арк!

Писать, собственно, не о чем. Вчера получил от тебя ГЛ. Еще не перечитывал. Адка тоже не успела прочесть. Пишу, потому что обещал, и боюсь, что ты уедешь, не получив письма — это было бы неприлично.

Тесть с тещей уехали. Андрюшка болеет. Я, между прочим, тоже никак не избавлюсь от московского насморка. Мама чувствует себя неплохо, приезжала пару раз побыть с Андрюшкой. Полки куплены прекрасные, теперь только надо перевезти от мамы книги. Я еще нигде не успел побывать и никого не видел, кроме Меерова. Новостей никаких. С понедельника начну работать с шейкинской повестью.

Отдыхай, поправляйся и поменьше употребляй внутрь (для пользы дела).

На том кончаю, приедешь — напиши.

Твой [подпись]

P. S. Привет Ленуське.

И всем бакинцам.

Так и не получив этого письма, АН пишет брату в последний день перед отъездом в Баку — по приглашению тамошних фантастов.

Письмо Аркадия брату, 4 октября 1967, М.— Л.

Дорогой Боб.

Отчаявшись получить от тебя письмо, пишу сам.

1. Наехал зам. главного «Байкала» и взял у меня вторую часть ЗПвГ. Грозится публиковать в 1 или 2 номере.

2. Просмотрели «Туманность Андромеды». НичеГё. Смотреть можно. Стилистика романа очень удачно выдержана. Молодец Шерстобитов.

3. Посылаю тебе письмо Нудельмана с вопросами, по которым нужно писать статью. Набросай.

4. Подписал договоры с «Миром» а) на предисловие к юмористической фантастике (сборника еще нет, собирают)

и б) на переводы. По возвращении вышлю тебе книги — это три рассказа из разных сборников.

5. Сейчас звонил мне Игорь Можайко, сообщил, что один его приятель — поэт-переводчик — продает коллекцию довоенных советских марок. Если интересуешься, напиши ему, Игорю, по адресу: Москва <…>. Это хороший парень, путешественник и очеркист, наш поклонник и приятель.

Сегодня уезжаем.

Целую, жму [подпись]

Игорь Можайко (фамилия явно записана на слух, на самом деле — Можейко) — это будущий известный писатель Кир Булычев. Примерно в то же время (к сожалению, дата отсутствует) он отправляет АНу письмо с вопросами — к какому-то докладу о фантастике.

Из архива. Письмо И. Можейко АНу

Дорогой Аркадий.

Прошу прощения за столь долгую задержку книги и пресловутых вопросов: у меня по приезде образовалась куча дел; не знаю даже, как я успею справиться с подготовкой доклада, навязанного мне на 4-е. Во всяком случае, посылаю книгу — хоть сам не успел ее прочесть — и вопросы, какие придумались. В них, разумеется, куча искусственного, но, может быть, попадется что-нибудь, что вас заинтересует и даст возможность отвечать на серьезе. А если нет — так нет. Как говорят в Одессе: не фонтан, так не шпринцает.

1. Каковы, по вашему мнению, те особенности ф. произведения, которые позволяют четко отличить его от реалистического?

2. Можно ли, по вашему мнению, рассматривать современную ф-ку как единое литературное направление? В чем тогда вы видите общность — формальную и по существу — между западной и восточной ф-кой? Либо следует говорить о различных ф-ках? В чем тогда вы видите принципиальные различия, кроме идеологических?

3. Существуют ли в ф-ке традиции, кроме общеизвестного использования нескольких типичных ф-ких «ходов»? Существует ли какая-нибудь связь между советскими ф-ками различных периодов?

4. Существует ли особая ф-кая поэтика? Ограничены ли художественные возможности ф-ки? Принципиален ли рационализм? Острая сюжетность, публицистичность постановки проблем? Развивается ли ф-ка в сторону увеличения удельного веса этих факторов или их уменьшения? Почему?

6. Существуют ли какие-то особые принципы построения ф-кого произведения? Задумывается ли произведение сразу как «ф-кое»? В чем это проявляется, кроме внешних примет? Или оно становится таковым? Что чему предшествует и что определяет: проблема — способу решения или избранные художественные формы — возможному повороту проблемы? Можно ли одну и ту же проблему поставить и решать разными художественными методами и если да — в чем будет проявляться отличие постановки и решения? В чем, кроме внешних примет, вы видите внутреннюю, сущностную фантастичность своих и чужих книг? Отличается ф-кий герой от реалистического, от романтического? Оказывает ли «фантастичность» влияние на композицию, выбор узловых моментов сюжета, отбор деталей, анализ характеров и т. п.?

6. Существует ли, по вашему мнению, какое-либо особое «ф-кое видение мира», в чем оно заключается? Обладали ли им Уэллс, Ж. Верн, Беляев? Брэдбери, Лем? Что преобладает в мировосприятии фантаста — цельность мира, подвижность и изменчивость его настоящего, оценка из будущего и т. п.— либо это есть особенность индивидуального писательского видения и не имеет отношения к ф-ке? Являются ли фантасты таковыми по призванию, по склонности, по убеждению, по моде, по недоразумению, по необходимости — или кто как?

7. Что преобладает сейчас в ф-ке — эпическое или лирическое начало? В какую сторону идет развитие? Что преобладает —

проблемы социологические или морально-этические, почему, в какую сторону идет развитие? Или всё это снова-таки сугубо индивидуально?

8. Обязательна ли в любом более или менее значительном ф-ком произведении «ситуация выбора»? Связано ли это с какой-нибудь особенностью ф-ки? Какие типы «выборов» в современном мире можно классифицировать из ф-ких книг? Отражают ли они реальность или являются надуманными? Как решается в ф-ке вопрос о соотношении цели и средств?

9. Что, по вашему мнению, выдвигает ф-ка в качестве критерия при оценке возможных путей развития — общество или личность? Разделяет ли она их, противопоставляет или видит в «диалектическом единстве»? Действует ли в ф-ке принцип «Человек есть мера всех вещей» или ему на смену выдвигается другой? Тогда чем оценивается та или иная «вещь»? Является ли мерой рядовой человек, интеллигент или сверхчеловек? Пытается ли ф-ка оценить «завтра» с позиций «завтрашнего человека»?

10. Считаете ли вы, что важнейшей проблемой ф-ки является проблема человека? Или это проблема общества? Его разумного устройства? Будущее или настоящее? Как вы рассматриваете соотношение будущего и настоящего в ф-ке?

11. Какие важнейшие тенденции выделяет ф-ка в современном обществе? Является ли одной из них растущее отчуждение человека? В чем состоит смысл теории «создания типичных обществ» — в предостережении или попытке объективного анализа? Анализирует ли ф-ка действительность, только отражает ее или исходит из априорных концепций? Действительно ли ф-кий метод дает новые объективные возможности для анализа действительности художественными средствами? В чем они состоят?

Засим с приветом до вас и надеждой на ответ и встречу. Салют!

Из архива. АБС. Ответы на вопросы И. Можейко

1. Четких различий не существует. Опыт показывает, что каждое определение фантастики встречается широкими массами теоретиков и практиков в штыки и всегда успешно. Нет ничего проще, нежели зарубить литературоведческое определение. Совершенно ясно, что четкой границы между реалистической литературой и фантастической нет. Есть некая разграничительная полоса, конечной ширины, причем именно на этой «нейтральной полосе цветы — необычайной красоты»[1]. При любых способах межевания на нейтральной полосе оказываются произведения типа «Гулливера», «Носа», «Процесса», «Людей или животных», «Острова пингвинов» и народных сказок. Тем не менее, ясно, что СТАТИСТИЧЕСКИЕ различия имеют место. Можно выделить некоторые признаки, которые В МАССЕ характерны для того, что мы интуитивно считаем фантастикой, в отличие от реалистической лит-ры. ФОРМАЛЬНЫМ различием может считаться обязательное для фантастического произведения наличие в нем элемента необычайного, небывалого. Это — необходимое условие фантастики. Достаточным назвать его, строго говоря, нельзя, потому что борцы за предельную точность определений не желают включать в фантастику ни сказки, ни фантастические притчи, ни фантастическую сатиру, ни произведения кафкианского толка. А по сути-то дела фантастика отличается от реалистической литературы тем, что реализм всегда имеет дело с миром бывавших людей, вещей и событий, ф-ка же либо включает в этот мир небывалое, либо вообще создает небывалый мир. Реализм дает художественный ответ на вопрос: «Что было?», ф-ка — на вопрос: «Что было бы, если бы?..»

2. Вряд ли имеет смысл говорить о двух фантастиках. Не говорим же мы о двух литературах (если не считать, конечно, приступов политико-административного рвения). Принципиальных различий, кроме идеологических, видимо, нет,

[1] Строки «Песни о нейтральной полосе» В. Высоцкого.

но идеологические различия порождают непринципиальную, но существенную разницу. Западная фантастика характерна большей развязанностью воображения, а это приводит к большему разнообразию жанров и к большему разнообразию литприемов. Несколько парадоксально, что это же приводит к снижению литхудожественного уровня — авторов больше интересуют сюжеты и ситуации, чем, скажем, работа над словом; для них важнее не «как написать», а «что написать, о чем?»

3.

Ответы, к сожалению, на этом и оканчиваются. То ли это был первый, неоконченный черновик, то ли на все одиннадцать вопросов АН так и не ответил.

Еще фраза из письма АНа, написанного перед отъездом: «Наехал зам. главного «Байкала» и взял у меня вторую часть ЗПвГ. Грозится публиковать в 1 или 2 номере». Об этом случае вспоминает Север Гансовский.

Гансовский С. [«Знаете, я как-то совершенно случайно…»]

Знаете, я как-то совершенно случайно через Аркадия Натановича Стругацкого узнал, что умею рисовать. Мы сидели с ним тогда в Центральном Доме литераторов, к нам подошел человек и отрекомендовался: заведующий литературным отделом журнала «Байкал». Сказал, что журнал готовит повесть братьев Стругацких «Улитка на склоне» к печати. Повесть редакции очень понравилась, и они хотели бы видеть соответствующие иллюстрации. Кого Аркадий Натанович порекомендует в художники?

Аркадий указал на меня. Вот, мол, Север Гансовский — он рисует.

— Аркадий, ты что! — возмутился я. — Я никогда не рисовал!

На что Аркадий Натанович возразил:

— У меня есть твои рисунки, которые ты рисуешь, когда слушаешь.

— Ладно, — сказал я, — попробую.

Засел и сделал восемь рисунков к повести для журнала.

После того как повесть была опубликована — частью в журнале «Байкал», частью в книге «Эллинский секрет», тот же человек — зав. литотделом «Байкала», привез в Москву экземпляры журналов с повестью. Встреча состоялась опять же в ЦДЛ.

Он подарил нам тогда большое количество журналов, и мы, уверенные, что получим еще, раздали их. Теперь же ни у меня, ни у Стругацких нет этих журналов. После этого мне стало интересно, и я начал рисовать. Проиллюстрировал свой сборник и даже разогнался иллюстрировать чужие произведения.

Одним из результатов поездки АНа в Баку явилось интервью с ним, опубликованное в газете «Бакинский рабочий» 15 октября.

АНС. Первые впечатления

В Баку находится известный писатель-фантаст А. Н. Стругацкий, автор написанных вместе с Б. Н. Стругацким популярных романов и повестей «Трудно быть богом», «Попытка к бегству», «Далекая Радуга». Наш корреспондент попросил его ответить на ряд вопросов.

ВПЕРВЫЕ ЛИ ВЫ В БАКУ? ПОНРАВИЛСЯ ЛИ ВАМ НАШ ГОРОД?

Баку — прекрасный город. Особенно хороша приморская часть, район Коммунистической улицы, сада Революции. Не стану расхваливать бакинскую архитектуру — впечатления слишком разнородны, но у города есть свое лицо. Баку сверху незабываем: «золотой муравейник»!..

Мне очень понравилась бакинская «толпа». Людей много, они ведут себя с южной непосредственностью и экспансивностью — шумят, часто поют, но все это добродушно и весело.

Бакинцы чувствуют себя хозяевами своего города. Не только Баксовет, но и сами бакинцы. Мне это нравится. На тихих улочках всё еще очень патриархально: под открытым

небом ставят раскладушки и отдыхают, пьют чай, играют в нарды и домино; на перекрестках — оживленно толкующие о чем-то группы. При всем при том Баку остается большим современным, культурным городом, столицей. Именно в парадоксальности этого сочетания вся прелесть.

Нигде я не пил такой вкусной воды с сиропом, такого отличного чаю. Это, конечно, мелочи, но и мелочи могут облегчать или портить жизнь.

Как бы то ни было, это впечатления двух дней, и, естественно, они ни в коей мере не претендуют на полноту и значительность. Но вот вам и нечто позначительней. Большое впечатление производит знаменитая бакинская многонациональность. Видишь — идет в обнимку стайка ребятишек и глядишь в глаза всех цветов: черные, карие, серые, голубые. Картина почти символическая.

ПРИЕХАЛИ ЛИ ВЫ В БАКУ ПО ДЕЛУ ИЛИ ПРОСТО ТАК?

Я приехал на несколько дней — повидаться с моими коллегами, бакинскими писателями-фантастами. Надо вам сказать, что Баку — один из трех центров советской научной фантастики (два других — Москва и Ленинград). Здесь работает сильная группа писателей: Войскунский, Лукодьянов, Ибрагимбеков, Альтов, Журавлева, Бахтамов. Помимо всего прочего, это очень активная, очень инициативная группа. В ряде случаев она задает тон Москве и Ленинграду. Например, анкета, посвященная научной фантастике, составленная и распространенная бакинцами, подхвачена МГУ, ЛГУ, «Молодой гвардией».

Если существует теория научной фантастики, то она во многом делается в Баку. Интересны бакинские сборники фантастики. Кстати сказать, они еще более выиграли бы и ни в чем не уступали московским и ленинградским, если б был увеличен их объем и шире публиковались теоретические статьи. Это напрашивается. Небольшая работа Альтова об Уэллсе, помещенная во втором бакинском сборнике, привлекла общее внимание.

КАКОВЫ ВАШИ РАБОЧИЕ ПЛАНЫ?

Мой соавтор Борис Стругацкий не любит рассказывать о наших планах и мне не разрешает. Скажу по секрету, что мы работаем над повестью для юношества. Речь пойдет о становлении характера в трудных условиях. У нас закончены две повести: «Сказка о Тройке» и «Гадкие лебеди». Ведутся переговоры с издательствами.

ВЫ — ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ ПОДПИСНОЙ БИБЛИОТЕКИ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ. ЧТО НОВОГО В ЕЕ РАБОТЕ?

Срок полномочий нынешней редколлегии истек. Мы подготовили оставшиеся пять томов пятнадцатитомника, и они выйдут один за другим в самое близкое время. Но принято решение продолжить издание, выпустить в течение 1968–1970 гг. еще десять томов. В связи с этим избрана новая редколлегия. Дело в том, что наша библиотека всемирной фантастики — первая в мире, столь широко охватывающая фантастику Востока и Запада, писателей всех направлений. Она пользуется заслуженным вниманием.

Письмо Аркадия брату, 27 октября 1967, М.— Л.

Дорогой Борик!

Вот какие новости.

1. Получил договор от «Молодой Гвардии» — тот самый, что мы с тобой в свое время подписывали. Машина сработала независимо от воли редакции.

2. Был у Белы, сообщил мнение о ГЛ уважаемых людей. Она страшно смущена. Но неколебима, естественно. Согласно твоей инструкции предложил ей вариант ВНМ и УнС. Она сообщила, что Жемайтис решительно против УнС. Согласно инструкции же, после мягкого и безрезультатного нажима, я оставил вопрос открытым. Что-нибудь издавать им придется, никуда они не денутся. Вариант ВНМ и Стажеры не предлагал. Ленка, например, считает, что это был бы отличный вариант. Своего рода вызов общественному мнению.

3. Звонил Северу. Естественно, сборник он еще в издательство не сдавал, так что СоТ еще никто не читал. Но он сказал, что у нас теперь получилась преотличная вещь. Жалко ему только, что исчез полковник. Поговорили мы об этом, а потом он вдруг заявляет, что он получил от «Байкала» заказ на иллюстрирование второй части ЗПвГ. Каково? Значит, дело на мази. ЗПвГ пойдет в двух номерах, вероятно, во 2-м и 3-м. Надо полагать, в июне будущего года мы уже будем иметь опубликованную вещь. В личном разговоре со мной зам. главного божился, что пришлет мне двадцать экземпляров.

4. Я вовсю занимаюсь добыванием средств на хлеб насущный. Видимо, без хлеба не останемся. Заключил с «Миром» договор на перевод «Саргассов в космосе» Нортон. Сдавать к 1 янв. 1969 года. Половина твоя. Там, мне кажется, листов десять. И еще просят перевести один рассказик. Я перед отъездом возьму у Ивана Антоновича «Саргассы», чтобы не рвать книгу, и привезу тебе. Ты будешь переводить первую половину, я — вторую. Это чтобы тебе было легче, я-то повесть эту знаю хорошо.

Вот все новости. В понедельник у меня соберутся Манины, Громовы и Север.

Жму, целую, твой Арк. Привет Адке и Росшеперу.

Письмо Бориса брату, 30 октября 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Договор получил и я. Прикажете понимать так, что аванс будет?

2. По поводу сборника в МолГв. Давай скажем честно, прямо и без вуалей: первое дело сейчас — добыть денег на 68 год. Поэтому я согласен в конечном счете на любой вариант. Мне кажется, надо сейчас проявить максимальную гибкость, поскольку речь не идет о принципах. Меня несколько удивляет, почему это Жемайтис проявляет такую нетерпимость к УнС, которой так восхищался совсем недавно, но это в конце концов неважно. Пусть издадут хоть что-нибудь.

Пусть это будет ВНМ+С. Комбинация, конечно, дикая, но денежная, что и тр. Словом, я вижу следующие варианты:

а). ВНМ+УнС

б). ВНМ+С

в). ВНМ+Извне — под общим названием «Рассказы о контактах». Может быть, в этот же сборник можно было бы вставить некоторые рассказы из В? Сюда же, между прочим,— гениальная мысль! — можно было бы вставить и УнС, как ЧИСТО КОНТАКТОВУЮ повесть! Сюда же можно было бы воткнуть злосчастных «Бедных злых людей» и даже «Первые люди на первом плоту».

Вероятно, существуют и другие варианты — с ними я тоже согласен. Тебе, конечно, виднее, но, по-моему, надо на МолГв потихоньку нажимать, а то ведь они могут и вообще от нас отказаться: дадут аванс по договору и аннулируют договор, как результат творческой неудачи авторов. А может, и аванса не дадут. Смотри сам, а я на все согласен, лишь бы листаж был и не требовали политических уступок.

3. Насчет «Байкала» и ЗПвГ — колоссально! Но даже както не верится. А вдруг? Чем черт не шутит! Непонятно только, при чем здесь Север. С коих это пор он принялся зарабатывать иллюстрированием? Не заняться ли этим и нам?

4. Есть предложение. Послать ГЛ в НовМир и в Байкал. В НовМир — для сведения, а в Байкал — вдруг напечатают! ЗПвГ во втором и третьем номерах, а ГЛ — в 10, 11 и 12-м, скажем? А?

5. Нортон тащи. Хочу переводить. Хочу каждый день зарабатывать на хлеб. Это очень важно для моей психики — сознание, что «сегодня я заработал на хлеб».

6. Я сейчас главным образом редактирую Шейкина. Дело близится к концу. Автор попался опытный и вертkий как угорь. Со всеми замечаниями соглашается, но переделывать коренным образом ничего не хочет — ограничивается выбрасыванием кусков и чисто стилистической обработкой. Впрочем, у меня впечатление, что хоть этого горбатого я и не исправил, но во всяком случае облагородил несколько.

7. Приставали ко мне: а) из ЛитГаз — отвергнул; б) из журнала «Филателия СССР» — отвертелся; в) из журнала «Наука и религия» — отвертелся и переслал к тебе; г) из ЦентроТелевидения — отвертелся, не было дома. Настигли и схватили меня вундеркинды из спецфизмат школы при ЛенУниверситете. Дал им аудиенцию, сидел и наслаждался — молодцы мы в ГЛ. Я был почти точно Банев. Правда, они, упаси бог, не нападали, смотрели с обожанием и вообще преклонялись, но когда они, перебивая друг друга, рассказывали о своем житье-бытье, небрежно бросаясь (НЕБРЕЖНО!) понятиями из теории групп, аксиоматической геометрии и теории функций, — я ощущал себя именно как Банев. Это очень странная школа. Говорят — лучшая в СССР. Великолепный подбор преподавателей (главным образом, научные работники из Университета), полная свобода мнений и дискуссий, запрещение (ЗАПРЕЩЕНИЕ ПОЛНОЕ, ПОД УГРОЗОЙ ДВОЕК) пользоваться имеющимися школьными учебниками, преподаватель лит-ры, заявившая на ПЕРВОМ ЖЕ уроке после знакомства: «А теперь напишите мне сочинение… (Шум в классе: «Почему?», «Мы еще ничего не проходили…», «Как это — сразу сочинение!..») Да-да. Я вам дам первую строчку, а вы должны продолжить, кто как хочет. Первая строчка: «Вдруг свет погас». Продолжайте». Никогда я еще не видел, чтобы с такой любовью дети говорили о своих преподавателях. Один из них (из детей), по-видимому, очень точно сказал: «У нас ведь там — по сути дела Лицей». Конкурс в этот лицей — 125 человек на место. Отбирают лучших из лучших. Готовят математиков, физиков, биологов и химиков. Испытывают на них новые учебники и новые школьные программы — самые новые, самоновейшие. И т. д. В школе культ Стругацких. Очень просили прийти. «Приходите когда угодно, приходите на урок, только лучше инкогнито, а то вас задавят все триста учеников. И еще есть опасность, что вас не выпустят из учительской учителя…» Это была очень интересная встреча с будущим. Мир как-то посветлел после этой встречи.

8. Идет работа над коллективным романом для «Костра». Открывается он, как тебе известно, нашими «Первыми на первом плоту». Почитав продолжения, написанные Ларионовой и Шалимовым, я убедился, что наш рассказ вовсе не так плох, как мне всегда казалось. Прямо скажем — весьма приличный рассказ.

9. В Литфонде нашем ушла в отпуск тетка, ведающая путевками. Но мне сказали, чтобы я не беспокоился: в ноябре путевки в Комарово — свободно. В Ленфильм пока не звонил. Хочу позвонить числа пятого.

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Альтов переслал Брандису твое интервью в Баку. Мы все читали и ржали от удовольствия. «В нашем городе находится известный писатель…» Чем-то старым и добрым повеяло от этой газетки.

P. P. S. Ленуське — привет!

Письмо Аркадия брату, 4 ноября 1967, М.— Л.

Дорогой Боб!

1. Аванс по договору с Мол. Гв., по-моему, выдали — что-то такое я получил, но не уверен. Проверь у себя.

2. Был я там и говорил по душам с Белой и Сергеем[1]. У меня было такое впечатление, что они оправдываются, но твердо стоят на своем: ГЛ не пойдет. Готовы в любой момент запустить в производство всё, что мы предложим: так, Сергей предложил дать сборник старых рассказов. Когда я внес предложение насчет «Стажеров», никаких возражений не поступило: давайте, говорят. Хоть сейчас. Вероятно, так и придется сделать, хотя Бела, узнавши, что СоТ сокращена, попросила почитать на предмет ознакомления.

3. СоТ отвергнут «Знанием», как я и боялся. Север в отчаянии, у него развалился сборник. Сейчас я даю СоТ сначала Нине Берковой для рассмотрения возможности опубликовать его в «Мире приключений», а затем покажу Беле. Но есть

[1] Здесь и далее — Жемайтис Сергей Георгиевич, заведующий редакцией «Молодой гвардии», писатель.

у меня предчувствие, что эта штучка тоже будет лежать у нас долго. Разве что периферия какая-нибудь отважится.

4. Что касается «Рассказов о контактах», то предлагаю подождать. Это совершенно уже крайний случай, если ничего больше не останется. Полагаю, в следующем году посмотрим, как будет с обстановкой. Возможно, для 69-го года придется написать несколько оптимистических рассказов о молодом и здоровом, с таким вот носом, контакте. Тогда и сборничек соберем.

5. Напоминаю, что «Байкал» выходит шесть раз в год, так что ГЛ туда уже бессмысленно посылать. Хочется, однако, чтобы люди читали, с этой целью намерен дать разрешение друзьям на перепечатку, а также отнести его — только не в «Новый мир», а в «Юность». Ленка тоже это советует. Подтверди разрешение.

6. Ефремова наградили орденом «Красное Знамя». Никак не могу до него дозвониться, но ужо.

7. Взял у Евдокимова прелюбопытную книжечку: «Дуэльный кодекс». Может быть, пригодится — хотя бы и для ОО. Почему бы не устроить нашему герою небольшую дуэль на шпагах или пистолетах? Забавная книга, очень странные обычаи были у наших недалеких предков. И знаешь, не лишено смысла. Положил бы все нынешние квартирные и приусадебные склоки решать дуэлью по приговорам товарищеских судов или по постановлениям домовых комитетов.

Всё. Жажду работать.

Жму, целую, твой Арк. Привет Адке и Росшеперу.

Поцелуй маму.

С праздником вас всех.

Письмо Бориса брату, 7 ноября 1967, Л.— М.

1. Насчет аванса — не знаю, не видел. По моим подсчетам должно быть примерно по 550. А ты сколько получил?

2. Насчет СоТ — огорчительно. Я, признаться, рассчитывал на Севера.

3. «Стажеры» так «Стажеры». Но, надеюсь, совместно с ВНМ? Между прочим, я не совсем понял, зачем нам надо изучать перспективы на 69 год и откладывать на это время сборник о контактах. В 69-м мы должны выдать ОО — кровь из носу, так что контакты тут ничего не решат. И это, по-моему, не такой уж и крайний случай, как ты пишешь — вполне приличный по идее сборник, гораздо более приличный, чем С+ВНМ. Надо только прикинуть, что дороже стоит. Возможно, что С перетянут. Кстати, ты так и не написал мне, чем объясняется неожиданная идиосинкразия Жемайтиса к УнС. В чем там дело? Ведь сам же хвалил.

4. Ефремова я поздравил телеграммой. По просьбе Дмитревского.

5. Звонил в Литфонд. Просили зайти сразу после праздников. Буду, как и договаривались, добиваться путевки на середину ноября.

6. Читал ребятам ГЛ. Впечатление, по-видимому, серединное между Ревичами и Маниным. Вещь понравилась, но меньше, чем УнС. Много и интересно говорили об идеях повести. Она таки вызывает много размышлений, глубокая получилась штука, это хорошо. Все считают, что хорошо вышел Банев и неплохо — Диана. Но многое все-таки остается непонятным, включая авторское отношение к обрисованному будущему. Между прочим, любопытно, что и Юрка[1], и Наталья сомневаются насчет последней (добавленной для оптимизму) главы — чувствуется, вероятно, какой-то искусственный разлом. Они говорят, что было бы гораздо лучше, если бы авторы оставили читателя в неведении относительно уготованного будущего. Очень ценным мне показалось соображение о том, что нужно лучше подчеркнуть НЕПРИЯТИЕ Виктором нового мира, несмотря на всю прелесть этого мира. Виктор не принимает этот мир, ибо он в конечном счете не гуманен, а негуманен он именно потому, что представляет собою светлый островок среди моря грязи и духовной нищеты. Возможно, новый мир несет некую сверхгуманность,

[1] Чистяков Юрий Николаевич, астроном, друг БНа.

но она оборачивается для Виктора Негуманностью. Наташка очень точно сказала: «Слишком недавно был фашизм, чтобы можно было уже сейчас отказываться от старой доброй гуманности». В общем у нас всё это есть, но в последнем абзаце мы слишком бегло говорим об этом. Надо бы подчеркнуть, что Виктору очень хорошо, безопасно, он рассолодел здесь на солнышке, но въевшийся в поры гуманизм отравляет ему все удовольствие. Это ведь, собственно, и есть главная трагедия современного умного и ДОБРОГО человека: он за прогресс, он за новое, но он обязательно хочет, чтобы новый мир наступил ДЛЯ ВСЕХ, ибо он гуманист, ибо он ненавидит фашизм и всё, что хоть немножко попахивает фашизмом. Правильнее даже говорить — не фашизм, а ницшеанство, любую теорию, разделяющую людей на неравноправные группы. В этом — вся диалектика трагедии: понимает ведь человек, что всё верно, что не равны люди, а значит, не могут быть и равноправны, что прогресс ОБЪЕКТИВНО делит их на группы с разным будущим, но — НЕ ПРИЕМЛЕТ ОН ЭТОГО! Плохо ему от такого прогресса, мучительно. Здесь мы можем углубить идею УнС, возведя ее до уровня социальной трагедии: столкновение разума и воспитания у достаточно разумных и достаточно воспитанных людей.

Ну вот пока и всё. Жди от меня вызова,
жму ногу, твой [подпись]
P. S. Ленке привет.
И всем поздравление с праздником.

И вот АБС снова встречаются — теперь в Комарово — для написания ОО.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]
Эпиграф к ГЛ: Данте «Ад», VI
бежит гад-полицмейстер, сволочь мэр и т. д.
бежит Лола и тысячи таких же…
всех знакомых сюда в воображении Виктора.

— Наши граждане счастливы и совершенно спокойны,— сказал он, морщась от боли.— Они делают только то, что им хочется. Никогда не идут против своих желаний…

— Но эти желания заказываете вы?!

Многие теряют память. Искусство вести разговор общими местами, пока не нащупаешь необходимого, о чем идет речь. (Болезнь Корсакова)

— У меня особые отношения с газетами — я их читаю.

Всюду остатки войны. Обученные воевать животные (дельфины, собаки).

Телебашни сначала предназначались для военных целей, но после разгрома, после бунта были обращены внутрь страны.

Говорящие звери — шпионы. М. принимает их сначала за местный разум.

Птицы летают у самой земли, небо пусто.

Дон Кихот и верный спутник его Санчо Панса. Борьба с моральными проблемами, оставляя без внимания материальные. Очень удивляется, что ему не дают связаться с Землей для оказания помощи.

История основательно подзабыта. Сплошь — противоречивые легенды.

[дневник приездов: 15.11.67 — 8.12.67. Писали «Обитаемый остров».]

15.11.67

Прибыли в Комарово.

За это время:

ГЛ — отклонено МолГв.

СоТ — отклонено «Знанием».

Часть I: Робинзон

II: Жандармский ученик

III: Подпольщик

IV: Каторжник

V: Комильфо

VI: Революционер

Часть I гл. 1. Садится ночью. Фосфоресцирующий туман. Он — в полосе, которую прочесывает отряд каторжников с целью уничтожить военную технику, мешающую работе. Всемогущество: ощущает под ногами железо, радиоактивность воды. Сталкивается с образцами военной техники. Шестипалый оттиск ноги на песке у реки. Корабль взорван. Идет куда глаза глядят. Башня. Натыкается на костер каторжников, садится и ест. Тут его и берут. Обращает внимание на то, что у них ноги пятипалые.

Примеч. Всемогущество его понемногу теряется, по мере того как он становится вождем народа и Человеком.

16.11.67

Сделали 7 стр.

17.11.67

Сделали 9 стр. (16)

18.11.67

Сделали 10 стр. (26)

19.11.67

Сделали 10 стр. (36)

20.11.67

Сделали 10 стр. (46)

21.11.67

Сделали 10 стр. (56)

22.11.67

Сделали 10 стр. (66)

23.11.67

Сделали 10 стр. (76)

24.11.67

Сделали 10 стр. (86)

25.11.67

Сделали 6 стр. (92)

Едем в Лрд.

26.11.67

Сделали 4 стр. (96)

Прибыли из Лрда.

27.11.67
Сделали 10 стр. (106)
28.11.67
Сделали 11 стр. (117)
Выпивали у Р. А.[1]
29.11.67
Сделали 10 стр. (127)
30.11.67
Сделали 10 стр. (137)

Отд. лист[2]. Карта ОО

В тетради рабочих дневников часто вложены отдельные листочки с какими-либо материалами по произведениям (карты, кроки, рисунки, заметки). Здесь они даются там, где были вложены.

[Надписи на карте]

«Октопус», Максим, Полярный океан, Голубой союз, Желтый союз, Wasted land[3], Островная империя, Южный океан, СВАО[4], мутанты, радиоактивные осадки

1.12.67

Показания Гаала, Тоота и самого обвин<яемого>	1).	Обстоятельства появления
Экспертиза НИИ	2).	Трусы
Показание медиц<инских> эксперт<ов>	3).	Необычайное физическое здоровье. Экспертиза ранений. Выносливость, сила
Донос агента и Генерала	4).	Ночное видение; нечеловеческое обоняние, чутье на радиоактивность
Эксперты департамента	5).	Невосприимчивость к А-излучению (ни как выродок, ни как нормальный)

[1] Зернова (Зевина) Руфь Александровна, писательница, переводчик.
[2] См. вклейку.
[3] Опустошенные земли *(англ.)*.
[4] Северный Военно-Административный Округ.

Донес. камеры методов форсир.	6).	Нечувствительность или сверхтерпеливость к боли
Племя колдунов эксперты «горцев»	7).	Обстоятельства сумасшествия (показания Бегемота) (язык)
Наркоманство и пьянство из допроса [(Максим не понимает ни наркоманства, ни пьянства)]	8).	Обширные знания в одних областях, сочетающиеся с полным невежеством в других
Рапорт Чачу Рада; отнош<ение> к Гвардии	9).	Аномальная честность и порядочность
Показ. тюремщика	10).	Способность исцеляться и исцелять
Разговор с прокурором	11).	Аномальная доброта к людям и обаяние, доверчивость

Сделали 10 стр. (147)

2.12.67

Сделали 10 стр. (157)

3.12.67

Сделали 10 стр. (167)

4.12.67

Сделали 10 стр. (177)

5.12.67

Сделали 10 стр. (187)

6.12.67

1. Встреча с принцем-герцогом (история Крепости и войны с лемурами).

2. Бой с лемурами.

3. Встреча с варваром.

4. Колдун. Живет в развалинах города. Прислуживают летучие мыши.

5. Легенды. Таинств<енные> люди или животные, крадущие детей, воюющие с лемурами.

Сделали 10 стр. (197)

7.12.67

Сделали 5 стр. (202)

Выдохлись окончательно. Уезжаем.

14. Неудача у мутантов, поиски самолета.

15. Сбит самолет, попали на белую субмарину.

16. Возвращение на каторгу, вербовка в армию.

17. Казармы, знакомство с зубрами, танковый прорыв, дезертирство.

17. Работа у Странника.

18. Высшее общество.

19. Нападение на пропаганд. центр.

20. Земляне, отказ.

В Комарово АБС теперь будут ездить постоянно. Там Авторы познакомились со многими литераторами, к примеру, с поэтом Александром Рубашкиным, который в какое-то из посещений Комарова, встретившись там с АБС, посвятил им такой экспромт.

Из архива. Стихотворение Рубашкина

Шарлотка, ты шарлотка!
Б. Кежун

А и Б — сидели на трубе.
кажется, В. Бетаки

До свиданья, братишки! Я роняю слезу,
Говорю Вам прощальное слово:
«Я без Вас одинок, как в холодном лесу
И беззвучно без Вас Комарово.
До свиданья, братишки! Пообедали всласть.
По-стругацки, со смаком и вкусом.
Ах, зачем же так скоро пора пронеслась,
Когда ели шарлотку и муссы.

До свиданья, братишки! Опустеет залив,
Загрустят беспредельные дали,
И закончится наш удалой детектив,
Тот, который мы не дописали.
До свиданья, братишки! Загрустят провода,
Затоскуют улитки на склоне…
Покидает наш стол дорогой тамада,
Едет в международном вагоне.
До свиданья, братишки! Братик Б., братик А.
Мы остались без Вас сиротами.
Это как же понять, дорогая братва,
Это что же Вы сделали с нами.
До свиданья, братишки! Маша Гирша грустит,
Тихий Панич тихонько рыдает,
И Рубашкин совсем потерял аппетит,
И тоскует Борисова Майя.
До свиданья, братишки! Вижу грусть на лице.
(У фантастов отсутствуют слезы.)
Но вздыхает Галина Михайловна Цэ,
И с галерки Вам машет Морозов.
До свиданья, братишки! Вам рефрен надоел?
Слушать вирши подобные тяжко?
Извините, что сырники в жизни не ел
Ваш сосед

Александр Рубашкин.

Письмо Аркадия брату, 11 декабря 1967, М.— Л.

Дорогой Борик.

Приехал я, а у нас ремонт начался. Сам знаешь: у себя самого ничего не найдешь, темно как в аду и воняет сыром[1]. Это еще минимум десять дней. Надо, Хведя[2]. Переживем.

[1] Любимая наша с АНом присловка из «Сталки и Ко».— *БНС*. Глава «The Last Term»: «Hellish dark and smells of cheese». Киплинг цитирует «Handley Cross» (гл. 57) Р. Сертиса.

[2] Слова из «Песни о конькобежце» В. Высоцкого.

1. Говорил с Ниной. Наши предложения приняты, согласие подтверждено. При условии, что конец будет оптимистический и всё будет объяснено отрывом Тройки от реальной жизни — будучи заперты на семьдесят шестом этаже НИИЧАВО,— можно делать повесть. Нина говорит, что это будет и облегчение некоторое, потому что их все время спрашивает читательская общественность, когда будет продолжение ПНвС. Сегодня иду к ней забирать рукопись.

2. Звонил Ленке Север. Он закончил иллюстрации для ЗПвГ и отослал в «Байкал». Получил телеграмму, что иллюстрации все приняты, его благодарят и просят передать нам привет. Значит, еще не раздумали.

3. Я тебе рассказывал, по-моему, что Котляр написал в ЦК жалобу на «Комс. Правду». К счастью, зам. главного, как оказалось, Котляра знает и имел уже с ним дело в прошлом, когда работал в каком-то журнале. Он сам отправился в ЦК для объяснений и объяснил, так что дело это можно считать законченным.

Вот пока всё, что выяснилось интересного. Римка с Мишкой написали роман, отдали в «Юность». По слухам, приняли его хорошо. Были хорошие рецензии Аксенова и др.

Из Детгиза поеду в «Мол. Гв.» выяснять наши дела.

Привет и поцелуй Адку и Буратино. Поцелуй маму.

Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 15 декабря 1967, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Я задержался несколько с ответом, потому что дожидался свидания с Натальей Долининой, у которой должен был взять кой-какие материалы Марка[1]. Надеялся получить там информацию и отписать тебе. Получил кое-что. Потом расскажу. Общий вывод такой: хуже вряд ли будет, но и на улучшение надеяться пока не приходится — уж очень уверенно жмут. А Долинина мне очень понравилась — отличная тетка,

[1] Здесь и далее — Поповский Марк Александрович, писатель, журналист.

а дети у нее — просто прелесть что за ребята: лет шестнадцати, парень и девочка, знают УнС наизусть.

То, что ты сообщаешь, в общем приятно. Жалко только, что ничего пока не написал про аванс от МолГв. Жду я этого аванса, как манны небесной.

Я живу тихо-мирно, никого не трогаю, перевожу Нортон. Перевел уже 11 стр. Это не особенно трудно, хотя в нескольких местах я и забуксовал. С терминологией, как ты и предсказывал, получается мура. Придется еще повозиться, но я хотел бы делать это вместе. В первом приближении я обозначил Pool как просто «Школа», Psycho — Мозг, Trade и все модификации — Трест, Free Trader — если это человек — вольный торговец, а если это корабль — вольный трейдер.

Прочитал Громову не без удовольствия. Искренняя книжка, хотя и наивная очень. Не умеют у нас все-таки писать про контакты. Во всяком случае передай ей мою благодарность и удовольствие.

Мама чувствует себя неплохо. Дома более или менее благополучно. Андрюшка, правда, болеет, но зато никакого ремонта нет и не предвидится.

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Скоро уж и встретимся вновь. Рукопись привези, моя у Брускина. Я думаю, приехать надо числа 23-го и за недельку всё обделать. Не забудь взять обратный билет, а то под Новый год могут объявиться трудности.

P. P. S. Сейчас отнесу письмо и засяду за сегодняшнюю порцию.

И опять встречаются АБС — на этот раз в Ленинграде.

Рабочий дневник АБС

[дневник приездов: 28.12.67. Приезжал 22.12 для доделки СоТ.]

23.12.—30.12.67

У мамы обрабатывали СоТ для Детгиза.

25 декабря Авторы получают письмо из журнала «Советская литература», который выходил на иностранных языках и публиковал произведения советских писателей.

Из архива.
Письмо БНу из журнала «Советская литература»

УВАЖАЕМЫЙ БОРИС НАТАНОВИЧ!

Сообщаем Вам, что в пятых номерах журналов «Советская литература» и «Произведения и мнения» за 1968 год, целиком посвященных советской научной фантастике, мы будем публиковать переводы вашего (совместно с братом, ему мы тоже написали об этом) рассказа «Шесть спичек» на английский, немецкий, испанский и польский языки и первой части повести «Суета вокруг дивана» («Понедельник начинается в субботу») — на французский язык. Заказать наши журналы можно, обратившись по телефону И-8–17–43 к зав. редакцией В. И. Коломийцу или написав нам. В розницу журналы почти не поступают.

С дружеским приветом

Зав. отделом художественной литературы

Н. КУПРИЯНОВА

Год начинался и закончился встречей братьев. Удачный год, несмотря на сопротивление Гомеостатического Мироздания. Удалось опубликовать ВНМ, хотя и в региональном малотиражном журнале. Вышел переработанный «Полдень, XXII век» в «Детской литературе». В сборнике «Фантастика и приключения» — два рассказа («Шесть спичек» и «Пришельцы» — вторая глава из «Извне»).

Вышли в 10-м томе БСФ два перевода с английского под псевдонимом «С. Бережков»: рассказы Уильяма Моррисона «Мешок» и Кингсли Эмиса «Хемингуэй в космосе».

Переработанный ПХХIIВ Авторы предварили своим предисловием:

АБС. От авторов

Фантастику иногда называют литературой мечты. Мы не согласны с таким определением, мы считаем, что фантастика гораздо шире, и социальная либо научно-техническая

мечта — это всего лишь одно из ее направлений. Главным предметом настоящей фантастики, как и всей художественной литературы, является человек в реальном мире. Настоящая фантастика не только и не столько мечтает, сколько утверждает, подвергает сомнению, предупреждает, ставит вопросы.

Тем не менее мы отлично понимаем тех писателей, для которых фантастика является средством выражения их мечты, их идеалов. Человеку вообще свойственно вырабатывать для себя идеалы, которые служат ему компасом в практической деятельности, которые дают ему возможность сравнивать и определять, что хорошо, а что плохо. Именно поэтому трудно переоценить значение правильно (и неправильно) выбранного или выработанного идеала.

В этом отношении писатель ничем не отличается от других людей. Он тоже вырабатывает свои идеалы и тоже по мере своих сил и возможностей стремится к ним, но как писатель он стремится вдобавок увлечь своими идеями и читателей.

Эту нашу повесть ни в коем случае не следует рассматривать как предсказание. Изображая в ней мир довольно отдаленного будущего, мы вовсе не хотели утверждать, что именно так всё и будет. Мы изобразили мир, каким мечтаем его видеть, мир, в котором мы хотели бы жить и работать, мир, для которого мы стараемся жить и работать сейчас. Мы попытались изобразить мир, в котором человеку предоставлены неограниченные возможности творческого труда. Мы населили этот воображаемый мир людьми, которые существуют реально, сейчас, которых мы знаем и любим: таких людей еще не так много, как хотелось бы, но они есть, и с каждым годом их становится все больше. В нашем воображаемом мире их абсолютное большинство: рядовых работников, рядовых творцов, самых обыкновенных тружеников науки, производства, культуры. И именно наиболее характерные черты этих людей — страсть к познанию, нравственная чистота, интеллигентность — определяют всю атмосферу нашего воображаемого мира, атмосферу чистоты,

дружбы, высокой радости творческого труда, атмосферу побед и поражений воинствующего разума.

Эта наша повесть писалась в шестидесятом году. И до нее, и после мы написали довольно много рассказов, где тоже изображался мир будущего, каким мы хотели бы его видеть. Готовя повесть к переизданию, мы включили в нее некоторые из этих рассказов, органически входящие, как нам показалось, в «систему» нашей мечты.

Если хотя бы часть наших читателей проникнется духом изображенного здесь мира, если мы сумеем убедить их в том, что о таком мире стоит мечтать и для такого мира стоит работать, мы будем считать свою задачу выполненной.

1968

Письмо Аркадия брату, 4 января 1968, М.— Л.

Дорогой Боб!

1. «Тройку» на машинку сдал. Вероятно, будет готово к след. понедельнику.

2. Был у Белы. Деньги она выписала, считает, что 10-го нам переведут. Милютенко требует, чтобы предисловие к «Стажерам» написало «известное лицо», какой-нибудь лауреат или ч.-л. в этом роде. Я возмутился. Бела обещала переговоритьс Милютенкой. Пока есть предисловие Р. Подольного — очень умное, говорят. Видел оформление и иллюстрации к «Стажерам». Интересно. Вчера с Ленкой шесть часов подряд считывали и склеивали экземпляр «2-го нашествия». Сегодня отношу.

3. «Звезда Востока» молчит.

4. «Знание — сила» собирается дать в № 6 маленький отдельчик, посвященный 10-летнему юбилею появления Стругацких в литературе. А из «Тройки» взяли, чудаки, монологи Клопа.

5. Из «Сов. Пис.» ничего. Сейчас напишу официальное письмо Рюрикову.

6. Почему-то прислал поздравление Государственный ордена Ленина академический Малый театр Союза ССР. Возможно, чья-либо хохма.

7. Нудельман написал статью о фантастике 30-х годов. Очень точная и сильная статья. Завидую.

8. Вчера в Москве шел теплый дождь.

Пока всё. Целую, жму, твой Арк.

Поцелуй маму, привет Адке.

Письмо Бориса брату, 6 января 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Что ж, новости неплохие. Рад.

Мне тут давеча позвонил наш режиссер Алеша Герман, попросил для прочтения литературу. Я повез ему кой-чего.

Заодно поговорили о фильме. Он только-только кончил работу над «Седьмым спутником»[1] и начинает теперь думать о ТББ. Кое-что уже даже придумал — в основном, относительно выстраивания сюжета. Договорились, что в начале февраля начнем встречаться регулярно, так что во второй половине онаго, когда мы с тобой будем сидеть в Комарове, он будет к нам наезжать и вместе мы станем обсуждать все более и более конкретные вещи. Парень мне, все-таки, нравится, хотя, пожалуй, и молодоват. Однако ж предложения у него дельные и видно, что заинтересован человек.

Забавно он рассказывал историю утверждения своего фильма. Сначала на просмотр в Ленфильме приехал из Госкомитета т. Сытин. Просмотрел, огладил бороду и сказал: «Ну вот, наконец-то Ленфильм выпустил настоящую и откровенную антисоветскую картину. То все было — кукиш в кармане, а тут — все ясно. Ленфильмовский вариант “Доктора Живаго”». С чем и уехал. Студия в панике устраивает просмотр в обкоме. И вдруг т. Толстиков произносит по окончании: «Значительная картина!» Вскакивает какой-то хмырь и начинает слезно вопить: «Как? Неужели же революция была такой? Я не верю, не хочу верить!!!» Паника. И тут секретарь горкома т. Попов отрезает: «Да. Она была такой. Революция была жестокой и беспощадной». После чего картину торжественно везут в Госкомитет, где т. Романов объявляет ее золотым фондом и срочно подписывает первую категорию. Любопытная история, нес па?

А я вот ни хрена не делаю. Отдыхаю, очищаю голову от мыслей и продуктов разложения. Хорошо! Надеюсь предстать перед тобою оптимистичным, бодрым и, как юный пионер, готовым на всё.

Из Малого театра я тоже получил поздравление и тоже не понял.

Пока всё, жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленусе привет и поцелуи.

[1] К/ф «Седьмой спутник» по Б. Лавреневу сняли на «Ленфильме» в 1967 году Г. Аронов и А. Герман.

Время не ждет. Нужно срочно дописывать ОО — взамен отвергнутой Детгизом СОТ. И Авторы встречаются — снова в Ленинграде.

Рабочий дневник АБС

16.01.68
Арк прибыл к маме.
Сделали:
заявку на сценарий ДР,
заявление в «СП» по поводу ЗПвГ.
17.01.68
[дневник приездов: 17.01.68. Приезд 15.01 писать ОО.]
Сделали 10 стр. (212)
18.01.68
Сделали 10 стр. (222)
19.01.68
[дневник приездов: 19.01.68. Начата 16-я гл. ОО.]
Сделали 10 стр. (232)
20.01.68
Сделали 10 стр. (242)
21.01.68
[дневник приездов: 21.01.68. Перед концом 16-й гл. ОО.]
Сделали 10 стр. (252)
22.01.68

ОППОЗИЦИЯ	
Уничтож<ение> ПБЗ	Сохранение ПБЗ
1. Биологисты, хотят жить по-чел<овечес>ки. Какая власть — начхать. 2. «Коммунисты» — из идейных соображ<ений> (их очень мало) — гуманисты, не политики. 3. Аристократы: есть наследник, народ ему верен и т. д.— крайние идиоты.	1. Эгоисты, властолюбцы — неудавшиеся неизв<естные> отцы. 2. Либералы — боятся бунтов и народных движений. 3. Вождисты — хотят обратить ПБЗ во благо — не веря в народ, надежда с пом<ощью> ПБЗ народ воспитать (о воспитании — самые различн<ые> точки зрения).

Почему Странник против разрушения центра? Н<еизвестные> О<тцы> — едины против народа и их власть. Оппозиция, придя к власти, немедленно начнет снова строить ПБЗ, но теперь центров станет несколько — кошмарная гражд<анская> война, где победит не тот, кто прав, а у кого мощнее центр.

Ну выпей чайку, стаканчик только, что это тебе — шею мыть?

1. Просмотр документов и рассуждения.

2. Поездка в лабораторию.

3. Вечеринка и разговор.

1.

а). Положение прокурора:

α. Неудача войны.

β. Провал с чиновником, кот<орый> за прицельн<ое> излуч<ение>.

γ. Странник — враг (из-за Мака).

б). Замысел истинный:

α. Уничтож<ение> врагов, спасение жизни.

β. Надежда на свои знания и полит<ический> опыт.

γ. Надежда на перевоспит<ание> Мака.

Замысел для Мака:

α. Спасти страну.

β. Просвещ<енная> монархия.

γ. Постепенное воспит<ание> народа.

в). Докум<ен>ты:

α. Спор Мака о взрыве и последующ<ее> переубеждение.

β. Считает оппозицию дерьмом (через Зефа) — размышления прокурора о природе оппозиции.

γ. Готов убивать и убивал — история излучателя-танка, убивает в нападении.

δ. Скромен в быту — хороший материал для развращения.

ε. Странник и Максим — огромны усилия Странника найти и сохранить живым. Мысль о перевороте Странником.

ζ. Донесение с каторги — натерпелся я страху перед Странником.

η. Грамену сообщил, что прокурор — хорош<ий> чел<овек> и знает, где центр.

[Сбоку запись: «Хорошо, что Странника нет».]

г. Панический приступ страха (звонок сверху) — жуткое воспомин<ание> о расстреле нач<альника> департ<амента>, пытавшегося захватить центр. Откуда он знает о центре. Великое сокровище — знание центра и что никто об этом знании не знает (Грамену думает, что это ловушка).

2. Утро, приготовление к лучевому удару.

Едет в лаборат<орию>. Описание лаборатории и темы работ Странника. Поболтал о Страннике с помощником Прокурора (везде портреты Странника).

Работа Стран<ника> по контрразведке и защита центра (расстрел нач<альника> департам<ента>).

Сделали 1 стр. (253)

23.01.68

Сделали 10 стр. (263)

24.01.68

[дневник приездов: 24.01.68. Разгар 17-й гл. ОО.]

Сделали 10 стр. (273)

25.01.68

Сделали 1 стр. (274)

Днем звонит прокурор: «Странник приехал! Торопись! Начинай немедленно!»

М<аксим> звонит Зефу (Если я не вернусь, позаботься о Гае и Раде) и Ко, хватает мину и мчится.

Гаю: чеши за Радой, запритесь у меня в комн<ате> и сидите.

Успел: сделать мину, ознакомиться с электроникой, провел разведку.

Не успел: получить план дворца, собрать всех своих людей — чел<овек> 15–20, с кого начать — для нейтрализации штаба, арестовать или пристрелить фашистов в штабе. Зеф найдет только Доктора и Мемо. Надеялся стянуть 20 чел<овек> к дворцу и по карте ворваться и покончить с ними.

Радио в машине: о войне.

Центр, прорыв, подрыв.

Обратный путь. Стычка со Странником. Разговор.

Вепрь:

1) если я не вернусь, взорвите мину. Здесь антенна;

2) помните, 2 недели назад, когда я говорил о взорвать, вы посоветовали мне не трепаться? Спасибо. Благодаря этому мы теперь имеем возможность взорвать.

— Как неловко получилось.

— Ничего. Я попрощался. Я всегда прощаюсь, когда ухожу из дому.

На обр<атном> пути: — Остановите-ка меня вот здесь (своя орг<анизаци>я у Вепря)

26.01.68

[дневник приездов: 26.01.68. Середина 18-й гл. ОО.]

Сделали 12 стр. (286)

27.01.68

[дневник приездов: 27.01.68. 17.15 закончен ОО 296 стр.]

Сделали 10 стр. и ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 296 СТР.

28.01.68

[дневник приездов: 28.01.68. Отъезд.]

Арк отбыл в Москву.

Письмо Аркадия брату, 2 февраля 1968, М.— Л.

Дорогой Борик.

1. Из «Звезды Востока» ничего. Это удручает, но и вселяет некоторые надежды: значит, не отвергли, а подвергают себя мучительным раздумьям.

2. Видел Севера, ему звонили из Улан-Удэ. Первый номер «Байкала» выйдет в середине февраля, второй — в середине марта.

3. С «Тройкой» — увы! — заминка. Несмотря на напор со стороны Нины, старуха все чего-то опасается. Потребовала, чтобы прочитал Пискунов (директор). Впрочем, за последние

два дня что-то изменилось, потому что Нина вчера настоятельно приказала зайти к ней домой. Это я учиню сегодня через несколько часов.

4. Сборник в «Мол. Гв.» сейчас на чтении у Милютенко. Я встревожился, но Бела и Гена Еремин меня успокоили — всё будет в порядке. Они сейчас бьются за то, чтобы выпустить эту книгу перевертышем, добиваются согласия дирекции. Самый горячий энтузиаст этого дела — главный художник издательства. Кстати, в руководстве «Мол. Гв.» намечаются какие-то большие изменения, будет новый директор, но кто — пока неизвестно.

5. Деньги — 700 р.— я с них получил. А ты?

6. Вчера виделся с Хмеликом и получил такое предположение: поскольку они очень спешат застолбить и начать работать с ДР, пусть ребята сами напишут сценарий, а мы поставим имена и пройдемся рукой мастера. Я решительно ответил, что нас интересуют деньги. Он посочувствовал, и мы сошлись на том, что официально сценаристом, кроме нас, будет только один человек — Миша[1], тот самый, с которым я говорил раньше. Тогда сценарий будет готов через месяца полтора, нам останется доработать его, и все будет в порядке. Я пока сказал, что должен с тобой посоветоваться, но мне кажется, это самое удобное для нас. На днях буду с ними говорить официально.

7. Вышло решение Секретариата СП о проведении в середине апреля всесоюзной конференции фантастов. Добилась-таки Громиха! По списку должно присутствовать полтораста человек, четыре дня, одиннадцать докладов и сообщений. Я постараюсь от подготовок самоустраниться и вообще ограничить свое участие надуванием щек и поглаживанием бороды. (А борода-то растет! Преотличная!)

8. Вчера состоялось очередное сидение фантастов в ЦДЛ. Это так называемые чтения. Читал рассказы Толя Гладилин. Ничего. Самое приятное то, что наши ребята приняли его хорошо. Попытка ревниво отгородить непорочную Научную

[1] Пока не удалось выяснить, кто это.

Фантастику от притчи были с ходу растоптаны и решительно отвергнуты. Мы — молодцы. Все-таки пропаганда литературно-методической терпимости принесла плоды. Умные были все за, дураки ошеломленно помаргивали и молчали.

9. Как двигается перевод? Спешить, конечно, сломя голову не надо, но и тянуть это дело тоже не стоит. Девис утверждает, что издает книгу, как только перевод будет готов. Хоть в середине года, а это, сам понимаешь, деньги.

Ну и всё.

Жму и целую. Привет Адушке, поцелуй Р-росшепера.

Твой А.

Помимо рукописей отечественных фантастов, АН немало рецензирует и иностранные издания фантастики для того, чтобы рекомендовать их для перевода и включения в сборники зарубежной фантастики. Рецензии на рукописи советских фантастов были в значительной степени рецензиями редакторскими, а в рецензиях на книги иностранцев просто пересказывался сюжет и приводились аргументы «за» издание. Сохранились такие рецензии, конечно же, отнюдь не все.

В качестве примера таких рецензий приведём рецензию АНа на повесть Джона Браннера, датированную 5-м февраля 1968 года.

Из архива. АНС. Рецензия на научно-фантастическую повесть Дж. Браннера «Твоя собственная планета»

Действие повести происходит в отдаленном будущем, существенной характеристикой которого является существование многочисленных, независимых от Земли высокоспециализированных колоний на иных мирах. Правительства некоторых колоний тесно связаны с продувными фирмами, эксплуатирующими богатства этих миров. Однако законность поддерживается очень строго, и буква закона блюдется повсеместно. Героиня повести, Фой, девица, преуспевшая одновременно в области физики «ква-пространства» и в юриспруденции, отправляется на самые отдаленные миры в надежде сделать себе карьеру. Колонисты, однако, нигде не нуждаются в ее квалификации, и она уже на грани отчаяния, на чужой

планете без гроша в кармане, когда ей предлагают выгодное, на первый взгляд, дельце: поступить надзирателем на плантации драгоценных «шкурок Зигры» — так называется особый растительный мех, выращиваемый на планете Зигра, продаваемый по миллиону кредиток за штуку. Контракт обеспечивает выгоднейшие условия, если служащий не нарушит в течение года ни одного из его пунктов. Служба на Зигре обусловлена массой юридических тонкостей и, конечно, полна ловушек для служащего. Но Фой, как талантливый юрист, не только разгадывает эти ловушки, но и одурачивает к большой выгоде для себя коварную фирму. Фирма разоряется, планета с драгоценными мехами переходит под власть правительства во главе с Фой, всё заканчивается первой свадьбой в новой независимой колонии.

Сюжет повести построен на реминисценциях из Сказки о Синей Бороде, причем построен умело и со вкусом, читается повесть с увлечением, а то обстоятельство, что развитие действия идет не за счет стрельбы и поножовщины, а за счет состязания в умении применять юридические тонкости, придает повести свежий и несколько юмористический привкус. Браннер — довольно известный американский[1] писатель-фантаст, автор дюжины фантастико-приключенческих повествований. Он никогда особенно не блистал глубиной философского или психологического анализа, но политическая его позиция (стихийный антикапиталист) и умение строить увлекательные сюжеты заслуживает, на наш взгляд, внимания советского читателя. Рецензируемая повесть написана в 1966 году. Мы рекомендуем ее для перевода и включения в один из сборников зарубежной фантастики.

Письмо Бориса брату, 6 февраля 1968, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. Адка прочла ОО. Ей понравилось: увлекательно, достаточно приключений, неплохо написано. Все оказалось понятным, можно даже догадаться, кто провокатор (хотя,

[1] На самом деле — английский.— *В. Борисов.*

естественно, интрига л-та Чачу выпадает). Недостаток: Мак слишком мало вспоминает о Земле — неестественно, но и это компенсируется во второй половине повести.

2. Перевода сделал я еще три странички, и стало не до него. Боюсь, что в этот перерыв мне будет не до перевода. Дело в том, что

3. На меня насел-таки Герман и не отпускает. Уже встречались с ним три раза, каждый раз разговаривали по пять-шесть часов. Видимо, придется мне сейчас заняться переделкой сценария. Положение дел таково. Сценарий включен в резервный план 69-го года, но над фильмом начнут работать, как только его утвердит Госкомитет. Герман и оператор Яша Склянский уже получают зарплату по статье ТББ. Нам обещают выплатить еще 15 %, как только мы приступим к работе над сценарием. Сегодня я еду на студию улаживать это финансовое дело. Переделок пока требуется совсем немного. Пару сцен выбросить, пару сцен вставить, сцену с Аратой перенести в другое место, заново переписать надобно только начало (разговор с Кондором) и самый конец (более оптимистично). В общем, я за это взялся. Надо кончать. Герман — мальчик симпатичный: ничего не навязывает, всё тщательно обсуждает и видно, что работает с удовольствием. Я хочу-таки попытаться закончить переделки (хотя бы вчерне) за февраль. Тебя трогать не будем, если не возникнет непреодолимых трудностей.

4. Насколько я тебя понял, гонорар за ДР придется делить на три части. Что ж, это не так уж и плохо. Пущай. Я за.

5. Насчет денег за МолГв — не знаю пока, надо будет посмотреть.

6. С нетерпением жду развития дел в Улан-Удэ. Ужели выгорит?

Ну вот пока и всё, жму ногу, твой [подпись]

P. S. Слухи о конференции уже наделали делов. Дмитревский в ярости. Как! Его не включили в оргкомиссию? Ленинградцы в загоне? Я буду писать куда следует! <…>

Леночке привет.

7 февраля АН рецензирует Альфреда Ван Вогта (в рецензии — литерация «Фогт»).

Из архива. АНС. Рецензия на повесть А. Э. Ван Фогта «Путешествие “Космического Бигля”»

Ситуация. В достаточно отдаленном будущем научная экспедиция землян отправляется в космическое пространство на чудо-звездолете «Космический Бигль» (названном по имени знаменитого корабля, на котором путешествовал Чарльз Дарвин). Цель экспедиции — поиски и исследование остатков давно погибших цивилизаций на самых отдаленных мирах Вселенной, как в пределах нашего Млечного Пути, так и в других галактиках.

Тема. Естественно, экспедиция сталкивается с самыми разнообразными формами разумной и неразумной жизни, подвергается всевозможным опасностям на планетах и в открытом космосе, но автор противопоставляет всем этим странным и неожиданным угрозам извне самую странную и неожиданную: изнутри корабля, из глубин наиболее темной и неизученной области: человеческой индивидуальной и коллективной психологии. Коллектив ученых, составляющих экипаж, с течением времени обнаруживает ужасные недостатки, которые, развиваясь, перерастают в смертельную опасность. Самолюбие, честолюбие, тщеславие одних и покорность, апатия, трусость других членов экипажа взаимодействуют, вступают в жуткие реакции и едва не приводят экспедицию к гибели. Это противопоставление внешней, как бы механической, угрозы угрозе внутренней — представляется нам чрезвычайно выигрышной идеей, которую, к сожалению, Ван Фогт, не будучи искусным психологом, использовать до конца не сумел.

Оценка. В среднем повесть довольно обыкновенна по языку и деталям, в ней наличествуют и удачные находки, и блестящие сюжетные повороты, и банальности, свойственные средней фантастике вообще, и затянутые, прямо-таки скучные места. Но есть отдельные главы, написанные превосходно.

Предложение. Книга начинается эпизодом столкновения с инопланетным разумным зверем на окраине Млечного Пути. Этот эпизод занимает первые 6 глав (ок. 48 страниц) и является, пожалуй, самым лучшим в повести. Вражда внутри экипажа дана здесь только незначительными намеками, сюжет острый, захватывающий, фантазия автора в кульминации. Есть прямой смысл перевести и издать этот отрывок отдельным рассказом, который может украсить любой сборник зарубежной фантастики. (Кстати, в свое время автор и опубликовал этот эпизод отдельным рассказом. Вероятно, впоследствии он приписал к нему и всю остальную часть повести.)

Письмо Аркадия брату, 9 февраля 1968, М.— Л.

Здравствуй, Бобс.

1. Детгиз от Тройки отказался — вернее, вынудил меня отказаться от них. Все хором признают, что повесть блестящая, но содержит массу несвоевременных намеков, а главное — им всем страшно не нравится Говорун. Я поклонился, забрал рукопись и отдал в «Мол. Гв», где ее преспокойно взяли для «Фантастики 68».

2. Сборник «Стажеры — ВНМ» на мази, все уже прочли, сейчас добиваются разрешения у Верченки сделать перевертыш. Решение выйдет в понедельник. Бела уверена, что Верченко даст добро.

3. «Байкал», «Звезда Востока», «Сов. Писатель» — новостей нет.

4. Мосфильм тоже молчит, подозреваю, что сценарий уже пишется.

5. Насчет ТББ — это хорошо. Ты уж там сам сделай, что нужно. Старайся только, чтобы поменьше было декораций, побольше сносок с нашим временем. То есть в сценарии это не важно, а так, между делом, внедряй эту идею Алеше[1].

[1] Здесь и далее — Герман Алексей Юрьевич (Георгиевич), режиссер, сценарист.

6. Звонили из радио и телевидения. Не желаю.

7. Сегодня, чем свет, позвонил Ефремов. Дмитревский, оказывается, выдал ему разъяренное послание, требуя объяснений <…>. Ох, чует мое сердце, мороки будет с этой вонючей конференцией — не оберешься.

8. Помнишь, как-то у Ревича разговор зашел о фантастической комедии, которую недурно было бы поставить? Так мы уже начали разговаривать о сценарии. Мы — это Севка, Димочка Биленкин и мы с тобой. Идея: несколько наших людей разных типов — от шофера автобуса до мелкого чиновника, включая парочку кисок (для коммерческого кино совершенно необходимо), попадают на летающее блюдце, а оно уносит их в страну, где правит кибермозг. Жители страны сами не умеют думать, по каждому пустяку обращаются за советом к этому мозгу: на улицах установлены этакие будки, вроде телефонных, с микрофонами и рупорами. «Какое платье мне надеть на вечеринку?» — «Такое-то».— «Меня Миша поцеловал. Что мне делать?» — «То-то и то-то». Сто веков уже такое положение, все привыкли и верят машине, как богу. А машина слегка разладилась и дает иногда странные советы. И так далее. На две серии. Если мелькнет идейка — сообщи. Эпизодик там или еще что. Встречаемся для обсуждения раз в неделю.

9. В 12-м номере «Нового мира» — отличные статьи. Канторовича и Лебедева[1]. Обязательно прочти.

10. В перевод все-таки нет-нет да и заглядывай. Всё пойдет на пользу, хоть строчка в день. Часок перед сном.

Ну, вот всё.

Жму, целую, твой Арк.

Приветы всем. Целуй маму, Адку, Буратино.

Получают АБС и официальное письмо с «Ленфильма» о переделке сценария ТББ.

[1] Канторович В. Социология и литература; Лебедев А. Судьба великого наследия // Новый мир (М.).— 1967.— № 12.

Из архива.
Письмо АБС из «Ленфильма», 12 февраля 1968

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Ту длительную консервацию, которой мы по обоюдному соглашению подвергли нашу общую работу, теперь можно считать оконченной. После серии обсуждений, поисков новых решений, той подробной предварительной работы, которая была проведена при участии вашем и режиссера А. Германа, пришла пора вернуться к письменному столу с тем, чтобы довести работу над сценарием до конца. Вам хорошо известны все те предложения, которые были выработаны и согласованы в предварительных встречах и беседах. Поэтому здесь напомним лишь о главных.

Сохраняя все основные предпосылки, касающиеся социальной и нравственной темы сценария, надо сюжетную конструкцию выстроить так, чтобы приключенческий сюжет (поиски Будаха) и всемирно-исторические размышления героя, а также связанные с этим его трудности и утраты располагались не последовательно, а слагались и взаимопроникали еще в процессе предлагаемой жизни. Для этого развязку в отношениях героя с Аратой следует поднять во времени и поместить перед дворцовым переворотом и решающим объяснением с доном Рэбой. Это даст Румате существенную нагрузку во второй половине приключенческого сюжета и ритмически сдвинет его душевное существование в более серьезную драматическую плоскость. Кроме того, это даст выгодное композиционное соотношение эпизодов с Аратой и Будахом.

В упомянутых встречах возникло, на наш взгляд, интересное предложение о том, чтобы сохранить в сюжетном развитии интригующую загадку относительно происхождения Руматы, раскрывая ее не сразу, а в порядке накапливающейся информации, так чтобы зрительские представления смещались от благородного дона к сверхчеловеку или богу и от него — к человеку со всей его слабостью, но и его величием. Это предложение потребует ряда новых решений

в существенных моментах сюжета, но задача, как нам кажется, стоит этих усилий.

Необходимо драматургически осложнить отношения Руматы с Кирой, введя в них конфликтные мотивы и, может быть, также какой-то элемент приключенческой игры.

В линии Араты необходимо ввести экспозиционный эпизод, а в решающей сцене развязки надо попытаться найти более органичный прием непрямого, воображаемого диалога. (Может быть, это диалог молчащих людей, субъективно заполненная вполне объективная пауза, когда между друзьями легла тяжелая тень и ничего нельзя объяснить, а молчание наполняется отчужденностью?)

Есть необходимость в том, чтобы пересмотреть эпизоды с королем в духе жанровой меры.

При композиционной перестройке сценария, очевидно, отпадет сцена в Патриотической школе. Возможно, напротив, возникнет необходимость в привлечении материала романа, до сих пор не использованного в сценарии — например, эпизода с Вагой Колесом. Впрочем, сейчас это предусмотреть трудно и такие вопросы придется решать в ходе работы.

При доработке сценария следует просмотреть все эпизоды и линии сюжета с тем, чтобы соблюсти непрерывность психологического действия и чтобы драматургическая выразительность нигде не подменялась литературной. В общей литературной фактуре сценария такие вещи бывают скрыты, но затем они могут болезненно сказаться при создании картины. Надо постараться избежать такой перспективы.

Для представления сценария в доработанном и, мы надеемся, завершенном виде вам предоставляется срок до 25 апреля 1968 г.

Желаем вам успешной работы!

Главный редактор 3-го творческого объединения

Я. Н. Рохлин

Письмо Бориса брату, 13 февраля 1968, Л.— М.

Дорогой Арк!

1. С завтрашнего дня сажусь писать — точнее, дописывать — сценарий. Главное, что мы придумали за шесть или семь семичасовых разговоров, это дать историю благородного дона — колдуна — дьявола — бога — человека. Т. е. истинное лицо Руматы выясняется только в самом конце (врубается нуль-телевизор и — уср… зритель), а до этого обалдевший зритель теряется в догадках: что за странная личность перед ним. Придется переписать первые сцены, сцену с Кабани — долой, сцену с Вагой — ввести, а дальше — в общем по тексту, но с правкой. Была еще идея: ввести робота Руматы — мрачного жуткого человека, который бродит с ним шаг в шаг, обороняя своим телом, наводя страшненькие эмоции и т. д. Но мы так и не придумали, как с ним разделаться, не впав в пародию.

2. Деньги (по 300) нам, вероятно, выпишут на Ленфильме в ближайшее время. Пока это все, что я практически из них выдрал. Но и это ничего.

3. Десятого смотрел на книжке — из МолГв ничего. Странно. А денег у меня осталось на полтора месяца.

4. Затея с кибермозгом мне нравится. Есть возможности. Во всяком случае, судьба чиновника на той планете, по-видимому, предрешена. Когда несколько освобожусь от ТББ, подумаю над идеями, а сейчас недосуг. Наоборот, лучше ты попридумывай для ТББ гвоздиков, вроде непробиваемой сорочки у благородного дона.

5. С СоТ мы еще намучаемся — будь здоров. Ни хрена ее не возьмет МолГв, только тень на плетень наводят.

6. Что слышно с переизданием СБТ? Скоро ли?

7. Не всё понял насчет Мосфильма. Договор есть? Аванс будет? Аванс в кино должны дать просто по заявке без всяких вариантов сценария.

8. «Новый мир» я прочел. А читал ли ты «Вопросы философии» № 1? Там восхитительная статья Лифшица[1]. Просто

[1] Лифшиц М. Либерализм и демократия (по поводу одной литературной дискуссии) // Вопросы философии (М.).— 1968.— № 1.

блеск: образец настоящего марксизма, без глупостей. Прочти обязательно!

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночку поцелуй!

14 февраля АН дает Анатолию Варшавскому рекомендацию в Союз писателей.

Из архива. АНС. Рекомендация Варшавскому

Я знаю Анатолия Семеновича Варшавского более десяти лет — с 1957. С первых же месяцев знакомства меня поразила огромная эрудиция Варшавского как истинного гуманитария, страстно заинтересованного в искусстве, в истории культуры, в философии истории, настоящего энтузиаста и исследователя, всегда стремящегося передать свои обширнейшие знания массам. Среди немногочисленных писателей, избравших своей темой эти сложнейшие области всечеловеческого опыта, он сразу выделился для меня незаурядным литературным дарованием и редкостной способностью заинтересовать, влюбить читателя в предмет изложения.

Перу Варшавского принадлежит двенадцать книг, не считая статей и очерков в периодике. Он пишет о самоотверженных мореходах и землепроходцах, об удивительных открытиях археологии, раскрывает огромную социальную значимость искусства, вводит читателя в проблему происхождения человека, ярко и лаконично, со всеми приметами времени, описывает жизненные пути великих людей. И всюду в центре внимания у него человек-творец, человек-искатель, человек-путешественник в будущее. Можно сказать, герой Варшавского — все равно, мореплаватель ли, ученый, художник или философ — Большой Человек в схватке с Большой Проблемой. Но, кропотливо восстанавливая характеры выдающихся людей по их высказываниям и поступкам, Варшавский одновременно наполняет свои книги точной позитивной информацией, смысловой и эмоциональной. Написанные крупно и интересно, почти все они обладают

поистине бесценным для научно-художественной литературы свойством: прочитав их, хочется немедленно искать новые, узнавать больше и больше, немедленно приняться за решение нерешенных проблем. Это ли не цель, к которой должен стремиться настоящий писатель, рассказывая молодому читателю о судьбах людей и судьбах идей.

Варшавский — давно сложившийся, зрелый писатель. Произведения его неоднократно отмечались похвальными отзывами в нашей периодике.

Я с радостью и от всей души рекомендую Анатолия Семеновича Варшавского в члены нашего Союза писателей.

А. СТРУГАЦКИЙ
член. бил. № 3482

Письмо Аркадия брату, 17 февраля 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Помчался я прямо в бухгалтерию МолГв, а там мне хладнокровно сообщают: как же, вот у нас на Стругацкого Бориса начислено в прошлом году аванса 500 и в январе этого года одобрения 700, всего к получению 1200, да нам кто-то сказал, чтобы повременили высылать, у него-де переменилась не то книжка, не то адрес, сидим и ждем, и справку о детях освежить надобно. Кто? Когда? Не помнят. Я взвыл и помчался на почту давать тебе телеграмму. Высылай, и тебе сразу переведут. Я еще через неделю зайду справиться.

2. На сценарий благословляю. Робот Руматы — дело хорошее, а избавиться от него можно легко: его отбирает вместе со скорчером Кондор. Робот шагает сквозь экран и сгорает. Трах — и зритель ус… Вот так. Из гвоздиков придумалось мне кольцо на пальце Руматы: мини-лазер, используется как фонарик и как оружие светового удара, ослепляет, пол? Р-раз — и продвинулся[1], в смысле — ослепил.

[1] Это мы хихикали над Шефом, И. А. Ефремовым. Когда-то, разглядывая космическую живопись Соколова, он так (с характерным своим величественным заиканием) комментировал действие ракетного ранца на космическом скафандре: «Б-бах,— и п-продвинулся…» — *БНС*.

3. С СоТ пока всё ничегё. Бела сделала несколько мелких замечаний, в понедельник иду с нею поработать. Сборник уже готов у них, скоро сдают. И еще: «Химия и жизнь» просят СоТ. Сегодня зайдет ко мне Леша Иорданский, возьмет экз. Ну, это как раз не очень реально. Но возможности я упускать не стал. А вдруг! Гонорар, то, се…

4. В № 5 идет монолог Клопа в «З-С». И еще они потребовали главку в № 8, где отмечается десятая годовщина появления Стругацких в их журнале, с портретами и прочим.

5. С переизданием СБТ ничего никому не известно.

6. Из Мосфильма ничего не звонили. Положение неясное.

7. Каждое утро с трепетом смотрю почту: нет ли чего из Ташкента? нет ли чего из Улан-Удэ? нет ли чего из СовПиса? Нет.

8. Сообщи, если уже возможно, когда точно мне выезжать для Комарова. Люблю отсчитывать дни, да и для планов полезно.

Всё.

Целую, жму. Привет Адке и Росшеперу.

Поцелуй маму.

Твой Арк.

О причине заикания Ефремова АН упоминал в интервью испанскому журналисту:

Из: АНС: «Научная фантастика — это признак высокой культуры каждой страны»

— После Второй мировой войны на сцене научной фантастики появился Иван Ефремов, автор «Туманности Андромеды». Расскажите, пожалуйста, об этом блестящем писателе, который, как мне кажется, особенно хорошо известен на Западе.

— Прежде всего это был выдающийся ученый, основатель новой науки на стыке палеонтологии и геологии. Ему приписывают разработку новой методологии обнаружения залежей полезных ископаемых.

Это был человек с невероятно живым воображением и поистине великий ученый. За достижения в области науки ему была присуждена Государственная премия. Он завоевал огромное признание в советских и зарубежных научных кругах.

<…>

Иван Ефремов — выходец из семьи небогатых мещан. С детства мечтал о море. Во время гражданской войны, когда ему было 12 лет, с ним случилось несчастье: один из кораблей отступающих интервентов дал залп по берегу, где в то время находился мальчик, и снаряд разорвался совсем рядом. Контузия была сильнейшей. С тех пор он всю жизнь заикался.

Мне повезло, я был лично знаком с Иваном Ефремовым. И был его учеником в литературе.

— Не могли бы вы припомнить какой-либо интересный случай из его жизни?

— Помню многое. Самые интересные истории связаны с его работой в геологических экспедициях. Но он не дал мне разрешения их пересказывать. Когда я познакомился с Ефремовым, он был уже очень болен, и для меня самым интересным были долгие беседы с ним.

21 февраля в казанской газете «Комсомолец Татарии» публикуется отрывок из СОТ, который предваряется рассказом о КЛФ МГУ и выступлении там АНа, а также следующим предисловием.

[Редакционное предисловие к газетной публикации отрывка из повести «Сказка о Тройке»]

«Сказка о Тройке» — новая повесть Аркадия и Бориса Стругацких, которая является продолжением книги «Понедельник начинается в субботу». Герои «Понедельника…» Саша Привалов и Эдик Амперян отправляются в колонию необъясненных явлений, чтобы получить некоторые материалы для своей работы. Но это, оказывается, не так просто. Распределением материалов занимается некая ТПРУНЯ — Тройка по рационализации и утилизации необъясненных

явлений, сохранившаяся по недосмотру руководителей Н. И. Института Чародейства и Волшебства. Один из эпизодов хождения Привалова в колонию мы представляем читателю. Полностью «Сказка о Тройке» будет опубликована в альманахе «Мир приключений» (издательство «Детская литература»).

Письмо Бориса брату, 21 февраля 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Справки в бухгалтерию МолГв я выслал тотчас по получении твоей телеграммы, но ты все же проверь: послал я простым письмом, а не заказным, так как все близлежащие п/о были закрыты по случаю субботы. Кстати, вышли мне… нет, не так. Напиши-ка ты мне, братец, заявление в бухгалтерию студии «Ленфильм», в коем попроси перевести причитающееся тебе по такому-то адресу. Сейчас денег у них нет, но в начале марта будут.

2. Пишу сценарий. Добрался уже до сцены во дворце. Не знаю, как понравится нашему Леше, но думаю, что сожрет. Должен сожрать. Вообще, это очень унылое дело — писать сценарий. Тут у меня был Рафка Нудель, так со слов какого-то своего знакомого передал, что можно как-то так устроить продажу авторского права, что денег получишь столько же, сколько за экранизацию. Ты бы выяснил поподробнее, а? И я тоже постараюсь выяснить.

3. Было у нас заседание. Б. К. Федюшин сделал доклад о современном положении гипотезы о пришельцах. Хороший доклад, где всё предельно четко сформулировано и сведено воедино. Но из фактов привел только один интересный: в 63 г. в озеро близ села Андроновского упало нечто огромное и тяжелое, проломило лед и проволоклось по дну. Военные заинтересовались, обследовали и нашли, что лед снизу окрасился в ярко-изумрудный цвет и по дну разбросано большое количество маленьких металлических пустотелых шариков. Дело было засекречено и лежало под сукном аж до нынешнего года. А теперь туда, вроде бы, отправилась экспедиция от «Техники — Молодежи». Мура все это, вот что.

4. Кстати, у нас тут пронесся страшный слух, что беда с Володькой Высоцким. Якобы вызывали его в КГБ по делу Гинзбурга, после чего он запил и попал в больницу. Так ли? Выясни всенепременно.

5. Позвони ты в «Мосфильм» сам. Чего ты ждешь? Напомни о себе. Деньги есть деньги.

6. С Комаровым пока неясно. Я звонил на днях. Оказывается, что с 1 по 6 марта имеет место какой-то симпозиум и мест в ДТ по этому поводу не будет. А потом — будет. Но когда и как — в точности еще не известно. На той неделе позвоню еще раз.

Засим кончаю, крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське поцелуи и дополнительные поздравления.

Письмо Аркадия брату, 24 февраля 1968, М.— Л.

Дорогой Борь!

1. В бухгалтерию «Мол. Гв.» всенепременнейше зайду в понедельник или во вторник, если что неладное — буду телеграфировать. Если телеграммы не будет, значит всё в порядке, перевели или переводят. Заявление в Ленфильм высылаю.

2. От «Мосфильма» ничего нового. Буду звонить Хмелику, попробую расспросить его насчет льготных условий продажи авт. права. Если окажется возможным, загоню к чертям право на ДР.

3. Никакого отношения к делу Гинзбурга Володька Высоцкий не имел, а просто слетел с нарезок у вас в Ленинграде в свой день рождения. Пробыл немного в больнице (я его навещал), сейчас вышел, здоров, поет, выступает нормально.

4. Жаль, что такое дело с Комаровым. Пора уже и за работу. Я попробую прозондировать почву в московских домах творчества. А то, может быть, опять у мамы? Как насчет этого?

5. Занимаюсь в основном рецензированием всякого бреда и переводом. Скучно. Работать хочется. Вчера выступал перед сотрудниками ФБОН[1]. Очень нас там любят.

[1] ФБОН — Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР.

6. Прошелестел легкий, но очень малодостоверный слушок, будто «Байкал» с УнС уже вышел. Но у кого я ни спрашивал, никто ничего не знает.

7. «Тройку» в МолГв как будто серьезно принимают, просидел там час, менял «народ» на «общественность».

Пока всё. Поцелуй маму, Адку и Росшепера.

Целую, твой Арк.

О своих встречах с Высоцким БН вспоминает в благодарственном письме по поводу присуждения ему в 2000 году премии «Своя колея»:

Из архива. Ответ БНа на присуждение премии «Своя колея», 2000

Дорогие друзья! Спасибо за оказанную мне честь. Но не могу не сказать сразу же: конечно, премия эта по праву принадлежит отнюдь не мне одному — она присуждена, разумеется, братьям Стругацким, которых Владимир Семенович (я это знаю точно) и читал, и любил, и ценил. Но знал он, главным образом, как раз Аркадия Натановича — они дружили семьями, и было время, когда они встречались чуть ли не еженедельно. У меня же, помнится, было с Володей всего две встречи. Одна — у него дома: он пел (это было, кажется, одно из первых исполнений знаменитого «Паруса»). А вторая — дома у меня: мы разговаривали. Разговаривали целый вечер до глубокой ночи, обо всем на свете — о театре, о литературе, о политике и, конечно же, о тайнах и загадках мироздания, которых Владимир Семенович был большой знаток и любитель. Мы с ним, кажется, перебрали тогда их все — от загадочных палеоконтактов до страшного снежного человека, голуб-явана. Замечательный получился тогда вечер!

Имя Владимира Высоцкого — одно из самых светлых имен русской культуры XX века и при этом, может быть, самое знаменитое. Получить премию этого имени означает как бы приобщиться к всенародному признанию. Это вызывает чувство законной гордости и радости. Еще раз огромное спасибо за оказанную мне честь!

Когда точно Высоцкий побывал у БНа дома — неизвестно. Исследователи творчества Высоцкого Борис Акимов и Олег Терентьев предваряют очередную главу своей работы такими словами: «Обзор творческого пути Высоцкого в 1967 году мы завершаем воспоминаниями писателя Бориса Натановича Стругацкого, подготовленными для данной повести (подборка из писем от 13.11.87, 11.12.87 и 12.07.88), в которых речь идет о событиях описываемого периода».

БНС.
Владимир Высоцкий: Эпизоды творческой судьбы

Слухи о моем близком знакомстве с Владимиром Высоцким сильно преувеличены. На самом деле мы по-настоящему общались с ним всего дважды: один раз у меня в гостях и один раз — у него… Я убежден (и близкие мои меня в этом поддерживают), что к себе домой я пригласил Высоцкого, с которым уже был знаком…[1]

В сентябре 1967 года мы с Аркадием Натановичем были в Театре на Таганке, а потом — в гостях у Высоцкого. <…> Кто еще был в гостях, не помню. Помню поразительные «марсианские» глаза жены Высоцкого. Помню серьезного подростка — сына. Помню, что было множество людей: огромный стол посреди комнаты плотно обсажен со всех четырех сторон. Помню, как он пел «Парус» — лицо его наливалось кровью и становилось страшным, и видно было, какая это тяжелая работа — петь «Парус». Помню, как он тогда объяснял мне, что «песни-беспокойства» всегда старается отложить на конец, ибо их очень тяжело петь…

У нас в гостях Высоцкий был, видимо, весной 1968 года. По крайней мере, так считают мои родные и близкие. Приехал после спектакля[2], без гитары. Все порывался пройтись по нашей лестнице, чтобы взять у кого-нибудь гитару и спеть. Но

[1] Б. Н. Стругацкий на это особо обращает наше внимание, так как в его воспоминаниях есть одно принципиальное несоответствие, которое смещает датировки этих двух встреч на полгода.— *Б. Акимов, О. Терентьев.*

[2] Вот оно, несоответствие: в Ленинграде «после спектакля» Высоцкий мог посетить указанную квартиру лишь в апреле-мае 1967 года, во время гастролей театра. Но тогда получается, что эта встреча состоялась раньше описанной выше. Но думается, что Борис Натанович не ошибся в очередности встреч с Высоцким. Просто тот посетил его после очередного съемочного дня «Интервенции». Высоцкий часто ездил на «Ленфильм» зимой 1967/68 года.— *Б. Акимов, О. Терентьев.*

я упросил его просто посидеть, поговорить. Тогда мне интереснее было узнать его как человека. Теперь жалею, что упросил его не петь, но кто мог знать, что мы видимся в последний раз. Самое обидное, что и разговора-то я толком не запомнил…

Мы много говорили, помнится, о различных чудесах (телепатия, «летающие тарелки», снежные люди, Несси и т. д.), причем Владимир был большим энтузиастом всего этого, а я его всячески разубеждал. Очень было мне забавно, что он так в это верил. Я-то в них никогда не верил. Помню, что мы с ним спорили обо всех этих штуках…

Письмо Бориса брату, 29 февраля 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Письмо твое и заявление получил. Заявление нынче же отнесу Герману, а он — в бухгалтерию.

2. С Комаровым дело по-прежнему туманно. Я посоветовался с народом, и есть мнение: заявку нашу перенести на апрель (примерно на период 7–22), а нынче собраться у мамы. Мама не возражает, даже наоборот. Ты не возражаешь, я не возражаю. За чем же дело стало? Итак, ждем тебя числа 7-го марта. За это время я надеюсь закончить первый этап работы с режиссером.

3. Работа идет вовсю. Я ему переписал все заново. Теперь сидим и правим страницу за страницей. Вот и сейчас я к нему еду.

4. А больше новостей нет. Все новости сосредоточены около тебя. Жду.

На том кончаю, крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет.

Письмо Аркадия брату, 2 марта 1968, М.— Л.

Дорогой Борик.

1. Согласен, в понедельник пойду за билетом на 7-е.

2. Есть ряд новостей, смутных и противоречивых, расскажу при встрече.

3. Ничего, что касалось бы судьбы наших вещей, не слышно. Видел в № 6 «Байкала» объявление о том, что «УнС» будет в № 1 и 2.

4. К Хмелику на Мосфильм все никак не соберусь позвонить.

Всё. Жму и целую.

Привет Адке и Андрюшке.

Твой [подпись]

Из дневника приездов АНа в Питер

12.03.68. Приехал 8.03.68 писать начисто ОО.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

1. В задумчивости ласково гладил себя по голове.

9.03.68

Работаем у мамы.

I. Интерлюдия. Разговор Странника с Фанком о Маке.

II. Интерлюдия. Странник и Отцы.

III. Интерлюдия. Странник в О<стровной> Империи.

IV. Странник и Рада.

V. Странник на базе.

Боевая Гвардия тяжелыми шагами
Идет, сметая крепости, с огнем в очах,
Сверкая боевыми орденами,
Как капли свежей крови сверкают на мечах.
О Боевая Гвардия — клинок закона!
О верные гвардейцы-молодцы!
Когда в бою гвардейские колонны,
Спокойны Неизвестные Отцы!

10.03.68

Сделали 11 стр. (11–14)

11.03.68

Сделали 11 стр. (22–27)

12.03.68

[дневник приездов: 12.03.68.]

Сделали 13 стр. (35–42)

13.03.68

Сделали 10 стр. (45–55)

14.03.68

Сделали 10 стр. (55–68)

Идем в писдом на юбилей Дмитревского.

15.03.68

[дневник приездов: 15.03.68. 6-я глава ОО. Сбрил бороду. Пришло известие про УнС в «Байкале».]

Сделали 11 стр. (66–80)

Слух о «Байкале».

16.03.68

Сделали 12 стр. (78–93)

Арк на банкет, я — домой.

17.03.68

[дневник приездов: 17.03.68. Идет 8-я гл.]

Сделали 13 стр. (91–106)

18.03.68

[дневник приездов: 18.03.68. Врезка после 2-й ч.]

Сделали 11 стр. (102–117)

19.03.68

[дневник приездов: 19.03.68. Начата 3-я часть ОО.]

Часть III. Террорист гл. 9–11

Часть IV. Каторжник гл. 12–16

Часть V. гл. 17–18 Землянин или М. Ростиславский

Сделали 13 стр. (115–136)

20.03.68

Сделали 13 стр. (128–151)

Арк — к друзьям, я — домой.

21.03.68

[дневник приездов: 21.03.68. Осталась 1 глава 1-й половины.]

Сделали 12 стр. (140–164)

22.03.68

[дневник приездов: 22.03.68. Работа закончена.]

Сделали 16 стр. (156–177) и прервали работу для отдыха.

1) Подробный разговор Умник — Мак (чтобы был обман)

2) Соответственно изменить последн<юю> главу.

3) Подробное объяснение насчет башен — Вепрь и Зеф. Замысел центра — взрыв многих башен и попытка захватить район. Центр недоступен. Центр один (никак не более 2-х центров). Вепрь многозначительно помалкивает. Вопрос о будущем — коренной вопрос: как жить дальше — с башнями или без.

УНС в «Байкале» действительно вышла. Предваряло публикацию предисловие Ариадны Громовой.

Громова А. [Предисловие к журнальной публикации повести «Улитка на склоне»]

Не ищите в этой повести восторженного описания грядущих чудес науки и техники. Не ищите также пророчеств и предвидений в области социологии и морали. Тот, кто любит фантастику именно такого рода, пускай обратится, например, к недавно переизданной Детгизом повести тех же авторов «Возвращение»: там есть лирические и остроумные эскизы конструкций будущего коммунистического общества, построенные на научном предвидении.

«Улитка на склоне» — это фантастика совсем другого рода. И другого уровня — гораздо более сложная, рассчитанная на восприятие квалифицированных, активно мыслящих читателей. Таких читателей в нашей стране очень много — без преувеличения можно сказать, что больше, чем в какой-либо другой стране мира. А общедоступность произведений искусства (то есть доступность любого произведения любому читателю) — это ведь вообще фикция. Не существует некий «читатель вообще» — есть очень неодинаковые читательские аудитории, определяющиеся уровнем понимания мира, степенью активности, возрастом, профессией, средой (не говоря уж о разнице индивидуальных вкусов и пристрастий). Существуют и различные уровни сложности

в литературе. Юморески раннего Чехова вполне доступны каждому грамотному человеку; для понимания зрелого чеховского творчества нужна зрелость мысли и чувств.

Так что я вовсе не собираюсь, из опасения, что «Улитка на склоне» будет кому-то непонятна, давать к ней разъяснительные примечания: я знаю, что этой повести обеспечена достаточно широкая аудитория. Я просто хочу дать некоторые необходимые справки, так сказать, библиографического характера.

Дело в том, что в «Байкале» публикуется лишь одна часть (примерно половина) этой повести. Другая ее часть была опубликована в 1966 году в ленинградском сборнике фантастики «Эллинский секрет». Трудно и даже невозможно определить, какая из этих частей является первой, какая — второй. Действие одной из них происходит в таинственном и жутком Лесе, другой — в Институте, который занимается проблемами, связанными с этим Лесом. В одной из них главным героем является бывший сотрудник Института, Кандид, об исчезновении (или гибели) которого иногда упоминают персонажи другой части; этим и ограничивается внешняя, сюжетная связь между ними, в остальном их действие развивается параллельно и независимо друг от друга.

Конечно, для более полного понимания повести надо прочесть обе книги. Но то, что публикует на своих страницах «Байкал», на мой взгляд, представляет вполне достаточный самостоятельный интерес.

Письмо Аркадия брату, 29 марта 1968, М.— Л.

Дорогой Борька!

1. Получил я деньги от «Байкала». Жалкие деньги. Совершенно очевидно, что нам выплатили из расчета по 150 р. за лист. Но и то уже хорошо, что выплатили. А ты получил ли? И, кстати, получил ли ты мои экзы и получил ли экзы из Улан-Удэ?

2. Получаю ОО с машинки в понедельник и сразу передаю Нине на прочтение. С Романом[1] насчет первой главы для

[1] Здесь и далее — Подольный Роман Григорьевич, писатель, журналист.

«Знание — сила» говорил, он обещал, что они там свяжутся с «Невой».

3. Как насчет Комарова? А тут родилась идея, если у тебя плохо выйдет, попытаться взять в Гагру или в Крым. Это имело бы еще и то преимущество, что тогда до нас бы не дотянулись с этой вонючей конференцией.

4. Встречался я с Маниным, провели вместе целый день. Он удручен, но старается держаться. Письмо-то было дешевенькое, к главному психиатру Москвы.

5. С моим поступлением в департамент пока ничего не слышно, тот парень, который должен всё это готовить, в командировке.

6. Звонил какой-то выпускник ВГИКА, тот, что тебе звонил в Ленинграде, хочет что-то ставить. Вероятно, придется встречаться и разговаривать. Гр-р-р-р.

7. Звонил я Хмелику — не могу дозвониться. Звонил Рюрикову — он сам только что приехал, советует прямо звонить Вилковой (это зав. ред. совр. сов. русск. прозы). Буду.

Вот пока всё у меня.

Поцелуй маму, и Адку, и Росшепера.

Жму, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 2 апреля 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Деньги из «Байкала» я получил тож. Экзов — не получил. Твои экзы получил, спасибо.

2. ОО уже перепечатал. Позвонил в «Неву», посоветовался с нашим редактором. Он все мероприятия одобрил, но я хочу встретиться лично с главредом. Сегодня выяснится, когда эта встреча произойдет. О результатах встречи доложу особо.

3. Был в Литфонде, слегка поскандалил. Обещали сделать все возможное, чтобы раздобыть путевки с началом 10–15 апреля. Суки они там все. Не умею я с ними разговаривать. Но полагаю, что все уладится.

4. Сегодня, кажется, последний день возни со сценарием. Во всяком случае, так полагает наш режиссер.

Закончим, и понесет он его по людям, а там и худсовет. Посмотрим.

Вот в этот момент ты и позвонил.

Ну, пока всё, жму ногу,

твой [подпись]

P. S. Ленуське привет.

3 апреля в студенческой газете «Ленинградский университет» публикуется первая рецензия на «Перецовскую» часть УНС.

Лемхин М. Реальность. Гротеск. Талант

Хочу прежде всего поздравить людей, для которых литература не отделяется от их жизни, для которых литература — продолжение жизни, а опыт, чувства, мысли, приобретенные, возбужденные, возникшие у них при чтении,— продолжение их собственного жизненного опыта. Эти люди получили прекрасный и нужный подарок!

Роман братьев Стругацких «Улитка на склоне» (сюжетная линия «Кандид» опубликована в сборнике «Эллинский секрет» в 1966 году, сюжетная линия «Перец» в 1 и 2-м номерах журнала «Байкал» за 1968 год) не просто прекрасно написанное, увлекательно читающееся произведение, это философский труд, обобщающий многое, что разбросано по газетным столбцам и газетным страницам, по разговорам с друзьями и по мучительно страшным размышлениям одинокими вечерами. Я затрудняюсь назвать другое произведение литературы последних лет столь многогранное, столь цельное, столь важное для всех мыслящих людей и столь субъективно анализирующее окружающую нас действительность. Это роман о том, как живем мы с вами, как мы работаем, ходим по улицам, думаем.

Настоящий художник почти никогда не допускает произвола над материалом, он не придумывает форму, он видит уже в какой-то определенной форме свой материал. Конечно, художественное видение не одинаково у всех. Главное — кроме чисто индивидуальных качеств,— что разделяет

людей на две группы, это умение анализировать факты и делать выводы и неумение делать этого. Сложность видения мира Стругацких предопределена двумя факторами: огромностью материала, который необходим для объективной оценки интересующих их жизненных тенденций, и сложным положением человека в мире, который — об этом скажу еще дальше,— не очень-то легко приспособить для каждого отдельного человека.

Важнейшую художественную задачу — введение читателя в мир своего видения Стругацкие решают блестяще. Даже при чисто сюжетном прослеживании бросается в глаза великолепный переход, для всех читающих внимательно безоговорочно убедительный.

Мы видим Переца, сидящего над обрывом, размышляющего. Все обычно. Появляется Домарощинер. Разговор с ним, странный, местами настораживающий, но еще ничего не определяющий (в смысле законов данного нам мира). Домарощинер и Перец идут в столовую, и вот Перец сел и «задвигал под столом ногами, устраиваясь поудобнее на стуле без сидения». Вот оно. Теперь мы уже видим этот мир, мир гротескный, доведенный до абсурда. И в этом мире Перец, так похожий на нас, думающий, плачущий, мятущийся, пытающийся что-то изменить.

(Кандид, человек, начинающий мыслить, находящийся в худших, чем Перец, условиях, можно даже сказать стоящий на более низкой ступени, борющийся Кандид, при самом невероятном стечении обстоятельств — подчеркиваю это — в случае победы, попадает на Биостанцию и становится… Перецем. И опять, на более высокой ступени, все повторяется сначала. Это подчеркнуто параллельностью действия в «Переце» и в «Кандиде».)

Это не просто интеллектуальный опус: «А что будет, если?..» Это не опус и не модель какого-то мира. Это реальность, доведенная до гротеска (а Стругацкие отлично знают, что гротеск — это не только ключ к настоящей сатире, но еще и ключ к возможно более концентрированному изложению).

Однако для газетной заметки я уже заболтался. Я не ставил перед собой цели подробно поговорить об этой великолепной книге, я лишь хотел обратить внимание на нее тех, кто еще не знает о ней, и попросить тех, кто читает ее сейчас, внимательно и серьезно подойти к сложной и очень важной для самих авторов вещи (Б. Стругацкий, выступая 15 февраля 1967 года у нас в Университете, сказал о «Улитке», что это единственная их вещь, которая не оставила у них в той или иной степени чувства неудовлетворенности, нераскрытых потенций).

АБС удалось достать путевки в Комарово, и они завершают работу над ОО уже здесь.

Рабочий дневник АБС

[дневник приездов: 10.04–23.04.68. Докончили ОО в Комарове.]

10.04.68

Прибыли в Комарово. Номер люкс № 3 — оч. хор.

Сделали 5 стр. (161–184)

11.04.68

Сделали 13 стр. (174–195)

1) Официальная стратегия подполья (захват обл<ас>ти, вер<оят>но Юга, спецр<айо>ны, с оружием).

2) Тайна излучения; как оно действует, все детали.

3) Вопрос об отношении к Центру.

— Что вы мне предлагаете?

Зеф — захват штаба, в перспективе — захват Центра.

Вепрь — уничтож<ение> центра, но неизвестно когда и неизвестно как.

4). Рассужд<ения> Вепря о ходе истории.

12.04.68

Сделали 12 стр. (186–211)

13.04.68

Сделали 11 стр. (197–223)

Вечером сделали 2 стр. (199–226)

14.04.68

Сделали 13 стр. (212–239)

15.04.68

Сделали 12 стр. (224–252)

Выпивали с Варшавскими.

16.04.68

Сделали 11 стр. (235–265)

Арк едет в город.

17.04.68

Сделали 12 стр. (247–279)

18.04.68

Сделали 11 стр. (258–292)

19.04.68

Сделали 13 стр. (272–306)

20.04.68

Сделали 12 стр. (283–318)

21.04.68

Сделали 13 стр. И ЗАКОНЧИЛИ НА 332 СТРАНИЦЕ

Послать телеграмму Ефремову.

О морали научного работника.

Статья, написанная терминологией литературоведения (вульгарного).

План статьи: 10 заповедей Моисеевых.

«ДОМ» повесть (рассказ).

22.04.68

Едем в Л-д.

1). «Дом».

2). «Следователь» — убивает преступника, убедившись, что его не осудят.

3). «Апокалипсис».

4). «Мой брат и я».

23.04.68

Уезжаем вовсе.

В последний день перед отъездом АБС планировали, что будут писать в будущем. О сюжете «Дом» вспоминал позже БН.

БНС. Офлайн-интервью, 15.09.98

Ваша «Улитка на склоне» и «Рукопись, найденная в ванне» Лема написаны с разницей в 4 года. Я очень хотел бы узнать, как и почему именно в это время Вами начали чувствоваться «объекты», фигурирующие и там и там: все эти Управления, Леса, Здания с их Антизданиями. Ведь это одно из самых главных новшеств 20-го века. Как появилось их «восприятие», как они возникли в сознании писателя? Откуда они к Вам пришли? И, главное, постарайтесь вспомнить, почему именно тогда их существование начало «задевать» Вас (иначе бы Вы этой темы, наверное, не коснулись). И как Вы воспринимаете их сейчас?

Аксенов Алексей. Москва, Россия

«Здание» — это не из «Улитки», это из «Града». Я совершенно точно помню, что образ «здания, которое глотает людей» возник у меня во сне, и я даже рассказик придумал на эту тему, от которого осталась только запись в рабочем дневнике: «21.04.68. «ДОМ» повесть (рассказ)» — и рисунок: ночь, лунный серп, страшноватый шагающий дом и в ужасе убегающий от него человечек, схватившийся за голову. Откуда пришло к нам все прочее, теперь ответить уже, я думаю, невозможно. Да и тогда, скорее всего, было невозможно же. «Музыка навеяла» (старый малоприличный анекдот).

За время пребывания в Комарово БНу приходит немало писем.

Из архива. Письмо БНу из АПН, 8 апреля 1968

Уважаемый Борис Натанович!

Агентство печати «Новости» ежегодно выпускает сборник, каждая книга которого содержит литературные и публицистические материалы, объединенные общей темой. Уже выпущено четыре таких ежегодника:

«Просто жизнь»,— представлявший будни советской страны, «Сенсация номер один»,— давший как бы коллективный портрет современного советского человека, «Виза

в СССР»,— рассказавший о пребывании гостей из-за рубежа в нашей стране и их впечатлениях, «Рука Москвы»,— знакомивший читателя с деятельностью советских людей за рубежом.

Сейчас редакция Ежегодника АПН работает над очередным, пятым выпуском под названием «В 2017 году». Этот сборник покажет различные аспекты жизни планеты и советской страны через пятьдесят лет — в год, когда мир будет отмечать столетие Советской власти в СССР. Для нас было бы весьма желательно Ваше участие в этом издании. Это мог бы быть Ваш рассказ (размером около 1/2 печ. листа),где нашли бы выражение черты человека описываемого времени или любой другой аспект жизни в год столетия Советского государства.

На вопросы, которые у Вас могут возникнуть, редакция Ежегодника готова дать любые разъяснения и уточнения как по телефону (№ 99–47–84), так и при встрече с сотрудником редакции Ежегодника.

Материал, предназначенный для нас, может быть Вами предварительно опубликован в любом периодическом издании.

Ждем сообщения о возможности рассчитывать на Ваш материал.

Хотели бы получить рукопись к 1 мая.

Главный редактор Ежегодника АПН Б. Бекназар-Юзбашев

Из архива.
Письмо БНу из болгарского журнала, 29 марта 1968

Уважаемый товарищ Борис Стругацкий,

Редакция болгарского журнала «Дети. Искусство. Книги», издание Дома литературы и искусства для детей и юношей, намерена предоставить свою трибуну выдающимся мировым писателям-фантастам, которые поделились бы мыслями относительно места и роли научной фантастики в атомном веке.

Поэтому мы обращаемся к Вам с просьбой ответить на следующие вопросы:

1. Почему Вы выбрали научную фантастику в качестве основы Вашего литературного творчества?

2. Чем, по Вашему мнению, объясняется нарастающий интерес к научной фантастике среди широкой читательской публики и особенно среди молодежи?

3. В какой философской и эстетической линии видите Вы дальнейшее развитие научной фантастики?

Просим Вас ответить до конца мая с. г. <…>

Разрешите нам заранее благодарить Вас за отзывчивость.

С уважением

Директор Вл. Иванов

Из архива.
Письмо БНу из журнала «Костер», 19 апреля 1968

Уважаемый Борис Натанович!

Начало коллективной повести фантастов появится в 7-м номере «Костра».

Мы говорили с Шалимовым и Ларионовой и теперь обращаемся к Вам с настоятельной просьбой: 1) придумайте название повести; «Первые люди на первом плоту» — название чрезвычайно приблизительное; 2) напишите несколько строк — они будут набраны курсивом, — предваряющих написанный Вами фрагмент. В этих строчках может быть либо Ваше кредо фантаста — конечно, в шутливом тоне, либо что-нибудь иное. Во всяком случае, эти вступительные несколько строк от автора (перед каждым фрагментом) должны как-то оправдывать перед читателями «Костра» лоскутность и некоторую разностильность всей повести.

Пожалуйста, не откладывайте в долгий ящик ответ на это письмо.

От имени отдела прозы «Костра», с приветом

С. С. Тхоржевский

В архиве АБС сохранился список вариантов переименования их рассказа 1963 года для «Костра», для зачина коллективной повести-буриме ленинградских фантастов.

Из архива. Варианты названия ПЛНПП

Им понравилась наша Земля
В наше интересное время
Космические викинги
Викинги из бездны

Письмо Аркадия брату, 27 апреля 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

Пишу с опозданием противу условленного, но тому были причины.

1. «Клоп» в «Знание — сила» погорел с большим треском и большой вонью. Нам зверски не повезло. Оказывается, в Комитете по профтехобразованию давно уже копают под журнал и тщатся его закрыть и открыть вместо него журнал «Молодой рабочий», который пропагандировал бы за вступление молодежи в профтехучилище. И чтобы обставить это дело законно, там дали комплекты «Знание — сила» и верстку последнего (5-го) номера на рецензию «братским» журналам: «Юный техник», «Химия и жизнь» и «Наука и жизнь». Я не знаю всех подробностей, однако кто-то из рецензентов обратил внимание — свое и цензуры — на наш отрывок. Внешне это происходило так. Неделю назад Жигарева вызвали в Главлит для дачи объяснений, зачем публикуется этот отрывок. Жигарев поехал. Он намеревался объяснить, что такая литература нужна для того, чтобы учить молодежь думать и уважать чужие мнения. Слушать его, однако, никто не стал. Отрывок велели снять. Начальник цензора, который ведает журналом, давать объяснения отказался, однако стало известно, что и сам он в недоумении. Оказалось, что отрывок читал сам Романов (!) — это глава Главлита — и заявил, что в отрывке есть некий вредный подтекст. Будучи робко спрошен, что это за подтекст, Романов якобы только буркнул: «Знаем мы, какой». Вот это последнее обстоятельство — то, что нами занимался сам Романов — вызывает у меня нездоровый интерес.

2. Пришла верстка «Стажеры — ВНМ». Очень забавно выглядит. Сборник «Фантастика 68» сдается в мае. Пока ничего особенного не произошло.

3. Гена — помнишь, редактор у Жемайтиса — много занимается историей географических открытий и контактов между народами. Он предлагает нам тему для исторического романа: эпизод из истории мордобоя на Средиземном море между крестоносцами и арабами, когда в ужасных условиях религиозного фанатизма, преодолев козни папской и мусульманской разведок и контрразведок, один ученый крестоносец, завоеватель Сицилии, объединился с ученым принцем, наследником халифского престола, для создания знаменитого Серебряного Блюда — огромной карты известного тогда мира. Материалы сейчас есть, Гена все дает, годика два-три проработать и можно приняться писать. А? В духе Фейхтвангера. Это же клад, а не тема. Как ты полагаешь?

4. Позвонила мне некая Раиса Борисовна Борисова-Гинсбург, драматург, сценарист, мультфильмист. Намечается интересная возможность создать антиатомный фильм совместно с японцами, с режиссером Синдо, это тот, что ставил «Голый остров»[1]. Этому делу якобы покровительствует некий Егоров, режиссер и начальник главка худфильмов. Идею сюжета Борисова предложила, на мой взгляд, жиденькую и сентиментальную. Так что есть только курочка в гнезде. Настоящим запрашиваю санкции на дальнейшие переговоры.

5. По поводу моего неустройства на работу ничего нового сообщить не могу. Всё было так, как сказала мама. Это слова Валентины[2], которой сказал их тамошний товарищ Кербер. Никаких подробностей больше нет в известности.

Пока всё. Сейчас буду читать верстку.

Поцелуй маму, Адку, Росшепера.

Обнимаю, твой Арк.

---

[1] «Голый остров», яп. к/ф 1960-го года, реж. Синдо Канэто.

[2] Пока не удалось выяснить, кто это.

Письмо Бориса брату, 1 мая 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Запоздал я с ответом — праздники, то, се… Собственно, надо было бы мне и еще подождать, ибо послезавтра я встречаюсь для подробного разговора с нашим редактором по ОО Сашей Лурье. Ну да ладно.

1. Саша прочел ОО. Мнение его весьма симптоматично. Вещь, он говорит, прекрасная; сокращать там абсолютно нечего; идеологически она выдержана совершенно. И тем не менее, он голову готов прозакладывать, что начальство встретит повесть весьма настороженно. Дело в том, что это вещь, резко отличающаяся и по форме, и по содержанию, и по уровню мастерства от того, что обычно публикуется в «Неве». Поэтому начальство приложит все усилия, чтобы как-то от нее отбрыкаться или в крайнем случае опубликовать только 10 договорных листов. Всё это не противоречит и моему впечатлению от ситуации, а потому нам надлежит решить сейчас, как вести себя дальше. 3-го я встречусь с Сашей и буду говорить подробно. Одна из проблем, насколько я понял, состоит в следующем: как упорно мы готовы сражаться за ОО? Согласимся ли мы на серьезные сокращения? Не пошлем ли мы «Неву» в задницу и не опубликуем ли мы ОО в другом журнале? Вот что интересует Сашу. Он говорит, что ОО — это вещь, за которую он готов драться до последнего, без дураков, но для этого он хочет быть уверен, что мы сами готовы драться. А как мы — готовы? Я не знаю. Мы имеем дело с бандитами — это факт. Все словесные обещания для них — тьфу. Фактический договор — 10 а. л. Значит, мы можем рассчитывать только на то, что они все же пожадничают выпускать из рук повесть, если мы заявим: не хотите полностью — не надо, вот вам ваш аванс, договор расторгается, мы будем публиковать повесть там-то и там-то. Для этого нам нужно: а) чтобы они все-таки жадничали, но это от нас не зависит и б) чтобы у нас был крепкий тыл, то есть твердое (хоть процентов на 80) намерение еще какого-то журнала опубликовать ОО. Это уже зависит от нас. Было бы

здорово, если бы ты дал ОО почитать тем, кто просил, и выяснил бы — берутся они ее пробить или нет. Вот пока и всё. Подробнее я напишу тебе числа четвертого. А ты сделай все, что возможно, и, кроме того, пришли свои соображения.

2. Был сегодня у Лешки. У него опять масса идей. Будем работать.

3. Идея Гены — интересно. Возьми у него материалы, полистай. Я отнюдь не против такой штуки.

4. Антиатомный фильм тоже мне по душе. Идей, правда, нет, но идею такого фильма придумать не столь уж трудно. Санкцию на переговоры даю.

5. Гибель «Клопа» меня ничуть не удивила. Он был обречен. И хрен с ним. Что касается Романова, то что ж — все мы под ним ходим. Увы. А верстка С-ВНМ — это хорошо. Главная надежда наша. Если эта книжка пройдет — проживем.

Ну вот пока и всё. Жму ногу,

твой [подпись]

P. S. Привет Ленуське. Как ей ОО? Как Нине ОО?

5 мая БНу отправляют письмо из журнала «Костер».

Из архива. Письмо БНу из журнала «Костер»

Уважаемый Борис Натанович!

Я попытался написать коротенькую вводку к фантастической повести («Летающие кочевники» — на таком названии остановились) от имени братьев Стругацких:

«Вдвоем писать фантастическую повесть можно, уже писали. А если втроем? вшестером или даже вдесятером?

Наверно, получится еще более фантастично».

Сознаю, что эти три строчки — не бог весть что. Если Вы их подправите (или напишете другие, взамен) — будет очень хорошо. Но, так или иначе, Ваш ответ нужен срочно (№ 8 журнала уже пора сдавать в набор!).

Жду!

С. Тхоржевский

Письмо Аркадия брату, 7 мая 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

Ничего особенного сообщить не имею. ОО только завтра возьму с машинки, потом еще буду считывать и, вероятно, только после праздников буду отдавать Нине. Числа, значит, двенадцатого.

Ну, будем считать, что о позиции в отношении «Невы» мы договорились. Держаться там за веру предков и за плоть свою упорно[1], ныть и изворачиваться, врать и прочее, но иметь в виду, что печатать придется, видимо, именно там и нигде больше.

Я снова встречался с Борисовой — это насчет кино совместно с японцами. Сегодня она мне звонила, рассказала, что имела разговор с каким-то сильным режиссером, и ей велели принести заявку. Подробностей пока не знаю, но завтра опять буду говорить с нею, тогда увидим.

Был у Ариадны. Она уже успела остыть и примириться. Да и что делать, секретариат не утвердил эту затею, так что совесть у нее спокойна и рыпалась она только из соображений престижа. Двенадцатого общее собрание фантастов, сегодня собирается бюро — пойду, давно не видел Мишку и Рима, Кагарлицкого и Юрьева. Послушаю, что они расскажут.

Пришли в голову несколько сыроватых идеек, думаю, можно будет использовать для «Апокалипсиса» («Мой брат и я» тож). Идейки записал. Пусть лежат.

Да, пытаюсь снова оформиться на работу. Это одна контора под Москвой, должность старшего инженера, 140 в месяц, норма — 1,4 листа технического перевода в месяц, являться только за получкой, за материалами и с готовым переводом. Мы здесь полагаем, что это будет подходящее дело.

Сегодня звонил Девис, ужасно он спрашивал про «Саргассы» и про Абэ. Всё это включено в план, и он дознается,

[1] Аллюзия на «Диспут» Г. Гейне в переводе И. Мандельштама: «Но враги за веру предков / И за плоть свою держались, / Не хотели с ней расстаться / И упорно не сдавались».

как идет дело. Я ему бодро сообщил, что дело движется. И то правда, вот пройдут эти праздники, и я сажусь за Абэ, как гвоздь.

И если не считать того, что у нас сломался холодильник, это всё.

Поцелуй маму, Адку, сына.

Целую и жму, твой Арк.

P. S. Совсем забыл. «ХВВ» вышли на эстонском.

Письмо Бориса брату, 9 мая 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Буду держаться за «Неву». Собственно, позиции у нас не такие уж слабые. Договор есть — пусть даже только на 10 листов. Обещания были главредом даны. Договор заключен по просьбе журнала, а не по нашей. Рецензии, по словам Саши, будут хорошими. Скандалов главред не любит, любит все устраивать втихую. Так что рассчитывать на опубликование хотя бы 10 листов мы можем. Раз принято решение не гоношиться, я там для виду поартачусь, пофыркаю, постонаю да и соглашусь на публикацию договорного объема. В крайнем случае можно рассчитывать на подкуп: ОО отклонят, но зато заключат договор на энный год с выплатой аванса. Все — деньги. Переживем.

2. Насчет кино. Борисова Борисовой, а я тут размышляю, как бы заключить договорчик с Ленфильмом на ОО. С выплатой, естественно, аванса. А? Лешка на эту идею фыркает — ревнует,— но помочь в хлопотах не отказывается. Я этим займусь. Глядишь — то, се, а процентов 35 и вырвем. Впрочем, все это пока на соплях.

3. Очень рад, что затея с конференцией провалилась. Ну ее.

4. «Саргассы» я тут доставал из ящика и рассматривал. Пока еще тошнит. Надеюсь, что это — временное, от большой утомленности. Ужо возьмусь.

5. Получил письмо из Болгарии, от журнала «Дети. Искусство. Книги», «издание дома на литературата и изкуствата за деца и юноши». Прислали анкетку, просят ответить.

Если ты получишь такое же — не беспокойся: я этим займусь — страсть люблю анкеты.

6. У нас тут трагикомедия с коллективным романом для «Костра». Редакция отказалась принять главу Меерова. Соображения — идиотские. Мееров рассвирепел и подбивает нас всех на мокрое дело. Я целиком за него в этом вопросе, ибо, на мой взгляд, его глава — лучшая из всех мною прочитанных. Любопытно даже посмотреть, как пройдет эта битва с журналом. Коллектив писателей — это тебе не одиночка с мотором[1]. Правда, коллектив может оказаться говенным.

7. Что это за ХВВ на эстонском? Помнится, они собирались там печатать В и ТББ. Помнишь, в Голицыне мы писали для них предисловие?

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет и поцалуи.

Письмо Аркадия брату, 12 мая 1968, М.— Л.

Дорогой Боб!

1. ОО наконец взят с машинки и отдан Нине. Вчера меня не было дома, но Нина позвонила Ленке и сказала: прочла все с начала до конца, без карандаша, но внимательно, никаких кардинальных исправлений не усматривает, есть некоторые частности, о которых можно будет говорить в процессе, а сейчас она передает рукопись прямо Калакуцкой. Это, брат, признак неплохой, потому что она со мной договорилась, что если окажется что-либо, что ужаснет ее как цензора, она сначала это с нами исправит, а только тогда отдаст Калакуцкой. Уточнить ничего не могу, потому что Нина просила меня не звонить ей на работу, пока она сама не позвонит. Будем ждать.

2. У Борисовой пока ничего не вышло, и с горя занялась она пока мультфильмом. Я от этого предложения уклонился.

[1] Термин официальной советской классификации 20-х годов прошлого века «кустарь-одиночка с мотором» использован И. Ильфом и Е. Петровым в романе «Двенадцать стульев» (ч. 1, гл. 14): «…гусар-одиночка с мотором…»

3. Тебе, вероятно, известно, что по издательствам разосланы определенные списки. С удовлетворением отмечаю, что нас там нет.

4. «Саргассы»… А вот у меня перед глазами Абэ. Так-то тяжко давит на мою нежную совесть. Мой черновой перевод относится к нормальному переводу так же примерно, как русский к английскому, т. е. наоборот, конечно. А мне нужно ведь быстро, быстро! Девис подгоняет.

5. Письмо из Болгарии тоже получил. Рад, что ты ответишь. Возьми за основу нашу заметку в «Ин. Л-ре», вопросы примерно те же.

6. Насчет ХВВ на эстонском, это ты, брат, перепутал. Это мы, брат, для Югославии предисловие писали, а не для В и ТББ. И уже вышли в прошлом году, брат, на эстонском ДР и ТББ. Вот так, брат.

Одним словом, будем ждать.

Жму и целую, твой Арк.

Привет и поцелуи маме, Адке, Андрею.

P. S. За Меерова стой горой! Бей их, сукиных детей!

Письмо Бориса брату, 15 мая 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Прочти письмо из СовПиса. Письмо, как видишь, странное. Из него явствует, что печатать УнС они не хотят, но предлога не печатать найти не могут и хватаются за наши оговорки и запутанную терминологию. Главное, на мой взгляд, то, что категорического отказа письмо не содержит и что дверь для переговоров недвусмысленно оставлена открытой. В данной ситуации, мне кажется, лучше всего было бы пойти к тому же Левину и объясниться с ним по душам. Сказать, по-видимому, надо примерно следующее:

«Ваше письмо нас удивило. Очевидно, имеет место недоразумение. ОСНОВОЙ, СУТЬЮ нашего к вам письма была простая мысль: авторы согласны начать работу над повестью в рамках рецензентских замечаний немедленно по заключении договора. Авторы просто не хотят работать впустую,

бездоговорно — у них нет для такой работы времени. При этом авторы В ОСНОВНОМ согласны со всеми замечаниями, сделанными в доброжелательных и принципиальных рецензиях, никаких ИДЕЙНЫХ разногласий с редакцией у них нет. Просто некоторые из замечаний представляются авторам совершенно бесспорными, некоторые же — требуют, на взгляд авторов, подробного УСТНОГО обсуждения с назначенным редактором, дабы произвести необходимые поправки и изменения таким образом, чтобы не нарушать художественной ткани произведения. ПРИМЕР I: авторы надеются убедить редактора, что объяснение фантастической атрибутики не может улучшить впечатление от произведения; такова уж суть современной фантастики — надо оставлять определенный простор для читательской фантазии, не разжевывать, не перегружать повесть объяснениями. Может быть, редактор и убедит авторов, что такие-то и такие-то объяснения дать просто необходимо — что ж, в этом случае авторы объяснения дать готовы. А может быть, наоборот, редактор согласится с авторами, которые как-никак фантасты-профессионалы и за десять лет работы научились разбираться, что хорошо и что плохо в фантастике. ПРИМЕР II: авторы в процессе работы надеются уяснить более конкретно, как надлежит, по мнению редактора, подчеркнуть фашистскую суть антигуманного прогресса. Авторы ни секунды не сомневаются и никогда не сомневались, что антигуманный прогресс имеет в своей основе фашизм, ни о каких идейных разногласиях с редакцией по этому поводу не может быть и речи. Авторы просто не совсем ясно себе представляют, как КОНКРЕТНО подчеркнуть, обнажить эту (уже содержащуюся в повести) мысль, не разрушая художественной ткани. Только в процессе работы с редактором можно было бы добиться ясности в этом совершенно конкретном, по сути — техническом вопросе. Так обстоит дело с редакционными замечаниями, которые авторы не считают бесспорными. Авторы еще и еще раз подчеркивают: НЕТ ТАКИХ РЕДАКЦИОННЫХ ЗАМЕЧАНИЙ, С КОТОРЫМИ АВТОРЫ БЫЛИ БЫ КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ СОГЛАСНЫ; ЕСТЬ ТОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЯ,

КОТОРЫЕ НАДЛЕЖИТ УЧЕСТЬ В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ С РЕДАКТОРОМ, ибо сами авторы плохо представляют себе, как это сделать. Поэтому не может быть и речи об отказе от каких-то идейных позиций, идейные позиции редакции и авторов ничем абсолютно не отличаются. Авторы снова и снова подтверждают, что готовы взяться за работу, имея целью учесть редакционные замечания, но только после заключения договора (четко определяющего задачи и обязанности авторов по исправлению повести) и — крайне желательно — с квалифицированным редактором».

В таком вот аксепте. Если по тем или иным соображениям ты туда не пойдешь — напиши письмо того же содержания. По-моему, надо давить. Как справедливо заметил кто-то из моих знакомых: они могли бы просто извиниться и сказать, что в связи с перегруженностью и нехваткой бумаги они вынуждены… с глубоким сожалением… может быть, через год-два… Однако они что-то иное бормочут и вдобавок намекают на «Байкал». В общем, обсуди там ситуацию с друзьями, посоветуйся и либо пойди, либо напиши.

2. В остальном всё течет и изменяется. В «Неве» уже начали читать ОО. Отзывы пока благоприятные, но из главных пока никто не читал. Саша считает, что обрезание может ограничиться и двумя-тремя листами, хотя угроза уполовинивания, да и просто отказа отнюдь с повестки не снята. Ладно, там посмотрим.

3. С трепетом жду твоего письма с мнением Нины.

Ну, пока всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет.

P. P. S. Прежде чем запечатал конверт, сбегал за почтой и обнаружил твое письмо. Рад, что дурных новостей нет. Что-то там скажет мадам?!!

Что касается ХВВ на эстонском, то это, брат, не я, это, брат, ты перепутал! Не только для Югославии — для Эстонии мы тоже писали, брат, предисловие и было, брат, это в точности 17.03.67 (по дневнику: «Сделали 8 стр. (65). Письмо в Эстонию»). А ДР и ТББ, брат, вышло не в Эстонии — в Литве, брат, она вышла, в Вильнюсе, брат. Так что неясно все это, брат. Неясно.

Держали связь АБС и с КЛФ различных городов. Юрий Никитин, будущий писатель-фантаст, тогда возглавлял КЛФ Харькова и сотрудничал с киевской газетой.

Из архива

Письмо Ю. Никитина, КЛФ при газете «Комсомольское знамя», Киев, 17 мая 1968

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Обращаюсь к вам с просьбой.

В газете «Комсомольское знамя» создается КЛФ. Меня попросили подготовить первую фантастическую полосу, строк на 900–1000. «…должна быть проблемная статья, выступление или интервью с кем-либо из китов и хороший рассказ или отрывок…»

Т. к. статей Вы не пишете, то остается выступление, интервью или отрывок. Надеюсь на Вашу помощь. Это ведь во имя завоевания фантастикой нового жизненного пространства!

И, если нетрудно, ответьте на несколько вопросов:

Чем Вы объясняете успехи фантастики в последнее время?

Возникла ли ф-ка на пустом месте или она внесла свой вклад и в золотой фонд мировой литературы?

Над чем Вы работаете в настоящее время и что есть у Вас в задумке?

Скажите несколько слов читателям «Комсомольского знамени».

Если сможете, ответьте еще на несколько вопросов (придумайте их сами). Дело в том, что для меня, как и для всех членов нашего КЛФ, ясно, как божий день, что миром должна править фантастика, но, странное дело, всё еще приходится убеждать, что она хорошая!

Заранее благодарен за помощь,

Юрий Никитин, зам. председателя ХКЛФ и зав. отделом литературы.

Копию этого письма отправляю Вашему брату.

Письмо Аркадия брату, 21 мая 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

Прости, сильно задержал письмо, но все надеялся, что поступят какие-нибудь позитивные сведения об ОО, да так и не дождался. По порядку.

1. Вчера, наконец, позвонила Нина Беркова. Мадам начнет читать только через неделю, а то и позже. Дело в том, что у них там страшная паника. Они, видимо (подробностей не знаю, разговор был по телефону), получили сверху какие-то непривычно строгие указания, и теперь все завы редакциями, мадам в их числе, в панике забрали из производства все верстки и тщательно перечитывают их на предмет искания крамольных блох. Этим занимаются все, соответственно паника перекинулась и на рядовых редакторов, которые, дабы не быть уязвленными, тоже читают и торопливо страхуются. Нина решила сделать так: сейчас она будет читать нашу рукопись с точки зрения «последнего идиота», как она выражается, а в субботу я к ней приеду, и мы будем все просматривать, «проходить по замечаниям», а заодно она и расскажет, что у них там происходит.

2. В МолГв, напротив, всё почти спокойно. Назначили им нового директора (Верченко ушел в Горком), но его еще никто не знает, даже фамилию его забывают. СоТ по-прежнему угнездивается в «Фантастике 68» и уже успела выжить оттуда рассказ Фирсова. С другой стороны, Гена Еремин подвергся просьбе со стороны «Литературной России» дать им СоТ туда. Я достал экземпляр и переправил. Пусть читают, я думаю, это не повредит особенно. Из «Ангары», где лежит еще один экземпляр СоТ, пока ничего нового нет.

3. Письмо в «Советский писатель» я послал, почти дословно переписав из твоего письма, на следующий же день. Пока оттуда ничего, да и не следует, вероятно, ждать этого так скоро. Да, а получил ли ты «Байкал»? Я получил десять экземпляров, да еще два оттиска «УнС» прислал мне Боря Ляпунов, так что — живем. На «Байкал» уже было нападение — ты читал, конечно, статью Андреева в «Лит. Газ.» Пока не в нас, пока в соседа.

4. Нынче получил письмо от некого Никитина из Харькова, копию он послал, как пишет, к тебе. Памятуя, что ты это любишь, ответь ему, пожалуйста, а то я совсем изнемогаю под грузом Абэ, башка совсем не варит, а точнее — надоело мне про одно и то же, хотя видит бог, это нужно.

5. Я прочел в 3-м № «Москвы» повесть Тендрякова[1] и потрясся. Здорово, очень сильно. Вот пишут «деревенские прозаики», и как славно пишут, просто сердце радуется. Надо бы Тендрякову письмо поздравительное, как ты полагаешь?

Вот всё пока. Привет семейству.

Целую, жму, твой Арк.

Нападение на «Байкал» — это статья Юрия Андреева с характерным «проработочным» заголовком: «Своевольные построения и научная объективность. По поводу толкования некоторых фактов истории советской литературы» (Литературная газета.— 1968.— 15 мая). Критиковался отрывок из книги Аркадия Белинкова о Юрии Олеше, помещенный в 1-м номере «Байкала» одновременно с первой подачей «Управления».

«Пока не в нас, пока в соседа»,— пишет АН. Действительно, буквально через 4 дня в газете «Правда Бурятии» публикуется одиозная статья, направленная вообще против всех публикаций не местных авторов: «Наряду с местными писателями журнал «Байкал», естественно, печатал и товарищей, проживающих вне района Байкала. Но редакция порой не предъявляла должных требований к «иногородним» авторам. Естественно, что ничего хорошего из этого не могло выйти». И далее, коротко перечислив «неудачи» журнала: «Если б молодость знала…» Михаила Вершинина, «Черные лебеди» Ивана Лазутина,— автор останавливается на УНС.

Из: Александров В. Против чуждых нам взглядов

<…>

Особенно неудачными в идейном и художественном отношении оказались первые два номера журнала «Байкал» за 1968 год.

Читатели прежде всего указывают на повесть А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне». Это произведение, названное

[1] Тендряков В. Кончина // Москва (М.).— 1968.— № 3.

фантастической повестью, является не чем иным, как пасквилем на нашу действительность.

Кого изображают А. и Б. Стругацкие, какая фантастика их привлекает? Время действия повести — наши дни. Авторы не говорят, в какой стране происходит действие, не говорят, какую формацию имеет описываемое ими общество. Но по всему строю повествования, по тем событиям и рассуждениям, которые имеются в повести, отчетливо видно, кого они подразумевают… Фантастическое общество, показанное А. и Б. Стругацкими в повести «Улитка на склоне»,— это конгломерат людей, живущих в хаосе, беспорядке, занятых бесцельным, никому не нужным трудом, исполняющих глупые законы и директивы. Здесь господствуют страх, подозрительность, подхалимство, бюрократизм. Устами своих героев авторы высмеивают благородные человеческие чувства и порывы, утверждают неверие в какие-либо перемены к лучшему.

А что за персонажи выведены в повести? Директор управления — тиран. При нем доносчик Доморощинер. Целая галерея людей в картонных масках, пошляков, как шофер Тузик, трусов, как профессор Какаду, лицемеров, как Проконсул, и т. д. и т. п. Многие персонажи с физическими недостатками. Тот без уха, этот без ноги. Чуть ли не у каждого болезнь. Тот печеночник, этот желудочник. Лица у них болезненно-бледные, глаза воспаленные, выпученные. А как они обращаются друг с другом? Без конца только и слышно: «сволочь неуклюжая», «мерзавец», «идиот», «бездумный дурак», «гипсовая баба», «маньяк», «шляпа», «не твое собачье дело». А вот характеристики, которыми наделяются герои в повести: «алкоголик, зато отличный специалист», «распутник, зато отличный проповедник», «вор ведь, выжига, но зато какой администратор», «убийца, зато как дисциплинирован и предан».

В этом, с позволения сказать, обществе никто и не помышляет как-то улучшить жизнь, изменить сложившиеся обычаи и традиции. О будущем герои произведения говорят с мрачной иронией.

Один из героев попробовал было нарисовать перед своими слушателями то, что их якобы ожидает: «Если хотите знать… Вырастут ослепительной красоты здания из прозрачных и полупрозрачных материалов, стадионы, бассейны, воздушные парки, хрустальные распивочные и закусочные! Лестницы в небо!.. Диспуты, обучение во сне, стереокино… Сотрудники после служебных часов будут сидеть в библиотеках, размышлять, сочинять мелодии, играть на гитарах и других музыкальных инструментах, вырезать по дереву, читать друг другу стихи!..»

И как же реагировали на это остальные персонажи повести? Раздались издевательские реплики, насмешки по поводу чтения стихов и резьбы по дереву. А один выразился весьма откровенно: «Повыпиливаешь по дереву, а потом к бабам пойдешь. Или напьешься. Я ж тебя знаю. И всех я здесь знаю. Будете слоняться от хрустальной распивочной до алмазной закусочной».

Вот так. Сегодняшний день нехорош? Но и будущее не лучше. Какими были, такими и останетесь. Никто вам не поможет. Выхода нет.

Это чувство безысходности звучит и в последних главах повести. Главный герой, ставший по воле авторов директором управления, мечтает: «Удрать бы отсюда подальше и заделаться архивариусом… или реставратором. Вот и все мои желания». Ясно, что и при новом директоре в управлении не произойдет никаких перемен. Глупая, никчемная жизнь будет продолжаться. До каких пор? Надо ждать. Вот придет время… Человечество — это как бы улитка на склоне времени, она хоть и движется, но очень и очень медленно, да и куда — неизвестно.

Чему учит это произведение? Под знаменем каких идеалов выступают авторы?

Редакция журнала предпослала повести предисловие, написанное Ариадной Громовой. Вот ее кредо: «Улитка на склоне» — это фантастика совсем другого рода (имеется в виду, что непохожа на предыдущие произведения А. и Б. Стругацких. — *В. А.*). И другого уровня — гораздо более сложная,

рассчитанная на восприятие квалифицированных, активно мыслящих читателей». Ариадна Громова так и не взяла на себя смелости сказать прямо: о чем написали А. и Б. Стругацкие, что они хотели сказать этой повестью? Ее позиция может лишь запутать читателя, сбить его с толку, обескуражить. Если, мол, ты ничего не понял в повести, то, значит, не дорос — пеняй на себя.

Ариадна Громова прямо заявляет, что общедоступность произведений искусства — это вообще фикция. Вот ведь как… А мы с вами, читатель, всегда руководствовались известным определением В. И. Ленина, что искусство принадлежит народу.

<…>

А далее автор статьи опять коротко перечисляет «неудачи» журнала: глава из книги Аркадия Белинкова, «новеллы Галины Серебряковой «О других и о себе», а также некоторые переводы произведений зарубежных авторов, непонятно по каким соображениям отобранные для печатания в “Байкале”».

Конечно, все дальнейшие санкции, примененные к «Байкалу» — разгон редакции, изъятие номеров журнала из открытого доступа в библиотеках,— были вызваны именно публикацией Белинкова, бежавшего в том же году на Запад. УНС, так сказать, попала под горячую руку. Но читатели простодушно-злобной статьи Александрова поражались: «Да, действительно, всё это так и есть, но ведь секрет Полишинеля не принято раскрывать в партийной прессе!» Удивлялся и БН: «Поневоле задумаешься: а не был ли автор критической заметки скрытым диссидентом, прокравшимся в партийный орган, дабы под благовидным предлогом полить грязью самое справедливое и гуманное советское государственное устройство?» (Комментарии к пройденному).

Письмо Бориса брату, 25 мая 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. В «Неве» с ОО тоже ничего существенного не произошло. Я знаю, что прочел Гор, страшно обоср…ся и говорил Саше: прекрасно написано, но ведь — параллели! параллели! Саша долго ему втолковывал, что никаких параллелей нет, а если они там даже… эта… то не станет же именно Гор объяснять их редсовету. Кажется, убедил. Завотделом

прозы попросил написать рецензию еще и Дмитревского. Дмитревский прочел, позвонил, расхвалил, написал хвалебную рецензию с двумя предварительно оговоренными замечаниями, именно: Мак маловато вспоминает Землю (только папу-маму, да и то нечасто) и недостаточно подробно описана история коммунистов на планете — надо бы добавить пару абзацев. Читал еще и завотделом прозы Кривцов — но до конца пока не прочел и отвечает на мои приставания довольно уклончиво. Саша Лурье считает, что дело в шляпе и всё теперь зависит от главного. Впрочем, все всегда зависело от главного. Редсовет будет в середине июня, Саша надеется подготовить общественное мнение, чтобы толкать повесть в сентябрьский или октябрьский номер.

2. Что ты послал письмо в СовПис — это хорошо. Но еще лучше было бы сходить туда лично. Дело в том, что всякая ситуация имеет две стороны. Мне известно, что, в связи с появлением известных списков, в издательствах перетряхиваются все планы, высвобождается масса бумаги, которую надо освоить, а вдова Германа получила недавно совершенно неожиданное предложение (кстати, из «СовПиса») издать полное собрание сочинений Германа (это — чертова уйма бумаги, откуда она вдруг взялась?). Я понимаю, что расчет такого рода построен на соплях, но почему не попытаться? А вдруг! В конце концов, их последнее письмо было вполне доброжелательным.

3. Из «Байкала» я тоже получил 10 экзов. Передай Северу, что тут он превзошел самого себя. Кто-то (может быть, даже ты сам) сообщил мне, что в «Байкал» выехала комиссия по проверке деятельности. Будто бы это как-то связано с намерением «Байкала» опубликовать в № 3 пьесу Булгакова «Зойкина квартира». Спроси там, кто что слышал.

4. Никитину в Харьков напишу.

5. Сегодня, вероятно, уеду к Лешке на дачу окончательно добивать сценарий. Перспективы мрачные. Раньше Лешка был практически уверен, что Студия сценарий пропустит, и зарубят его только на уровне Госкомитета. Теперь он уже в этом не уверен. Все везде ходят с полными штанами.

6. Ходят слухи, что с фантастикой в «Знании», якобы, покончено и Малинину увольняют. Так ли? У нас все фантасты в трауре.

7. На днях ко мне заходила редакторша из болгарского издательства «Молодая гвардия» (или что-то вроде). Очень хорошо поговорили. Она редактирует перевод ТББ и ПНвС, и у нее была пара вопросов. Кроме того, она попросила койчего новенького, и я дал ей УнС. Она уже слыхала об этой повести и думает, что в Болгарии ее можно будет издать без труда. Дал ей заодно и «Опаляющий разум» Альтова (хорошая книжка). Она сообщила, что в Болгарии вышли (по крайней мере) С и ХВВ, обещала похлопотать, чтобы прислали.

Вот, пожалуй, и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет.

Нина Беркова прочла рукопись ОО «с точки зрения “последнего идиота”», и Авторы снова встречаются — править ОО по ее указаниям.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Рассказ о человеке, который, отчаявшись в чел<овечест>ве, посылает сигналы в Космос: «SOS». Все, что угодно, кроме этого бардака.

Кнехты; гвардармы.

30.05.68

Прибыл Арк к маме. Исправляем ОО по указаниям Нины.

31.05.68

[дневник приездов: 31.05.68. Приезд 29.05. Редакционные исправления ОО.]

Окончили ОО.

1.06.68

[дневник приездов: 1.06.68. Говорили о структуре «производство = наука = культура.]

11 + 14 + 12 + 23 = 60 дней работали ОО.

11 + 13 + 12 + 13 = 49 дней работали ГЛ.

2.06.68

[дневник приездов: 2.06.68. «Гадюка»[1].]

Разговаривали.

3.06.68

[дневник приездов: 3.06.68. «Лестница на небо»[2].]

Бездельничали.

4.06.68

«Мой брат и я, или Новый апокалипсис».

a). Худ. линия;

b). Биографич<еская> линия;

c). Размышления о судьбах мира;

d). Притчи (напр., про «Дом») про страну, управляемую мертвецами.

Арк уезжает.

Письмо Аркадия брату, 9 июня 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

За три дня по приезде из Ленинграда я услыхал столько слухов о нас с тобой, что в другое время хватило бы на полжизни. О нас: доложено в ЦК. Нас: запретили публиковать. Мы: объявлены антисоветскими писателями. Нам: грозят крупные неприятности, лишение средств к существованию и голод. С помощью Нины и Белки я понемногу разобрался в этой каше. Все, конечно, чудовищно раздуто, и хотел бы я знать, откуда и как всё это идет. А факты вот какие. Во-первых, статья в «Правде Бурятии» (я достал и читал). Статья на редкость глупая и даже смешная. До неприличия. За такую надо снять с работы редактора газеты, типичный пример слегка замаскированной дискредитации нашего строя. Но — ругает. Нас. Облыжно. И вот что получается: все, с кем я встречался, об этой статье слыхали, но саму статью не читали. А выводы делаются, сам понимаешь — какие. И во-вторых, скандал в «Знании — силе». Филиппову снимают с работы за ошибочные материалы, за неудачное

[1] К/ф 1965 г., реж. В. Ивченко.

[2] К/ф 1966 г., реж. Р.-П. Вабалас.

оформление пятого номера и, в частности, за злосчастного «Клопа». Все это — затея министерства профтехобразования, никакого отношения к литературе она не имеет, так, интрижка чиновников средней руки. Но они, эти чиновники, в раже назвали устно и письменно «Клопа» антисоветчиной, чем превысили свои полномочия, ибо такие дефиниции имеет право давать только разве Отдел пропаганды. Услыхав обо всем этом, я отправился к юрисконсульту в СП, и тот сказал мне, что скушать такое мы не должны. Я послал Денисову (это замминистра, который варил эту кашу) письмо с требованием извиниться и пригрозил ему судом за диффамацию. Срок — 15 июня. Юрисконсульт порекомендовал еще, прежде чем подавать в суд, сходить в Отдел пропаганды. Слухи о глупости Денисова тоже, естественно, распространились среди издательско-писательской братии, преувеличились и накатились на меня уже в совершенно гаргантюанских размерах. За три дня я насытился по горло и до подбородка[1]. Тошнит уже от всей этой болтовни.

А теперь о делах.

1. Был у Нины, тщательно просмотрели рукопись, Нина считает, что всё в порядке. Завтра иду на редколлегию «Мира приключений» и спрошу М. М., скоро ли она прочтет.

2. Производственный отдел бьется над нашим перевертышем. Но Бела меня огорчила, оказывается, по плану книга должна выйти только в конце года. Впрочем, по подписании в печать она нам выпишет сорок процентов.

3. «СоТ» прочитал Милютенко. Противу ожиданий, он отнесся к ней очень спокойно, высказал несколько редакционных замечаний, однако предложил «погодить»[2] до следующего года. Несвоевременно. Тем более что у Стругацких всё равно в этом году выходит сборник. Пригласил меня на переговоры во вторник.

Вот пока всё. Жду письма. Обнимаю, твой Арк. Всем привет.

---

[1] Реминисценция «Подводной лодки» В. Высоцкого.

[2] Выражение М. Салтыкова-Щедрина, «Современная идиллия», гл. 1.

Письмо Бориса брату, 14 июня 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо, наконец. Что-то уж очень долго оно шло: три или даже четыре дня. Ну и дела там у вас! Действуй! Бей гадов! Одобряю. Надеюсь, все письма ты рассылаешь от имени нас обоих и с присовокуплением всех титулов: член бюро и т. д.

Теперь о делах.

1. Перевертыш огорчил и меня, причем ужасно. Денег у меня — на два месяца. Я очень рассчитывал, что в течение этого времени ВНМ выйдет. Пожалуйста, поднажми там на Белу, пусть чего-нибудь выпишет поскорее.

2. В связи с переносом СоТ на другой год у меня возникла идея: нельзя ли издать СоТ отдельной книжечкой в этой Биб-ке совфантастики, где вышел Григорьев и пр. Это опять же связано с деньгами. Если бы удалось сейчас заключить договор и получить одобрение, очистились бы 60 процентов, что и тр. Попробуй в этом плане поднажать. А вдруг! Им-то должно быть все равно, как потратить бумагу. Попытайся.

3. С трепетом жду решения М. М. по поводу ОО. В «Неве» тут происходит следующее. Рецензия Дмитревского, как я и ожидал, насторожила Попова. Хоть рецензия и положительная, но все-таки… коммунисты там… неясное это дело. Забрал Попов рукопись и сидит над нею уже вот две недели, так пока и не прочитал. Все — в соответствии с прогнозами. Сегодня я ему позвонил, рассказал, что крайне нуждаюсь в деньгах (т. е. в одобрении), что скоро уезжаю, что Детгиз планирует книгу на первый квартал. Попов был чудовищно любезен и ласков, но фактически сообщил следующее. В этом году журнал не будет печатать ОО. Рассчитывает он на первые три месяца следующего года. (Это его решение, по-видимому, твердо.) В конце июня состоится редколлегия, на которой и будет решен вопрос об одобрении и прочем. Редколлегия должна быть 20-го. Результаты мне сообщат немедленно. Максимум, на что мы можем рассчитывать (по мнению специалистов), это — на одобрение рукописи

и утверждение ее к печатанию в трех первых номерах следующего года. Но может быть и хуже, если Попов так и не сочтет для себя возможным прочитать рукопись, а на то похоже. Так что все надежды — на Детгиз.

4. Заодно с этим. Если в З-С уничтожение не достигло катастрофических размеров и юбилей Стругацких еще не отменен, если они все еще намерены печатать главу из ОО, обязательно потребуй от них, чтобы переговоры с «Невой» они вели в письменном виде. Основание: следующая цитата из договора с «Невой» — «…Автор обязуется… не выпускать в свет своего труда в целом или в части… без ПИСЬМЕННОГО согласия Редакции. В случае нарушения… Редакция имеет право расторгнуть договор и взыскать с Автора понесенные убытки…» Так что не следует давать врагу в руки лишний козырь.

5. Кстати, я ведь так и не понял, какой кусок из СоТ собирались печатать в З-С. Речь Клопа в кафе или речь его перед Тройкой? Отпиши. Интересно, где это они обнаружили антисоветчину.

6. Теперь о кино. Сценарий перепечатывается, и в понедельник мы понесем его Рохлину. Далее. Рохлин прочел ОО, восхитился и противу всех ожиданий заявил, что фильм такого рода может пойти. Так что прошу инструкций на случай возможного заключения договора. Мое мнение: заключать. Брать в соавторы Лешку (если он согласится) и попытаться написать оригинальный сценарий (т. е. кончить сценарий до того, как выйдет книжка).

7. Был у меня Нудель. Забрал СоТ и ОО. Пишет про нас книгу. Рассказывал, что в первом номере нового журнала «Интернейшнл Сайнс-Фикшн» помещен «О странствующих и путешествующих».

8. Не написать ли нам возмущенное письмо в «Правду Бурятии»? Я не читал статьи, мне трудно судить, но нельзя ли там к чему-нибудь прицепиться? Копии — в ЦО и ЛитГаз.

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське — поцелуи.

17-м июня датируется рецензия АНа на роман Уиндема.

Из архива. АНС. Рецензия на роман Дж. Уиндема «Кракен пробуждается»

Пять лет назад, когда редколлегия издания «Библиотека современной фантастики» обсуждала вопрос о том, какое произведение Уиндема включить в «Библиотеку», первым предложением (зафиксированным даже в рекламном объявлении) было — роман «Кракен пробуждается». Лишь впоследствии это предложение было пересмотрено, и предпочтение было отдано «Дням триффидов», да и то не без серьезного столкновения мнений.

Эти два романа — «Кракен пробуждается» и «Дни триффидов» — являются двумя равновеликими пиками в обширном творчестве «современного Уэллса», как именует Уиндема зарубежная критика. Равновеликость их определяется не только несомненными литературными достоинствами, резко выделяющими эти произведения на фоне западной фантастики, и не только общей тематикой — апокалиптическим видением гибели и начала возрождения человечества — но и, если так можно выразиться, общим углом зрения. И в том, и в другом произведении Уиндем тщательно прослеживает процессы и результаты отражения глобальной проблематики в сознании современной ему Англии, самых разных ее представителей — от хозяина трактира и члена правительства до интеллигента и революционера. Уиндем — по-настоящему крупный писатель и социолог, а богатое воображение позволяет ему с особенной живостью выразить в образах реакцию английского буржуазного общества на глобальные потрясения.

Что же происходит в романе «Кракен пробуждается»? Пришельцы с другой планеты, возможно — с Юпитера, условия существования которых характеризуются чудовищным, на наш взгляд, давлением окружающей среды (до нескольких тонн на квадратный сантиметр), прибывают на Землю и укрываются, естественно, на дне глубоководных океанских

впадин. Общение с ними невозможно, структуры интеллектов у нас с ними слишком разные. Возможно, пришельцы и не подозревают, что жители Земли разумны. Они принимаются переделывать нашу планету для своих нужд — изменяют океанские течения, прорывают новые глубоководные долины, организуют на дне добычу полезных ископаемых. Попытки землян выяснить, что они собой представляют, кончаются трагически. В результате — война, глубинные атомные бомбы, вылазки биологических роботов на побережье, наконец, война на истребление: пришельцы принимаются растапливать полярные льды, и население Земли начинает гибнуть. На самом краю гибели, когда численность человечества сократилась до одной пятой, земные ученые находят оружие против пришельцев. Над затопленной планетой тускло брезжит заря нового расцвета и процветания.

Роман написан от лица сотрудника телевизионной компании, участника и свидетеля многих ключевых эпизодов этой необыкновенной и трагической эпопеи в псевдоистории человечества. Присущее Уиндему мастерство создает картины, по силе литературного воздействия действительно не менее сильные, нежели самые превосходные сцены уэллсовских утопий. Только там, где Уэллс оставляет человечество на волю Провидения (или микроорганизмов), Уиндем с твердостью утверждает приоритет человеческого гения. Спасение человека — только в руках самого человека.

Возвращаясь к сравнению романа с «Днем триффидов», следует отметить основное и небезынтересное различие между ними. Катастрофа в «Триффидах» наступает внезапно, человечество не отвечает за нее, не подготовлено к ней и поставлено лицом к лицу с нею беспощадной силой независимых обстоятельств (хотя можно, конечно, утверждать, что поскольку триффиды — создание рук человеческих, Уиндем хотел намекнуть: что-де посеешь, то пожнешь). В романе «Кракен пробуждается» — другое дело. Катастрофа подготавливается исподволь, годами, у всех на глазах, но только немногие верят глазам своим, подавляющее же большинство населения Земли предпочитает позицию страуса,

зарывающего голову в песок. Одни просто ничему не верят, другие отмахиваются — обойдется, не впервой; третьи валят всё на происки Кремля. Мюнхен! — вот название ситуации, которую описывает Уиндем. Смотреть и не видеть, видеть и не верить, верить и наплевать — в этом вся суть отношения буржуазного общества к глобальной проблематике. Самые великие и грозные события могут надвигаться на современную Англию, утверждает Уиндем, но обыватель запищит только тогда, когда гусеницы истории наедут, наконец, на него.

Полагаю, роман «Кракен пробуждается» следует перевести и издать. Отдельные и немногочисленные листы, где автор не очень удачно острит в адрес нашей страны, легко выбрасываются, тем более что Уиндем, несомненно, с охотой даст на это разрешение.

Письмо Аркадия брату, 18 июня 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Посылаю тебе касающуюся нас часть статьи В. Александрова «Против чуждых нам взглядов» («Правда Бурятии»). Посмотри, может быть, что-нибудь придумаешь. Это четыре страницы, а вся статья — шесть с половиной.

2. Сижу четвертый день дома — простыл, раздуло левую часть шеи и щеку, страдаю и жалуюсь на судьбу. Впрочем, рад, есть повод никуда не ходить и нигде не показываться. Рецензии и на машинку бегает Ленка.

3. С перевертышем Бела сделает всё, что можно, но это тоже не так скоро. У меня денег осталось всего на месяц, я сейчас усиленно пишу рецензии. Закончил и отдал Девису перевод Абэ, это, конечно, пустяки, всего пять листов, но если он возьмет, то получу что-нибудь около трехсот по одобрению и поделюсь. Не пропадем. Тебе же советую на ОО надеяться, а с переводом не плошать. По сути, на ближайшие месяцы это единственная реальная наша надежда.

4. Мадам ОО еще не прочитала. Стонет и жмет руку к бюсту, выражая <желание> поскорее прочитать настоящую

хорошую литературу, в чем ее всячески поддерживает Нина, однако до дела пока не дошло. Нина уже злится, намекнула ей, будто срок одобрения через две недели. Надеется, что мадам начнет читать в эту среду (завтра), но черт его знает.

5. Пытаться сейчас заключить с Жемайтисом договор на СоТ — тухлый номер. Жемайтис еще больше против СоТ, нежели Милютенко. Кстати, как и следовало ожидать, с Милютенкой я так и не встретился. Пришел неделю назад по его вызову, а он умотался куда-то.

6. От З-С ничего не слышно. У меня такое впечатление, что они там передристали и предадут нас при первом же удобном случае. Это я о свидетелях по делу о назывании отрывка антисоветским. Кстати, отрывок этот — разглагольствования Клопа в кафе. Никакой антисоветчиной там и не пахнет.

7. Договор на кино по ОО заключай. Вообще заключай любые договора, не спрашивая меня.

8. Я сейчас собираюсь подать в издательство «Наука» заявку на перевод «Истории сыска в эпоху Мэйдзи». Книга до изнеможения занятная, читать ее все равно буду, не удержусь, а заодно и переведу. Тоже нам с тобой на кусочек хлебца станет. Аванс, то-се…

Вот и всё пока.

Целую и жму, держи хвост трубой, твой Арк.

Привет Адке. Поцелуй и маму.

А что письмо долго шло, так я его написал в субботу, опустил в воскресенье, а по воскресеньям у почты теперь выходной. Так что всё ОК.

Письмо Бориса брату, 23 июня 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Задержался с ответом в ожидании каких-нибудь новостей, и зря. Нет никаких существенных новостей.

1. Был в Ленфильме. Отнес туда последний вариант сценария. Договорились, что переделок больше не будет. Пусть читают его все, кому это положено, а там — как бог даст.

Если удастся протащить сценарий на худсовет, есть шансы, что худсовет его утвердит, и тогда мы можем рассчитывать еще на пяток сотен каждый. Если же пробить его через Главную редакцию не получится, тогда — увы. Рохлин был очень любезен и полон радужных надежд, но после разговора Лешка мрачно сказал мне: «Знаю я цену всему этому. Затопчут нам сценарий». Говорили также и об ОО. Рохлин предложил подать заявку с тем, чтобы если ТББ зарежут, тут же заключить новый договор. Я напишу заявку и отнесу ее в Ленфильм, вероятно, на той неделе. Чем черт не шутит.

2. Был в «Неве». Редколлегия там снова была отложена, на этот раз — на 27-е. Выяснилось, что кто-то (кто — неизвестно) дал читать ОО Гранину. Тому роман понравился, считает, что печатать его нужно, но (мать их… доброхотов!) тоже полагает внести уточнения: слишком, видите ли, однородно изображаемое общество, нет в нем, видите ли, разделения на полюса бедности и богатства, отчего и проистекают разные аналогии, параллели, меридианы и перпендикуляры. Вообще, создается любопытная и очень характерная для Ленинграда картина: ЗА роман все, кто его читал (зав отдела прозы, редактор отдела прозы, редактор отдела критики, художник журнала; Гор, Кара, Гранин — члены редколлегии; Дмитревский; Гранин, кроме всего, еще первый секретарь отделения СП); против — один главред, который не хочет роман прочесть (до сих пор еще не прочел; месяц читает, других дел у него нет абсолютно никаких, на работе почти не появляется и все-таки — прочесть не успел). И при таком соотношении сил максимум, на что мы можем рассчитывать, — 60 %! В общем, жду редколлегии, после чего немедленно отпишу.

3. Статью из «Правды Бурятии» прочел и развел руками. Ну что тут можно сделать? Это же хохот! Строго говоря, мы просто должны писать в органы или, по крайней мере, в ЦО, что в «Правде Бурятии» засели грязные очернители, которые под видом литературной критики клевещут на наш строй. Но писать такое письмо, согласись, это уже слишком. Хотя если бы его написал кто-нибудь другой, я бы такой акт радостно

приветствовал бы. А так — просто не знаю. А Ариадна не собирается как-либо реагировать? В общем, я за то, чтобы промолчать. Если эта история не будет иметь продолжения (скажем, в ЛитГаз), то — пусть. А если будет, тогда посмотрим, тогда эта статейка нам пригодится при защите.

4. Перевод идет. Перевожу каждый день. Честно говоря, сильно сомневаюсь, что такую вещь напечатают, но тебе виднее. У меня планы на лето такие: июль сижу в Ленинграде, а в августе еду в Коктебель. Выяснилось вдруг, что заявку мою на путевку, каковую я подал еще в ноябре, вдруг удовлетворили. Еду с Адкой. Эта поездка будет стоить мне 400 ряб, то есть все, что у меня осталось на книжке, но я плюю. Съезжу напоследок, а потом либо поступлю на работу, либо начну распродавать марочки. Эх, прокачу![1] одним словом.

5. Еще раз настоятельно прошу тебя подумать насчет того, чтобы отнести в СовПис ГЛ. Рукопись размножена и активно ходит по самым неожиданным рукам. Мне это не нравится. УнС уже попала куда следует, это не страшно. А вот с ГЛ — хуже, ибо вещь не опубликована.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет.

Письмо Аркадия брату, 26 июня 1968, М.— Л.

Дорогой Бобкинс!

1. Исайя, ликуй. Позвонила Нина и сообщила: мадам ОО прочла, ей понравилось, есть несущественные замечания (в частности, по Страннику), Нина своими руками выписала и снесла в бухгалтерию одобрение. Сегодня в 14.00 заседание редколлегии альманаха «Мир Приключений», членом коей я имею быть, там мы встретимся с мадам и Ниной и выясним подробности и дальнейшие действия как наши, так и издательства. С разных точек зрения считаю полезным, если иллюстрации будет делать Макаров: это, в частности, придаст повести развлекательный вид со всеми вытекающими.

[1] И. Ильф, Е. Петров, «Золотой теленок».

2. Я здесь слегка приболел, воспалились какие-то лимфатические железы на шее, молча страдал неделю, потом не выдержал и пошел к врачу. Собрались две красивые бабы, щупали на мне железы по всем местам, прописали антибиотик, и я удалился. Жрал антибиотик пригоршнями, выздоровел и получаю ныне удовольствия от жизни. Это я к тому, что с последнего письма своего нигде практически не был и ничего не знаю. Но!

3. Вчера встретился с Евдокимовым. Пили коньячок, зашел разговор о тебе, потом о том, что ты — собиратель марок. И он сказал мне следующее: во-первых, обнаружен блок в шесть экземпляров ранней советской марки с изображением Карла Маркса, не зарегистрированной в каталогах. Об этой марке было недавно упомянуто в филателистической печати, что ее есть только два экза. А парень, который этот блок нашел, является данником Евдокимова. Так что, не исключено, что ты один экзик получишь. Во-вторых: Евдокимов подробно расспросил, что ты собираешь, приехал в отчаяние от моей малограмотности и велел просить тебя выслать ему ДЕЗИДЕРАТУ[1] с номерами по каталогу. У него есть возможности. Что я тебе и передаю.

4. Перевод делай и не сомневайся. Договор есть, 100 % нам все равно обеспечены, да и не понимаю я, что там тебя напугало. Я, например, без передышки леплю сейчас рефераты по японским патентам вычислительной техники — объединился с Алешей Шилейко (это очень сильный специалист-практик), он гордо именует себя Пеком Зенаем по ряду обстоятельств своего личного и общественного бытия, а сам доцент и зав. лаборатории МИИТа[2], отличный парень, большой наш почитатель. <…>

5. ГЛ отнесу, как приказываешь, в СовПис. Пусть лежат.

6. Расстарайся и возьми в «Неве» у нашего редактора справку, что «Нева» разрешает нам опубликовать то-то и то-то. Дело в том, что в «З-С» такой бардак, что никто ничего не

[1] В данном контексте — перечень марок, которые необходимы коллекционеру для полноты собрания; список поиска.

[2] МИИТ — Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, ныне Московский государственный университет путей сообщения.

знает, у них нет своего редактора, все болеют и ведут тяжбы, и им не до нас, а между тем Роман Подольный звонил и сообщил, что наша глава из ОО все-таки пока остается в восьмом номере. А справочку такую тебе парнишка напишет и прихлопнет печатью, всего и делов-то. Так, кстати, обычно и делают.

7. «Байкал» месяц назад шел по червонцу за первый и второй номера. А сейчас еще дороже. Вот ажиотаж-то подняли, мазурики!

Всё. Пиши. Целую, твой Арк.

Привет всем, поцелуй маму и Адку.

О памятных номерах «Байкала» вспоминает пострадавший из-за них заместитель редактора Владимир Бараев.

Из: Бараев В. [О публикациях в «Байкале»]

Я искал в Москве авторов для журнала «Байкал». Познакомился с Аркадием Стругацким, Еленой Сергеевной Булгаковой и заполучил «Улитку на склоне» и «Зойкину квартиру». На дворе — 1967 год: Стругацкие и Булгаков — в неофициальном запрете.

Потом узнал об Аркадии Белинкове. Приехав к нему на Малую Грузинскую, увидел темноволосого, худощавого человека. После войны он был арестован и отбывал срок в одном лагере с Солженицыным.

<…>

В «Байкале» № 1 за 1968 год появились братья Стругацкие, Рэй Брэдбери, воспоминания Галины Серебряковой и часть главы из книги Белинкова… Я прилетел в Москву с пачками журнала. Взяв номер, Аркадий сразу же начал листать его, всё еще не веря, что отрывок вышел.

Читатели сразу заметили этот номер «Байкала». На черном рынке при цене 60 копеек он продавался по 100 рублей. Необычный ажиотаж вызвал настороженность идеологов ЦК КПСС и литературного начальства. «Огонек», «Наука и религия», «Литературная газета», «Советская Россия»,

другие маститые издания чуть ли не залпом выстрелили и по «Летающим тарелкам», и по повести Стругацких «Улитка на склоне». Но особый гнев вызвал отрывок из «Поэта и толстяка».

Письмо Бориса брату, 29 июня 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. То, что ты сообщил, прекрасно. Теперь бы еще наличные получить, и жизнь снова заиграла бы всеми красками. А то уж больно мрачно все было. Правда, вчера я получил из «Костра» 72 руб. с копейками за «Первых людей» (ты, надеюсь, тоже), и стало чуть легче, но только чуть.

2. У меня, напротив, никаких новостей нет. Известно только, что редколлегия в «Неве» снова отложена и что главный всё еще не прочитал ОО. Из Ленфильма вообще ничего не слышно. Лешка сейчас уехал в Москву по своим делам (ему дядя-миллионер подарил «Волгу», уплатил наличными 2600 долларов, и доллары эти куда-то пропали в нашем банке — денег нет, машины нет, никто ничего не знает, вот Лешка и отправился добиваться справедливости). Перед отъездом он сообщил, что всем в редакции последний вариант сценария понравился, но, сам понимаешь, это еще ничего не значит.

3. Было у нас тут расширенное заседание Правления ЛО ССП. Обсуждался план работы в связи с апрельским пленумом ЦК. Меня тоже позвали. Выступал ваш Михалков, делился опытом борьбы с «подписчиками» (их еще называют «подписанты»). Омерзительнейшее было зрелище и слушалище. Он всё жаловался, что его и прочих секретарей засыпали анонимными письмами с угрозами. Был довольно жалок. Вообще странное впечатление осталось от его выступления и от реакции собравшихся. Он жаловался и обижался, слушатели похихикивали и помалкивали. В прениях говорили о расширении фондов, о новом журнале, о необходимости провести совместное заседание московского и ленинградского правления — о чем угодно, только не о подписантах.

Явно, никому не хочется мараться в этом дерьме, даже самым распоследним подонкам.

4. Звонил мне какой-то Ефимов из ЛитГаз. Просил написать о нашей работе, о наших планах и размышлениях. Очень мне хотелось послать его подальше, но подумал я: зачем? что толку? будто он и сам не знает, что газета г… и проститутка. И послал я его только к тебе: мол, если А. Н. не против, то я тоже. Напечататься таким образом сейчас было бы для нас, вероятно, полезно, хотя в общем как-то это гаденько. Может быть, стоит уклониться (если ты уже не уклонился сам).

5. Перевожу ежедневно, невзирая на сомнения. А сомнения вот какие: повестушка эта вся проникнута духом наживы, торговли и пр. По-моему, зарубят ее. Не нужно это советскому читателю. Но ты не думай — свою долю перевода я сделаю железно. У меня вообще план такой: переводить буду и в Коктебле[1], там кончу, а на обратном пути заеду к тебе с Адкой. Адка ненадолго, а я — до тех пор, пока не отшлифуем мою часть. Если у тебя будут подходящие условия дома, то было бы прекрасно дней пятнадцать-двадцать поработать как встарь, за машинкой, вдвоем. О как давно это было!..

6. Справку в «Неве» возьму.

7. Что же конкретно произошло в «Байкале»? Что с Бальбуровым?

8. Теперь о Евдокимове и марочках. Во-первых, очень ты меня тронул — не забываешь, значит, о невинном хобби своего младшего брата! Во-вторых, передай Евдокимову дословно следующее:

Я недостаточно богат, чтобы покупать марки в розницу. Если у него есть связи и возможности, пусть поищет людей, продающих КОЛЛЕКЦИЮ. Такую коллекцию за умеренную цену я буду готов приобрести (когда и если у меня будут деньги). Коллекция должна отвечать следующим условиям: а). Это должны быть советские марки (годятся и русские, и периода гражданской войны); б). Марки должны быть

[1] Именование от песни В. Бахнова «Коктебля».

негашеными; в). Марки по возможности должны быть ненаклеенными (однако пригодятся и наклеенные). Если он найдет где-то такую коллекцию, пусть немедленно мне пишет или звонит — дай ему мои координаты.

9. Тут мне прислали «Совьет Литереча», номер посвященный ф-ке. Что ж, неплохая реклама. Для нас с тобой, я имею в виду. Только толку от этого — чуть.

Ну вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Как дела у Наташки?[1]

Письмо Аркадия брату, 7 июля 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

Наконец-то получил твое письмо. С письмами, действительно, стали происходить какие-то истории, возможно, ты и прав, их где-то задерживают. Послал ты свое 29-го, а получил я его 7-го. Это надо же!

1. Говорил по телефону с Ниной, первого ей сказали, что деньги нам переводят. Возможно, уже все на месте, ты проверь.

2. Ниже привожу дословно замечания мадам по ОО, переписываю с ее листка, сообразно с которым она вела со мной беседу.

«1. Натуралистическая растянутость войны.

2. Очень затянуто начало части «Землянин», сцена Умника.

3. Несообразность мировоззрения Страны Отцов о строении их мира при высоком развитии их техники.

4. Странный конец, все запутывающий. Если Странник — землянин, то почему он с самого начала не взял Максима под контроль, не связался с ним, не помог разобраться? Роль Странника и его работа на Планете? Зачем он здесь?

Общая растянутость, длиннота».

Вот так. Кроме того, было категорически предложено УБРАТЬ все социологические соответствия с нашим миром,

[1] Здесь и далее — Воскресенская (в замужестве Фошко) Наталия Дмитриевна, дочь Е. И. Стругацкой от первого брака.

всячески затуманить социальное устройство Страны Отцов, чтобы не было никаких ассоциаций. Здесь, как я понял, дело сводится к вычеркиванию таких слов, как социал-демократ, коммунист и т. д.

Впечатление затянутости, положим, возникло у Мадам потому, что ей пришлось читать 18 а. л. в условиях спешки и ужасной жары. Насчет несоответствия мировоззрения я ей объяснил, но она все равно настаивала на еще одной-двух фразах в тексте, чтобы напомнить читателю о свойствах тамошней атмосферы. Серьезней всего — Странник. Как я понял, не нравится он им, не глядится он как представитель будущего человечества, надо где-то сделать еще одну вставку, приоткрывающую его железную маску. Не исключено, что придется слегка поступиться эффектом неожиданности в конце. Будем думать. На днях встречусь с Ниной и решим, как лучше: доделать повесть сейчас, в июле, или можно подождать до ее возвращения из отпуска в сентябре? Я склоняюсь к тому, что можно и подождать. Рукопись лежит у меня, пока ее будет иллюстрировать художник, пока что — чего ей зря валяться в Детгизе? Но это еще надо обсудить с Ниной и с тобой.

3. Деньги из «Костра» получил. Пришли номерок, когда выйдет.

4. В «Байкале» все, по-видимому, обошлось. Главный по-прежнему главный, других изменений тоже, кажется, нет.

5. СоТ сдаю в «Москву». Вчера был Макаров, забрал рукопись и повез. Теперь буду ждать письмо или телефон из редакции.

<…>

7. Что касается ЛитГазеты, то, на мой взгляд, дать им сейчас наши «планы и размышления» было бы безусловно полезно и даже необходимо. Сейчас сажусь писать. Понимаешь, такие вот вещи сразу прекратили бы всякие скверные слухи относительно нас с тобой, которые ползают среди читателей и издателей. Нам это совершенно ни к чему.

8. Начал оформление на работу. Закончу, видимо, в четверг.

Все пока. Целую и жму, твой Арк.

Поцелуй маму и Адку.

Письмо Бориса брату, 12 июля 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Я задержал ответ на твое письмо, потому что ждал сведений из «Невы». Теперь эти сведения получены: состоялась очередная редколлегия, вопрос об ОО не поднимался, ибо Попов СНОВА не успел прочитать роман. Читает уже больше полутора месяцев, скотина. В общем, надо набраться терпения. Срок одобрения истекает примерно в середине августа, и Попову таки придется принять какое-то решение. Пока я вырвал у них справку, что «Нева» не возражает против опубликования отрывка в З-С.

Из Ленфильма пока тоже ничего нового. Там есть свой попов — зав главной редакции мадам Головань. Судьба сценария на данном этапе зависит от нее. Прочитала сценарий Панова (как член редсовета 3-го объединения). Дала совершенно разгромную и очень глупую (по словам Лешки) рецензию. Это роли не сыграло — я уже получил от Рохлина официальную бумагу, что редакция принимает сценарий и решает передать его на рассмотрение редсовета студии. А вот попадет сценарий на редсовет или нет, зависит от мадам Головань. Пока мы имеем такую картину: в редсовете объединения прочло сценарий восемь человек — семь за, один против (Панова); в Главной редакции прочли двое — оба за. Слово за Головань.

Позавчера был в сберкассе — денег из Детгиза пока нет.

Замечания Мадам вполне умеренны, на мой взгляд. Как-нибудь вывернемся. Только вот мне не нравятся эти разговоры насчет затянутости. Хера! Не желаю ничего сокращать — и так 20 листов не выжали. А насчет Странника что-нибудь придумаем. Здесь в «Неве» он тоже не нравится. Тут главное — так изгильнуться, чтобы уступить только в мелочи, не разрушая образ и не теряя ударной концовки. В Детгизе, мне кажется, дело будет проще — там хоть убеждать можно. А здесь — стена.

Вышел «Костер». Постараюсь и тебе достать. Сам-то я пользуюсь Андрюшкиным. Рисунки неплохие получились.

Я тут перевожу и занимаюсь немножко астрономией. На всякий случай. Гм. Итак, можно ли считать, что мы договорились встретиться у тебя в конце августа? Отпиши четко и конкретно.

Пока всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет!

В вышедшем «Костре» врезка от Авторов была в стилистике, предложенной ранее главным редактором журнала:

АБС [Предисловие к первой главе повести-буриме «Летающие кочевники»]

Вдвоем фантастику писать можно, знаем по собственному опыту. А втроем?.. А вдесятером?.. Одна голова — хорошо, две — лучше, а десять, наверно, еще лучше? Правда, говорят, что у семи нянек дитя без глазу, но мы надеемся, что это не про нашу коллективную повесть.

Письмо Аркадия брату, 15 июля 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

Письмо получил. У меня тоже никаких особенных новостей нет.

С Ниной мы договорились, что отдадим в редакцию рукопись к тому времени, когда она вернется из отпуска — где-то к концу октября. К тому времени будут готовы иллюстрации, а с рукописью Нина не собирается долго валандаться. Прочтет еще разок — и в производство. Все равно ОО запланирован на третий квартал, то есть на второе полугодие 69-го. Так что я жду тебя в 20-х числах августа, будем работать. Это я пишу тебе четко и конкретно.

Был вчера в сберкассе — деньги пришли, 947 ру. Возможно, сюда же причислены два гонорара за рецензирование, не уверен. Отпиши, сколько получил ты.

Сейчас был у Девиса, он снова спрашивал насчет «Саргассов». Немного поморщился, когда я сказал ему, что готова всего половина. А зашел я к Девису вот почему. Приезжал

в Москву Борунь — ты, наверное, знаешь, польский фантаст. Приехал, то-се, а у него в «Мире» несколько рассказов вышли. Гонорарчик просит. Я устроил письмо из Инокомиссии СП, Девис организовал все остальное, получил Борунь 850 ру. В Польшу их тащить не имело смысла, купил он разных вещиц и поехал домой. А на границе наши таможенники отобрали у него справку о гонораре (эта справка дает право на провоз беспошлинно), а польские пограничники, справки не видя, содрали с бедняги Боруня 2500 злотых пошлины за ввоз советских товаров. Взвыл Борунь и написал Девису и Жене Вайсброту слезницы, чтобы срочно выслали ему копию справки. Вот я и ходил к Девису договариваться. Сегодня же и пошлют.

На работу я оформился. Получил статью для перевода, теперь пойду туда только 4-го августа — отнести готовый перевод, получить новый материал и зайти в кассу.

От статьи в ЛГ решил отказаться. Ну их. Что у нас за планы и размышления? Нету планов, а размышления больше о хлебе насущном. Перебьются. Честно говоря, лень было писать, да и некогда. Все в хлопотах.

Наташка готовится в МГУ на ВостЯз. Тяжко. Первый экзамен первого.

«Костер» вышли.

Пока всё. Целую и жму, твой Арк.

Привет Адке. Маме сейчас напишу.

Письмо Бориса брату, 19 июля 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Имеет место некоторый сдвиг со сценарием. Его прочла главред студии мадам Головань. Сценарий ей дико не понравился. Произошел скандал между нею и Рохлиным. Она нападала, он отбивал атаки. Всё было совсем как на Курской дуге. Когда мадам растеряла все свои танки и понесла уже с Волги и с Дону («это же все про Чехословакию и Польшу написано!..»), Рохлин перешел в наступление сам и добился, что сценарий был пропущен на худсовет. Это большая победа. Худсовет будет на той неделе, ориентировочно —

в среду. Лешка мобилизует общественность. Вокруг сценария назревает скандальчик. Ряд членов главной редакции, похвалив сценарий, срочно отбыли в отпуска. Ожидается, что на худсовете против будет выступать только мадам, остальные будут либо молчать, либо — «за». Посмотрим. Отпишу.

2. В «Неву» я не звоню. Не имеет смысла. Положение таково, что надо ждать истечения срока одобрения (середина августа). Меня, правда, не будет, но этим займется Саша.

3. Деньги из Детгиза получил — 950 руб. с копейками. Воспрял духом. Эдак, может, удастся продержаться до выхода ВНМ.

4. Лешка беседовал с Левиным из СовПиса (он друг их семьи). Прямо спросил его, есть ли шансы на опубликование УнС. Левин ответил: «Сейчас — практически нет никаких». По-моему, это лишний довод в пользу отнесения в СовПис ГЛ. Во-первых, можно будет там поговорить об УнС. Во-вторых, пристроить ГЛ — пусть полежит.

5. Звонил в «Костер». Обещали выслать по паре номеров тебе и мне.

6. Со статьей в ЛитГаз — правильно. Нечего сейчас там сотрудничать. Мараться только. Мне тут звонил Травинский — звал в поездку. Так он сказал, что надо продержаться с полгодика, а там все переменится. Многие считают, что с Нового года все станет по-другому и в лучшую сторону.

Вот пока и всё. Жди от меня еще одного письма.

Жму ногу,

твой [подпись]

P. S. Ленуське — поцелуи, а Наташке — ни пуха ни пера.

P. P. S. Между прочим, если бы ты успел к среде послать мне программку внешкольного чтения, где стоит ТББ, это было бы, по мнению Лешки, очень важно. Если даже не успеешь достать ее к худсовету — может пригодиться потом. Я тут просил маму, она много шуровала, но до Ленинграда, по-видимому, эта программа еще не дошла. Постарайся достать.

25 июля вышло интервью АБС в киевской газете «Комсомольское знамя» — то самое, которое просил в письме Никитин.

— Чем вы объясняете успехи фантастики в последнее время?

— Мы живем в чрезвычайно сложном, быстро изменяющемся и все усложняющемся мире. Проблемы, 20–30 лет назад казавшиеся совершенно фантастическими, вопросы, представлявшиеся детскими, наивными или чисто схоластическими, сегодня превращаются в насущные проблемы и неотложные вопросы. Литература существует для того, чтобы отражать окружающий мир в художественных образах. До сих пор она, прямо скажем, неплохо справлялась с этой задачей, но сегодня новый мир требует новых способов его отражения, требует освоения литературой новых тем, разработки новых художественных приемов. Классическая литература всегда была и остается сейчас чрезвычайно сильной при рассмотрении классических «вечных» проблем, но она пасует, когда ей приходится иметь дело с такими вопросами, как место человека во Вселенной; роль и сущность разума; проблемы космического человечества; проблемы возможных препятствий на пути прогресса. Этими вопросами занимается сейчас фактически только фантастика, разработавшая свои методы и систему своих художественных приемов, годных как раз для постановки таких проблем нового типа. Поэтому нам кажется: всё возрастающий интерес читателя к фантастике — это, попросту, есть всё возрастающий интерес к сложному миру, окружающему нас в нынешнюю эпоху гигантских социальных сдвигов и стремительно развивающейся научно-технической революции.

— Каковы, на ваш взгляд, истоки фантастики? Входит ли она в золотой фонд мировой литературы?

— Всё зависит от того, что считать фантастикой и что — золотым фондом. Впрочем, с фондом дело обстоит достаточно просто — это что-то вроде огромной полки, на которой выстроились всеми признанные произведения Достоевского, Шекспира, Л. Толстого, Пушкина, Диккенса, Фейхтвангера, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Франса

и других великих. Труднее договориться о том, что такое фантастика. Теории фантастики не существует, и приходится быть субъективными поневоле. Мы, например, решили для себя называть фантастическим всякое произведение, в котором используется специфический художественный прием — вводится элемент чего-то необычайного, небывалого, почти невозможного или даже невозможного вовсе. Так что для нас народные сказки, «Одиссея», «Путешествия Гулливера», «80 000 километров под водой», «Остров пингвинов» и «Туманность Андромеды» — всё это фантастика, разная по целям и средствам, но — фантастика. Поэтому с этой точки зрения фантастика имеет, несомненно, богатейшую историю (ибо первыми литературными произведениями были мифы, сказки и легенды), и вклад ее в золотой фонд, очевидно, велик: и Достоевский, и Пушкин, и Франс, и Щедрин пользовались приемами фантастики, а Гоголя, например, французские фантасты считают попросту родоначальником этого вида литературы. В золотой фонд мы включили бы и Свифта, и Апулея, и Кафку, но понимаем, что такого рода действия могут вызвать определенное недоумение читателя. Поэтому поговорим теперь о произведениях, которые общепризнаны фантастическими. Настоящая фантастика замечательна тем, что улавливает основные тенденции настоящего и экстраполирует их в будущее, предупреждая, подготавливая мировоззрение, помогая медленно меняющейся массовой психологии приспособиться к изменению мира. Это новая литературная задача, чрезвычайно важная, и занимаются ею пока только фантасты. А потому, на наш взгляд, такие произведения, как «Борьба миров» и «Человек-невидимка» Уэллса, «Война с саламандрами» Чапека, «451° по Фаренгейту» Брэдбери, вполне заслуживают места в золотом фонде.

— А над чем вы работаете сейчас и что есть у вас в задумке?

— Мы только что окончили большую фантастико-приключенческую повесть «Обитаемый остров», продолжаем работу над сценарием фильма «Трудно быть богом»,

прикидываем, чем заняться дальше. В задумке — три новые повести, но говорить о них еще рановато.

Желаем читателям «Комсомольского знамени» приятного чтения!

Письмо Бориса брату, 27 июля 1968[1], Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Итак, сценарий ТББ принят худсоветом объединения как законченный и рекомендован к скорейшей режиссерской разработке.

Произошло это в пятницу, а не в среду, как предполагалось. Присутствовало человек пятнадцать — режиссеры, сценаристы, редакторы, кинокритики. Пять или шесть человек прибыть не смогли и потому дали письменные отзывы. Выступило всего 11 человек. Было зачитано пять или шесть отзывов. Кроме Пановой, приславшей письменный отзыв, и главреда студии Головань, выступавшей устно, все были КАТЕГОРИЧЕСКИ за. Блестящую речь произнес наш друг и заступник Володин, очень хорошо говорил Виктор Соколов — режиссер («Друзья и годы»[2]), ты с ним знаком, он приходил в Комарово с Лешкой, хорошо говорил Рохлин, прекрасно выступил Шапиро — режиссер («Каин Восемнадцатый»[3]) и пр. и пр. Письменные отзывы были в силу своей естественной кратости сплошными панегириками, а Рахманов прислал развернутое сочинение, изобилующее мелкими придирками, но тоже панегиричное. Короче говоря, сценарий прошел на ура. Но более того! По мнению ряда опытных товарищей, это был первый в истории Ленфильма худсовет, где был публично, тщательно, со вкусом и бесповоротно разложен и выпорот главный редактор мадам Головань Ирина Павловна. Баба эта (я ее впервые увидел) произвела на меня очень большое впечатление. Конь с яйцами. Умница. Прекрасно подвешенный язык. Великолепная изворотливость и отточенная демагогия. И как ее выпороли! Боже,

[1] Датировка составителей.

[2] К/ф 1965 г.

[3] «Каин XVIII», к/ф 1963 г., реж. Н Кошеверова и М. Шапиро.

как ее пороли! Она пришла на худсовет, совершенно уверенная в том, что поставит в тупик всех своей демагогией и ядовитыми вопросами типа: «Разве нельзя изменить историю? А мы? Разве надо было чего-то ожидать, чтобы раздавить фашизм у нас, на Земле? Что это такое — бескровное воздействие?..» Она произнесла свою речь, выждав, пока будет спета главная песня (Володин), и это была хорошая, отточенная речь, умная, ловко построенная и изящная. Тогда выступил Лешка и выпорол ее. Но она еще дралась, она еще резала его контрвопросами и ловила его на ошибках и оговорках. Тогда выступил я и стал, по обыкновению, орать. Сначала она все еще извивалась, все пыталась сделать вид, что я отвечаю не на те ее вопросы, но я, не дрогнув, ответил и на те, я был очень марксичен, я цитировал классиков, я взывал к светлому будущему и революционному прошлому, и она замолчала, ей нечего было сказать, она еще улыбалась чуть презрительно — мол, ладно-ладно… ясно, мол… Но тут выступил Рохлин и принялся ее, уже разложенную, пороть. С наслаждением. Неотразимо. Отечески. И это был конец. Она уже больше не улыбалась, она шла красными пятнами, она с трудом досидела до 15 часов, когда должна была уйти куда-то на совещание, она сказала «Спасибо» (за что?), она удалилась. Так был выпорот главный редактор.

Что теперь будет? Сам факт принятия сценария и выпоротия главреда еще ничего не значит. Она может просто не подписать решение о посылке сценария в главк, и всё. Или даже подпишет, но при этом небрежно заметит (вскользь) директору студии, что ОНА НЕ УВЕРЕНА. И директор ни за что не пошлет такого сценария в госкомитет. В главной редакции уже, по слухам, образовалась стенка из граждан, которым сценарий не нравится — это те сотрудники, которые не ушли и не уходят в ближайшее время в отпуск, те, кто будет отвечать. Но многие из наших друзей настроены оптимистически. Они полагают, что такой худсовет бесследно пройти не может, что нельзя просто так, без скандала, зарубить сценарий, принятый худсоветом большинством 15:1. Уже готовятся быть напущены на дирекцию завобъединением Венгеров, Гранин, Володин и пр. сильные. Так что шансы

на то, что сценарий все-таки пробьется в главк, достаточно велики. И тогда нам будет немедленно выписано по 500 (а если через суд — то по 1000). Ну а что будет в госкомитете, не знает никто. Но это еще не скоро, это еще — через этап, это будет — через полтора-два месяца.

Вот и все мои новости. В понедельник я улетаю в Коктебель и следующее письмо пришлю тебе уже оттуда. Исхожу из того, что через месяц встретимся и поработаем.

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночку поцелуй.

Письмо Бориса брату, 4 августа 1968, Коктебель — М.

Пишу тебе просто так. Жру виноград, собираюсь жрать персики и — пишу. Дело, собственно, есть. Ко мне пристали в библиотеке, чтобы подарил книжку с подписью. Аркадий, мол, Натанович обещали, да не исполнили, так, может, вы, Б. Н.? Короче, пришли сюда, на мое имя какую-нибудь книжку со своей подписью. Я поставлю свою и вручу. Лучше всего, если пришлешь ПНвС, но можно что угодно. У них есть только ХВВ.

Лешка, скотина, ничего не сообщает, хотя, паршивец, обещал держать в курсе. Впрочем, возможно, там ничего не происходит. А может, он тебе что-нибудь сообщал? Он собирался ехать в Москву.

Мы с Адочкой дожевываем «Саргассы». А ты знаешь, ничего! Там дальше пошло повеселее, даже интересно.

Тут из знакомых пребывают: Брандис с супругой; Снегов (который «Люди как боги»); Гуревич (простудился, лежит с температурой). Мы с ними почти не общаемся.

Напиши чего-нибудь. А у меня все.

Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет.

И вам обоим привет от Адки.

P. P. S. Планы не изменились, I hope[1]? Мы уже заказали билеты на 21-е.

[1] Надеюсь *(англ.)*.

За время отсутствия БНа в Ленинграде поступили ответы из организаций. И случилось еще одно событие, повлиявшее как на весь соцлагерь, так и на творческую судьбу АБС. Но об этом чуть ниже.

Из архива.
Редакционное заключение по ОО из журнала «Нева»

6 августа 1968 года
РЕДАКЦИОННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
на рукопись бр. СТРУГАЦКИХ «Обитаемый остров»
(стр. 1–436)

Рукопись нового романа бр. Стругацких привлекает редакцию остротой социальной проблематики и гуманистическим пафосом.

Средствами политической сатиры авторы создают образ антидемократического государственного строя, основанного на системе массового оглупления трудящихся, на системе тотального подавления личности в интересах финансово-милитаристской олигархии.

Социальный анализ в романе опирается на злободневные факты. Сатира Стругацких имеет точный адрес. То, что в современном мире имеются тенденции, осуществление которых приводит к тирании, подтверждается совсем недавними событиями: установлением неофашистских режимов в Греции и Южной Родезии, введением «чрезвычайных законов» в ФРГ, волной политического гангстеризма, прокатившейся по США, и т. д. и т. п.

Особенная глубина изображения и точность нравственных оценок достигается в романе удачным, по мнению редакции, приемом: тирания «неизвестных отцов» исследуется здесь через восприятие и опыт молодого человека с Земли, человека из нового, коммунистического общества.

Всё это делает роман весьма актуальным и нужным.

Вместе с тем необходимо отметить, что авторскую работу нельзя считать завершенной. Возможности, заложенные в замысле романа, использованы не до конца. Концепция

вещи нуждается в уточнениях и прояснениях, ряд мотивов разработан недостаточно.

1. Так, заглушен в романе мотив социальной несправедливости, на которой основано общество, управляемое «неизвестными отцами». Да, страна находится в состоянии хронической войны, переживает огромные экономические трудности, ее экономика полуразрушена. Да, действует в полную силу полицейский аппарат, и тысячи людей ежедневно гибнут на каторжных работах. Идет процесс тотализации общества, личность стирается, превращаясь в рабочую единицу. Но ведь, несмотря ни на что, общество неоднородно, интересы составляющих его групп противоречат друг другу, идет борьба, и борьба прежде всего социальная… Авторы совершенно правильно указывают на это, но только указывают. Читателю, как и Максиму Ростиславскому, «не хватает информации». Редакция считает, что авторы должны подумать над тем, чтобы мотив социальной неоднородности общества в стране «Неизвестных отцов» и экономических оснований, на которых держится их диктатура, мотив несправедливости общественного устройства прозвучал в романе сильнее. Думается, что это нужно сделать экономно, несколькими штрихами. Редакция не считает возможным высказывать конкретные рекомендации, но полагает, что дополнительная работа в указанном направлении укрепит авторскую концепцию.

2. Представляется неоправданным, что в романе сравнительно мало места уделено изображению людей, борющихся против тирании «неизвестных отцов». Естественно предположить, что если Максим и может забыть фамилию Гитлера, о котором ему говорили на уроках истории, то уж о том, кто такие коммунисты, он не может не знать, как не может и не стремиться установить с ними связь любой ценой.

3. Образ коммунистической Земли, данный в романе беглыми упоминаниями, почти не выходит за пределы домашних обстоятельств Максима. Думается, что это неправомерно. Ведь опыт Максима, весь его жизненный путь связан прежде всего с Землей, и только через этот опыт, через сравнение, через ассоциации по контрасту и сходству может осу-

ществляться его знакомство с миром чужой планеты, только на базе исторических представлений, сформировавшихся на Земле, может быть выработана программа его борьбы.

4. Концовка романа, где один из «неизвестных отцов», столпов ненавистного Максиму общества,— Странник — оказывается Павлом Григорьевичем, работником Службы галактической безопасности, коммунистом-землянином — это концовка, рассчитанная на ошеломительный эффект (и достигающая его), представляется немотивированной. Видимо, чтобы не принять Павла Григорьевича за обыкновенного шпиона (что противоречило бы основным положениям, на которых основывается гуманистическая концепция романа), читатель должен иметь представление о том, чем занимается эта Служба и как соотносятся ее цели с употребляемыми ею средствами, что собирался противопоставить наивным попыткам Максима перестроить жизнь на Обитаемом острове зрелый и дальновидный Странник.

5. Редакция считает необходимым обратить внимание авторов на некоторые слишком очевидные аналогии и ассоциации с земными порядками и терминологией, равно как и на наличие откровенных «русицизмов».

6. Редакция отмечает значительное превышение объема рукописи по сравнению с обусловленным Договором и считает необходимым произвести сокращения по крайней мере в журнальном варианте романа с тем, чтобы он не превышал 12–13 авторских листов. По мнению редакции, есть все возможности для такого сокращения, которое не будет нарушать художественной целостности произведения. Опубликовать роман большого объема у журнала нет физической возможности, особенно учитывая, что он планируется на первый квартал 1969 года.

Срок представления рукописи после доработки устанавливается 1 октября 1968 года.

Главный редактор
А. Ф. ПОПОВ
Член Редколлегии, зав. отделом прозы
В. Н. КРИВЦОВ

Из архива.
Письмо БНу из журнала «Нева», 8 августа 1968

Дорогой Борис Натанович!

Много раз пытались связаться с Вами и братом по телефону, но ни тот, ни другой телефон не отвечает и поэтому приходится отправить Вам редакционное заключение по почте.

Наверное, Вы не найдете в нем чего-то нового для себя. По всем этим вопросам мы с Вами уже неоднократно беседовали. Надеюсь, что те советы и замечания, которые в нем содержатся, не потребуют от Вас большого труда, но выполнение их, по нашему общему убеждению, поможет прояснить авторский замысел с большей отчетливостью.

Хотелось бы как можно скорее встретиться и обсудить все конкретные вопросы относительно рукописи в деловой товарищеской обстановке.

Срок представления рукописи указан, мы планируем опубликование романа на первые номера будущего года.

С сердечным приветом В. Кривцов

Из архива.
Письмо к АБС с «Ленфильма», 13 августа 1968

Уважаемые Борис Натанович и Аркадий Натанович!

Вы знаете, что Художественный совет объединения, на одном из заседаний которого был принят Ваш сценарий,— орган совещательный, его функции ограничиваются рекомендациями в адрес руководства студии. Окончательное же решение вопроса о судьбе сценария и возможности постановки по нему фильма — прерогатива директора студии.

И. Н. Киселев сейчас находится в отпуске, и для выяснения дела, в котором мы крайне заинтересованы, потребуется время. Как только совещание по этому поводу состоится, мы сообщим Вам о его результатах.

Директор 3-го творческого объединения

Г. Д. Малышев

21 августа войска Варшавского договора вошли в Прагу. Вот как вспоминает молниеносное влияние этого события на творческие планы «Ленфильма» кинорежиссер Алексей Герман.

Из: Герман А. Трудно быть Германом: Особенно, когда запускаешь новую картину

Мы писали сценарий с Борисом Стругацким. Одной из ключевых фраз для нас была «умные нам не надобны, надобны верные». И вся наша игра с властью кончилась с вторжением советских войск в Чехословакию 21 августа 68-го. В день вторжения я получил в Коктебеле телеграмму: сценарий закрыт, работа закончена. Когда позвонил на «Ленфильм», мне сказали: «И думать забудьте!» Хочу напомнить: в повести история заканчивается высадкой войск Черного Ордена, оккупацией страны.

Из: Петр Вайль — Алексей Герман. «Трудно быть богом»,— сказал табачник с Табачной улицы

П. Вайль. Как получилось, что ты зацепился за Стругацких? Почему? Вещь, написанная тридцать пять лет назад, почему вдруг она возникла?

А. Герман. Она возникла еще в 68-м году. Мы начали писать сценарий с Борисом Стругацким, написали первый вариант, его приняли, закончили второй вариант 20 августа 1968 года. Нашел место и время — как в старом анекдоте. Там, в «Трудно быть богом», королевство и так довольно хреновенькое, а в финале вторгается Черный Орден, который уже задушил всё, и герою остается только одно: браться за меч и рубить эту погань всмятку, что невозможно, потому что ее столько, что все равно никогда не вырубишь. Такое государство фашистского типа. Чуть-чуть нас напоминает, но не очень. Никаких прямых ассоциаций у нас не было. 21 августа 68-го я прибываю в Крым, в Коктебель, там очень красиво, и поступают первые сообщения, что вот этот город — Прагу, где мы сейчас с тобой разговариваем,— навестили

триста тысяч солдат. Как сказал тогда Стругацкий: «Это просто продовольственная помощь — послано шестьсот тысяч яиц в оригинальной упаковке типа “солдатские брюки”».

П. Вайль. Я очень верю в рифмы жизни, они никогда не бывают случайны и просты, но тут уж в самом деле фантастические параллели, да? Обвал с фильмом из-за Праги и приезд в Прагу через тридцать два года, чтобы его снимать.

А. Герман. Учти еще, что в тот же день, 21 августа, я знакомлюсь со Светланой, на которой я женат с тех пор, так как брак произошел после знакомства очень быстро. Я помню рыдающего на скамейке писателя Аксенова, он, может быть, немного выпил и рыдал в Коктебеле на море. А я, простите меня, друзья-чехи, в то время не только думал о вас, но и ухаживал за Светланой, ходил вокруг нее кругами и умничал, что Чехословакия — зона интересов России и что этого, то бишь вторжения, ожидали от нашего государства.

П. Вайль. У тебя такая идея возникала?

А. Герман. Да, абсолютно. Я всегда считал, что тогдашние власти никогда ничего своего не отдадут, никаких перемен к лучшему быть не может, только к худшему, что это зона интересов России, политические штучки, от которых пострадают несколько сотен чехов, и все, как и в Венгрии, замолкнет.

П. Вайль. Очень интересно, потому что мне было тогда восемнадцать лет, и я тоже искал объективности и целесообразности. Не то что оправдывал, но аргументы «за» тоже находились. Я думаю, это именно от безысходности: ты соглашаешься с положением вещей не потому, что оно тебе нравится, а потому, что это положение вещей, которое ты не в силах изменить.

А. Герман. Светлана, наоборот, была дикая противница, в меня летели тяжелые книжки. Еще был Саша Курляндский, который тоже говорил, что это невозможно, был в Москве Лев Копелев, который кричал, что это такой стыд, что в ближайшие дни мы будем свидетелями того, как русская армия повернется и уйдет, не вынеся осуждения общественного мнения. Сумасшедший дом. Я тут же позвонил на студию, и мне сказали: «Алексей, забудьте думать про это кино. Мы

вам советуем даже книгу куда-нибудь выкинуть, потому что — вы сами понимаете». То есть ничего не объясняли.

П. Вайль. А чего объяснять, в этом же и хитрость была того общества, что вроде все друг друга во всем понимали — как это называлось, соблюдали правила игры. Распространенная и пакостная была точка зрения — такой общественный сговор.

В это время БН приезжает к брату в Москву — работать.

Рабочий дневник АБС

22.08.68–30.08.68
в МСК
1). Правили ОО.
2). Чистили перевод SoS.
3). Идея ЛиБ.

Письмо Бориса брату, 5 сентября 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Наконец-то появились какие-то новости, есть о чем писать.

1. Вчера был в «Неве». Официальная беседа. Присутствуют: Попов А. Ф. (б. «Торговля чаем»[1]), Кривцов В. Н., Лурье С. А. и я. Слушали: редзаключение по ОО. Очень много разговоров по типу шевеления пальцами, «здесь нам не хватает… вы понимаете?.. Недостает, так сказать… А хотелось бы! Ах, как хотелось бы…» Я встал на жесткую позицию: давайте нам четкие конкретные указания и тогда все бу-сделано[2]. Через час Попов А. Ф. (б. «Торговля чаем») отчаялся и признался, что к этому разговору редакция не подготовилась… «прошел месяц все-таки… нам пришлось иметь дело с горой материалов… Конкретные замечания забылись…» Короче говоря, постановили: встретиться вторично в следующую среду

[1] Это вывеска на одной старинной фотографии улицы старого Петербурга. Показалось забавным и было взято на вооружение.— *БНС*.

[2] Рефрен из монолога А. Райкина.

и уже во всеоружии, то есть с конкретными четкими предложениями. Пока ясно следующее. Попов вроде бы все-таки намерен печатать роман. Отведены для него 2, 3, 4 номера на следующий год. Вроде бы даже готовится анонс. Наш план сокращений не принят («слишком грубо… нельзя так обижать читателя… это испортит роман…»). Редакция предложит конкретные сокращения кусочно-абзацного типа. Я не стал спорить. Посмотрим. Очевидно, придется выбросить слова типа «родина», «патриот», «отечество» и пр. Нельзя, чтобы Мак забыл, как звали Гитлера. Надлежит уточнить роль Странника. Заменить Комиссию по галактической Безопасности другим термином, с другими инициалами. (Кстати, хорошо бы придумать что-нибудь вроде Комиссии по помощи иным цивилизациям, а то слово «Безопасность» совершенно сбило их с толку — они искренне решили, что Странник нечто вроде стукача на этой планете. У них ассоциации: служба безопасности, СД, гестапо… понимаешь? А надо бы, чтобы в самом названии были слова «помощь», «переделка истории», «подготовка к коммунизму» и т. п.) Вопрос о 60 процентах я пока не поднимал, но Саша полагает, что время настало. В следующую среду подниму. От тебя требуются две вещи: прислать текст Песни легиона и придумать — на выбор — несколько названий для Комитета.

2. Сегодня позвонил Лешка. Приехал, не выдержал. Сегодня же отправится на студию ругаться. Намерен грозить, что Стругацкие возмущены до предела и уже строчат яростные письма во все редакции.

3. Пришла бандероль из Болгарии. Пять экзов перевода ТББ и ПНвС. Здорово издали. На родине нас так не издают.

4. Прислал письмо корреспондент ленинградской «Смены». Жаждет взять интервью. Я думаю отказать. Не время сейчас поганить свое имя болтовней.

5. Был у мамы. Она ничего. Хочет поехать куда-нибудь в дом отдыха. Мы с Адкой ищем ей путевки, каждый по своей линии, но пока — ничего.

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет и поцелуи.

Письмо Аркадия брату, 11 сентября 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

Письмо получил. Задержался с ответом, потому что надеялся на новости. Однако новостей нет. Разве что — был в «Мол. Гв.», никого там не застал, но узнал, что сигнал «Стажеров» запланирован на нынешний месяц. Вот и все новости.

Песню Легиона пока не посылаю — рукопись у Нины, а я у нее еще не был. Что касается названия Комитета, то — черт его знает, ничего приличного в голову не приходит. Разве что Комитет Помощи Слабым Силам? Или Комитет Поддержки Социалистического Сознания? Бредятина это все. Поставь любое сокращение, какое тебе придет в голову. В Детгизе это сокращение сомнений не вызвало, ну и ладно.

Помаленьку перевожу, перевод идет легко, пять страниц за два часа. Только скучно, и еще пальцы устают.

Ну, пока всё. Целую, обнимаю,

твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Письмо Бориса брату, 13 сентября 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Пришло, наконец, твое письмо.

1. Получил от «Невы» конкретный список необходимых доделок. Список невелик. Надо вставить пять-шесть маленьких абзацев, в основном, на тему: социальное неравенство в Стране Отцов. С сокращениями решили так: изъять почти всю часть с приключениями от момента, когда Мак с Гаем встречают южных выродков, включая войну, до главы с Умником. Получается довольно естественно, а в главу с Умником добавить несколько рапортов о том, чем занимался Мак все это время. Я не возражал. Я только добиваюсь теперь еще одного свидания с Поповым, чтобы он санкционировал при мне эти исправления и дал гарантии, что больше ничего не

потребует. Главным образом, я жму на то, что недавно купил мебель и сильно издержался, а потому, как там насчет 60 %? Пока добился того, что одобрение выписано и отправлено в бухгалтерию, но Попов говорит, что деньги за третий квартал истрачены и, возможно, придется подождать числа до 10-го октября. Это всё важно, ибо выяснилась страшная вещь: оказывается, рукопись еще не читал Некрасов, местный Жур. Саша говорит, что пока в редакции этой вещи никто не понял, а Некрасов со своим сверхъестественным чутьем может понять, спинным мозгом учуять, и тогда беда! Так что нужно продержать его в отдалении от рукописи по крайней мере до момента получения 60 проц. Короче, высылай мне Боевой Марш и еще: санкционируй, пожалуйста, разрешение исправить в невской рукописи только Гвардию на Легион, не изменяя лейтенантов на ротмистров. Не хочу я привлекать излишнего внимания. Может, хватит этого? Помоему, вполне хватит. Журнальный вариант, то, се… А?

2. Неделю назад звонил Лешка. Рассказывал, как все произошло. 21-го августа Головань вызвала к себе директора объединения и сказала, что все, сценарий она закрывает своей властью, ничего больше не желает слышать, пишите отказ авторам. Все, кто там был, естественно, переср… и промолчали. Лешка считает положение безнадежным. Он даже больше не верит, что нам удастся хоть что-нибудь отсудить. И верно — я посмотрел договор: сомнительно! Сейчас Лешка уехал в Москву, захватив сценарий — хочет его там кому-то показать, где-то жаловаться… но все это так, барахтанье. Кончилась наша с тобой ТББ-карьера.

3. Между прочим, ты говорил, что Бела перевела нам 40 проц. Так я был неделю назад в сберкассе — хера!

4. Будь добр, позвони Ариадне, выясни у нее координаты Бестужева-Лады и пришли мне. Наша секция хочет выписать его на предмет прочтения доклада о футурологии. Мне поручили выяснить его телефон и адрес.

Пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет.

Письмо Аркадия брату, 17 сентября 1968[1], М.— Л.

Дорогой Борик.

Получил письмо, отвечаю незамедлительно.

1. В пятницу вызвала меня к себе Нина Матвеевна, вручила рукопись с отдельными поправками и велела ее к будущей среде привести в рабочий вид, ибо она уходит в больницу и хочет успеть сдать в производство. Три дня мы с Ленкой потели: надо было заклеить все черные места кусочками бумаги с «ротмистрами» и «легионерами», перепечатать некоторые неисправимые страницы, перепечатать и подклеить неисправимые части многих страниц; надо было отпечатать так наз. «заголовки» и «чужие шрифты» (это все рабочая редакторская терминология), а также оглавление; надо было, наконец, написать редакторскую аннотацию. Мы прошли через все это, и вчера вечером, вымазанные клеем, с опустошенными душами, попирая ногами горы обрезков бумаги с напечатанными там «ротмистрами» и «легионерами», присели отдохнуть. Сейчас еду в Детгиз отдавать рукопись, а Нина сдает ее — возможно, сегодня же — в производство.

2. Слушай «Марш Боевого Легиона»! Тра-та-та-та… та-та!

Вперед, легионеры, железные ребята!
Вперед, сметая крепости, с огнем в очах!
Железным сапогом раздавим супостата!
Пусть капли свежей крови сверкают на мечах…

Железный наш кулак сметает все преграды.
Довольны Неизвестные Отцы!
О, как рыдает враг! Но нет ему пощады!
Вперед, легионеры-молодцы!

3. Санкционирую менять только Гвардию. Пущай лейтенант остается. А что ждать до 10-го октября — подождем. Может, вместе сходим там и получим.

[1] Датировка составителей.

4. Стерва эта ваша мадам Головань. Никакого почтения к творческой интеллигенции. Не полагаешь ли ты, что самое время писануть возмущенное письмо — куда-нибудь, это все равно, но с копиями непременно во всякие инстанции? Что по этому поводу думает Лешка? Удастся ли достать копию решения худсовета?

5. Да, 40 проц. из Мол. Гв. я тоже что-то не вижу. Наверное, забыла, голова садовая. Это у нее бывает. Нынче же зайду и посмотрю. И кстати, я ни ее, ни Сергея уже месяца три не видел. Только раз по телефону говорил.

6. С переводом продвигается туго. Возможно, ты и прав. Попробуем переводить с листа. Очень там все просто, а рука писать устает.

7. Бестужев-Лада Игорь Васильевич. Москва Д-100, <…>

Вот пока всё. Крепко обнимаю, жму, твой Арк.

Целуй Адку.

Письмо Бориса брату, 22 сентября 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Задержался с ответом по причине марочек. Да, собственно, и не происходит ничего особенного. Неторопливо ввожу поправки в ОО. Тоже измазан клеем, а равно попираю ногами резаную бумагу. Поправки уже ввел, но Саша советует не спешить — показать, во-первых, какую гигантскую работу приходится проделать, а во-вторых, подольше продержать Некрасова вдали от рукописи. Я звонил в бухгалтерию, обещали деньги перевести вскорости — и тебе, и мне. Вот когда переведут, пусть тогда Некрасов и читает.

Звонил Лешке. Он полагает положение безнадежным, но обеими руками голосует за то, чтобы мы учинили скандал. Впрочем, он поехал в Москву и взял твой телефон, так что вы там

Пришли гости, и письмо пришлось прервать. Продолжаю на другой день. Итак… так что вы там договоритесь обо всем.

Приглашали меня выступать аж в три места. Отказался.

Я забыл тебе написать, что в газете «Комсомолец Украины» опубликовано наше интервью под названием «Стругацкие о Стругацких». Так вот сегодня пришел гонорар — 13 руб. 59 коп. Считай, что я должен тебе еще 6 руб. 79.5 коп. Перевод почему-то на Стругацкого А.

А жаль, что сценарий провалился. Тут Саша Лурье мне рассказал, как пару месяцев назад на одном суаре (состоящем из водки с соответствующим гарниром) он присутствовал при разговоре Товстоногова с Козинцевым. Киты рассуждали о ТББ. «Интересно… Он, понимаете ли, может быть богом… Понимаете? Но не хочет, знаете ли… Очень интересно…»

До сих пор не понимаю, поехал ты в Ташкент или нет. Во всяком случае хорошо бы увидеть тебя числа первого. Работнем! Железным сапогом раздавим супостата.

Ну вот пока и всё. Жму ногу, твой

[подпись]

P. S. Ленуське привет.

Как там Наташка в новом-то качестве?

21 сентября на 35-летии Биленкина в числе гостей, помимо АНа, был и Ярослав Голованов, который писал по поводу встречи с АНом:

Голованов Я. Заметки вашего современника: Из записных книжек Ярослава Голованова

Сентябрь — декабрь 1968 г.

Москва — Тбилиси — Москва — Байконур — Караганда — Байконур — Москва

День рождения Биленкина (см. зап. кн. № 14). Аркадий (Стругацкий Аркадий Натанович, писатель-фантаст.— *Я. Г.*) невероятно интересно рассказывал об истории Японии: ведь он еще и японовед. Я приставал к нему, чтобы он мне написал тушью японскими иероглифами на руке заветное слово из трех букв.

Письмо Аркадия брату, 26 сентября 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

Еле дождался от тебя письма. Думал, что-нибудь серьезное происходит, и ты выжидаешь исхода. Ну, ничего так ничего.

Значит, так. Я приеду пятого или шестого, потому что четвертого должен быть на работе. Переводить я бросил, об этом я уже писал, устает рука, и всё бессмысленно, слишком много времени уходит на писанину. Черт с ним, будем с листа. Железным сапогом и чем там придется впредь, тоже железным.

Был у Белы, спросил насчет 40 %, она удивилась, сказала, что давно уже распорядилась перечислить. Там у них практикантик молодой этим занимается, вероятно, напутал что-нибудь. Обещала выяснить и уехала в Сухуми. Вот так-то. Да шут с ним, говорят, сигнал будет со дня на день.

Лешка не звонил. Звонил Саша Копылов, передавал устные приветы от тебя, тем все и кончилось. Хотел я его к себе пригласить, благо было воскресенье, но в этот день мы сидели с Шилейкой и рубили японские патенты. Саша обещал еще позвонить, впрочем. Может, тогда повидаемся.

В Детгизе пока без перемен. Нина, прячась за нашу рукопись, отсиживается дома. Сдает в эту пятницу, т. е. завтра. Так что я, как всегда, зря торопился. А впрочем, и не зря. Все гора с плеч.

Из «Ангары» никаких сведений не поступало. Поэтому в «Москву» ходить пока воздержался.

В Ташкент, легко видеть, я не поехал. Во-первых, очень расхотелось в такой обстановке, а во-вторых, и всё равно не послали бы — из всея Японии приехал один только Хотта, так что нечего там японисту делать.

Пока всё. Пиши.

Целую, жму, твой Арк.

Поцелуй Адку и Росшепера. А с Наташкой чуть не каждый день занимаюсь японским до часа ночи.

Письмо Бориса брату, 1 октября 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Новостей существенных нет, однако же — пишу, надеюсь, в последний раз перед твоим приездом.

1. Вчера был у меня Саша Лурье. Мы с ним проглядели рукопись ОО, учли кое-какие заметки на полях, кое-какие не учли, оставив впредь до выяснения, и я вручил ему рукопись. Он настроен мрачно. Попов уходит в отпуск, вместо него остается Некрасов, а это означает, что все начнется сначала. Некрасов прочтет рукопись, заявит, что это плевок в лицо советской власти и потребует бредовых корректур. Правда, к тому времени мы уже получим наши 60 % и сможем поплевывать, но все равно — невесело. Ладно, там видно будет.

2. Пришли деньги из Иркутска (из «Ангары»?) — 176 р. 60 коп. Без пояснений на обороте. Если за СоТ, то почему так мало? Если не за СоТ, то за что же?

3. Очень хорошо, что ты не поехал в Ташкент. Не к чему сейчас честным людям высовываться. У меня тут был корреспондент из «Смены» на предмет интервева[1]. Я, естественно, отказал. Он спросил, почему. Несколько секунд мы осторожно принюхивались друг к другу, а потом дружно понесли, что все несут. Он меня понял, хотя и был огорчен. Интервев отложили на полгода. Обменялись вместо этого информацией, а кроме того, я дал ему СоТ — для возможного напечатания отрывков. Объяснил про «Ангару», но он сказал, что это их не касается.

4. Люди, приехавшие из Одессы, рассказывают, что там продается с рук машинопись ГЛ — 5 руб. штука. Ума не приложу, каким образом это произошло. Я давал только проверенным людям.

5. Сейчас поеду к Гору, возьму у него «День Быка» (б. «Долгую зарю»)[2]. Он прочел и сказал, что это любопытно, но совершенно нехудожественно. Все равно интересно.

---

[1] Шуточная транслитерация слова «interview» — «интервью» (*англ.*).

[2] Точнее, «Час Быка» И. Ефремова, первоначальное заглавие которой в рукописи было «Долгая заря».

6. Мама уже нас ждет и деятельно готовится. Эх, и работнем! А главное, поговорим о дальнейших планах. Вы хочете планов? Их есть у меня[1]. Ничего нового, но как-то я понемногу разгораюсь на ЛиБ (название условное). По-моему, можно здесь развернуться.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Насчет Комарова я пока еще ничего не предпринял. Мама очень против. Займусь в остатние деньки.

P. P. S. Ленуське — поцалуи!

И снова съезжаются Авторы в Ленинграде. Они занимаются переводом повести «Саргассы в космосе» и продумывают сюжет ГО.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

К ЛиБ: Боги исследуют вопрос о разумности. Что есть разум? Как мы изучаем обезьян и собак. Страшный удар для узнающего: «Они не считают нас разумными!»

Что есть разум?

Наблюдаемая деятельность богов — тесты.

Один из героев умирает. Вспоминает, как умер Калям — один, молча. «Он вытянул из-за пазухи пистолет, подождал, пока пришелец подойдет поближе, и выпустил в него всю обойму».

6.10.68

Арк прибыл к маме. Делаем SoS.

Ранее сделано 28 (30)

Сделали 7 стр. 35 (37)

В Апокалипсис: город, которым управляют мертвые, заставляя жить живых по законам мертвых.

7.10.68

Сделали 13 стр. 48 (49)

8.10.68

[дневник приездов: 8.10.68. Приехал 5.10.68 переводить «Саргассы». Замысливается «Люди и боги».]

[1] Ср. строку Саши Макарова «Вы просите песен, их нет у меня» и последующее «Вы просите песен? Их есть у меня» (одесская песня 20-х годов, цитирующаяся в «Интервенции» Л. Славина).

Сделали 11 стр. 59 (60)
9.10.68
Сделали 12 стр. 71 (72) Б. едет домой.
Новелла: шахматы, когда фигуры — люди.
Следователь.
10.10.68
[дневник приездов: 10.10.68. Без 10-ти страниц половина.]
Сделали 14 стр. 85 (87)
11.10.68
Сделали 12 стр. 97 (101)
12.10.68
Сделали 12 стр. 109 (113). Идем к Наталье.
13.10.68
Сделали 11 стр. 120 (124). Черновик кончился.
14.10.68
Сделали 12 стр. 132 (138)
15.10.68
[дневник приездов: 15.10.68. Осталось 40 стр.]
Сделали 12 стр. 144 (151)
16.10.68
Сделали 11 стр. 155 (163)
Б. едет домой.
17.10.68
[дневник приездов: 17.10.68. Осталось 16 стр.]
Сделали 12 стр. 167 (176)
Б. заболел.
18.10.68
[дневник приездов: 18.10.68. Осталось 5 стр.]
Сделали 10 стр. 177 (186)
19.10.68
[дневник приездов: 19.10.68. Конец СК. Завтра уезж.]
Сделали 6 стр. и ЗАКОНЧИЛИ НА 183 СТР.
20.10.68
[дневник приездов: 20.10.68. Отъезд.]
Арк уезжает.

Письмо Аркадия брату, 24 октября 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

Даю информацию.

1. «Стажеры» обещают выдать сигналом к праздникам. Я было испугался, что задержка из-за цензуры, но оказалось, всё в порядке, главлитуру книга давно прошла, только в типографии не выполняется план.

2. ОО в порядке, Макаров давно сделал рисунки, только у него еще их не приняли, потому что некому подписать: ММ уехала в ГДР, а Нина лежит в больнице. Макаров едет в больницу и там подпишет.

3. Девис прочитал СвК, ему очень понравилось, но он требует предисловия. Что ж, буду писать. Потом пришлю тебе.

4. Вышло постановление ЦК, посвященное 50-летию ВЛКСМ. Там, в частности, сказано что-то вроде: необходимо развивать фантастику, ибо этот жанр популярен у молодежи и может играть большое пропагандистское значение. По слухам, упоминание о фантастике включено в постановление по предложению Академии Общественных Наук, где высказались за необходимость всяческого поощрения социальной фантастики.

5. Вчера состоялось заседание рабочей группы, делал доклад Бестужев. Я не пошел и, как говорит Девис, правильно сделал, ибо ничего нового Бестужев не сказал. Однако вот что там было еще: этот Институт рабочего движения[1] пожелал иметь у себя на общественных началах группу фантастов-прогнозеров, поэтому вчера была избрана инициативная тройка. С товарищем Вунюковым во главе.

6. Из «Ангары» Ариадне написали, что все в порядке, только никак не могут отпечатать тираж, что-то опять с иркутской полиграфией неладно. Но днями все уладится, и вышлют сорок экзов.

Вот все новости. Да, Нудель звонил и страстно просил нас отнести сценарий ТББ в журнал «Искусство кино».

[1] Институт международного рабочего движения АН СССР.

Я что-то промычал и не стал пока хвататься за это дело. И еще — телевизионщики собираются создавать худсовет или что-то в этом роде для своей редакции фантастики.

Жду письма. Целуй Адку и Росшепера.

Поцелуй маму. Жму, твой А.

Письмо Бориса брату, 27 октября 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Отвечаю немедленно.

1. Звонил в «Неву», говорил с Сашей. Там пока всё без перемен. Некрасов ОО не читал, и Саша прилагает все усилия, чтобы он и не успел прочесть до конца ноября, когда пойдет в производство второй номер. Первый номер уже в печать отправлен.

2. Был в Литфонде. Подал заявление на Комарово, на 15 дней в январе. Заявление приняли без замечаний и исправлений. Там же купил прекрасной финской бумаги, на коей и пишу сейчас тебе. Великолепная бумага! Даже жалко ее пользовать.

3. Рад тому, что пока всё в порядке и с ВНМ, и с ОО, и с СвК. Предисловие к СвК пиши и присылай.

4. Хорошо было бы получить от тебя и издание ДР, что в Буэнос-Айресе. А я бы взамен выслал тебе экземпляр сценария. И были бы мы тогда в известном смысле квиты.

5. Никого не видел. Звонил мне Дмитревский. Судя по всему, очень ему хотелось побеседовать насчет «Сов. России», но я пресек. Однако же от разговора не уйти, это я чувствую. Ужо в четверг на заседании поговорим.

6. Нашел я, наконец, кому давал ГЛ. Оказывается, Мишке Хейфецу. Встретимся, обсудим.

7. В общем, предаюсь безделью и вывожу разные формулы. Почитываю кое-что, но ничего существенного для ЛиБ не нашел. Обдумываю идею: человек есть существо творческое. Это отличает его от животных — стремление творить, т. е. создавать нечто, до сих пор в природе не существовавшее. Это основное отличающее человека от животного

свойство переплетается в нем (в человеке) с нормальным стремлением создать оптимальные условия существования и порождает огромное количество комплексов, ибо стремление к творчеству есть почти у всех, а способностей почти ни у кого нет.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет.

Выходит первая, нормальная (серьезная), в серьезном журнале рецензия на «Перецевскую» часть УНС. С разбором и критикой статьи Александрова. Из-за большого ее объема здесь она дается в сокращении.

Сокращены нами в основном отрывки из самой УНС, щедро цитируемые автором рецензии. Он словно предвидел, что на долгие годы его статья станет единственным доступным источником фрагментов запрещенной повести АБС. Поклонник Авторов, вознамерившийся прочесть у них ВСЁ, зачастую проходил такую цепочку: статья Ариадны Громовой «Стругацкие» в 7-м томе «Краткой литературной энциклопедии»; список литературы, подверстанный к этой статье; упомянутая там рецензия Лебедева. Ну а дальше, если уж очень хотелось прочесть УНС, СОТ, ГЛ, нужно было решаться на знакомство с «самиздатом». Последствия этого могли быть весьма печальными. Однако в большинстве случаев «бог миловал»…

Из: Лебедев А. Реалистическая фантастика и фантастическая реальность

<…>

Да и вообще даже самая что ни на есть фантастическая мысль отражает, как известно, пусть в самом фантастическом виде, какие-то вполне реальные обстоятельства. И, стало быть, ее можно проанализировать с этой — реальной — точки зрения. Только вот зачем же все-таки отражать реальные обстоятельства в самом фантастическом виде?

Затруднительно сколько-нибудь связно изложить сюжет нового произведения Стругацких. В общем же, речь идет о различных диковинных злоключениях двух героев. Одного зовут Перец. Он — филолог по образованию — попадает в некое Управление, которое занимается Лесом. Что такое

«Управление», читателю должно быть — хотя бы в общих чертах — известно. А вот «Лес» — это не лес, это, как предупреждают нас сами авторы повести, «скорее символ непознанного и чуждого, чем само непознанное и чуждое, по необходимости упрощенный символ всего того, что скрыто пока от человечества из-за неполноты естественно-научных, философских и социологических знаний». И еще авторы говорят, что «читателю не следует ломать голову над вопросом, где же именно происходит действие: в глухом неисследованном уголке Земли или на отдаленной фантастической планете. Для понимания повести,— как они полагают,— это не играет роли»…

Перец очень хочет попасть на Биостанцию при Управлении и оттуда в Лес, который давно уже манит его своими тайнами. В ту же пору по Лесу блуждает другой герой повести — Кандид, который тщится добраться до Биостанции, вернуться к людям. Но Управление устроено так, что попасть из него в Лес крайне трудно. А Лес «устроен» так, что он знать ничего не знает и знать ничего не хочет ни о каком Управлении, и выбраться из него почти никакой возможности нет.

<…>

Странная, действительно, фантастика (если не странно говорить так о фантастике) окружает героев новой повести. Прыгают по Лесу деревья, какие-то полурастения-полуживотные припиявливаются к людям, «мертвяки» — киберы охотятся за тупыми, одичавшими жителями лесных сел. А в Управлении кипит бессмысленная деятельность, составляются дикие директивы, на испорченных счетных машинах подготавливаются материалы для каких-то сводок, чиновники осваивают смежные специальности, а в рабочее время режутся в шахматы и надираются кефиром до потери человечьего облика… В Лесу хозяйничают какие-то «высшие существа», насаждающие прогресс посредством искоренения всего человеческого в людях. И сквозь всю эту кривляющуюся несуразицу, сквозь всю эту пошехонщину и чертовщину проходят два современных человека — два главных героя повести,— они недоумевают, и ужасаются, и стараются как-то

разобраться в закономерностях этого незакономерного мира, в котором все перепутано: то, что бывает, с тем, что не должно быть, а то, чего не может быть, с тем, что, того и гляди, будет. Этот мир соткан из самых разноречивых тенденций общественного бытия. Это невероятный мир. Это мир разного рода общественных потенций, порой весьма мрачных. Перед нами как бы эмбрионы тех или иных вероятностных феноменов будущего — того будущего, которое возможно, если дать этим эмбрионам развиться. В повести эти эмбрионы рассмотрены под микроскопом, возможность дается в перспективе, претензия материализуется, мизерное оказывается чудовищным, мы видим воочию то, чего не должно быть, фантастика вырастает из окружающей действительности.

Впрочем, Стругацкие тут не делают никаких открытий. В сущности, они вполне следуют известному принципу: видеть и изображать жизнь в ее развитии. Все дело лишь в том, что они не хотят уподобиться теологам, ибо разве лишь теолог способен еще в наш век веровать в фатальную предопределенность прогресса и не понимать, что «развитие жизни» вариантностно.

<…>

«…Нет, не станет машина умнее человека! Потому что я… потому что мы… Мы не хотим этого! И этого не будет никогда!!! Никогда!!!» К нему потянулись со стаканами воды, а в четырехстах километрах над его снежными кудрями беззвучно, мертво, зорко прошел, нестерпимо блестя, автоматический спутник-истребитель, начиненный ядерной взрывчаткой…»

Кто теперь со спокойной совестью может отрицать, что это абсолютно фантастическая картина? И кто со спокойной совестью ныне захочет отрицать, что нет на нашей планете «такого мнения», как пишут Стругацкие, согласно которому, «чтобы шагать вперед, доброта и честность не так уж обязательны. Для этого нужны ноги. И башмаки. Можно даже немытые ноги и нечищенные башмаки… Прогресс может оказаться совершенно безразличным к понятиям доброты и честности… Приятно, желательно, но отнюдь не обязательно. Как

латынь банщику. Как бицепсы для бухгалтера. Как уважение к женщине для Домарощинера (заведующий кадрами Управления.— *А. Л.*)… Все зависит от того, как понимать прогресс. Можно понимать его так, что появляются эти знаменитые «зато»: алкоголик, зато отличный специалист; распутник, зато отличный проповедник; вор, выжига, зато отличный администратор! Убийца, зато как дисциплинирован и предан…»

И когда герои Стругацких уходят довольно далеко в будущее, построенное согласно этому мнению, нехитрые желания начинают посещать их. Эти желания возникают как своеобразная антитеза фантастическому миру, который окружает их. Эти желания — своего рода антиутопия, рожденная утопической действительностью в сознании утопистов поневоле, каковыми эти герои на самом деле являются. Эти желания — реакция на фантастическую реальность, на фантастику, данную им в ощущениях.

«Хорошо бы где-нибудь отыскать людей,— подумал он.— Для начала просто людей — чистых, выбритых, внимательных, гостеприимных. Не надо полета высоких мыслей, не надо сверкавших талантов… <…>».

И вообще, «какое мне дело до их прогресса, это не мой прогресс, я и прогрессом-то его называю только потому, что нет другого подходящего слова… Здесь не голова выбирает. Здесь выбирает сердце. Закономерности не бывают плохими или хорошими, они вне морали. Но я-то не вне морали!.. Идеалы… Естественные законы природы… И ради этого уничтожается половина населения! Нет, это не для меня. На любом языке это не для меня». Плевать мне, говорит Кандид, что какой-нибудь там разнесчастный житель лесной деревеньки — «это камешек в жерновах их прогресса. Я сделаю все, чтобы на этом камешке жернова затормозили…».

Да, «закономерности не бывают плохими или хорошими, они вне морали», история сама по себе не имеет цели. Но вот люди, которые «делают историю»,— не вне морали, и они имеют цель. Важно, чтобы цель была правильная. Но ведь даже и в том случае, когда цель избрана правильно,

бывает, случаются и разного рода уклонения от пути к этой правде, бывают искажения на этом пути. Бывают? Бывают. И тогда важно, чтобы эти уклонения и искажения не заслоняли бы собой и путь к цели, и самую цель. Новая повесть Стругацких вызвана к жизни этой заботой. Не праздной. Ибо существуют, как видно, различные, порой противоположные, представления о том, что же следует считать нормой, нормальным ходом жизни, а что — отклонением от нормы. Для героев новой повести Стругацких, скажем, действительность, окружающая их,— фантастически ненормальна. Но встречаются, оказывается, и такие еще представления о жизни, согласно которым ненормально как раз подобное именно отношение к изображаемой в повести фантастической действительности! Фантастика провозглашается реальностью, нормальная жизнь подменяется нормативной фантастикой. Обстоятельства, которые, согласно Стругацким, не имеют права на развитие, противоестественны,— эти самые обстоятельства вдруг ни с того ни с сего прочно прописываются не где-нибудь, а в нашем социалистическом обществе, объявляются чуть ли не характеристическими для него!

«Это произведение, названное фантастической повестью, является не чем иным, как пасквилем на нашу действительность… Авторы не говорят, в какой стране происходит действие, не говорят, какую формацию имеет описываемое ими общество. Но по всему строю повествования, по тем событиям и рассуждениям, которые имеются в повести, отчетливо видно, кого они подразумевают»,— пишет в газете «Правда Бурятии» (19 мая 1968 года) В. Александров.

На каком же основании делается это допущение, по каким характерным чертам совмещает В. Александров фантастическую реальность Стругацких с реальностью, им обозначенной? А вот по каким: «Фантастическое общество, показанное А. и Б. Стругацкими в повести «Улитка на склоне»,— пишет В. Александров,— это конгломерат людей, живущих в хаосе, беспорядке, занятых бесцельным, никому не нужным трудом, исполняющих глупые законы и директивы. Здесь господствуют страх, подозрительность, подхалимство, бюрократизм».

Вот те на! Поистине фантастическая аберрация! Что же, выходит, все эти явления и признаки и есть то «типическое», что сразу же дает право рассматривать любую фантастику, если она включает в себя подобные элементы, как некий «слепок» с нашей действительности? Хороши же у товарища В. Александрова представления об обществе, его окружающем, ничего не скажешь…

Впрочем, В. Александров может думать, конечно, и так, это его право. Но не опрометчиво ли в таком случае, выступая в роли обличителя злонамеренных, столь неловко и откровенно демонстрировать свои собственные, весьма, скажем так, удивительные мнения о нашем обществе и, судя о других по самому себе, приписывать им без тени смущения эти собственные свои представления, выдавать формулы, в которых явления, составляющие, как всем известно, всего лишь отдельные искажения и единичные, эпизодические уклонения от норм данного общества, предстают уже как его неотъемлемые и самоочевидные признаки?..

Писательница А. Громова в предисловии ко второй части повести Стругацких замечает: «Я вовсе не собираюсь из опасения, что «Улитка на склоне» будет кому-то непонятна, давать к ней разъяснительные комментарии: я знаю, что этой повести обеспечена достаточно широкая аудитория». Есть основания полагать, что так оно и будет. И, может быть, потому, в частности, что в этой повести достаточно отчетливо проявились некоторые характерные черты современной художественной фантастики, пусть даже пока еще в достаточно схематической форме. Целесообразно ли, чтобы это произведение комментировалось на манер приведенного выше образца? Но не в этом даже заключено главное. Куда важнее то, что уже есть, оказывается, люди, готовые поверить в существование фантастической химериады Стругацких и принять ее как вполне реальный образ жизни!

<…>

Создателям и теоретикам художественной фантастики бывает свойственна обидчивая интонация: литературу такого рода часто все еще рассматривают как не вполне

серьезное, что ли, искусство, как искусство занимательное по преимуществу. Но все более широко элементы художественной фантастики проникают в традиционное реалистическое искусство и все больше вполне реалистических элементов накапливается в произведениях, написанных в жанре художественной фантастики. Возникает новый синтез, и критерии сближаются. Но не механически — реализм порывает со всяческими утопиями, отделяя их от себя и осознавая их в себе. Изобилие художественной фантастики чревато кризисом жанра, и творцы такого рода искусства более всего заинтересованы в этом кризисе: он будет означать их победу, победу искусства…

<…>

Дело тут не в наивности героя. И тогда ему впервые в голову с такой отчетливостью приходит мысль, ради утверждения которой, быть может, и написано все произведение: «Контакт между гуманоидным разумом и негуманоидным невозможен. Да, он невозможен». Человеку не место в фантасмагорическом мире, он не может в нем ужиться, сколько бы ни старался в том преуспеть…

Прыгают живые деревья, ядовитые мхи прорастают в живое человечье тело, и Доморощинер в Управлении готовит очередной «Проект о привнесении порядка и искоренении случайностей», а жуткие бабы-амазонки, жрицы партеногенеза, все играют в свои девичьи игры…

<…>

У нас по справедливости много пишут — особенно в последнее время — о необходимости всемерного развития искусства, романтически окрыленного, проникнутого пафосом романтической мечты, романтической устремленностью в будущее. Эти энергичные призывы к всемерному развитию такого рода искусства совершенно закономерны сейчас у нас. И утверждение мечты о прекрасном будущем, романтического порыва вперед и вверх находит себе необходимое дополнение в развенчании тенденций, претендующих на историческую правомерность и романтический ореол, но несовместимых с идеалом научного коммунизма.

Автор статьи позже вспоминал:

Письмо А. Лебедева В. Курильскому, 20 марта 1989

…Позже, в «застойные», я пытался поместить эту статью в один из своих литературно-критических сборников, но ее «вынимали» на первом же этапе и безоговорочно. Как была принята статья самими Стругацкими и даже была ли вообще замечена ими, я не знаю. Думаю, что на фоне иных событий того времени она могла быть и не примечена сколько-нибудь широким читателем.

На вопрос об этой статье БН ответил так:

Письмо Ю. Флейшмана В. Курильскому, 27 апреля 1991

Я показал письмо Лебедева БНу. Он сказал, что тот не прав. Все, кому нужно, заметили в свое время эту статью. А для Стругацких это был неожиданный и очень нужный подарок: в разгар очередной травли, которая достигла максимума в 1969 году (т. е. достаточно скоро после выхода статьи), вдруг статья в их защиту, да еще и в таком журнале! Они были очень благодарны Лебедеву.

«Людены» сообщили об этом Лебедеву.

Письмо А. Лебедева В. Курильскому, 29 июля 1991

Мнение Стругацких относительно статьи, о котором Вы упоминаете в письме, мне дорого и важно.

Мне кажется, что Стругацким удалось (в некоторых случаях на уровне некоего в своем роде шедевра) найти образ парадоксального адеквата фантасмагоричности той «модели» нашего жизнепорядка, которая в «эпоху застоя» сделалась вполне уже самоочевидной в своей фантасмагоричности, оставаясь вместе с тем каким-то мистическим образом словно бы и самодостаточной в той же своей фантасмагоричности. К слову. Коренной мистицизм нашей жизни иные нынче пытаются осознать или даже преодолеть во внешне

соответствующих формах разного рода религиозной метафористики, а на вульгарном уровне — в форме возвращения к вере в чудеса и т. п. штуки. На самом же деле то, что можно было бы назвать нашей социальной мистикой и ее «предзнаменованиями» в истории человечества, уже обзавелось классической литературно-реалистической традицией, представленной такими, скажем, именами, как тот же Кафка или Замятин, Оруэлл, к которой столь блистательно прикоснулся Набоков, в которой нашел самое почетное место Гоголь и отчасти, быть может, Достоевский, а среди отцов-основателей которой можно увидеть Свифта и Рабле. Ведь и наша «модель» не с неба упала. Впрочем, это иной, долгий разговор, не к месту.

Вообще же говоря, целиком вне означенной традиции не остался, по существу, ни один из сколько-нибудь порядочных наших нынешних писателей, вне зависимости от того, осознавал он это или нет. От Солженицына с его детальными картинами земного ада и какой-то карающей христолюбивостью до нашего замечательного грустного утешителя и смеющегося трагика Фазиля Искандера, создавшего тот сказочно-праздничный Чегем — антипод удручающего бытия, о котором можно уже сказать, что теперь он «всегда с тобой».

Стругацкие не оказались в ряду тех, кто готов был столь долго доблестно молчать в тряпочку по углам, пока, наконец, не сказали «можно!». Они, думается, сыграли тем весьма важную роль в усилиях всех формировавших ту «другую культуру», тот «иной образ мысли», которые идеологи нового политического курса и попытались интегрировать в своей официальной доктрине «нового мышления», присвоив в этом случае приоритет, но, думается, так и не сумев овладеть той духовно-нравственной силой, которой суждено, быть может, в дальнейшем овладеть ими и поставить их самих в политическую необходимость подчиниться этой силе. Впрочем, на этом пути встретится еще немало сюжетов, которые могут сыграть роль некоего порога и для самих Стругацких, если они захотят в новых условиях продолжать свой путь.

Впрочем, постаравшись избежать расхожей мудрости задним числом, я, похоже, оказался в не менее расхожем положении пророка с ограниченной ответственностью.

Творчество АБС в период перестройки будет рассматриваться много позже, а пока заметим, что в шестидесятые не настолько уж много выходило периодических изданий, чтобы какая-либо значительная статья была неизвестна любителям литературы. Вспомним хотя бы замечание АНа в письме от 9 февраля 68-го: «В 12-м номере «Нового мира» — отличные статьи. Канторовича и Лебедева. Обязательно прочти», где упоминается тот же Лебедев. И не только любители литературы, но и власть тщательно отслеживала, а иной раз и задавала тон критическим статьям о современной литературе, из чего вытекало отношение редакции к конкретному автору, когда тот приносил написанное им в издательство: издавать сразу (если критики официальной прессы положительно оценивали его творчество) или погодить, по крайней мере, тщательно проверить рукопись на предмет «крамолы» (если в прессе негативно отзывались о творчестве автора).

Именно поэтому в данной работе особое внимание (может быть, и излишнее с точки зрения читателя) уделяется публицистике рассматриваемого периода.

Письмо Аркадия брату, 1 ноября 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

Новостей особенных нет. Сегодня ходил в сберкассу, получены деньги из «Невы» (650), а также из «Мол. Гв.» (17.10 — 345 рэ). Ариадне пришло письмо, что часть экзов «Ангары» ей уже выслали. Ждем. Сигнал перевертыша еще не был.

1. Будь другом, скажи в Литфонде, чтобы путевки дали не сразу с 1 января, а где-нибудь с пятого, лучше — с десятого. У Наташки будет ведь сессия, и я должен по японскому ее подтянуть.

2. Завтра собираюсь к Рюрикову в СовПис, отнесу ГЛ. Или еще подождать? Пока твой экз не будет прочно у тебя в руках? Подожду, пожалуй, до твоего письма. А с Рюриковым все равно встречусь и поговорю о УнС.

3. Опять началась возня с конференцией. Правление МО предложило проводить. Сегодня вечером собираемся у Ариадны, будем давать ей отпор.

4. Если у тебя есть лишние (обменные) марки, пришли, пожалуйста, Димкин сынишка собирает советские, а мы у Димки, если помнишь, альбом разграбили.

5. Издание ДР из Аргентины я тебе пришлю вместе с экзами «Ангары», идет?

6. Минская киностудия приглашала меня сняться в какомто социологическом фильме за беседой с Ляпуновым, Забелиным и Бестужевым о будущем человечества. От темы и от компании я пришел в ужас и категорически отказался.

7. Видел в «Тех Молодежи» интервью Ефремова? Там же начали печатать «Час Быка». Гм. Посмотри. И еще буквально на днях еще одно интервью Ефремова в «Вечерней Москве»[1]. Тоже гм.

8. Ничего не понял насчет Дмитревского. Что это за беседа о «Сов. России»? Изложи, пожалуй, братец, а то я как в лесу. А правда, что Дмитревский подбивает там вас писать фантастику к столетию Ленина?

9. Пытаюсь думать о ЛиБ, но все куда-то не туда думается. Не то приснилось, не то выдумалось — две притчи. Одна вот: В город привезли льва, гориллу и попугая. Лев с гориллой немедленно стали составлять заговор — поднять мятеж и захватить город, но попугай все подслушивал и передавал людям. За день до мятежа льва и гориллу развезли по разным другим городам, а попугая подарили старой деве. А другая — вот: Человек, который, умирая, может взять в себя душу любого другого человека и тем спастись. Тот, без души оставшийся, естественно, умирает. Но у героя в душе прибавляется вторая душа, затем третья и так далее. Первое воскрешение он произвел еще ребенком, бессознательно, забрал себе в ужасе перед смертью душу доктора или родителя, а потом догадался и стал действовать уже сознательно. Гвоздь в том, что он забирает души врагов и набирается таким образом их убеждений и мировоззрений, превращается во врага своих прежних идей, а потом снова наоборот. А?

Ну вот, пока всё. Целуй Адку. Твой Арк.

Только что держал в руках сигнал «Стажеров + ВНМ». Порядок!

---

[1] Ефремов И. Мир в движении // Техника — молодежи (М.).— 1968.— № 10; Ефремов И. Час Быка // Техника — молодежи (М.).— 1968.— № 10–12, 1969.— № 1–7; Ефремов И. Лаборатория фантаста // Вечерняя Москва (М.).— 1968.— 24 окт.

Еще не успел запечатать письмо — появилась «Ангара»! 4 экз. 2 высылаю тебе. Целую, жму.

«Стажеры + ВНМ» — знаменитый «перевертыш» — вышел с предисловием Романа Подольного, который, как мог, постарался расставить акценты правильно (чтобы чего не подумали). Тут и «откровенно бессильная буржуазная демократия», и мещанство — резерв фашизма… Но предисловие хорошо! Ибо по-своему искренне.

Из: Подольный Р. Борьба миров

…Она идет, борьба миров, идет уже многие тысячи лет. И сражаются в ней друг с другом не Марс и Земля, не Юпитер и Сатурн — не на жизнь, а на смерть воюют будущее и прошлое одной и той же планеты. Сегодня будущее зовется социализмом и коммунизмом; имя прошлому — капитализм. Два мира встречаются в джунглях Вьетнама и на трибуне ООН, под шпилями небоскребов и в тихих домиках. Два мира противостоят друг другу в жизни. Два мира противостоят друг другу и в этой книге, соединившей под одной обложкой две до удивления непохожие повести, у которых, кажется на первый взгляд, только и общего-то есть, что авторы.

А в остальном…

В одной повести речь идет прежде всего о людях большой души, большого сердца, большого мужества, людях умных, сильных, уверенных в себе. В другой — авторы даже роль рассказчика передали человеку, который уж настолько не-герой, что его и отрицательным-то героем не рискнешь назвать. А люди, попавшие в поле зрения этого рассказчика, за одним-единственным исключением, такая же человеческая мелкота, как и он сам, а то и помельче.

В одной повести полным-полно географических названий. И все адреса, все координаты места действия здесь даются точно — Каракумы, Вязьма, Марс, кольцо Сатурна…

А рядом, в соседнем произведении, все события происходят в стране без названия. Можно только понять, что это капиталистическое государство, выступавшее во Второй

мировой войне в союзе с фашистской Германией, да догадаться, что находится оно в Европе.

В одной повести герои носят русские, английские, немецкие имена и фамилии; в другой — у них только имена, да и то древнегреческие.

Герои одной повести покоряют космос и разыскивают следы неведомых пришельцев, когда-то посетивших Солнечную систему; не-герои второй принимают безропотно ярмо марсиан.

Этот ряд противопоставлений можно продолжать и продолжать. Совсем по Пушкину: «Лед и пламень не так различны меж собой». Что же, может быть, соединение двух столь разных миров под общей обложкой — только почти противоестественный результат издательской прихоти или простая случайность?

Как мне кажется, нет. Ведь на нашей сравнительно маленькой планете тоже живут рядом борцы и трусы, революционеры и рабы, герои и мещане. Повести при всей своей непохожести воюют, конечно, не друг с другом. У них есть общие смертельные враги. Вот имена только некоторых из этих врагов: Капитализм, Мещанство, Трусость, Подлость…

<…>

«Стажеры» можно при желании назвать современной утопией; «Второе нашествие марсиан» так и просится на полочку с табличкой «антиутопия». Появление повестей рядом лишний раз подчеркивает, что эти два вида фантастики не только не мешают, но помогают друг другу.

В творчестве Стругацких оба они, конечно, не случайны. «Стажерам» предшествовало «Возвращение (Полдень, XXII век)», «Второму нашествию марсиан» — «Хищные вещи века». (Любопытно, что время действия произведений, написанных позже, оказалось ближе к настоящему.)

Но если бы нужно было назвать главную черту, роднящую произведения Стругацких последних лет и выделяющих их из хорошей советской фантастики нынешнего десятилетия, я бы попытался сформулировать ее так: они всегда делают

читателя не просто даже соучастником действия, но полноправным соавтором своих произведений. Над их книгами нужно думать — иначе они просто покажутся неинтересными. Стругацкие не выдумывают, а думают. Будем это делать вместе с ними.

Письмо Бориса брату, 4 ноября 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Как прекрасно, что вышел сигнал ВНМ! Скорей бы узреть его мне!

Я, несчастный, сижу, и задавлен и нем, в своем безысходном г…![1]

1. За это время получил: деньги из МолГв — 340 р.; твою бандероль — большое спасибо. Да, жалкий альманашек. Тираж-то, тираж! Легко подсчитать: объем его — 11 листов, цена 40 коп, тираж 3000. Это значит, что полная выручка — 1200 руб, а авторам надо выплатить (по минимальной ставке!) — 1100. Впрочем, нас это касается лишь постольку, поскольку ставка минимальная.

2. Теперь я должен тебе выслать сценарий и марки для Димки. Всенепременнейше! А ты выясни, пожалуйста, какие марки нужны: чистые? или можно и гашеные? только ли советские? А то ведь я специально (согласно договоренности с Димкой) припас ему несколько красивых иностранных. Выясни и отпиши — сразу же и вышлю вместе со сценарием.

3. В Литфонде я подал заявление с просьбой начать нам срок именно 5-го-10-го. Скорее всего, дадут именно с 10-го, потому — каникулы, ДТ будет переполнен дописами, мудописами и деписами[2].

4. Все-таки ты отнеси ГЛ в СовПис. Не беспокойся, мой экземпляр не пропадет — Хейфецу можно верить.

[1] Перифраз, но чего именно,— не помню. Наверное, происходит от знаменитого стишка: «Вот надену я черную шляпу и поеду я в город Анапу, там усядусь на черном песке я, вся в своей безысходной тоске я…» — *БНС*.

[2] Принятые в писательской среде иронические сокращения: дописы — дочери писателей; мудописы — мужья дочерей писателей; деписы — дети писателей… а также жописы — жёны писателей; непись — непосредственно писатели.

5. Никаких конференций! Мать их за ногу — нашли время устраивать конференции! Засранцы.

6. Сегодня должен был выступать в ЛГУ, на матмехе, и вдруг выяснилось, что это у них клубный вечер под лозунгом «Письмо в XXX век». Скрипачи будут играть, поэты читать, а я должен буду подытожить всю эту вакханалию в смысле прекрасного будущего. Хера! Сегодня же уезжаю в командировку.

7. Интервью Ефремова не видел. И вряд ли увижу (особенно в «Вечерней Москве»). Так что сообщил бы основные идеи. Что там за «гм».

8. Насчет Дмитревского — я имел в виду ту травлю, которая организована против него «СовРоссией» по поводу книги Дьякова о лагерях. Мы с тобой читали одну из этих статеек, где Дмитревского обвиняли в потере политического (или классового?) чутья. Помнишь? Слухи о том, что Дмитревский подбивает писать фантастику к столетию — ложны. У нас было заседание бюро секции по поводу столетия, и Дмитревский вел себя вполне прилично. И все вели себя прилично. Сейчас вообще считается невыгодным вести себя неприлично.

9. Обстановочка вообще мрачноватая. На каком-то ответственном совещании кто-то говорил, что сталинский тезис об обострении классовой борьбы — по сути верен. Обком разогнал поэтическую редакцию Лениздата (или ЛенСовписа) за издание томика переводов, сделанных русскими поэтами с иностранных языков. В предисловии Эткинда там было сказано, что Пастернак и Ахматова не могли в период 30–40 гг. выражать себя в оригинальных стихах, а потому и занимались переводами. Эткинда сняли с лекций в Герценовском институте, где он преподает, оставили ему только спецкурсы. На философском факультете травят Кона и Ядова — они, видишь ли, под маркой критики буржуазной социологии пропагандировали последнюю. Ядов, кажется, уже ушел, и социологическая лаборатория его распалась. Обком запретил также защиту кандидатской диссертации под названием «Сексуальные проблемы советской молодежи», хотя диссертация самая про-про-про… В общем, гнусно.

10. Притчи твои мне понравились, особенно про душекрада. Я ее записал. Но это все философия[1], а что нам делать с ЛиБ? Не устроить ли нам с тобой некую предварительную встречку — специально для сочинения плана? Деньков эдак на пять — не больше. И заниматься только валянием на диване и размышлением о ЛиБ. Отпиши свои соображения. Я предлагаю середину декабря. Если ты не прочь, можно поговорить с мамой.

11. Числа 16-го в Москве будет Адка. Командировка. Жить она будет в гостинице, но к вам тоже забежит. Напоите ее кофейком.

Ну вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське поцелуи.

P. P. S. А как насчет заявочки? Давал куда-нибудь?

Письмо Аркадия брату, 9 ноября 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. В кругах полагают, что узрим мы ВНМ где-то в конце месяца. Одиннадцатого я еду в МолГв и отдаю деньги на пятьдесят экзов. Предупреждаю, что себе заберу по меньшей мере 30, так что если тебе нужно больше, то отпиши немедленно.

2. «Ангара», конечно, не ах. Но! Печать. Я очень жду следующего номера. Есть возможность, что все-таки удастся дать эту вещь в альманахе МолГв «Фантастика 68 или 69».

3. Сценарий высылай. Марки высылай всякие, гашеные, чистые, иностранные, советские и пр. Гони.

4. Получил из Таллина однотомник — «Возвращение» и «ТББ», с иллюстрациями. НичегЁ. Но финансово бесплодно, конечно.

5. С Рюриковым связаться до сих пор не удалось. Ужо после праздников. И ГЛ отнесу.

6. Насчет конференции. Видимо, проводить придется. Ситуация: нас поставили перед альтернативой — либо мы проводим, либо поручат проводить Немцову и Ко, они уже

[1] Цитата из романа А. Куприна «Колесо времени», гл. 12.

напрашиваются, ходят и ноют, крови жаждут. Я-то их всех е…, но наша демократия почему-то всего этого боится. Впрочем, планируется это дело аж на апрель, там видно будет. В совещании принимали участие зубры Димка и Зиновий Юрьев. Принято решение никому не давать говорить, долго произносить речи теоретические и непрерывно показывать кинофильмы. И никаких прений.

7. Интервью Ефремова. Скверная дешевка. Шеф либо перепугался, либо спятил. Ругательски ругает антиутопии и юмор. Да найди ты № 10 «Техники — молодежи» и прочитай, экая у тебя тяжкая задница.

8. Слухом пользуюсь, что месяца четыре назад в верхи пришел очередной роман-предупреждение. Дескать, в «Байкале» напечатали две разнузданности, так автор одной за границу смылся, а авторы другой сейчас заканчивают очередной пашквиль на соввласть, а потом тоже намеревают-ся дать тягу, так чтобы они, верхи, эту возможность предусмотрели и вовремя пресекли. Ну так вот. Прочли эту бумагу в верхах, подумали и, якобы (здесь, сам понимаешь, все «якобы», за что купил, за то и продаю), отправили в журнал «Коммунист» для истребления виновных. Однако оттуда, из журнала, якобы, ответили: мы-де фантастикой не занимаемся, один раз откликнулись — и будет с нас. С приветом.

9. Заявку я давно подал, забыл только упомянуть в прошлом письме. Бела и Серж в один голос объявили, что заявку, безусловно, принимают, а договор заключат тотчас же, как издательство начнет заключать договора на 70-й год. Когда точно — неизвестно.

10. Адку ждем.

11. Что касается ЛиБ, то иметь сюжет перед Комаровым, конечно, надобно. На крайний случай можно и встретиться в середине декабря дня на три. Лично меня заботит больше всего сюжет. Всякие там размышления можно будет навесить на сюжет безболезненно. Помни, что вещь должна быть проходимой, т. е. закрученной и динамичной, а ля ОО. Думаю. Точнее, пытаюсь думать. Ничего, всё образуется.

Жду письма, целую, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 13 ноября 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Я, было, думал подзадержаться с ответом, потому что 11-го Некрасов забрал-таки читать ОО, и хотелось дождаться его выводов. Но потом решил: а хрен с ними!

1. Что решит Некрасов — неизвестно. Однако пока всё идет как должно. Повесть намечена на 2–4 номера, произведена разбивка по номерам — вернее, проект разбивки. При этом пришлось пожертвовать разбиением на части, остались только главы. В ближайшее время состоится телевизионная встреча редакции «Невы» с читателями — в целях рекламы на будущий год. Меня тоже звали, но я отказался. Оно, конечно, может быть и стоило выступить и, так сказать, морально обязать «Неву», но в моральные обязательства я как-то не верю, а выступать по телевидению, сидеть рядом с Поповым, обмениваться с ним репликами при всех — срамно. <…>

2. Высылаю марки. В общем, все это, конечно, мусор — с точки зрения настоящего коллекционера, но для мальчишки, наверное, будет смачно в этом копаться. Тем более что в конвертике я посылаю довольно редкие космические марки, которые хрен достанешь.

3. Томик из Таллина тоже получил. Хорошо издали. Приятно.

4. Только что кончил читать «Час Быка». Бедный Чиф! И умный он, и честный, и наш, но никакого вкуса у него нет и, вероятно, уже больше не будет. Но в общем читается с интересом, и в конце ноября на заседании секции я буду, естественно, категорически за. Интервью его пока не читал, но, судя по всему, это у него защитная реакция. Я плохо представляю, как его роман может быть в наше время напечатан, он, по-видимому,— тоже. Вот и старается отвести глаза.

5. Я тут прочел еще роман некоего Бальдыша «Я победил смерть» (или «убил»?). Хорошая штука, ей-богу. Было бы здорово, если бы это и тебе понравилось, чтобы ты мог представить роман в МолГв. По-моему, это в их вкусе. Автор — человек любопытнейший. По-моему, он слегка того,

но в меру, и разговаривать с ним — одно удовольствие. В прошлом он довольно ответственный работник культурного фронта, но что-то там у него случилось, и попал он в опалу. Теперь подвизается в кино и в области популяризации биологии и медицины. Рассказывал жуткие вещи о Бехтереве. Как он в 27-м освидетельствовал Папу и ничтоже сумняшеся вынес приговор — паранойя, мания величия и преследования. Воспоследовал роскошный подарочный торт, колики, и профессора без всяких там вскрытий-мрытий сожгли в крематории.

6. Встретиться надобно обязательно. Определи время, и я побеседую с мамой.

7. Что там с «Саргассами»? Не закидывал ли ты удочку насчет «Круга огня»? Хорошо было бы в следующем году выдать: ЛиБ; перевод; и по крайней мере начало «Апокалипсиса».

8. Сейчас случайно заглянул в газету и обнаружил, что ЛиБ имеет и другую расшифровку. Я всегда говорил, что это неудачное название.

9. ВНМ сколько дашь, столько и возьму. Только напиши, сколько. Я надеюсь урвать еще толику и у себя в Лавке, но там может оказаться мало экзов. Нищая у нас Лавочка.

10. Звонил мне Лешка Герман. Намерен сегодня зайти. Он, оказывается, всё это время занимался тем, что разводился и женился, дурак, заново. Тоже мне муж. Ничего нового он не сообщил, но — приятный парень, я его люблю.

11. Я сейчас один. Адка уехала в командировку в Киев и прихватила с собой Андрюшку. Потом поедет в Москву, а Андрюху знакомые привезут в Ленинград. Андрюха тут создал поэму, которой посрамил самого Чистякова. Не могу удержаться и привожу ее полностью.

Дожди в машины так и хлещут,
Деревья начали валить.
Водители машин трепещут:
Как бы старух не задавить.

Но вот промчался синий ЗИЛ,
И он старуху подвозил.
На перекрестке тормозил,
И угодил в канаву ЗИЛ.

Старуха вылетела к черту!
Шофер, вопя, прижался к борту.
И запылал в канаве ЗИЛ.
Зачем он только тормозил!

Ну вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]
P. S. Леночке поцелуи.
P. P. S. А поэму зачти Манину с выражением — он оценит.

Письмо Аркадия брату, 18 ноября 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Сейчас уже, вероятно, известно, пойдет ли ОО в «Неве». А посему немедленно отпиши. Дело в том, что Севка Ревич договорился, оказывается, с «Дружбой народов» (!) насчет нашей повести и берется ее устроить, если она не пойдет в «Неве». Но это, сам понимаешь, надо быстро.

2. Марки отнес Биленкиным, произведен фурор, были выражены восторги. Тебя сердечно благодарят.

3. С перевертышем смех и слезы. Типография забыла (или не пожелала) печатать суперобложку. Книга пойдет так, голенькая, а вид у нее в голеньком состоянии самый непрезентабельный. Кроме того, без супера любому покажется, что имеет место производственный брак. Посему решили допечатать на титульных листах что-то вроде «прочтешь — переверни книгу». Я уж не рад, что связался с перевертышем, давно бы книга вышла. А все Белкины затеи! Ну, бог милостив, а деньги нам уже, наверное, выписывают.

4. Если встречаться, то где-то между пятым и десятым декабря. Поговори с мамой, как она.

5. Как с «Саргассами» — не знаю, ей-богу. Не был я там. А у меня к тебе вот какая просьба. Поскольку я слегка сейчас

зашиваюсь с Наташкой и всякими японскими делами, поручаю набросать предисловие тебе. У меня просто башка пухнет, ты уж выручай. Напиши обязательно про: пользу героической фантастики, отсутствие у автора намерения показать реальное будущее, могучие требования, которые автор предъявляет к космонавтам. Прости, что так получилось, но я тебя очень, очень прошу. Во всю ивановскую.

6. Разговор насчет «Круга огня» у меня с Девисом был, собственно, это он его и затеял, и я дал-таки ему понять, что в крайнем случае мы можем посоответствовать.

7. Вчера была у нас Адка. Обещала зайти еще.

Вот и все мои новости.

Целую, жму. Твой Арк.

Остановимся немного на перевертыше. С этим изданием, а точнее, с суперобложкой к нему связана одна библиографическая загадка. В выходных данных его среди прочего значилось: «Цена 66 коп., в суперобложке 68 коп.» Но реализовывалась лишь книга с обозначенной на переплете ценой 66 коп. и без суперобложки. «Супера» не было ни в собраниях фэнов, ни в библиотеках. Возникло даже подозрение, что части тиража, одетой в «супер», и вовсе не было! Готовя к изданию эту книгу, мы не могли не попытаться внести ясность в эту загадку. Сперва мы обратились с этим вопросом к Беле Клюевой. Она рассказала Алле Кузнецовой: «“Супер” был. Но на малой части тиража. Почему? Потому что эти «суперы» надевались вручную, и вся редакция дружно обертывала книги. Конечно, весь тираж обернуть мы не могли».

Тогда мы решили проконсультироваться у автора иллюстраций и художественного оформления книги — художника Григория Перкеля. С 1977 года он проживает в Нью-Йорке, успешен, востребован, удачлив. С ним по нашей просьбе связался Илья Юдин. Не сразу, но всё же художник вспомнил, что действительно рисовал и суперобложку. А позднее нашел в своем архиве и половину ее — гуашь к ВНМ. Григорий Зульевич любезно предоставил нам право опубликовать ее в настоящем издании[1].

Почему же лишь исчезающе малая часть тиража была одета в «супер»? Виновата ли в этом, как пишет АН, типография, отказавшаяся-де его печатать? Устала ли редакция его одевать? Или же в основе — перерасход средств на столь необычное издание? Мы

[1] Надо пояснить, что иллюстрация авторизована художником в 2008 году при передаче нам для настоящей публикации.

не ответим на этот вопрос. Единственное, в чем мы теперь уверены, так это в том, что «супер» всё же существует!

А еще Григорий Перкель ответил на несколько наших вопросов.

Перкель Г. Пояснения

Фантастические темы меня привлекали тем, что можно было отойти от реальности. Когда ты иллюстрировал фантастику, тебе не могли приклеить никакие ярлыки — ни сюрреалиста, ни нонконформиста. Ты просто иллюстратор, иллюстрируешь фантастические ситуации, которые не имеют отношения к реальной действительности, которая была в Советском Союзе, и потому этот аспект был для меня интересен. Любая ситуация, абстрагированная от реальности, всегда интересовала меня как художника.

Работая в «Молодой гвардии» с Клюевой и с художественным редактором Позиным, мы сделали несколько книг, в том числе — Стругацких. Как писатели они меня всегда интересовали, я считал их одними из самых выдающихся фантастов, потому что, кроме фантастики, там был еще элемент юмора, что весьма желательно в фантастике. Особенно мне нравился «Понедельник начинается в субботу», совершенно изумительный юмористический роман.

Если вы обратите внимание на перевертыш, то увидите, что две эти вещи — «Стажеры» и «Второе нашествие марсиан» — решены в абсолютно разных стилях. Как будто это сделали два разных художника. В этом и заключается особенность моей философии, моего концепта как художника, который длится до сих пор: отсутствие стиля. Я могу сменить его в течение двух-трех дней. И в этом плане перевертыш — прототип такого концепта. В то время, я думаю, никто из художников даже близко не подошел к тому, чтобы в одной книжке дать два разных творческих приема. Это и есть особенность моего «стиля», в котором нет стиля вообще. Можно две эти вещи Стругацких проиллюстрировать в одной и той же манере, но суть их ты не сможешь

выразить, потому что они различны по своим философиям: одна — бурлеск, абсолютно гениальная вещь — «Второе нашествие марсиан», другая — серьезная, в какой-то степени совершенно скучнейшая фантастика. И поэтому таковы два стиля — один живой, и другой — почти цементный. Оба этих стиля выражают характер произведений.

Иллюстрации к «Стажерам» передают ощущение возможной невозвратности, обреченности. Представьте себя в такой капсуле, которая летит черт знает куда сотни световых лет. А Вы — землянин, «производства» зеленого и голубого. Вы оказываетесь во мраке… Ощущение страха, неизвестности… Всё это присутствует в той ситуации, когда вы находитесь вне Земли. Вот это состояние мне хотелось передать. Эффект некомфортабельного состояния, к которому привычен человек.

Совершенно иное решение «Второго нашествия марсиан». Иллюстрации-шаржи, типажи. Водевильное совершенно решение. Все персонажи этой пьесы — это актеры на сцене, и я как бы представляю их читателю-зрителю.

Обложка со стрелками и без. Это тоже любопытный ход. Со стрелками — это «Стажеры», то есть там, где есть жизнь. Там, где нет стрелок, — это как бы «мертвое время», странное место, где просто нет времени. Отсутствие времени означает, что эта сатира может иметь отношение как к Древнему Риму, так и к Советской власти. Ситуация жизненных диалогов, монологов, характеров, которые могли быть в любое время.

А суперобложка была решена в двух цветах. Переданная вам гуашь красных тонов — ко «Второму нашествию марсиан», несохранившаяся вторая, зеленая — к «Стажерам».

Письмо Бориса брату, 21 ноября 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Был я в «Неве». Некрасов прочел ОО и, противу всяких ожиданий, не сделал никаких существенных замечаний. Масса идиотской стилистической правки, свидетельствующей

о малограмотности, и — все. Саша обалдел от удивления. Я тоже. Потом я побеседовал с Некрасовым, еще раз поразился его тупости и косноязычию, и на том все кончилось. Договорились, что я напишу еще две-три маленькие вставки, содержанием коих будут воспоминания Мака о прекрасной Земле. В остальном же все пока ОК. В 11-м нумере уже напечатано, что «в первых номерах нашего журнала вы сможете прочесть…» в том числе и ОО. То же было объявлено по телевизору и на днях будет объявлено по радио. Естественно, всё это ничего не значит, но первую порцию мы с Сашей уже подготовили, и нельзя не констатировать, что пока всё идет лучше, чем ожидалось. Некрасов даже дал понять, что они готовы заключить с нами договор еще на какую-нибудь вещь. На 70-й год. По этому поводу Саша развивает фантасмагорические идеи насчет ГЛ. Но, по-моему, надо ориентироваться на то, что мы напишем в январе. Если увидим, что нечто получается, тут же подадим заявку.

2. С перевертышем — срамотища! Ну, черт с ними, выплатили бы деньги.

3. Звонил сейчас маме. Она не возражает против приезда. Договорился я с ней на три дня где-то пятого-десятого декабря. Итак, решено.

4. Общаюсь изредка с Лешкой. Он ищет халтуру. Я сказал, что мне тоже нужна таковая, и он с ходу накидал всяких мелких, но забавных идеек. Пока, впрочем, ничего не ясно. Он обещал связаться с телевидением.

5. Предисловие к «Саргассам» я написать попытаюсь, но вряд ли что-нибудь получится. Тут ведь главное написать об авторе, а я смогу в лучшем случае написать о самой книжке. Ладно, посмотрим.

6. Насчет «Круга огня» — жми. И деньги, и книжка между прочим неплохая. Во всяком случае, супротив Нортон этот Клемент — без малого Фолкнер.

7. Прочитал интервев Чифа в ТМ. Н-да. Очень он, по-видимому, хочет, чтобы его «Час Быка» прошел без сучка, без задоринки, широко, много и большими тиражами. Что ж, его можно понять.

8. Перечитал давеча УнС. Прекрасная все-таки книга! Но «Апокалипсис» будет еще лучше.

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Что это Ленуська там выдумала с почками? Надо немедленно обратиться к врачу. Почки — это же мучительная штука, хуже печени.

Письмо Аркадия брату, 25 ноября 1968, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Рад, что с «Невой» таки получилось. Надеюсь, стилистическая правка Некрасова не пройдет? Страх подумать, я как читал об этом — у меня остатки зубов заныли. Значит, со 2-го номера. А иллюстрации будут ли?

2. Я в общем-то тоже не очень вижу ГЛ в «Неве». Действительно, придется ориентироваться на январское сидение.

3. В продаже перевертыш должен вот-вот появиться. Бела рассказывала, что главред Осипов уже хвастался этой книжкой перед делегацией ГДР — вот-де какие у нас оригинальные книги выпускаются. А ведь именно он всячески препятствовал перевертышу, сукин сын.

4. Кто-то прислал мне из Днепропетровска кусок номера «Жизье литерарске» (Польша) с довольно большой статьей некоего Петра Кунцевича «Заботы пророков». Я отправился к Ариадне. Там был Нудель, который с листа перевел. Это статья о Леме, о этапах его творчества. Три этапа там намечается: надежда на светлое будущее человечества, полная безнадежность в отношении возможности человечества справиться с грядущим и, наконец, заря надежды на новую технологию, которая приспособит человечество так или иначе к «жестоким чудесам»[1]. Ни с того ни с сего примерно четверть статьи посвящена нам. Мы называемся единственными авторами, которые находятся на одном уровне с Лемом по глубине и размаху, сожалеется, что в Польше нас совсем не знают, разбираются ТББ, УнС и ПНвС, совершенно

[1] Выражение восходит к заключительным словам «Соляриса» С. Лема.

произвольно, с натужным подтягиванием за уши, подаются эти вещи, как аналогии лемовским — соответственно: «Эдем», «Возвращение со звезд», «Кибериада». Мы-де пока находимся на втором этапе лемовского развития. В общем статья мне не понравилась, легковесненькая, нас он явно читал через пень-колоду. Но Ариадна говорит, что Кунцевич — крупный ихний литературовед.

5. Статью пиши. Ничего об авторе не надо, пиши о приключенческом течении в целом, об авторе я и сам ничего не знаю, здесь надо сачкануть. «Саргассы» — просто хороший представитель буйной поросли космической оперы, вот и всё.

6. Решено приехать и встретиться. Буду вместе с Ленкой, вероятно.

7. Возможно, «Саргассы» удастся дать в «Смене», там просили. Ужасная жалость, что только один экземпляр. Это вызвало кучу осложнений.

Всё. Целуй маму и Адку, а равно и Росшепера.

Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 29 ноября 1968, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Что касается стилистической правки тов. Некрасова, то тут уж как бог даст. Основную массу замечаний, по-видимому, удастся нейтрализовать, но некий влажный след неизбежно останется[1]. Тут уж ничего не поделаешь. Иллюстрации, кажется, будут. Во всяком случае, художник к этому делу был подключен уже давно. Надо будет попросить посмотреть, что он там сделал.

2. Статью к «Саргассам» писать пытался, но не преуспел. Буду пытаться еще. В крайнем случае напишем вместе.

3. Обязательно напиши маме, что намерен приехать и что — с Ленкой. Надо соблюсти пиетет.

4. Вчера был в писдоме. Объявилась Танька Чеховская. Рассказывала, что Севка в корне изменил свое мнение о СоТ.

[1] Отсылка к строке стихотворения М. Лермонтова «Утёс»: «Но остался влажный след в морщине / Старого утеса».

А в общем было мрачно. Тоска, предчувствия, заботы[1]. Бродят угрюмые слухи. А вы в Москве, по-моему, как сыр в масле катаетесь. Все-то вам до фонаря.

5. У нас тут обнаружилась куча молодых фантастов. Я копаюсь в этой куче, но жемчужных зерен пока нет[2]. Так себе. Не без таланта, но и не с.

Вот, кажется, и всё пока. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке привет.

P. P. S. Когда возьмешь билеты, тут же сообщи.

Крыловскую цитату упоминал и АН:

Черняков Ю. [Первый раз я с ним познакомился…]

Аркадий Натанович всегда считал, что печатать надо всё. Всё, что пишется. Потому что как найти жемчужное зерно, если ты не имеешь навозной кучи? А надеяться на то, что тебе попадется сразу груда жемчужин в виде кучи…

Не нашло отражения в письмах АНа посещение им семьи Высоцкого. Эта встреча запомнилась Людмиле Абрамовой так:

Абрамова Л. Факты его биографии: Л. Абрамова о Владимире Высоцком

Бывало, хоть и редко, что А. Стругацкий заходил к нам на Беговую. Давно это было — осенью 1968-го…

Аркаша Стругацкий приехал «специально посмотреть на своего крестника» — нашего Аркашу, которому только что исполнилось шесть лет. Привез подарок — огромный зеленый пулемет, из блестящего, как зеркало, полимера. Мы с Леной[3] содрогнулись: военных игрушек в доме не было. Мы с Володей были пацифистами. Имели хождение космические луноходы с дистанционным управлением (Семен

[1] Строка стихотворения А. Пушкина «Няне».
[2] См. басню И. Крылова «Петух и жемчужное зерно».
[3] Сестра Людмилы Абрамовой.

Владимирович Высоцкий, отец Володи, находил где-то самые потрясающие и дорогие). Плюшевые медведи (один от Нины Максимовны, матери Володи, высотой почти с метр) и кубометры цветных кубиков. И вдруг — пулемет! Но мы содрогнулись молча — А. Стругацкий был кумир семьи, мы на него молились. Я и сын Аркаша и сейчас на него молимся, за него, точнее. Теперь уже давно заочно.

В большом волнении мы с Леной принялись готовить закуску и из кухни слышали громовые раскаты Аркашиного хохота, восторженные вопли детей и совершенно профессиональное исполнение Никитой (четыре года) звуков боя: пулеметные очереди, свист пуль, артиллерийская канонада, стоны поверженных противников и могучее «ура» наших. Некий нервический комок подкатил к горлу, когда Лена увела детей на прогулку, а я уселась со Стругацким за бутылку коньяка. Но я сдержалась.

И опять — уже в седьмой раз за этот год — братья встречаются для работы.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Человек не есть существо мыслящее. Человек есть существо творческое. Он больше всего хочет создать то, что не было раньше. Если бы притом все еще обладали и способностью мыслить (чувствовать) — был бы рай.

Притча о похитителе душ.

Притча о человеке, сосланном на Землю.

Методом черпков[1] убеждаются, что люди — существа потенциально разумные, но с чрезвычайно низким процентом реализации разумности. Решают не связываться: опасно для обеих сторон.

[1] Метод «звездных черпков» — т. е. метод изучения строения звездной системы, основанный на статистических подсчетах звезд в разных участках неба — разработал английский астроном У. Гершель.

Философия — объяснение и оправдание политики.

Массовый человек совсем не нуждается в знании. Он хочет только, чтобы ему доступно объяснили. В этом успех Лысенко и Павлова: их теории можно «понять», ничего не зная. Основной метод политики: 1). Дается крайне упрощенная система мира. 2). Всякое событие объясняется на базе этой упрощенной модели. Это не требует знаний. Несколько заученных формул + «интуиция», «практическая сметка».

Боги все время соглашаются с толкованием землян. Тут и завоевание, и изучение, и дружба, и обмен информацией, и невозможность обмена и т. д. Они слишком многогранны. Все грани имеют место. Курорт для больных.

Разум есть способность совершать нецелесообразные и неестественные поступки.

Разум есть недоделанный, несформировавшийся инстинкт.

Разум — способность использовать силы окруж<ающего> мира без разрушения этого мира.

Банда, которая выдает себя за пришельцев; или организация для захвата власти.

Человек выступает против пришельцев как родовое существо. Вот способ объединения человечества. Вот на что рассчитывает один из героев, отчаявшийся в будущем.

О свободе. Свобода никому не нужна. Нужно освобождение от необходимости решать. «Часто лучший вид свободы — свобода от забот». Джон Рёскин.

Вы спросите меня: чем велик человек? Что создал вторую природу? Что привел в движение силы, почти немыслимые? Что в ничтожные сроки завладел планетой и прорубил окно в Космос? Нет. Тем, что, несмотря на всё это, уцелел и намерен уцелеть и далее.

14.12.68

[дневник приездов: 14.12.68. Приезд для обсуждения плана на январь.]

Арк приехал в Лрд. Раздумали ЛиБ, задумали «Кракена».

15.12.68

[дневник приездов: 15.12.68. Кракен. БИЛ отменены.]

Кракен:

1) Рыбаки по утрам обсуждают один и тот же приснившийся им сон.

2) Рыбаки декламируют классику.

Герои:

Книгоноша Петер Глебски

Учитель Цвирик

Пограничник Рашба, прапорщик

Погибший переводчик Хинкус

Девушка Гута

Бабка Мирл (у кот<орой> жил переводчик и остановился книгоноша)

Мозес, Исхак, Иозеф, Гереш [«Хинкус» — вычеркнуто], [«Цвирик» — вычеркнуто], Цмыг, Шухат, Згут

Опыт теряет ценность из-за скорости прогресса: но опыт дается кровью, опыта жалко, отсюда интуитивный консерватизм.

16.12.68

[дневник приездов: 16.12.68. Раздумали Кракена, задумали «Скучные пустяки».]

Раздумали «Кракена». Задумали «Скучные пустяки».

«Это вовлечение бога в скучные пустяки подавляло меня…»

М. Горький («В людях»)[1]

Гуннар [«Луарвик» — перечеркнуто] Богессен

Алек (Александр) Пеккала

Барн (Барнстокр) Луарвик

Кайса Сневарски

17.12.68

Способ исп<олнения> желаний?

Какие желания?

Арк уехал.

Они ищут атмосферу счастья.

[1] Цитата из главы 4.

М. б., желания исполняют человекоподобные роботы (блаженные люди; черные люди; вонючие люди?

Повесть вот о чем: «Допустив, что мы можем всё, что мы собираемся делать с этим нашим всемогуществом?» (Жан Ростан)

из статьи Пьеретты Сартен[1].

Удачный год для Авторов. Пожалуй, последний урожайный на публикации год. Наконец-то вышло книжное издание ВНМ в перевертыше (вместе со «Стажерами»). Спустя два года после «лесной» части УНС вышло и «Управление», хотя и в региональном издании («Байкал», № 1, 2). В соседнем сибирском издании вышла СОТ («Ангара», № 4, 5). В виде зачина коллективной повести «Летающие кочевники» вышел рассказ ПЛНПП («Костер», № 7). И одной главкой в журнале «Знание — сила» (№ 12) дан анонс ОО.

Неудача — не удалось пока никуда пристроить ГЛ — пока не выглядит угрожающей, ведь нашли же где опубликовать УНС и СОТ!

В предисловии «Контакт и пересмотр представлений» (Саймак К. Все живое.— М., 1968) Авторы смогли порассуждать о проблеме контакта с иными цивилизациями и проблеме воспитания человека. АН помимо этого еще выступил как составитель сборника зарубежной фантастики «31 июня» (М.: Мир, 1968) и переводчик повести Кобо Абэ «Совсем как человек» («Звезда Востока», № 11).

Кроме положительных критических публикаций в книгах (Парнов Е. Современная научная фантастика.— М.: Знание, 1968; Ляпунов Б. Любителям научной фантастики: Сов. фантаст. за 50 лет // Мир приключений: Альманах.— М., 1968.— Кн. 14; Урбан А. Фантастическая или философская? // Пути к художеств. правде.— Л., 1968 и др.), оценка творчества АБС выходит на новый уровень: с одной стороны, их имя появляется в научных работах литературоведов (Щепилова Л. В. Введение в литературоведение.— М.: Высшая школа, 1968; Золотавкин В. Эстетический идеал и особенности советской фантастики: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.— М., 1968; Дхингра К. Пути развития научно-фантастического жанра в советской литературе: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.— Л., 1968) и в энциклопедиях (Краткая литературная энциклопедия.— М., 1968.— Т. 5; Детская энциклопедия.— 2-е изд.— М., 1968.— Т. 11). С другой стороны — две публикации в сборнике «Фантастика, 1967» (Савченко В. Фантаст читает письма; Клуб любителей фантастики МГУ: От Москвы до Витима) подтверждают уже очевид-

[1] Сартен П. Я боюсь этого идола! // Литературная газета (М.).— 1969.— 1 янв.

ное: АБС — наиболее популярные советские писатели-фантасты. Во всякого рода анкетах их опережают только Лем или Брэдбери, да и то только в оценке общего творчества писателей. По количеству же наиболее высоко оцененных произведений Авторам равных нет.

Из: Клуб любителей фантастики МГУ: От Москвы до Витима

<…>

Итак, Коэффициент Читательского Восприятия (КЧВ)… Составители анкеты использовали такую формулу для вычисления коэффициента читательского восприятия:

КЧВ = 100 ((а+ в-с)/2а)

а — число всех читавших книгу,

в — число тех, кому она особенно понравилась,

с — число тех, кому она особенно не понравилась.

Дробь умножена на 100, в знаменателе число всех читавших удвоено, чтобы получить результат в целых положительных числах, меньших ста. (Если КЧВ больше 50 — это значит, что положительных отзывов больше, чем отрицательных.)

Перед Вами сводная таблица КЧВ, вычисленных по всем анкетам бакинского и московского опросов (в отдельности), а также средние цифры по обоим опросам.

Сводная таблица КЧВ

АВТОР И КНИГА	Баку (700 анк.)	Москва (700 анк.)	Средние (1400 анк.)
1. А. и Б. Стругацкие, Трудно быть богом	78	85	81
2. А. и Б. Стругацкие, Понедельник начинается в субботу	74	85	80
3. Р. Брэдбери, Марсианские хроники	74	81	78
4. С. Лем, Солярис	74	80	78
5. С. Лем. Непобедимый	-	78	78
6. А. и Б. Стругацкие, Далекая Радуга	-	76	76
7. Р. Шекли, Рассказы	75	75	75
8. А. Азимов, Я, робот	75	74	74
9. С. Лем, Возвращение со звезд	71	77	74
10. А. и Б. Стругацкие, Хищные вещи века	69	77	73

<…>

1969

Письмо Аркадия брату, 4 января 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

Писать особенно нечего, тем более что скоро увидимся. Праздники, туды их и растуды, кончились, а с ними кончается и мой грипп, коим я страдаю вот уже десятый день сегодня. Испросил разрешения не сегодня ехать на работушку, а послезавтра. Надо еще денек-другой погреться, тем более что на дворе за 20°С.

Итак, будем надеяться, что получим экзы перевертыша до моего отъезда, чтобы можно было привезти тебе. Из «Ангары» решительно ничего не слыхать. Я тут не выдержал и послал главному их редактору 25 руб. Пришли, дескать, экземплярчиков, не откажи, родимый. Может быть, подействует.

Насчет ЛиБ. Думал я много. Честно говоря, никогда еще так много не думал о будущей вещи, как об этой. Наверное, слегка бредил в гриппе. Действительно, что мы имеем? Мы имеем практически всё: сюжет, образа, какую-то модель системы общественной. Так? Единственное, что у нас нет, — это: о чем будет повесть. А может, и не надо этого сейчас? Ей-право, для начала перебьемся. Образуется ведь это, никуда не денется. Ну, частности. Пришельцы улавливают и исполняют ЛЮБЫЕ мысленные пожелания, выраженные в определенном радиусе вокруг них. Кем бы они ни были выражены: детьми, стариками, негодяями, полицией. И даже если они противоречивы и мешают друг другу. Не надобно специальных молитвенных домов и прочее. Но придется подумать над моделью такого общества… Сможет ли оно вообще сохраниться? Если сможет, то при каких условиях и самоограничениях? Общества — это ведь всегда самоограничение, не так ли? И еще о сюжете: пусть это будет зачарованный город. Помнишь, кажется, у Рериха — картины — вокруг города обкрутился гигантский змей, «Град обреченный». Так вот, здесь тоже что-то вроде этого, только

в конце концов выясняется, что источником обреченности и зачарованности является не змий, а сами жители. Но больше всего хочется писать вот об этом нашем герое, как он бродит, ничего не понимает, ищет, а потом его убивают. Вот всё пока. Целую, привет Адке и Росшеперу. До встречи.

Репродукцию Рериха АБС потом наклеили на папку с ГО. Об этой картине БН рассказывал так:

БНС. Офлайн-интервью, 09.06.02

Вопросец: поискал тут в нете «Град обреченный» и нашел его в двух видах — один с желтым змием, а второй с красным. Второй выглядит совершенно жутко. Какой у Вас был на папке?

У нас на папке был черно-белый. Цветной репродукции раздобыть нам не удалось.

И совсем последний вопрос: о Вашем некотором равнодушии к оформлению Ваших книг я слышал, но тем не менее то, что ни на одном издании ГО Рериха не было, — это имеет какие-то причины?

Да, и очень существенные. Ту, черно-белую репродукцию, которая у нас была, мы благополучно потеряли еще в середине 70-х, и с тех пор так и не сумели хоть какую-нибудь другую найти. Ни мы, ни те издатели, которые хотели выпустить эту книгу с картинкой Рериха на обложке.

Рабочий дневник АБС

11.01.69

Прибыли в Комарово. Долго, бесплодно думали. Придумали: человек, живущий вторично и заново; человек, приглашенный на работу в космич<еский> синдикат, — все отвергли. Остановились временно на ВНИВ.

12.01.69

«В наше интересное время» (еще одна отходная детективному жанру).

1. Сказка. 2. Фантастика. 3. Бытовые чудеса. 4. Научные чудеса. 5. Люди vulgaris.

Эпиграф: «Как сообщают, в округе Винги близ местечка Мюр опустился летательный аппарат, из которого вышли желто-зеленые человечки о трех ногах и восьми глазах каждый. Падкая до сенсаций бульварная пресса поспешила объявить их пришельцами из космоса».

Маг
Зомби
Пришелец
Андроид
Сенбернар
Служанка
Гипнотизер
Инспектор Петер Глебски
Хозяин
Племянница гипнотизера (мальчик-девочка)
Ученый-сомнамбула
Агент-шизофреник

Маг: прошел сквозь стену к инспектору; вечно полупьян, всегда с кружкой рома, никто не видел, чтобы он наполнял; подозревает в убийстве инспектора; устраивает покушение на инспектора, считая его агентом (возможно, через зомби). Мозес.

Зомби: поднимает шкаф и колечком скручивает кочергу, по ночам мертвая. Ольга Мозес.

Пришелец: следы на снегу — волочил скафандр; опознает чемодан с аккумулятором и открещивается; однорукий; а сенбернар под крыльцом находит руку; страшно путается в показаниях, не знает элементарных вещей. Иногда, забывшись, оставляет скафандр и уходит по делам. Луарвик.

Андроид: скандинав, бабник; найден рядом с чемоданом, в одной руке бусы, голова вывернута назад, почуяв смерть, выпихнул из номера племянницу. Бусы хотел подарить племяннице, чтобы соблазнить. Олаф Андварафорс.

Служанка: полтергиста, дура, давалка. Считает, что полтергизм — это проделки хозяина перед тем, как ее щупать.

Дурацкие вопросы, с которыми вмешивается в разговоры. Инспектор видел, как андроид выскочил из кухни, а за ним полетел топор. Кайса.

Гипнотизер: известная личность; учиняет мистификации. Клетчатый жилет к клетчатым штанам. Де Барнстокр.

Хозяин: фантазер, изобретатель; все его фантазии — единственное логическое объяснение. Подозрение: ревность, огромная физическая сила. У хозяина — робот, тоже сбивает следствие с толку. Алек Сневарски.

Племянница: то мальчик, то девочка; объект будущей любви инспектора. Брюн (Брюнхилд) де Барнстокр.

Ученый: переутомлен работой; судорожно отдыхает, сомнамбулирует. Залез в постель к зомби, клянется, что не он ее убил. Заглядывает в окна 2-го этажа, тень на крыше, альпинист, бегает по стенам. Рассказывает за столом анекдоты и обрывает: пардон. «В одной гостинице произошло убийство в закрытой комнате». Симон Симонэ.

Агент: страдает раздвоением личности; видел, как племянницу выталкивают; финка; первый, кто видел андроида мертвым. До конца уверен, что в доме прячется его двойник. Хинкус.

Сенбернар: разумный юмористический пес, сбивает следствие с толку, в чем и уличается. В результате на столе у инспектора появляются разные вещи, неизвестно как туда попадающие. Лель.

1 марта.

14.00 инспектор приезжает в отель «У погибшего альпиниста».

Здесь уже:

ученый — неделя;

маг и зомби — два дня;

гипнот<изер> и плем<янница> — четыре дня.

События:

клетчатые штаны, туфли в комн<ате> альпиниста;

ползающие предметы;

начало пурги;

прогулка, ужин, вечерняя беседа с хозяином, приезд андроида и агента.

К гипнотизеру: «Вы — тот самый?»

2 марта.

Утром очередь у душа.

Андроид и служанка.

Ученый и зомби.

Племянница гоняет на мотоцикле.

Вечеринка.

12.00 взрыв. Инспектор и хозяин узнают, что связь потеряна.

2.00 появление пришельца.

3 марта.

13.01.69

Сделали 7 стр.

14.01.69

Сделали 11 стр. (18)

Написали заявку в МолГв на ВНИВ.

15.01.69

Сделали 10 стр. (28)

Пришли гранки ОО из «Невы».

16.01.69

Сделали 7 стр. (35)

Правили гранки; Невский, 3[1].

17.01.69

Сделали 10 стр. (45)

Отправили гранки.

18.01.69

Сделали 10 стр. (55)

19.01.69

Сделали 10 стр. (65)

20.01.69

Сделали 11 стр. (76)

[1] Адрес редакции «Невы».

21.01.69
Сделали 11 стр. (87)
Приезжала Адка.
22.01.69
Сделали 11 стр. (98)
23.01.69
[дневник приездов: 23.01.69. Приезжал, писали в Комарово с 10.01. Сегодня уезжаю. Работали ВНИВ.]
Сделали 4 стр. (102) и объявили ПЕРЕРЫВ.

14 января АБС пишут заявку на ВНИВ (будущий ОУПА). Черновик заявки сохранился в архиве.

Из архива. Заявка на ВНИВ (ОУПА) в издательство «Молодая гвардия»

Предлагаем Издательству новую фантастико-приключенческую повесть «В наше интересное время» (назв. условное).

По форме повесть представляет собой юмористический детектив с элементами фантастики и сказки. Действие происходит в горном отеле в некоей западной стране типа Швейцарии или Швеции. В отеле собирается весьма разношерстная и странная компания, происходят загадочные события, завершающиеся неожиданным убийством, над разгадкой которого ломает голову приехавший туда в отпуск полицейский инспектор.

Авторы поставили перед собой задачу, пародируя классический западный детектив, высмеять косность и консерватизм взглядов и представлений буржуа-мещанина, показать, что сложность современного мира не позволяет втиснуть его в рамки конформистских представлений.

Предполагаемый объем — 15 а. л. Рукопись может быть представлена к 1 сентября 1969 года.

В одном из интервью АН, рассказывая, как зарождается произведение, взял для примера ОУПА.

Из: АНС. В подвале у Романа

Сначала рождается главная идея вещи. Скажем, такая: пришельцы, замаскированные под людей,— если это высококультурные, высокоразвитые… твари,— неизбежно попадут здесь, на Земле, в какую-нибудь неприятную ситуацию, ибо они плохо знакомы с нашими сложными социальными законами. Второе. Выбирая линию поведения, замаскированные пришельцы должны будут брать, так сказать, человека «en masse» — «массового человека», да? — и поэтому будут представлять собой фигуры чрезвычайно неприглядные, а то и отвратительные. Распутник Олаф там, и Мозес со своей пивной кружкой, и мадам, дура набитая… Вот такая идея… Если взять человечество — массовое человечество — в зеркале этих самых пришельцев, то оно будет выглядеть примерно таким. Дальше. Какую интереснее всего разработать фабулу? Фабулу лучше всего разработать в виде детектива. Детектив мы вообще очень любим. Фабула: пришельцы спасаются от гангстеров. Понятно, что занимаются они совсем не тем, чем нужно, что нарушили какие-то правила игры, которые были заданы им в том месте, откуда они прибыли. Попадают в какое-то замкнутое пространство, там происходят какие-то события… По каким-то причинам роботы отключаются… делаются в глазах посторонних трупами… и из этого получается веселая кутерьма. Вот фабула. Затем начинается разработка сюжета. Сюжет — это уже ряд действий. Расположение действий в том порядке, в каком они должны появиться в произведении. Объявляется ничего не знающий, ничего не подозревающий человек, и у него на глазах происходят загадочные вещи. Мы знаем, что это за происшествия, но он не знает. Вот так, примерно, мы работаем…

Письмо Аркадия брату, 25 января 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

Спешу писать.

1. Звонил Беле. На работе ее не было, позвонил домой. Заявку она получила, однако сказала, что это, по мнению

начальства, совсем не то. Состоялся разговор у начальства несколько дней назад. Осипов потребовал, чтобы сначала была представлена рукопись, как это делается со многими обычными авторами. Бела возразила, что Стругацкие не те авторы, к которым можно демонстрировать подобное отношение. Осипов смущенно замялся, но тут хладнокровно вступил в разговор Ганичев (новый директор) и прямо, без экивоков, объявил, что Стругацким он политически не доверяет, как не доверяют им и лица повыше, и что он даст согласие на подписание договора только в том случае, если будет представлен либо хотя бы черновой вариант рукописи, либо развернутый план-проспект. Иначе он задвигает нашу книгу в резерв 70-го года, и дело с концом. На том и порешили. В понедельник или во вторник я встречаюсь с Белой и по ее указаниям буду писать этот самый вонючий план-проспект, что бы это ни значило.

Что касается перевертыша, то всё благополучно. Спешно допечатывается, вернее брошюруется остаток недоброшюрованных материалов, и в ближайшее время книга выйдет в продажу. А в верхи книгу вызвали потому, что ВНМ была в «Байкале» и ее спутали с УнС. Прочитали, криминала не нашли и вернули. Однако втык всё равно издательству будет «за неправильное направление». Оказывается, вызвали туда еще несколько книг — опасных и несвоевременных. Представители издательства ходили к Мелентьеву, просили вступиться, но этот х… объявил им, что поделом, за отдельную книгу он еще вступился бы, а за направление вступаться не будет, так им и надо.

2. Ездил к Нине, взял у нее верстку, сейчас буду читать и сокращать в целом по книге тридцать строк. Хорошо и сделал, что приехал. Нина говорит, что нужно все скорее делать, иначе может быть опасно. Книга получилась большая, 320 страниц, такой вещи у нас, действительно, еще не бывало. В СБТ — 290.

Вот пока всё, что успелось узнать. Про слова Александры Мартьяновны[1] ты уже знаешь.

[1] Турылёва А. М., соседка, приятельница А. И. Стругацкой.

Да, прочитал в «Новом мире» статью об УнС[1]. Могло быть и лучше, но все равно неплохо.

Поцелуй маму, Адку, Андрюшку.

Жму, целую, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 29 января 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Интересные новости! У меня таких, слава богу, нет.

1. Звонил в «Неву». Саша сказал, что пока ОК. Очередная порция отправлена в типографию без замечаний. Осталась еще одна порция — последняя. Саша настроен оптимистически.

2. Общался с Лешкой. Он, оказывается, всё это время проболел и в Москву не ездил. Так что насчет мультфильма ничего не ясно. Но он сказал, что Рохлин сейчас не против какой-нибудь нашей заявки. Я думаю дождаться начала публикации ОО в «Неве» и написать заявочку на сценарий.

3. Был в Литфонде, подал заявление в Комарово на вторую половину февраля, на 12 дней.

4. Ты, главное, там не нервничай. Нет так нет. Да так да. Перебьемся. Успеть бы только выпустить ОО, а там — хоть трава не расти.

5. В «Новом мире» рецензия выглядит очень солидно. Я, правда, ее наполовину не понял, но это несущественно. Говорят, что автор ее — знаменитый Лебедев, написавший сравнительно недавно очень хорошую книгу о Чаадаеве. Так ли?

6. Скажи Ленке, что Киплинг[2] в Ленинграде уже был и больше не будет. Я его достать не сумел.

Ну вот пока и всё. Не теряй бумажку с планом действий и отписывай новости.

Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет!

---

[1] Лебедев А. Реалистическая фантастика и фантастическая реальность // Новый мир (М.).— 1968.— № 11.

[2] Киплинг Р. Лиспет. Рассказы.— Л.: Худож. лит., Ленинградское отделение, 1968.

Письмо Аркадия брату, 31 января 1969, М.— Л.

Дорогой Борик.

У нас здесь опять новости и опять про перевертыш. Звонит мне три дня назад Сергей и срочно просит приехать. Приезжаю: они там с Белой сидят мрачные. В чем дело? Оказывается, Ганичеву (директор) позвонил его приятель, главный «Журналиста», и сказал: «Прости, старик, но приказ есть приказ, иду на вы. Обязали мне дать статью «Двуликая книга» про ваших Стругацких». Так вот, статью эту надо предотвратить, ибо направлена она в первую очередь не против нас, а против редакции. Кампания против «Мол. Гв.» вообще ощущается и по ряду других признаков, но атаки на перевертыш слишком уж у нас перед глазами. Ну, поговорили, наметили кое-что и разошлись. А что тут наметишь? Нет ни одного знакомого с именем, ничего, хоть шаром кати… Я полагаю, что статью не предотвратить ничем, ибо раз уж этого типа обязали, то никакие имена не помогут. Вся хохмато в том, что книга еще в продажу не поступала, экземпляр в руках противника единственный — тот, который взяли еще в декабре, сигнальный. Торчат длинные уши Чхиквишвили!

Что я успел сделать? Практически — только отправил Володе Михайлову письмо. Кстати, ты спутал, это не Севка в Риге был, а Игорь Можейко, а потом рассказал Севе. Ну, письмо отправлено, жду ответа.

Звонил парнишка из кино — тот самый, насчет Саймака. Отправил его в начало будущей недели.

А нервничать мне сейчас некогда. У меня висит куча патентов, ими озабочиваюсь денно и нощно.

Пока всё. Жму, целую, твой Арк. Привет твоим.

В марте в журнале «Нева» начнет публиковаться ОО, поэтому в февральском номере редакция постаралась заранее обеспечить «позитивную установку» к имени Авторов, публикуя статью Брандиса «Научная фантастика и моделирование мира будущего», в которой шла речь об изображении будущего в научной фантастике. О произведениях АБС в ней говорилось, что они направлены против «фашистского мракобесия, коллаборационизма и потребительской мещанской идеологии» и относятся к жанру предупреждения.

Письмо Бориса брату, 5 февраля 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Итак, новый удар. Я тебе вот что скажу: трудно представить себе умное нападение на ВНМ. Если же нападение будет глупым — ударим в ответ. Напишем в ту газету, где это будет опубликовано, и копии — в соответствующие инстанции. Напишем об идеологической борьбе, обострении оной и о том, как безответственные личности мешают эту борьбу вести. Тут у меня побывал Файнбург — вот у кого надо учиться отражать удары. Он спуску никому не дает. Вот и мы займемся-ка склоками. Самое время.

Сегодня я звонил в «Неву». Там вроде бы все в порядке. Я предупредил Сашу насчет возможной статьи. Он сказал, что это вряд ли может помешать ОО в «Неве». Будем надеяться.

Прочел статью Файнбурга об УнС. Что-то очень интересное и весьма заумное. Мар-р-р-ргинальность интеллигенции! П'ол?

«Ангара» № 5 наконец появился в поле зрения. Из совершенно достоверных источников известно, что он вышел и содержит СоТ. Впрочем, деньги получены, а на остальное плевать.

Кстати, денег за перевертыш нет и нет. К чему бы это?

Ответь-ка ты мне, братец, на следующие вопросы:

1). Известно ли, в какой орган идет статья «Двуликая книга»?

2). В каком положении находится наш гонорар за перевертыш?

3). Означает ли появление статьи, что перевертыш не выпустят на прилавок?

4). В каком положении находится наш договор с МолГв на ВНИВ? Чем кончилась история с написанием план-проспекта (или как он там)?

5). Говорил ли ты с Девисом насчет Клемента?

6). В каком положении наш перевод Нортон? По-моему, ты о нем вообще забыл.

7). Нельзя ли получить что-нибудь с Детгиза? За ОО или за СБТ?

8). Кстати, как ты понял: кто именно ведет кампанию против МолГв и с какой, собственно, целью?

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет. И всем друзьям.

В этот же день, 5 февраля, АН занят текучкой — пишет рецензию на классическую повесть Эдмонда Гамильтона, которая произвела фурор среди любителей фантастики. К сожалению, она была опубликована только во время перестройки (первое издание: «Техника — молодежи», 1988).

Из архива. АНС. Рецензия на фантастическую повесть Э. Гамильтона «Звездные короли» («За лунной орбитой»)

Честный средний американец Джон Гордон отвоевал летчиком во 2-й мировой войне, демобилизовался и стал клерком одной из страховых компаний в Нью-Йорке, а «тем временем», двумястами тысячами лет спустя, принц Зарт Арн, отпрыск императорской фамилии, властвующей в Средне-Галактической Империи, изготовил устройство, при помощи которого он мог меняться местами с аборигенами тех или иных исторических эпох своего прошлого. Нащупает в далеком прошлом подходящего субъекта, спросит телепатически: «Давай махнемся сознанием. Мое в твою голову переместим, а твое — в мою. Всего на две-три недельки. Зато ты в принцах походишь, чудеса будущего узришь». Как правило, аборигены соглашались. Согласился и Джон Гордон. И вот он приходит в себя в тайной гималайской лаборатории З. Арна и в августейшем принцевом теле.

Как очень скоро выясняется, его императорское высочество избрал весьма неудачное время для своих экспериментов. Таинственная и подлая Лига Темных Миров угрожает Галактике в целом и Средне-Галактической Империи в особенности. В политическом положении нашего старого Млечного Пути наступает быстрый кризис. Бароны шарового скопления в созвездии Геркулеса колеблются, не зная, чью сторону принять. Звездные княжества, графства, герцогства,

королевства трепещут перед могуществом Лиги. Высшие сановники Империи оказываются предателями. Следует череда убийств, похищений, столкновений с применением атомных пушек. Бедняга Джон Гордон, попавший в эту кутерьму, как кур в ощип, страстно жаждет вернуться в свое тело и в свое время, но обстоятельства складываются так, что он не может вернуться в лабораторию для обратного обмена с принцем, затерявшимся в его родимом 20-м веке. К тому же у него завязывается серьезный роман с княгиней Фомальгаутского княжества. А его похищают, а он бежит, а за ним погоня, а он опять бежит, и его облыжно обвиняют, и он снова бежит… А потом, конечно, все объясняется, предательства раскрываются, он становится во главе имперского флота и с помощью нового ужасного оружия наносит Лиге сокрушительное поражение, после чего со вздохом облегчения и с тоской по Фомальгаутской княгине возвращается в свое туловище на нью-йоркской квартире.

Все бы это было ничего: Гамильтону не откажешь а) в умении закрутить острый сюжет, б) в способности игнорировать элементарные научные представления, в) в жестком, исступленном даже целомудрии и в прочих достоинствах. Можно было бы даже простить ему картину постаревшей на 200 тыс. лет Галактики во власти позднего феодализма (простили же мы это Карсаку!). Как западному писателю, не знакомому с азами марксизма, можно было бы простить ему и преувеличенное представление о роли личности в истории, особенно такой пошловатой личности, как Дж. Гордон. Как-никак, а это космическая опера, что с нее взять?

Но чего ему нельзя простить, так это того печального обстоятельства, что он скверный писатель. Условимся под выражением «скверный писатель» понимать такого писателя, который в угоду сюжету и слабоумному читателю способен произвольно изменять обстоятельства, без всяких — не то что психологических: куда там! — просто даже безо всяческих физических мотивировок, заставлять героев убивать или быть убитыми, космические корабли — гореть или спасаться, врагов — после кратковременного триумфа терпеть

поражения, друзей — после некоторого периода уныния возобладать и побеждать… Так вот, если мы даем такое определение понятию «скверный писатель», то в данном случае Э. Гамильтон действительно являет собой образец скверного писателя.

Тем не менее я бы не мог высказаться решительно против перевода и опубликования этой вещи. Дело в том, что «Звездные короли» — не эпизод в истории западной фантастики. С них началась и расцвела пышным цветом в 50-х годах целая школа фантастической литературы, волны которой перекатились в Европу и — как это ни странно — даже к нам, в Советский Союз. В самом деле, именно в этой книге заложены практически все элементы «литературы о космическом варварстве», с которыми мы встречаемся в толстых романах Азимова, у Карсака и у нашего Снегова. Бесшабашная и не имеющая никаких разумных оснований зловредность Лиги Темных Миров тянется через романы Азимова к мысликам Карсака и к зловредам Снегова. Проекция в галактические просторы уличных драк и рыцарских турниров, делающая такие произведения похожими на исполинских, в дом величиной, новорожденных младенцев. Добродетельные и героические герои в стесненных обстоятельствах. Девы. И непрерывная болтовня прямой речью в пользу неискушенного читателя. Так вот, принимая во внимание такой «родоначальнический» характер повести Э. Гамильтона, возможно, стоит все-таки перевести ее, спарить с еще какой-нибудь подобной книжкой того же Азимова и издать с хорошим, остроумным предисловием — скажем, Парнова или Кагарлицкого.

Письмо Аркадия брату, 8 февраля 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

Отвечаю на вопросы:

1. Статья «Двуликая книга» идет в № 3 журнала «Журналист». Подписана она очень забавно: Иван Краснобрыжий. Содержание ее: пропаганда порнографии, а также, несмотря на иностранные имена, как сам понимаешь, клевета на

совдействительность. Истоки ее: видимо, чье-то указание сверху, но не в порядке пропагандной политики, а личная инициатива. Знатоки ведут такую генеалогию: Кириченко — Михайлов — Немцов — этот самый Краснобрыжий. Я тоже не думаю, что это повлияет на «Неву» — слишком поздно.

2. О гонораре за перевертыш мне ничего не известно. Полагаю, что платить все-таки будут.

3. Перевертыш пойдет на прилавки, но теперь уже называют март (а раньше называли февраль, а еще раньше — январь и т. д.).

4. Нашу книгу (новую) включили в план 70-го года, но до договора, как я понимаю, еще далеко. План-проспект я еще не написал, не до того было. На этой неделе напишу.

5. С Девисом насчет Клемента не говорил (см. ниже).

6. О Нортон я бы и рад забыть, да не пришлось. Третий день сижу, как проклятый. У меня такое впечатление, что мы с тобой сильно подгадили себе этим переводом. Я имею в виду, в глазах издательства. Все поля каждой страницы черны от замечаний типа: «опять пропуск, опять пересказ, опять сокращение, а это откуда, этого в тексте нет и пр. Все это я сейчас восстанавливаю — не всё, конечно, иногда бунтуюсь. Обрыдла мне эта Нортон, сил нет. Я должен сдать в понедельник, а еще половина рукописи.

7. С Детгиза сейчас ничего не получишь. До подписания в печать ОО еще далеко, а когда выйдет СБТ — неизвестно.

«Ангары» еще нет. Зато Громова с Нуделем написали колоссальный фантастический детектив «В Институте Времени идет расследование», где героями Аркадий и Борис. В Детгизе прочли, ничего не поняли и послали на рецензию Парнову и мне. Смотрю я на эту махину и дрожу. А мне еще рефераты японские делать.

Напиши примерно хоть, когда встречаемся.

Вот всё. Крепко жму, целую. Твой Арк. Всем привет.

О переводе Нортон вспоминал Михаил Ахманов, сам переводчик с английского и писатель-фантаст.

Из: Ахманов М. [О переводах и переводчиках]

В былые годы прочитал я «Саргассы в космосе» в переводе С. Бережкова и С. Витина и восхитился, какая прекрасная писательница — Нортон! Затем, когда в начале девяностых ее романы хлынули потоком, мое восхищение сменилось недоумением: автор средний и, если уместно использовать такой термин, весьма «водянистый». А позже случилось мне как-то познакомиться в Москве с женщиной-редактором серии «Мир», и я поделился с ней своим недоумением: мол, «Саргассы» — это вещь, а всё остальное — на очень среднем уровне. Редактор улыбнулась и сказала: «Знаете, кто переводил «Саргассы»? Бережков и Витин — это братья Стругацкие, и они здорово потрудились над книгой Нортон!» И тогда я понял, что печать большого таланта, заметная в «Саргассах», принадлежит не автору, а переводчикам.

Воспоминания Ахманова,— если позволительно так выразиться,— «общее место» для всех любителей фантастики. Примерно так же читали Нортон и они. Конечно, даже ничего не зная о переводчике, они были рады ладно отделанному тексту повести американской писательницы. Не рады были только редакторы издательства «Мир». Почему? Да потому что переводчики не имели права вмешиваться в авторский текст, хотя бы и для правки авторских же ляпов и сюжетных нестыковок.

О соответствии переводов, которые делали АБС, оригиналам БН вспоминал:

БНС. Офлайн-интервью, 20.06.00, 19.07.01

Хочу спросить, насколько сильно были изменены Вами оригиналы произведений, вошедших в сборник «Переводы»?

Вы имеете в виду переводы Э. Нортон, Х. Клемента и пр.? Оригиналы, разумеется, не изменены. Мы, правда, пытались «улучшить» текст (зачастую очень топорный), но редактор пресекал наши поползновения самым решительным образом. Сильные изменения, насколько я помню, имели место только в «Дне триффидов». Там (с разрешения Уиндема) было выброшено (опять же не нами, а редакцией) несколько

кусков, в которых речь шла об СССР и о Трофиме Лысенко.

Каково Ваше отношение к переводам, написанным Вами же? Не относитесь ли Вы к ним так же, как и к своим произведениям, ведь по сути они известны только у нас, а на своей родине нет! То есть Вы смогли создать нечто свое.

Относиться к переводам так же, как к собственным оригинальным произведениям, довольно трудно. Все попытки наши как-то «улучшить» переводимый текст (зачастую вполне дубовый) неизменно встречали категорическое сопротивление редактора, и это, наверное, было правильно: «Переводчик прозы — раб оригинала…»

«План-проспект я еще не написал, не до того было. На этой неделе напишу», — сообщает в письме АН. В архиве сохранился черновик этой заявки.

Из архива. План-проспект ВНИВ (ОУПА)

План-проспект
фантастико-приключенческой повести
«В наше интересное время» (название условное)

Место действия — небольшой курортный отель в горах Швейцарии, долина, запертая со всех сторон непроходимыми горами, к ней через ущелье ведет единственная дорога.

Время действия — наши дни.

В отель приезжает в отпуск полицейский инспектор, хороший служака, специалист по должностным преступлениям. В отеле к его приезду отдыхают: миллионер с супругой, известный иллюзионист с чадом своего любимого покойного брата и слегка свихнувшийся от умственного напряжения физик. Первый день проходит благополучно, если не считать целого ряда не то забавных, не то загадочных происшествий. К концу дня в отель приезжают двое новых гостей: атлет-спортсмен и замухрышка-судейский. Вечером хозяин отеля дает гостям бал, а сразу после бала начинают разворачиваться события: в ущелье происходит обвал, прервавший всякое

сообщение отеля с внешним миром; до отеля добирается жертва обвала, странный человек, калека, требующий, чтобы его немедленно проводили к атлету-спортсмену; атлета-спортсмена находят в его номере мертвым — скорее всего, убитым и отравленным; замухрышку-судейского находят в пустом номере под столом связанного, с кляпом во рту. Поскольку связи с внешним миром нет, инспектору приходится взяться за следствие. В ходе следствия выясняются смешные и фантастические обстоятельства, все запутано необычайно, ни одна версия не получается без того, чтобы ей не противоречил какой-нибудь факт.

В конце концов хозяин отеля подсказывает инспектору единственную непротиворечивую версию. Но для инспектора, медлительного человека, погрязшего в рутине полицейской работы, эта версия слишком фантастична. Однако она-то и является правильной, как выясняется на последней странице.

Письмо Бориса брату, 12 февраля 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получивши твое письмо и прежде, чем сесть ответить на него, я принялся звонить. Имею сообщить следующее:

1) Первая часть ОО в «Неве» прошла цензуру. Без единой помарки. Теперь 10 марта должно ожидать сигнал, а 17-го номер поступит в продажу. Я рассказал Саше про Ивана Краснобрыжего, и он обещал, во-первых, выяснить у знакомых из «Журналиста», чья это рука и нельзя ли это смягчить, а во-вторых, поговорить со знакомыми из «ЛитГаз» о напечатании контрстатьи. Контрстатью он не прочь написать сам.

2). В Литфонде еще не все ясно. Мне предложили двухкомнатный номер на 19-е (по-моему, тот самый, где жил Саша Демьяненко, помнишь?). Я уклонился от согласия и попросил поискать иных возможностей. Обещали поискать. В общем, тебе надо ориентироваться что-нибудь на 17-е — 20-е. Уточнив ситуацию, я тебе телеграфирую или позвоню.

3). Перечитал то, что мы написали по «ВНИВ». Знаешь, вполне ничего. Сыровато, естественно. Но загнутено затейно. Каково-то разгибать будет! Надо скорее заканчивать для получения полной картины. По-моему, из этого получится неплохая вещь, когда подпустим туда бытописания и философии. Герой там у нас подкачал. Надо бы его сделать г-ном Аполлоном II. А у нас — не то. У нас — что-то вроде Банева II.

4). Не нравится мне, что у «Двух Хемингуёв» тоже фантастический детектив[1]. Не похоже ли? Не будет ли ненужного параллелизма?

5). В ленинградской газетке «Смена» имеет место интервью с «обыкновенным вундеркиндом». Это студент матмеха не то 14-ти, не то 15-ти лет со странной фамилией Блюдце. Так вот это Блюдце заявило-таки во всеуслышание, что любимые его авторы-фантасты, сам понимаешь, Стругацкие.

Вот пока и всё. Жму ногу,

твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

АБС съезжаются в Комарово для доработки ОУПА только в конце месяца.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

«Воспоминания о настоящем»[2] (записки современника).

25.02.69

Прибыли в Комарово.

1. Объяснение с хозяином: лекция о зомби, кукла, сундук. Петер находит объяснение.

2. Вторичный допрос Брюн: из воспоминания о хлопнувшей двери.

---

[1] Громова А., Нудельман Н. Кто есть кто? // Смена (М.).— 1969.— № 8–18.

[2] Ср. с названием западно-герм. научно-популярного фильма «Воспоминания о будущем» (1970, реж. Х. Райнл; это название было в немецком и русском прокате, в англоязычных странах фильм назывался «Колесницы богов»), снятого по книге Э. фон Дэникена «Chariots of the Gods?», в немецком издании — «Erinnerungen an die Zukunft», 1968. Русского перевода книги с заглавием «Воспоминания о будущем» в 1969-м году не было.

3. Инспектор лег спать. За это время: пока Леля выводили, Мозес связался с пришельцем. Хинкуса выводит писать.

4. Допрос пришельца до завтрака. На завтрак приводит Хинкуса, он в изумлении смотрит на Барнстокра.

5. Рука. След волочимого тела. Кто?

6. Допрос Хинкуса.

26.02.69

Сделали 10 стр. (112)

27.02.69

Сделали 9 стр. (121)

28.02.69

1. Пистолет.

2. Луарвик пытается купить чемодан и угрожает.

3. Допрос Хинкуса.

4. Завтрак, карты на стол. Мозесы и Луарвик удаляются.

5. Речь Симонэ с предложением выдать чемодан. Общее обсуждение. Хозяин рассказывает про Мозеса и сейф.

НАСЧЕТ ЛУАРВИКА!

6. Покушение Хинкуса и раскалывание его.

7. Мозес и Ольга пришли брать и видят пистолет.

Радио о смерти Олафов.

8. Симонэ.

9. Мозес.

10. Симонэ и Хозяин отбирают ключи.

Сделали 4 стр. (125)

1.03.69

Сделали 10 стр. (135)

2.03.69

Сделали 10 стр. (145)

3.03.69

Сделали 10 стр. (155)

4.03.69

1. Результаты следствия.

2. Судьбы героев.

3. Самооправдание.

Сделали 10 стр. И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 166 СТР.

5.03.69
Бездельничаем. Арк ездил за билетом.
6.03.69
Опять бездельничали. Хорошо!

Из дневника приездов АНа в Питер

7.03.69. В Комарове закончен черновик ВНИВ.
8.03.69. Бездельники.
9.03.69. Уезжаю в Москву.

Письмо Аркадия брату, 12 марта 1969, М.— Л.

Дорогой Боб!
Сообщаю новости.

1. Старуха отказалась подписать сверку в печать. Требовала: замены термина «Неизвестные Отцы»; замены энтузиазма на агрессивность; умягчения военного эпизода; упрощения состава подполья. Нина дала мне сверку с тем, чтобы я все это сделал к четвергу. Утром в четверг мы с Ниной поедем к старухе в санаторий со сверкой и покажем ей. Я только что все закончил. Тошнит от усталости и отвращения. Заменил «Неизвестных Отцов» на «Огненосных Творцов». Энтузиазм вычеркнул, сделал небольшие замены. Военные эпизоды будем с Ниной отстаивать. Подполье буду отстаивать я.

2. Михайлов оставил «Мир» в покое. Фантастика там реабилитирована. «Саргассы» перепечатываются на машинке и вот-вот пойдут в производство.

3. В «Мол. Гв.» еще не был. Книга продается и, кажется, уже раскуплена. Ленка закупила 50 экзов.

4. Пришла «Ангара». Я забрал у Ариадны 12 экзов, могу еще 3–4 штуки. Напиши, прислать тебе (и сколько) или потерпишь до моего приезда.

5. Черновик «ВНИВ» прочитали Ленка и теща. Обе в совершенном восторге. Сейчас читаю Машке. Эта прямо писает от радости.

6. Встретил случайно Марка Поповского. Он едет в Ленинград, вероятно, будет звонить тебе. Встреться с ним обязательно. Он много интересного знает.

Вот пока всё.

Обнимаю, жму. Поцелуй маму и своих.

Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 17–18 марта 1969[1], Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Имею сообщить тебе следующее:

1). Третий номер «Невы» вышел. Я только что звонил в редакцию, Саша сказал, что книжка лежит и что я сегодня могу поехать и забрать себе нужное число экземпляров. Сегодня же и поеду.

2). Отпиши, как кончилось дело с мадам. Твои действия я, естественно, одобряю и имею только два соображения: a). Нельзя ли оставить хотя бы «Неизвестных Творцов»? b). Если нельзя, то надо не «ОГНЕНОНОСНЫХ» вписывать, а «ОГНЕНОСНЫХ» — не то не влезет в ритм гимна. Надеюсь, ты это и сам заметил.

3). Перевертыш был уже и в Ленинграде. Р-р-раскупили мгновенно. В Лавку пока еще не приходил.

4). Третий номер «Журналиста» тоже вышел. Статья есть, и по словам читавших — статья мерзкая и глупая. Никак не найду этого номера. Как только раздобуду, сразу отдам Саше Лурье на предмет сочинения контрстатьи.

5). Был у Лешки. Мульт наш не приняли, но Лешка вроде бы почти заключил там договор на серию мультяшек «От Ромула до наших дней» (название условное) — об изменении человеческих представлений о красоте, о любви, о войне и т. д. С передачей ТББ другому лицу Лешка смирился, но сказал, что этим сценарием сейчас очень заинтересовался один ленфильмовский режиссер. Фамилию я его забыл (какой-то Файнбург-Рабинович), известно, что он молодой,

[1] Датировка составителей.

талантливый и только что отснял фильм по Амосову — хороший фильм[1]. Ему предложили работать на студии им. Горького, и он возжелал взяться за ТББ. По-моему, нам, впрочем, надобно держаться Шерстобитова, это вернее, хотя и халтура. Но и Файнбургу-Рабиновичу не надо отказывать, пока Шерстобитов полностью не определит свои намерения.

6). Я рассказал Лешке наш ВНИВ. Ему понравилось, и он посоветовал мне написать заявку на оригинальный сценарий. На Ленфильме это вряд ли пойдет, но Лешка берется отвезти это Марлену Хуциеву, на Центр. студию телевизионных фильмов. Там можно попытаться пробить. Денег меньше, но в то же время не мало — 6000 руб! Сейчас я сижу и пишу заявку, в среду отвезу её Лешке. Как ты полагаешь?

Кстати, предлагаю другое название для повести и для фильма: «Дело об убийстве». А? По-моему, это лучше. Есть двусмысленность, и вообще…

7). Впрочем, поглядишь, что делается на Уссури, и руки опускаются[2]. Ох, нехорошо это пахнет! Нехорошо!

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Сегодня же еду заказывать путевку.

P. P. S. Да! Денег-то из МолГв все нет! Позвони им туда, христа ради, напомни, а то ведь путевку будет не на что выкупить.

И вот рецензия на «перевертыш» в третьем номере «Журналиста».

Краснобрыжий И. Двуликая книга

Продавцы книжных магазинов, а вместе с ними и покупатели диву даются: у них в руках двуликая книга. Посмотрят с одной стороны — часы, с другой — тоже часы. Раскроют — с одной стороны черное, с другой — тоже черное. Потом выясняется: в книге — две книги. Одна концом упирается в конец другой.

[1] К/ф «Степень риска» по мотивам повести Н. Амосова «Мысли и сердце» снял на «Ленфильме» в 1968 году И. Авербах.

[2] Речь о пограничном конфликте с КНР на острове Даманском.

«Что за чертовщина! — говорят читатели.— Отродясь такой книги не видали».

Можем засвидетельствовать: книга необычная не только по внешнему виду, но и по содержанию.

Фантастика в наше время всё больше и больше завоевывает сердца читателей. На этой ниве трудится много советских писателей.

Две фантастические повести «настрогали» и братья Борис и Аркадий Стругацкие. И в обеих — космические сюжеты. Одна называется «Стажеры», другая — «Второе нашествие марсиан» с пометкой «записки здравомыслящего». Принесли в издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Там повести издали стотысячным тиражом.

Редактировала книгу Б. Клюева, оформлял художник Г. Перкель, а предисловие написал Р. Подольный. Он, в частности, заявляет:

«…“Стажеры” можно при желании назвать современной утопией; «Второе нашествие марсиан» так и просится на полочку с табличкой «антиутопия»… Стругацкие не выдумывают, а думают. Будем это делать вместе с ними».

А дальше Р. Подольный утверждает, что каждый читатель даже соавтором братьев Стругацких может стать.

Вон куда хватил!

Прочитал я медоточивое предисловие Р. Подольного, «полюбовался» фантастико-модерным оформлением Г. Перкеля и принялся за «Второе нашествие марсиан».

И вот перлы.

«Господи, теперь еще Артемида! — бедолажится Аполлон-алкоэкземопеченочник.— Оказывается, она все-таки спуталась с этим Никостратом. Дочь, называется… Ну, ладно».

В безымянном государстве «антиутопия» началась. Отец, узрев под окном собственного дома родную дочь с любовником, сейчас схватит ружье или шпандырь, выбежит в исподнем на улицу… Дудки! Старик Аполлон звонит в полицию ослу Пандарею и, забыв о блуде дочери, просит того объяснить, что за пожар и грохот вокруг. Пандарей свое толкует:

в участок притащили мертвецки пьяного Минотавра — золотаря, который осквернил угол особняка господина Лаомедонта… и даже драться не может.

«Я поднялся наверх и стал будить Гермиону,— рассказывает здравомыслящий Аполлон.— Ну тут было как обычно: «Отстань, пьяница; нечего было пить на ночь; ничего я сейчас не хочу»… Тогда я стал громко и убедительно рассказывать ей об атомной войне и об извержении, несколько сгущая при этом краски, потому что иначе ничего бы у меня не получилось».

Вот такую семейку из страны без названия изображают авторы. Родная дочь блудит на глазах отца, горничная, пропуская мимо ушей сообщение об атомной войне, бросается в столовую обследовать бутылку с коньяком, недоверчиво принюхивается к Аполлону и диву дается: «Откуда же ты такой вернулся? Из какого гнусного ночного вертепа?» Аполлон в ту ночь единственный раз в жизни был трезвехоньким.

Горничная мечется по дому, видит в окно толпу, а плешивый старикашка Аполлон — хлобысь стопочку! Хлобысь вторую! И ничего не закусывает, шельмец. Его сосед Миртил на крыше блестит исподним и, оглядывая север в полевой бинокль, предупреждает: «…вы захрапите, а они вам как дадут!..»

Взрывы утихли. Перепуганное безымянное государство успокаивается. Старикашка Аполлон, хватив спиртного, всё понял ясно и отчетливо: происходят большие военные учения — возможно, даже с применением атомного оружия.

Зять Аполлона Харон у Стругацких из философистов. Мыслитель. И притом ведь не дурак выпить! Рассадит вокруг стола пятерых собутыльников, поставит пять бутылок коньяку, и понес, и понес под звон стаканов судачить о высоких материях до самого утра.

Тесть и зять — два сапога пара. Только тем и разнятся, что Аполлон всё время чешется, а Харон в редакторах городской газеты ходит, всякой «дрянью» читателей пичкает. А по части «забутылить» — их водой не разольешь.

Известие о нападении марсиан на землю потрясает город. Толпа обезумевших ищет следы поработителей. След

одноногого Полифема принимает за след марсианина. А Полифем взобрался на скамейку с костылем и дробовиком — орет о предательстве генералов, о шпионах… Он призывает настоящих патриотов Земли объединиться вокруг знамени, поскольку патриотизм… и так далее… «Этот Полифем жить не может без патриотизма. Без ноги он жить может, а вот без патриотизма у него не получается».

Старикашка Аполлон попытался просветить неразумного Полифема, что Марс — планета безжизненная и прочее… Полифем его за воротник: «Шпион марсианский, дерьмо плешивое! К стенке тебя!»

Здравомыслящий Аполлон братьев Стругацких спасает свою жизнь бегством… в трактир. Там ему приятно убедиться, что патриотические вопли Полифема противны всем. Кронид-архивариус, налакавшись до пучеглазия, объясняет: «Марсиане как марсиане. Одного зовут Калханд, другого — Эгей, оба южане, с такими вот носами…» Аполлон ненавидит патриотизм, прощает блуд дочери, скрывает интимные связи с горничной, надувает дружков-филателистов, как клоп лезет в каждую щель за пенсией, похихикивает над таким же алкоголиком, как и сам, золотарем Минотавром. Он-де сам дрянь, но дрянь на одно пятнышко чище.

В предисловии к повести «Второе нашествие марсиан» Роман Подольный стремится внушить читателю: «Все события происходят в стране без названия. Можно только понять, что это — капиталистическое государство, выступавшее во Второй мировой войне в союзе с фашистской Германией, да догадаться, что находится оно в Европе».

Своих героев братья Стругацкие пытаются укрыть территориально, наградили их двуликими древнегреческими именами, лишили их принадлежности хотя бы к какому-либо племени, не говоря уже о нации. На первых страницах повести им это кое-как удавалось, но дальше… Хвост вытянут — нос увязнет, нос вытянут — хвост прилипнет.

В повести «Второе нашествие марсиан», проиллюстрированной двуликими и трехликими портретами героев, вся нечисть выражается пословицами: «Не наводи тень на ясный

день», «Лес рубят — щепки летят», кур называют «пеструшками», ходят «утицей», курят сигареты «Астру», анекдоты у них «соленые», они друг другу «обламывают рога», Минотавра называют «золотарем», распутников — «кобелями», распутниц — «кошками». Всякая человеческая нечисть в трактирах «дует первач-синюховку», вооружается «дробовиками», дебатирует на «пятачках»… Эта нечисть даже имеет свою конституцию, свободу слова…

Если в первой части повести братья Стругацкие «строгали» еще рубанком, то во второй, поплевав в ладони, стали тесать зазубренным топором. Всех патриотов «безымянной» страны, которые во всей неприглядности показали читателям свое нижнее белье, они отправляют сражаться с марсианами. Вооружившись чем попало, земляне устраивают засады. Ждем баталий. Должны же земляне «безымянного» государства как-то постоять за себя. Не тут-то было! Всех патриотов-алкоголиков, как зверей, вылавливают сами же земляне: фермеры, вооруженные горожане, интеллигенция.

А где же поработители-марсиане? Марсиан-то землянам даже и увидеть не довелось. Правда, слушок пронесся по городу, что один марсианин забегал в аптеку за лекарством. Но кто же поставил землян на колени? Марсиане через своих агентов землян скупили у фермеров всю пшеницу, посоветовали им засевать поля особо дефицитным злаком и гнать из этого злака синюховку.

Мир и благоденствие воцарились в «безымянной» стране. Хлещут земляне синюховку, едят, почавкивая, синий хлеб. Марсианские агенты на каждом углу установили донорские фургоны по приему от населения желудочного сока. Платят каждому за стакан этого сока пятерку и только руки потирают. Забежит землянин в будку, сдаст желудочный сок — и в трактир. А в трактире синюховки видимо-невидимо, и стоит она гроши! Пьют земляне. И все довольные, радостные. Старый кунак братьев Стругацких, Аполлон-алкоголик, даже гопака отплясывает. Еще бы! Его желудочный сок отнесли к первосортному. Дежурный фельдшер ему шепнул, что синюховка помогает желудочный сок довести до экстрасока.

А за такой сок можно околпачивать на семьдесят — восемьдесят процентов больше!

Старого прелюбодея Парала переплевывает зять Аполлона Харон. Его восстание против марсиан не покаралось никаким законом, и он опять ходит в редакторах городской газеты. О фашизме, философии Харон больше ни гугу! Читатель теперь увидел его настоящее лицо: «У людей больше нет будущего. Человек перестал быть венцом природы. Отныне и присно и во веки веков (прямо по евангелию) человек будет рядовым явлением натуры, как дерево или лошадь, и не больше. Человечество больше не нуждается в саморазвитии, его будут развивать извне, а для этого не нужны школы, не нужны институты и лаборатории, не нужна общественная мысль, философия, литература — словом, не нужно все то, что отличало человека от скота и что называлось до сих пор цивилизацией».

Слушают земляне Харона, уминают за обе щеки синий марсианский хлеб, да еще и прихваливают. Ест его и Полифем, и Харон, и сам Аполлон, и Артемида-блудница, и Никострат, и Минотавр-золотарь. Вместе с ними питается синим хлебом и заливает эту пищу синюховкой молодой человек с марсианским именем Эак. Он даже чувствует среди землян себя как дома. А земляне до того вежливы с ним — диву даешься! А он, Эак, опрокинет чарку и вспоминает: «Намазали мы пол сметаной в гостинице, барышень раздели наголо и давай за ними гоняться… В пятнашки, короче говоря, играли».

Слушают земляне Эака и прямо-таки от стыда сгорают, что у них такое захолустье и они ничем не могут козырнуть, своим, так сказать, земным. Но грусть землян оказалась преждевременной. Шалопаи из компании господина Никострата, которому Харон при ударе носком ботинка в определенное место поломал копчик, появляются на площади и ведут на веревке рыжевато-красного петуха. Распевая «Ниобу-Ниобею», шалопаи вваливаются в трактир, заказывают себе бренди, петуху — синюховки и приглашают всех отметить великий праздник — наступление у петуха половой зрелости.

Приполз на четвереньках восвояси с веселой попойки двуликий Аполлон, кругом тишь, благодать, над городом как символ мира и безопасности пролетают сияющие волшебным светом чужие корабли. Сгреб старикашка Аполлон свои «здравомыслящие» записки и решил их отнести зятю Харону в газету, чтобы тот их там тиснул. А братья Стругацкие тут как тут: «Отдохни, дорогой кунак! Ты и так намаялся за свою жизнь немало. Мы твои записки мигом в издательство сволокем. Там сделают все посолидней: критик Подольный их прокомментирует; художник Перкель двулико проиллюстрирует, редактор Клюева многоликости не заметит — и пойдут они гулять по свету стотысячным тиражом. И тебе честь, старче, и нам кое-что на молочишко перепадет».

Так всё и случилось.

— А повесть «Стажеры»? Почему о ней ни слова?

Достаточно того, что сказано об одной повести.

Письмо Аркадия брату, 21 марта 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Только что звонил в бухгалтерию «Мол. Гв.». Заверяют, что перевели тебе деньги на сберкассу, перевод состоялся 15 марта. Проверь, если нет — срочно сообщи. Если есть — тоже сообщи.

2. С мадам всё хорошо. Откуда ты взял «огненоносные»? Неужто я так тебе написал? Конечно же, «огненосные». «Неизвестные» отстоять не удалось, это, видишь ли, ассоциируется с «могилой неизвестного солдата». Одним словом, сверка подписана, все идет хорошо, тьфу-тьфу.

3. Статью Краснобрыжего читал и имею. В глаз. Ну и похабщина. Уже здесь пишут негодующие письма, статьи и заметки.

4. С кино так. От Шерстобитова ни слуху ни духу. А вот тот аспирантик, который хотел ставить Саймака, предложил интересную вещь. У него есть друг, некто Котов, в Госкомитете по кино, он профессиональный сценарист. Предлагает нам втроем писать сценарий по «ОО». Аспирантик тогда

будет режиссером. Я дал им рукопись, когда они прочитают — состоится встреча, поговорим, я отпишу.

5. ВНИВ на заявку — хорошо. Валяй. Заглавие, пожалуй, ничеГё, но боюсь, наши напуганные испугаются «Дела об убийстве». Впрочем, можно, конечно, попробовать.

6. В «Мол. Гв.» остановили 17-й том БСФ (Шаров и Гранин). Из-за Гранина. Гл. редактор якобы заявил, что Гранин вышел в нон-грата из-за какой-то новой повести, опубликованной в журнале «Север»[1].

7. «ГЛ» из Магадана вернулись на щите. Похороны по 1-му классу: нет места, юбилейный год и т. д.

Вот всё пока. Сообщи для ориентировки, когда путевки.

Целую, жму. Привет Адке.

Твой [подпись]

Письмо Бориса брату, 24 марта 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Как видишь, я совсем обезбумажел, пишу черт знает на чем.

1. Надеюсь, журналы ты уже получил. Двадцать первого я ходил в бухгалтерию, получил наличными 230 руб., а тебе тогда же перевели. В сберкассе еще не был — рано.

2. На Краснобрыжего здесь Саша Лурье написал блестящий фельетон. Я читал и ржал как дурак. Но куда его пристроить — неизвестно. В «Неве» главный сказал: неудобно, ведь мы же печатаем Стругацких. В «Звезде»: неудобно, к нам приехал корреспондент «Журналиста», будет о нас писать. Саша связался со знакомым из ЛитГаз, тот сказал: присылай, я покажу главному, но — вряд ли; не то сейчас время, чтобы спорить с «Журналистом». В общем, вскорости я тебе этот фельетон перешлю, а ты попробуй еще использовать Димкины связи в Комсомолке (чем черт не шутит! Все-таки МолГв — их издательство) и И. Соловьеву в Лит. России.

3. Заявку на ВНИВ мы с Лешкой написали. Он будет пытаться пропихнуть. И ОО он тоже будет пытаться

[1] Гранин Д. Наш комбат // Север (Петрозаводск).— 1968.— № 4.

пропихнуть. Все это, конечно, отнюдь не исключает твоих усилий.

4. Теперь о путевках. Дело, брат, осложнилось. Во-первых, плохо с путевками, но это еще полбеды. Хуже, что от нас ушла наша тетка, и теперь не с кем оставлять Андрюху. Положение неясное. Давай-ка подождем ориентировочно до 1 апреля, мы тут повесили объявление, может, кто-нибудь придет. В крайнем случае придется писать у меня. Неуютно, но что делать? На этот случай хорошо бы иметь две машинки. В общем, давай пока подождем. Время в общем терпит, договора, как я понимаю, пока всё равно нет.

5. Ты слыхал, что учинил Якир сын Якира[1]? Он послал в «Коммунист» статью с 18-ю формальными уголовными обвинениями против Сталина, снабженными соответствующими ссылками на УК. Потребовал опубликовать и опровергнуть. В противном случае, заявил он, я подаю на Сталина в суд, посмертно.

Вот и всё пока. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Фельетон Лурье так и не был опубликован, но сохранился в архиве АБС.

Из архива. Лурье А. Фельетон — опасный жанр

Предположим, что я Стругацких не читал. Предположим, что я предпочитаю «Журналиста» — пусть там в стиле «дайджест», но зато обо всем насущном. И вот попались мне на глаза две странички про «двуликую книгу». Ужас-то какой! Да кто же люди эти? Братья Стругацкие? Прямо злодеи какие-то!

Попытаюсь-ка я составить впечатление о них со слов Ивана Краснобрыжего. Спокойно, по пунктам, по главным его мыслям и излагаемым фактам. Итак:

1. На ниве фантастики трудится много советских писателей. «Настрогали» (собственное выражение Красноро… пардон, Краснобрыжего) и Стругацкие пару повестей.

[1] Парафраз заглавия рассказа Джека Лондона «Киш, сын Киша».

Вывод: Лавры других братьям покоя не дают и в фантастике они люди, видимо, новые.

2. В предисловии к «двуликой книге» написано, что «каждый читатель даже соавтором братьев Стругацких может стать». «Вон куда хватил»,— отвечает фельетонист.

Вывод: Повесть Стругацких непонятна читателю — «сотворчество» безусловно невозможно.

3. Старик Аполлон зрит под окном дома родную дочь с любовником и, вместе того чтобы с ходу бить обидчику морду, звонит в полицию по поводу пожара.

Вопрос: Какого пожара? Если рядом пожар, так, простите, не до чужой морды. Кстати, как бы поступил в таком случае сам Иван Краснобрыжий?

4. Семейка, конечно, та еще: оказывается, старикашка Аполлон — сам распутничает с горничной, да и пьет при этом. И зять ему под стать. «Из философистов. Мыслитель».

Вывод: Видимо, зять получает то, что посеял. Только вот при чем здесь «мыслитель», «философист»? Плохого вроде в этом нет, а в ругательном смысле эти слова, иной раз и более искаженные, употребляются разве что в трамвае, между «а еще очки надел» и «бороду-то сбрей».

5. Аполлон еще и пенсии домогается, для чего ему приходится через всяку щель лезть.

Вывод: Ну, раз ловчит, значит дармоед какой-нибудь.

6. Место действия Стругацкие замаскировали. Даже имена героям дали двуликие, древнегреческие. Но этот фокус прошел только на первых страницах. Дальше все ясно. Сплошной русский язык, с пословицами и присказками…

Вопрос: Ну и что? На каком же языке должны изъясняться персонажи повести, написанной по-русски, для русского читателя? Уж не на Россию ли намекает Иван Краснобрыжий, то есть Стругацкие намекают, а фельетонист их на чистую воду выводит? Конечно, есть у нас еще отдельные, нетипичные, ну так государство, партия, народ с ними борются, перевоспитывают. Не их ли имеют в виду Стругацкие?

7. Все «патриоты» отправились сражаться с марсианами. Устраивают засады. Но их вылавливают сами же земляне: фермеры, вооруженные горожане, интеллигенция.

Вопрос: Позвольте, а кто же тогда «патриоты»? Рабочие, не упомянутые в списке «ловцов»-доброхотов? Неужели та нечисть кабацкая, которым, как и Аполлону, «патриотические вопли Полифема противны»? Но тогда почему же именно их Иван Краснобрыжий (или Стругацкие?) называют патриотами? Неясно…

8. Марсиане всех купили. За синюховку да «желудочно-соковый» (чем не «алкоэкземопеченочник»?) доход. А Харон переплюнул даже прелюбодея Парала. О фашизме он больше ни гугу!

Вопрос: А что он «гугу» о фашизме раньше? Хвалил? Ненавидел? Ах да, вот его настоящее лицо! Да, лицо по меньшей мере неважное. Веры в будущее нет, человек для него — скот, да и только. Правда, неясно, при чем тут фашизм.

9. Марсианин Эак чувствует себя среди землян как дома. И игры у него то ли а-ля притон в Лас-Вегасе, то ли заволжско-купецкие.

Вопрос: А почему он, собственно говоря, марсианин?

10. Старикашка Аполлон братьям Стругацким кунак.

Вывод: Стало быть и наоборот, по точному смыслу этого слова, братья Стругацкие ему кунаки: товарищи и вообще одного поля ягоды. Старикашка Аполлон пьяница. Ну и братья вместе с то ли фашистом, то ли интеллигентом Хароном, видимо, не трезвенники. Старикашка Аполлон развратник — ну и братья…

Стоп! Да уж советский ли я журнал читаю?

Советский. Издание газеты «Правда» и Союза журналистов СССР. Главный редактор В. Н. Голубев. И написано всё это о повести «Второе нашествие марсиан» (первая публикация — журнал «Байкал», № 1, 1967 г.) Аркадия Натановича и Бориса Натановича Стругацких. А об этой книге и ее авторах известно следующее:

1. Стругацкие — не эпигоны и конъюнктурщики, а основоположники (вместе с И. А. Ефремовым) возрождения советской научной фантастики после двух десятилетий застоя,

в сущности участники создания жанра величайших возможностей — социальной фантастики. Они — лютые враги любых разновидностей фашизма, обскурантизма, мещанства.

2. Стругацкие — наиболее читаемые авторы-фантасты СССР, популярные среди всех слоев читателей, в том числе и самых взыскательных, компетентных, привыкших к процессу сотворчества — студенчества, научных работников, интеллигенции вообще. Результаты анкеты, подтверждающей вышесказанное, опубликованы в книге «Фантастика 1967», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в 1968 г.

3. Защищать Аполлона в его позиции с легкомысленной Артемидой не хочется, но, во-первых, куда ему, старому и трусливому человеку, тягаться со здоровым парнем Никостратом, а во-вторых, ведь действительно пожар — не пожар, а чуть ли не космическая катастрофа! И несомненно это главное, а не поведение дочки, на которую мужу, пожалуй, так же, как и иным из реальных мужей вокруг нас, следовало бы обращать побольше внимания, если это уже не поздно…

4. Харон действительно мыслящий и философски настроенный человек. Причем отнюдь не фашист, а человек явно прогрессивных взглядов. А что до споров под коньячок, так и Дом журналиста в Москве еще не закрыт вместе со своим рестораном и баром. Из повести ясно видно, что Харон и Аполлон — не только не два сапога пара, а, напротив, антиподы, объединяемые только одной крышей, следствием ошибки Харона в выборе подруги, той ошибки, от которой никто не застрахован и которую, как видно из текста, Харон прекрасно понимает теперь сам.

5. Аполлон — недалекий, трусливый человек, любитель выпить (но не больше!), пока еще не старик, вдовец, типичный обыватель. Но при всем при том он всю свою жизнь с единственным — не по своей вине — перерывом проработал учителем. В маленьком городке, в котором он живет, любой человек на поколение младший — его ученик. Его помнят и относятся к нему не без уважения (понятно, что не все, но и в жизни чаще всего так). Аполлон учил детей тому, чему выучили ранее его самого — видимо, не тому и не так, как учили бы в советской школе. Но он учил — и был по местным нормам на хорошем

счету: этот труд вознаграждается в любом цивилизованном обществе. А что до беспокойства и ходатайств — что же, это случается и с людьми отнюдь не столь мелкими: разве мало хлопот и беспокойств у нас, в СССР, у оформляющих пенсию после долгой, безусловно честной трудовой жизни? Ведь достаточно одного-единственного лишнего дня — и стаж прерван, если нет справки, и пенсия меньше, чем могла бы быть! А на эту пенсию доживать всю оставшуюся жизнь!

6. Иван Краснобрыжий ясно намекает на СССР, на Россию. Бедная Россия, если она выглядит такой, какой узнал ее Краснобрыжий! Тем более, что адрес все-таки в книге есть. Этот адрес прямо указан в обойденном фельетонистом-критиком эпиграфе. Книга направлена против конформизма, против того симбиоза дремучего псевдоцивилизованного мещанства с коллаборационизмом всех видов, который является злейшим врагом любой передовой идеи — в том числе и главнейшей из них — идеи коммунизма. И в этой ипостаси конформизм страшен всюду — в любой стране, и в любой стране надо с ним бороться. Ведь не в одном же СССР хотим мы построить коммунизм, мы хотим «весь мир насилия разрушить». А для этого надо бороться с «мурлом мещанина» всюду, откуда оно выглядывает: и вокруг нас, и внутри нас. Считать болезнь нетипичной — не значит вылечить ее. Так что в каком-то смысле книга относится и к нам — в этом ее сила и достоинство, а не слабость или недостаток. Да уж не за себя ли оскорбился и испугался Иван Краснобрыжий?

7. Те «патриоты», которые драли глотки на «пятачке» (особенно если эсэсовец только что съездил им по мордасам), не отправились никуда. Отправились, и пошли в бой, с настоящими гранатами и автоматами, с настоящей кровью и смертью интеллигенты, молодежь: студенты, офицеры, журналист Харон. А вылавливают их вооруженные фермеры (а не горожане и тем более не интеллигенты). Стреляют и вылавливают после того, как получили жирную компенсацию за посевы, куш, деньги, сверх которых они не видят и не знают в жизни ничего. Не знают и поэтому не понимают величины потери, своего будущего «рядового явления природы», «не

отличающегося от скота». Не понимают (как бывало не раз в реальной истории нашей планеты) и уничтожают тех, кто понимает потерю и, жертвуя собой, дерется не за себя, а за всех.

8. Таков и Харон, интеллигент, взявшийся за автомат, антифашист и умница, еще не нашедший правильного пути в борьбе с хитрым и могучим врагом, который нащупал самое слабое место людей — их материальное бытие. Но Харон найдет свой путь — в бою, в котором советский журналист Иван Краснобрыжий оказался по другую сторону баррикады — то есть вместе с мещанином и коллаборационистом Аполлоном,— не остановившись при этом даже перед прямым подлогом, приписывая Харону те самые идеи, против торжества которых тот выступил с оружием в руках.

9. Иван Краснобрыжий, формально не ставя под сомнение чисто земную природу Эака, Калханда и др. «марсиан», уводит читателя от такого вывода. А ведь перед нами не марсианин Эак — перед нами крайний случай вооруженного коллаборационизма, эсэсовец из дивизии «Галичина». Он — эсэсовец, олицетворенное насилие, а отсюда и страх и подобострастие перед ним городских мещан. Он коллаборационист и сам мещанин — отсюда рождается взаимопонимание между ним и обывателями с «пятачка». Хлюпик-трус, которого тошнит от одного только вида крови, который громко говорит о патриотизме, но беспокоится, искренне и серьезно беспокоится единственно о своем мещанском благополучии, говорит на одном языке с эсэсовцем. Это — главная идея критикуемого места, которую тщательно обходит громкоговорящий Краснобрыжий.

10. У меня не очень ясные представления о судебных делах по поводу клеветы и оскорбления личности. На практике не встречался — только по литературе знаком. Но, сдается, в фельетоне Ивана Краснобрыжего имеется состав обоих этих преступлений плюс ложь и подлог, размноженные внушительным тиражом. Опасный жанр — фельетон. Писать бы фельетоны только людям с чистым сердцем и чистыми руками. Что, интересно, думает по этому поводу редакция «Журналиста» и его главный редактор?

Письмо Аркадия брату, 27 марта 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Журналы я получил, большое спасибо. Деньги, вероятно, на с/к.

2. В редакцию «Мол. Гв.» поступило несколько писем и статей на Краснобрыжего. Есть интересные. Буду ждать фельетон Лурье, попробуем что-либо сделать. Кстати, отрицательный результат тоже будет кое-чего значить.

3. ЦК ВЛКСМ принял решение провести в октябре всесоюзную конференцию писателей-фантастов. Есть уже указание Секретариата КСМола и разрешение Большого ЦК. Мнится мне, что цель этого совещания будет та же, что у совещания в Комитете по Печати в 66-м. Но там цель не достигнута, а здесь ее так или иначе достигнут.

4. Пришла неприятная информация. Томана вызывали в Комитет по Печати и предложили написать разгромную статью на повесть Стругацких, «опубликованную не в Москве» — видимо, имеется в виду СоТ. Томан наотрез отказался, заявив, что считает Стругацких талантливыми писателями с небольшими вывихами и в дело это влезать он не будет. Тогда это поручили Болдыреву, нынешнему секретарю партгруппы МОСП. Посмотрим. Мне это все до лампочки, если не заденет дело с ОО. Тебе, наверное, тоже.

5. Девис предложил срочно переводить Хола Клемента — эта повесть будет центральной в сборнике «Братья по разуму». Срочно напиши на нее аннотацию и вышли мне (укажи листаж).

6. Насчет встречи — что же, будем ждать. Надо перебелить повесть в один прием. Там 166 стр., 17-ти дней будет за глаза достаточно. В крайнем случае будем работать у тебя и у мамы, а машинку будем возить. Не инвалиды, не сломаемся. Одним словом, буду здесь заниматься своими делами, а ты, когда найдешь нужным, дай сигнал. Я сразу приеду.

Адке привет. Жму ногу, твой [подпись]

Письмо Бориса брату, 29 марта 1969[1], Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Посылаю тебе аннотацию и контрфельетон Саши Лурье.

2. По поводу Клемента: я перевел что-то около половины повести. Это дало 93 страницы на машинке. Вероятно, листаж надо указывать — 10 листов. Меня несколько беспокоит, что самой книги у меня нет. Она у тебя?

3. С контрфельетоном поступай по усмотрению. Прежде всего его надо бы размножить, а моя машинистка занята. Попробовать надо в «Комсомолке» через Димку и — идея Мишки Хейфеца — в «ЗС» через Романа. И в любом случае распространить как можно шире. Я точно знаю, что из Ленинграда пошло два протеста в «Журналист» и в ЛитГаз. Возможно, пойдет и третий — из Пулкова. Мишка потребовал на секции, чтобы секция тоже отреагировала. Меня не было, не знаю, чем кончилось.

4. Да! Я тут был в «Неве». Кривцов, завотделом прозы, очень просил повлиять на мадам, чтобы оставить Неизвестных Отцов. Я пожимал плечами, но он, конечно, прав — Детгиз ставит себя в идиотское положение: ведь «Нева» имеет тираж в два раза больший. Попытайся все-таки что-нибудь предпринять через Нину.

5. Кстати, насчет сборника «Братья по разуму» — ты не забыл, что у нас есть перевод «Сократа»? Зарабатывать так зарабатывать.

6. Заявку на сценарий ДоУ мы с Лешкой написали и носили к Рохлину. Противу ожидания заявка ему понравилась. Он попросил сделать несколько вставочек и нести официально. Завтра еду к Лешке, в понедельник сдадим исправленную заявку. Чем черт не шутит! Глядишь, и получим 25 %.

7. Что касается новой атаки Чхиквишвили, то мне почему-то кажется, что это все-таки не СоТ, а УнС имеется в виду. Впрочем, это несущественно.

[1] Датировка составителей.

8. Сейчас бешено ищу домработницу. В крайнем случае, будем работать как договорились. Думаю, что в течение ближайшей недели все будет ясно. Сообщу немедленно.

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське — привет!

P. P. S. Имей в виду на всякий случай: Саша Лурье согласен для пользы дела на любые сокращения и смягчения. Надо будет только его предупредить.

Аннотация

Нильс Крюгер, юнга исследовательского звездолета «Альфард», волею случая оказывается один на, казалось бы, мертвой планете, обращающейся по сложной траектории вокруг двойной системы гигант-карлик. Во время своих скитаний по мрачным лавовым полям он неожиданно сталкивается со странным существом, которое вначале кажется ему таким же потерпевшим бедствие чужаком-пришельцем, как и он сам. На самом деле, это — абориген планеты, представитель удивительной расы гигантских разумных насекомых — попавший в аварию пилот планера. Два разумных существа, землянин и негуманоид, казалось бы, безнадежно далекие друг от друга во всем, не понимающие друг друга, не знающие друг о друге ничего, вначале полные недоверия, начинают совместный долгий путь через джунгли и горы к полярной шапке планеты, где расположен город аборигенов…

Автор, известный американский фантаст, неторопливо, обстоятельно, с большой выдумкой рассказывает об удивительных приключениях героев, о странной цивилизации планеты двойной звезды, о трудностях и радостях контакта братьев по разуму.

Повесть пронизана идеей дружбы и братства космических цивилизаций, мыслью о том, что никакие различия физиологии и анатомии, эволюции и истории не могут помешать сближению разумных существ, если только существа эти исповедуют гуманизм.

И снова АБС съезжаются — дорабатывать ОУПА.

Рабочий дневник АБС

9.04.69

[дневник приездов: 9.04.69. Приезд 8.04.69. Начата обработка «ВНИВ».]

Работаем у мамочки. Делаем ВНИВ.

Сделали 11 стр. 14

10.04.69

[дневник приездов: 10.04.69. Сделано 30 стр.]

Сделали 11 стр. 26 (22)

Вечером сделали 3 стр. 30 (25)

11.04.69

Сделали 10 стр. 41 (35)

Вечером сделали 3 стр. 45 (38)

Дополнит<ельные> вопросы к Мозесу: почему клей; почему дамск<ий> пистолет; поведение Ольги; что делал Мозес в номере-музее;

Дополнит<ельный> вопрос к Хинкусу: насчет тряпья.

Дополнит<ельный> вопрос к Хозяину: кто и когда пожелал бала?

12.04.69

[дневник приездов: 12.04.69. По 61 стр.]

Сделали 10 стр. 57 (48)

Вечером сделали 4. 61 (52)

13.04.69

[дневник приездов: 13.04.69.]

Сделали 11 стр. 74 (63)

Вечером сделали 5 стр. 79 (68)

Дополнит<ельный> вопрос к Мозесу: зачем роботы такие бабники? Ср<едний> человек.

14.04.69

[дневник приездов: 14.04.69. Перевалили за половину.]

Сделали 14. 95 (82); Вечером сделали 4. 100 (86)

15.04.69

[дневник приездов: 15.04.69. День рождения Бори. Выпито и закушано. Имениннику [иероглифы «банзай (десять тысяч лет <жизни>)»]]

Сделали 15. 117 (101)
Вечером сделали 3. 120 (104)
Были Адка и Андрюха.

16.04.69

[дневник приездов: 16.04.69.]
Сделали 15. 137 (119)
Вечером сделали 3. 140 (122)

17.04.69

[дневник приездов: 17.04.69.]
Сделали 15. 157 (137)
Вечером сделали 4. 161 (141)

18.04.69

[дневник приездов: 18.04.69.]
Сделали 13. 176 (154)
Вечером сделали 4. 180 (158)

Отдельный листок. План-таблица[1]

Отдельный листок. Оборот

12.30, после возни с пришельцем, я спохватываюсь, как Хинкус это не видел. Иду на крышу, чучело. Следы только Хинкуса.

Глядя на тень Хинкуса, я сентиментально жалею его. Мозесы понимают, что я им не помощник и Хинкуса придется кончать самостоятельно.

9.50–10.10 Хозяина в каминной нет.

В 9 ч. вне поля зрения Хинкус, Ольга, Кайса.

1. Когда видел в последний раз Олафа?
2. Кого видел в р<айо>не 8.43?
3. Поднимались ли вы на крышу днем?

n. Кто с силой захлопнул дверь в 10 часов примерно?

Продолжение дневника

19.04.69

[дневник приездов: 19.04.69. Окончили.]

Сделали 8 страниц и ЗАКОНЧИЛИ ПОВЕСТЬ НА 187 СТРАНИЦЕ

[1] См. стр. 325.

	7.00	7.30	8.00	8.30	9.00	9.30	10.00	10.30	11.00
Хинкус	отправился на крышу	на крыше		схвачен и связан	лежит под кроватью в комнате-музее, на крыше вместо него чучело				
Олаф	В зале			Путается с Кайсой на кухне, ожерелье	Крутит с Брюн	Уходит из зала вместе с Брюн	Смерть		
Мозес	Играют в карты с дю Барнстокром					Мозесы ухо-дят спать			
Дю Барнстокр	Играет в карты					карточные фокусы, уходит к себе в номер, спит	Стучит к Олафу для реванша, оставляет записку и возвращается в номер	Спит	
Брюн		Кокетничает с инспектором	Застает меня с Мозес, танцует с нею, она уходит	Крутит с Олафом		уходит из зала с Олафом	вытолкнута из № Олафа		
Хозяин	Пляшет, играет в карты					спускается в каминную	сидит со мной в каминной		
Кайса	убирает в зале, пляшет с Симонэ и в основном с Олафом			на кухне, теряет ожерелье	У себя в комнате			приборка зала	
Симонэ				играет на бильярде			У себя		покушается на Ольгу
Ольга			оттанцевав с Брюн, уходит бить Хинкуса	лепит бабу	9.10 видит пару у номера Олафа	Мозесы уходят спать	В мертвом состоянии		
Я		Кокетливые разговоры с Брюн	смотрит в окно с госпожой Мозес на силуэт, Брюн застает и приглашает на танец Мозес	играет на бильярде		смотрит на силуэт, спускается в каминную	9.50 сижу с хозяином в каминной 10.10		

Отдельный листок. План-таблица

20.04.69
Бездельничаем у меня.
21.04.69
[дневник приездов: 21.04.69.]
Писали заявку на сценарий ОО.
22.04.69
[дневник приездов: 22.04.69. Взяли «Неву» 4. Отъезд.]
Арк уезжает.

Письмо Аркадия брату, 26 апреля 1969, М.— Л.

Дорогой Боб!

1. В «Мол. Гв.» нас (равно как и Шефнера, и Подольного) перевели из основного плана в резерв. Как говорит Бела, Ганичев и Ко требуют от авторов «концепции», а без концепции этой издавать впредь никого не будут. Что за «концепция» — Бела объяснить не может, ну а я подозреваю, что речь идет о прямых и недвусмысленных подлостях.

2. В Детгизе всё благополучно. СБТ ожидают либо вот-вот, либо в начале следующего месяца.

3. Наши люди были наверху. Впечатление отрадное, то есть до такой даже степени, что, возможно, появится шанс дать в рожу дураку Ганичеву. Честно говоря, я теперь уже не верю, что может появиться пашквильная на нас статья, а вот возможность появиться статье за нас — увеличивается.

4. В понедельник встречаюсь с Борецким по поводу сценария ОО.

5. Ждало тут меня письмо от Василия Журавлева — помнишь, режиссер? Мосфильм дал ему санкцию на переговоры с нами по поводу какого-нибудь фильма. Я вызван на переговоры с ним и с дирекцией на вторник.

6. Во вторник же, но вечером, состоятся переговоры в ЦДЛ по поводу конкурса на лучший космический фантастический фильм, затеянный какими-то очень высокими инстанциями. Организатором конкурса назначен представитель этих инстанций, Володя Григорьев. Переговоры будут идти совместно с секцией критики.

7. ДоУ пока на машинке.

8. Средне-Уральское книжное издательство (Свердловск) издает в 70-м году сборник фантастики. Нас приглашают участвовать, но объем — всего 1–1.5 печатных листа, да еще чтобы нигде не публиковалось. Что делать?

9. Как ты знаешь, СовПис вернул нам УнС. Сопроводительное письмо — образец самого махрового хамства. Они, видишь ли, с сожалением констатируют, «что попытки найти общий язык между авторами и издательством завершились неудачей». Подписано Вилковой (зав. ред.) и Левиным. Увидишь Лешку Германа — передай <…>.

Вот, кажется, всё. В «Мире» еще не был. Завтра буду у Нины, она сообщит новости. Завтра же зайдет ко мне Исай Лукодьянов. Все шлют тебе приветы.

Аз же целую тебя и жму, а равно передаю всё существенное маме и Адке.

Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 28 апреля 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Отвечаю сразу же по получении.

1. Был в Ленфильме, подписал договор на сценарий ДоУ. Теперь дело за Голованью. Мне сказали, что она в принципе не возражала (что и позволило подготовить договор), но оставила за собою право до визирования договора задать несколько вопросов авторам. Все считают, что дело ОК, но — посмотрим. Сейчас Головань заболела, и все отложится, по-видимому, до после праздников.

2. ДоУ и у меня в перепечатке. В ближайшее время встретимся с Сашей и обсудим план действий. Очень мне хочется, чтобы Попов заключил договор, не читая рукописи.

3. Радости наши по поводу хорошей рецензии в ЛенПравде оказались несколько преждевременными. Я беседовал с Брандисом, и оказалось, что к нему из ЛенПравды не обращались. Но на перевыборном собрании к нему подходил Попов и спросил: «Не обращались ли к вам?» — «Нет»,—

сказал Брандис. «Странно,— сказал Попов.— Мы неделю назад с ними договорились. Сначала хотели попросить Гора, но тот отказался, сославшись на то, что он член редколлегии и ему неудобно. Тогда решили обратиться к вам». Но с тех пор, сказал Брандис, ничего не произошло. Надо понимать, решили не связываться.

4. Дмитревский, как выяснилось, на собрании говорил хорошо: обматерил Краснобрыжего. Дабы поощрить сей порыв, я ему позвонил, и мы побеседовали. Очень мило все было. Выяснилось, что по заказу «Коммуниста» он с Брандисом пишет сейчас сугубо теоретическую статью о фантастике — «без имен и без названий». Намерен и там лягнуть «фельетонную критику».

5. В Лавке встретился с колченогим Граниным. Побеседовали о том, о сем. Он попросил почитать УнС, дал телефон. Хочу теперь встретиться с ним и попытаться понять, что он за человек.

6. Жалко, что ты поподробнее не отписал, кто был наверху и из чего складывается отрадное впечатление. Обязательно напиши и с подробностями. Такие новости надо широко распространять!

7. Да! Срочно вышли мне свои паспортные данные и адрес сберкнижки. Это надо для договора в Ленфильме. У меня, оказывается, всё это есть, но со старых времен. Не поменялось ли?

8. Письмо из Свердловска я получил тож. Есть предложение: послать им «Бедные злые люди» и «Первые люди на первом плоту» (последние, правда, опубликованы в «Костре», но из письма ясно, что они, возможно, и не откажутся — все-таки публикация чисто ленинградская).

9. Киношные договора заключай направо и налево без разбора. А там что будет, то и будет.

10. По поводу СовПиса и УнС. Ох, хорошо было бы закатить скандальчик! Я надеюсь, переписка наша с ними у тебя сохранилась? Вот собрать бы всё это и пожаловаться в Секретариат. Как это так — «попытки найти общий язык завершились неудачей»? Где они, эти попытки? Судя по письмам

авторов, авторы были готовы на всё, но их даже не вызвали на переговоры! Толку от этого, скорее всего, не будет, но задницу Вилковой наперчить можно было бы неплохо.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

P. P. S. Слушай, а не написать ли нам что-нибудь антимаоистское? Бедная разрушенная страна, дикие обычаи, заплывы великого фараона и т. д. Есть где развернуться и, по-моему, есть шансы сейчас это пробить. Вот подумай-ка. Имей в виду: Ромму разрешили ставить антикитайский фильм. Ефремова тоже приветствуют, надо думать, из-за этого. Кстати, позвонил бы ты ему. Он, по словам Дмитревского, считает, что вы в ссоре. Но ведь вы не в ссоре? «Об-б-бижается н-на меня з-за что-то А. Н.! Н-не понимаю, з-з-з-за что?»

Письмо Аркадия брату, 4 мая 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

С праздниками этими, да еще с переводами по катализаторам графитизации… сам понимаешь, зашился малость. Но — отшился, отвечаю.

1. ДоУ у меня так и не успели перепечатать. Сильно надеюсь, что на неделе все уже будет, тогда отнесу Ревичу, а тот — в «Дружбу народов», а первый экземпляр — в «Мол. Гв.», хоть нас и вынули там из плана.

2. Паспортные данные: <…> Сберкнижка: <…>

3. Приходил Борецкий, заявка на ОО ему понравилась, понес ее своим в Комитет. Позавчера звонил, сказал, что двум заявка тоже очень понравилась (Котову, о котором я тебе говорил, и еще Тарасову, это редактор объединения так. наз. совместных фильмов в Госкомитете). Оба нас ценят.

4. Ходил на свидание с Журавлевым, а свидание состоялось у его друга, главного редактора Мосфильма (курьеры, курьеры[1], чай в кабинет и пр.). Зовут Соловьев Василий Иванович, это наш мосфильмовский Головань, так я понял. Он там ненадолго, всего на годик, но хочет за этот год выпустить

[1] Аллюзия на «Ревизор» Н. Гоголя.

Стругацких, просит сценарий на что угодно фантастическое. Я что подумал? Дам-ка я им ТББ, а? Пусть пока читают, а ты тем временем подкинь идейку мне, а я напишу заявку на самостоятельный сценарий. У меня есть одна идейка, но на полнометражный фильм не тянет.

5. Имело место совещание в составе зам. пред. Комиссии пропаганды космических исследований, Володьки Григорьева — его зама по худ. части, Севера, Мишки Емцева и меня. Говоря коротко, решили вот что: 1. Пробный объединенный сценарий с авторством Гансовского, Григорьева, Емцева-Парнова и Стругацких, в котором будет играть Герман Титов — это в ближайшее время. 2. Семинар писателей и сценаристов где-нибудь в Репине, дней 20, с показом фильмов и инструктажем специалистов (все участники по допускам), а затем закрытый конкурс на лучший сценарий. Пока я начну с ними работать, а ты тоже подумай.

6. СБТ вышла, деньги, говорят, перевели. Посмотри.

7. Звонили из «Детской литературы» со слезницей: просят написать на пол-листа бодягу «Как мы пишем». Я дам согласие, как ты полагаешь? Неужто не напишем что-нибудь смешное?

8. СовПис и УнС — к дьяволу, не надо никаких скандальчиков. Толку никакого, а времени потеряем много.

9. Вчера с Ленкой гостили у Ариадны. Был там Марк Сергеев — отв. секр. «Ангары» (бывший). Рассказал, как это было. Формулировка: за опубликование политически вредной книги «Сказка о Тройке». Как ни странно, основные обвинения шли по монологу Клопа. Ты что-нибудь понимаешь?

10. Наверху был Шилейко, имел обширную беседу с неким Овчаренко, это один из заместителей Кириченко, и куратором Мол. Гв. из ЦК ВЛКСМ. Все читали, все знают. Восхищаются «Стажерами», ТББ хотели было объявить чуть ли не государственной классикой, но потом, оказывается, им указали на фразу «это нарушит чистоту эксперимента» (ума не приложу, откуда эта фраза?), и все рухнуло. Неодобрительно относятся к УнС и враждебно к СоТ. Договорились писать статью против Краснобрыжего, это уже после

праздников. Вернее, про суть фантастики, а там лягнуть и этого подонка. Писать будет, видимо, Шилейко, а они пройдутся кистью мастера и, возможно, подпишут.

11. Звонил Ефремову, буду у него после праздников.

12. Насчет антимаоистского — надо подумать. Может быть. Ужо.

13. Смотрел я «Рублева»[1]. Шел с предубеждением, даже с неохотой. А посмотрел — по сей день дитя окровавленное в глазах[2]. Это, понимаешь, даже уже и не кинематограф. Что-то совсем новое или забытое древнее, и ужасной мощи. Постарайся добиться посмотреть.

14. Вчера весь день до вечера сидел и вычитывал верстку «Саргассов». Быстро обернулись, а?

Вот, кажется, всё. Много, не так ли? Поворачиваться не успеваю.

Обнимаю, жму. Твой Арк.

Привет Адке и пацану.

«Был там Марк Сергеев — отв. секр. «Ангары» (бывший). Рассказал, как это было»,— пишет АН. Много позже, уже в перестроечный период, об этом же рассказывал бывший главный редактор альманаха «Ангара».

Из: Самсонов Ю. Как перекрыли «Ангару»

Журн.: Публикация этих вещей, безусловно, привлекла бы внимание читателей к альманаху. Однако они так и не появились, но зато увидела свет «Сказка о Тройке». Как это произошло?

Ю. С.: «Сказку о Тройке» братьев Стругацких и груду других фантастических рассказов разных авторов по моей просьбе выслала Ариадна Громова из Москвы. На заседании редколлегии я сообщил о содержимом редакционного портфеля. Вскоре последовал звонок инструктора обкома Дмитрия Милюкова:

---

[1] К/ф 1966 г., реж. А. Тарковский.

[2] Приблизительная цитата из «Бориса Годунова» А. Пушкина: «…И мальчики кровавые в глазах…» (Сцена «Царские палаты»).

— Ты сказал, что собираешься печатать Булгакова и Аксёнова?

Я сказал, что имею их в портфеле.

— Ясно.

Мне тоже стало ясно, что остается печатать фантастический номер. А фантастики, привозной и местной, хватало на два. Стало быть, напечатаем два. Рассказы были относительно безобидны. Зато «Сказка»!.. «Сказка о Тройке» — продолжение повести «Понедельник начинается в субботу». На тринадцатый этаж всё того же здания научно-исследовательского института чародейства и волшебства (НИИЧАВО) направилась комиссия во главе с товарищем Вунюковым, узурпировала там власть и, пользуясь Круглой Печатью, творит расправу над разного рода необъяснимыми явлениями. <…>

Я позвонил Ариадне Громовой:

— Слушай, может, убрать откровенное хулиганство — хоть этот эпизод с пионерами, которые пришли приветствовать Вунюкова?

— Не смей ничего убирать. Лучше уж не печатай.

Поразмыслив, я решил, что она права: что могли изменить поправки?

В это время в Иркутск прилетел заместитель редактора журнала «Байкал», мой друг Владимир Бараев, и рассказал, что в Улан-Удэ работает комиссия из двадцати трех человек, разбирается с опубликованием повести «Улитка на склоне» всё тех же Стругацких — путь их пролегал по редакторским трупам.

— А я ставлю в номер «Сказку о Тройке».

— Поздравляю: к тебе тоже приедет комиссия. Держи мою объяснительную — авось пригодится.

Не пригодилась…

Журн.: Тем не менее, история с «Байкалом» служила лишним подтверждением, что со «Сказкой» придется немало повозиться, не так ли? Какие на сей раз вы предприняли шаги, чтобы облегчить ее публикацию, что удалось придумать?

Ю. С.: Ровным счетом ничего. Я ограничился тем, что отправил в отпуск редактора Л. А. Васильеву, отчасти потому, что она действительно изрядно со мной подустала, а в основном потому, что не хотел ее подставлять под удар. Номер я подписал сам, но никаких военных действий не вел: ни с кем не консультировался, не запасался рецензиями, не оказывал никакого давления. По-видимому, это усыпило бдительность руководства издательства и обллита, в общем-то привыкших к тому, что в критических ситуациях главный редактор альманаха, наоборот, проявляет активность. А может быть, те, кто стоял на страже, просто ничего не поняли.

Повесть прошла без сучка и задоринки. В один альманах она не уместилась, и окончание пришлось перенести на следующий номер. Между двумя выпусками был перерыв примерно в два месяца, и я с опасением ждал, что начало повести дойдет до более высокого начальства, последует запрет, и окончание повести не увидит свет. Но этого не произошло. А время шло, я работал над составлением последующих номеров альманаха, всё было спокойно и тихо, но ощущение занесенного топора не проходило, хотя и запряталось в самую глубину.

И только в феврале ночью раздался звонок из Москвы:

— Ваш Антипин получил за тебя в ЦК взбучку, едет в ярости, готовься.

Взбучка, говорят, была получена от секретаря ЦК Демичева. Вопрос предложили рассмотреть на бюро обкома.

Скоро Антипин нас вызвал. Особенно долго почему-то выяснял, откуда известно, что повесть относится к жанру фантастики. Никак его не устраивало, что я и сам фантаст, могу, поди, судить. Нет, это должно быть обозначено в подзаголовке — тогда будет фантастика. А без обозначения — ни в коем случае.

У кого-то в разговоре мелькнуло слово «позиция». Антипин налился кровушкой и почти пропел своим хорошо поставленным баритоном:

— У нас может быть только одна позиция — классовая!

«Интересно, какого класса?» — подумал я, разглядывая выхоленного аппаратного работника.

По моему мнению, умный был человек, но до того заботился, чтобы окружение простило ему немодную там интеллигентность, что сам про нее забывал. А окружение помнило и не прощало, не позволяло прыгнуть выше кресла третьего секретаря, хотя ни в какое сравнение с ним не шло.

Нам сказали, что особых дебатов разводить на бюро не будут.

Сообщение — оценка — решение, всё за 10–15 минут. Познакомили с подготовленными материалами, в общем приемлемыми. У меня за спиной было достигнуто джентльменское соглашение насчет того, чтобы я — и тоже в приемлемой для себя форме — признал допущенную ошибку, после чего дело ограничится строгим выговором с занесением… и я остаюсь в должности. Это было важно, поскольку я понимал, что если уйду, альманах станет другим, а вместе с этим изменится интеллектуальная, духовная жизнь Иркутска, на которую «Ангара» стала оказывать всё возрастающее влияние. Бросать дело не хотелось, особенно в тот момент, когда у альманаха появилась хорошая репутация, он стал популярен и при умелой организации дела мог в самое ближайшее время превратиться в журнал. Первым шагом к этому было нажитое за последний год право включения альманаха во всесоюзный каталог подписки, благодаря чему «Ангара» стала известна всей стране. Словом, что-то там признать, пообещать быть наперед благоразумнее, найти этакую извилистую формулу для меня не составило бы труда: мало ли я за эти два года наловчил?

Журн.: И, тем не менее, всё обернулось иначе. Что же произошло?

Ю. С.: Мы познакомились с материалами для обсуждения на бюро за день перед заседанием. Но за это короткое время что-то произошло, о чем трудно судить, поскольку я не искушен в партийной работе, особенно в тех ее формах, которые были распространены в то время. Во всяком случае, в сообщении по нашему вопросу зазвучали совсем не те характеристики, которые содержались в материалах для бюро. Они носили не только демагогический и ортодоксальный характер,

но были оскорблением чести и достоинства авторов повести, моих собратьев по творческому цеху. Этого я уже решительно принять не мог, поскольку не хотел позора на свою голову, но те, кто сидел за длинным столом, еще не знали об этом.

Первый секретарь обкома Н. В. Банников спросил, как я оценил «Сказку о Тройке», когда получил ее для публикации. Я ответил, что оценил произведение как антибюрократическую сатиру в области науки.

— А теперь как оцениваете? — задали мне вопрос в соответствии с намеченным сценарием.

— У меня не было времени изменить свое мнение,— ответил я.

Покаяние не состоялось, члены бюро были вынуждены начать обсуждение, которое длилось добрых полтора — два часа. Их вопросы казались мне странными, они явно гадали — где крамола, которую должны были непременно осудить. Похоже, что никто ничего не понял, хотя перед каждым лежал номер альманаха, исчерканный красным карандашом,— я это видел со своего лобного места. Придирки имели случайный, вымученный характер, иногда злобный, как у второго секретаря по фамилии Кацуба. Нелепая была ситуация: мы говорили на разных языках без переводчика, но с предопределенным результатом. Ни до чего, естественно, не дотолковались, однако хоть внешне разговор наш выглядел прилично. Банников был до того вежлив, что всякий раз, задавая вопрос, вставал с места.

Жутким образом всё переменилось, когда меня сменил главный редактор издательства В. Г. Фридман. Видать, они слишком сдерживали «ндрав», а в зубы наконец попался человек зависимый, из номенклатуры… Перед началом заседания я Фридману сказал, чтобы он не тянул на себя одеяло — валил всё на меня. Однако Владимир Григорьевич доброму совету не последовал, и гордость проявил, и твердость — ну за то и отлилось.

Ему и говорить-то толком не давали.

— Чем вы объясняете свою политическую близорукость?

Фридман начинает:

— Я был загипнотизирован…— Он хотел сказать — известностью, именем братьев Стругацких. Перебили:

— Кем загипнотизирован — Клопом, что ли?

Кто читал повесть, помнит, что есть в ней такой персонаж — говорящий Клоп.

И — новые вопросы. А в заключительном слове Банников выдает уже как вполне установленный факт: «Фридмана загипнотизировал Клоп».

Спустя полгода Фридмана не утвердили в должности как раз по мотиву этого Клопа. Дорого Клоп обошелся издательству: главным редактором Фридман был преотличным.

Легче задышалось лишь во время выступления Антипина: хоть один человек, да понял эту «Сказку о Тройке». Не упустил ассоциации с особыми тройками тридцатых годов, не забыл про пионеров, приветствующих товарища Вунюкова, раскрыл нам глаза на то, что фамилия профессора Выбегалло содержит намек на наших выдвиженцев — мне это как-то в голову не пришло.

Кацуба предложил исключить меня из партии. Банников спросил:

— Вы прежде имели взыскания?

— Нет.

— Тогда предлагаю ограничиться строгим выговором с занесением в учетную карточку. Какой вуз окончили?

— Иркутский педагогический институт.

— Плохо изучали марксизм.

Черт возьми, ну при чем же здесь бедный марксизм? Ведь то, что происходило в этой большой полированной комнате, меньше всего напоминало собрание марксистов. Вот доказательство:

«Бюро ОК отмечает, что в 1968 году на страницах 4 и 5 номеров литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Ангара» опубликована идейно порочная, аполитичная повесть Стругацких «Сказка о Тройке». Под предлогом фантастического сюжета, широко используя средства иносказания (аллегории), авторы повести в нарочито

искаженном виде, субъективно и тенденциозно представляют советское общество, охаивают историю развития Советского государства, деятельность его учреждений, жизнь советских людей, строящих коммунизм. Вместо сатирического изображения отдельных недостатков нашей жизни и показа конкретных носителей социального зла, еще встречающегося в нашей действительности, авторы обобщили и заострили это зло, не показав сил, которые успешно преодолевают трудности и недостатки на пути движения советского общества к коммунизму. Частные и преходящие отрицательные явления, отражающие процесс борьбы нового со старым в поступательном движении общества к коммунизму, приобрели несвойственные им всеобщность и фатальную неизбежность…

Костяк сюжета повести, ее художественный строй, особенно язык и стиль направлены на охаивание научно обоснованных методов руководства в нашем государстве… Авторы отошли от принципов партийности и социалистического реализма» и т. д.

Что называется, достойно скрижалей, но я поленился переписать бумагу от начала до конца, когда она была в руках. Да, поди, и не надо: достаточно.

После таких обвинений, сами понимаете, ни о каком помиловании и речи быть не могло. Было постановлено главному редактору альманаха «Ангара» объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку и от работы освободить.

Я уходил избавленный от груза должности. Из обкома мы прямиком направились в ближайший ресторан, чтобы обсудить происшедшее. Через несколько минут прибежал собственный корреспондент «Комсомольской правды», присутствовавший на заседании бюро, поделился анекдотичной новостью:

— Ребята! Вы только вышли, а Банников спрашивает: «Чего это Марк Сергеев с бородой?» Ему говорят: «Нынче такая мода». А Банников: «Но он же коммунист!»

Посмеялись, но не очень весело. Чувствовалась какая-то всеобщая угнетенность. Причем удручены и угнетены мы были не суровостью примененных наказаний, а бессмысленностью

всего, что случилось. Это было в чистом виде продолжение «Сказки о Тройке», ненаписанная Стругацкими ее иркутская глава, не менее страшная и в то же время нелепая. Мы даже подумали, что непросто, конечно, придумать «Сказку о Тройке», еще труднее ее написать, но пережить «Сказку о Тройке»!..

Вспоминали об этом издании и АБС.

АНС. «Аэлита-88». Встреча с писателями-фантастами в Свердловске

Дальше вопрос был очень трогательный: «Что случилось со «Сказкой о Тройке», почему в первом издании, в «Ангаре», она имеет один вид, а в последнем издании, в журнале «Смена», она имеет вид совсем другой?» Дело в том, что когда мы написали «Сказку о Тройке», она была задумана как продолжение «Понедельник начинается в субботу», но, как вы легко могли заметить, она написана достаточно желчно, это уже не юмористика, не ирония, а, так сказать, сатира. Сатира на положение в науке и прочее.

В прошлом ее никто опубликовать не пожелал, хотя договор был. А вот тут обратился альманах «Ангара», бедный, несчастный альманах иркутский, в котором не было штатной редакции, штатных редакторов, там работали люди на чистом энтузиазме, журнальчик этот выходил раз в два месяца. И вот они решили посвятить два номера фантастике. Обратились к нам, мы дали им «Сказку о Тройке». Энтузиаст есть энтузиаст, это вам не чиновник. «Давайте,— сказали они нам,— но увы, мы не можем дать больше шести листов». А в оригинале «Сказки» — десять листов. Нам пришлось искать способ сократить «Сказку о Тройке», что мы и сделали. Из десяти листов первоначального текста, который опубликован последний раз в «Смене», мы взяли пять листов, добавили туда еще один лист нового материала и, таким образом, «Сказка о Тройке» пошла в журнале «Ангара» в шестилистовом виде, что благополучно привело к разгону редакции, к строгому выговору, увольнению ответственного секретаря…

Это не первый журнал, который мы разрушаем, потому что такая же судьба постигла журнал «Байкал» в связи с опубликованием «Улитки на склоне»… Дальнейшее наше зловещее влияние на журналы отразилось гораздо меньшими потерями, потому что нас не печатали. Но вот журнал «Аврора», например, начал активно печатать в Ленинграде наши произведения, но там было трудно достать редактора, потому что редактор Косарева, очень смелая женщина, сама была членом обкома, и ее супруг работал в ЦК КПСС, так что ее просто так не ухватишь. Отсюда пошли три произведения подряд в «Авроре». И она объявила, что «Аврора» — ни одного года без Стругацких, но тут ее, увы, забрали в ЦК, и «Аврора», конечно, потеряла в наших глазах многое.

Однако знамя было подхвачено нашей колыбелью, нашей альма-матер «Знание — сила», и они выступали очень смело, за это время четыре раза с ними происходил кризис, то есть угрожали превратить их в очередной журнал профтехнического обучения.

Нам удалось совместно с десятью академиками, пятнадцатью докторами это дело отстоять. (Аплодисменты.)

БНС. Если б гимназисточки по воздуху летали!

— С 1970 по 1980 год у нас не вышло ни одной новой книжки — только пара переизданий. Единственная отдушина была нам оставлена — несколько журналов, которые нас публиковали — «Аврора», «Нева», «Знание — сила». Но цензура здесь ни при чем. Цензура (Главлит) не занималась идеологией — она просто вычеркивала всё, что было запрещено «цензурной книгой». Запрещено, скажем, упоминать молодую треску (СССР, оказывается, подписал какую-то конвенцию о невылавливании молодой трески),— цензура вычеркивает в тексте полностью обалдевшего от изумления автора фразу «мы сидели на берегу и поедали свежепойманную молодую треску». Запрещалось писать о зарплатах наших спортсменов. Мы, помнится, потеряли дар речи, когда нас заставили убрать в тексте автомобильные

номера — предложили заменить на любые, но другие, взятые тут же и наугад… Единственный раз цензор выдвинул идеологическое требование, обвинив нас в пропаганде экспорта революции,— речь шла о романе «Хищные вещи века»,— но это было событие нетипичное. Как правило же, идеологией занимались редакции, превращенные в опорные пункты по очищению произведений от идеологически вредных текстов и, особенно, подтекстов. Прорваться сквозь оборону издательской редакции, в особенности настроенной к тебе недоброжелательно, в особенности битой и запуганной, в особенности, когда по стране идет какая-нибудь кампания, — было практически невозможно. Вторая часть нашей «Улитки» была опубликована Божьим попущением один-единственный раз, в 68-м году, в периферийном журнале «Байкал». После чего редакция «Байкала» получила массу неприятностей, а текст был запрещен идеологическими инстанциями намертво — аж до самого 1987 года. Точно так же вышла «Сказка о Тройке» — в иркутском альманахе «Ангара», каковой альманах постановлением тамошнего обкома был немедленно разогнан… Вот подлинные герои того времени — редакторы, осмеливавшиеся на свой страх и риск публиковать идеологически невыдержанные тексты! Африкан Бальбуров, Юрий Самсонов, Бела Клюева, Владимир Кривцов, Нина Беркова, Нина Филиппова, Нина Косарева — низкий поклон вам за вашу смелость и профессионализм.

Но публикации в одних только журналах — это еще в будущем. Пока же для АБС привычно другое: журнальная публикация, а затем книжная. Авторы радуются вышедшему ОО в журнале и ждут его книжного издания.

Письмо Бориса брату, 6 мая 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Как раз сегодня вызвала меня Головань. Имела место беседа, длившаяся в общей сложности полтора часа. Полчаса мы говорили о деле, остальное время — беседовали за жизнь. Коротко говоря, всё свелось к двум конкретным

требованиям главной редакции: а). Пришельцы должны быть симпатичны советскому зрителю и б). Инспектор не должен быть одинок, не должен противостоять всем прочим людям (ибо иначе возникает ситуация, чреватая аллюзиями и ассоциациями, т. е. критика своевольного и злого начальничка). Я со всем соглашался, и всё кончилось хорошо. Договор будет подписан, и аванс будет выдан. Правда, возникли тут трудности в связи с тем, что у тебя переменились и паспорт и сб/книжка, но это все преодолимо, я уже принял меры. А пропо, сообщаю, что мадам была очень мила, очень лева и очень возмущалась как новой линией «Журналиста» вообще, так и выпадом Краснобрыжего в частности.

2. «Неву» с ОО я тебе достал, так что можешь свой номер спокойно дарить Ниночке-благодетельнице.

3. С Сашей Лурье я пока не общался. Во-первых, еще не готова перепечатка, а во-вторых, он заболел гриппом.

4. Всю твою деятельность, связанную с кино, одобряю оптом. Дать ТББ Журавлеву — идея хорошая. Мыслей насчет оригинального сценария у меня нет, но можно пойти на любую инсценировку, например, ДР, или ПкБ, или «Извне» (очень завлекательный мог бы быть фильм!). Об оригинальном сценарии я, конечно, буду думать, но более всего меня сейчас заботит ускорение оборачиваемости оборотных средств (УСКООБОБОСР). Деньги же лежат под ногами — наши повести, наши рассказы, всё это годится в дело!

5. «Как мы пишем вдвоем», конечно же, напишем! Соглашайся. Я приеду же к тебе в июне-июле, вот и напишем.

6. В общем это пока и всё. Тем более что только что позвонили с Ленфильма, просят приехать, переписать договор в связи с изменением твоих данных. Еду.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет!

P. P. S. Послал ли что-нибудь в «Уральский следопыт»? Или куда там?..

P. P. P. S. Да! Обязательно раздобудь для меня экз. СБТ. А то где я его достану?

Письмо Бориса брату, 8 мая 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Шлю письмо вдогонку.

1. Вышли поскорее справку о детях. Заодно напиши полный адрес своей сберкнижки (улица, дом) — я опасаюсь недоразумений.

2. ДоУ, наконец, перепечатали. После праздников пущу в дело.

3. Когда (примерно) выйдут «Саргассы»? И какой мне псевдоним соизволил выбрать Девис? И как дела с Клементом?

4. Какие у вас планы? Когда можно будет приехать так, чтобы никому не мешать?

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет и любовь.

Письмо Аркадия брату, 12 мая 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

Пока собирался тебе отвечать (все праздники да праздники, новостей никаких), пришло второе письмо. Ну, сейчас, слава богу, праздникам конец, кое-что стало известно.

1. Верстка ОО находится в Главлите, наступил великий час. Нина предупредила уполномоченного, что, за исключением одной части, вещь печатается в «Неве». Он еще не начал читать — на сегодняшний день — но не сегодня-завтра начнет. Да будет над нами милость Господня!

2. Киношники пока еще не давали о себе знать.

3. В «Уральский следопыт», а точнее — в Свердловское издательство, еще ничего не посылал. Ужо найду материалы, тогда пошлю.

4. Справку о детях высылаю. Адрес сберкассы <…>. Не знаю, зачем это, но пусть.

5. Сегодня отнес ДоУ — один экз. Жемайтису (Бела больна), один — Ревичу (он будет посредником между нами и «Дружбой народов»), один — Нине Матвеевне (потом она даст Ариадне).

6. «Саргассы» выйдут, вероятно, в июле. Псевдонимы, присланные тобой, Девис одобрил все. Я поставил «С. Витин». Договор на Клемента (а равно и на наше предисловие к «Саргассам») был при мне отпечатан, я уже подписал.

7. Относительно твоего приезда. Скоро тесть возвращается из санатория, а поскольку его заместитель уходит в отпуск, тесть будет в Москве до его возвращения, то есть до середины июня. Приезжать ты можешь, конечно, когда хочешь, однако, зная твои привычки, полагаю, что тебе больше всего будет личить приехать в свободную комнату. Значит, во второй половине июня.

8. Жемайтис предлагает совершить поход к Камшалову в ЦК ВЛКСМ. Иначе этот болван Ганичев их заклюет. Выбрасывают из 17-го тома Шефнера (его, кстати, Жемайтис вызвал, он приедет завтра), не пропускают сборник «Фантастика 68», да мало ли что! Решили пойти в таком составе: Жемайтис, Бестужев-Лада, Рим, Ариадна, я и еще кто-нибудь. Это, кстати, и в предвидении готовящегося якобы в ЦК ВЛКСМ совещания по фантастике.

Вот пока всё.

Жму, целую. Твой Арк. Привет Адке.

Тем временем критический залп продолжил журнал «Огонек». Вышла статья Дроздова.

Из: Дроздов И. С самой пристрастной любовью

На сцене некоторых театров, на экранах кино и телевизоров ныне появился скептически настроенный молодой рабочий, одетый хотя и модно, но не с иголочки, причесанный кое-как, но тоже по моде. Он слишком умен и небрежен, чтобы придавать значение внешнему виду. Каждым жестом он демонстрирует принадлежность к атомному веку — эпохе кибернетических роботов и сверхзвуковых скоростей.

Посмотришь иногда на такого героя, послушаешь его речи и придешь к невеселому заключению: парень этот вышел не из реальной жизни, порожден тенденциозностью

некоторых литераторов и режиссеров, сосредоточивших свое внимание на той незначительной части молодежи, которая откровенно склонна к легкомысленному скептицизму, социальному эгоизму, к громкой «левой» фразе. Только им одним ясно, что мир устроен не так, как бы они желали, и потому не может быть ими принят. Это одна из разновидностей героев так называемой исповедальной прозы, но только подновленных, притянутых за уши к заводу и расцвеченных красками экрана. Породившим его на свет божий фактически нет дела до подлинного образа рабочего. Отцы литературных и сценических персонажей постоянно «обтесывают» излюбленное детище, пытаются увести его из-под огня критики и для этого надевают на него то маску физика, то маску рабочего; они даже могут послать его на Усть-Илим или на острова в северном море. Смелости в этом смысле им, как говорится, не занимать. И мы, пожалуй, не удивимся, если завтра наиболее дерзкие из литературных отцов нарядят своего героя в космический скафандр и пошлют открывать звездные миры.

Впрочем, почему завтра?.. Братья Борис и Аркадий Стругацкие уже «порадовали» читателей книгой, в которой, правда, битлсы не покоряют космос, но в делах участвуют вполне космических…

Но вот начинаешь читать — всё та же старая песня: молодой человек брюзжит и кривляется, он не видит в жизни никаких просветов, ему некуда и незачем стремиться, и прочее и прочее. Одним словом, старенький набор расхожих идеек, порядком приевшихся и, как показывает время, бесплодных.

До черноты сгущены краски в повести «Второе нашествие марсиан». Тут что ни человек, то гнусность. Не трус, так пьяница, не пьяница, так блудник. И делают они одни только гадости. Дочь Артемида прелюбодействует на глазах у отца Аполлона, зять Харон — пьяница и болтун, полицейский — осел Пандарей…

Особенно потешаются авторы по поводу патриотизма и воинских доблестей своих героев. «Этот Полифем жить не

может без патриотизма. Без ноги он жить может, а вот без патриотизма у него не получается». А когда на Землю напали марсиане, тут случилось такое, что и описать нельзя. Люд земной превратился в толпу обезумевших, а Полифем взобрался на скамейку и возопил о всеобщем предательстве…

В предисловии к повести сказано, что «…события происходят в стране без названия». Однако любимые народом «страны без названия» словечки да пословицы проливают кое-какой свет: «Не наводи тень на ясный день», «Лес рубят — щепки летят». Кур называют «пеструшками», распутников — «кобелями» и т. д.

Итак, вальяжный парень на фоне современного советского завода, наконец, эти паяцы, козыряющие русскими пословицами… К счастью, в последнее время простаков становится все меньше: обостряющаяся борьба на идеологическом фронте снимает иллюзии с самых благодушных, настораживает и тех, кто по лености своего ума или незнанию ставил знак равенства между идейной борьбой и схваткой с ветряными мельницами, полагая, что в нашем обществе давно исчезли все идейные разногласия, нет для них ни почвы, ни причин, а следовательно, и нечего уподобляться Дон-Кихотам и атаковать ветряные мельницы.

Враги социализма не хотят, не могут до зубовного скрежета признать наших побед в создании нового человека, ибо признать это — значит признать преимущества идеологии рабочего класса, подписать себе смертный приговор. Поэтому все свои средства в настоящее время они направили на развенчание главной движущей силы современного общества — рабочего класса. Теоретики, состоящие на службе у денежного мешка, объявили процесс «депролетаризации». Они утверждают: рабочего класса как такового ныне нет, он «растворился», он теперь играет в обществе исполнительскую роль, а ведущая переходит к инженерии, к ученым, людям интеллектуального труда.

…Как говорили в старину, представлять читателю верные и поучительные картины жизни — смысл и задача искусства вообще и литературы в частности. Книги только тогда

выполняют почетную функцию «памяти народа», когда они верно зафиксировали эпоху, отразили строй ее духовного и материального бытия.

Книга братьев Стругацких выполняет роль противоположную. Но, может быть, она исключение? Может быть, произвол писателей в какой-то мере объясняется жанром фантастики?..

<…>

Письмо Бориса брату, 14 мая 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

У меня, как и у тебя, никаких окончательных новостей нет.

1. Давал Лешке читать ДоУ. Он читал с удовольствием, готов работать, но, впрочем, считает, что фильм из этого будет сделать трудно. Сценарий же сделать, по его мнению, можно, а для начала и это неплохо. Начнем с ним работать, вероятно, через неделю, когда он разделается с прочими своими обязательствами. Не помню, говорил ли я тебе, что мы с ним условились: он будет работать за четвертую часть всех гонораров, сколько бы мы их ни получали по данному сценарию. Выплачивать, естественно, буду ему я, а потом мы с тобою разберемся. Я еще не теряю надежды, что и ты включишься в аналогичные труды у себя в Москве.

2. Вчера отнес ДоУ в «Неву». Будем посмотреть. Агентура доносит, что ситуация не слишком благоприятная. ОО, правда, пользуется большим успехом, но Гор <…> ходит по редакции и всем ноет, что к Стругацким надо присматриваться повнимательнее, что атака на них — он имеет самые достоверные сведения! — ведется с большого верху и поэтому печатать можно только что-нибудь выдающееся, особенное, а иначе лучше не связываться. Пока он ноет это на уровне Саши и Кривцова, не думаю, чтобы он говорил так с Поповым, но, по-видимому, если Попов станет говорить по поводу ДоУ, что это малозначительная вещь, что это аполитично и т. д., Гор кивнет и все <…> загубит. Вот в четверг будет

сборище, и я ему <…> вставлю фитиль — вежливенько, конечно, вручая перевертыш с трогательной надписью, но обязательно проедусь по его поводу. <…> В «Неве» я, естественно, развожу панику, что «Дружба народов» рвет у нас ДоУ из рук и что надо срочно заключать договор, что Аркадий имеет обязательства перед Баруздиным и рассчитывать можно только на то, что «Нева» заключит договор раньше — я ведь, конечно, патриот родного города и ленинградского журнала, а потому… Не знаю, насколько это подействует (думаю, что мало), и если у тебя представится возможность заключить договор с ДрНар хоть на конец 70-го, заключай, не колеблясь ни секунды.

3. Денег за СБТ пока не получил.

4. Как тебе нравится «Огонек»? Мне тут умные люди рассказали, что Иван Дроздов — член группы Солоухина — славянофилы, мать их за ногу, борцы за свободу слова справа. Сейчас они написали и выдают понемногу целую серию статей в целях идейного оформления своего течения. Говорят, в «Коммунисте» лежит статья, где они доказывают, что так называемая «Одесская литература» (Бабель, Катаев, Мандельштам и пр.) не есть литература русская. Так что мы тут, по-видимому, попали просто по национальному признаку. Между прочим, ЛитГаз ответила и Саше Лурье, и Мише Лемхину на их возмущенные письма по поводу Краснобрыжего. Вежливые ответы. Суть: ЛитГаз не может сейчас вступать в новую (!) полемику, но понимает, сочувствует, уже откликнулась (см. отчет о заседании Совета по критике) и, может быть, откликнется и еще.

5. Горячо молюсь Главлиту за ОО.

6. Пойти к Камшалову — хорошее дело. Прощупать почву и объяснить преданность. Ведь ни хера же не понять. Вот и Шилейко говорит, что, вроде, не так уж и плохо к нам относятся в Отделе пропаганды. Кто же гадит?

7. Прочитал вчера Абэ «Совсем как человек». Это, конечно, не то. Все-таки эти японцы какие-то не такие. Не пойму даже, в чем тут дело. Во всяком случае, Абэ снова натолкнул меня на ту нашу мысль — помнишь? — о человеке,

агенте Интеркосма. Ей-богу, здесь есть какие-то просторы. Смутно ощущаются возможности поговорить и о совести, и о желаниях человеческих, и об эгоизме, и об отчужденности, и все это — на добротном сумрачном фоне. Может быть, просто все дело в том, что опять хочется писать. Вот нагряну я к тебе в час назначенный[1], будем ковырять Клемента и поговорим.

Ну вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Письмо Аркадия брату, 16 мая 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Поздравляю, Главлит пропустил ОО благополучно, без единого замечания. Книга ушла в типографию. По словам Нины, производственный отдел сообщает, что хотя книга запланирована на третий квартал, возможно, найдется щель для выпуска ее во втором, т. е. в июне-июле.

2. Относительно ДоУ. В «Мол. Гв.», как всегда, читать не торопятся. Жемайтис еще не читал. Во всяком случае, мне не звонил. Читали Ревичи, Нина Беркова и Ариадна. Возможно, Биленкины тоже читали. Должен сказать тебе, что отношение к этой вещи холодноватое. Да. Интересно. Все. Ревич, позвонив, вообще ничего не сказал о своем впечатлении, а только осведомился, не изменил ли я своего намерения дать ее в «Дружбу». Я сказал, что не изменил. Он сказал, что тогда будет с ними говорить, а поговоривши, позвонит мне. Три дня уже звонит — не дозвонится. Зато звонил Подольный. Он прочитал ДоУ в «МолГв» и загорелся дать эту вещь у себя в «З-С». Но он может только шесть листов. Я не стал прямо отказываться, а попросил отсрочки на полтора месяца.

3. С кино пока никак не продвигается. Журавлев не звонит, Борецкий тоже. Сегодня встречаемся коллективом сценаристов-любителей для совещания по делам конторы

[1] Цитата из «Незнакомки» А. Блока.

Володи Григорьева. Вообще, надо все не так. Надо нам обзавестись в Москве хорошим приятелем-режиссером, которому все известно, вроде твоего Лешки. Только тогда имеет смысл что-то предпринимать всерьез. Тогда можно будет писать самостоятельный сценарий и прочее.

4. Звонили из «Детской лит-ры», напомнили. Я сказал, что жду твоего приезда, что статью сдадим в конце июня. Там, по-моему, обрадовались.

5. Деньги за СБТ перевели тебе и мне 6-го мая. Ты потерял 38 руб. на переводе. Какова сумма!

6. Дроздова-Краснодрищего с Солоухиным видал в гробу… тапочках. А Гор — <…>. Можешь ему от меня это передать. Это и есть настоящие — объективные — враги. Я теперь, когда встречаю таких доброжелателей, матюгом их пугаю.

Вот пока всё.

Жму и целую, твой Арк. Привет Адке.

Письмо Бориса брату, 22 мая 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. В «Неве» читали ДоУ Саша и Семенов (главный художник). Отношение тоже холодноватое. Саша считает, что мы перехватили с аполитичностью. Под предлогом полной аполитичности могут отклонить. Неясно, каким образом пришельцы, создавшие столь неотличимых от людей роботов, оказались обмануты гангстерами. Неясны еще некоторые детали, помельче. Основная идея Саши такова: признавая все недоделки и обещая их устранить (напирая на то, что устранить их несложно), заключить договор и вырвать 25 %. А там — как бог даст. Аванс не отберут. Я не возражал, тем более что и эту программу-минимум выполнить будет не просто. Что требуется от тебя? Во-первых, Саша предлагает для придания повести политического оттенка ввести вместо гангстеров какую-нибудь крайне правую террористическую организацию. Это, кроме прочего, будет лучше объяснять, как обманулся Мозес. Я возражаю, но не очень. А ты?

Во-вторых, ты когда-то дал хорошую легенду, как обманулся Мозес. Я эту легенду забыл. Вспомни (или придумай заново) и отпиши. Мне это может пригодиться при разговоре с начальством.

2. Явная неудача с ДоУ должна нас кое-чему научить. Именно: мы находимся с тобою в таком положении, что всякое наше отступление вызывает неприязнь и правых, и левых. Отступать нам нельзя. Нельзя писать того, о чем писать не слишком хочется. Мы (собственными стараниями и стараниями общественности) возведены в ранг политиков и идеологов, а ноблес, сами понимаете, оближ. Мы, конечно, все это еще обсудим, но уже сейчас нам надлежит начинать медленно звереть и готовиться к следующему настоящему прыжку. Апокалипсис! Апокалипсис! Все ждут от нас Апокалипсис! Халтурщиков из нас не вышло, надо переквалифицироваться в Солженицыны[1].

3. Между прочим, ОО включен в список десяти лучших ленинградских произведений последних лет. Это решение секции критики. На следующей неделе Саша будет делать на этой секции доклад об отборной десятке.

4. Насчет ДоУ в З-С могу сказать только, что завотделом прозы нового журнала «Аврора» просил ДоУ почитать и обещал (если подойдет) напечатать 8 листов. Я думаю отнести. Посмотрим.

5. Очень рад за ОО. Скорей бы!

6. С Лешкой работать еще не начали. Скоро начинаем.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

P. P. S. «Нева» устами Кривцова обещала разродиться с решением в течение 10–15 дней. Хорошо бы получить за это время отклик из «Дружбы народов». Нажимай на Ревича, не стесняйся.

[1] Перифраз финальной фразы романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»: «Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в управдомы».

Письмо Аркадия брату, 25 мая 1969, М.— Л.

Дорогой Боб!

1. ДоУ. Да, отношение холодноватое. Я вплотную беседовал с Ревичами и Биленкиными, все сходятся, что очень мило, но вообще-то Стругацкие зря потратили время и талант. Ожидается большее. Дал Манину, ответа еще не получил. Один Шилейко читает, перечитывает и цитирует, и требует, чтобы мы на всех наср… и делали так, как нам кажется лучше, и впредь. Обещания своего поговорить с «Дружбой» Ревич до сих пор не сдержал. Экзы бездельно лежат у меня по-прежнему. От Жемайтиса ответа нет, но я чаю, что он тоже будет против, во всяком случае — пассивно. Бела обещала прочитать ко вторнику. Кстати, во вторник я встречаюсь с Бестужевым и будем совещаться насчет книги о коммунизме.

Теперь о том, почему Мозес мог так обмануться. Вот что, примерно, отвечает на этот вопрос инспектора наш Симон Симонэ: «Строго говоря, мы не можем сказать, что Мозес обманулся. Мы не знаем, какой он на самом деле. Что там скрывается в его скафандре-оболочке. Может быть, бесформенная груда плесени. Может быть, непредставимая конструкция из фтора и других материалов, боящихся кислорода. Представим себе, что они долго наблюдали нас извне, старательно измерили наши физиологические и психические потенциалы. Этого вполне достаточно, чтобы соорудить роботов и самоходные скафандры, хорошо имитирующие асоциальное поведение. Попытки разобраться в политической и социальной жизни оказались достаточно безнадежными. И это не удивительно: 70 % аборигенов Земли неспособны разобраться в этих вещах, так что уж говорить о мыслящей плесени. Из радиоперехватов и перехватов телепередач, сами понимаете, толку добиться можно лишь немного. Для начала проще всего им могло показаться включиться в самые примитивные организации подпольного типа с самыми ясными эгоистическими (т. е. почти биологическими) целями — напр. гангстеры. Их, кстати, всячески прославляют

телепередачи, а их рефлексы в высшей степени несложны. С самой общей точки зрения это не было ошибкой. Представим себе, что для более близкого ознакомления с жизнью акул некий естествоиспытатель соорудил подводную лодку, хорошо имитирующую все повадки и физиологические свойства акул, забрался внутрь и затесался в акулье стадо. Естественно, чтобы не выделяться, он будет рвать кишки у несчастных китов, глотать бутылки[1] и разграблять рыбачьи сети. И только если его вытащат на палубу корабля разозленные моряки, он, как бы этого ни хотелось ему избежать, заорет изнутри: «Братцы, отпустите душу на покаяние». Если среди акул есть политические организации, враждующие группировки на моральной основе, ему долго не удастся в этом разобраться. Примкнет же он к той группировке, которая не потребует от него сложных решений, к той, которая считает, что нужно рвать, глотать и грабить… Вот в таком духе. С другой стороны, если даже пришельцы и знали о землянах чуть больше, что бы им бросилось в глаза? Что одна часть землян, видимо, наиболее дееспособная, судя по ее активности, всячески ограбляет другую часть, явно менее дееспособную. Сделать простой вывод о том, что это есть форма существования человечества,— ничего не стоит. Так почему бы не избрать в качестве отправного пункта ту группу землян, которая практикует эту форму существования в наиболее чистом и явном варианте? Лишь бы не убивать — и этот лозунг они привели в жизнь, ибо не стали влезать в нашу жизнь в ее кризисное время, когда были мировые войны.

Вчера я был у Ариадны, поговорил с нею. Она обещала переговорить с «Юностью» и с «Дружбой» сама. Но, видимо, раньше среды я результатов не узнаю. Вот и всё про ДоУ.

2. Дела киношные. Поскольку Журавлев так и не дал о себе знать, я плюнул на этику и отдал ТББ Юре Борецкому, чему он страшно обрадовался. А когда он зашел за сценарием, я по его просьбе быстро набросал ему киносюжет для киноновеллы, который тоже ему очень понравился.

[1] «Глотать бутылки» — аллюзия на роман Ж. Верна «Дети капитана Гранта».

Коротко говоря, вот что он мне сообщил через два дня: либретто киноновеллы (банальщина, здесь не стоит рассказывать, приедешь — ужо) благосклонно приняли в телеобъединении «Экран»; ТББ подан в студию киноактера как заявочный столб, сперва его будут ставить в театре киноактера — на сцене (тоже деньги!), а затем и в студии, как кино. Уточнения последуют сегодня, я буду у него ужинать в компании с молодцами из госкомитета по кино. Что же до сценария ОО, то это своим чередом, Борецкий предлагает управиться сначала с ТББ, а затем приступить к ОО.

Разработка сюжета коллективного фильма о космонавтах идет довольно успешно. Соответствующее министерство спит и видит развернутую пропаганду в кино; по словам В. Григорьева, уже установлены связи с госкомитетом по кино. Но тут все еще очень неопределенно. Как и везде, впрочем.

3. Получил ли ты деньги за СБТ?

4. Перевожу «Огненный цикл» с великим кряхтеньем. Неохота — страсть. Но — перевожу. К твоему приезду все-таки, вероятно, не кончу. Плевать. Там все легко.

Ну, вот так-то. А где экзы № 5 «Невы»? Теперь мне четыре штуки, да еще один экз № 3, 4.

Целую, обнимаю, твой Арк.

Привет Адке.

Холодина у нас — сил нет. Сегодня ночью все замерзло, а у нас гады горячую воду отключили.

Письмо Бориса брату, 28 мая 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Письмо твое получил еще вчера, но отвечаю сегодня — после поездки в «Неву».

1. В «Неве» еще ничего неясно. Прочитал Кривцов. Суждений никаких не высказывал (а допрашивать я его не стал), сообщил только, что согласен с мнением Саши переделать гангстеров на каких-нибудь фашистов-террористов-реваншистов (для придания политической окраски) и что

в ближайшее время передаст рукопись Попову, который всё и решит. В связи с изложенным нам надлежит иметь в виду, во-первых, то, что Попов читает долго и нудно (ОО он читал, как известно, 100 дней), а во-вторых, как доносит агентура, вчера в Смольном состоялось совещание, посвященное военно-патриотическому воспитанию, и там несли Гранина и ВНМ. Наконец-то я понял, чем им не нравится эта невинная повестушка: мы подняли руку на слово «патриотизм»! Докладчик (некто Глинкин, литкритик, бывший левый, ныне правый) заявил, что хотя авторы и не называют страны, «но, во-первых, все герои говорят по-русски…». Сам понимаешь. Ну ладно. Посмотрим, что из этого выйдет. А ты нажимай на Севку без пощады! Мне очень трудно — не иметь возможности небрежно обронить: «Да… В «Дружбу народов» мы уже отдали… Такому-то и такому-то нравится…»

2. С Лешкой мы всё еще не работаем, но аванс уже получили. Ты, надеюсь, тоже. Лешке я передал согласно уговору четверть (350), в том числе 175 с тебя, так что я теперь должен тебе какую-то чепуху — рублей 120.

3. Деньги за СБТ получил. С большим наслаждением. А также получил с «Невы» остатки. И еще кооператив вернул нам 17 рублей 47 копеек, так что я теперь в значительной степени успокоился и воспрянул.

4. И как только я воспрянул, мне пришла в голову идея, и мне пришел в голову сюжет. Писать не буду, поговорим лучше тет-на-тет, но я тут в одиночестве поворачиваю в голове эту идею так и эдак, и мне пока нравится. Это некая смесь из идеи «Скучных пустяков», идеи завербованного пришельцами человека и, если угодно, «Кракена». Никакие идеи не пропадают даром. Все в ход идет. Мечтаю только о том, чтобы тебе это понравилось так же, как и мне.

5. Номера «Невы» намерен передать с Наташкой. А вот почему ты с ней не передал ни нового издания СБТ, ни обещанного второго издания СБТ — это мне непонятно. Я очень ждал.

6. Слушай, да брось ты переводить Клемента! На кой хрен тебе время на это тратить? Тем более что — неохота. Соберемся, сядем и будешь переводить с листа. Подумаешь, проблема…

7. Кстати. Во второй половине июня я, как договорились, приеду. (Может быть, и Адочка со мной — на субботу и воскресенье.) Вопрос: когда у нас срок сдачи Клемента? Должны ли мы за него садиться немедленно или можно подождать, скажем, до осени? Отпиши, а то я не знаю или забыл. Я-то мыслил приехать к тебе на недельку-десять дней. Задачи: обсудить новую идею; попробовать перевести 20–30 страничек Клемента для прикидки; познакомиться с Борецким и прочими киношными делами; обсудить ситуацию и наметить план действий; сходить в «Пекин». А твое мнение?

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет!

А Наталья-то — красавица стала! И умненькая, и милая — прелесть девка!

Письмо Аркадия брату, 31 мая 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

Получил твое письмо, сразу же отвечаю.

1. Вчера Нина мне сообщила, что Жемайтис нашу повесть печатать не будет. Ей он признался, а нам боится. Причины мне в общем ясны: ему сейчас весьма трудно, давление на редакцию продолжается неослабно и даже с наращением, ему, чтобы реабилитироваться за Стругацких, надобно что-нибудь отчетливо-военно-патриотическое (он еще плакался Нине, что мы вот для Детгиза написали ОО, такую превосходную вещь, а им подсовываем безыдейщину — кстати, это тоже надобно иметь в виду на предмет возможности втиснуть ОО в б-ку мировой фантастики).

2. Из «Дружбы народов» — ничего, Севка все никак не мог дозвониться и договориться. Зато Ариадна взяла и позвонила Озеровой в «Юность», и та захотела ознакомиться. Позавчера я отнес ей, посмотрим, что будет. Хотя я уже ни на что не надеюсь. Есть у меня предчувствие, что бедное ДоУ если и пойдет когда-нибудь, то только в сопровождении «настоящей» с точки зрения редакций повести, вроде ОО. А что? Напр. сборник: «Извне», еще что-нибудь этакое и ДоУ. Дерьмо.

3. О твоем приезде. Понимаешь, какое дело, старики наши уезжают на дачу завтра. Я еще несколько дней здесь пробуду, а потом меня тоже утянут. Я всеми силами стараюсь это дело оттянуть. Как было бы славно, если бы ты с Адкой пригремел бы к нам числа, скажем, с десятого, а? С десятого и до конца месяца. Тут бы мы все и заобсуждали бы. А срок сдачи Клемента у нас очень близкий, ох какой близкий! Кажется, в начале сентября (договор я еще не получил). Немедленно ответь, сможешь ли. Я тогда подниму активное сопротивление.

4. На сберкнижку загляну нынче же, посмотрю, как там с авансом и с остатками из «Невы».

5. Что сюжет тебе пришел в голову — это хорошо, это з-здорово, бах! и продвинулся. Но это, как я понял, литература. А как с сюжетами кино? Я здесь запутался уже с режиссерами по уши, правда, без практических, в виде авансов, последствий, но, надо думать, это еще будет. И я подразработал сейчас «Детектив в Стране Дураков» по мотивам ХВВ, как сам понимаешь, это можно сейчас сделать прекрасно: последние капиталистические города, борьба с разложением и т. д. Думаю, такой сюжетец ИМ подойдет. А говорить, что это по ХВВ, совсем не обязательно. Одним словом, твое скорейшее присутствие прямо-таки необходимо. Слишком многое я беру на себя, совсем загадил выданный тобой карт-бланш.

6. Почему я не передал с Наташкой экзы? Во-первых, экзы нового издания получились только вчера. Лежат, тебя ждут. Во-вторых, заглянул я сейчас в свои анналы и перетряс своих шкафов — нету второго издания. Есть у меня только два первых — один на полке, другой в загашнике. Так что мы с тобой второго издания лишены. Видно, я ошибся.

7. Приказ начальника — закон для подчиненного. Особенно приятный приказ. Переводить Клемента бросил. И то верно: только время трачу. Всё идет хорошо с листа.

8. Вчера выступал в институте хим-физики — с Севкой и Димкой. Скука. Смотрят в рот, ждут откровений. Все — по улице слона[1].

[1] Зачин басни И. Крылова «Слон и Моська».

Всё. Вези или пришли «Неву». Лучше пришли, а то меня Нина одолевает.

Да! Девятого состоится обсуждение «Второго нашествия» в ЦДЛ. Трудно разобраться, чья это инициатива. Подозреваю, что Ариаднина, но она уверяет, что это т/о прозы само. Я бы с удовольствием не пошел. Но на меня сильно все давят.

Привет Адке. Целую, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 3 июня 1969[1], Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Очень хорошо тебя понимаю. Сочувствую. Глубоко сочувствую. Но! Мне надо отправить маму в Буду. Это будет в середине июня. Мне надо уяснить окончательную судьбу ДоУ в Ленинграде. Мне, наконец, надо все-таки поработать с Лешкой над сценарием. Мы ведь до сих пор так и не начинали. Из-за Лешки. То он кончал свои дела с другим сценарием, то переезжал на дачу, то принимал родственников из-за границы. И вот, наконец, завтра мы, кажется, начинаем. Понимаешь, есть у меня идея дать первый вариант еще в июне, то есть до отъезда к тебе. И хотя срок я сделал максимально удаленный (по договору первый вариант должен быть представлен аж в октябре), есть необходимость спешить, пока еще не расползлись слухи о существовании ПОВЕСТИ ДоУ. Поэтому, чем скорее мы представим вариант сценария, тем будет лучше. Вот по этим-то причинам мне и кажется, что надо отложить нашу встречу до второй половины июня. Скажем так: я (с Адкой) прибуду к вам где-то между 13 и 20 июня. Срок пребывания у тебя будет зависеть от срочности изготовления Клемента. Ты уж уточни эту срочность.

2. «Нева» дала ДоУ на рецензию Дмитревскому. Тот звонил — в полном восторге. По-видимому, наш Колченог так напуган, что напиши мы любое похабство, лишь бы аполитичное, и он будет в восторге. В общем, он дает

[1] Датировка составителей.

самую положительную рецензию. Предлагает только одно изменение — все то же — ввести вместо гангстеров неофашистскую организацию. Я думаю, на это надо будет пойти. Причем попытаться — для простоты — оставить Хинкуса (а может быть, и Чемпиона) гангстерами, наемными убийцами на службе реваншистов. Тогда изменения будут минимальными.

3. Тот же Колченог настаивает на том, чтобы мы заключили договор с «Авророй» на какую-нибудь фантповестушку среднего объема (6–8 а. л.). Берется быть посредником. Я сказал, что в принципе не возражаю, но должен посоветоваться с тобой. У нас есть замысел одной повестушки, но я не знаю — вдруг Аркадий ее уже куда-нибудь прочит… Надо посоветоваться, обсудить… В общем, вернувшись от тебя, я пойду в «Аврору» и — даст бог — заключу договорчик.

4. Насчет ДоУ в МолГв я тебе вот что скажу. Если отказ Жемайтиса от ДоУ каким-то образом приведет к заключению договора на ОО в Биб-ку эдак на конец 70-го — начало 71-го, то у меня лично не будет к МолГв никаких претензий. Попытайся-ка провести эту операцию — и ты гений! А потом, когда-нибудь мы напишем еще что-нибудь, на этот раз военно-патриотическое, и дадим вместе с ДоУ.

5. Что ты загадил карт-бланш — это не страшно. Плохо, что договоров нет. Идея сценария по ХВВ — хорошо. Но я в свое время предлагал это Лешке, он не взялся, сказав, что трудно снимать капзапад при нашей кинобедности. Может, в Москве кто и соблазнится. Это было бы здорово. А вообще-то я перестал уже понимать, что там у тебя творится в кино. Где Борецкий? Где Журавлев? Что с объединенным сценарием? Ничего не отписываешь, ни хрена не понимаю, в каком состоянии дела. Был ведь запрошен ТББ, была заявка на ОО, и еще ты писал заявку на что-то. Как со всем этим дела? И чем кончились разговоры насчет ТББ в театре? Их всех, гадов, подгонять надо! Бери у них телефоны и звони сволочам через день — пусть пошевеливаются!

6. Обсуждение ВНМ вполне могло затеять, действительно, и само т/о прозы, если там среди начальства еще ходит

Борщаговский. Светка[1] рассказывала, что он был в ярости, прочитавши «Журналист».

7. Отпиши, как держать с тобою связь, если тебя все-таки упекут на дачу. Куда писать?

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет.

Что там с ее ногой?

Письмо Аркадия брату, 17 июня 1969, М.— Л.

Дорогой Борь!

Был на телевидении в Останкине. Приняла нас (с Борецким) зам. главного редактора так наз. «студии заказов фильмов» Лидия Григорьевна Корешкова. Из-за этого, м. п., не пошел сам встречать маму, но она собиралась за рубеж, и другого времени не было. Коротко: 1. Нам благоволят, только для начала просят что-нибудь бесспорное. Предложили ПкБ и ДР. 2. Еще лучше было бы создать серию т-в фильмов с одним переходящим героем, практически — это заказ нам на серию фильмов. 3. Предложено писать поскорее развернутую заявку, ее рассмотрят, и будет договор. ОО — своим чередом, заявка на него — у главного редактора, а тот в бегах.

Есть некоторые идеи, сейчас их не буду давать. Сейчас придет Борецкий, и мы станем разрабатывать заявку. Грубо говоря, три героя: Кондратьев (наш космонавт), Горбовский (человек будущего) и Камилл (символ трагедий коммунистического будущего) — вот троица, которая пройдет через длинную последовательность часовых фильмов, по мотивам самых разных наших вещей. Общее название — «Далекая Радуга», туда и ПкБ войдет, и ДР, и некоторые другие рассказы, и везде будет действовать эта тройка.

Ну, приедешь — поговорим.

Маму вчера отправил. Всё, кажется, благополучно.

Обнимаю, жму.

Ждем вас 20-го, дайте телеграмму. Твой Арк.

[1] Здесь и далее — Кармалита Светлана Игоревна, сценарист, режиссер, супруга А. Германа, приемная дочь А. Борщаговского.

В конце июня АБС встречаются в Москве.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Эпиграфы к НА:

«Как живете, караси?

Хорошо живем, мерси!»

О совести: что это? Человек, который резонно и логически оправдывает всё. Ведь всё можно оправдать (новелла о шахматах).

Они моделируют культ личн<ости>. Город отборных (несчастных, кому нечего терять). Обещание — счастье всей земле (исп<олнение> желаний?). Собрания. Митинги. Ажиотаж. Связь кровью (уничтожение предыдущ<его> поколения). Потом он постепенно прозревает. Понимает, что — враги. Что делать? Совесть. Ужас перед окружающими — продадут. Конец — уничтожение. Всё время сменяются бессмысленные работы, и каждый раз говорит: эту сделаем — и все будет хорошо. Сам герой одно время — следователь, борется за успех эксперимента. Придумать угрозу. Процесс раскрытия глаз: вера; сомнение; уверенность, что враги; что делать?

23.06.69

Прибыли с Адкой в Москву 20-го. Адка уехала.

Обдумываем «Град обреченный…».

Возможные замыслы эксперимента:

1) подготовка колонизации (изучение психологии будущих рабов);

2) бескорыстное исследование возможностей человека как вида — разумен ли человек;

3) отбор оптимальных (максимальных) представителей для контакта. Кто останется, найдя выход, тот и годен;

4) попытка помочь человечеству, отбирая выживших как будущих преобразователей.

Дональд считает, что Эксперимент уже провалился, что Наставники, или кто они там, полностью обанкротились и сами не знают, что делать.

Структура города:

Населяют завербованные энтузиасты: от отчаяния и от возвышенных мыслей.

Живут многие годы. Выполняют бессмысленные работы.

Кладбища, дети. Продуктами и одеждой снабжают боги — за деньги, полученные за работу.

Время от времени — стихийные бедствия: крысы, чума, сели, голод.

Угроза войны. Ни одного авиатора и ни одного взрывника.

Герои:

Андрей Михайлович Воронин, 27 лет, астроном, неудачливый аспирант, инженер-эксплуатационник (СССР).

Юрий Константинович Давыдов, 50 лет, ветеран войны, десантник, комбайнер, надоел бардак, противник войны (СССР).

Сельма Нагель, 20 лет, без опр<еделенных> занятий, бывш<ая> фокстейлор, в поисках положит<ельного> идеала (Швеция).

Фридрих Гейгер, 50 лет, ветеран войны, связист, разорившийся миллионер, противник войны (ФРГ).

Кэнсиро (Кэнси) Убуката, 30 лет, переводчик с английского, изд<ательство> «Хаякава», во-первых — поинтересовался, во-вторых — идеалист с авантюрной жилкой, агрессивен и неосторожен (Япония).

Ван Ли-хун, 27 лет, учитель из Пекина, удрал куда глаза глядят (КНР).

Дональд Купер, 35 лет, социолог, выпускник Гарвардск<ого> у<ниверсите>та, идеалист (США).

В результате находят выход, выводят всё население на Землю, но сами остаются — исследовать исследователей.

Прыжок в пропасть на парашюте.

Отд. листок

«Шу-цзин» — «Книга документов» (исторические хроники)

Раздел «Заветы» (автор — И, полумифическое лицо)

Моральные нормы древних китайцев запрещали:

1. Без устали плясать во дворце.
2. Сладко распевать в спальных покоях.
3. Злоупотреблять колдовскими действиями.

4. Накладывать руку на чужое богатство и женскую красоту бесперечь.

5. Постоянно предаваться развлечениям и охоте.

6. Смаковать разврат в болтовне.

7. Оскорбительно отзываться о словах великих мудрецов.

8. Нарушать верность и быть неискренним.

9. Заглушать в себе и других тягу к добродетели.

10. Вести себя, как капризный ребенок.

При нарушении хоть одной из этих заповедей:

1. Если ты служилый — гибнет твоя семья.

2. Если ты государь — гибнет твое царство.

Оборот отд. листа

Для ГО:

1. Герой попадает в тюрьму (см. основы исправ<ительно>-труд<ового> законодат<ельства>).

2. Попробовать всё писать от 1-го лица (вроде исповеди?).

3. Рассказ о викинге-офицере, который осчастливливал некрасивых девушек.

4. Рассказ о г…чистах: отец в яме, облитый г…, кричит сыну: «Хрен безрукий! Так всю жизнь наверху и проторчишь!»

5. «Лотерейное общество»: раз в неделю между жителями разыгрывается лотерея, кому кем быть на следующей неделе — от дворника до губернатора.

Выражения:

1. Мне начинает быть смешно.

2. Вглядывался в зеркало, словно старался опознать труп.

Дефиниция:

«Кризис — это ситуация, при которой терпимый прежде круг обстоятельств становится вдруг, из-за появления нового фактора, совершенно нетерпимым». Люис Борнхэйм[1].

24.06.69

Пытались писать статью для «ДЛ».

Перерабатывали заявку для телевидения.

[1] Цитата из романа М. Крайтона «Штамм “Андромеда”».

25.06.69

Со статьей ничего не вышло. Впредь зарекаемся брать заказы на статьи. Только интервью. В чем и подписываемся [подписи АБС]

Притчи:

«Дом»

«Страна, управляемая мертвецами» (глава из 6-й части)

«Шахматы»

«Похититель душ»

«Человек, сосланный на Землю»

«Горилла, лев и попугай»

«Здание, затопляемое снизу людьми-крысами»

По ночам выходить не рекомендуется, потому что ночами выпускают сумасшедших. Одни сумасшедшие местные, другие — привозные. Одного привозного — сделать здоровым, на Земле посажен за политику или по наследственным делам, а здесь стал искать контакты со здоровыми.

Шайка гангстеров, объявивших себя Богами, пришельцами, издают законы, требуют подчинения.

Казни:

1.	Превращение воды в кровь	
2.	Нашествие гадов и гнуса	крысы, стада павианов
3.	Мор на скот	грибок, поражающий продукты
4.	Кожные болезни у людей	слепота, потеря осязания
5.	Град побил урожай	
6.	Саранча	
7.	Тьма	солнце не взошло
8.	Смерть всех первенцев от людей до скота	угроза войны

Газета: всё время новые редакторы, меняется от номера к номеру.

26.06.69

А. стригся. Были у М. Поповского.

Места работы:

1. Мусорщик.

2. «Нарком просвещения»: всех обучают всем языкам. Справедливость: никакому языку преимущества.

3. Продавец в продуктовой лавке.

4. Редактор газеты.

5. «Нарком обороны».

6. Следователь — отыскивать людей, потерявших энтузиазм. В эту главу: расовая драка негров и белых. [Этот пункт перенесен стрелкой между первым и вторым пунктами.]

7. Шпион [Этот пункт перенесен стрелкой между четвертым и пятым пунктом].

энтузиазм → тупая вера → сомнение → ужас → ненависть → холодное исследование [от «сомнение» идет стрелка вверх «равнодушие»; от «ужас» стрелка вверх «внутренняя эмиграция», вниз «самоубийство»; от «ненависть» стрелка вниз «террор»]

нищие, кладоискатели
проповедники (бродячие): сатанизм, толстовство
церкви
секты

Почему завербовались:

1. Коммунистический альтруизм.

2. Идеалистический альтруизм.

3. Отчаяние личное (простодушие).

4. Богоискательство (прямое служение богу).

5. Научное любопытство.

6. Авантюризм.

7. Отчаяние социальное (на социологич<еской> основе: человечество бессильно). Человек, который построил радиотелескоп и сигналил SOS в Космос, убежден, что все сделано по его просьбе.

Вариант концовки: владыки признаются, что замкнули в Эксперименте пространство и сами не знают, как отсюда выйти.

27.06.69

Были у Шилейко и у Биленкина.

28.06.69

Б. уезжает.

Войно-Ясенецкий, арх. Лука

За время встречи АБС получают письмо-приглашение из Новосибирска.

Из архива. Письмо БНу из Новосибирского Дома ученых, 18 июня 1969

Глубокоуважаемый Борис Натанович!

Дом ученых Новосибирского научного центра практикует приглашения видных ученых, общественных деятелей, писателей, деятелей искусства для выступлений (лекций, встреч за круглым столом) перед членами Дома ученых, а также и перед более широкой аудиторией.

Нам бы хотелось видеть среди гостей Академгородка и Вас, уважаемый Борис Натанович. Все заботы и расходы по приглашению Дом ученых берет на себя.

Аналогичное письмо мы отправили Вашему брату Аркадию Натановичу. Было бы очень хорошо, если бы вы смогли приехать вместе.

Ждем Вашего ответа. В случае согласия просим сообщить Ваши конкретные соображения о теме выступления и удобных для Вас сроках приезда.

Всего доброго.

Зам. председателя Совета Дома ученых член-корреспондент АН СССР Н. А. Желтухин

Но если читатели настроены доброжелательно, то в прессе продолжают появляться негативные отклики. На этот раз за Авторов берется газета «Советская Россия». 26 июня в ней публикуется статья, где пинается ОО.

Из: Ершов Л. Листья и корни

…К сожалению, еще часто сочиняются книги, авторы которых довольно усердно фиксируют события текущей повседневности, но не дерзают осмыслить их в широкой перспективе жизни народа. Вот и кочуют из произведения в произведение герои, безнадежно устаревающие уже к последнему кварталу того года, когда они впервые появились на страницах книг и журналов.

Казалось бы, жанр научно-фантастической прозы более, чем какая-либо иная разновидность литературы, застрахован от подобного рода упреков. На самом деле, пожалуй, именно здесь искусство социального прогноза оказывается немощным, собственно художественные достоинства особенно скромными и персонажи муляжно-ходульными. Подтверждением этому служит новая фантастико-приключенческая повесть А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров».

В повести есть всё, чего ожидает, по мнению авторов, потребитель такого сорта литературы. Суперфилоновый космороллер Максима сгорает на неведомой планете, и у героя ничего не остается, сообщают удрученные писатели, кроме надежды «на примитивный нуль-передатчик». Правда, кроме «нуль-передатчика» и «нуль-аккумулятора», есть еще «пирофаг» и передатчик «на позитронных эмиттерах», не говоря уже о ментоскопах с «весьма высокой разрешающей способностью». Но какой прок от этого богатства, если герой всё равно обречен на полный круг скитаний в джунглях чудовищно-нелепого мира?

После знакомства с «Обитаемым островом» подумалось: а нельзя ли отыскать такой, хотя бы самый примитивный, нуль-передатчик, который сообщил бы по секрету уважаемым фантастам: пощадите читателя. Побеспокойтесь о такой безделице, как литературные образы, не говоря уже о характерах, придумывайте ситуации, несущие хотя бы минимальный запас общеинтересной информации. В противном случае, говоря словами авторов «Обитаемого острова», ему «не предвидится никакого спасения от этой серой, унылой, плачевной скуки».

Трудно поверить, что из формально изощренного, но беспочвенного эксперимента, оторванного от глубоких народных истоков, родится большое искусство…

2 июля в газете «Советская Россия» появляется статья П. Добробабы «В Иркутск… через Москву», в которой освещаются недостатки в работе Восточно-Сибирского книжного издательства. Автор утверждает, что оно не печатает молодых писателей, «потому что не «классики». Вот «признанным» авторам, тем в Иркутске намного проще». В качестве подтверждения последнего положения автор приводит историю опубликования в альманахе «Ангара» повести «Сказка о Тройке», ссылаясь на отзывы читателей, утверждавших, что А. и Б. Стругацкие «глумятся над дорогими для советского человека понятиями». Автор сообщает, что опубликованию СОТ «была дана политически верная, принципиальная оценка на заседании бюро обкома партии, на партийном и общем собраниях писателей».

Письмо Бориса брату, 2 июля 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Пишу, как видишь, с запозданием, ибо писать было нечего: ни до кого не дозвониться, никого не поймать — лето. Сегодня уловил-таки Сашу и выяснил более или менее картину в «Неве». Картина существенно не изменилась и остается скорее благоприятной. Гор дал рецензию — по словам Саши, восторженную и глупую. Так что теперь за нас рецензия Дмитревского, рецензия Гора и рецензия отдела прозы. Правда, самого Попова (А. Ф.— торговля чаем) всё еще нет. Он всё еще в Англии и вернется завтра-послезавтра. Вернувшись, он, вероятно, попытается еще отсрочить миг, когда ему придется сесть за чтение ДоУ — потребует, чтобы рукопись дали на отзыв Гранину. Саша полагает, что статья в «Советской России» от 26.06 вряд ли что-либо изменит. Ибо статья глупая и бессодержательная. Ругают нас, как я понял с его слов, за то, что нуль-передатчики заслонили людей. Нет образов, нет корней действительности и корней народных. Очень смутная статья — Саша считает, что ее беспощадно резали и сокращали. Как-нибудь на днях съезжу в «Неву», почитаю. Опять же письма какие-то пришли туда на наше

имя. В общем Саша считает, что шансы наши неплохи, но ты там, брат, знай дави на «Юность». Подгоняй их, подгоняй. Кстати, выясни, правда ли, что из состава редколлегии там вывели Аксенова и Евтушенко[1]. Ходит у нас тут такой слух.

С Лешкой начинаем работать, вероятно, в пятницу.

Пришло письмо от болгарских ребят — физиков и астрономов. Интересуются судьбой УнС и выражают восхищение нашим творчеством. Я им ответил ласково, но о болгарском варианте, естественно, ни гу-гу.

Пришли, пожалуйста, адрес мамы. И вообще отпиши, как и что.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленусе привет.

Письмо Аркадия брату, 5 июля 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

Письмо получил, отвечаю.

1. На телестудии дела застряли. Начальство смотрит косо на то, что это — серия, не хочет рисковать таким длинным

[1] Виновником этого явился писатель Ан. Кузнецов, автор «Бабьего яра», оставшийся на Западе. См. мемуары А. Гладилина «Первая попытка мемуаров» (Октябрь (М.).— 2007.— № 6), глава «Совсем забытый советский писатель»: «Анатолий Максимович Гольдберг, самый популярный в СССР журналист Би-би-си, спрашивает Кузнецова: «Вы говорите, что советскому писателю невозможно выехать в капстраны, если он хоть в какой-то степени не сотрудничает с КГБ. А как же вы получили свою командировку в Лондон?» Кузнецов: «А мне пришлось сотрудничать. Я могу рассказать всю правду. Конечно, это был очень хороший повод — книга о Ленине, поэтому меня и пустили в Лондон. Но меня бы не пустили, если бы не было ходатайства органов. А ко мне пришли и сказали: «Хочешь ездить — давай с нами сотрудничать». И у меня не было выхода. Со мной говорили вежливо, но я понимал, что если откажусь, то мне и в Туле житья не будет. А товарищи из органов говорят: «Ты согласился с нами сотрудничать, тогда дай нам какую-то информацию. Мы знаем, что ты бываешь в Москве, там у тебя есть дружки — такой-то, такой-то, нам интересны их настроения и чем они занимаются». Потому что чем заняты тульские коллеги, местные органы и так прекрасно знали. «И тогда,— говорит Кузнецов,— я придумал совершенно фантастическую вещь. Я сказал, что затевается тайный журнал, который будут делать Олег Ефремов, Аркадий Райкин, Евгений Евтушенко, Василий Аксенов и Анатолий Гладилин. Такой литературный антисоветский журнал, который они хотят сделать рукописно и подпольно распространять. Я перечислил имена, что называется, от фонаря. И если литераторов еще как-то можно было объединить, то при чем тут Райкин, Олег Ефремов? Дескать, хотите информацию — вот вам информация! Но я не думал, что у них нет чувства юмора. А у них нет чувства юмора, они приняли эту информацию всерьез. Мне сказали, что у людей, про которых я написал, были неприятности. Во всяком случае, я знаю, что Гладилина уволили из «Фитиля», а Аксенова и Евтушенко вывели из редколлегии “Юности”».

рублем. Но это — внешнее, а на самом деле, на мой взгляд, все дело в том, что когда начальничку положили на стол заявку, он якобы с опаской спросил, взглянув на фамилии: «Это что же, те самые, левые?» Правда, Юра Борецкий не считает, что все пропало. Он продолжает активно бороться. Кстати, выяснил он, что на Довженковской студии не разрешили ставить ТББ не потому, что ТББ, а потому что Шерстобитов — после «Туманности» ему не разрешают ставить фантастику.

2. В «Юности» тоже толку не добился. Решительно никого нет, с кем можно говорить. Озерова не то в отпуске, не то в командировке, бог ее знает, Гладков тоже куда-то скрылся, до Полевого не доберешься, да я и не очень пытался.

3. Звонила Ариадна. Как ты помнишь, Сырокомский снял с полосы отчет об обсуждении. Однако буквально на днях там у него состоялось совещание, на котором он объявил, что фантастика будет отныне широко освещаться Литгазетой, что она нужна и пр., а снял он отчет якобы потому, что это было бы диссонансом, ибо ЛГ отчетов никогда раньше не помещала, и это могло бы быть рассмотрено (кем?) как выпад. Зав. отделом науки Михайлов пикнул было, что вот академик П. Александров (?) считает, что фантастику читают только полоумные, но был сухо обрезан и выговорен в том смысле, что фантастику читает весь советский народ. Что бы это значило? Ариадна, Рафка и еще кто-то начали готовить статьи.

4. «Комсомолец Татарии» сделал полосу, завтра их работник приедет показать перед опубликованием.

5. Больше новостей нет, если не считать, что мне предложили перейти на работу в Москву на оклад на 20 ру больше и несколько иным профилем работы.

6. Адрес мамы: Сумская обл., Середина-Буда, <…>. Она прислала письмо. По-видимому, не очень довольна образом жизни своим, но в общем чувствует себя здоровее.

Вот всё. Жму, целую, твой Арк.

Привет Адке.

Письмо Бориса брату, 10 июля 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Не отвечал, ибо новостей не было. Их и сейчас нет, но пишу, чтобы ты не заботился. Давай-ка договоримся: сейчас, в межсезонье, будем писать только с появлением новостей.

Звонил Саша, рассказывал, что в горком пришел на ОО донос. Кривцов ходил выяснять. Оказалось, что некий кандидат наук из оптического института находит ОО произведением скрыто антисоветским и т. д. У Кривцова, однако же, создалось впечатление, что это не кандидатова затея, а стоят за его спиной орлы из Пушкинского дома: известный тебе Ершов (автор статьи в СовРоссии) и Выходцев (тот, которого в одном из последних номеров с таким смаком раздолбал Новый мир)[1]. Обвинения настолько нелепы, что Кривцов с Сашей относятся к этой истории легко. Можно быть уверенным, что сам А. Ф. Попов горой здесь будет за нас (и за себя). Но вполне допустимо, что впредь ему расхочется иметь дело с этими хлопотливыми авторами и ДоУ он под каким-нибудь предлогом отклонит. Что ж, посмотрим. Дело должно решиться, вероятно, в течение июля.

Получил забавное письмо от какого-то паренька из Новосибирска. Восхищается он ОО и пишет весьма забавную фразу, почти афоризм: «Я оптимист, а это создает большие трудности».

Был я у Руфи[2], дал ей ГЛ, взял «Смерть Вазир-Мухтара»[3], какая вещь! Руфь весела и плюет на все. У нее сын женился — вот и все заботы.

С Лешкой работаем. Медленно. Со скрипом. Утомительно, да и жары стоят.

А теперь даю тебе план ответного письма:

1. Как дела с ОО? Нельзя ли вырвать между делом 40 %? Позвонил бы Нине.

[1] Рассадин Ст. Независимо от степени таланта (рецензия на книгу П. Выходцева «Поэты и время») // Новый мир (М.).— 1969.— № 5.

[2] Зерновой.

[3] Роман Ю. Тынянова.

2. Звонил ли ты Жемайтису насчет книги о коммунизме? Позвони.

3. Как с договором на перевод? Когда начнем работать?

4. Если будет звонить Марк, скажи ему, что у Германа материалов по Войно-Ясенецкому нет и что я его, Марка, жду, как обещал.

5. Что слышно о Шилейкинской статье?

Вот и всё пока. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет. Не хотите ли вы все-таки приехать побездельничать?

Письмо Аркадия брату, 14 июля 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

Есть новость — и пренеприятнейшая[1]. Вчера позвонил я Нине. ОО изъяли из типографии. Почему, за что — никто не знает. Приказ из шараги Михайлова, но им в свою очередь дали приказ еще из выше. Директор Детгиза настроен благодушно и безмятежно, но он тоже ничего не знает. Нина неделю занималась сверкой разночтений «Невы» и детгизовского варианта. Она персонально убеждена, что всему причина — «невский» вариант, где Отцы, энтузиазм и прочее. Во всяком случае, по ее словам, запрет на ОО вышел на основании «невского» варианта. Возможно, рука тех же сволочей, что в «Совроссии», а может быть, и местные наши друзья. В следующую пятницу должен опять говорить с Ниной, она постарается что-нибудь выяснить. Будь оно всё проклято. Не исключено, конечно, что всё обойдется, но сам факт, что угрюмые идиоты положили глаз на книгу — уже скверно.

Только что звонил в «Юность» Озеровой. У них у всех впечатление очень хорошее, хотя они утверждают, что для «Юности» это многовато по объему. Будут просить сократить. Сейчас задержка за Полевым. Он еще не читал. А рукопись дали на консультацию Теду Гладкову — это наш почитатель и мой приятель, хотя этого в «Юности» никто, по-моему, не знает.

[1] Реминисценция «Ревизора» Н. Гоголя.

Вот такие дела, брат мой. Грустные. Ну, будем посмотреть.

Хвост, тем не менее, надлежит держать трубой в предвидении того, что мы еще увидим небо в звездах[1].

Обнимаю и жму, твой Арк.

Привет Адке. Приехать, вероятно, не сможем.

Срок перевода — 1 сентября. Но я полагаю, удастся вымолить еще месячишко-два. Я начну работать числа с двадцатого.

Письмо Бориса брату, 17 июля 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Итак, они таки поймали нас за гипотезу. Что ж, скажем прямо, мы оба этого ждали. Не могло так случиться, чтобы в нынешней обстановочке ОО прошел у вас в Москве без сучка, без задоринки. Ну, ладно.

Я кое-чего не понял.

1. Что значит: «рукопись изъяли из типографии»? Книга уже печаталась, и поступил приказ печатание прекратить? Или: книга дожидалась своей очереди, а ее приказали из очереди выбросить?

2. В любом случае — где она сейчас? В редакции? В дирекции? В Комитете? В ЦК? В цензуре?

3. Как насчет того, чтобы вырвать, пока не поздно, 40 %? Кажется, мы имеем право на них, если книга подписана в печать. Книга подписана? Мне тут по прочтении газет пришла в голову мысль: а не есть ли все это следствие проходящего сейчас пленума ЦК ВЛКСМ? Может быть, там кто-то что-то нехорошее о нас сказал? Нельзя ли это выяснить?

Твое письмо пришло как раз в тот день, когда я своими руками отслюнил 320 р. за путевки в Гагры. Ох, как мне захотелось попросить эти деньги назад! Ну, ладно…

Сценарий помалу движется. Вчера, несмотря ни на что, мы с Лешкой выбили пять страниц, и теперь половина

[1] Отсылка к пьесе А. Чехова «Дядя Ваня» (действ. 4): «…мы увидим все небо в алмазах…»

первого варианта заделана. Правда, это только черновик, но в конце концов срок представления — октябрь. Успеем. А ты уж, Аркашенька, жми тогда на Клемента пока сам.

Кстати, на днях Сашка Копылов передал тебе через меня предложение одного своего знакомого судебного медика готовить для ихнего института переводы и рефераты с японского. Они там локти кусают от досады: из Японии приходит интереснейшая литература, а читать ее некому. Если ты в принципе согласишься, можно будет обсудить конкретные условия. Я тогда просто дам тому врачу твой адрес, пусть сам все тебе изложит.

В «Неве» пока ничего. Прибыл из Лондона Попов, выслушал отчет Кривцова о доносе в горком, никак особенно не отреагировал и исчез в недрах обкома (по своему обыкновению). Так его с тех пор (вот уже с неделю) в редакции не видели. Рукопись ДоУ лежит и ждет, когда А. Ф. ее прочитает. Кстати, ответ на кляузу горком поручил писать нашему дорогому тов. Бритикову. Посмотрим, посмотрим…

И вообще посмотрим. Перебьемся, я думаю, как-нибудь. Ты будешь переводить с японского, а я загоню марочки и, может быть, поступлю на работу. Не пропадем.

Если тебе удастся вымолить у «Мира» пролонгацию договора на пару месяцев, мы могли бы собраться где-нибудь во второй половине сентября или в начале октября и покончить с Клементом одним ударом.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Письмо Аркадия брату, 19–21 июля 1969[1], М.— Л.

Дорогой Борик!

Был у Нины, говорили много и серьезно. Дело было так. Нина была в отпуске, когда директору позвонили из комитета РСФСР (это не Михайлов!) и спросили, в каком состоянии книга. Ответ был: книга в типографии, выпуск запланирован на июль-август. Приказ: задержать книгу. Без объяснений,

[1] Датировка составителей.

без разговоров. Только сказано: книга задержана из-за варианта в «Неве». Кто? Почему? Неизвестно. Окольными путями удалось установить, что это личное распоряжение товарища, который в свое время топал по поводу «Байкала» ногами и кричал, зачем напечатали этих двух жидов. Мнение Нины: нам врезают по совокупности за УнС и СоТ. Предлагаемый план: идти к директору за получением официального извещения о задержке книги со ссылкой на комитет; далее, идти в комитет за объяснениями и получить ссылку на товарища; наконец, идти к самому товарищу. Все строго субординационно и по восходящей инстанции. Окончательная мера — письмо Брежневу или Суслову. Со стороны издательства: пишется громадная телега с разночтениями между новым и невским вариантами в доказательство того, что книга безупречна. Кстати, книга действительно безупречна. Очень и очень придирчивый цензор пропустил ее без единого замечания, что бывает очень редко.

Далее: Нина рекомендует в последнюю инстанцию идти вдвоем с тобой. Не знаю, стоит ли, но ты будь на всякий случай готов выехать, если, конечно, не будешь к тому времени уже в Гагре.

Киношные дела пока на нуле. Никаких просветов. С завтрашнего дня приступаю к Клементу.

Адрес врачу по судмедицине дай. Пусть пишет, будем договариваться.

Мне здесь светит поступить в институт социальной информации, как японисту. Оклад — 250–300 руб., посещение — два раза в неделю, в три года защита диссертации. Посмотрим.

Неделю назад неудачно подвернул ногу, ударился рукой о стену и сильно рассадил костяшки пальцев. Кровь свернулась, едва выступив. Сейчас — только красные пятнышки. Во организм!

Насчет 40 % говорил с Ниной. Юридические права у нас есть полностью. Но как обернется дело фактически — она не уверена. Обещала узнать.

Итак, послезавтра иду в Детгиз. Пожелай.

Крепко жму и целую, твой брат и соавтор Арк.

Не пищи. Все будет хорошо. На носу — Нортон. Весь гонорар пойдет тебе. У меня деньги есть и еще будут.

Привет Адке.

Письмо Бориса брату, 23 июля 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. План борьбы за ОО выглядит убедительно. Некоторое сомнение вызывает только телега из издательства. Писать список разночтений для доказательства чистоты детгизовского варианта перед невским имеет смысл только в том случае, если известно, ЧЕМ ИМЕННО в невском варианте недовольно начальство. Тогда можно продемонстрировать: вот вы были недовольны, и мы это переделали. Если же конкретные точки неудовольствия неизвестны, то может получиться, что мы вложим им в руки оружие против себя же, акцентировав внимание на том, чего они и не думали замечать. Дело-то в том, что невский вариант ТОЖЕ абсолютно безупречен! И пока начальство не сформулировало своих замечаний, разбор разночтений может привести лишь к косвенному признанию, что в «Неве» напечатано нечто подозрительное. Не знаю, кому это надо и зачем. Может быть, все-таки известны какие-то замечания и указания сверху? Тогда все ОК. А если неизвестны? Что же именно собирается Нина писать? Мол, вот были «Неизвестные Отцы», а стали «Огненосные Творцы»? Но, сразу, вопрос: а почему это плохо — «Неизвестные Отцы»? Ага, скажет начальство. Значит, что-то было! А тогда, может быть, и ЕСТЬ? В общем, вы там продумайте этот вопрос. По-моему, исходная позиция издательства не должна быть такова, что, мол, вот выпустили Стругацкие какую-то подозрительную книжку, мы ее подправили, и книжка стала неподозрительная. Позиция должна быть такой: Стругацкие написали прекрасную, поучительную, воспитательную, очень НАШУ книгу. Прекрасный, поучительный и очень НАШ вариант они опубликовали в «Неве» (вариант НАШ!). Однако детское издательство имеет свою специфику (военно-патриотическое воспитание и пр.), и потому мы

попросили наших авторов внести кое-какие изменения, что они С УДОВОЛЬСТВИЕМ и сделали. Нам совершенно непонятно, почему такая ценная, воспитательная НАША книга задерживается в печати. Вот так я себе это представляю. Может быть, конечно, вам там виднее, но сам принцип отыграться за счет журнального варианта представляется мне опасным. Другое дело, если бы удалось найти концы и получить список начальственных указаний. Тогда — пожалуйста! Вам не нравится то-то? Ради бога! Будет сё-то!

2. Если дело дойдет до визита к стучавшему ногами товарищу, я бы очень хотел при сем присутствовать. Планы мои таковы: числа 4-го или 5-го августа я улетаю в Киев; оттуда 6-го — в Гагры; в Гаграх пробуду до 29-го. Сомнительно, конечно, чтобы тебе за это время удалось добраться до самого верху. Но во всяком случае держи меня в курсе. Из Гагр в произвольный момент времени выбраться будет вряд ли возможно, но вот, скажем, задержаться с отъездом туда, если визит будет назначен, скажем, на 6–10-е, это пожалуйста.

3. Позвонил сегодня в «Неву». Там, вроде бы, все тихо. Попов забрал рукопись ДоУ для прочтения. 30-го должна быть редколлегия, есть надежда, что он прочтет к этому сроку. Но не исключено, что не прочтет. Я со своей стороны намерен завтра-послезавтра наведаться к нему и попытаться его подтолкнуть.

4. Финансовые дела мои не настолько плохи, чтобы жадно хватать весь гонорар за Нортон. Пусть как всегда будет пополам, тем более, что я и так пока хожу у тебя в должниках. А вот насчет 40 % нажать надобно. Не потому что плохо с деньгами, а потому что дело темное, что там будет впереди.

5. Сейчас перечитываю ГЛ. Отличная повесть! Но ГО должна быть еще лучше.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

P. P. S. Да, хотел бы я понять, чем по форме будет телега из Детгиза? Что это — объяснительная записка? Или прошение (разрешите, мол, напечатать, чего там!)? Или еще что-нибудь? Отпиши.

Письмо Аркадия брату, 27 июля 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Для чего детгизовцы сделали список разночтений, я сам хорошо не знаю. Полагаю, что это в порядке предосторожности на случай, если их припрут. По поводу невского варианта мне мадам и Компаниец при встрече выдали было упреки: зачем-де было нам не внести в тот вариант детгизовские исправления. Я их сразу оборвал. Я очень холодно сказал им, что в невском варианте все в порядке, что ленинградские обкомовцы не глупее их, детгизовцев, и что там, в обкоме, все были удовлетворены, так что им, детгизовцам, и подавно надо радоваться. Больше этот вопрос не поднимался.

2. Дела же идут так. Из моей встречи с мадам и с Компанийцем я не узнал ничего нового по сравнению с тем, что рассказала Нина. Да и не ожидал ничего узнать. Я искал только повода официально обратиться к комитетчикам. Меня направили к главному редактору художественной и детской литературы комитета по печати РСФСР тов. гр. Карелину Петру Александровичу. Пошел прямо из Детгиза. Карелина не было, ждал его полтора часа, но время потратил не зря, ибо понял, что, может быть, кому-нибудь он и главный, а нам он просто поц (или потц?). Там ниже главного никаких должностей нет. Выше есть, кажется, должности «самый главный» и «до невозможности главный». Как у листригонов все капитаны[1]. Я позвонил ему на следующее утро. И тут меня ожидал некоторый шок. Понимаешь, обращение к этому Карелину, как я представлял себе, было тоже пустой формальностью, чтобы иметь повод обратиться выше. Но разговор был такой (подаю дословно).

Я: Здравствуйте, Петр Александрович, с вами говорит писатель Стругацкий. Вы будете у себя? Разрешите, я зайду к вам минут через сорок?

К: Одну минуту, я посмотрю, нет ли у меня какого совещания на это время.

[1] А. Куприн, «Листригоны», гл. 7: «— Здесь нет ребяти,— ответил кротко начальник.— Здесь се капитани».

Я: Пожалуйста.

(Проходит минуты три.)

К: Вы знаете, я как раз буду занят. А что у вас такое? Вы, наверное, по вашей книге в Детской Литературе?

Я: Да. Вчера мне сообщили, что по вашему распоряжению нашу книгу задержали, изъяли из типографии и изъяли из плана.

К: Ничего подобного. Мы никаких распоряжений не давали. Мы вообще не имеем обыкновения распоряжаться. Просто была в адрес вашей книги критика в прессе, в «Литературной газете»…

Я: В «Советской России»…

К: Вот я и говорю, в этой… как ее… Так вот мы обратили внимание товарищей на этот факт и предложили им еще раз просмотреть рукопись…

Я: У нас не рукопись, у нас уже почти готовая книга, ее изъяли из типографии!

К: Ну, не знаю, что там у вас… Одним словом, посмотреть, учтены ли все критические замечания прессы, а там поступать по своему усмотрению.

Я: Как же так, а мне в издательстве сказали, что вы приказали книгу изъять без всяких объяснений и на неопределенное время…

К: Это там что-то напутали. Мы таких указаний не даем. Мы не даем указаний изымать рукописи и выключать из плана. Идите и объясняйтесь с ними, мы тут ни при чем.

Я: Это вы точно говорите, что оставили все на их усмотрение?

К: Точно. Пусть сами там посмотрят, как, что… Мы ничего им не указывали, только поскольку были замечания в прессе, наш долг — указать… Вот так, товарищ Стругацкий.

Я: Спасибо, товарищ Карелин. Я сейчас же еду туда и буду выяснять.

К: Вот-вот, идите и выясняйте.

Вот такой разговор.

Я, естественно, встретился снова с Ниной, мадам и Компанийцем и передал им всё это. Все взвыли. Но тут выяснилось

одно интересное обстоятельство. Никто не мог вспомнить, откуда взялась фраза «из-за невского варианта». Насчет высшего товарища выяснилось окольно, это мне Нина говорила, однако окольные выяснения страдают неопределенностью, сам знаешь. Короче говоря, очевидно, фразу эту произнес директор Пискунов, который ушел в отпуск и будет через три недели. Решено все оставить до него. Мне было твердо сказано, что издательство будет драться за книгу, а Пискунов по возвращении дойдет до ЦК, если потребуется. Возможно, фраза «из-за невского варианта» в первоначальной редакции выглядела так: из-за критики невского варианта в прессе. Это тем более правдоподобно, что одновременно из-за дурацкой статейки в «Лит. газете» сняли поспешно с плана несколько отличных книжек для детей младшего дошкольного возраста. Это означало бы, что Карелин не врал, а Пискунов действительно напугался этой статейки, а высший товарищ понятия не имеет об ОО, а только выражал где-то нам «фе» по поводу УнС и СОТ. И это «фе» при выяснении окольными путями распространилось и на ОО в процессе передачи.

У нас с тобой достаточно богатый опыт, и мы можем вспомнить, как задержали «Возвращение» из-за вонючей статейки М. Лобанова (совпадение: то была тоже обзорная статья — только не по «Неве», а по «Уралу») и как держали «Стажеров» из-за «Запорожцев в космосе». Тогда схема происшествия необычайно упрощается. Карелин звонит Пискунову и сообщает о статье в «Сов. Рос». Пискунов пугается и извлекает книгу из типографии до выяснения, а мадаме и Нине просто говорит, что ему предложили это сделать «из-за невского варианта». Нина бросается выяснять и легко обнаруживает, что где-то нами недовольны (это мы и сами знаем, однако в панике она распространяет это недовольство и на ОО). Тем временем Пискунов предлагает Нине составить список исправлений и укатывает в отпуск. Вот и всё. Исправления нужны не в комитете, а ему самому как документ на случай грядущих нападок. Одним словом, я настроен оптимистично.

3. Поезжай в Гагру и ни о чем не думай. Всё это моча, как-нибудь оботрется.

4. Нажим по поводу 40 % ничего не дал. Ответы уклончивые, типа «там видно будет».

5. Между прочим, дал я рукопись ДоУ Баталову (не лично, а через одну свою знакомую). Вчера выяснилось, что Баталов в восторге и хочет киносоприкоснуться с этим делом. Буду с ним, вероятно, на днях встречаться.

Вот всё пока. Целую, обнимаю. Твой Арк.

Привет Адке.

Письмо Бориса брату, 31 июля 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Прости, что задержался с ответом — совсем замотался последнее время.

1. Очень рад, что возникла новая, более оптимистическая гипотеза, непротиворечиво объясняющая сложное и непонятное поведение начальства. Что ж, ждать так ждать. Будем ждать, ничего не поделаешь. Как я понял, к концу августа все должно выясниться.

2. Тут произошли некие события в «Неве». Был я у Попова, но все подряд долго рассказывать. Короче говоря, сегодня заскочил туда на минутку, просто позвать Сашу пообедать вместе, и вдруг выяснилось, что вчера была редколлегия, Кривцов представил список произведений, намеченных к публикации в 70-м году (в том числе и ДоУ), и список этот был утвержден редколлегией и Поповым. Сегодня утром Кривцов отправил этот список в типографию, и в восьмом нумере «Невы» на последней странице всё это будет опубликовано в порядке рекламы. Правда, Попов рукопись еще не читал, но известно, что имели место его беседы с Дмитревским, и есть две положительные рецензии, и мне в личной беседе он высказался в том смысле, что «чего, мол, читать — и так по рецензиям ясно, что повесть хорошая» — одним словом, он, по-видимому, решил одобрить не читая. Сам понимаешь, я немедленно осведомился насчет договора. Кривцов тут замялся и сказал, что, к сожалению, сейчас в редакции нет денег, но что деньги будут в октябре, в начале последнего квартала, и тогда договор

и будет заключен. Можно особенно не беспокоиться, сказал он. Раз ДоУ рекламируется, значит редакция уже берет на себя определенные обязательства. Ну я не стал настаивать, тем более что он тут же принялся жаловаться на то, что, мол, пораздавали вот авансов, денег нет, а авторы увиливают: Шолохов заключил договор на 25 а. л. два года назад, и с тех пор даже на письма не отвечает; Михаил Алексеев — тож, но этот хоть отвечает — клянется, что вот-вот… Ну ладно. Потом Кривцов стал просить, чтобы мы дали другое название — оказывается, у них в том же 70-м идет переводная какая-то повесть, которая тоже называется «Дело о…». Я пообещал сделать все возможное, но что-то сомневаюсь, хотя уже и объявил среди знакомых конкурс на лучшее название (первая премия — 10 рублей; она же и последняя). Думаю, что обойдется. В крайнем случае, пусть меняют название перевода.

3. С Лешкой работаем. Сегодня вот уже добрались до решающего допроса Хинкуса. Очень нам хочется закончить хоть черновик до отъезда. Я Лешке рассказал про Баталова. Лешка несколько перекосился, но спокойно объявил, что Баталов может пробить любой сценарий. При желании. В общем, ты там никаких определенных обещаний пока не давай, но выражай восторг, пропорциональный желанию Баталова заниматься сценарием.

4. Я вылетаю рано утром 6-го. Христа ради, держи меня в курсе, отписывай, как и раньше, сразу по появлении хоть каких-то новостей.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

3 августа в газете «Комсомолец Татарии» публикуется отрывок из ОО с предисловием Р. Колосова «Сквозь путы замкнутого мира», в котором автор статьи, выделяя как одни из главных у Стругацких темы «утверждения в человеке нового», противопоставления «капиталистического мира» (планеты, на которой происходит действие рассматриваемой повести) и коммунистического (единственным представителем которого является Максим — главный герой повести), рассматривает, с какими именно героями книг Стругацких может себя отождествить молодой читатель. В конце публикации слово предоставляется АНу.

АНС. Вместо эпилога

Мы не представляем сегодня читателям братьев Стругацких. Во-первых, они широко известны любителям фантастики и «просто» хорошей литературы. Во-вторых, они знакомы постоянным читателям нашей газеты. И поэтому когда наш корреспондент Светлана Шнегас встретилась с Аркадием Стругацким, она задала прежде всего вопрос о планах писателей.

— Кроме «Обитаемого острова», который выходит вскоре отдельной книгой в издательстве «Детская литература», мы недавно закончили повесть «Дело об убийстве». Она написана в жанре совершенно новом для советской фантастической литературы — в жанре фантастического детектива. Пионерами здесь являются известные фантасты А. Громова и Р. Нудельман, публикующие сейчас в журнале «Смена» интересный роман «Кто есть кто?» («Институт времени ведет расследование»). В том же жанре пишут сейчас свое новое произведение фантасты Д. Биленкин и Т. Чеховская.

— Что вас больше всего волнует и заставляет браться за перо? Какова главная идея ваших произведений?

— Вот уже несколько лет нас интересует — и мы надеемся, что нам удалось это выразить, — проблема соотношения морали и невероятно осложненного техническими и социальными революциями современного мира. По нашему мнению, такие проблемы можно ставить в художественной литературе исключительно средствами фантастики. Нам кажется, весьма правильно сказал Р. Нудельман, определив фантастику как литературу о столкновении «вчерашнего» (то есть отягченного предрассудками прошлого и вымороченными традициями современного человека) с завтрашним днем, который этот человек непрерывно строит и совершенствует.[1]

— Что бы вы хотели сказать нашим читателям?

[1] В действительности положение «Человек по своему воспитанию, привычкам, представлениям во многом принадлежит прошлому; между тем этот вчерашний человек своими руками создает — сегодня — завтрашний мир» принадлежит самим АБС. Оно неоднократно встречается в неопубликованной публицистике 1965 года.

— Пожелать им самых больших успехов в труде, творчестве, учебе. Со своей стороны, как и прежде, мы будем принимать посильное участие в работе «Комсомольца Татарии».

Письмо Бориса брату, 4 августа 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Только сегодня мне удалось встретиться с Сашей и посоветоваться с ним насчет нашей политики в «Юности». Саша считает, что вероятность опубликования повести заметно больше половины, а вероятность заключения аванса и того больше («если ваши акции останутся на нынешнем уровне, то в октябре договор заключат без сомнения»). Он рекомендует попытаться несколько форсировать события, причем таким образом, чтобы получить в руки какой-нибудь документ. Например, если и когда события в «Юности» развернутся по-настоящему (т. е. вопрос о договоре реально встанет на повестку), ты пошлешь в «Неву» на имя Попова телеграмму примерно следующего содержания: «Полевой предлагает договор. Телеграфируйте ваше решение по адресу…» Я думаю, это правильно. И это надо будет сделать, если действительно надо будет срочно принять какое-то решение с «Юностью». Если в «Юности» захотят заключать договор, но потребуют сокращений, попытайся под каким-нибудь предлогом (невозможность связаться со мной, необходимость срочно уехать и т. д.) оттянуть время. А в общем, надо исходить прежде всего из необходимости вырвать аванс. И, наверное, ТОЛЬКО из этой необходимости.

2. Новое название ДоУ ужасно: «Звездный час инспектора Глебски». Но ничего лучшего не сумели придумать ни я, ни друзья наши за трое суток размышлений. Впрочем, по-моему, все это — моча.

3. Сегодня прекратили работу с Лешкой. Послезавтра утром я уезжаю. Таки не сумели закончить черновик. Да, брат, это не с тобой работать, прямо скажем. Впрочем, время есть. Закончим все в сентябре.

4. Было бы здорово, если бы ты даже в случае отсутствия новостей по ОО отписал бы мне письмишко в Гагру. Насчет твоих киношных дел; насчет статьи Шилейки; насчет Саргассов; насчет Клемента; насчет положения в МолГв.

Вот и всё пока. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Август проходит у Авторов на удивление тихо. БН отдыхает в Гагре, АН занимается своими делами в Москве.

Пресса тоже молчит. Но это — лишь временное затишье. В сентябре — очередной залп.

Пожалуй, наиболее безобидная оценка появляется в журнале «Детская литература». В рубрике «Вышла книга…» опубликована информация о выходе в одноименном издательстве очередного тома в серии «Библиотека приключений»: книги, содержащей СБТ Авторов и произведения Днепрова. Книга рекомендуется для чтения школьникам начиная с 6-го класса.

Одновременно с этим сообщением в этом же номере публикуется статья Адольфа Урбана «Вернемся к пристрастиям», где среди прочего сказано, что ПНВС находится на стыке науки и фольклора; в мире ПНВС господствует не логическая концепция, а человеческая сущность, а в ТББ показаны оригинальный внутренний мир и напряженность борьбы мнений.

В сентябрьском номере «Журналиста», так внезапно «возлюбившего» Авторов, появляются сразу два материала, связанные с АБС.

Партийные комитеты о прессе Иркутска

Обком КПСС рассмотрел вопрос об идейно-политических ошибках, допущенных редакцией альманаха «Ангара».

На страницах этого издания была опубликована вредная в идейном отношении повесть А. и Б. Стругацких «Сказка о Тройке». Здесь же появилась статья Р. Нудельмана «Фантастика и научный прогресс», в которой картина современного мира рассматривается с теоретически нечетких, путаных позиций. Редколлегия альманаха не проявляла достаточной требовательности при отборе произведений к печати, мирилась с серьезными недостатками в работе редакции.

За грубые ошибки, следствием которых явилась, в частности, публикация идейно несостоятельной повести А. и Б. Стругац-

ких, главному редактору альманаха «Ангара» Ю. Самсонову и главному редактору Восточно-Сибирского книжного издательства В. Фридману объявлен строгий выговор. Решением бюро Иркутского обкома КПСС Ю. Самсонов освобожден от работы. В принятом постановлении намечены меры, направленные на повышение идейно-художественного уровня альманаха. Утверждена новая редколлегия.

Главным редактором альманаха «Ангара» утвержден писатель А. Шастин.

Во второй публикации «Журналиста», отметив высокие тиражи и растущую популярность фантастики, а также остановившись на ответах писателей-фантастов стран капитализма, опубликованных в журнале «Иностранная литература», автор статьи приступает к главному — критике АБС.

Из: Свининников В. Блеск и нищета «философской» фантастики

<…>

Среди писателей, отвечавших на анкету «Иностранной литературы», были и советские — Геннадий Гор, Аркадий и Борис Стругацкие. Очень хотелось услышать от них марксистское понимание задач, стоящих перед литературой и искусством вообще и перед фантастикой в частности.

К сожалению, они не увидели чуждых нам представлений, не почувствовали острого запаха буржуазного индивидуализма и волюнтаризма во всех этих по форме «общегуманных», отвлеченных концепциях. Они, видимо, не заметили явной инфильтрации буржуазных идей.

Геннадий Гор, упомянув Герберта Уэллса и Федора Достоевского, Томаса Манна и Джойса, Бунина с Куприным и Потапенко с Боборыкиным, Ефремова, Лема и Стругацких, заметив даже революцию (!) в фантастике (поворот к философской теме в пятидесятых — шестидесятых годах), наконец, определив фантастику как «передний край», увидел в ней всего лишь «…передний край современного художественного мышления».

А. и Б. Стругацкие сделали своего рода программное заявление: «В наше время задача литературы, как нам кажется, состоит не только в исследовании типичного человека в типичной обстановке. Литература должна пытаться исследовать типичные общества, то есть практически рассматривать все многообразие связей между людьми, коллективами и созданной ими второй природой. Современный мир настолько сложен, связей так много и они так запутаны, что эту свою задачу литература может решать только путем неких социологических моделей, по необходимости упрощенных, но сохраняющих характернейшие тенденции и закономерности. Разумеется, важнейшими элементами этих моделей продолжают оставаться типичные люди, но действующие в обстоятельствах, типизированных не по линии конкретностей, а по линии тенденций».

Но «модели» могут быть разными, программируют их разные люди. Известно, что самые фантастические видения, образы будущего всегда создаются на основе определенной общественной — социальной, экономической, нравственной — интуиции, классовой борьбы. «Модели» будущего программируются всегда с определенных социальных позиций, отсюда их пессимизм или оптимизм, прогрессивность или реакционность. Именно в классовой позиции художника — ключ к образам его фантазии. Как раз этого и не прозвучало в рассуждениях о «моделировании типичных обществ»…

Действительно, фантастика дает возможность построить какую угодно модель. Но тем большее значение обретают тогда взгляды автора, его мировоззренческие установки. Фантастика не бесстрастная электронно-счетная машина, готовая «переварить» даже не одну, а десятки «моделей», пока не будет найдена ошибка в программе. Это — произведение искусства, которое выносится на суд миллионов читателей, вызывает у них вполне определенную реакцию. И чем ярче написана книга, тем острее направленное сопереживание читателя с автором, с героями. И тем ощутимее вред, если перед нами даже и талантливо созданная,— но ошибочная модель.

Сколь же велика должна быть ответственность писателя прежде всего перед самим собой, сколь высока требовательность к себе!

Именно с этих позиций хочется еще раз поразмышлять о творчестве А. и Б. Стругацких.

Некоторые критики усиленно пропагандируют Стругацких как зачинателей «социального, философского» направления в современной фантастике. Направления, ради которого горячие головы готовы зачеркнуть все, что до этого было создано. Направления, противопоставляемого всем остальным течениям советской научной фантастики в качестве «главного и наиболее перспективного». В довольно громком хоре неумеренно восторженных рецензий звучали и предостерегающие голоса. Академик Ю. Францев в газете «Известия» (25 мая 1966 г.), Ю. Котляр в журнале «Октябрь» (№ 4, 1967 г.), В. Сапарин в журнале «Коммунист» (№ 12, 1967 г.) довольно обстоятельно анализировали произведения Стругацких и некоторых других представителей «философской» фантастики, аргументированно доказывали, что рецензируемые произведения «вряд ли отражают марксистскую философию и коренные проблемы эпохи», подчеркивали, что «понимание общественных отношений — необходимый трамплин для высокого полета социальной фантастики».

В. Сапарин, например, заметив, что в борьбе участвуют на нашей стороне лучшие умы человечества, в том числе и прогрессивные зарубежные писатели-фантасты, писал далее: «У советских литераторов по сравнению с ними есть, однако, принципиальные идейные преимущества. Если те, критикуя, пусть в самой острой форме, античеловеческую сущность капиталистического мира, нередко не находят реальных путей социального прогресса человечества, то строители коммунистического общества видят ясную перспективу. И позиции, с которых мы рассматриваем социальные процессы, знание законов общественного развития позволяют с необходимой глубиной проникать в запутанный подчас клубок противоречивых тенденций современного мира

и приходить к верным, исторически обоснованным выводам. Это является основанием и для правильного социального прогнозирования в нашей научно-фантастической литературе».

В последнее время в печати появились резко противоположные отклики на новые произведения братьев Стругацких, а в литературных кругах недавно прошло обсуждение таких произведений, как «Второе нашествие марсиан», «Улитка на склоне», «Сказка о Тройке», «Обитаемый остров».

Характерно, что Стругацких некоторые готовы поднять как своеобразное знамя, как этаких страдальцев за «философскую» идею, к которым и критика, ранее немало доброго отмечавшая, стала вдруг пристрастной и предвзятой. Начинали они, как многие из фантастов, с космических приключений, но начинали лучше многих. Сочный и пока еще не засоренный псевдокосмическими терминами язык, несколько грубоватый юмор, умение найти точные детали, живые черточки для своих героев выделяют даже ранние книги Стругацких из потока подобной литературы. Их Следопыты, мужественные и всё умеющие делать, высокоорганизованные и при всем при том просто озорные ребята, запоминаются как хорошие друзья. Пожалуй, по-человечески близка и понятна вспышка Антона-Руматы («Трудно быть богом»): нелегко сдерживать себя, когда на твоих глазах уничтожается все светлое, мыслящее, когда душная мгла фашизма неотвратимо наваливается на ничего не подозревающий народ. Трудно быть богом, «добру и злу постыдно равнодушным», если ты человек. (Хотя и непонятно, что это за средневековый фашизм и почему Антон и его друзья должны сдерживаться и не вмешиваться?) Мужественный и честный Саул Репнин из «Попытки к бегству» словно бы предостерегает: «В будущее — не дезертируешь от сегодняшних битв, за будущее надо бороться».

Немало ярких и оптимистических страниц о будущем написали Стругацкие. Но постепенно, от книги к книге все менее привлекательным становится будущее, которое рисуют Стругацкие. В «Далекой Радуге» довольно симпатичные молодые ученые… жулики, которые ради своих — научных, правда — увлечений готовы оставить всю планету без

энергии. И некоторая грубоватость героев, которую у «ранних Стругацких» можно бы расценивать как одну из привлекательных «земных» черточек, оборачивается от недостатка чувства меры примитивом. И надуманный, из пальца высосанный морально-этический конфликт: кого спасать — ученых ли, чьи знания очень нужны планете, или детей… Трижды прав Ю. Котляр, который замечает в своей критической статье, что при любом общественном строе такой конфликт решается однозначно, не то что в коммунистическом будущем…

«Хищные вещи века» — повесть-«предупреждение». Кого и о чем она предупреждает? В статье «Будущее человечества через призму фантастики» («Коммунист», № 12, 1967 г.) В. Сапарин пишет: «Может быть, человечество вообще предупреждается, что любое общество, достигшее материального изобилия, рискует оказаться во власти «хищных вещей века»? Об «опасности» материального изобилия для человечества, как иногда приходится слышать? Беде, которая зависит не от социальной структуры общества, а от «человеческой натуры»?

В основе подобных взглядов лежит немарксистское, ограниченное представление о путях развития человечества».

Некоторые из поклонников творчества Стругацких вполне резонно утверждают, что фантастику совершенно напрасно отождествляют с литературой о будущем, что фантастика может и должна заниматься и проблемами прошлого, и проблемами настоящего. Одна из заслуг Стругацких, по их мнению, в том и состоит, что они расширили окно в мир настоящего и в мир прошлого.

В таком случае возникает вопрос: о каком настоящем и каком прошлом пишут Стругацкие? И какие же «главные нравственные проблемы современности» видят писатели, представляющие общество, которое строит коммунизм?

Разгул машин, все пожирающий и подавляющий в бесчеловечности своей технический прогресс («Улитка на склоне»)? Страшную силу вещей над опустошенными душами людей («Хищные вещи века»)? Массовое оболванивание людей при помощи довольно примитивных технических средств и во имя каких-то неясных целей («Обитаемый остров»)?

Авторы могут возразить: какое, мол, это имеет отношение к нашему обществу, к нашей борьбе? Это всего лишь наши догадки, наши субъективные оценки технического прогресса!

На самом деле эти модели не столь уж нейтральны и к нашему миру. Рисуя как нечто фатальное, неумолимое и неподвластное социальной воле людей это торжество вещей, авторы — вольно или невольно — обесценивают роль наших идей, смысл нашей борьбы, всего того, что дорого народу. Социальный эквивалент их картин и сюжетов — это в лучшем случае провозглашение пессимизма, идейной деморализации человека.

Нас призывают: не надо искать в творчестве Стругацких географических или исторических примет, социальных устройств, они же писатели проблем. Проблем «в чистом виде». Пусть все остальное выглядит как эклектическая окрошка, лишь бы был живым тот кусок проблемы, который попадает под луч писательского прожектора. Это-де и возрождение лучших традиций старого философского романа — рассматривать в художественной форме абстрактные идеи. Словом, свобода моделирования, свобода от всяческих ограничений, свобода «от локального колорита, от географических и национальных деталей» (Р. Нудельман «Фантастика и научный прогресс», «Ангара» № 4, 1968). Что-то подобное мы уже прочитали в ответах американских фантастов на анкету журнала «Иностранная литература».

Нас почему-то настойчиво убеждают не искать в творчестве Стругацких каких-то намеков, подтекста и т. д. Но, встречая в их повестях-«предупреждениях» какие-то детали, черточки, выхваченные из жизни нашей страны, но перевернутые, исковерканные, чудовищно деформированные, поневоле начинаешь задумываться: во имя чего?

Вот, скажем, образчик анкеты в «Сказке о Тройке»:

«Национальность: белорус. Образование: неполное среднее общее, неполное среднее техническое. Знание иностранных языков: русский — свободно, украинский и белорусский — со словарем».

Или рассказывает Федор — снежный человек о том, что оставляют альпинисты на вершинах:

«…Гитары попадаются, велосипеды, бюсты разные…»

Надо ли подробно комментировать вот такую «окрошку», однако же совсем не лишенную географического, национального колорита и весьма существенной политической окраски? Как видим, авторы недолго и непрочно удерживаются в своем, якобы абстрагированном, общечеловеческом мире…

О художественных достоинствах новых произведений А. и Б. Стругацких стоит сказать особо. Старая истина — недостатки суть продолжение достоинств — вполне, на мой взгляд, применима к этим писателям. Некоторую грубоватость их героев многие склонны считать одной из привлекательнейших «земных» черточек. Но когда герои чуть не на каждой странице начинают пересыпать свою речь красотами вроде таких: «врюхаемся», «сволочь неуклюжая», «смотается», «по морде» и т. п. («Улитка на склоне»), когда лексика, густо настоянная на словах типа «золотарь», «экзема» и т. д., из уст героев то и дело перекочевывает в авторскую речь, начинает казаться, что «казармой прет» уже не только от одного из персонажей — Полифема («Второе нашествие марсиан»), но и от самой книги.

Пожалуй, Стругацкие превзошли себя в «Улитке на склоне». Яркость, зримость, конкретность каких-то бытовых деталей придавали уют «домашности» самым космическим их вещам. Это сильная сторона писателей. И как же обращается она против них, когда чувство меры, на мой взгляд, изменяет им! Картины леса, чудовищной клоаки, нарисованные ими, настолько вещественны, зримы, что вызывают порой вполне реальную тошноту.

Здесь же описаны десятки непонятных, но омерзительных сцен, таких, как перевоспитание мордобитием «полового неврастеника» Тузика, эпизод с кассиром в башне броневика, страшный разговор машин. Даже положительный герой — Перец — просто и привычно размышляет о том, что Квентин, любящий Риту, по ночам «плачет и ходит спать к буфетчице, когда буфетчица не занята с кем-нибудь другим».

А чего стоят также брошенные мимоходом строки о женщине в новой книге Стругацких «Обитаемый остров»: «Он был настолько великолепен, что прокурорша, баба холодная, светская в самом страшном смысле слова, давным-давно в глазах прокурора уже и не женщина, а старый боевой товарищ, при первом взгляде на Мака сбросила с себя лет двадцать и вела себя чертовски естественно». Отталкивают читателя и патологические рассуждения Клопа-говоруна в «Сказке о Тройке». Это надо же было придумать: рассуждение о людях с точки зрения клопа!

Известно, что любое литературное произведение, как явление советского искусства, должно по идее утверждать социалистический гуманизм, веру в человека, в его духовные силы. О последних книгах Стругацких, особенно о «Сказке о Тройке», этого не скажешь.

<…>

Не остается в стороне и «Октябрь». В сентябрьском номере выходит статья уже известного читателям Котляра, где он, вкратце пересказав содержание романа Саймака «Всё живое…», переходит к критике предисловия АБС, вышедшего в этой же книге.

Из: Котляр Ю. Послесловие к предисловию

<…>

А теперь перейдем к предисловию А. и Б. Стругацких «Контакт и пересмотр представлений». Бегло ознакомив читателя с романом «Всё живое…» и его автором, они торопятся заняться вопросом о связи с иными цивилизациями космоса. «Вопрос этот,— пишут они,— трактуется фантастической литературой с незапамятных времен. Однако сегодня мы находимся в таком положении, что можем хоть завтра направить в космос радиосигналы, свидетельствующие об обитаемости Земли и о высоком уровне нашей цивилизации. Сам вопрос формулируется так: посылать этот сигнал или не посылать?»

Начнем с того, что оспаривать совершившийся факт — занятие неблагодарное. Еще семь лет назад одна из амери-

канских обсерваторий направила радиосигналы к звезде Тау Кита, у которой предполагается существование планетной системы. С тех пор ее радиотелескопы нацелены на эту звезду в ожидании возможного ответа. Странно, что братьям Стругацким это неизвестно.

Удивляет и сам подход к проблеме контакта. Чем иным, как не поиском контакта, объяснить упорные попытки Лоуэлла и других астрономов конца прошлого и начала нынешнего века доказать искусственное происхождение «марсианских каналов»? И в наши дни сохранилась еще тень надежды на встречу с Аэлитой. Чем иным, как не подготовкой будущего контакта, был самоотверженный труд Циолковского или создание первых жидкостных ракет Цандером? Наконец, чему иному, как не будущему контакту, служат героические усилия нашего народа по завоеванию космоса? Сейчас, по сути, стоит вопрос не о том, посылать или не посылать сигнал, а о том, как это сделать наилучшим образом, чтобы нас поняли и нам ответили. Но Стругацкие не видят в этом обнадеживающей перспективы: «Так что, если кто-нибудь действительно откликнется на наши сигналы, то это почти наверное будет либо невероятно далеко ушедшая от нас цивилизация земного типа, либо цивилизация негуманоидная, обладающая сходной с нами технологией, однако безмерно отличающаяся от нас психологически. В первом случае мы просто окажемся неспособны на обмен информацией. Мы не сможем даже получать ее, как не смог бы троглодит получить от нас принципы устройства атомного котла. Во втором случае положение еще безнадежнее, а может быть, и опаснее. В лучшем случае мы могли бы представлять друг для друга интерес в плоскости сравнительной зоологии».

Подобное утверждение представляется нам не столько любопытным «в плоскости сравнительной зоологии», сколько непонятным пренебрежением законами диалектики и элементарной логики. Предположим, мы столкнулись с цивилизацией, невероятно нас опередившей. Пусть ее здание возвышается над нашим, как небоскреб над хижиной, а все же небоскреб и хижина равно стоят на земле. Иными

словами, любая цивилизация неизбежно базируется на фундаменте из основных законов природы, общих для Вселенной. Они и явятся базой для контакта. Кроме того, чем совершенней, могущественней цивилизация, тем шире ассортимент ее средств и методов общения. Еще пятьдесят лет назад нельзя было и помыслить о тех контактах с дельфинами, которые пытаются установить сейчас. Только применение электронных вычислительных машин и последних достижений радиотехники, не говоря уже о прецизионной механике, позволило вступить в непосредственный контакт с планетами Луна и Венера.

По меньшей мере непродуманным и странным выглядит заявление, что мы якобы, подобно троглодитам, не сможем получить от высокой цивилизации никакой информации. Неправомерно ставить на одну доску существо с зачатками разума и современное человечество, которое овладело не только основными законами природы, но и само вышло в просторы космоса. Правда, человечество познало законы мироздания в земных условиях, исходя из земного опыта и земных представлений, но факты подтверждают, что основные законы природы — общие для всех миров. На основе этих законов не только возникали гипотезы, но и предсказывались многие явления в космосе. Так, ученые из города Горького, используя метод аналогий поглощения радиоволн земными породами, определили характер лунной поверхности до посадки лунников на планету. Как показывает тот же земной опыт, самые отсталые народы легко приобщаются к сложностям современной цивилизации и завязывают с ней активный двусторонний контакт, перескакивая через целые периоды исторического развития. Все зиждется на доброй воле и гуманной настойчивости более развитой цивилизации. Разве не управляют пультами атомных реакторов, которые смонтировали советские ученые в Африке, руки, еще недавно сжимавшие копье с костяным наконечником?

Во втором утверждении братьев Стругацких кроется явное противоречие. В самом деле, если у гипотетической «негуманоидной» космической цивилизации окажется

«сходная с нами технология» (иными словами, сходные понятия о мироздании и его законах.— *Ю. К.*), то чего же еще хотеть? Это и послужит надежной основой для контакта с ней. Контакта, быть может, чрезвычайно сложного благодаря несходности мышления и психологии, но абсолютно неизбежного, если наши цивилизации как-то соприкоснутся. Непонятно, в чем тут соавторы узрели безнадежность, тем паче опасность. Высокий разум никогда не начинает постижение неведомого со слепого уничтожения, основной его стимул — познание. Основной стимул Контакта тоже прежде всего познание. Трудно предположить Контакт с завоевательской целью, хотя бы потому, что межзвездные сигналы и перелеты — удел исключительно высокоразумных существ и мудрых цивилизаций. Накопление знаний, внедрение их в жизнь и развитие культуры неизбежно ведут к переходу от менее совершенных и менее гуманных общественных формаций к более совершенным и человечным, с гуманным подходом к многообразию живых форм. Вспомним хотя бы дискуссию об ограничении охоты, что имела место на страницах нашей печати. Таких тенденций не было и не могло быть в феодальном обществе или капиталистическом с его антагонизмом узкособственнических интересов.

По мнению Стругацких, даже успешный и дружественный Контакт — сомнительное благо. «Возникает вопрос: будет ли для человечества благом получить готовые знания? Опыт истории науки показывает, что процесс познания не менее важен, чем само знание. Человечество, перепрыгнув через столетия, может упустить нечто очень существенное, безвозвратно потеряет кусок своей истории…» Это заблуждение Стругацких — своего рода навязчивая идея, из которой вытекают далеко идущие следствия. Так, на базе этого тезиса в своей повести «Трудно быть богом» Стругацкие тщились доказать неправомерность вмешательства в ход исторического процесса для помощи малоразвитым странам. (Об этом уже упоминал писатель В. Немцов, писал акад. Ю. Францев, приходилось и мне выступать по этому поводу.) Хочу напомнить Стругацким, что, например, египтянам

никак не повредили «готовые знания» советских специалистов, возводивших Асуанскую плотину. Советую Стругацким побеседовать, скажем, с трудовыми людьми братской Монгольской Народной Республики. Жаждали ли они самостоятельно изобретать радио, слепнуть от оспы, изыскивая вакцину (в процессе познания!), и добывать человеческие права в столетней кровавой борьбе? Наверное, братья-фантасты многое бы уяснили себе: ведь как раз Монголия «перепрыгнула через столетия» благодаря братской помощи советского народа, из феодализма шагнула в социализм, минуя жестокость и мерзости капитализма.

Назначение предисловия к переводному произведению — идейно-художественный анализ, ознакомление с писателем и его позициями. Если эти позиции противоречат марксистско-ленинским, то долг пишущего предисловие обратить на это внимание советского читателя, раскрыть порочность авторских позиций. В данном же случае автор романа и соавторы предисловия как бы поменялись местами. Признавая всю сложность Контакта с инопланетными цивилизациями, американский писатель К. Саймак тем не менее придерживается на этот счет более прогрессивных взглядов, чем советские писатели А. и Б. Стругацкие. У них подход к проблеме крайне настороженный и пессимистичный. Оказывается, они даже и не намеревались всерьез ответить на свой же вопрос. «Посылать или не посылать (сигнал иным мирам.— *Ю. К.*)?» После рассуждений на разные темы они снова возвращаются к нему: «Так посылать все-таки или не посылать?» И подытоживают: «Нет, мы и не намеревались ответить на этот вопрос. Вряд ли мы способны на исчерпывающе обоснованный ответ». Что верно, то верно! Но тогда возникает вопрос: зачем понадобилось предисловие, неспособное осветить основную проблему романа?

В сентябре «Литературная газета» открывает дискуссию о фантастике, которая будет длиться по март будущего года. Публикация от 3 сентября предваряется такими словами:

[От редакции]

Научно-художественная фантастика давно стала любимым видом литературы у миллионов советских читателей. Между тем критика еще мало уделяет внимания произведениям писателей-фантастов.

Сегодня мы начинаем разговор о произведениях советской научно-фантастической литературы.

Как эта литература, тесно связанная с научно-техническим прогрессом, должна решать «человековедческие» вопросы? Каким предстает в произведениях фантастов образ человека будущего? Каков художественный уровень этих книг?

Мы обратились с этим вопросом к некоторым читателям «ЛГ». Редакция приглашает принять участие в обсуждении проблем научной фантастики писателей, критиков, всех наших читателей.

Далее в газете публикуются ответы трех читателей (рабочего, ученого и космонавта), один из которых, Станислав Антонюк (рабочий и одновременно студент-заочник), сетует: «В нашей заводской библиотеке на книжных полках не найдешь книг И. Ефремова, Г. Гора, братьев Стругацких, А. Казанцева, А. Беляева и многих других авторов». И тут же печатается статья Игоря Бестужева-Лады (доктора исторических наук, заведующего отделом прогнозирования Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР).

Из: Бестужев-Лада И. Этот удивительный мир

<…>

Социологические исследования показывают, что к ней питают страсть все читающие слои населения — от школьников до академиков, от ничему не удивляющихся корректоров до все повидавших журналистов. Любой научно-фантастический роман мгновенно исчезает с прилавка.

И тем не менее наша современная фантастика — всё еще постылая падчерица для многих издательств. Давно отмахнулось от нее «Знание», еле теплится и вот-вот погаснет

недавно еще горевший ярким пламенем огонек в «Молодой гвардии». А уж связывать ее существование с «Советским писателем» или «Художественной литературой» можно только при отсутствии чувства юмора.

Литературная критика уделяет фантастике внимание в размерах намного ниже того прожиточного минимума, который необходим любому нефантастическому литературному произведению. И в литературоведении глава «фантастиковедение» состоит пока из почти сплошных многоточий, изредка перемежаемых весьма дельными работами, из которых явствует, что по поводу фантастики есть о чем поговорить и филологам.

Два произведения, появившиеся недавно в журналах,— «Час Быка» И. Ефремова («Молодая гвардия») и «Обитаемый остров» А. и Б. Стругацких («Нева»), дают пищу для размышлений об уровне нашей сегодняшней фантастики, о ее сильных и слабых сторонах.

<…>

Если «Час Быка» больше всего ассоциируется с необыкновенно интересным философским трактатом (необыкновенным потому, что обыкновенно трактаты очень неинтересны), то «Обитаемый остров» напоминает хорошо, профессионально сделанный кинофильм. Сюжет захватывает. Читатель в напряжении до последней страницы. Развязка неожиданна. Про эту повесть никак не скажешь, что конец ясен с самого начала. И сцена за сценой выписаны так, будто смотришь их на экране. Еще одно достоинство повести — хороший юмор. Если авторы отдают себе отчет в том, насколько выигрывают от него их произведения, то они, безусловно, не расстанутся с ним и впредь. Юмор у Стругацких с давних пор — главное действующее лицо, разумеется, до того момента, когда он уступает место сатире.

Впрочем, «Обитаемый остров», в отличие от «Второго нашествия марсиан», не сатира, а, скорее, памфлет, объектом которого, как и у И. Ефремова, служат многочисленные проявления возрождающегося на Западе фашизма. Ибо и на этот раз к космическому полету далекого будущего прибегли

только для того, чтобы показать глазами человека коммунистического завтра все мерзости фашизирующейся современной цивилизации «свободного мира». Наш потомок с помощью подчеркнуто условного приема космической «нуль-транспортировки» попадает на безвестную планету и оказывается в мире Неизвестных Отцов — фашистских диктаторов типа Франко или Салазара, хунты «черных полковников» или влиятельных чикагских гангстеров.

По ходу повести молодой читатель (а она специально рассчитана на него) может узнать, как не просто распознать глупость и подлость за мишурой мундиров и фраз, сколько ума и самоотверженности требуется для подлинно революционной деятельности, которую ведут настоящие коммунисты, как важно обладать элементарными экономическими, социологическими и политическими знаниями, чтобы бороться за Светлое Будущее не на словах, а на деле. В нем усилится чувство активного неприятия множества проявлений буржуазной действительности и ее пережитков — от солдафонства, бюрократизма, гангстерства вплоть до такой примелькавшейся мелочи, как удивительные для человека будущего «белые палочки, набитые сухой травой», зажигая которые, некоторые индивиды отравляют воздух окрест себя.

Но и здесь, как ни странно, мы сталкиваемся почти с теми же недостатками. Действие разворачивается в обычном ритме, а эволюция главного героя — Максима, человека из Будущего — показана способом замедленной съемки. В итоге герой выглядит — как бы помягче сказать? — чересчур простоватым. Незаслуженно обидное отношение авторов к герою достигает кульминации, когда его, обманом одетого в жандармский мундир, заставляют вдруг прозреть и совершить тягчайшее преступление против жандармского устава, отпустив приговоренных к смертной казни. Естественно, его расстреливают. И странным выглядит потом воскресение героя, который, оказывается, обладает даром выводить пули из сердца, как занозы из пальца (хоть объяснили бы, как именно!).

Все это, право, весьма напоминает сцены из известного пародийного фильма «Лимонадный Джо».

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что у столь разных произведений недостатки в общем-то одинаковы. Упрощение психологии героев. Недостаточное внимание к логике развития сюжета, к мотивировке поведения и языку персонажей. Иногда — декларативность выводов.

<…>

В начале осени АБС возобновляют переписку.

Письмо Бориса брату, 1 сентября 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Был сегодня в «Неве». Там абсолютно ничего нового. Попов рукопись так, по-видимому, и не прочел. Реклама в № 8 не попала — говорят, по техническим причинам. В ближайшее время постараюсь поймать Попова и взять его за морду.

2. Кажется, я понял, почему задерживают ОО в Детгизе. Сашка в середине августа случайно наткнулся в эфире на передачу каких-то паразитов — то ли «Немецкая волна», то ли «Свободная Европа». Так вот паразиты передавали главы из ОО. Сам понимаешь, как это могли воспринять наверху. И дай бог, чтобы там не было никаких комментариев.

3. Лешка еще не вернулся. Я жду его числа пятого. Будем кончать. Времени осталось не так уж много — октябрь на носу.

4. В Гаграх было ничеГё-себе. Познакомился там с приятными людьми. Подвергся нападению сочинского телевидения, каковое и отбил. А деньги от тебя так и не пришли, пришлось посылать СОС маме. Может быть, ты по рассеянности ахнул их в Коктебель?

5. Я полагаю, что при всех условиях нам надлежит встретиться. Предлагается октябрь, у мамы, на недельку, а? Кстати, я не представляю, в каком состоянии работа над Клементом. Может быть, и поработаем заодно?

6. Отпиши мне, кроме очевидного:

а. Что с «Саргассами»?

б. Что со статьей Шилейки?

в. Что с книгой о коммунизме?
г. Что с кино и телевидением?
Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]
P. S. Леночке привет.

Письмо Аркадия брату, 4 сентября 1969, М.— Л.

Дорогой Боб!

С трудом собрался написать тебе. Ничего серьезного не происходит, а дел много, да и положение несколько неопределенное.

1. Насчет нашей встречи. Ленка настаивает, да я и сам чувствую, что надо бы мне перед встречей несколько отдохнуть, а то действительно, третий (четвертый?) год без отдыха — многовато, начал я по старости лет это ощущать. Подал заявку на Гагру, там сказали надвое, может быть, выйдет, а может, и нет. Заявка на октябрь. Если выйдет, все-таки поеду, тогда встретимся в начале ноября. Нет — тогда я дней десять в конце сентября сделаю себе передышку и приеду в начале октября.

2. Перевод идет к концу, делаю последнюю четверть. Вчера был у Девиса, выторговал у него срок 25 сентября. Может быть, закончу и раньше. Надоело до смерти. Кстати, узнал, что Нортон выйдет скорее всего в октябре.

3. Прислали из «Детской литературы» вопросы к нашему интервью — составлены вашим Урбаном. Посылаю их тебе, набросай там что-нибудь, пришли, а то мне вовсе некогда.

4. Видел вчерашнюю «Литературку»[1]? Вот уж воистину, опаснее врага[2]. Впрочем, не исключено, что статью слегка подправили в редакции, в частности, могли снять упоминание о том, что в «Неве» — сокращенный вариант. Но все равно, <…> Бестужев явно стремился «подметить общее» и стал выворачиваться из кожи вон. Еще бы, социолог! С одной стороны нельзя не заметить, а с другой — нельзя не признать[3]. <…> А если сейчас Пискунов распорядится снять

[1] Бестужев-Лада И. Этот удивительный мир // Лит. газ. (М.).— 1969.— 3 сент.
[2] «Услужливый дурак опаснее врага». И. Крылов, «Пустынник и Медведь».
[3] Сводная цитата из произведений М. Салтыкова-Щедрина.

сцену расстрела? А статью в «Комсомолке» все тянут, и теперь она, возможно, и вообще не выйдет. Дескать, об них уже и так писали.

5. Получил вчера же письмо от И. Грековой — просит усердно почитать «Обитаемый». Ужо отвезу ей рукопись. А забавно все-таки, что нашу приключенческую и коммерческую вещичку сравнивают с «высотой» ефремовского творчества.

6. Звонил неделю назад Ефремов — объясняться. Оказывается, его одолели претензии, что он в своем интервью в «Молодой Гвардии»[1] обгадил Стругацких. Так вот он хочет выяснить, обиделись ли мы? Ведь он только высказал свою точку зрения, мы тоже можем выяснить нашу точку зрения, он не обидится. Я как вспомнил, что его интервью появилось сразу после Краснобрыжего и Дроздова, так у меня аж в глазах потемнело. Но я учтиво сказал, что нет, с какой стати, конечно, мы нисколько не обиделись, хотя не припоминаем, что когда-либо где-либо критиковали его.

7. На день рождения подарили мне одни незнакомые люди комплект иллюстраций к ТББ. Очень красиво.

Вот и все новости. Отпиши, как у тебя.

Жму, целую, твой. Привет Адке.

Письмо Бориса брату, 7 сентября 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Высылаю тебе интервев. Меня там смущают вопросы № 4–5 и 8–9. Не слишком ли я разоткровенничался в 4–5 (бисер перед свиньями) и достаточно ли я политичен в 8–9? Подумай и прими решение. От прочего я, по-моему, отпихнулся как надо.

В Гагру или куда еще, конечно же, поезжай. Жалко, что не могу с тобой. Мы давно с тобой не бездельничали вдвоем. Хорошо было бы. А встретимся, когда тебе станет удобно — время-то терпит.

[1] Ефремов И. [Беседа с Иваном Ефремовым] / Записал Г. Савченко // Молодая гвардия (М.).— 1969.— № 5.

Не совсем понятно, почему ты так яростно налетел на Ладу? Ведь статья, при всем ее несомненном ублюдочничестве, выполняет очень важную задачу: официально, со страниц уважаемой газеты, устами проверенного человека объявлено, что ОО — повесть наша, нужная, полезная, правильная по теме и цели. Что касается ее художественной слабости, то, товарищи! Кто же без греха? И опять же — тов. Лада, он, конечно, уважаемый человек, специалист, то, се, но ведь в вопросах чисто литературных он, сами понимаете, это… тово, ведь! Не его это область. Тут он и маху может дать. Вот, например, не разобрался он в сцене расстрела. Все ведь там ясно, а он, понимаете, не разобрался… И понятно — не его это область! В таком вот аксепте я представляю себе разговор с начальством, который может произойти у Нины. И думаю, что тут она справится будь здоров. Ведь дело обстоит как? Если на Пискунова давят сверху, тогда дело вообще дрянь и, уж конечно, выбрасыванием сцены расстрела не отделаешься. Если же на него не давят, а он просто принюхивается, тогда после статьи Лады он должен бы взбодриться и опять же не станет копаться в мелочах. Так что я лично полагаю, что статья Лады — явление положительное. Меня другое смущает: что эта подборка, по словам ЛитГаз, только начало. Что-то там дальше воспоследует! Ты бы позвонил Ариадне, может, она знает.

А я тут болею. С первого числа у меня свирепейший грипп, лежу, откинув копыта. Лешка еще не приехал. Во всяком случае, не звонил.

Вот пока и всё. Крепко жму руку, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Продолжение в «Литературной газете», конечно же, последовало. 7 сентября публикуется статья, в которой АБС прямо не называются, но по контексту понятно, что это — в том числе и об АБС.

Из: Высоков Н. Зови вперед и выше

<…>

Должна ли современная литературная фантастика быть преимущественно «утопичной» или же «антиутопичной»?

Мне кажется, что фантастика, если она стремится служить общественному прогрессу, не может не быть глубоко оптимистичной (не ура-оптимистичной, не розовой, сахарной и сусальной), проникнутой убеждением в лучшее и великое будущее человека и человечества, утверждающей достоинство и непреходящую ценность человеческого «я». Настоящая, нужная людям фантастика — та, что зовет их «вперед и выше».

Антиутопия же чаще всего порождается духовной слабостью, смятением, неуверенностью в грядущем, в способностях и возможностях человека и его разума, земной цивилизации. Повальное увлечение фантастов антиутопиями в мире капитализма естественно. Упорное цепляние за антиутопию некоторых представителей «интеллектуальной» группы фантастов в нашей стране вызывает досаду и разочарование в этих авторах, ибо в их антиутопизме видно вольное или невольное следование «лучшим западным образцам» (на деле — далеко не всегда лучшим).

Уверены ли поборники «интеллектуальной» фантастики, что усиленное нагнетание атмосферы общественной мысли мрачным антиутопизмом поможет людям увидеть тот позитивный путь, которым надо следовать? Что это поможет разглядеть, представить лучшую из реальных возможностей?

<…>

А через три дня в «Литературной газете» выходит еще одна статья, в которой основное место уделено творчеству АБС.

Из: Файнбург З. Иллюзия простоты

<…>

Творчество А. и Б. Стругацких, равно как и дискуссии, им вызванные, пожалуй, наиболее отчетливо отражают сложное переплетение и борьбу мнений вокруг проблемы понимания сути и роли научной фантастики.

В сборнике «Шесть спичек», в повестях «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею» и даже еще в «Возвращении» и «Стажерах» перед нами фантастика добротная, хорошо сработанная, но еще традиционная. Перед нами мир света, мужества, силы, разума, но мир, которому недостает внутреннего источника самодвижения.

Последние произведения Стругацких — и особенно «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Второе нашествие марсиан» — представляют собой иную, социальную фантастику.

Научное мироощущение не нуждается для реализации своей деятельной сущности в иллюзиях — в этом его огромный шаг вперед по сравнению с мироощущением религиозным, его прогрессивность. Но в этом и его трагедия.

И герои произведений Стругацких никогда не забывают одновременно трагической и героической формулы: будущее создается тобой, но не для тебя. Это героизм постоянный, повседневный, наградой которому служат сознание выполненного долга и удовлетворенность выполненным долгом, а потому — высшая форма, высшая ступень героизма. Но вместе с тем это еще и трагедия, ибо персонаж действия никогда сам не пожнет плодов своего посева и нет у него иллюзий относительно самой возможности такой жатвы.

Саул, Антон-Румата Эсторский, Кандид, Максим знают много больше, чем могут, и при этом отчетливо понимают меру своих реальных сил, существующую пропасть между своими знаниями и своими возможностями. Это, однако, не останавливает их в борьбе с тем, что они считают злом, причем зло это совсем не абстрактно: у него вполне конкретно-историческая сущность. Буржуазность во всех ее проявлениях: в потреблении и в сознании, в образе жизни и в жизненных ценностях, в своих «крупнобуржуазных», а также и в мелкобуржуазных формах — вот их враг, с которым для них невозможны ни компромиссы, ни примирение.

Добро и зло в современной научной фантастике не отделены друг от друга непроходимой стеной, как это свойственно традиционной фантастике. Если бы в реальной жизни дело

обстояло таким образом, бороться со злом было бы если и не легко, то во всяком случае просто. Однако вся трудность состоит именно в том, что истинные противоположности не только противоположны, но и едины, в том, что реальные жизненные противоречия всегда есть и противоположение, и единство добра и зла, старого и нового. Еще В. И. Ленин в ряде своих произведений (из них в данном случае особенно важно назвать «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме») напоминал, что есть два фронта борьбы с буржуазностью: один — более очевидный — проходит там, где полосатые пограничные столбы делят мир, другой — более трудный и гораздо менее очевидный — пролегает внутри нас.

Иной раз требование идеологической адресности фантастики некоторые критики подменяют требованием буквальной географической, этнографической и т. п. адресности. Некоторые выступления нашей критики дают пример осмысления любой литературы в понятиях и нормах буквального правдоподобия, а не в системе понятий идеологии. Прототипы фантастики ищут не в широких социальных явлениях, процессах, не в обобщающих социальных идеях, а в данной, конкретной стране, в каких-то конкретных деталях, частностях. В целом же художественное творчество сводится к простому назиданию, к элементарной дидактике, вместо того чтобы выяснить специфику идеологического воздействия художественной литературы.

Что же касается идейности, то стоит вспомнить о том, что фантастика отображает реальность в весьма специфической форме, воплощающей в образы гипотетические положения и ситуации. В «Улитке на склоне», во «Втором нашествии марсиан» предметом обличения является буржуазное сознание. Формы этого обличения не обычны, но для того перед нами и фантастика — новый вид литературы,— чтобы и здесь быть необычной. Что же касается, так сказать, «географии идей», то здесь у грамотного читателя не может быть и тени сомнения. Идейная сущность буржуазности создает здесь эффект адресности гораздо вернее, чем это дала бы любая научно строгая география, любая этнография.

Реалистичность художественной научной фантастики лежит отнюдь не в формальной реалистичности географии или хронологии. Ее реалистичность состоит в точном отражении человеческих и социальных проблем современных идейных позиций, в строго научном способе мышления. Однако осуществляется это в специфической художественной научно-фантастической форме.

Думаю, что не только упомянутые выше, но и другие упреки по адресу научной фантастики основаны именно на непонимании ее художественной специфики. Непримиримая категоричность очень многих оценок, относящихся к тем или иным направлениям в нашей фантастике (и, соответственно, к тем или иным писателям), тяготеет зачастую именно к отсутствию хотя бы какого-то первоначально необходимого круга научных, устоявшихся критериев оценки, более или менее применимых для всех.

Самое простое по своей кажущейся форме всегда в конце концов оказывается самым сложным…

Вопросы Урбана, присланные АБС из «Детской литературы», и черновики их ответов с большой рукописной правкой остались неопубликованными, но сохранились в архиве. В 1970 году этими материалами АБС воспользовались для подготовки своей статьи «Давайте думать о будущем». Ниже даются вопросы Урбана и первый вариант ответов АБС. Вероятно, этот вариант посылал БН брату для правки. Для удобства чтения вопросы и ответы даны последовательно.

Из архива. Вопросы А. Урбана. Ответы АБС

1. Есть понятия «фантастика» и «научная фантастика». Приложение «научная», без сомнения, накладывает на писателя определенные ограничения, заставляет так или иначе вымысел поверять данными науки. Вы, насколько мне известно, склонны отказаться от этого ограничительного приложения. Обретаете ли Вы тем самым полную свободу фантазии? Или Вам приходится ставить перед собой другие ограничения? Бывают ли у Вас моменты в работе, когда

Вы говорите себе: «Так — нельзя. Это — неверно. Это — неправда?» Если бывают, в каких случаях?

Как известно, сколько-нибудь общепризнанной и разработанной теории фантастической литературы пока нет, и поэтому, во избежание недоразумений, давайте сразу договоримся о терминах. Мы называем фантастическим всякое художественное произведение, в котором используется специфический художественный прием — вводится элемент необычайного, небывалого, почти невозможного или даже невозможного вовсе. Все произведения такого рода могут быть развернуты в весьма широкий спектр, на одном конце которого располагаются «80 000 километров под водой», «Грезы о Земле и Небе» и «Прыжок в ничто» (то, что обычно и называется фантастикой научной), а на другом — «Человек, который мог творить чудеса» и «Морская дева» Уэллса, «Мастер и Маргарита» Булгакова и «Превращение» Кафки (то, что мы склонны называть фантастикой реалистической, как ни странно это звучит). Фантастика научная по сути очень молода, она восходит к Жюлю Верну и Фламмариону, она — порождение научного прогресса и технической революции, и она от рождения посвятила себя науке и технической революции — борьбе Человека с Природой. Фантастика реалистическая стара как сама литература, она восходит к Гомеру и Апулею, и она вместе со всей литературой решает проблему Человека в его отношениях к себе подобным, к обществу.

А теперь об ограничениях, которые ставит, якобы, наука воображению писателя-фантаста. Откровенно говоря, мы плохо себе представляем, что это могут быть за ограничения. В произведении реалистической фантастики демоны и ведьмы могут разгуливать по городу, может нарушаться второй закон термодинамики, и Иисус Христос может вторично спуститься на грешную Землю. Каждому непредубежденному читателю будет ясно, что это лишь художественный прием, что он понадобился автору, чтобы подчеркнуть какую-то мысль или оттенить некую черту человека (или человечества). Никому и в голову не придет мысль о нарушении

суверенных прав Ее Величества Науки. Что же касается фантастики научной, то своеобразие нынешней ситуации в естествознании заключается как раз в том, что современная наука с невиданным благодушием и терпимостью относится к любой игре воображения. Ведь и само развитие науки сделалось ныне невозможным без «достаточно сумасшедших гипотез» и мозговых атак. Древние мифы и сказки буквально у нас на глазах превратились в реальность: ковер-самолет — в Ту-144; сапоги-скороходы — в скоростные автомобили и поезда; чудо-зеркальце — в телевизор; гусли-самогуды — в транзистор. На очереди — живая и мертвая вода; гомункулус; скатерть-самобранка… Ошеломляющий темп этого процесса, во-первых, породил интуитивное ощущение всемогущества науки, абсолютности возможного и относительности невозможного, а во-вторых, выбросил в сферу интеллектуального потребления сырую массу идей, догадок, предположений, которые можно было бы квалифицировать как мифы нового времени, если бы не подсознательная восторженная уверенность, что все это возможно — и мыслящие машины, и небелковая жизнь, и негуманоидный разум, и фотонные звездолеты, и покорение видимой Вселенной за время одной человеческой жизни. Древние мифы изобретались сказочниками, новые мифы изобретаются учеными и сказочниками-фантастами. Слишком широк сегодня фронт вторжения науки в неизвестное, слишком много сегодня существует гипотез, о которых наука может сказать только: «Это не противоречит основным законам», слишком сильна интуитивная убежденность в том, что невозможное сегодня обязательно станет завтра возможным. Именно поэтому и странно слышать об ограничениях, которые ставит наука, наука, всячески поощряющая фантазию, не способная существовать и двигаться вперед без самой сумасшедшей фантазии. Мы даже рискнули бы высказать предположение, что сегодня как никогда трудно сформулировать такую гипотезу, о которой современная наука со всей определенностью и без всяких оговорок могла бы сказать: «Нет, это невозможно. Это наверняка неверно». Нам трудно представить себе даже

чисто теоретически, каким образом современный маломальски грамотный научный фантаст может в своем произведении войти в ЯВНОЕ ЗАВЕДОМОЕ противоречие с современной наукой. Конечно, речь идет только о сумасшедших идеях и гипотезах. Существует стройное и величественное здание достоверных фактов и обоснованных теорий, разрушать которое по произволу не рекомендуется никому из научных фантастов, если он не хочет прослыть безграмотным дилетантом. А у нас и за рубежом, к сожалению, еще немало писателей, у которых герои, «проникнув в созвездие Андромеды, достигают чужой галактики, постарев всего на двадцать световых лет». Так что можно сказать, что наука действительно ограничивает писателя, но она ограничивает его, так сказать, «снизу», ограничивает областью достоверно известного. Но это ведь не есть ограничение воображения, это — ограничение безграмотности.

2. Критики, вероятно, в зависимости от индивидуальных пристрастий, подчеркивают в фантастике разные ее стороны, которые, по-моему, не противоречат друг другу. Одни — ее реалистические основания: фантастика — увеличительное стекло, наложенное на современную действительность. Другие — ее романтический, вопрошающий пафос: для них фантастика приближается к сказке, сочиненной не первобытным охотником, а современным ученым, инженером, социологом. Какие качества фантастики больше всего привлекают лично вас?

Мы уже не раз отвечали на этот вопрос, а потому нам придется повторяться. В фантастике нас привлекает прежде всего то, что она является идеальным и пока единственным литературным орудием, позволяющим подобраться к важнейшей проблеме сегодняшнего дня. Такой проблемой является будущее и его вторжение в настоящее. Безвозвратно ушло время, когда будущее казалось чем-то условным, неопределенным, оно перестало неясно маячить за далекими горизонтами, оно придвинулось вплотную и уже запускает свои щупальца в недра настоящего. Стало невозможно жить и работать ради будущего, а умереть в настоящем. Семена,

посеянные утром нашей жизни, восходят теперь даже не к нашей старости, не вечером, а в полдень. Столкновение с иными цивилизациями, генетическая революция, Великий Потоп информации, День Страшного Суда — ядерная война,— всё это стало реальным фактором жизни одного поколения. Ситуация совершенно новая, прежде неизвестная человечеству, не исследованная ни наукой, ни литературой. И поскольку речь идет о литературе, заниматься этой проблемой пока может только фантастика. И только она этой проблемой и занимается.

3. Рэй Брэдбери как-то сказал, что в девяти из десяти фантастов, внимательно всмотревшись, вы непременно обнаружите моралиста. Вам, судя по всему, тоже не чужда эта ее морализаторская роль. Но при таком подходе фантазия нередко сковывается заранее придуманной схемой, в лирическом чувстве, даже вполне искреннем, появляется нажим, оттенок «показательности». Встречаете ли Вы в своей работе такого рода затруднения?

Нет, пожалуй, не встречаем. В процессе работы мы создаем и рассматриваем различные варианты обществ, различные варианты будущего, словом — различные миры. Мы конструируем эти миры по законам, вытекающим из существа стоящей перед нами литературной задачи, по законам, не имеющим, как правило, отношения к понятиям «хорошо-плохо». И уже только потом, когда мир уже построен, мы действительно зачастую оцениваем его, «наводим на него мораль» с точки зрения настоящего или с точки зрения идеального мира, как мы его себе представляем. Брэдбери, вероятно, прав. Большинство фантастов занимается конструированием миров, а когда мир построен, трудно удержаться и не оценить его. Да и зачем удерживаться?

4. В современной фантастике очень часто и очень резко разделяются сюжет, приключения, действие, с одной стороны, и философская концепция. Вообще фантастика сегодня все больше претендует на философичность. Но гармоническое совпадение концепции и действия не так уж часты. Вероятно, очень трудно найти сюжет, который одновременно

содержал бы и концепцию, был ею. Некоторые Ваши произведения («Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу» и др.) в этом смысле построены очень искусно. Тут, видимо, важен сам путь поиска. Интересно было бы услышать, как формируется Ваш замысел, как идет работа, короче, как Вы сводите концы с концами?

5. Продолжение предыдущего вопроса: в начале работы что для Вас главное — занимательная ситуация, происшествие с возможностью фантастической его интерпретации, мелькнувшая сцена или логическая модель, наметка общей идеи? Что именно больше всего побуждает писать то или иное произведение?

На эти вопросы мы неспособны ответить какой-то единой общей формулой. Каждая новая повесть задумывается, разрабатывается и пишется иначе, чем предыдущая и последующая. Здесь нет единой закономерности, а если и есть, то мы ее не знаем. Достаточно сказать, что между первоначальным замыслом и конечным результатом, как правило, лежит пропасть, до такой степени непреодолимая, что мы сами удивляемся, откуда что взялось. Например: «Попытка к бегству» была задумана как юмористическая (очень смешная) повестушка из развеселой и беззаботной жизни кибернетиков XXIII века; «Трудно быть богом» — как сильно приключенческий роман о столкновении коммунаров-землян с негуманоидной цивилизацией (сплошные загадки и приключения и ошеломительная развязка в конце, когда все разъясняется); «Улитка на склоне» должна была стать очередной повестью о приключениях Горбовского на жуткой планете Пандоре. Впрочем, некоторые закономерности все-таки, вероятно, можно сформулировать. Наверное, половина наших вещей была написана примерно так: выкристаллизовалась идея, наметились герои, более или менее разработан сюжет, готов достаточно подробный план двух-трех начальных глав. И вот, когда мы уже собрались писать или даже уже пишем, уже готовы первые страницы первого черновика, уже вроде бы пошло дело — вдруг выясняется, что нам скучно. Что

писать не хочется. Что писать надо не об этом. Что мы занимаемся чепухой. И именно в этот момент, когда один из нас в отчаянии курит за машинкой, а другой в отчаянии курит на диване рядом, именно в этот миг отчаяния, вероятно, и начинается настоящая работа, и из глубин сознания выплывает то, над чем мы подспудно думали последнее время, то, что нас особенно задевало, то, что мешало нам жить, и то, что помогало нам жить, то, что и было настоящей нашей жизнью все последнее время. И когда, подвигаемые отчаянием и творческим бессилием, мы осознаем все это, как-то сами собой всплывают и новые герои, и новые ситуации, и новая форма, и новый сюжет, и мы уже наперебой рассказываем друг другу, каким должен быть мир, в котором мы развернем действие. Не все, конечно, наши вещи написаны так — некоторые (особенно ранние) есть результат последовательной планомерной, далеко наперед рассчитанной работы. Но самые любимые наши повести («Трудно быть богом», «Улитка на склоне», «Гадкие лебеди») появились не из четкого замысла и хорошо разработанного плана, взяли начало не от изящно придуманной ситуации и не от оригинальной логической модели, а как раз вопреки всему этому.

6. Я понимаю, что сила фантазии зависит от таланта. Но есть и другая сторона этого вопроса: что больше всего возбуждает Вашу фантазию, какие источники ее поддерживают, где находите Вы самый богатый материал для нее?

Кто-то очень точно сказал: сновидение есть небывалая комбинация бывалых впечатлений. Почти то же самое можно сказать и о фантазии: фантазия есть способность переконструировать реальный мир так, чтобы получился новый мир — квазиреальный, управляемый, может быть, квазиреальными законами, но по-своему единый и лишенный внутренних противоречий. Поэтому главным и единственным материалом для работы фантазии является мир, в котором мы живем — если, конечно, понимать его широко, включая в это понятие и мир знаний, и мир идей, и мир человеческих переживаний. И поэтому, между прочим, фантазия фантаста и фантазия реалиста имеют общую природу и ничем по сути

друг от друга не отличаются. Что же касается возбудителей фантазии, то самым мощным возбудителем, на наш взгляд, является чувство — ненависть, любовь, жалость, страх, радость.

7. Есть ли у Вас круг специального чтения? Чтения, без которого Вы бы стали терять квалификацию фантастов?

Такого специального круга у нас нет, и даже сам вопрос кажется нам странным. Хотя в общем-то понятно, о чем идет речь: если человек пишет о космических перелетах, ему надо быть в курсе научных достижений в этой области и читать соответствующую литературу. Но мы уже давно не пишем о космических перелетах, и свою квалификацию фантастов можем потерять теперь только одновременно с квалификацией писателей. Мы знаем случаи, когда писатели теряли квалификацию, но это происходило у них не из-за изменения круга чтения, а по совсем иным причинам.

8. Что Вы думаете о будущем фантастики как о своеобразной области современной культуры? О близких и дальних ее перспективах?

Реалистическая фантастика пребудет вовеки в будущем так же, как пребывала она и в прошлом. Ее судьба — это судьба литературы вообще. Можно даже предположить, что роль ее и удельный вес в общем потоке литературы возрастут вместе с возрастанием сложности нашего мира, ибо она по возможностям своим словно бы создана для отражений усложняющегося мира. Что же касается научной фантастики, то ее развитие целиком зависит от скорости прогресса науки и техники, от общественного реноме естественных наук. Например, когда и если (как предполагают некоторые специалисты по науковедению) развитие естественных наук достигнет стадии насыщения и интересы общества переместятся в другую область, научная фантастика захиреет и исчезнет вовсе как вид литературы. Впрочем, это — далекие перспективы. В ближайшие же десятилетия оба вида фантастики будут несомненно процветать. Реалистическая литература пасует, сталкиваясь с новыми проблемами нового мира — место человека во Вселенной, роль и сущность

разума, проблемы космического человечества, различные варианты будущего,— всем этим занимается сейчас только фантастика, и читательский интерес к ней все возрастает, ибо этот интерес есть не что иное, как интерес к сложному миру, окружающему нас в нынешнюю эпоху гигантских социальных сдвигов и стремительно развивающейся научно-технической революции. А пока жив интерес к литературе, жива и литература: каждый новый писатель — в недавнем прошлом читатель.

9. В последние год-два появились ли в нашей фантастике произведения, которые можно было бы считать литературным событием?

На наш взгляд, нет. Но год-два слишком маленький срок. Много ли было за это время литературных событий в так называемой Большой Литературе?

10. Традиционный вопрос: какие книги готовите к печати? Над чем сейчас работаете?

Только что закончили новую повесть, которая будет называться, вероятно, «Дело об убийстве». Думаем над следующей.

Письмо Аркадия брату, 12 сентября 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

Нового практически ничего.

Клемента заканчиваю послезавтра: осталось четыре страницы.

Звонил вчера Нине, информация такая: все лежит без движения, Пискунов потребовал какой-то новый текст докладной записки, у Детгиза теперь новый куратор в ЦК, он пойдет туда.

Твой текст ответов меня вполне удовлетворил. Однако на вопрос о самой значительной вещи за последние год-два я намерен ответить: «Час быка» И. А. Ефремова. Может получиться немало смеху.

Читал ли ты в «Журналисте» подоночную статью Свинникова? Это гораздо хуже Краснобрыжего, это уже

политические обвинения. А рыло у него на фото — втроем не обдрищешь. Где они таких набирают? Кстати, обратил ли ты внимание на то, сколько в этом году шума вокруг Стругацких? Фельетон Краснобрыжего, рецензия Лебедева, статья в «Огоньке» Дроздова, статья в «Совроссии», статья в «Литературке», статья Свининникова в «Журналисте». Ого! Шесть статей за шесть месяцев. Теперь еще следует ожидать ругательной статьи в «Литературке». Что касается «Комсомолки», то, мне кажется, они побоятся.

Познакомился с Грековой, очень милый человек. Давал ей ОО, теперь дал ГЛ и подарил «Второе нашествие».

Реноме наше растет с появлением этих статей. Реклама, бля, реклама[1]. «Знание — сила» на коленях умоляют нас дать им что-нибудь, написать что-нибудь этакое, о светлом будущем. Я только отмахиваюсь. Вот Клемента буду предлагать во все журналы.

Сегодня совещание в Литфонде, будут решать вопрос, давать нам путевку или нет.

Вот и все дела. Обнимаю, твой Арк. Привет Адке.

Письмо Бориса брату, 16 сентября 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо, отвечаю незамедлительно.

1. В «Неве» ничего нового. Саша в отпуске. Попов в бегах. Кривцов обещал мне позвонить, как только что-то произойдет. Пока не звонит, но может быть дело в том, что

2. Приехал Лешка, и мы теперь вкалываем со страшной силой. С огромным удивлением я убедился, что соскучился по работе, и даже над этим г… работаю с удовольствием. В общем, ухожу из дому в десять, возвращаюсь в восемь, и некогда даже смотаться в «Неву» — понюхать, как там и что, и забрать письмо из Горького, где нас благодарят за ОО. Теперь черновик первого варианта уже готов, мы пошли по второму разу, надо успеть к первому октября.

[1] Перифраз из песни В. Бахнова «Коктебля» с «неопределенным артиклем “бля”» в рефрене типа «завода, бля, родного, бля, завода».

3. Г-на Свининникова не читал и первый раз о нем слышу. Хрен с ним. А вот почему не слышно Нуделя? Ариадны? Когда-то ты мне писал, что они готовят статьи в Литературку. Неужели рядом с плохой статьей в Литературку не пропихнут хорошую?

4. Что происходит в Детгизе, я не понимаю. Ты, по-видимому, выпустил какую-то информацию, имевшую место в августе-начале сентября. Ответь, пожалуйста, на следующие конкретные вопросы: а). Подтвердилось ли, что Пискунову никто указаний сверху не давал? б). Если нет, то кто давал? в). Если да, то что теперь говорит Пискунов и, вообще, за чем дело стало?

5. Что — конкретно — известно о статье Шилейки?

6. Насчет «Часа Быка» — что ж, давай. Только вопрос-то там формулируется: «выдающееся ЛИТЕРАТУРНОЕ явление»… Надо бы как-нибудь обтекаемо. Вроде «очень интересным нам представляется… и т. д.» А то уж больно нахальная лесть получится. Тоже мне — литературное явление.

Ну вот, пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке привет.

Письмо Аркадия брату, 19 сентября 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

Равномерно получил ТВОЕ письмо и НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО же отвечаю.

1. В прошлое воскресенье закончил наконец перевод Хола и в понедельник отнес в «Мир». На последней странице в машинке отскочила буква «о», сидел без машинки до вечера среды, потом пришел мастер и починил. ОООООоооооОООО. Неплохо, да? Я, впрочем, подозреваю, что перевод опять вернут на доработку, хотя я на этот раз полностью сохранял весь словарь и стиль оригинала, не нарушая при этом русского словосложения. Ну, вот тогда можно будет с текстом порезвиться.

2. Г-н Свининников, как только что выяснилось, является чином в ЦК ВЛКСМ, который присутствовал при разговоре Шилейко в Большом ЦК. Шилейко узнал его по рылу (там фото).

3. Статья Шилейки набрана и лежит в «Комсомолке». Но начальство тянет и не решается, чинит всякие препоны. Почему — неясно. Отговаривается тем-де, что ВНМ не читали и должны сперва получить собственное представление.

4. Очень порадовала статья Файнбурга[1], первая умная статья за много лет существования фантастики. Надо сказать, что ЛГ даст еще две полосы на фантастику. В последней, вероятно, будет нам врезано. Это я не из информации, а по логике вещей.

5. Пискунов по-прежнему не мычит и равно не телится. Наверное, совершенно обалдел от разноречивых отзывов. Нина настаивает на следующем плане: ММ возвращается на той неделе, они вместе идут к Пискунову на приступ, если же ничего не выйдет, тогда пойду я и учиняю скандал. Кроме скандала нет средствий вытянуть из него, что к чему. А надо вытянуть у него, куда ведет цепочка.

6. Путевку дали с 20-го октября. Решили поехать. А в первых числах, видимо, приедем на недельку с Ленкой.

Вот пока всё. Привет Адке. Жму, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 19 сентября 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

До какой жизни я дошел: заглядываю с дрожью в почтовый ящик и радуюсь, что письма от тебя нет. Я понимаю это так, что тебе просто не о чем писать за неимением новостей, и дрожь моя проходит.

1. У меня дела обстоят хуже: у меня новости есть. Сегодня я звонил Попову. Не буду передавать тебе весь разговор, состоящий из похвал и лживых расшаркиваний. Даю выводы: повесть ДоУ асоциальна, а потому совершенно невозможно говорить сейчас о заключении договора. Давайте подождем до декабря, положение с портфелем редакции выяснится и, если в портфеле не окажется некой СОЦИАЛЬНОЙ повести, тогда можно будет (и с удовольствием конечно) взять

[1] Файнбург З. Иллюзия простоты // Лит. газ. (М.).— 1969.— 10 сент.

вашу асоциальную (предварительно, естественно, введя туда фашистов вместо гангстеров для придания хоть минимума социальности).

2. Немедленно после этого разговора я позвонил Дмитревскому. Поговорили о том, о сем, я изложил решение Попова. Дмитревский немедленно повторил свое предложение взять ДоУ в «Аврору» (он предлагал это еще весной). Я не отказался, но объяснил, что есть еще «Юность» и что мы хотели бы отдать вещь туда, где ее меньше сократят.

3. Я прекрасно понимаю, что первым твоим движением будет сесть за машинку и сообщить мне, что на «Юность» рассчитывать не следует, а потому… и т. д. Однако же, «Юность» толще «Авроры» раза в полтора. Если в «Юности» взяли бы ДоУ, сократив ее листа на два, это было бы все-таки лучше, чем терять в «Авроре» листа четыре. А потому умоляю: свяжись с «Юностью», все выясни и подробнейше отпиши. А если бы ты возобновил попытки пробиться в «Дружбу народов», было бы еще лучше. У меня от твоих писем осталось ощущение, что ты совсем отчаялся. А по-моему, отчаиваться нечего. Просто настало время, когда надо больше, значительно больше бегать, чтобы тебя напечатали. Вот и давай бегать. Между прочим, не стоит ли подумать о ДОУ и Детгизе?! В «Мир приключений» ее, а? Что ж, если родина потребует сделать вариант для детей и юношества. Как Толстой с «Аэлитой».

4. Мы с Лешкой догрызаем первый вариант. Рассчитываем закончить в воскресенье, а между делом строим фантасмагорические планы об экранизации как ХВВ (политического детектива), так и «Чингиз-хана» (антикитайского исторического фильма).

5. Вчера мне позвонили из СП и попросили встретиться с каким-то японским фантастом. Я спросил, не путают ли меня с моим братом-японистом. Мне ответили: нет, япошка, мол, разбирается, но поскольку он в Ленинграде, то хочет встретиться именно со мной. Я так и не понял, встречался ты с ним или нет, и, чтобы не вышло неловкости (а также потому, что очень просили), согласился. Вот ужо завтра встречусь. О чем

с ним говорить, ума не приложу. И что ему дарить — тоже. Если ты с ним, к примеру, встречался, то перевертыш, уж наверное, подарил… Черт знает, что за ситуация.

6. А статья Файнбурга — прелесть! На Дмитревского она произвела большое впечатление. Статья же Лады — еще большее. Он теперь вообще считает, что дело в шляпе. Раз такой чуткий человек, как Чаковский, публикует все это, то… Я, естественно, с ним не спорил, но сильно боюсь, что самые жестокие чудеса еще впереди.

7. Все результаты исследований по «Юности» сообщай всескорейше, архи-быстро. Жду твоего письма (подробного) не позже среды.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет.

P. P. S. Как, черт возьми, обстоит дело с книгой о коммунизме? В пятый раз тебе этот вопрос задаю! Совсем тебе на мои вопросы наплевать стало.

Письмо Бориса брату, 25 сентября 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Имеют место кое-какие новостишки, хотя и мелкие.

1. Вчера, договорившись с Дмитревским, поехал в «Аврору», отвез ДоУ. Дмитревский там меня широко представил, заставил пожать всем руки, и с часок мы беседовали с главредом — Ниной Сергеевной Косаревой. Беседа прошла в теплой, дружеской обстановке. Нина Сергеевна, по-видимому, плохо представляла, с кем имеет дело, а потому была весьма разговорчива и выдала кучу редакционных тайн. Во всяком случае, у меня создалось впечатление, что с ее точки зрения, во всяком случае, фамилия Стругацкий не является одиозной. Надо отдать должное нашему Колченогу — он вел себя прекрасно, дай бог, чтобы так вели себя в аналогичной ситуации наши лучшие прогрессивные друзья. Обещал, что будет пробивать повесть всячески и даже постарается, чтобы пустили без сокращений — мелким шрифтом. Ладно, посмотрим.

2. Только что звонил я Брандису. Статью для ЛенПравды он написал и завтра понесет в редакцию. Честно говоря, я не думаю, чтобы сейчас ее опубликовали: Попов зря не отказывает авторам, какой-то шумок идет, надо полагать, и в нашем обкоме. Во всяком случае, Брандис очень возмущался «Журналистом», сообщил заодно, что в том же девятом номере статья о Войнич является плагиатом с какого-то Таратуты, а также заметил, что послал свою реплику в ЛитГаз (в рамках дискуссии о НФ, не по поводу Свининникова) и что давеча из ЛитГаз пришло сообщение, что материал используют. Будем надеяться, что Брандис будет достаточно смел и это будет еще голос ЗА. Да, они с Дмитревским, кажется, пробили-таки ежегодный сборник НФ в ленинградском Детгизе — 20–25 а. л. Брандис с ходу предложил дать туда ДоУ. Я, естественно, не возражал и выразил мнение, что и ты возражать не станешь. Но это будет, если будет, только в 71-м, и, что хуже всего, договор там, кажется, не заключают. Впрочем, посмотрим.

3. Сценарий мы отпечатали, и сегодня Лешка отдал его Рохлину. Договорились, что в понедельник-вторник встретимся и Рохлин изложит свои соображения. Молюсь, чтобы это приняли как первый вариант, тогда выдадут еще 10 %.

4. Статья Файнбурга мне тоже очень понравилась, я даже послал ему восхищенно-благодарственное письмо. Значит, ты говоришь, еще две полосы? Я сильно подозреваю, что один из двух подвалов будет написан Бритиковым, и это будет сырой, заплесневелый, дурнопахнущий подвал. Впрочем, топтать ногами он тоже, вероятно, не станет, хотя наверняка лягнет пару раз в пах (главным образом, я думаю, за УнС). У меня тут возникла мысль: а не встрять ли и нам с тобой в эту дискуссию? Неявный ответ Свининникову. Под общим лозунгом: «Советская фантастика борется за коммунизм, а те, кто этого не понимает, — кретины или негодяи». Может, и напечатают? А?

5. Чем больше я думаю об истории с ОО в Детгизе, тем больше подозреваю, что здесь не обошлось без искусствоведов в штатском. Отсюда и таинственность, и недоговоренность,

и путаница, и полная непробиваемость. Доконала нас «Свободная Европа» или что там за говнюки это дали в эфир. Если мои опасения оправдаются, то дело швах — тут уж мы концов не найдем. Но я считаю, что скандал мы должны будем учинить до самого верха. Хватит им бить в нас, как в бубен.

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Когда возьмешь билет, обязательно телеграфируй.

Леночке привет.

Как и предполагал БН, статью Брандиса об ОО в «Ленинградской правде» не взяли. Три года спустя материалы из этой статьи автор опубликовал в журнале «Аврора» (Брандис Е. Проблемность и многообразие: Заметки о новых произведениях ленинградских писателей-фантастов.— Аврора (Л.).— 1972.— № 1). Но в архиве АБС сохранился первоначальный вариант статьи, датированный 24-м сентября.

Из архива. Брандис Е. Обитаемые острова Вселенной

В одной из своих статей Аркадий и Борис Стругацкие дали полемическое определение жанра, в котором работают много лет: «Фантастика — литература». В двух словах выражено творческое кредо писателей, решительно не согласных со всеми попытками обособить фантастику от общего литературного процесса и основных закономерностей познания действительности в художественных образах.

Замечу, не вдаваясь в дискуссионные вопросы, что современная фантастическая литература во многом переросла сложившиеся еще в XIX веке традиционные представления о ней как о детской полунаучной беллетристике. Время меняет критерии и смещает акценты. Дифференциация, охватившая все области жизни, коснулась и литературы. Писатель-фантаст ныне не берет на себя функций популяризатора научных знаний. Теперь его привлекает не столько возможность обоснования научно-технических гипотез, сколько социальных и нравственных последствий применения великих открытий, не наука и техника сами по себе, а психологические коллизии и острейшие конфликты, порожденные научно-

техническим прогрессом. В конечном счете все зависит от того, в чьих руках находятся завоевания труда и мысли и каким целям служат.

Подзаголовок «фантастико-приключенческая повесть» и то, что она выходит отдельной книгой в издательстве «Детская литература», не меняют дела. Динамический сюжет не имеет ничего общего с шаблонами приключенческой литературы. Вполне доступное восприятию подростков столкновение разных типов сознания определяет развитие действия, опосредствованно отражающего непримиримые противоречия современных антагонистических формаций, несмотря на то, что изображаемые события происходят на далекой неизвестной планете. Произведение Стругацких поэтому не только актуально, но и злободневно по мысли и звучанию. Вместе с тем оно выполнено в новой манере, характерной для современной фантастики.

Стругацких меньше всего заботит обоснование условных допущений, мотивирующих перенесение героя в необычную обстановку. Достаточно предположить космическую «нуль-транспортацию», чтобы оправдать появление человека будущего, ленинградца Максима, на одном из «обитаемых островов» Вселенной. Достаточно ему пожалеть об отсутствии «нуль-передатчика» с какими-то «позитронными эмиттерами», который помог бы связаться с представителями Службы Галактической безопасности на Земле, чтобы представить уровень научных достижений. Стоило ему только черпнуть речной воды, зараженной радиоактивными отходами, и увидеть ржавые железные конструкции, чтобы понять неблагополучие этой неведомой цивилизации.

Несколько броских деталей, и создается фон, определяющий технические возможности, а затем, по мере развития действия,— социальные отношения, психологические и нравственные конфликты. Таким образом, условные допущения, связанные с определенным уровнем науки и техники на Земле и на «обитаемом острове», служат не самоцелью, а всего лишь трамплином для развертывания замысла прежде всего в человековедческом плане.

Максим, выросший в мире, освобожденном во многих поколениях от всех скверн классового общества, изначально предрасположен к естественной простоте, добру и справедливости, не скован никакими предрассудками, не умеет приспосабливаться, кривить душой. И вот он должен жить на планете, где сама атмосфера отравлена злобой и ненавистью. Он должен действовать в условиях жесточайшей фашистской диктатуры, установленной финансовой олигархией. Управляющие страной Неизвестные Отцы — воплощение всего самого мерзкого, что когда-либо было на Земле — превосходят своих реальных предшественников только в том отношении, что располагают непревзойденными техническими средствами запугивания и оболванивания масс: влияющие на психику направленные излучения внушают вместе с исступленным фанатизмом стадного чувства расовое бешенство, автоматические действия,— всё, что требуется Неизвестным Отцам для сохранения власти.

Авторы нарочито избегают инопланетной специфики, словно азиатские деспоты и заправилы гитлеровского райха поделились с властителями «Обитаемого острова» своим опытом. Стругацкие заставляют читателей видеть всё происходящее глазами простодушного Максима. Нелепость и уродливость общественных отношений, противоречащих человеческому естеству, видятся как бы через увеличительное стекло. По мере прояснения замысла повесть приобретает памфлетную окраску, четкую политическую направленность, которую можно определить только одним словом — а н т и ф а ш и с т с к а я.

Гвардейцы-молодчики — живые автоматы, послушно и с радостью готовые убивать, пытать, жечь. Тягучие мысли, тягучие слова, казарменный жаргон. Доведенные до животного состояния «выродки» — все, кто потенциально, в силу биологических свойств (люди, не поддающиеся излучениям), могут составить оппозицию. Из них формируются силы сопротивления, вбирающие в себя всё лучшее, что есть в этом мире. Разнузданный террор пробуждает спящую мысль, стремление найти выход, ответить на мучительные вопросы.

Максим — правдолюбец, которому нужно докопаться до сути вещей, понять, почему здесь все так противоестественно, в конце концов начинает действовать: совершает богатырские подвиги в революционном подполье, а затем, после многих приключений, взрывает оплот Неизвестных Отцов — Центр, откуда исходят излучения. К сожалению, скомканный финал (может быть, только в журнальном варианте?) недостаточно проясняет загадочную фигуру Странника, как выясняется, наблюдателя Галактического Союза, и не открывает ясной перспективы дальнейших событий, которые должны последовать после свержения Неизвестных Отцов.

Землянин Максим вносит жизнь и юмор в этот мрачный бездушный мир. Постепенно он вырастает в настоящего героя, сокрушающего все препятствия, просветляет сознание людей, становящихся его сподвижниками, заражает их волей к борьбе.

«Обитаемый остров» проникнут революционной романтикой, вместе с пафосом отрицания социального зла несет заряд позитивных идей. Прежде всего, авторы раскрывают тлетворность живучей мещанской идеологии, которая, при кажущейся нейтральности («моя хата с краю»), служила и служит опорой реакции, мутным источником мракобесия.

В современной жизни не может быть нейтральных и равнодушных! В борьбе за Будущее, за сохранение жизни на Земле все мы несем моральную ответственность. Все вместе и каждый в отдельности. Эту непреложную истину утверждают братья Стругацкие и сюжетом, и замыслом, и образной системой своей повести. «Обитаемый остров» вполне отвечает полемическому определению жанра: «Фантастика — литература».

Письмо Аркадия брату, 29 сентября 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

Тоже имеются новостишки, и плохие, и хорошие.

1. В среду позвонила мне Нина и посоветовала немедленно сходить к Пискунову и самому поговорить с ним. Пошел. Впечатление отвратное. Старая сволочь даже сесть

не предложил, говорил сухо и в глаза не глядел. Содержание разговора передать трудно. Я спрашивал, что вменяется в вину ОО, а он упорно бубнил, что «Сов. Россия» — орган ЦК, что мы проштрафились, что ничего он сказать мне не может, а вот придет время, будет сам разбираться, и вообще шел бы я к этакой матери и не морочил ему голову. Что я и сделал, в растерянности и удивлении. Занятно, что впервые я услышал то, в чем были мы уверены по опыту: никакие положительные отзывы начальство не интересуют, внимание обращается только на отрицательные.

2. В пятницу позвонила мне вечером Нина и рассказала, что у нее был интересный разговор с Компанийцем (глав. ред.). Когда Нина передала ему мой разговор с Пискуновым, он был страшно удивлен. Не далее, как в понедельник, Пискунов сам говорил с ним и по своей инициативе заговорил о судьбе ОО: дескать, нельзя же так, деньги большие затрачены, висят на издательстве, ближайшая ревизия нам на шею их повесит, а оправдательных документов нет — только телефонный звонок, и как же тут-де быть. Одним словом, Вася (Компаниец) пришел в ярость после рассказа Нины и заявил: берется за дело сам, въестся Пискуну в печенки, сам пойдет на неделе в Комитет по печати, добьется, от кого идет распоряжение, а затем сам потащит Пискуна в ЦК.

3. Я осторожно спросил Нину, как она отнеслась бы к идее большого скандала вплоть до Брежнева. Она не менее осторожно ответила, что это, конечно, дело святое, но идти надо не к Брежневу, а к Демичеву, однако это дело терпит, надо посмотреть, что сможет сделать само издательство.

4. Звонил в «Юность», но Озерова приедет только первого октября. Это потом.

5. Разумеется, отдавай ДоУ в Ленинградский НФ, все равно нигде больше у нас ничего сейчас не возьмут.

6. Вчера звонил мне приятель из «Мира», сказал, что видел сигнал Нортон.

7. Полагаю, что нам влезать в газетную склоку не следует. Слишком много уже на нас накручено. Да и гордость не

позволяет. Кстати, наше интервью я давно отнес в «Дет. л-ру», там прочитали и восхитились, но озаботились, что скажет начальство, обещались позвонить. Не звонят.

8. Что касается «Свободной Европы», то видали мы ее в гробу. Если это приведут как аргумент, то дело яснее ясного. Мало ли какие провокации делают эти гады, не надо поддаваться, это же явно направлено на такую реакцию со стороны вашей, а вы поддаетесь. Они стремятся отшатнуть нас от вас, только это уж не выйдет, господа хорошие, и т. д.

9. Полагаю быть в Ленинграде числа 4–5, а может, и раньше. Ленка, видимо, не приедет, поступает на работу.

Вот пока всё. При встрече обсудим. Больше до приезда не пиши. Привет Адке, целую, твой Арк.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Одна из главных технических задач: показать всё глазами героя; психология читателя должна меняться вместе с психологией героя.

Рассуждения о СРЕДНЕМ человеке (a la средняя саламандра у Чапека[1]).

4.10.69–9.10.69

[дневник приездов: 5.10.69. Приезд 4.10 для редактуры перевода Клемента.

6.10.69.

9.10.69. Вчера закончили Клемента. Разрабатываем 5-листную повесть «Перекати-поле».]

Арк приезжал в Лрд. Редактировали Клемента. Обдумывали «Перекати-поле».

[1] Видимо, отсылка к следующим словам «Войны с саламандрами» К. Чапека: «Благодаря этим научным исследованиям саламандр перестали считать каким-то чудом; под трезвым светом науки саламандры в значительной мере утратили свой первоначальный ореол исключительности и необычайности; в качестве объекта психологических испытаний они проявили весьма средние и неинтересные свойства; на основании научных выводов их высокую одаренность отнесли к области легенд. Наука открыла Нормальную Саламандру, которая оказалась скучным и довольно ограниченным созданием» (кн. 2, гл. 2).

5 октября «Литературная газета» продолжает дискуссию о фантастике. А. Быкова в статье «Критиковать серьезно, доброжелательно» высказывает мнение, что отсутствие серьезной критики отрицательно сказывается на художественном уровне произведений. При этом приводит пример в статье Бестужева-Лады, где выявлены «одинаковые недостатки в последних произведениях таких разных писателей, как А. и Б. Стругацкие и И. Ефремов».

Движется и дело со сценарием по ОУПА.

Из архива.
Письмо к АБС с «Ленфильма», 8 октября 1969

Уважаемые Борис Натанович и Аркадий Натанович!

6 октября с. г. при участии Бориса Натановича состоялось заседание редсовета 3-го творческого объединения, на котором мы обсудили представленный вами сценарий.

По общему признанию, сценарий в принципе выполняет свою задачу: он развит и содержателен в жанровом отношении, с интересом читается, и есть основания полагать, что так же будет и смотреться, т. к. обладает острой драматургией и необходимыми кинематографическими качествами. В основном он соответствует нашим ожиданиям также и по своему социальному смыслу.

Однако работа над сценарием пока еще не может считаться завершенной. И прежде всего по той причине, которая более всего бросается в глаза: сценарий превышает предельный производственный объем и должен быть сокращен по крайней мере на 20 страниц. Эту работу необходимо проделать, и желательно так, чтобы сценарий не утратил своей внутренней органики и свободы. Это значит, что требуемая работа должна быть проделана неформально, что она требует дополнительных размышлений и творческих, композиционных и др. усилий.

Надо учесть при этом пожелание редсовета о том, чтобы характеристика Мозеса была уточнена и развита в идеально-гуманистическом смысле. Это важно, ибо должно повысить содержание, наполнить гуманистическим смыслом ту трагедию, которой завершается ваша детективная история.

Подумайте также над теми композиционными предложениями, которые были сделаны в нашем разговоре. Быть может, они пригодятся вам в работе над сокращением объема сценария.

Представленную вами рукопись мы принимаем как первый вариант сценария. Для представления завершенной работы мы предлагаем вам новый срок — до 1 декабря 1969 г.

Желаем вам успеха.

Гл. редактор 3-го творческого объединения Я. Н. Рохлин

Письмо Аркадия брату, 14 октября 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Звонил Нине. М. М. ходила к Пискунову, были опять общие вопли и сопли, что-де надо что-то делать, но ничего конкретного не произошло. Рассказал я ей о нашем плане вторжения с жалобой, она сердечно одобрила. Сама она лежит с повышенным давлением, частию из-за злости по нашему делу. В общем, вернусь, пойду к Пискунову и буду действовать по нашему плану.

2. Получил путевку в Гагру, с 20 по 31-е. Купил билет, еду 18-го вечером. Испытываю большой соблазн заехать в Баку и там провести праздники, которые мне здесь, в Москве, ужасны. Но еще не знаю. Ответ на это письмо, во всяком случае, повременив дня два, давай в Гагру: Алхали Гагра, Курортная, 52, дом творчества Союза писателей, мне.

3. Отнес рукопись Клемента в «Мир», сдал на машинку. Целиком будет готова к 20-му. Уже есть журнальный заказчик, «Сельская новь». Соответствующие распоряжения отдал. Может быть, что-нибудь и получится.

4. Был у Эренбург. Издательство среднее, называется «Seuil», что означает «Порог»[1]. Богатое, между прочим. Нас это никак не касается, мы совсем не участвуем. Издатель, друг Эренбург, в частном порядке попросил ее выслать экземпляр. Что она и сделает, как только добудет этот экземпляр.

[1] «Seuil» — парижское издательство.

Я ей отдам свой, а ты, будь любезен, немедленно вышли мне и «Эллинский секрет», и номера «Байкала», иначе я сижу без.

5. Я. Голованова прощупать по понятным причинам сейчас не могу, а из других источников узнал, что затея с «Комс. Правдой» — дело тухлое. Начальство там не то, что нам нужно.

6. Позвонил в «Юность». Мэри Лазаревна Озерова сообщила, что опять всё не решено, и обещалась, что уж к моему возвращению с юга обязательно все прояснится.

7. Связался с телевидением. Редактрисса извинялась, что начальство не мычит и не телится. Сообщила, что завтра 15-го — едет в Ленинград, чтобы попытаться заинтересовать нашей серией Ленфильм. Если будет заинтересованная студия, сказала она, тогда пробить сценарий и договор будет совсем легко. Я ей, разумеется, ничего о ДоУ не говорил, а вот нельзя ли что-нибудь подготовить на Ленфильме, чтобы договор заключили?

8. Звонил в «Детскую л-ру». Зав. отдела критики интервью понравилось. Она планирует в 3-й номер. Но еще не читали высшее начальство. К моему приезду все обещает определиться.

9. Деньги только что перевели, думаю, дня через два уже будут у меня на книжке, тогда я их и переведу тебе.

Вот всё. Привет Адке. Целую, твой Арк.

«Литературная газета», продолжая дискуссию, 15 октября публикует письмо читателя.

Васильева В. Новаторство ли это?

Уважаемая редакция!

Вы начали большое и нужное дело, затеяв разговор о советской фантастике, ее проблемах и возможностях. Я с интересом прочла обе дискуссионные полосы. Чувствуется, что это только начало, ибо не выяснены еще многие точки зрения, не прояснена позиция самой газеты на важные аспекты

проблем, которые волнуют сегодня многочисленных читателей книг этого направления. Всё это и побуждает меня включиться в разговор, не дожидаясь, куда он повернет дальше.

В своей статье «Иллюзия простоты» З. Файнбург справедливо отмечает огромные возможности научно-фантастической литературы, повышенный спрос на нее со стороны читателей.

Особое внимание автора обращено к творчеству А. и Б. Стругацких, вокруг последних произведений которых идут постоянные споры, высказываются подчас диаметрально противоположные мнения на то, в чем же заключена суть научной фантастики, какова ее роль в формировании мировоззрения нашего современника.

З. Файнбург делает попытку разъяснить читателю, в чем, по его мнению, заключена сложность современной фантастики и почему некоторые любители фантастики не поняли последних произведений братьев Стругацких. Причина, как я поняла, в том, что мы, любители этого рода литературы, хотим, чтобы в научно-фантастических книгах образы героев будущего были полнокровными, психологичными. А этого как раз и не надобно требовать, потому что фантастика ориентирует читателя прежде всего на сопереживание с идеей, персонифицированной в герое, а не с самим героем.

Схематизм героев, таким образом, вполне оправдан.

Нет! Нет и нет. С таким утверждением согласиться я никак не могу. Любая литература, в том числе и научно-фантастическая, есть прежде всего человековедение. Это хорошо понимали классики фантастического жанра. Поэтому и капитан Немо, и Лось, и Гусев — это прежде всего люди с ярким, страстным характером. Поэтому-то они так долго живут в нашей памяти. А в последних произведениях Стругацких таких живых и понятных в своих проявлениях героев нет. Я пишу об этих писателях потому, что всегда внимательно следила за их творчеством. Их талант несомненен. З. Файнбург назвал их первые произведения добротными, хорошо сработанными, но традиционными. Пусть так. Традиционно — это не значит плохо. Я не против новаторских книг,

наоборот, я — за новаторство. Только вот за то ли новаторство, какое есть в их последних книгах? Я имею в виду такие, к примеру, повести, как «Хищные вещи века», «Улитка на склоне», «Второе нашествие марсиан», наконец, «Обитаемый остров». Тревожно и тяжко становится на душе после их прочтения. Я знаю, что критика называет эти произведения «предупреждениями».

Но кого и о чем они предупреждают? Об опасности материального изобилия для человечества? О том, что будущее зависит не от социальной структуры общества, а от человеческой натуры? Но ведь пути развития человечества могут быть разными, и то, что грозит буржуазному обществу, не может грозить нам.

Мне кажется, что создаваемые писателями-фантастами мрачные картины нравственного распада и измельчания человеческого общества никак не согласуются с традициями советской фантастики, возвеличивающей человека — творца, созидателя всех материальных и духовных ценностей, преобразователя природы.

Мне очень хотелось бы прочесть на страницах «ЛГ» статью, в которой содержался бы объективный критический анализ творчества этих писателей.

22 октября в «Литературной газете» сразу в двух статьях рассматривается уже не столько само творчество АБС, сколько его критика.

Белоусов А. Забывая о социальной обусловленности

Отличительные черты советской фантастики — в ее неразрывной связи с живой, сказочно меняющейся действительностью, с глубокой верой в преобразующую силу разума. Фантастика открывает новые горизонты перед юными читателями, увлекает их романтикой неизведанного, прививает активно-действенное отношение к жизни.

«Нет фантазии,— говорил Горький,— в основе которой не лежала бы реальность». Реалистическая основа фантасти-

ки — непременное условие, без которого невозможен подлинный успех произведения, созданного в этом жанре.

С вниманием слежу я за обсуждением проблем научно-фантастической литературы в «Литературной газете». В некоторых материалах речь идет о произведениях А. и Б. Стругацких. В статье З. Файнбурга им дана чрезвычайно высокая оценка.

С ней-то мне и хотелось бы поспорить,

Вступление в литературу братьев Стругацких, несомненно, было плодотворным и многообещающим, и критика, не скупясь на похвалы, воздавала им должное как талантливым представителям фантастического жанра.

Однако вслед за обещающим началом стали появляться такие произведения Стругацких, которые не могли не насторожить мыслящего и вдумчивого читателя.

Моделируя в своей повести «Хищные вещи века» некое общество, авторы, вопреки элементарной логике, решили обойтись без описания его социальной, классовой структуры, ограничившись простым объяснением, что все события происходят в буржуазном государстве, страдающем от избытка материальных благ.

«Мы не ставили перед собой задачи показать капиталистическое государство с его полюсами богатства и нищеты, с его неизбежной классовой борьбой»,— объясняют читателю авторы столь странный пробел в своей работе. В рамках отдельной повести, по их мнению, оказывается невозможным «осветить все стороны, все социальные противоречия капиталистического государства».

В экспериментальной модели буржуазного общества Стругацких дана недифференцированная масса тупых и интеллектуально неразвитых людей, составивших собою Страну Дураков (иначе — «неострой»), где нет ни бедных, ни богатых. Обитатели «неостроя», достигнув материального благоденствия, впадают в какой-то всеобщий маразм, теряют человеческий облик, предаются безудержному разврату, превращаются в низменные, скотоподобные существа. Всякие попытки отвлечь жителей Страны Дураков от пагубных

влечений путем поголовного охвата «заповедника глупости» обучением в кружках кулинарного искусства, на курсах материнства и младенчества оказываются бесплодными. Страна Дураков неизлечимо больна, вмешательство международных сил лишь на какой-то срок приостановило процесс распада, а потом, потом: «снова… из тех же подворотен потек гной. Тонны героина, цистерны опиума, моря спирта…». Всё это ввергло «неострой» в еще более страшные бедствия, угрожая трагическими последствиями всему человечеству.

Созданная писателями мрачная картина нравственного распада и измельчания обитателей Страны Дураков, распространяющих свое тлетворное влияние на человечество, конечно же, никак не согласуется с традициями советской фантастики, возвеличивающей человека — творца, создателя всех материальных и духовных ценностей, преобразователя природы, верящего в прекрасное будущее!

После выхода в свет книги «Хищные вещи века» писатели-фантасты обещали читателям поведать нечто новое о мире и человеке. В интервью, данном корреспонденту журнала «Техника — молодежи», Стругацкие, размышляя о фантастических путешествиях «в ту и другую сторону от настоящего», казалось, самокритично относились к творческим просчетам и промахам своих произведений.

Вскоре в печати появилась новая повесть Стругацких «Улитка на склоне». К сожалению, новое произведение Стругацких принципиально ничем не отличалось от повести «Хищные вещи века». Здесь лишь сужены географические пределы повествования: Страна Дураков подменена темным и дремучим Лесом, в котором обитают тупые и невежественные существа, отъединенные от места и времени. По некоторым признакам, люди, насильственно загнанные в Лес, пугающий всех застойными болотами и липкой зловонной грязью, отбывают здесь наказание, находясь под неусыпным надзором жестоких, морально опустившихся чиновников.

Содержанию произведения соответствует и его форма, здесь отсутствует строго продуманный сюжет, организующий материал повести. Сумбурное нагромождение эпизодов,

не подчиненных логическому раскрытию художественного замысла, лишило повествование композиционной стройности и целостности.

Примечательно, что в «Улитке на склоне» идейная «внепространственность» повести приходит в противоречие с талантом Стругацких. Как художники, они, конечно же, не могли создать образы, представляющие «персонифицированную идею», поэтому и читатель пытается «привязывать» героев повести к той или иной «социальной географии».

Нечеткость социальной позиции Стругацких, проявившаяся в последних их произведениях, привела к тому, что они то пророчат человечеству прямо-таки апокалиптически мрачное будущее («Второе нашествие марсиан»), то вдруг пускаются в чрезвычайно путаные, странные рассуждения о крайней вредности для народа единого политического центра («Обитаемый остров»).

Я думаю, что авторам в свое время тепло принятых читателем книг нужно серьезно прислушаться к критике. Без подлинно марксистского осмысления стремительно меняющейся социальной действительности невозможна советская фантастика.

Из: Гор Г. Жизнь далекая, жизнь близкая

О научной фантастике пишут инженеры, рабочие, ученые, журналисты, врачи.

Кто же не пишет о научной фантастике? Критики и литературоведы.

Читателям фантастики (в нашей стране их миллионы) поневоле приходится браться за новое для них дело — выяснять специфику и сущность пока еще эстетически загадочного жанра.

Не литературоведы и эстетики, а именно они — читатели — на страницах «Литературной газеты» и разных, иногда очень далеких от теории литературы и эстетики журналов ставят близкие их духовным интересам вопросы и ищут на них ответы.

Что такое научная фантастика? Каково ее назначение? В чем ее цель? Какое место она должна занять в современной художественной культуре?

<…>

Не все, что пишется у нас о фантастике советской и прогрессивной зарубежной, может содействовать ее развитию. Уж слишком неотчетливо высказывают свои неясные претензии некоторые авторы к этому жанру. Если еще с трудом можно понять, чем они недовольны, то невозможно уяснить, чего они хотят. Может, они недовольны, что советская фантастика из приключенческой стала философской и высокохудожественной?

Но разве не задача советской фантастики ставить и решать философские и мировоззренческие проблемы? Разве не ставит их в своих книгах, например, И. Ефремов, которого лет двадцать назад кое-кто упрекал за его интерес к мировоззрению, к науке, к технике, к будущему, а не к новой модели автомобиля или трактора?

О Стругацких сейчас пишут так, как будто, кроме Стругацких, никого нет. Все последние статьи о фантастике посвящены только разбору творчества Стругацких, словно произведения этих интересных писателей вобрали в себя все достоинства и все недостатки, типичные для всей современной фантастики. Слово «другие» появляется в статьях сразу после фамилии Стругацких. За последнее время даже Ефремов стал попадать в рубрику «и другие».

Почему авторы многочисленных статей о фантастике, ругающие или хвалящие Стругацких, забывают о творчестве Емцева и Парнова, Немцова, Варшавского, Вадима Шефнера, Громовой, Гуревича, Гансовского, Войскунского и Лукодьянова, Альтова, Абрамовых? Почему они не упоминают о книгах молодых фантастов?

Мне скажут: это дело литературоведов и профессиональных критиков. Но я уже выразил свое огорчение, что критики и литературоведы, за исключением Е. Брандиса и В. Дмитревского, делают вид, что фантастики не существует.

Как утверждает библиотечная статистика, каждый четвертый рабочий в Советском Союзе читает научно-фантастические книги. На это давно обратили внимание социологи, но литературоведы к статистике относятся равнодушно. Кто знает, может, они и правы? Ведь сами по себе цифры ни о чем не говорят. У Сименона и у Агаты Кристи читателей во много раз больше, чем у гениального Томаса Манна. Тот, кто знает современную фантастику, понимает, что этот довод несостоятелен. Парадокс ведь заключается в том, что современная фантастика, несмотря на свою занимательность и популярность, куда ближе к Томасу Манну, чем к Сименону и Кристи.

<…>

Письмо Бориса брату, 23 октября 1969, Л.— Гагра

Дорогой Аркашенька!

Только сейчас набралось достаточно информации на письмо.

1. «Аврора». Я туда не звоню и не захожу. Мне кажется, что так будет правильнее: не они нас благодетельствуют, а мы их. Связь держу через Дмитревского. Он утверждает, что там все в полном порядке, все прочли, всем нравится, единственное предложение — усилить социальный элемент, введя туда неонацистов вместо гангстеров. При всем при том они пока не звонят, не мычат и не телятся. Дмитревский (я только что говорил с ним по телефону) сказал, что они намерены встретиться со мной в ближайшее время — завтра-послезавтра. Ладно, посмотрим.

2. Ленфильм. Первый вариант официально принят и одобрен (на прошлой неделе пришло соответствующее письмо из редакции). Однако с деньгами заминка: на студии нет денег и будут они, якобы, только в январе. Впрочем, Лешка сказал, что он все устроит через главбуха, который с одной стороны его, Лешки, большой приятель, а с другой — ярый поклонник братьев Стругацких. Редактрисса из Телевидения пока на Ленфильме, по-видимому, не появлялась. Во всяком

случае, Лешка ни о чем подобном не слыхал, а он уверен, что такое дело его никак не минует.

3. Литгазета. Неделю назад в Ленинград приезжал отв. секретарь Литературки, неплохой знакомый Саши Лурье. Я попросил Сашу выяснить, как там обстоят дела. Саша предлагал устроить мне встречу, но я отказался из общих соображений — и сглупил. Получилось так, что Саше не удалось ни разу оказаться с ним тет-а-тет и поговорить как следует. Саша сообщил мне только два высказывания этого ответственного: «Вы не представляете, Саша, какая глыбища прет на нас в связи со Стругацкими и каких усилий нам стоит эту глыбищу пока сдерживать» и «Сейчас вот мы боремся за статью Гора». Как известно, статью Гора[1] отстоять удалось, но какою ценой! Гор мне вчера рассказал, что БЫЛО в его статье: резкая полемика с «Журналистом» (выброшено, остался лишь слабый намек); перед фразой «О Стругацких пишут так, словно больше никого нет» был абзац, этих Стругацких восхваляющий (выброшено, даже и следа не осталось); в перечисление фантастов вставлены редакцией (без согласования с Гором) Немцов и Альтов. В общем, надо, по-видимому, ждать «объективной статьи», которую так жаждет увидеть на страницах Литературки читательница Васильева из гор. Москвы[2]. С другой стороны, особой мерзости в этой статье всё же не будет. Во всяком случае, содержание редакционного заключения, по-моему, уже определилось: интересные, талантливые писатели, которые, однако, в последних своих книгах… и т. д. Словом, рекламку мы получили — будь здоров! — но ОО они нам зарежут. И тогда мы устроим скандал. Ибо об ОО пишут либо вообще, либо уж совершенную чепуху («народу вреден единый управляющий центр»). Ах, Аркаша, может быть, мы совершаем ошибку, может быть, нам стоило бы вмешаться в эту полемику! Просто под предлогом необходимости КОНКРЕТНОЙ критики — мол, вот у нас сейчас в Детгизе лежит ОО, самое время было бы выслушать критику и учесть замечания, пока книга еще не

[1] Гор Г. Жизнь далекая, жизнь близкая // Лит. газ. (М.).— 1969.— 22 окт.
[2] Васильева В. Новаторство ли это? // Лит. газ. (М.).— 1969.— 15 окт.

вышла, а где эти замечания? Нет этих замечаний, товарищи, а если они есть, то являются чушью! Неконкретна, товарищи, ваша критика! Нехорошо! Народу не нужна неконкретная критика. Народу нужна конкретная критика.

4. Я тут прочитал Абрамовых. Да, ты был прав, а я — нет. Нам, по-видимому, придется пересмотреть сцену, на которой развивается действие ГО. Эксперимент пришельцев не годится. Ну и хрен с ним. Не в этом же дело. У меня тут появилась мысль подключить к ГО «Седьмое небо» (помнишь?). Герой наш попадает в ад. Есть Ад (он же ГО), есть чистилище, где живут боги (самые разные боги — всех времен и народов). А рая нет. То есть он где-то есть, но путь в него закрыт и весь ад под руководством (достаточно диким) чистилища работает над проблемой: как прорваться в рай. Возможна даже эффектная концовка: герой прорывается-таки после массы приключений в рай и оказывается в собственной комнате. Мне кажется, что в такой схеме удастся сохранить все, что мы успели напридумывать по ГО, плюс забавно-жутенькие происшествия с богами (на базе модернизированной мифологии). Простор, сам понимаешь, открывается. В рай хотят попасть только грешники — богам и в чистилище неплохо. Достоин ли ты попасть в рай? Это не зависит от твоих грехов, это зависит от твоего поведения. Что будут делать боги, когда дверь в рай откроется? А не имеет ли им смысл притормаживать штурм рая? И т. д. и т. п.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Как отдыхается? Вспоминаешь ли со сладкой грустью, как мы на пляже сочиняли УнС? Я все время вспоминал.

Письмо Аркадия брату, 26 октября 1969, Гагра — Л.

Дорогой Борик.

Рад был получить письмо. Да, скандал, видимо, поднимать придется. Мне здесь рассказали о том, что и как делалось в ЛГ. Между прочим, один из исполнителей, а именно — некто Синельников (он же «Литератор») находится здесь. А еще сидит за соседним столиком Дымшиц. Вчера

только уехал Ю. Карякин — специалист по Достоевскому, лицо известное, левое и интересное. Познакомился я и с Евтушенко, который с ходу объявил, что УнС — произведение гениальное, и тут же пообещал нам с тобой по экзу своего тома, который выходит в Гослитиздате. Одним словом, популярности — полные штаны, хотя никого я здесь не встретил, кто бы прочел больше одной-двух наших книг.

31-го я уезжаю домой, так что ответ шли туда. Хорошо бы, если бы к тому времени определилось положение с «Авророй» — я бы знал, как вести себя с «Юностью». Гора жалко, от его статьи такое впечатление, как будто он просит, чтобы и на него обратили внимание. Твое письмо все разъяснило, и сейчас я даю всем объяснения.

Ну, всё пока.

О сюжете ГО еще потолкуем. То, что ты предлагаешь, мне в общем нравится, но надо посмотреть, как это уложится в двойной сюжет. (Помнишь? С биографией героя.)

Обнимаю, твой Арк.

Привет Адке.

Письмо Бориса брату, 30 октября 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Надеюсь, ты хорошо отдохнул, зализал раны и теперь готов с новыми силами погрузиться в круги ада.

1. Звонил я в «Аврору». Говорил с завпрозой Борей Никольским. Оказывается, еще не все прочли, кому положено. Не читал замглавного. Замглавного там — Андрюша Островский, которого ты, может быть, помнишь по Комарову — тихий такой спокойный парень, я с ним все в биллиард играл. Не думаю, чтобы он стал гадить — у нас с ним были всегда наилучшие отношения. И — что хуже — должен прочесть кто-то из редколлегии по прозе — либо Кетлинская, либо — совсем уж плохо — небезызвестный тебе Капица. Дмитревский, впрочем, говорит, что обстановка в «Авроре» спокойная и шансы есть. Окончательный ответ мне был обещан Никольским сразу после праздников. Да, еще Дмитревский

заходил в отдел культуры обкома — там, кажется, тоже все настроены миролюбиво и — на словах, по крайней мере — исповедуют вредную теорию о том, что мы, мол, печатаем не имена, а произведения. Ладно, посмотрим. С Евтушенкой они во всяком случае договор заключили (на поэму, отвергнутую «Юностью»). Вот исходя из всего этого тебе и надлежит действовать в «Юности». Причем говорить там об «Авроре», по-моему, не надо — не авторитетно. Если согласятся печатать, сократив не больше, чем на два листа, заключай договор мгновенно. Если потребуют еще больших сокращений, позвони предварительно мне. И будь понастойчивее — они ведь уже давно возятся.

2. Деньги в Ленфильме обещают в ближайшие дней десять. А мы тем временем с Лешкой мучаемся — сокращаем первый вариант. Выбросили две сцены, а теперь вычеркиваем по строчке на каждой странице. Сократить просили страниц на двадцать. Не знаю, не знаю.

3. Казанцев, значит, все-таки свел счеты, но смотри как осторожно, без имен и в общем довольно мягко: не они мол виноваты, а проклятый Запад, использующий их ошибки[1]. Мишка Хейфец сейчас пишет большую статью, в которой защищает марксистов-ленинцев Стругацких от их бездарных оппонентов, дискредитирующих марксизм и играющих на руку классовому врагу. Статью эту, конечно, не напечатают, но он в сопроводительном письме попросит редакцию в случае отказа от публикования переслать письмо в те инстанции, которые организуют и направляют дискуссию в прессе.

4. Зачем и кому понадобилась стенограмма? Я было решил, что это кто-то из участников вечера решил броситься в бой, но теперь что-то засомневался.

5. А все-таки забавно: нас бьют-лупят, а из Баку, из Финансового института пишут, просят прислать книгу с автографом для выставки в честь юбилея; а директор Андрюшкиной школы пишет, просит выступить перед старшеклассниками; а по словам мамы Лешки — во всех высоких интеллигентских

[1] Казанцев А. Луч мечты или потемки? // Лит. газ. (М.).— 1969.— 29 окт. (Критика «философской» фантастики и тома Уиндема в БСФ; АБС не названы.)

кругах только и разговоров, что об УнС и ГЛ, самых восхищенных разговоров. Да, между прочим, Дмитревский рассказывал, что директор Лендетгиза ездил к Пискунову насчет сборника фантастики и Пискунов, якобы, против повести Стругацких отнюдь не возражал. Впрочем, это ведь аж на 71-й.

Ну, ладно. Пока всё. Жду от тебя информации.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. А мамочка наша что-то приболела: целый букет — и односторонняя пневмония, и обострение плеврита, и бронхит, и ангина. Напиши ей что-нибудь.

Ленке привет!

P. P. S. Да, у меня тут был со своими опусами некто Марк Яковлевич Азбель, д-р физ-мат. наук, профессор МГУ. Я дал ему твой телефон. Позвонит — прими его ласково: очень симпатичный и умный человек.

Эту телеграмму[1] из Новосибирска я получил в момент заклеивания конверта. Раньше я от них не получал ничего. Предлагаю поехать. Напиши мне и им.

Письмо Аркадия брату, 2 ноября 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

Отдохнул хорошо, готов к новым кругам.

1. Только что звонил Нине. Пискунов прочитал (!) ОО и кисло объявил, что, мол, да, нет здесь ничего крамольного, что надо бы… э… э… Что именно «э… э…», выяснить не удалось, ибо Нина болела и при сем не присутствовала, однако выходит завтра, постарается разузнать и обо всем напишет.

2. Стенограмма понадобилась властям, кои испугались, что ею будут пользоваться непосвященные. Ты помнишь, я говорил тебе, что Ариадна просила ее вернуть, это потому, что ей стенограмму дали под честное слово, а сейчас вдруг востребовали.

[1] К письму приложена часть телеграммы: «УДИВЛЕНЫ ОТСУТСТВИЕМ ОТВЕТА НАШИ ПИСЬМА И ТЕЛЕГРАММЫ НА МОСКОВСКИЙ И ГАГРИНСКИЙ АДРЕСА ПРОСИМ СРОЧНО СООБЩИТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ВАШЕГО ПРИЕЗДА 20 ИЛИ 30 НОЯБРЯ = ВАСИЛЬЕВ».

3. Постарайся раздобыть у Хейфеца экз. статьи. В крайнем случае, приобщим к делу, а вообще — хорошо бы иметь ее для подбора аргументов, ибо

4. Я сошелся все-таки с Синельниковым, который имеет прямое отношение к дискуссии в ЛГ, и он выразил желание, чтобы мы дали свою статью. Правда (и это весьма симптоматично), он просит, чтобы мы в ней не нападали на предшествующие статьи, а писали как бы отдельно, вроде как Казанцев. Но это можно было бы либо обойти, либо игнорировать а ля Казанцев. («Некоторые фантасты полагают, будто…» и т. д.) Подумай и сообщи соображения.

5. Сообщаю тебе, что из «Мира» переведено нам с тобой за Нортон 1200 р. Хотел тебе перевести твою половину, однако потребовался адрес твоей сберкассы, коий ты мне не дал. Кстати, надо бы еще рассчитаться за одобрение: там 500 руб, из них половина твоя. Всего тебе положено, т. о., 850 руб. Только имей в виду, что проценты за пересылку требуют все равно. Так что давай адрес сберкассы, и я пересылаю. А книжечка-то плюгавая вышла, всего 8.5 авторских листов. Стоило пот-кровь-сукровицу проливать! Впрочем, сейчас все стоит. Глядишь, и за Клемента что-либо отхватим. Между прочим, я тебе не писал, но на Клемента клюнула «Сельская новь». Может быть, и удача будет. До завтрашнего ничего узнать не удастся.

6. Мне сейчас тяжело придется: у Ленки неприятности с зубом мудрости — растет через кость десны, придется оперировать.

7. Завтра узнаю все новости, а ты пиши, не задерживай. Все отпишу в ответном. К сему целую крепко, твой Арк. Адке привет. Маме написал.

Письмо Бориса брату, 5 ноября 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Вчера приступом взял кассу Ленфильма (растолкав толпу явных помрежей с голодными глазами и каких-то испитых граждан в архалуках) и получил деньги за I вариант.

Надо понимать, тебе тоже перевели, через недельку проверь и отпиши, если что не так. Деньги, впрочем, плевые — по 260 р. на брата (без учета Лешкиной доли). Адрес моей сберкнижки: <…> — запиши это в свою книжечку[1]. Деньги высылай, черт с ними — с процентами. И выслал бы «Саргассы» — интересно же, а в Лавке у нас она появится через месяц-другой, не раньше.

2. «Сельскую новь» подсекай, раз клюнула. Деньги есть деньги, совершенно так же, как футбол есть футбол. Мне тут давеча позвонили из еженедельника «Строительный рабочий». Я их послал в «Неву», чтобы забрали рукопись ДоУ и напечатали при желании. Платят там, по слухам, ничтожно — что-то вроде 20 р. за лист, но с паршивой овцы, сам понимаешь. Кстати, как там Уральское изд-во? Не написать ли туда? Ведь единственный экз «Злых людей» им отдали! Наш будущий биограф — Миша Лемхин — в отчаянии.

3. Не помню, писал ли тебе о визите московского ти-ви в Ленфильм. Эта редакторша встретилась с Рохлиным, показала ему заявку, и Рохлин сказал, что заявка ему нравится, Стругацких здесь любят и готовы с ними работать, но речь, естественно, может идти только о плане 72-го года. Не знаю уж, какие выводы сделала редакторша. Боюсь, что и заключение договора они отложат до соответствующего года.

4. Мишка Хейфец написал свою статью, я ее перепечатал и оставил себе один экземпляр. Не думаю, чтобы она могла пригодиться нам для нашей статьи. Ведь она написана простым советским журналистом, не понимающим, как это на таких явных марксистов-ленинцев позволяют нападать всяким, мягко выражаясь, невеждам, проявляющим в своих рассуждениях и абстрактный гуманизм, и внеклассовый подход к общественным явлениям, и даже просто непонимание политики партии. Вот, например, отрывок: «Будем говорить прямо: разве только за пограничными столбами существуют люди, убежденные, что достаточно набить брюхо…— и человечество достигнет счастья. А у нас разве не имела одно

[1] Любимая фраза мистера Адамса, персонажа «Одноэтажной Америки» И. Ильфа и Е. Петрова.

время хождение негласная практика, согласно которой производственные успехи автоматически считались идеологическими достижениями? И разве не по этой практике бил октябрьский Пленум 1964 года? И разве не против нее же был направлен написанный тогда же роман ХВВ — роман о первостепенной важности ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ борьбы с буржуазным сознанием!» Сам понимаешь, так писать нам невозможно.

5. Как нам писать возможно, я что-то плохо понимаю. Больше всего ХОЧЕТСЯ писать о критике и в том же стиле, что и первая наша неопубликованная статья на эту же тему. Но писать о критике — это значит писать, во-первых, о критиках, а Синельников против, а во-вторых — писать о себе, о своих книгах, а это будет похоже, словно мы оправдываемся. Значит, надо стиснув зубы написать спокойную академическую статью «Что такое фантастика». Это скучно. Значит, надо вносить полемический элемент — защищать романы-предупреждения, ставить на место утопии, отстаивать право на сатиру. Что ж, можно попытаться. Ты не набросаешь ли, ну, хотя бы расширенного плана? А то я вожусь сейчас с Лешкой, работа премерзкая — сокращаем — очень высасывает.

Ну вот, пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке очень сочувствую. Молюсь за ее зуб и бедную добрую десну. А мамочка всё болеет. Очень это огорчительно.

В архиве АБС есть статья Р. Глаголева, журналиста из Ленинграда, датированная 4 ноября 1969 года. Статья эта, к сожалению, так нигде и не была опубликована. Посвящена она как раз последним критическим работам о творчестве АБС. И только по цитате из письма БНа можно понять, что «Р. Глаголев» на самом деле — это Михаил Хейфец.

Из архива. Глаголев Р. Во имя чего?

1. Обыкновенный парадокс.

Писатель Геннадий Гор недоволен критиками. Они (за редким исключением) из всей многообразной плеяды советских фантастов выделяют только братьев Стругацких…

Надо признать, что в действительности дела фантастики обстоят еще мрачнее, чем это определил Г. Гор: преимущественно книгами Стругацких интересуются не только критики — это бы еще куда ни шло,— но и читатели. Неумолимые данные социологических обследований свидетельствуют: во всех графах читательских опросов — социальных, территориальных и возрастных — Стругацкие уверенно занимают либо первое, либо второе (за Брэдбери или Лемом) место. Их отечественные коллеги остаются далеко позади.

Однако можно предсказать без ошибки, что сами Стругацкие с радостью поддержат пожелание Г. Гора скорее переключить внимание критики на других фантастов. И не только из желания разделить с кем-нибудь бремя своей известности… Налицо парадоксальное, хотя и не редкое явление! Самые популярные в публике фантасты, писатели с европейской известностью, чьи книги в нашей стране раскупаются с поистине космической скоростью, — Стругацкие в последние годы имеют по преимуществу отрицательную оценку в критике.

Как же возник этот странный разрыв читательских и профессионально-критических оценок?

2. Как это делается?

Придется углубиться на несколько лет назад. В историю вопроса, как говорят ученые.

Первой повестью Стругацких, заслужившей отрицательную оценку в критике, была «Далекая Радуга». Вот основной упрек, обращенный к повести и только что повторенный В. Свининниковым в сентябрьском номере «Журналиста»: «Надуманный, из пальца высосанный морально-этический конфликт: кого спасать — ученых ли, чьи знания очень нужны планете, или детей… Трижды прав Ю. Котляр, который заметил в своей критической статье, что такой конфликт решается однозначно при любом общественном строе (спасаются всегда дети.— *Р. Г.*), не то что в коммунистическом будущем».

Оставим на совести В. Свининникова более чем странную оговорку о том, что «при любом общественном строе»

детская жизнь ценится всегда дороже любых знаний, нужных государству. (Он, видимо, плохо знает историю вообще, а историю гитлеровского райха в особенности — хотя об опытах эсэсовских ученых над детьми писали не только в специальных статьях.) Дадим В. Свининникову, как говорится, режим наибольшего благоприятствования: будем считать, что критик думал только о социалистическом строе, при котором детская жизнь, казалось бы, должна цениться выше любых знаний, необходимых обществу.

Внешне этот тезис выглядит красиво. По сути же он является проявлением того самого абстрактного гуманизма, который неоднократно критиковался на страницах самого «Журналиста».

Достаточно напомнить имена пятнадцатилетнего Чекалина, семнадцатилетней Космодемьянской, советских и вьетнамских мальчиков-разведчиков, в литературе — например, Ивана из великолепного рассказа Богомолова «Иван». Во всех этих жизненных эпизодах возникал конфликт, «из пальца высосанный» Стругацкими: взрослые, сильные люди решили, посылать ли им на смерть детей ради знаний, необходимых отряду, корпусу или армии. Посылали детей, испытывая муки, боль, злобу на самих себя, — и все-таки посылали! Потому что отстаивали нечто, в их глазах более ценное, чем даже детская жизнь, — отстаивали социальные и духовные основы своей Родины.

В «Далекой Радуге» возникает конфликт между этими людьми, людьми социалистического сознания, и героями, представляющими взгляды новой эпохи — коммунизма. В ситуации, когда уже никто не посягает на основы справедливого общества — и только тогда! — жизнь ребенка становится абсолютной ценностью. Стругацкие стремились уловить момент духовного перехода людей от социалистических к коммунистическим нормам жизни… А их упрекают, что коммунистические нормы якобы действуют «при любом общественном строе»!

Вряд ли имеет смысл вспоминать здесь критику следующего романа — «Трудно быть богом», так как нынче даже

такой решительный противник Стругацких, как В. Свининников, фактически вынужден признать ее полную несостоятельность. Стругацких упрекали в том, что они отрицали необходимость вмешательства человека в ход исторического процесса. Между тем, как раз идею такой необходимости они вынесли даже в заголовок своего романа!

«Хищные вещи века»… Критическая артиллерия била уже по площадям! Напомним хотя бы аргументы самой последней статьи — реплики в споре А. Белоусова: Стругацкие не имели права «вопреки элементарной логике» (!) разоблачать буржуазную идеологию, не описав тут же социальную структуру «неостроя». Как будто бы задолго до Стругацких учитель советских писателей Горький не написал, скажем, пьесы «На дне», где нет ни слова о финансовом капитале, но которая целиком была направлена против буржуазной этики и идеологии. Право, неловко напоминать такие азбучные примеры доктору филологических наук…

Еще более удивителен второй аргумент А. Белоусова: дескать, мрачная картина распада Страны Дураков, угрожающего всему человечеству, никак не согласуется с традициями советской фантастики, воспевающей человека-творца… Подобно В. Свининникову, А. Белоусов, едва речь заходит о фантастике, превращается сразу в поборника абстрактного гуманизма. Начисто забыто, что человечество даже в будущем встретит неизбежную классовую борьбу, которая по мере усиления социализма будет приносить новые и временами необычные формы. Забыто, что разоблачение буржуазного мира и идеологии (только об этом мире идет речь у Стругацких, это признает и А. Белоусов) вовсе не означает унижения ВСЕГО человечества, а только одного — отмирающего общественного строя (один из персонажей пишет диссертацию о Стране Дураков — «Инстинктивная социология разлагающихся общественных формаций»). С каких это пор в советской критике разоблачение буржуазного мира считается несовместимым с нашими традициями?

Просто по аналогии я представил, как критик, подобный А. Белоусову, разбирает «Щит и меч» Кожевникова:

изображение распада гитлеровской Германии, бесспорно угрожавшей всему человечеству, противоречит традициям возвышенного изображения человека-творца. Нет, такой предельно внеклассовый, асоциальный подход к теме совершенно невозможен в обычной критике! А вот в критике, занимающейся проблемами фантастики, он, к сожалению, возможен.

Последние романы Стругацких: «Улитка на склоне», «Второе нашествие марсиан», «Обитаемый остров» — снова стали мишенями критических упражнений. Не буду подробно касаться «Улитки на склоне», так как роман напечатан не полностью, к тому же частями в двух разных изданиях, еще не известно, как слаженными,— судить о нем трудно. Но даже по напечатанным отрывкам совершенно ясно, что «Улитка», во всяком случае, не имеет ничего общего ни с лагерной тематикой — как это почему-то примерещилось А. Белоусову (он, видимо, просто не читал ленинградского отрывка о Лесе), ни тем более с разгулом технического прогресса, как это полагает В. Свининников.

«Второе нашествие марсиан» — это апокалипсис по А. Белоусову и клевета на человечество по И. Краснобрыжему. Критики просто забыли задать себе элементарный вопрос — каков жанр разбираемого произведения? Им, видимо, кажется, что при разборе фантастики обыкновенные профессиональные приемы уже становятся излишними.

Между тем, «Второе нашествие» — повесть сатирическая. В ней высмеиваются беспринципные приспособленцы, готовые предать Родину ради дешевого пива и сохранения пенсии. А любимый герой авторов — это человек, с оружием и пером борющийся против завоевателей.

Конечно, численно мещане в повести преобладают. Но общеизвестно — у сатиры свои законы. Отнюдь не сравнивая масштабы дарований, напомним, что в «Ревизоре» был тоже собран паноптикум моральных уродов, которым автор не противопоставил даже одного положительного героя. И Гоголя упрекали за это, но реакционная точка зрения не удержалась в памяти потомства.

Только что напечатан «Обитаемый остров», который уже вызвал отдельные реплики критиков.

В. Свининников: «Массовое оболванивание людей при помощи довольно примитивных технических средств во имя каких-то неясных целей». А вот цитата из романа: правители страны — это «группа наиболее опытных интриганов из военных, финансистов и политиков. У них две цели: одна — главная, другая — основная. Главная — удержаться у власти. Основная — получить от этой власти максимум удовлетворения». Во имя этих целей фашистские правители используют управление мыслями на расстоянии. Где же тут НЕЯСНЫЕ цели? И почему ПРИМИТИВНЫЕ средства? И наконец, зачем понадобился Свининникову весь этот вымысел?

А. Белоусов же обнаружил в романе «чрезвычайно путаные, странные рассуждения о крайней вредности для народа единого политического центра». Если читатель по традиции решит объяснить А. Белоусову, что не надо забывать о классовой природе общества, что в романе идет речь о фашистах, против которых борются коммунары, и в таком государстве единый политический центр безусловно вреден для народа — если читатель станет напоминать эту азбуку социальных наук, он в итоге только выпустит в воздух свой полемический заряд. Потому что такому читателю надо просто-напросто потребовать от А. Белоусова номера страниц, где тот нашел вышеуказанные путаные рассуждения. Ибо никаких рассуждений о политическом центре в романе нет. Они с какой-то неясной целью выдуманы А. Белоусовым.

В романе есть Центр. Но это — подземный зал для генераторов излучения. Коммунар находит его и взрывает. Начинается восстание против фашистской клики. Удивительно трансформируются эти события в сознании А. Белоусова!

А вот читательница В. Васильева, в частности, жалуется, что после чтения «Обитаемого острова» ей стало тревожно и тяжко. Конечно, борьба подпольщиков с фашизмом — тема не для любителей оперетты, это трагическая тема. Но если подвиг коммунара, взорвавшего вражескую цитадель и обеспечившего начало восстания,— если такая тема не вызывает

у В. Васильевой ничего, кроме тревоги и тяжести, ей трудно помочь. Тут нужно перестраивать все мировоззрение.

Во всяком случае, такой сюжет у нас вызывает абсолютно другие чувства — те чувства, за которые миллионы советских читателей благодарны братьям Стругацким.

3. Почему?

Но почему определенная группа критиков так несправедлива и пристрастна к творчеству Стругацких?

Их тайное кредо выразила В. Васильева в «Литературной газете»: «Кого и о чем предупреждают романы-предупреждения? Об опасности материального изобилия для человечества? О том, что будущее зависит не от социальной структуры общества, а от человеческой натуры? Но ведь пути развития человечества могут быть разными. И то, что грозит буржуазному обществу, не может грозить нам».

То же самое, по существу, писали В. Сапарин, В. Свининников и т. п. Несмотря на псевдомарксистскую фразеологию и — верю — благие намерения критиков, подобные рассуждения являются глубоко вредными. Если «то, что грозит буржуазному обществу, не может грозить нам» — зачем вообще нужна борьба с буржуазной идеологией? К чему усилия в идеологической схватке, если исход предрешен, независимо от этих усилий, волей истории?

Грубая ошибка критиков очевидна.

В. Свининников наивно полагает, будто в ответ на его грозные вопросы Стругацкие станут оправдываться следующим образом: помилуйте, наши романы не имеют отношения к нашему обществу и борьбе, они касаются «чистых» проблем. Нет, т. Свининников, Стругацкие не могут не понимать, что их романы имеют прямое отношение к борьбе за коммунизм! Книги «вне времени и пространства» не смогли бы привлечь внимание и любовь миллионов советских читателей.

Фантастические произведения Стругацких наполнены живой страстью борьбы за коммунистическую мораль и дух. Будем говорить прямо: разве только за пограничными столбами существуют люди, убежденные, что достаточно набить всем брюхо и надеть яркие тряпки — и человечество достигнет

счастья? А у нас разве не имела одно время хождение негласная практика, согласно которой производственные успехи автоматически считались идеологическими достижениями? И разве не по этой практике бил октябрьский Пленум 1964-го года? И разве не против нее же был направлен написанный тогда роман «Хищные вещи века» — роман о первостепенной важности ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ борьбы с буржуазным сознанием!

А идеи «Второго нашествия марсиан» — обличение мещан, готовых в минуту либеральной оккупации, даже со «свободой печати» (в известных пределах) и дармовыми подачками, стать слугами, бургомистрами и полицаями врага — разве эти идеи имеют чисто абстрактное значение? Разве не клеймят Стругацкие ядом презрения тех, кто готов продать отечество… «марсианам»?

Разве Иван Жилин, покинувший Москву ради борьбы за грядущее счастье Города Дураков, или Максим, спасающий страну Неизвестных Отцов бок о бок с туземными подпольщиками,— разве этот пример интернационализма есть абстрактная картинка, не перекликающаяся с нашей жизнью и борьбой?

Стругацкие — реалисты и сатирики в специфическом жанре фантастики. Это значит, что бюрократы из придуманных ими стран списаны с наших бюрократов; мещане и подлецы в их романах списаны с отечественных мещан и подлецов. Во имя чего? — задают вопрос «бдительные» критики. Во имя того, чтобы уничтожить пошлость, мещанство, предательство и подлость — не в стране Неизвестных Отцов, а в нашей стране! Чтобы в ней торжествовали подвижники-революционеры и ученые, герои и борцы, герои братьев Стругацких, тоже списанные с наших современников, — не надо забывать об этом!

И напрасно В. Свининников пытается противопоставить направлению Стругацких романы А. Н. Толстого. По логике его собственной статьи, А. Толстой писал плохие и вредные романы. В самом деле, в «Аэлите» изображена массовая гибель рабочего класса в момент разгромленного восста-

ния. Разве такое будущее сулит нам история? — должен был бы спросить его В. Свининников. А фашистский диктатор Гарин, который позволяет коммунисту Шельге вести партработу в шахте — разве таковы фашистские диктаторы?! К счастью, А. Толстого от подобных, скажем прямо, неумных вопросов спасло его положение признанного классика советской литературы. Современным писателям избавиться от таких вопросов куда труднее.

«Пошлость — это контрреволюция»,— когда-то сказал Бабель. Мудро сказал. Некоторым современным критикам стоило бы задуматься над этим прежде, чем садиться писать статьи о современной фантастике.

Письмо Аркадия брату, 10 ноября 1969[1], М.— Л.

Дорогой Борик!

Получил твое письмо, хотя из-за сволочной кучи поздравительного дерьма оно шло аж четыре дня. Рад, что могу тебя, наконец, порадовать. Впрочем, все радости осложнены различными НО.

1. Пискунов дал команду печатать ОО и даже сам наложил свою подпись на титульном листе. Доконали его Нина, М. М. и Компаниец, а также, видимо, страх ревизий и иные страхи, о которых мы не знаем. НО! За это время истек срок действия разрешения Главлита (дается на 6 месяцев), и книга снова пошла в Главлит. (Черт, на этом месте явился ко мне солдатик, из наших почитателей. Служит в Москве, дай, думает, зайду. И зашел. И час коту под хвост.)

2. Звонил в «Юность», все там в восторге и собираются ДоУ печатать. НО. Еще не читал Полевой. Ему дали читать на праздники. В среду буду звонить и узнавать подробности.

3. Под Клемента выписали нам одобрение. Деньги будут, видимо, в начале декабря. Не знаю, почему такая задержка. НО. Я сейчас опять читаю правку Хидекельши, и конца этому не видно. Да ладно, нам не привыкать.

[1] Датировка составителей.

4. Деньги и «Саргассы» высылаю сегодня (деньги переводом через сбк).

5. С «Сельской новью» ничего не вышло. Как только появилась статья в «Журналисте» об издании иностранного детектива и фантастики, они в ужасе вернули рукопись. Я отдал почитать в «Вокруг света». Пусть посмотрят, хотя шансов, конечно, немного.

6. Ничего по статье делать сейчас не буду. Встречусь с Синельниковым, поговорю, тогда видно будет.

7. В Новосибирск дам телеграмму. Посмотрим, что к чему. Отчего там такая спешка? Шесть месяцев молчали и вдруг давай, давай-давай!

8. Бэз приложэний[1]. Да, а не пора ли тебе позаботиться насчет Комарова на январьчик-февральчик?

Поцелуй мамочку, привет Адке. Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 13 ноября 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Вчера был на заседании, посвященном обсуждению «Часа Быка». Давно я не испытывал такого недостойного и неприличного удовольствия. Мало того, что большинство выступавших смешивали роман с г… по чисто художественным соображениям. Мало того, что большинство выступавших назвали его бессодержательной графоманской болтовней. Мало того, что даже защищавшие защищали со сплошными оговорками и суть защиты сводилась к просьбе: «Ну не надо уж так беспощадно — Ефремов все-таки». Мало того. Нашлись суки в количестве одной бабы по фамилии Хузе и одного хмыря, который часто у нас бывает, но обычно помалкивает, которые, почуя свой час, поднялись, с партийной прямотой объявили, что роман этот про нас и, следовательно, является идейно вредным. Сам понимаешь, что еще год назад я бы при таких словах вскочил и всё разнес бы, но не теперь. Нет уж, нынче дураков нет — защищать агрессора.

[1] Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 2, гл. 15).

И пришлось защищаться — кому бы ты думал? — автору вступительного слова дорогому тов. Бритикову, который во вступительном слове неоднократно намекал на расплодившиеся антиутопии и изображение в будущем сегодняшнего человека с его плоским юмором и т. д. (по Ефремову). Это было зрелище! Я выступать отказался и сидел с каменным лицом, наслаждаясь редким зрелищем, как загнанный в угол Бритиков, ходя красными пятнами и срываясь на крик, твердит, что это не про нас, да не про нас же, ну ей-богу же не про нас, да что вы все, товарищи!.. Зрелище было жалкое и величественное своей назидательностью. Пусть-ка он <…> поживет в нашей шкурке хоть полчаса! Кстати, Гор выступать тоже отказался, а Дмитревский (затеявший всё это дело) и вовсе не явился, укатил куда-то, ловкач — ну и чутье у человека.

2. Вернулся, а от тебя и письмо, и бандероль. Спасибо. Думаю, что и денежки своим чередом дойдут. Итак, наметились какие-то сдвиги. Что ж, если все это не заранее продуманная афера Пискунова (мол, цензура задержит, а я в сторонке постою), то все вроде бы складывается неплохо. И в Литературке печатают что-то совсем уж бесхребетное. Может, как-нибудь и обойдется. Из Авроры все не звонят, хотя обещали сразу после праздников. Впрочем, возможно, они действительно еще не все там прочитали — редколлегия чудовищная и все должны прочесть — такие там у них порядки: полная коллегиальность и демократия. А там, глядишь, и Полевой что-нибудь положительное решит. Что, впрочем, как-то сомнительно.

3. Между прочим, Брандису звонили из Ленправды. Начальство прочитало рецензию и неуверенно сказало: «Да, все это прекрасно, но как-то неудобно получается: повесть вышла весной, а сейчас уже осень… Знаете, вот пусть выйдет книжка, тогда и дадим!» Чувствуешь?

4. Когда встретишься с Синельниковым, обязательно попытайся выяснить общую ситуацию в ЛитГазе. Но будь крайне осторожен: Синельников <…> первостатейная, молодой многообещающий товарищ.

5. В Новосибирск давай все-таки поедем. Заодно обсудим, что делать дальше, когда встречаться и над чем, все-таки, работать. Но только учти, что мне было бы удобнее 30-го, а не 20-го. Очень я боюсь не успеть закончить второй вариант сценария к 1 декабря.

6. Брандис попросил уже сейчас произвести правку ДоУ для Детгиза. Это не очень к спеху, но лучше сделать заранее, сказал он. Сделаю.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Мамочке стало значительно лучше. Можно сказать, совсем поправилась.

А как Ленка? Привет ей и соболезнование.

P. P. S. Суки, доели-таки Солженицына. А Гранин все же молодец — воздержался[1]. Вот он — будничный героизм сегодняшних времен!

Письмо Аркадия брату, 15 ноября 1969[2], М.— Л.

Дорогой Борик!

1. В самом главном перемен никаких: книга в Главлите, «Юность» помалкивает. Я виделся вчера с Ниной, точных сроков она не знает, но выразила желание, чтобы я был под рукой.

2. В Новосибирск тебе придется ехать одному, причем ехать надобно обязательно. Причем встреча твоя в Доме ученых назначена на 28-е, так что по получении письма поспеши за билетом, а по покупке билета — дай телеграмму. Адрес я тебе говорил, но на случай, если ты его посеял, повторяю: Новосибирск, Академгородок, Дом ученых, Васильеву. Напиши номер рейса (или поезда), в общем, чтобы тебя встретили. Там это у них хорошо поставлено, можешь не беспокоиться. Оденься потеплее.

3. Мне передали вопросы, на кои новосибирские ученые жаждут услышать ответы:

---

[1] На заседании Секретариата правления СП РСФСР 5 ноября 1969 г., утвердившем решение Рязанской писательской организации об исключении А. Солженицына, Д. Гранин был единственным воздержавшимся из членов Секретариата, однако позже был вынужден отозвать свой голос.

[2] Датировка составителей.

1. Научная фантастика и гуманизм.
2. Панорама современной научной фантастики.
3. Величие и падение научной фантастики.
4. Много ли фантастической литературе надо.
5. Зачем читать научную фантастику.

Как видишь, не весьма глубокомысленно. Но бодягу подразвести можно. А вообще, судя по моей поездке, ты с большой пользой и интересом проведешь там время. Так что не огорчайся, что мне нельзя с тобой.

4. Телевидение. В основном, дело сводится вот к чему. Я тебе уже рассказал, но с тех пор я имел еще один разговор с нашим редактором (будущим). Им нужна рассчитанная на годы программа передач для юношества 12–15 лет, раз в месяц, 30 минут передача, имеющая целью, как я понимаю, развитие у мальков не просто интереса к науке, а чувства ответственности за нее и ощущения необходимости знать как можно больше, дабы оставлять как можно меньше места всякого рода неучтенным по невежеству неприятным случайностям. Практический материал для этого, конечно же,— загаживаемая природа нашей планеты и ее ближайших окрестностей. Как видишь, цели формулируются с трудом, но там они и сами плохо представляют, что им нужно. Важно только, чтобы было увлекательно и с юмором. Я уже неделю пытаюсь писать заявку, но как-то плохо выходит. Нужно, понимаешь ли, съехать на задницах и не занозить ни одной. Дать хотя бы три либретто на ближайшие передачи, а потом содержание будет корректироваться письмами зрителей. Каждый сценарий занимает до 15 стр. и платиться за это будет 300 руб (есть еще расценка 225, но мы это прекратим). Если мне удастся представить заявку до 25-го, тогда, возможно, тут же и договорчик. Вот какое положение. В заявке должно быть все: герои (постоянные и периодические), ситуации, загадки для их последующего разрешения. Если будут мысли, напиши. Я же со своей стороны попытаюсь дать хотя бы официальную часть заявки.

5. Говорил с Ариадной, она была в ЛитГазе в понедельник. Ситуация такая. Все трепещут. Ими недовольны старшие.

Будут статьи Лема, Громовой, Нудельмана, возможно, и Ефремова, затем подборка-две читательских писем и редакционное заключение. Кончают они где-то в январе. Ариадне не нравится, что мы не хотим писать статью, но, повторяю, с указаниями о том, чего не должно быть в нашей статье, полученными мною от синельниковских сотрудников и самого Синельникова, и без всяких позитивных предложений я просто не представляю себе, что нужно. Это не говоря уже о том, что политически выгоднее, наверное, не писать ничего. А уж чего нам не разрешают! Отлаиваться нам не разрешают. Фамилий упоминать не разрешают. Теоретическая статья не желательна. Практические вопросы издания фантастики задевать недопустимо. Что же остается? Ну как что? Это… как его… Щелкают пальцами и в затруднении останавливаются.

6. Колченога встретил вчера в ЦДЛ, куда ходил встретиться с Ниной (она работает в парткомиссии у них, от горкома). Старик был встречей обрадован, но поговорить не удалось. Разошлись и потом просто уже потеряли друг друга из виду.

7. Скандал у вас с «Часом Быка» мне, честно говоря, не очень нравится. То есть это хорошо, конечно, что ты промолчал, но есть в этом нечто тревожное, нехорошее, это я кожей чувствую.

8. Хочется работать.

9. Хочется плюнуть на всё и работать над ГО, даже над ПП.

10. Очень хочется.

Всё. Целую и жму. Твой Арк.

Поцелуй мамочку, получила ли она письмо? Привет Адке. А увидимся где-нибудь в декабре обязательно. Есть кое-какие мысли, как это сделать. Вернешься из Новосибирска, свяжемся.

21 ноября в «Советской России» выходит статья о важности патриотического воспитания, в которой помимо отдельных публикаций военной и реалистической прозы упоминается и ВНМ.

Из: Мажаев Ф., Зазерский Е.
Литература и ратный подвиг

<…>

Прямое отношение к патриотическому воспитанию молодежи, конечно, имеет не только военная тема. Патриот — эта всегда человек высоких нравственных качеств. По существу, каждое произведение, которое учит верности коммунистическим идеалам, любви к Родине, уважению к прошлому народа, тем самым одновременно воспитывает и готовность к подвигу. Тем удивительнее, что в некоторых наших издательствах подчас словно бы забывают это и неосмотрительно предоставляют трибуну откровенной проповеди цинизма и безыдейности.

Критиками уже замечено, что писатели-фантасты Борис и Аркадий Стругацкие последнее время стали допускать в своем творчестве серьезные идейные просчеты. Перечитайте хотя бы опубликованную издательством «Молодая гвардия» новую повесть Стругацких «Второе нашествие марсиан». В этой повести патриотизм, воинские доблести стали для авторов мишенью, в которую нацелены их сарказм, насмешка, ирония.

«Этот Полифем жить не может без патриотизма,— потешаются Стругацкие над одним из своих героев.— Без ноги он жить может, а без патриотизма у него не получается». Авторы повести с удовольствием рисуют панику, неразбериху, которые воцаряются в «стране без названия» при известии о нашествии марсиан. Что хотели сказать Стругацкие? Какие идеи их вдохновляли? И как можно глумиться над святыми для каждого человека понятиями?

<…>

Письмо Бориса брату, 25 ноября 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Послезавтра отбываю в Новосибирск. Билет взял еще 18-го, тогда же и телеграмму послал. Ехать неохота ужасно — семь часов на самолете, ошалеть можно! Вот если бы

мы с тобой летели — тогда бы мы эти семь часов и всё последующее время использовали бы на все сто: обговорили бы всё, обдумали. Ну да ладно.

2. Из «Авроры» молчат. В пятницу на той неделе звонили и обещали — кровь из носу — дать окончательный ответ в понедельник-вторник. Но пока — ничего. Впрочем, знакомые говорят, что в газетке «Радио-телевидение» уже была реклама: «Аврора» обещает в 70-м новую поэму Евтушенко и новую повесть бр. Стругацких «Звездный час инспектора Глебски». Впрочем, я не слишком огорчаюсь их молчанием. Меня интересует «Юность». И с «Авророй» я намерен разговаривать жестко: никаких сокращений, печатайте мелким шрифтом, ну, насчет неофашистов… ну, это можно, хотя тоже, знаете ли… В общем, начну переговоры и буду сдавать позиции постепенно, а там, глядишь, и с «Юностью» прояснится: появится возможность четкого выбора. Посмотрим, посмотрим — только б Литературка не подгадила.

3. Был у меня тут Нудель. Нагнал на меня страшную тоску, взбудоражил мою и без того израненную совесть, защитил диссертацию и исчез. Забавно, что согласно его информации картина в ЛитГаз совсем не так сосредоточенно страшна, как мне казалось раньше. Занимаются дискуссией спустя рукава, что печатать не знают, консультируются у Громовой, и вообще создается впечатление, что приказа РАЗНЕСТИ Стругацких у них нет. В крайнем случае, есть указание НЕ ХВАЛИТЬ Стругацких. Это уже нечто (если так).

4. Давеча вдруг вваливается почитатель наш из Тулы с огромным тульским пряником. Приятно было. И вкусно (имеется в виду пряник, натурально, а не почитатель).

5. Работать мне хочется тоже. И причем именно над ГО. Приеду, спишемся и встретимся ОБЯЗАТЕЛЬНО. А на январь я уже подал заявление в Комарово.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и ее зубу — привет!

Письмо Аркадия брату, 2 декабря 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Вчера распространился слух, что «Юность» берет ДоУ и будет печатать во второй половине следующего года. Официальных подтверждений я пока не имею, если мне не позвонят на днях оттуда, буду звонить сам. А слух был, что стояла очередь у кофеварки в ЦДЛ, и Озерова (завхудлит «Юности») гордо об этом объявила, в ответ на что послышались восхищенные возгласы соседей, похвалы смелости журнала (Озерова, якобы, сказала: «Ну вот, Стругацких напечатаем, можно будет и закрываться»), а кто-то из задних рядов, вздохнувши, вымолвил: «Вот и «Простор» тоже пьесу Пастернака дает»[1]. Плюнуть хочется, какая бредятина!

2. Относительно ОО все по-прежнему. Но Нина излучает уверенность.

3. ЛитГаз допекает меня со статьей. Я решительно объявил, что в дискуссии участвовать мы не будем, и тогда Синельников предложил написать статью о своем творчестве. То есть там эти болтуны все рассуждают теорехтически, а вы-де без всяких ссылок на дискуссию напишите, как фантасты работают прахтически. Сегодня я с ним должен встретиться окончательно и всё обговорить. Либо окончательно откажусь, либо все-таки напишем. Был у Ариадны с Нуделем, видел черновики их статей. Головастый парень этот Рафка! Одну его статью поместили бы, и никакой тягомотины с дискуссией уже не надо было бы. Возражать ему решительно невозможно — в открытой прессе, во всяком случае. А вот пойдет ли его статья — это вопрос.

4. Как ты съездил? Отпиши подробно. А что в Комарово заказал на генварь, так это здо-орово, эть хорошо. Кстати, не забыть бы сегодня спросить Синельникова, заказали ли они статью Ефремову. Что-то об этом я нигде не слыхал.

Все пока. Обнимаю, жму. Твой всегда брат Арк.

Да, денег из Ленфильма я не получил. А получил ли ты деньги от меня, 850 руб.? Отпиши. Привет Адке.

[1] Пастернак Б. Слепая красавица // Простор (Алма-Ата).— 1969.— № 10.

3 декабря в рамках дискуссии о фантастике в «Литературной газете», кроме отрывков из писем читателей, публикуется статья Станислава Лема, в которой известный польский фантаст рассуждает о западной фантастике, противопоставляя ей творчество АБС.

Из: Лем С. Литература, проецирующая миры

<…>

Как известно, фантастика в США, Англии, а за последнее время — и в Японии достигла высокого уровня развития как в количественном, так (в лучших образцах, разумеется) и в качественном отношении. Фантастика Италии, Франции и некоторых других стран выглядит пока что не вполне самостоятельной, учится на англо-американских образцах.

Но при всем тематическом и жанровом разнообразии англо-американской фантастики там очень заметно то, что я назвал бы «параличом социального воображения». Там пока совершенно невозможны произведения типа «Трудно быть богом» или «Обитаемый остров» А. и Б Стругацких. Когда англо-американские фантасты пишут об отдаленном будущем, у них проявляются две крайности — либо они представляют его совершенно «черным», либо совершенно «розовым».

<…>

Письмо Бориса брату, 8 декабря 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Закрутился я по приезде, как белка, и хотя письмо от тебя получил довольно давно, отвечать собрался лишь сейчас.

1. Мы с Лешкой закончили второй вариант и сдали его в объединение. Сейчас сидит над ним редактор, а нас уже осенила еще одна идея, и Лешка потребовал ее немедленного осуществления, а потому все праздники мы с ним сидели и переделывали вариант заново (суть идеи в том, что инспектор попадает в отель не случайно, а по вызову, каковой вызов поначалу кажется ложным, а потом оправдывается. А вызвал, выдав себя за хозяина, естественно, Мозес).

Теперь в течение декабря должен решиться вопрос, примут они второй вариант или нет.

2. Съездил я хорошо, если не считать мучений с самолетами. Встречали в Академгородке на ура, выступил пять раз (в ИЯФе, в малом зале Дома ученых, перед группой философов, в ФМШ и в большом зале ДУ), отклонил еще кучу приглашений (перед школьниками Новосибирска, в Студии актера, перед студентами физфака, в клубе «Прометей» и т. д.), присутствовал на интересной встрече с задней частью барана у Володи Захарова, ознакомился с системой иерархии и вообще было интересно. Подробности обсудим при встрече. Популярность у нас там громадная, что было приятно, но еще приятнее было познакомиться с ребятами — с Володей, с Сережей Андреевым, с Гришей Яблонским.

3. Четвертого звонили мне из «Авроры». Я объяснил, как обстоит дело, обложил Аркадия, «начисто утерявшего патриотические чувства и держащего мазу за Москву», и всё вроде было шито-крыто — пути к отступлению есть. Договорились, что возобновим разговор и всё решим числа 15-го. Так что нажми там, а то как бы не остаться на бобах.

4. Есть предложение: встретиться на три дня и обсудить положение и планы. Конкретно — приезжай в любой четверг на дневном и проведем у мамы пятницу-субботу-воскресенье. Больше нам пока не понадобится. Обратно и я могу приехать к тебе, да удобно ли? Тесновато у вас все-таки. Разве что я остановился бы у кого-нибудь. Тут Нудель был, так он нарисовал массу перспектив, у кого можно остановиться. Вот обдумай все это и решай.

5. Теперь насчет денег. Я все выяснил в бухгалтерии Ленфильма. Гонорар на сумму 265 руб. был переведен тебе 6 ноября по адресу: <…>. Сходи в свою сб/к и выясни, в чем дело. Если еще что-нибудь зависит от меня — напиши. На всякий случай телефон финансового отдела бухгалтерии Ленфильма 38–51–98, спросить Елену Самойловну.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Для подготовки переписки Авторов к настоящей публикации необходимо было атрибутировать все имеющиеся в письмах персоналии. Об ученых, фамилии которых упомянул БН в предыдущем письме, составителям рассказал историк клуба-кафе Академгородка «Под интегралом», первый его «премьер-министр», Герман Безносов. В частности, он указал место работы Сергея Андреева, физика и альпиниста, человека, не чуждого и литературе, безвременно погибшего при научном эксперименте,— Институт ядерной физики. Это натолкнуло на мысль: а не является ли Андреев автором рассказов «Позавчера», один из которых процитирован в ПП Витицкого? Там еще сказано про них так: «Серию «Позавчера» он позволил себе оставить. Эту серию года два назад Жека Малахов привез из Новосибирска — сочинение тамошних ребят из будкеровского ИнЯда: маленькие, по двадцать-тридцать строчек, рассказики, каждый из них начинался словом «Позавчера…», и описывались там события совершенно современные, но как бы происходящие в царской России». БН на наш вопрос ответил уверенно: «Я действительно был в Академгородке и, кажется, именно в 69-м. Действительно, познакомился там и приятно пообщался с Володей Захаровым и Сережей Андреевым. Безусловно, с восторгом читал у них «Позавчера» и даже увез листочки в Ленинград (потом давал читать Мише Хейфецу, при обыске эти тексты у него изъяли, и впоследствии я, по-моему, видел их на столе у следователя)».

Мы порадовались за авторов, предусмотрительно не обозначивших себя на титуле своих миниатюр и избежавших тем самым общения с Большим Домом, но не попробовать отыскать эти миниатюры просто не могли. Герман Петрович снабдил нас адресом вдовы Сергея, Татьяны — и что же вы думаете? — листки с рассказами чудесно у нее нашлись! БН подтвердил: это именно те рассказы, отметив, правда, что присланный Татьяной Николаевной вариант немного отличается от памятного ему. Авторство Андреева и Захарова теперь отмечено в «цитатнике» по произведениям АБС. А сами рассказы вошли в единственный сборник Андреева «Дым отечества» (Новосибирск: ИД «Сова», 2007. См также http://rusf.ru/abs/ludeni/candpoz0.htm), который помог выпустить Татьяне друг Сергея, Евгений Вишневский. (Мы упоминали это издание в предыдущем нашем томе.)

Нет уже с нами ни Сергея, ни Татьяны Андреевых, нет и Германа Безносова. Но мы рады упомянуть этих чудесных и талантливых людей, тепло принимавших у себя АБС. Их — в отличие от записных критиков, столь щедро представленных на страницах настоящего издания,— радовали книги Авторов. Вероятно, именно себя видели они в магах из НИИЧАВО, ведь именно за ПНВС они удостоили Авторов премии «Под интегралом».

А еще из поездки в Новосибирск БН привез школьную тетрадь с сочинением ученика ФМШ Сергея Ларионова на тему «…И вечный бой, покой нам только снится!» по роману ТББ и с дарственной надписью: «Борису Стругацкому от учеников и преподавателей ФМШ, г. Новосибирск, Академгородок, 30 ноября 1969 г.»

8 декабря в киностудии «Ленфильм» рассматривается сценарий ДОУ.

Из архива.
Редакционное заключение по сценарию ДОУ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
редсовета 3-го творческого объединения
киностудии «Ленфильм»
по литературному сценарию А. и Б. Стругацких
«Дело об убийстве»

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

8-го декабря с. г. состоялось обсуждение Вашего сценария на редсовете 3-го творческого объединения, на котором Борис Натанович присутствовал.

Сценарий, по общему мнению, стал стройнее, компактнее. Композиция его, претерпев существенные изменения, теперь не вызывает сомнений. В результате этой работы сценарий сократился до нормальных размеров.

Но в процессе обсуждения, как Вы знаете, появился целый ряд интересных сюжетных подробностей, развитых в разговоре Борисом Натановичем и режиссером А. Ю. Германом. Мимо них пройти — было бы огорчительным, не воспользоваться ими — жалко. Вот почему мы просим Вас продолжить работу над третьим вариантом сценария.

Нас давно уже смущало то, казалось бы, частное и достаточно вкусовое обстоятельство, что инспектор полиции Петер Глебски появлялся в сценарии вне своих служебных функций. Ваше предложение о «ложном» вызове, объясняющее приезд инспектора в отель, кажется нам очень заманчивым.

Во-первых, оно с первых же кадров создаст атмосферу тревоги.

Во-вторых, драматургические ходы станут острее, напряженнее, что немаловажно в сценарии детективного жанра.

В-третьих, закономерное, а не случайное включение инспектора в фантастический сюжет сделает психологически объяснимой позицию инспектора в финале сценария: поставленный с самого начала в обстоятельства расследования, Петер Глебски гораздо менее способен на отвлеченные предположения, чем, например, Симонэ или хозяин — «шоры мешают».

Кроме того, просим Вас вместе с редактором произвести освобождение сценария от затянутостей и необязательных слов в диалоге.

Работа Вам предстоит ясная по задаче, но кропотливая. Поэтому просим Вас сдать третий вариант сценария «Дело об убийстве» до 1 февраля 1970 года.

Желаем Вам успеха на этом последнем, как мы надеемся, этапе работы.

С уважением

Гл. редактор 3-го творческого объединения Я. Н. Рохлин

Редактор С. Пономаренко

9 декабря 1969 г.

И в декабре АБС встречаются в Ленинграде на три дня — необходимо написать статью для дискуссии в «Литературной газете».

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Объединить «Седьмое небо» и «ГО». Ад — город. Чистилище — Управление, боги. Рая нет, все ищут туда дорогу. Потом оказывается: рай: — это Земля.

Рассказ о получении из космоса SOS.

10.12.69

[дневник приездов: 10.12.69. Приезд писать статью и обсудить ГО.]

Приехал Арк в Лрд.

11.12.69

[дневник приездов: 11.12.69. Написали статью для дискуссии в ЛГ.]

Пишем статью для ЛитГаз.

12.12.69

Закончили статью для ЛитГаз.

Главы биографической части:

а. Голод, блокада — шахматная партия дек. 41 г., 13 лет.

б. аспирантура, по дороге в экспедицию отстал от поезда — село, управляемое мертвецами, лето 52 г., 24 г.

в.

13.12.69

[дневник приездов: 13.12.69. Отъезд.]

Арк уехал.

Телеграмма Аркадия брату, 15 декабря 1969, М.— Л.

ДОГОВОР ЮНОСТЬЮ БУДЕТ ДО НОВОГО ГОДА ПУБЛИКАЦИЯ НАМЕЧЕНА ИЮЛЬ СЕНТЯБРЬ СОКРАТИТЬ СОРОК СТРАНИЦ ОТНОШЕНИЕ ПРЕКРАСНОЕ ЦЕЛУЮ = АРК

Письмо Аркадия брату, 16 декабря 1969, М.— Л.

Дорогой Борик!

Итак, обручились с «Юностью». Прихожу это я туда, заглядываю к Озеровой, она занята, говорит, подождите минутку. Жду. Коридор узкий, стою на проходе, сотрудники бегают и с холодным недовольством меня оглядывают. Потом одна сотрудница какого-то хмыря к Озеровой провела, опять жду. Через минут двадцать, наконец, захожу. «Садитесь». Сел. «Ну, что?» Я на нее вытаращился. «Виноват,— говорю,— это я хотел спросить вас — ну, что?» Она сморщилась. «Напомните, о чем вы?» Короче, не узнала меня. Да и не мудрено, один раз мы виделись, я бы ее тоже не узнал, если бы это не был ее кабинет. Дальше пошло легче. Она прочла мне рецензию Полевого. Пункты такие: 1. Вещь хорошая.

2. Надо еще много работать. 3. Надо сократить страниц на 40. 4. Надо убрать космополитизм и добавить классовой борьбы. 5. Есть детектив Агаты Кристи, там тоже горный отель и есть даже скандинав, и это надо прекратить. Я понял, что это нам не подойдет, и стал готовиться к отступлению. Так и так, мы бы и рады, но нужны деньги, «Аврора», то, сё… Она мне: «Да, я знаю, Никольский у меня был в прошлую пятницу. Но зачем вам «Аврора»? Вы огорчились отзывом Полевого? Не огорчайтесь. Из всего, что он сказал, значение имеет только требование сократить на 40 стр. Остальное вы без труда уладите с ним при личной встрече. Он очень хотел с вами встретиться, мы вам звонили, но вас не было. Сейчас он в Африке, вернется на той неделе, и все будет хорошо. Вот, прочитайте другие рецензии, а я пойду к Преображенскому насчет договора». Дала она мне пук рецензий, все хорошие, замечания разные и по мелочам, но все единодушно требуют сократить страниц на 40–50: одни прямо и без экивоков, «Юности»-де таку-сяку длинну второплановую вещь не поднять; другие с обоснованиями, затянута-де экспозиция, то-сё… Ладно. Возвращается Озерова и говорит: Преображенский кого-то принимает, но горячо подтвердил ей, что договор будет до Нового года, а вещь пойдет в трех номерах, начиная с июля. Я было стал откланиваться, как вдруг в коридоре зазвучали голоса, и Озерова сказала: «Ага, а ведь это Воронов пришел». И выскочила. Видимо, в коридоре она сказала вслух, что у нее сидит Стругацкий, потому что те самые сотрудники, которые столь холодно меня разглядывали полчаса назад, стали горячо заглядывать в кабинет. И вскочила молоденькая толстушка, которую Озерова отрекомендовала как дочь Лагина и которая, видимо, будет нашим редактором. А затем и Воронов Владимир Ильич подоспел, толстенький молодой человек в очках. «Нечего вам в «Авроре» делать,— заявил он.— Всё будет у нас. Договор до Нового года при любых обстоятельствах, а непомерные требования Полевого — это не существенно, ибо Полевой — максималист, и у него считается, что надо спрашивать с автора много, тогда автор хоть немножко сделает». С тем

я и откланялся. Просили меня позвонить насчет встречи с Полевым и договора в след. понедельник.

Вот такие дела. Оттуда отправился я в ЛитГаз, отдал нашу статью и статью Мишки (у меня такое впечатление, что там ее в глаза не видели) и сказал им, чтобы они Мишкину статью проштудировали, дабы взять на вооружение готовую аргументацию. Мне сказали, что Казанцев ходит и угрожает всякими карами со стороны ЦК, но они якобы не боятся. Пришла к ним еще статья Кагарлицкого. Будут еще статьи, так сказать, для равновесия, без этого они не могут.

Пока всё. Жму, целую, твой Арк.

Поцелуй мамочку, привет Адке.

Да, получил письмо от Кана, сейчас отвечу.

Письмо Бориса брату, 18 декабря 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Итак, все кончено: с «Авророй» я расстался. Они было ко мне с упреками, но я пук![1] — а с Евтушенкой сразу договор заключили, а?.. Кстати, любопытная деталь: Колченог наш немедленно отмежевался и заявил, что сам в первый раз слышит о «Юности» (это — не мне, конечно, а редактору, который ему жаловался). Ну да ладно, лишь бы у тебя все кончилось благополучно.

Был я на Ленфильме, сидел с редактором. Не особенно, впрочем, сидел: было не до того. Дело в том, что под марку сокращения управленческих штатов начальство пытается разогнать 3-е объединение (то, где мы), как наиболее прогрессивное и несдающееся. Нас это мало касается, свои проценты мы получим (если нам вообще суждено их получить), но сам по себе факт малоприятный. 3-е объединение сделало не так уж много (но в том числе такой отличный фильм, как «Города и годы»[2]), но оно собрало вокруг себя отличные авторские и режиссерские силы — здесь

[1] Илья Михайлович Ошанин очень любил цитировать этот (неумелый чей-то) перевод из китайского: «Она к нему с упреками. Он же ей, ПУК цветов подарив, так сказал…» — *БНС.*

[2] Оговорка БНа. В. Соколов поставил к/ф «Друзья и годы». «Города и годы» — роман К. Федина.

и Окуджава, и Войнович, и Володин, и Лешка, и Соколов, который ставил «Города и годы». Мы вот там прижились было. Грустно будет, если разгонят. Впрочем, акция это незаконная, и они надеются отбиться.

Звонили из «Строительного рабочего», извинялись, что пропихнуть ДоУ не удалось, а на другой день звонили из газеты фирмы «Скороход», просили что-нибудь небольшое по размерам, а что я могу дать? Пришлось зарубить…[1] то бишь отказать. Кстати, прислал бы мне «Бедные, злые»: я обещал какой-нибудь рассказик «Авроре» — в виде неустойки.

Я привел в божеский вид ДоУ для представления в Лендетгиз, а также ответил на твои письма. К сожалению, я забыл у тебя взять то, что намерен был взять, но зато второпях набрал кучу писем, адресованных лично тебе, да еще вдобавок не имеющих обратного адреса.

Вот, пожалуй, и все мои дела. Читаю новую повесть Меерова — ничего себе, лучше «Кристалла»… иностранцы, впрочем, в изобилии какие-то.[2]

Пока всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Письмо Аркадия брату, 26 декабря 1969, М.— Л.

Дорогой Борик.

Не писал долго, потому что ждал событий — беседы с Борисом Николаевичем[3] и возвращения Нины из Малеевки.

1. Вчера, наконец, встретился с Борисом Николаевичем. Должен признаться, впечатление он производит не ахти. Сначала он долго гундел, что ДоУ напоминает ему какой-то детектив, не то Сименона, не то Кристи, и что это надобно прекратить. Затем утверждал, что его неприятно поразили сексуальные моменты, связанные с половой неопределен-

[1] Анекдот: «Встречаются два ковбоя: — Ну, как дела? — Хреново, жена ногу сломала.— И что же? — Пришлось пристрелить…» Вариация «Пришлось зарубить» встречается в миниатюрах «Позавчера» С. Андреева и В. Захарова.

[2] Отсылка к рассказу А. Чехова «Чтение»: «— Четыре раза уже начинал, <…> но ничего не разберу… Какие-то иностранцы… ».

[3] Полевой (Кампов) Борис Николаевич, писатель, гл. редактор «Юности».

ностью Брюн. При этом он все время хвастался, что читает много западных детективов и что сам по себе он вовсе не ханжа. Затем он потребовал, чтобы был внесен социальный момент, иначе вещь получается безделушкой, ни о чем, пустышкой и пр. Наконец, что вещь надо сократить: в отдельное издание она ложится вполне, а в журнале ее надобно урезать. Тут же присутствовал его заместитель Воронов, который ему поддакивал во всем, за одним важным исключением: там, где Б. Н. предупреждал, что это все потребует серьезной работы, Воронов быстренько замечал, что здесь один-два штриха, за часок сделаете. Моя ответная речь — отрицание связи с любимым детективом и утверждение наличия главного социального элемента: неспособности буржуазного мышления справиться с новыми явлениями — для Б. Н. прошла впустую, он словно бы и не слышал. Но Воронов меня поддерживал, а когда я сказал о превращении гангстеров в неонацистов, это как будто и решило дело: Б. Н. вздохнул с облегчением, величественно подал мне руку и заверил меня, что он сам нас читает и его младший сын (студент) тоже нас читает. На сем я торопливо потребовал денег, в ответ на что он дал указание Воронову немедленно после Нового года заключить договор, ибо — объяснил он уже мне — сейчас в изд-ве «Правда» ревизия, и никто там журналом сейчас заниматься не будет. Мы с Вороновым вышли, и там он сказал мне: зайти 4 января с заявлением (это вроде заявки), тут же на месте будет составлен договор, печатать намерены, начиная с июня, переработанную рукопись представить не позже середины февраля. Сейчас они сдают мартовский номер. Так что придется нам с тобой посидеть над этим делом в январскую встречу в Комарове.

2. Позавчера позвонила Нина. Дело на мертвой точке. Хмыри в этом учреждении намекнули Компанийцу, что потребуется значительная переработка, выразив сомнение, пойдут ли на это авторы. Компаниец заметил, что это уже дело издательства. Короче, они сейчас с Ниной ожидают вызова, где и будет проведена беседа. Когда это случится, бог знает. Явно, что до Нового года ничего не будет.

3. Не забудь прислать материалы по ГО.

4. Звонили с Диафильма, там нам еще положены деньги, видимо — по переизданию нашей ленты. Рублей по 50. Я от твоего имени дал им заявление на перевод на твою книжку.

Вот все дела.

Поздравляю и проч.

Жму, целую, твой Арк. Привет Адке. Поцелуй маму.

Письмо Бориса брату, 28 декабря 1969, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

На предпоследнее письмо твое я не ответил, ибо, во-первых, нечего было в общем-то писать, а во-вторых, свалился в гриппе и лежу по сей день. Впрочем, все это суета.

1. ДоУ мы, конечно, переделаем, но, естественно, не раньше, чем будет заключен договор, и уж, само собой, потратим на эту бодягу никак не более двух дней. Вопрос: когда? Раньше я думал, что закажу Комарово числа с одиннадцатого, но теперь обстоятельства складываются так, что придется заказывать числа с шестого, ибо, как выяснилось, предок, который привезет Андрюшку из Киева, не станет у нас задерживаться дольше, чем на пять-семь дней. Завтра-послезавтра я пойду в Литфонд и попытаюсь заказать путевку. Результат телеграфирую (телеграмму ты, возможно, получишь раньше, чем это письмо).

2. Третье объединение Ленфильма распустили, да так быстро, что мы даже рот не успели закрыть. Наш сценарий передан в 1-е объединение, где худрук Хейфиц (фантастики не понимает), а главред Фрижа[1] (фантастику не любит). Лешка, впрочем, рассчитывает, что остатние 15 % за второй вариант вырвать удастся, а там надо подаваться на телевидение. Я не возражаю. Я удовлетворился бы и 15 процентами без всякого телевидения.

3. Теперь материалы по ГО. Даю выборочно.

Эпиграф: «Как живете, караси? — Хорошо живем, мерси!»

Возможные замыслы Эксперимента: 1. Подготовка колонизации (изучение психологии будущих рабов). 2. Беско-

[1] Гукасян Фрижетта Гургеновна — главный редактор «Ленфильма».

рыстное исследование возможностей вида Хомо Сапиенс; разумен ли человек? 3. Отбор наилучших представителей для контакта (Кто останется, найдя выход, тот и годен). 4. Попытка помочь человечеству, отбирая выживших как будущих преобразователей.

Город населяют завербованные. Принцип вербовки: стремление споспешествовать счастью человечества. Почему вербуются люди: 1. Коммунистический альтруизм. 2. Идеалистический альтруизм. 3. Отчаяние личное (простодушие). 4. Отчаяние социальное (на социологической основе: человечество бессильно). 5. Богоискательство (прямое служение богу). 6. Научное любопытство. 7. Авантюризм. 8. Хитрость (стремление погреть лапы в надежде на будущие блага).

Герои.

Андрей Михайлович Воронин, род. в 1928, астроном, неудачливый аспирант, инженер-эксплуатационник по счетным машинам;

Юрий Константинович Давыдов, род. в 1905, комбайнер, ветеран войны, десантник, надоел бардак, противник войны;

Сельма Нагель, род. 1935, без опр. занятий, бывший фокстейлер, в поисках положительного идеала, Швеция;

Фридрих Гейгер, род. 1905, ветеран войны, связист, разорившийся миллионер, пацифист, ФРГ;

Кэнсиро Убуката, род. 1925, переводчик с английского, изд-во «Хаякава» — идеалист с авантюрной жилкой, агрессивен и неосторожен, Япония;

Ван Ли-хун, род. 1928, учитель из Пекина, удрал куда глаза глядят, КНР;

Доналд Купер, род. 1920, социолог, выпускник Гарварда, идеалист, США;

Человек, который на свой страх и риск построил радиотелескоп и наяривал в Космос СОС; убежден, что все происходящее — следствие его деятельности. (Сумасшедший?);

Человек, сосланный сюда после смерти — в ад (так он лучше сыграет, чем в притче);

Еврей, непрерывно хихикающий и потирающий потные руки, первый, кто понял, с чем имеет дело и чем все кончится, учитель и главный объект первоначальной ненависти нашего героя. Прообраз — Миша Х.

Путь героя. Профессии: мусорщик — следователь — нарком просвещения — продавец в продлавке — редактор газеты — шпион — нарком обороны.

Путь каждого горожанина: энтузиазм — тупая вера — сомнение (отсюда первый тупик: равнодушие и приспособление) — ужас (тупики: самоубийство; внутренняя эмиграция) — ненависть — террор или холодное расследование.

Обстоятельства образа жизни. По ночам из скорбного дома выпускают на улицы сумасшедших — местных и привозных (один из привозных был посажен на Земле за политику и здесь ищет контакты). Шайка предприимчивых объявила себя богами, издают законы и требуют подчинения. Нищие и кладоискатели. Бродячие проповедники (сатанизм и толстовство). Церкви и секты. Десять казней египетских: превращение воды в кровь; нашествие гадов и гнуса (крысы, стада павианов); мор на скот (грибок, поражающий продукты); кожные болезни у людей (слепота, потеря осязания); град побил урожай; саранча; тьма (не взошло однажды солнце); смерть всех первенцев от людей до скота (угроза войны). Где-то далеко за развалинами прежних поселений Град Второй — антагонист, угроза.

Притчи: «Дом», «Страна, управляемая мертвецами», «Шахматы», «Похититель душ» (не лучше ли и его сделать одним из героев); «Горилла, лев и попугай».

Варианты конца: 1. Находят выход, всех выводят, а сами остаются исследовать исследователей; 2. Боги сами попадают в ловушку и не знают, как выбраться.

Фундаментальные задачи: 1. Придумать конец. 2. Всё показать глазами героя, чтобы психология читателя менялась вместе с психологией героя.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]
P. S. С Новым годом всех! И пусть нам повезет.

В этом году у АБС вышло переиздание СБТ в престижной и многотиражной «Библиотеке приключений» издательства «Детская литература». Сокращенный вариант ОО напечатал журнал «Нева» (№ 3–5).

Удалось опубликовать предисловия в 16-м томе «Библиотеки приключений» (Кларк А. Лунная пыль; Азимов А. Стальные пещеры), в книге серии «Зарубежная фантастика» (Нортон Э. Саргассы в космосе) и в книге, изданной в Одессе (Львов А. Две смерти Чезаре Россолимо).

В этом году были опубликованы переводы АБС: вновь Кобо Абэ «Совсем как человек» (под псевдонимом С. Бережков) и Эндрю Нортон «Саргассы в космосе» (под псевдонимами С. Бережков и С. Витин).

Том «Библиотеки приключений» со СБТ сопровождала обстоятельная статья Юлия Кагарлицкого, где отмечалось: «С этим романом в советскую литературу вступили крупные, известные сейчас далеко за пределами нашей страны писатели».

Действительно известные. И специалисты-литературоведы всё чаще стали обращать внимание на творчество АБС. Диссертации, в которых так или иначе затрагивались произведения АБС, в 1969 году защитили: в Москве Анна Мирлис («Современная научно-фантастическая литература, ее особенности и актуальные проблемы редакторского анализа»), в Донецке Евгений Тамарченко («Социально-философский жанр современной научной фантастики»), в Киеве Наталия Чёрная («Проблемы развития научной фантастики в русской советской литературе на современном этапе»), в Иркутске Татьяна Чернышева («Человек и естественная среда в современной научной фантастике»).

1970

Из: Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман

<…>

Еще недавно печаталось не более 10 фантастических книжек в год и среди них одна-две сколько-нибудь заметные. Появление в «Технике — молодежи» за 1957 г. «Туманности Андромеды» стало как бы призывным сигналом. Буквально за несколько лет все изменилось. Только с 1963 г. выходит ежегодно более чем 80 фантастических произведений. Если учитывать переводы, эта цифра возрастает вдвое. В 1965 г. было зарегистрировано 315 публикаций. За семилетие же, с 1959 по 1965 г., на русском языке опубликовано 1266 произведений научной фантастики общим тиражом около 140 миллионов. Предоставивший нам эти сведения писатель А. Мееров подсчитал, что за последние полтора десятка лет вышло столько же фантастических произведений, сколько за предшествующие тридцать пять.

Эта обильная река течет в издательства центральные и областные, литературные и научно-технические, от Калининграда до Благовещенска, от Риги до Алма-Аты, от Киева до Баку. Не говоря уже о традиционно «своих» журналах — «Техника — молодежи» и «Знание — сила»,— научную фантастику берут и молодежные «Юность», «Смена», «Молодая гвардия», и «Дон» и «Нева», и областной «Уральский следопыт» и центральная «Литературная Россия», и «Гражданская авиация» и «Литературная Грузия», и «Сибирские огни» и «Мастер леса». Отпочковавшийся от журнала «Вокруг света» полуприключенческий «Искатель» не заменил, конечно, хорошо поставленного периодического издания научной фантастики, но само его возникновение свидетельствует, что фантастике тесно в приемышах. Появилась целая библиотека сборников и альманахов: «Фантастика, 1962 год» и последующие (иногда по нескольку выпусков) в издательстве «Молодая

гвардия», «НФ, альманах научной фантастики» — в «Знании», «В мире фантастики и приключений» — в Лениздате. Подобные сборники стали выходить в Калининграде, Баку и других городах.

Советскую научную фантастику обсуждают на представительных совещаниях — всесоюзных и международных. Комсомольская «Молодая гвардия», солидные «Новый мир» и «Вопросы литературы» и даже академическая «Русская литература» откликаются на нее рецензиями и статьями. «Литературная газета» спорит с «Промышленно-экономической газетой» о «Туманности Андромеды», а «Комсомольская правда» — с «Известиями» о повестях братьев Стругацких. В последние годы орган ЦК КПСС «Коммунист» четырежды выступал с теоретическими статьями об идеологической борьбе в мировой фантастике. Вчерашней Золушке оказывают внимание даже «Вопросы философии».

В фантастику пришел большой отряд новых авторов. Новые имена едва ли не превысили кадры русской фантастики за всё предшествующее полстолетие. Если в 30–40-е годы небольшая горстка фантастов сосредоточивалась в Москве и Ленинграде, то сегодня десятки известных авторов работают в разных концах страны.

<…>

Такого пестрого смешенья «одежд и лиц, племен, наречий, состояний» наша фантастика не знала даже в урожайные на эксперименты 20-е годы. И хотя к концу 60-х «фантастический бум» заметно спал, литературный процесс отнюдь не улегся, скорей напротив, приобрел более сложные формы и содержание.

<…>

Этот отрывок кажется сейчас эпитафией фантастике шестидесятых. Шестидесятые закончились. Теперь будет труднее — труднее печататься, труднее выйти на широкого читателя. Не только АБС — всем фантастам, да и нефантастам — тоже.

Считается, что автор может стать писателем (реализовать себя) только при наличии таланта и большой трудоспособности. Хотелось бы отметить еще одно условие — удачу. АБС повезло. Они успели

развернуться в полную свою силу в шестидесятых. Они стали широко известны и в своей стране, и за рубежом. Просто так «заткнуть им рот» уже не получалось. Чересчур популярны, с одной стороны. А с другой — не совершают «необратимых поступков». Действуют на грани дозволенного, но не заходят за нее. Пишут совсем не то, что нужно советской идеологии, но и не пишут открыто противоположного ей. Получалось, что предъявить им такие обвинения, чтобы навсегда заставить замолчать, нельзя. И их терпели: кривились, поругивали в прессе (а затем и это делать перестали — лучше молчать вообще, ибо каждая статья о них, даже ругательная,— им же реклама), задерживали (насколько возможно) издания…

А они пробивались к читателю. Пусть в региональных изданиях, пусть в мизерных количествах, но известность делала свое дело — все кидались искать незнакомую до этого многим «Аврору» или какой-то региональный сборник фантастики, ибо там печатались АБС.

Письмо Бориса брату, 4 января 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Путевку достать не удалось — только с 7-го февраля. А посему жду тебя числа 7-го или (в крайнем случае) 8-го. Возьмешь билет — телеграфируй. И приезжай дневным. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

7 января в «Литературной газете» появляется статья Ариадны Громовой, в которой рассматриваются сущность и приемы социальной фантастики. Упоминаются и книги Авторов:

Из: Громова А. Не созерцание, а исследование

<…>

Фантастика стремится исследовать явление логическим, а не историческим путем (как известно, Энгельс говорил, что логическое есть по существу то же историческое, но освобожденное от случайностей исторического процесса, мешающих выявлению общих закономерностей этого процесса). Фантастика исследует, например, фашизм как явление — вне определенной конкретности.

Различные аспекты анализа фашизма как явления, его идеологии мы видим, например, в произведениях А. и Б. Стругацких («Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Обитаемый остров») — и нигде речь не идет и не может идти о какой-то определенной, реально существующей стране. В данном случае основной прицел обозначен четко — атака идет против фашизма.

<…>

10 января АН приезжает в Ленинград буквально на несколько дней — у Авторов есть несколько срочных дел.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Задания: придумывать разные пытки и казни (казнь шумом); потом все применяется.

10.01.70–14.01.70

Был Арк.

1. Правили цензурную верстку ОО

2. Сокращали ДоУ

[дневник приездов:

Приезд 10.01.70. Переделка верстки ОО.

12.01.70. Закончили переделку верстки, сократили на 14 стр.

13.01.70. Сокращаем ДоУ для «Юности». Взял билет, завтра еду.]

Письмо Аркадия брату, 21 января 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

Отписываю тебе обо всем целиком.

1. ОО. Как я и ожидал, Нина принять меня раньше субботы не смогла. В субботу я к ней поехал, мы часа три сидели, просматривали нашу правку, вносили еще новые коррективы. Коротко говоря, Нина была довольна, настроена оптимистично и воинственно. Вчера (вторник) она мне позвонила

и сообщила, что показала правку Компанийцу, тот одобрил и приказал перенести на рабочий экземпляр, который, как выяснилось, находится уже не в Центре, а у местного дяди, человека, по словам Нины, довольно симпатичного. Чем Нина сейчас и занимается, проклиная нас на чем свет стоит, ибо мы ведь шли только по подчеркнутым местам и не приводили нашу правку в соответствие в местах не подчеркнутых. Ну, это уж ничего не поделаешь. Кое-что она и сейчас правит заново, тоже ничего не поделаешь. По телефону советуемся. Настроение у нее по-прежнему оптимистическое и боевое. Может быть, все получится.

2. ДоУ. По приезде позвонил Озеровой, она поклялась, что все улажено и что договор будет заключен самое позднее в понедельник, и что не исключено, что мы получим деньги уже 25-го. То же самое она позже объявила и Дмитревскому (он мне рассказал это, когда мы в субботу с Ленкой были у него в гостинице). Ну, в понедельник я зашел. Договор действительно заключили, у меня на руках подписанный экземпляр. Подписан он, правда, не Полевым, а ответственным секретарем и написан от руки, и вообще процедура проходила несолидно, и меня предварительно заставили написать в письменном виде обязательство внести такие-то и такие-то исправления и сокращения (ей-ей, у меня все время было такое впечатление, будто я рецидивист, неоднократно устраивал скандалы разным редакторам и теперь норовлю покрючкотворствовать, дабы, не отдавая повесть в «Юность», заграбастать у них деньги: так, по крайней мере, смотрел на меня отв. секретарь тов. Железнов). Ну, процедура окончилась, договор у меня. Однако имеет место разочарование. Платят они не одобрение, а всего-навсего аванс, 25 %. Я было взмыл, но был осажен. Впрочем, говорят, деньги действительно будут 25–26-го. Схожу, посмотрю.

Вот пока всё. Целую, жму, твой Арк. Привет Адке, поцелуй мамочку. Да жми насчет Комарова. Да позвони в бухгалтерию, не вернули ли им деньги из моей сберкассы, и если да — то послали ли они их обратно.

Письмо Бориса брату, 23 января 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Наконец-то от тебя письмо. Я уж и отчаялся совсем. Что ж, дела, как видно, идут неплохо. Что одобрения не дали за ДоУ, так это плешь. Дали бы аванс, остальное приложится. А у меня дела обстоят так.

1. Пару дней назад нашим друзьям из бывшего 3-го объединения удалось провести изящную комбинацию, о которой расскажу при встрече, и в результате наша программа-минимум по сценарию оказалась выполненной. Я получил наличными 430 р., отдал Лешке половину и теперь (ура!) перестал быть твоим должником (те 500 р., которые ты одолжил мне эн лет назад, выплачены тебе хотя и по частям, но полностью). Конечно же, я немедленно отправился к замглавного бухгалтера, чтобы лично дать указания насчет тебя. Данные 15 % тебе переведут в ближайшие же дни (я лично присутствовал при внесении на твою карточку номера твоего нового счета). Что касается тех злосчастных 10 %, то они до сих пор не получены. Я подробно пересказал им всё, что ты рассказал мне, они выслушали (с огромным подозрением), покачали головами и сказали, что прежде всего необходимо точно выяснить, когда сберкасса отправила деньги назад. А там видно будет. Но как только деньги вернутся в Ленфильм, они будут немедленно высланы по твоему новому счету. Ты ж пока сходи в свою сберкассу и снова их попытай и, в частности, обязательно сообщи мне, когда они послали деньги обратно. Я же буду регулярно названивать в Ленфильм.

2. Дальнейшая судьба сценария совершенно неопределенна. Однако же кое-какие перспективы имеются и кое-что может стать ясно в ближайшие полмесяца.

3. Звонил мне Дмитревский. Рассказывал, как он ходил к Железнову заверять его, что в ДоУ ничего такого нет, излагал про статью свою в «Коммунисте», небрежно, но значительно намекал, что пора бы Аркадию восстановить дипломатические отношения с Иваном Антоновичем и в конце концов попросил меня внести социальную струю в детгизовский

вариант ДоУ, после чего вариант доставить ему, Дмитревскому. Струю я быстренько внес, а рукопись отвезу ему на будущей неделе. (Обалдеть можно, сколько уже скопилось у меня вариантов ДоУ! И ведь все это придется распечатывать! Ой-ой!) Кстати, ты мне так и не написал, когда по договору мы должны представить ДоУ в Ю. Продолжать мне вычеркивать по шесть строчек или можно подождать с этим г…? И, между прочим, на какой листаж заключен договор?

4. Насчет Комарова, я думаю, будет все ОК. В первых числах февраля я брякну в Литфонд.

5. Я тоже получил из ГДР «Шпрахт унд стиль Ленинс». Ладно. Вот скоро туда едет Мееров, я поручил ему выяснить все насчет наших книг.

6. Ходит ли у вас пародия на кочетовский роман века? Я читал кусочки — смак! Называется: «Чего же ты хохочешь?» Главный герой — известный советский писатель Лаврентий Виссарионович Железов, автор романа «Братья Ежовы» и повести о советской интеллигенции «Вошь»[1], изданной в Китае тиражом 100 миллионов экземпляров. Я оборжался, пока читал. Может быть, удастся раздобыть целиком.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Письмо Аркадия брату, 29 января 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Нина отработала ОО, сдала Компанийцу, тот просмотрел и выразил удовлетворение и велел отдать на последний просмотр Калакуцкой (она больна и работает дома). Поскольку известно, что Калакуцкая и доцензурный вариант признавала, полагаю, здесь все обойдется благополучно. Видимо, в понедельник они вновь передадут верстку в Главлит на окончательное решение, и если там они не поленятся, к середине февраля все решится. Будем ждать.

[1] Пародия С. Смирнова на роман В. Кочетова «Чего же ты хочешь?». «Братья Ежовы» и «Вошь» — аллюзия на заглавия романов В. Кочетова «Братья Ершовы» и И. Шевцова «Тля».

2. С ДоУ все благополучно. Действительно, забыл ведь тебе написать объем и срок. Объем — 8 авт. листов, срок — к 1 апреля, два экземпляра — первый и третий. Видимо, как только сдадим, вскоре получится и одобрение, и 35 %. Аванс я получил, отдал от твоего имени распоряжение переслать тебе на сберкнижку. Теперь жди — что-то ок. 280 р. Хорошо, если бы ты до нашей встречи в Комарове уже закончил бы урезания и сокращения и сдал бы на машинку. А я бы, возвращаясь в Москву, забрал бы экзы и с божьей милостью их бы и сдал. Печатать начнут в июле или августе.

3. Рад, что со сценарием получилось так удачно. Буду ждать деньги. И вот что. Позвони в ихнюю бухгалтерию и передай им там извинения от меня и от сотрудников нашей сберкассы, которые вчера с трудом обнаружили перевод, который они, конечно, не послали назад, а положили на совершенно новый мой счет, который пришлось закрывать и с которого пришлось переводить на мой настоящий. Вороны расшлепанные. Сами не знают, что у них в хозяйстве творится.

4. О пародии на Кочетова ничего не слыхал. Конечно же, постарайся достать.

5. Между прочим, разобрался я в этой странной истории с «Понедельником» в ГДР. Оказывается, этот сундук Ляпунов все напутал, а вырезка, которую он мне прислал, это не информация о том, что вышло в Германии, а информация о том, что вышло у нас, в Советском Союзе. Так что «Понедельник» в ГДР вряд ли выходил. Но что-то еще ведь выходило! Пусть-ка Мееров действительно узнает. Кстати, не помню, сообщал ли я тебе, что в Болгарии вышла книга «Далекая Радуга» и «Трудно быть богом» — уже в другом переводе.

6. В этом году в Японии собирается международная конференция фантастов. Я был в Инокомиссии и попросил поднажать насчет нас. Хотя шансов, конечно, мало.

Пока всё. Целую крепко, поцелуй маму и Адку.

Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 31 января 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Сегодня получил сразу письмо и от тебя, и из Ленфильма. Эпопея с ДоУ-С на Ленфильме, надо полагать, закончена. Вчера состоялось заседание редколлегии студии, Лешка на нем присутствовал. Сначала все на разные лады хвалили сценарий, сравнивали его с игристым вином и пр. Потом выступила Головань, и почти все начали говорить: да, это, конечно, недоработано, нет социального разреза и т. д. В общем, передо мной письмо, подписанное самой Головань, и высланное, как я понимаю, еще до заседания (уж больно быстро оно ко мне пришло). Я не знаю, послали ли они копию тебе, но на всякий случай кратко излагаю содержание:

Сценарий написан остро, в хорошей драматургической форме, однако вызывает разочарование. Масштаб личности Мозеса не осуществился (зик!); обитатели гостиницы земляне более странны, чем реальны, и более забавны, чем содержательны. Имеет место натянутость социальной темы и превосходство интриги над содержанием. Указанные недостатки не являются частными, они органичны и не исправимы без существенного пересмотра работы, так что студия не может принять сценарий. Но студия и не отказывается от него, ибо полагает, что при условии радикальной переработки может получиться нечто. Необходима добрая воля авторов и личные переговоры в рабочем порядке.

Рохлин и Лешка трактуют все это так: Головань сценарий не примет никогда, она поставит невыполнимые условия, и если даже мы осуществим неосуществимое, все равно к чему-нибудь придерется. Я намерен пойти к ней в понедельник-вторник, выслушать, расспросить и сказать, что должен посоветоваться с тобой. Затем, далее, мы официально откажемся от переделок и расторгнем договор (с сохранением, естественно, авансированных сумм). А потом надо будет размножить сценарий, и Лешка с Рохлиным намерены его толкать во все стороны (на Мосфильм, на студию Горького, в объединение «Экран»), так что, возможно, со временем

возникнет возможность получить еще где-нибудь 50 %. Надеюсь, ты не слишком огорчишься: ведь мы никогда не верили в возможность полной победы и рассчитывали только на 50 %, что и вышло.

2. ДоУ я, конечно, сокращу и отдам в перепечатку. Думаю, что к твоему отъезду в конце февраля он будет готов.

3. Был я у Дмитревского, отвез ему ДоУ для Детгиза. Посидели, поговорили. Он обещал, что все выяснится в течение трех-четырех недель.

4. Думаешь ли ты о ГО? Ох, сядем мы с тобой в лужу, приехав в Комарово! На следующей неделе буду звонить насчет путевки.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке привет.

4 февраля «Литературная газета» публикует статью АБС «Давайте думать о будущем», где Авторы рассуждают о различиях фантастики научной и фантастики реалистической, описывают творческий процесс при создании произведений одной и другой и перечисляют основные проблемы, затрагиваемые в современной фантастике.

Письмо Аркадия брату, 6 февраля 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Письмо от Головань получил и склонился было к тому, чтобы принять ее условия и попытаться подогнать сценарий под ее требования, даже наметил несколько идей, предвосхищающих эти требования. Но твое письмо переубедило меня, и вообще вам там видней. Но вот что имей в виду. Я здесь на днях говорил с Юрой Борецким. У него из разговоров с разными кинодеятелями, в частности, с зав. 4-м объединением на «Мосфильме», возникло впечатление, что со Стругацкими никто не захочет связываться просто потому, что они Стругацкие. Это при встрече надобно обсудить, а предварительное решение напрашивается такое: надобно переменить вывеску. Мне кажется, у тебя с Лешей вполне взаимодоверительные отношения. Так не сделать ли дальше

так: пусть Леша дальше толкает сценарий под своей фамилией исключительно? Ведь эти саботажники даже не смотрят, хорош сценарий или плох. Плохи Стругацкие, и всё отсюда следует. Черт бы побрал эту дутую славу. Ну, мы об этом еще поговорим.

2. ДоУ отдавай в перепечатку. Надо скорее сдать его в редакцию, одобрение лучше в кармане, чем в перспективе. А пока отношение к нам там благоприятное. Намедни встретил походя Полевого, удостоился дружеского рукопожатия. Получил ли ты деньги?

3. О ГО думаю, конечно. Совершенно теперь убедился, что придется отказаться от двухсюжетной концепции. Пусть будут лирические отступления, а сюжетная линия одна. И вообще, главное — начать. Что насчет путевки?

4. Статью нашу в «Литературке» пришлось пропустить первой. Синельников вдруг уволился, не выдержав нажима и сегрегации, и мы очутились лицом к лицу с его начальством. А начальство при встрече холодно объявило: что нам печатать, это мы и без вас знаем. Хотите печататься — давайте, мы вашу статью берем с удовольствием. Не хотите — как хотите, но имейте в виду: никаких ультиматумов мы от вас не принимаем, если ваша статья не пойдет, статья Нудельмана не пойдет заведомо. Если пойдет, отнесемся к статье Нудельмана с максимальной благосклонностью.

Вот пока всё. Давай жми на путевки, братик! Я уже договорился на работе, что в следующий раз приеду 5-го марта.

Жму, целую, твой Арк. Привет Адке.

Про ОО пока ничего.

Письмо Бориса брату, 10 февраля 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Только что звонил в Литфонд. Вроде бы все в порядке. Неделю назад все в порядке не было: «Есть только двойные номера…» Я устроил небольшой скандальчик, и, кажется, помогло — сейчас вот сообщили: есть два отдельных номера, рядом,— правда, один с 19-го, а другой с 20-го, но это,

по-моему, не существенно. На днях поеду, выкуплю путевки, а план твоих действий пусть будет такой: приезжай дневным 18-го, 19-е проведем у мамы, а утром 20-го двинем в Комарово (может быть, даже вечером 19-го). А? Кончаются путевки 3-го марта.

2. Обязательно привези ленту! ЛЕНТУ! ЛЕНТУ! ЛЕНТУ!

3. С Головань никак не могу встретиться. На прошлой неделе болел Андрюха, и я сидел дома. Теперь вот заболела она. Впрочем, дело терпит. Кина все равно не будет, а разговоры разговаривать успеется. Я, собственно, хотел с ней говорить на единственную тему: в принципе она Стругацких готова пропустить? «Страну багровых туч», например? Лешка советует говорить с ней откровенно и без свидетелей.

4. ДоУ в перепечатку отдал. Будет готово 28-го.

5. Одолели посетители. Это что-то новенькое. Звонят, напрашиваются, вваливаются без спроса. У меня такого раньше не было, только последние полгода.

6. Только что звонили из «Пионера». А что им дать? Слушай, надо бы написать что-нибудь легкое, зазывное! Над ГО давай работать медленно, смачно, без малейшей торопливости, легко отказываясь от уже написанного, поворачивая все так и эдак. Давай не будем даже ставить срока: год так год, два так два. А где-то летом, если увидим, что дело боль-мень продвигается, начнем думать над легким-зазывным. А?

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет и поздравления с надвигающимися именинами.

P. P. S. Ленту не забудь!

Рабочий дневник АБС

19.02.70

[дневник приездов: 19.02.70. Приезд 18.02.70 работать над ГО.]

Арк. приехал вчера вечером. Снят Твардовский.

Ком<наты> 22, 23.

Гл. 1 «Мусорщик» («Энтузиаст»)

Крысы — павианы.

Грузовик, контейнеры с мусором, отвозит на свалку.

Полиц<ейский> намекает на готовящийся указ о конце ночных дежурств.

Разговоры гл<авным> обр<азом> об эксперименте.

Сумасшедших выпускают по ночам с целью сокращения полицейских сил.

Мусорщики: Андрей Воронин, Дональд Купер, Сёма Хейфиц (30 л).

Полицейский: Кэнси Убуката.

Дворники: Фридрих Гейгер и еще к<то->л<ибо>.

2 знакомства: Сельма Нагель (новоприбывшая), Юрий Константинович Давыдов (рабочий-строитель, новые дома).

Схватка с павианами на свалке, Купер стреляет: откуда оружие? Купер — гангстер!

Пара: Андрей и Фридрих, оба югенды, оба из рабочих, оба спасают мир. Оба фюрерофилы. Считают себя лютыми врагами друг друга, но в каждом конкретном вопросе оказываются на одной стороне: оба ненавидят Сёму, оба презирают Купера, оба считают, что пора, наконец, навести порядок.

Непонимание по поводу простейшего: очередь, обслуживание и пр. Очередь мусорщиков. Купер негодует: почему я должен стоять в очереди?

Диалог с Сёмой: как представить себе будущее человечества?

20.02.70

Прибыли в Комарово.

Обсуждали сюжеты:

1. Вечный человек (палеолит, средневековье, наши дни), идеальный механизм борьбы с энтропией, символ вечности гуманизма, всегда гонимый и всегда призываемый на помощь, носитель многих знаний.

2. Обезьяна и консервная банка. Через 30 лет после посещения пришельцев, остатки хлама, брошенного ими,— предмет охоты и поисков, исследований и несчастий. Рост суеверий, департамент, пытающийся взять власть на основе

владения ими, организация, стремящаяся к уничтожению их (знание, взятое с неба, бесполезно и вредно; любая находка может принести лишь дурное применение). Старатели, почитаемые за колдунов. Падение авторитета науки. Брошенные биосистемы (почти разряженная батарейка), ожившие мертвецы самых разных эпох.

[Сбоку от последнего абзаца взято в рамочку: «Пикник на обочине».]

21.02.70

День: 6.00–22.00

Ч. 1 «Мусорщик».

3.00 Погрузка мусора: «Кем ты был на том свете?» Появление Сельмы; ля пистон; полк<овник> Маки и женщины мира.

4.00 Едет до свалки.

5.00 Сгружает, беседует. Появление павианов.

6.00 Включается солнце, битва, пистолет и пр. Бегство, под градом камней в необитаемой части города. В обитаемой — всем включить сигналы, обходить дома и помогать жителям удирать.

7.00 Возвращение, идет к Вербовщику: «Нам все уже известно, меры принимаются. Отдохните, вы хорошо поработали».

8.00 Помогает эвакуации населения. Павианы хулиганят.

12.00 Пулеметный огонь по павианам. Полиция бросает павианов и кидается ловить пулеметчиков. Герой удивлен, но тут же бросается помогать полиции. По официальной точке зрения гангстеры бывают:

1) бандиты и хулиганы;

2) внутренние заговорщики, пытающиеся помешать эксперименту и походу за счастьем;

3) диверсанты из Антигорода.

Столкновение с колхозником, купившим пулемет на черном рынке для защиты своей фермы на переднем крае.

13.00 С полицией удается столковаться, пулемет остается у фермеров. Андрей дает адресок: заходи, когда хочешь. Пошел приводить себя в порядок.

14.00 У себя в квартире. Горячей воды опять нет. Огромная квартира в пыли. Ложится спать.

16.00 Его будят. Приходят:

Сельма — со страха и за выпивкой (сегодня к 15.00 идти на биржу).

Мужик — с самогоном, начинается разговор.

Хейфиц — с разговорами.

Сельма пьяна в доску, сидит у всех на коленях. В разгар герой сбегал в продлавку.

Тем временем явился немец. По возвращении немец ругается с мужиком: дрались на одном фронте. Охота на павиана, пристрелили, издыхал пронзенный, «O mein Gott!».

Ненавижу интеллигенцию
герой прибыл в 52-м
немец — в 45-м
мужик — в 47-м
Хейфиц — позже (69-й)

Такие глаза были у Купера, когда я сказал ему: «Лично я тебе верю. Но…»

Все время орут павианы.

22.00 Всех разгоняет по комнатам, ложится с Сельмой (пьяна в стельку).

Мысль о том, что павианы — люди? Дональд ночью застрелился.

Слухи о городе: В городе ровно 1 млн чел<овек>. Природа такова, что ни на человека больше, ни меньше. Рождение ребенка — чья-то смерть. Новичок — значит, освобод<илась> вакансия.

Слухи распростр<аняет> Хейфиц: в свободное время он роется в старых домах, ищет документы и книги.

Хейфиц вкупе с полиц<ейским> Кэнси тайком создают радиоприемник.

энтузиазм	мусорщик	гибель Дональда
тупая вера	следователь	арест Хейфица
сомнение —> равнодушие	редактор газеты	гибель Кэнси
ужас [2 стрелки к «внутр<енняя> эмиграция» и «самоубийство»]	мин<истерство> просвещения	гибель мужика (с парашютом)
ненависть —> террор		гибель Сельмы (стреляет в вербовщика)
холодное исследование		

22.02.70

Последняя часть: единственная дорога — назад, к нулевой точке. Он увлекает за собой всех: Хейфица, немца, китайца. По дороге все гибнут. У нулевой точки он убивает своего двойника и оказывается в своей комнате перед зеркалом. Сидит вербовщик: «Первая часть Эксперимента закончена. Согласны вы на вторую часть?»

Ван Ли Хун — человек, который ни во что не вмешивается. Пассивность.

Ч. 2. Следователь.

Гангстер, ночью сумасшедшие (1. Чел<овек>, который считает, что попал в ад. 2. См. 25.06.69. 3. Чел<овек>, посылавший сигналы в Космос), арест Хейфица.

20.00 допрос гангстера, действия Фридриха.

Фриц холодно доказывает, что по времени не хватит, если форсаж не применять. Звонит к Сельме, мужской голос, только вешает трубку —

21.00 вызов к начальнику, втык за Дом, разговор о Хейфице. Возвращается к себе, посылает машину по адресам свидетелей, а пока листает дело. Записи в деле.

22.00–2.00 допрос свидетелей. 4-й свидетель показывает, что только что видел дом.

2.30 прибывает к дому (после поисков). Во время поисков арест сумасшедшего (1).

2.30–4.30 игра в шахматы. Хейфиц наблюдатель, выпихивает его из дома.

5.00 — прибывают в прокуратуру. Сумасшедш<ий> (3) явился с повинной. Тоже арест. Времени нет объяснять. Мысль о петиции, чтобы сумасшедших перестали выпускать, ибо это ведет к подрыву.

5.30–8.30 допрос Хейфица (подозрительная деятельность в старых р-нах города), обращение за помощью к Фрицу.

Игра в шахматы производится в служебном порядке: играющие и играемые получают назначение на бирже труда (в Машине). Один из игроков Ван Ли Хун.

Павианы прижились, им дают подаяние.

Операция «Маугли»

На планете, населенной негуманоидным пассивным племенем (вырождающимся после биологической войны), разбился звездолет с супружеской парой и ребенком. Ребенка спасают аборигены. Через десяток лет прибывает новая экспедиция, обнаруживает человеческие следы, а аборигенов принимает за животных. В поисках невольно разрушают дома и пр. Возникает конфликт. Маугли отбивается, как привык защищать своих медлительных отчимов от диких зверей. Его захватывают. Дальше — на Землю. Приключения на Земле.

Горбовский со своей внучкой.

Горбовский плывет на остров (он знает, что у Семеновых должен был быть ребенок), внучка зайцем за ним. Потом Маугли выманивает ее. Внучка подслушала разговор Горбовского с Марком Валькенштейном: «Марк, как они прибор настроят, вы его расстройте. Чем дольше они будут готовиться, тем лучше». (Биологи озверели, готовят генеральную облаву на остров.) «Вот вам пакет, если я не вернусь через 3 дня, вы его вскроете, но не раньше».

У Маугли могучая способность к звукоподражанию, сразу все запоминает, слова и интонации, так его отчимы заманивают

быстрых зверей. Обмазаны слизью, которая обладает способностью менять цвет под цвет фона — мимикрия.

23.02.70

Вербовщик — отражение его фазового эмоционального настроя. Появляется перед ним всякий раз, когда настрой достигает апогея.

Ч. 3. Редактор газеты.

10-й день погасшего солнца — тьмы египетской.

0.00 Подборка писем, обвиняющих мэрию в скупке и захвате зерна. В город прибывают разъяренные фермеры. Разговор с цензором, запрещающим подборку.

1.00 Идет в мэрию. По дороге разговор с мужиком. В мэрии с ним разговаривают плохо, а при выходе избивают. Тот самый гангстер.

2.00 Толпа разгромила тюрьму. Хейфиц вышел, дожидается в редакции. Спор Андрея, Кэнси и Хейфица насчет передовой и подборки. Кэнси — горячий честный человек.

3.00 Выход газеты. Андрей плетется домой, разговоры с Сельмой, она в ужасе от его вида.

5.00 В городе бунт, разгром продскладов, мэрии, вешают членов мэрии, гаснет свет, останавливается водопровод, газ и все остальное.

7.00 На улицах появляются броневики с прожекторами и отряды политзаговорщиков. Андрей видит митинг, где выступает Фриц. Он — во главе переворота. Чисто фашистская речь. Андрей решает бежать, торопит Сельму, мчится в редакцию, чтобы уничтожить письма и списки спецкоров, Сельма с ним. Кэнси уже занимается этим.

8.00 Является штурмфюрер с кодлой. Пытаются спрятать Хейфица, но понимают, что это бесполезно. Чиновник кислоглазый. Штурмфюрер вручает Андрею пакет от Вождя. Записка: Спасибо за помощь. Излагается суть дела. Не обращай внимания на терминологию, будем работать вместе. Утверждаю тебя редактором на будущее, подбирай сотрудников сам и т. д. Податель сего — мой постоянный политпредставитель в газете. Это ваши сотрудники? Да. Гм…

Кэнси объявляет, что он ничего общего с этим иметь не желает. Мордобой, Кэнси убивают. Конец.

Суть этого фашизма — человек versus вселенная. За единство. Против всех, кто выступает против единства: марксистов, фашистов, элитаристов и т. д.

Ч. 4. Тоскливые будни.

1. В редакции. Кислоглазый чиновник.

По дороге встречает Вербовщика.

2. Дома. Исторические аналогии Хейфица, который нашел в развалинах 150-летней давности прокламации того же типа, только от имени Монарха. В общем народ доволен существующим положением.

3. Приезд Фрица и гибель Сельмы.

Час на строительстве башни.

Лекция по космографии.

Т<ак> наз<ываемые> экспериментаторы подобрали население города таким образом, что нет определенных специальностей. Нам приходится учиться на ходу.

Действия новых властей:

а) Запрет предпринимателям выгонять лентяев;

б) Горожане — основное население, фермерство — колония (идеология: горожане живут вместе в больших домах, а фермеры разбросаны, след<овательно,> объединения быть не может);

в) Теоретики — обосновывают, почему плох Эксперимент и как с ним бороться;

г) Гигантский контроль и учет, количество чиновников, ревизоров, комиссий, контролеров. Об этом с горечью рассказывает мужик;

д) Бывш<ая> машина распределения на работу теперь ставит оценки за благонадежность. Полиции и дворникам вменено в обязанность следить за ссорами и драками. Участники получают минус, что сказывается на снабжении;

е) Строительство башни «Дорога к свободе», добраться до колпака и продрать его. Каждый после работы должен отработать час на строительстве. Все предприятия, кроме

самых необходимых, работают на строительство башни. Фриц сам отрабатывает по часу в день на башне.

Ч. 5. Исход.

1. 5-й день — перед поворотом назад. Разговоры о путях исхода. История эксперимента с парашютом. Ругают башню. Политико грозится. Ночью его кончают — он исчезает бесследно, остались продукты, вода, оружие.

2. Ван остается у хорошего места, ждет жену. Хейфиц впервые теряет равновесие, заклинает его идти.

Все сплошь интеллигенты. Нашли гигантское противоатомное убежище.

3. Столкновение с предыдущей разведгруппой, подорван бронетранспортер, перестрелка, один убит, один ранен. Ван ночью проводит жену через линию.

Не бомбоубежище, а снаряд времени. Хейфицу хочется остаться.

4. Люди с вырезанными языками. Кто — непонятно. С Андреем уходит единственный неинтеллигентный человек.

5. Тракторист остается на последнем перевале. «Матка кашу сварила, иди исть». См. обложку.

Где-то Хейфиц, разоткровенничав, объявил, что целью цивилизации является создание духовных ценностей. Всё остальное — земля, станок, лаборатория — только леса для этого здания.

24.02.70

Утром сделали 3 стр.

Вечером сделали 2 стр. (5)

25.02.70

Утром сделали 3 стр. (8)

Вечером сделали 2 стр. (10)

В лексикон Давыдова:

«Солнце скрылося за ели…»

«Что-то стало холодать, не пора ли нам…»

26.02.70

Утром сделали 3 стр. (13)

Вечером сделали 2 стр. (15)

27.02.70

Утром сделали 3 стр. (18)

Вечером сделали 2 стр. (20)

28.02.70

Утром сделали 4 стр. (24)

Вечером сделали 1 стр. (25)

Арк ездил за билетом и взял, задница, не на то число.

1.03.70

Утром сделали 4 стр. (29)

Вечером сделали 2 стр. (31)

2.03.70

[дневник приездов: 2.03.70. Сделано 36 ГО. Вернулись из Комарово.]

Утром сделали 5 стр. (36)

Вечером уехали в Лрд.

3.03.70

[дневник приездов: 3.03.70. Отъезд в Л<енингра>д <ошиб. запись, фактически — в Москву>, поезд д<невной,> 16.35.]

Арк уехал в Москву.

Письмо Аркадия брату, 6 марта 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Говорил с Ниной.

А. Цензор все еще читает (детгизовский), сегодня должен дочитать и передать на пл. Ногина. Читает, пожимает плечами и приговаривает: «Не понимаю, зачем все эти поправки. Впрочем, начальству виднее». Так-то. Придется опять ждать.

Б. Насчет «Маугли». Нина сказала так: мало шансов на книгу даже в 72-м году, но заявку подавайте, не в 72-м, так в 73-м книга пойдет. А вот саму по себе повесть (до 10 а. л.) можно и нужно давать скорее, ибо есть все шансы втолкнуть ее в «Мир приключений» на 71-й год. Это, брат, нечто, а? Как-никак тираж 215 тыс. со всеми вытекающими. А? Мы договорились, что на днях встретимся и обговорим это подробнее.

2. Опять какая-то хреновина с ленфильмовскими деньгами. Не получены они моей сберкассой. Даю координаты на проверку: <…>

3. Звонил в «Юность», Озерова звучала так, словно ждет меня не дождется. Однако встречу отложили до понедельника. В понедельник приказано явиться и принести два экза.

4. Женщина, которая звонила нам в Комарово, накануне моего приезда позвонила Ленке, сказала, что вынуждена срочно выехать в командировку, но просит напомнить Арк. Натановичу, что он обещал ей рукопись. Она вернется и будет немедленно звонить.

5. В ужасе и не без хохота наблюдаю, как готовится присуждение юбилейной Ленинской премии Михалкову. Трилогия «Дядя Степа»! Это же надо — такая восхитительная дискредитация идеи! «И кроватей не дам, и умывальников»[1].

Засим остаюсь твой, целую и жму.

Привет Адке, поцелуй мамочку.

Черт, совершенно отвык от своей машинки.

Письмо Бориса брату, 9 марта 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Насчет ленфильмовских денег только что звонил. Замглавного сказала, что у них возникла какая-то неувязка и она сама перестала понимать, высланы деньги или нет: ждала моего звонка. Теперь она поняла, что деньги не высланы, и примет меры. Короче говоря, через недельку я позвоню снова и спрошу. А ты загляни на книжку недельки через полторы-две.

2. Особых новостей нет, но происходит все время шевеление. Лендетгизу срезали бумагу, и выход фантастического сборника был посему отложен на год. Тут бы нашему ДоУ и конец, но до сих пор не вышел, к счастью, Лениздатовский

[1] Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 19.

сборник, из коего начальство повыкидывало кучу материала. Дмитревский и Брандис (составители) с ходу сунули туда нашу повесть. Вот почему ее читала Нина Чечулина. Я звонил ей. Повесть ей нравится, и заму нравится, но завредакцией тов. Копытин находится сейчас в командировке и будет только через три недели. Тогда все и решится. Если Копытин нас не отринет, то будет договор, и сборник выйдет в начале 71-го. Нина считает, что помешать могут только наши одиозные имена — повесть абсолютно проходима. Она также полагает, что факт заключения договора с «Юностью» может сыграть положительную роль.

3. Активное шевеление имеет место в Ленфильме. Я говорил с Лешкой и со Светой Пономаренко (редактор). Теперь уже ТРИ режиссера (не считая Лешки) заинтересованы сценарием. Некто Миша Козаков (известный артист и безвестный режиссер) повез сценарий в Москву, пробивать его в телевидение. Еще какой-то еврей (Шригель? Штруцель?) повез его в Москву, пробивать через Госкомитет. В общем, посмотрим.

4. Планы твои насчет ОМ в «Мире приключений», естественно, полностью одобряю, но у меня тут возникла и еще одна идейка. Надо бы попытаться заключить договорчик по заявке с каким-нибудь журналом. Ты там говорил насчет «Вокруг света», а я хочу на эту тему побеседовать с Дмитревским и через него попытаться проникнуть в «Аврору». В конце концов, у нас имеются определенные обязательства по отношению к этому журналу. Если бы удалось заключить договорчик на будущий год с представлением рукописи где-то в апреле-мае 71-го, это было бы неплохо. Если не выгорит с «Авророй», сунусь в «Неву». Там шансов значительно меньше, но они есть. Я тут давеча беседовал с Сашей Лурье, он сказал, что если бы мы выждали и не торопились, то ДоУ прекрасно пошла бы в «Неве» — им совершенно нечего печатать. Думаю, что в 71-м им тоже нечего будет печатать. Ты же попробуй закинуть удочку в «Вокруг света». Да не ленись! Кланяйся!

5. Не думаю, чтобы Михалкову дали Ленинскую. Нос у него не дорос. И заслуг не достаточно. Дадут скорее уж Тихонову, а еще скорее — какому-нибудь кунаку (абреку)[1].

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Да! Был в Литфонде. В конце марта вряд ли получится: все болеют, график сбился. Можно надеяться на начало апреля. Я подал заявление с 1.04 на 15 дней.

P. P. S. Леночке привет.

Да не забывай ты дату писать на письмах! Мать… мать… мать…

Письмо Аркадия брату, 14 марта 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Был у Нины, разговаривал подробно. Суть сводится вот к чему. Местный людовед[2] закончил свое дело и передал ОО на Ногина в понедельник. Сколько там это пробудет, решительно неизвестно, однако по прошествии 2-х недель Нина считает себя вправе начать звонить (вообще-то она не имеет на это права, это компетенция гл. редактора, но он болен и поручил ей). Пока дело не решится в ту или иную сторону, соваться с заявкой к Пискунову совершенно бессмысленно: этот старый идиот вышел из ума от ужаса, окончательно потерял честь, честность, простую порядочность и срамится на глазах у исполненных отвращения подчиненных семь раз в неделю. Далее, так. «Мир приключений» заявок не принимает, а заключает договоры (если заключает) только на готовые рукописи. Нина уверена на 90 %, что, представь мы готовую рукопись, она бы спокойно просунула ее в альманах. А заявку у меня она все-таки просит, пусть-де лежит наготове. Далее. Если ОО пойдет — тогда все отлично. Если

[1] Ленинской премии 1970 года были удостоены Г. Гулям (посмертно), С. Михалков («за стихи для детей младшего возраста») и Н. Тихонов. («Кунаки, абреки» — аллюзия на эпизод гл. 16 ч. 2 романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».)

[2] «Душелюб и людовед» — постоянное именование Евгения Сазонова (коллективный псевдоним группы сотрудников ЛГ), «автора» 16-й полосы «Литературной газеты». В контексте письма — цензор издательства «Детская литература».

не пойдет, тогда открывается широкое поле для эпистолярной деятельности. Вася Аксенов написал фантастическую повесть для детей среднего возраста и принес в Детгиз. Приняла ее Лена Махлах, прочла и восхитилась. Прочла Нина и с меньшим энтузиазмом, но все же похвалила. Тут об этом дошло до Пискунова, и разразился скандал. Он бушевал, грозился, требовал вышвырнуть рукопись из издательства и пр. Тем временем прошло несколько месяцев, Аксенова водили за нос, и тогда он взял и написал письмо в ЦК с жалобой на дискриминацию. Оттуда позвонили Пискунову, и в тот же час (!) Пискунов потребовал, чтобы с Васей заключили договор. У нас, понятно, положение несколько иное, но в случае крушения ОО мы будем немедленно поступать так же точно. Ну, пока еще не все потеряно. Кстати, ты рассчитываешь на журналы — так имей в виду, что журналы заключают авансовые договора на ненаписанные вещи только по юбилейным поводам. И, уж во всяком разе, не с нами.

2. У нас на телевидении тоже наблюдается шевеление. Как только там через Борецкого узнали, что мы не претендуем на ОБОЗНАЧЕННОЕ авторство, сразу воспрянули духом. Здесь я буду действовать, как мы уговорились в Комарове. Ты мне дал карт-бланш, я пишу, Борецкий подписывает.

3. 10-го сдал в «Юность» ДоУ, был обласкан, обещан, что начнут печатать с 9-го номера (?), попрошен не возражать, чтобы дали на внешнее редактирование Тэду Гладкову («Пусть заработает, а если вам правка не подойдет, игнорируете»). Мне-то что! В тот же день встретил Воронова (зам. Полевого), он мне обрадовался тоже и сказал, что печатать начнут летом. Когда я возразил, что Озерова говорила о 9-м номере, он пожал плечами и сказал, что постарается пропихнуть значительно раньше. А вчера звонил Тэд и долго объяснял мне, что решительно не собирается ничего править, разве что слово-другое, а в общем будем работать вместе, на что у него уйдет дня четыре, а у меня с ним — один. Дай бог нам удачи.

4. Шмуглякова (из мосфильмовского «Луча») звонила, прислала за сценарием ДоУ курьершу — девицу в очках и с такой вот ж…, по-моему, редакторша это какая-то. Я ее, впрочем, дальше порога не пустил и вынес папку на лестницу.

Кажись, всё.

Жму, целую, твой Арк. Привет Адке, поцелуй маму.

Старайся насчет путевки.

Письмо Бориса брату, 17 марта 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Вчера ты звонил, а сегодня пришло письмо. Значит, так:

1. Я говорил с Дмитревским насчет заявки ОМ в «Аврору». Он страшно обрадовался и на другой же день связался с «Авророй». Там тоже обрадовались и попросили меня прийти и поговорить. Я пока не шел — ждал твоей реакции и обдумывал, как бы написать заявку, чтобы оставить максимум свободы для рук и ног. Теперь на неделе пойду. Дмитревский обронил, что пока они договор заключить не могут за неимением денег, но в ближайшие месяцы ситуация улучшится. (Кстати, ты, по-моему, не совсем прав насчет договоров: все-таки «Нева» заключила же с нами договор на ОО по заявке. Впрочем, возможно, с тех пор ситуация переменилась.) Словом, я напишу заявку с очень кратким изложением содержания и идеи и предложу готовую рукопись к марту-апрелю 71-го. Одновременно я устно скажу, что пишем мы для «Мира приключений» и что Аркадий ведет параллельные переговоры с «Вокруг света» и «Знанием–сила». Попытаюсь их припугнуть повторением истории ДоУ, чтобы поскорее заключали договор. (Если это вообще возможно.) Ты же, брат, подай обязательно заявку Нине и проведи переговоры в ВС и ЗС — чтобы пошли разговоры о нашей новой вещи, ибо эти засранцы из «Авроры», судя по истории с ДоУ, имеют обыкновение проверять и перепроверять своих авторов (помнишь, как оттуда названивали в «Юность», а потом Никольский даже поехал туда). Так что ты уж обеспечь мне

тылы, одновременно упоминая, что Б. действует в «Авроре» — может быть, это заставит пошевелиться и твоих. А моя позиция здесь такая: я, Б. Стр., лично считаю себя в долгу перед «Авророй» и весь с вами душой, но у Аркадия свои привязанности, пока он согласен не форсировать событий, но если вы затянете (опять) процедуру, то пардон!

2. С Борецким действуй по договоренности, но держи меня все-таки в курсе.

3. Правленый экз ДоУ Адочка с егодня выслала из Пулкова заказным.

4. Как и договорились по телефону, с Мосфильмом не спеши. Всё равно это болтовня, а как только начнет прорезаться что-либо серьезное, созвонимся. Пока же разнюхивай, разговаривай, уточняй, хвастайся и набивай цену.

5. Сейчас позвонил в бухгалтерию Ленфильма. Замглавного очень извинялась, говорила, что всё помнит, но сейчас нет денег. В первых числах апреля она обязательно перечислит всё, что положено. Ну что тут поделаешь?

6. Из твоего письма я не понял: объяснил ты Шмугляковой, что она будет иметь дело с ПЕРВЫМ, а не окончательным вариантом? Это важно разъяснить, а то они просто испугаются первого варианта безотносительно ко всему прочему.

7. Сегодня ни свет ни заря снова звонил директор Литфонда — предлагал путевки с третьего. Но я тут начал зубы починять, так что, поблагодарив, отклонил. Едем с седьмого. На неделе съезжу в Литфонд, выкуплю. А ты готовься 6-го вечером быть в Ленинграде.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Кстати, ударяешь ли ты хоть палец о палец насчет поездки в Болгарию осенью и насчет устроиться куда-нибудь в дальнюю экспедицию? Всегда ты так, братец: приедешь, наговоришь с три короба и — увы!

Заявка на публикацию «Малыша» в «Авроре» сохранилась.

Из архива. Заявка в «Аврору» на «Маугли»

Главному редактору журнала «Аврора»

З А Я В К А

Предлагаем Вашему вниманию замысел нашей новой научно-фантастической повести под условным названием «Операция «Маугли».

Действие повести разворачивается в XXII веке, герои ее — ученые, исследователи, звездолетчики коммунистической Земли, место действия — отдаленная планета нашей Галактики. В основе научно-фантастической идеи повести лежит хорошо известный современной науке факт удивительной пластичности, гибкости, приспособляемости человеческой психики. «Человеческий детеныш», воспитанный волками, вырастает волком; медведями — медведем; людьми — человеком. Никакое другое живое существо Земли не обладает подобной приспособляемостью, свидетельствующей о том, что человек воистину является венцом эволюции на нашей планете.

В повести ребенок землян, годовалый малыш, волею обстоятельств попадает к представителям древней, разумной, но негуманоидной (нечеловекообразной) цивилизации и, будучи воспитан этими существами, развивается в странный, удивительный организм, сохраняющий человеческий облик, но обладающий рядом феноменальных свойств и весьма своеобразным складом психики.

Повесть мыслится как остросюжетная, полная загадочных происшествий и увлекательных приключений и в то же время несущая определенный познавательный и философский заряд. Что такое разум? Как разум коррелируется с внешним обликом и генотипом? Каковы социологические основы разума? Эти и другие вопросы будут подняты и обсуждены в повести.

Предполагаемый объем рукописи — около 8 а. л. Готовая рукопись может быть представлена через 10–12 месяцев после заключения договора.

А. Стругацкий, Б. Стругацкий

16.03.70 г.

Письмо Аркадия брату, 20 марта 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Предлагаемые тобой манипуляции непременно произведу — и с ЗС, и с ВС,— только не думаю, что это приведет к чему-либо позитивному. Прежде всего, имей в виду, что «Мир приключений» печатает только свежие вещи, ранее не публиковавшиеся. Как бы здесь не прогадать. Если пойдет где-нибудь в журнале раньше «МП», всё — плакали наши тиражи. Только МП даст нам тройной тираж (или двойной, сейчас при нынешнем положении с бумагой трудно ориентироваться, но не меньше, чем двойной). Так что если уж ты хочешь воздействовать на Никольского, то наводи его на «Мир приключений». А вот на «Мир приключений» уже воздействовать нам нечем, окромя как рукописью. Жду твоих соображений по этому поводу.

2. С Борецким нашли сюжет: война, партизаны в осаде, смертельная ситуация, и человек из будущего, плохо разбирающийся в ситуации, приходит поучать ту и другую стороны. Три дня на создание 4-частевого сценария, сейчас пишу десятую страницу из потребных тридцати. Ничего унижающего. По изготовлении и перепечатывании пришлю тебе.

3. С Мосфильмом так. Позвонил мне этот Тарасов, гл. режиссер[1] «Юности», и прямо предложил право продать. Я, по твоему наущению, отказался и высказал соображения. Он кисло согласился и попросил сценарий. Я сказал, что сценарий в Л-де. У меня такое впечатление, что он вздохнул с облегчением. Он сказал, что тогда пусть я получу этот сценарий и тогда вышлю ему в Объединение «Юность». На чем мы и расстались. Впечатление: ему это не нужно. Это нужно кому-то другому. Наверное, Сахарову, у которого где-то есть рука. Но, на всякий случай, пришли этот сценарий. Говорить с нами там, во всяком случае, никто не хочет. Есть команда — продать — в смысле купить право на экранизацию, а остальное его не касается. Интересно было бы добраться

[1] Фактически — главный редактор творческого объединения «Юность».

до корней этого дела, но пока не вижу возможности. Жду сценарий.

4. Шмугляковой нечего объяснять. Ей важен принцип: детективная фантастика. Ни первый, ни последний сценарий ее не интересуют. Всё равно все придется переделывать заново.

5. Позавчера звонили с Мультфильма. Есть режиссер, который хочет работать с нами. Подробности в понедельник. Фамилия режиссера — Алимов.

6. С Болгарией, видимо, ничего не выйдет. Только что говорил с ответственным лицом. Трижды посылали запрос о нас и не получили ответа. Что касается экспедиций, то лицо, с которым я говорил, пребывает в Индии и не поддается достатию. Все три короба у нас с тобой в штанах.

7. Буду в Л-де 6-го вечером, как ты сказал. А тогда незачем им пересылать мой гонорар на книжку. Зачем терять десятки рубелей? Я приеду и получу сам. Только предупреди их там, что приеду получать лично. Пусть назначат число.

Всё. Целую, жму. Жду сценарий ТББ.

Привет Адке, привет маме.

Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 24 марта 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Правильно ли я тебя понял? Оказывается, «Мир приключений» имеет статус журнала? Вещь, опубликованная (или одновременно публикуемая) в журнале, не может публиковаться в МП? Клянусь, в первый раз это слышу. Всегда считал, что МП находится скорее на положении сборника! Гм… Это, конечно, меняет ситуацию и заставляет задуматься. Правда, вчера я, созвонившись с «Авророй», послал туда по почте заявку и сопроводительное письмо, в котором мягко, но настойчиво, основываясь на известных соображениях о ВС и З-С, прошу дать ответ в течение месяца, максимум — двух. «Либо — нет; либо — подпишите договор; либо (в крайнем случае) — договор будет подписан не позже

такого-то» — вот мои требования. Конечно, письмо это ничего особенного еще не значит, но все-таки… С другой стороны, «Аврора» — единственная организация, которая еще не отказалась сразу же заключить с нами договор. Ведь Нина — отказалась, МолГв — безнадежна, а договор — он и есть договор. В общем, дело терпит. Повесть-то еще не написана. Заключит с нами «Аврора» договор — хорошо (договор — есть договор), не заключит — что ж, пусть будет такочки, у нас появится свобода рук. В конце концов, лучше договор с «Авророй» на один тираж, чем смутные надежды в МП на три тиража. Впрочем, у нас еще будет время всё это обговорить, как я понимаю.

2. Удивительно загадочная история все-таки происходит с ТББ! Сценарий я, конечно, достать постараюсь, хотя это и не просто, но очень хочется посоветоваться с Лешкой. Между прочим, он сейчас в Москве. Вот идея: позвони-ка ты, братец, по телефону <…> — это квартира Светки Борщаговской, Лешкиной жены. Я думаю, они живут сейчас там. Позвони, дозвонись и расскажи Лешке, что происходит. Во-первых, у Лешки может оказаться с собой сценарий ТББ (он иногда его возит с собой в Москву и там везде сует), а во-вторых, он может понюхать в «Юности», что сей сон обозначает.

3. Путевки выкуплю завтра. Что же касается денег на Ленфильме, то, по-моему, лучше это г… не трогать. Сейчас они перед нами виноваты, карточка твоя на пересылку готова (я сам ее видел), и дело только за деньгами. Мой звонок внесет новую путаницу, карточку начнут переписывать, перекладывать, опять что-нибудь случится, что-нибудь запутается, точного дня получения тебе все равно не назначат, не надейся, будешь есть и раз, и два, и три… На фиг все эти хлопоты из-за пятнадцати рублей? Конечно, я в любом случае числа 2–3-го буду туда звонить, подгонять и заодно осведомлюсь, нельзя ли получить в кассе, но если она заноет и скажет что-нибудь осложняющее, я настаивать не буду.

Ну, пока всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Письмо Аркадия брату, 27 марта 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. С ОО никаких новых перемен. Есть основания опасаться последствий выступления этого <…> Алексеева. Правда, Нина ничего об этом не говорила, но общественное мнение — ребята из аппарата ССП и некоторые писатели — считает, что опасность реальна. А впрочем, не исключается, конечно, что и пронесет. Раз хвалила Барто по детгизовской линии.

2. Позвонила Озерова из «Юности», я было напугался, но дело там всего лишь в том, что: а) утверждалась разбивка текста на три номера; б) потребовалось изменить название — предложили «Отель “У погибшего альпиниста”», я спорить не стал, хрен с ним, сил нет у меня спорить по таким поводам; в) попросили заменить слово «грянулся» на слово «грохнулся» и еще три поправки такого рода; г) предложили дать свою кандидатуру в художники — на каждый выпуск полосная иллюстрация и две полуполосных. Я сказал, что подумаю.

3. Марик Ткачев, мой друг из Инокомиссии, вчера сказал, что встречался со своей дамой и ее знакомой из «Мосфильма», и та якобы сказала, что у них на студии все с большим интересом и удовольствием читают наш сценарий (надо полагать, ДоУ). Однако никто пока не звонил.

4. Был на «Мультфильме». Режиссер Сергей Алимов (он был художником в фильме «История одного преступления»[1]) просит нас написать сценарий на 20-минутный фильм о роли фантазии в развитии технологии от каменного века до наших дней. Это я так коротко сформулировал, ибо он оперировал большей частью образными категориями и пощелкиванием пальцев. Я пообещал им набросать заявку через недельку, после чего они дадут нам договор. Самое смачное, конечно,— два часа просидел у них в просмотровом зале и смотрел мультики. И еще договорились, что они сделают к моему

[1] М/ф 1962 г., реж. Ф. Хитрук.

следующему посещению подборку всех таких фильмов — знаешь, от каменного века и до будущих времен история чего-нибудь,— и мы их посмотрим. Тебя зависть не гложет?

5. Встретил на съезде Дмитревского и Косареву, она определенно утверждает, что договор сразу по заявке будут заключать, и просила скорее дать заявку. Я тогда твоего письма еще не получил, поэтому туманно пообещал обсудить этот вопрос с тобой по приезде в Комарово. Держался индифферентно. А Дмитревскому прямо намекнул, что у нас есть другие претенденты. Вообще, надо брать заявку в «Авроре», получать аванс и на все остальное наплюнуть. Черт его знает, как будет дальше.

6. Усиленно пишу сценарий для Борецкого. Прочитал ему черновик, он возликовал и объявил, что это то, что нужно. Просил закончить к понедельнику, тут мы встретимся снова, почитаем, и во вторник он понесет сценарий в телестудию. Да, братец, танки там у нас, взрывы, окопы и землянки. И гауптштурмфюрер Штрассер[1].

Вот пока всё. Обнимаю, твой Арк. Привет Адке, поцелуй маму.

P. S. Сейчас звонил Леше Герману. Никто не подходит.

Выступление одного из руководителей СП РСФСР Михаила Алексеева на проходившем Третьем съезде писателей РСФСР 24–27 марта 1970 года позднее вошло в его статью в журнале «Молодая гвардия»:

Из: Алексеев М. Армия и литература

<…>

Авторы теории дегероизации словно бы и впрямь никогда не слышали, что подвиг во все века у всех народов ценился как высшее проявление человеческого духа. Поэтому крайнее удивление вызывает повесть Бориса и Аркадия Стругацких «Второе нашествие марсиан». В этом фантастическом повествовании авторы почему-то в качестве мишени для своих насмешек, сарказма, иронии избрали такое святое чувство,

[1] Позднее этот сценарий — «Гость из полудня» — будет процитирован в ХС.

как патриотизм. Вот что сказано у них об одном герое: «Без ноги он жить может, а без патриотизма у него не получается». Авторы должны были бы не потешаться по такому поводу, а сказать себе и другим людям: «Без патриотизма вообще ничего не получится, не напишется без этого святого чувства и хорошая, честная и нужная народу книга!»

Письмо Бориса брату, 1 апреля 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Письмо твое получил, спешу ответить.

1. Путевки я выкупил. Настоящим прэдлагаэтся вам прибыть днэвным поэздом в город Лэнинград 6-го апрэля сэго года[1]. Переночуем и — в путь, в путь, в путь![2]

2. Я лично тоже склоняюсь к мысли, что речь Алексеева сыграет свою роль. Хотя все, с кем я говорил, вполне справедливо полагают, что через две недели об этой речи и не вспомнят, но именно сейчас по ОО удар нанесен будет. Я уж смирился.

3. Из «Авроры» пока ни слуху ни духу. Может быть, когда Косарева вернется из Москвы?

4. Кино- и теледеятельность твою полностью одобряю. Сценарий мультяшки при необходимости напишем. Это, между прочим, неплохие деньги. Кстати, Алимов — это не тот Алимов, что иллюстрировал «Шесть спичек»?

5. Лешке звони и звони. Звони в разное время суток — застанешь. Не стесняйся: то, что ты расскажешь, Лешку не может не заинтересовать.

5. Давеча поздно вечером вдруг раздается звонок из Дрездена. Приглашают читать лекции перед преподавателями и студентами Дрезденского технического университета. Там, оказывается, все — наши страстные поклонники и хотят лицезреть и слышать. Лекции — «литературно-философского содержания». Поскольку мне было совершенно ясно, что затея бредовая и невозможная, я согласие дал. Интересно, по каким это нашим произведениям они нас знают? По СБТ, что

[1] Отсылка к эпизоду романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 15.

[2] «В путь (Солдатская песня)», слова М. Дудина, музыка В. Соловьева-Седого.

ли? Жаль, что не расспросил — плохо было слышно да и не совсем ловко.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке — привет!

P. P. S. Как билет возьмешь — телеграммку дай.

Рабочий дневник АБС

7.04.70

Прибыли в Комарово.

Ком<наты> 23, 17.

Аборигены эволюционировали не по линии сохранения вида, а по сохр<анению> индивида. Берег Шевелящихся Холмов. Отсюда — сознание огромного собственного превосходства перед всеми остальными живыми существами. Понятие жертвы полностью совпадает с понятием удовлетворения, счастья.

Технологии нет. Огромный опыт 3-х миллионов лет эволюции, знают, как, что и почему, но вмешаться не могут — только скрещивание [подстраничное прим. БНа: с аборигенами]. Гибнут от старения генной структуры.

Обреченная планета. Работа спасателей: спасти ветвь эволюции. Уже подобрана другая планета у другой звезды.

Для кротов и для Маугли люди не отождествляются с Маугли: они для них затеряны среди роботов, экскаваторов, кораблей. К тому же нашествие людей ассоциируется с сохранившимися в памяти нашествиями мутировавших местных животных (жесткое излучение солнца): крабы, спруты, птицы и т. д.

После каждой главы — короткое moralite, взгляд со стороны, зачеркивающий представления читателя и действующих лиц о событиях.

1. Тень в корабле.
2. Гибель киберов.
3. Находка и осмотр корабля.
4. Гибель одного и спасение другого.
5. Попытка вылазки и гости.

8.04.70

Б. болеет: зуб, ангина, простуда вообще.

1.	Кибертехник	экипаж	Стась Попов
2.	Капитан (корабля)		Каспер Вандерхузе
3.	Старший	егеря	Нина Петровна Одоевская
4.	Помощник		Яков Тендер
5.	Помощник		Ричард Морзе

9.04.70

Сделали 2 стр. ГО

У Б. +38,3°, А. пошел за водкой.

10.04.70

Сделали 3 стр.

Вечером сделали 2 стр. (43)

У Б. утром 37,0°.

11.04.70

Сделали 5 стр. (48)

Сделали 2 стр. (50)

Приехала Адка.

12.04.70

Сделали 5 стр. (55)

Сделали 2 стр. (57)

1. Об Эксперименте.

2. Кто кем надеется стать при следующей бирже.

3. Кто какого конца Эксперимента ждет. (Что такое счастье.) (Изя со своими раскопками обезнадеживает всех.)

Изя издевается над Андреем («Мне работа мусорщика — мусоргщика,— что любая другая») — это сладострастное унижение, мазохизм. Ты такой способный, но ради большого дела готов выполнять самую унизит<ельную> работу.

Фриц с Андреем очень схожи, в спорах держатся одной линии.

13.04.70

Сделали 5 стр. (62)

Сделали 2 стр. (64)

14.04.70

Сделали 5 стр. (69) Конец I части.

Сделали 2 стр. (71) [35]

15.04.70

Сделали 5 стр. (76)

Сделали 2 стр. (78) [42]

Пили шампанское и запеканку.

Андрей спросит, что такое Падающие Звезды. Название знакомое, но что такое — забыл.

16.04.70

Сделали 5 стр. (83)

Сделали 2 стр. (85) [49]

17.04.70

Сделали 6 стр. (91)

Сделали 2 стр. (93) [57]

18.04.70

Сделали 5 стр. (98)

Сделали 2 стр. (100) [64]

19.04.70

Сделали 5 стр. (105)

Сделали 2 стр. (107) [71]

20.04.70

Сделали 5 стр. (112)

Сделали 2 стр. (114) [78]

21.04.70

[дневник приездов: 21.04.70. Вернулись из Комарова. Писали ГО.]

Сделано 5 стр. (119) [83]

По приезде в прокуратуру у Изи не оказывается папки. «Еврейские штучки». У люльки дна нет.

Отъезд в Лрд.

22.04.70

[дневник приездов: 22.04.70. Кейфуем.

Смотрели «Коммунист»[1], прерывались.]

Бездельничали.

23.04.70

[дневник приездов: 23.04.70. Уезд в Л-д.]

Арк убыл в Москву.

[1] К/ф 1957 г., реж. Ю. Райзман.

Письмо Аркадия брату, 28 апреля 1970[1], М.— Л.

Дорогой Борик!

Докладываю по порядку:

1. Забрал у Светланы сценарий ТББ, отнес к машинистке. Сегодня всё будет готово. Один экземпляр переправлю к Тарасову, как договорились, с упором на то, что хочу повидаться с Сахаровым. Один экз. у меня просит на ознакомление худрук театра Вахтангова. Тоже дам, не жалко. Всего экзов четыре, не считая оригинала.

2. Насчет ОО — ничегошеньки. Сегодня мадам, по словам Нины, должна ругаться с главлитчиками, вечером обещалась позвонить мне.

3. Заходил в «Юность», говорил с Озеровой. Показала мне подписанный Полевым план номеров на сентябрь-октябрь. Черным по белому значится: А. и Б. Стругацкие «Отель “У погибшего альпиниста”», № 9 (сентябрь). Повесть уже на иллюстрации.

4. Больше нигде не был и ни с кем не говорил. Навалилось здесь на меня, пока я был в Комарове — целая туча редактуры, заявки от моей службы, сижу и вкалываю.

5. Да, звонил на Мультфильм. Там неудача. Заявка наша не подходит. Я вяло и неопределенно обещал после праздников к ним зайти.

6. Завтра утром у меня свидание с Борецким. По его словам и таинственному тону можно подумать, что что-то все-таки наклевывается. Но, сам понимаешь, до суммы прописью верить ничему не стоит.

Вот пока и всё. Жара стоит несусветная. Сижу весь мокрый.

Еще незадача: окончательно вышел из строя холодильник. Очень своевременно. Погибла за одну ночь вся закупка мяса и еще чего-то. Придется бродить и выпрашивать, не продаст ли кто холодильничка… М-м-мать!

Привет Адке, поцелуй маму.

Твой Арк.

ПС: Деньги от Ленфильма получил. 422 ру.

[1] Датировка составителей.

Письмо Бориса брату, 2 мая 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Сделал вывод, что состояние дел в Москве в целом удовлетворительное. Ладно.

1. 29 апреля я был в «Авроре» и подписал там договор (за тебя тоже). Условия обычные: 300 за а. л., на 8 а. л., срок представления 15.02.71. Теперь это должен завизировать директор Лениздата (ихнее начальство), и тогда где-то в конце мая — начале июня дадут аванс. Они просили только по возможности уложиться в 7 листов и избегать острых формулировок.

2. С Лениздатом и ДоУ ничего не вышло. Собственно, в Лениздате понравилось всем, даже Копытину (завредакцией), который ненавидит фантастику всеми фибрами и жабрами, но наверху, в обкоме, как я понимаю, «не рекомендовали». Дмитревский с Брандисом забрали рукопись из Лениздата и снова сунули в Лендетгиз, в сборник 72 года, но это уже, как ты сам понимаешь, на соплях: слишком уж нескоро.

3. Кстати, не пора ли «Юности» выплатить нам одобрение? А?

4. А ты подкинь все-таки на Мультфильм эту идейку: «Пришельцы на Земле». Вдруг им и понравится.

5. Пиши, пожалуйста, дату на письмах. А то пишешь: «завтра я то-то», а когда это завтра — ни хрена не понять.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Письмо Аркадия брату, 7 мая 1970, М.— Л.

Дорогой Борик.

1. Что договор идет с «Авророй» — это хорошо. А я вот вчера не смог присутствовать на вечере «Авроры» в Политехническом музее. Во-первых, сообщили мне об этом только на самом кануне. Во-вторых, в этот вечер в моих Электроуглях имел место партком — обсуждение нашего патентного отдела, и поскольку я хожу на работушку раз в месяц, увиливать мне было совершенно не с руки. Мне звонили Дмитревский

и Косарева, и я старался приехать хотя бы к 9 вечера, под занавес, но не удалось: освободился только после восьми, потом полчаса ждал электричку, потом ехал 40 минут до Москвы, а оттуда еще полчаса добираться до этого музеума. В общем, некрасиво получилось, но здесь моей вины все-таки нет.

2. С ОО по-прежнему все висит. На мой взгляд, это настоящий саботаж. Нина бесится, Калакуцкая тоже. Накануне праздников, Нина рассказывала, они со злости и ради интереса звонили ТУДА через каждые полчаса, им все отвечали, что их-де превосходительство отсутствуют, придут через полчаса, просили позвонить через часок, опять куда-то ушли, велели сказать, что сами позвонят через полчасика, нет, только что ушли на совещание и т. д. и т. п. Понимаешь? Эта сука избегает работников издательства, норовит улизнуть. Саботаж, форменный саботаж. Нина обещалась кровь из носу выдрать у них все-таки твердое да или нет, но вот уже четверг, а ничего не слыхать. Я уж Нине и звонить боюсь.

3. Говорил с Борецким. Светлана, жена Борецкого, одна из ведущих актрис МХАТа, только что вернулась из гастролей в Японии, а была она там с Павленком Борисом Владимировичем, новым заместителем Романова и, возможно, скорым его преемником. В Москве они семейно встретились. Выяснилось: а) Павленок — большой любитель фантастики; б) Павленок — большой любитель Стругацких и читал их вдоль и поперек; в) Павленок считает, что Стругацкие должны непременно работать в кино; г) Павленок интересуется, пробовали ли они (Стругацкие)… Тут-то Борецкий и выложил аргумент свой единственный[1] и передал Павленку заранее припасенные: сценарий ТББ, сценарий про партизан и женщину из будущего и заявку на телевидение по «Возвращению». Это случилось буквально на днях, кажется, позавчера, и, вероятно, я так понял, Павленок, по прочтении, захочет со мной увидеться. Но это уже где-то на следующей неделе. Между прочим, Павленок — белорус. Занял этот новый пост две недели назад. Гм. Кроме того, Борецкий

[1] Цитата из «Отчаянной песенки учителя обществоведения» Ю. Кима: «А потом возьму аргумент свой единственный, / Выну и на них положу».

прорвался непосредственно к Иванову, директору Центрального телевидения, и всунул ему сценарий про партизан. Будем ждать.

4. На «Мультфильм» я пока не звонил. С «Мосфильмом» тоже пока не связывался.

5. Получил письмо из Казани от Светланы Шнегас из «Комсомольца Татарии». Помимо всего прочего она сообщила, что казанское издательство ищет с нами контактов и ждет от нас предложений на опубликование какой-либо книги с новыми произведениями. Я ответил, что предложить можем заявку на книгу в 20 листов в составе: ДоУ и новую, еще не имеющую названия вещь, на которую заключен договор с «Авророй». Думаю, я прав? Если дело пойдет на лад, спишусь непосредственно с издательством, может быть, даже съезжу к ним, договор, аванс, то, се… Публиковать будут на русском и на татарском.

6. Сегодня я впервые живу по-человечески, без нервотрепки. Во время праздников нашел у одних знакомых лишний холодильник, вчера утром на своем горбу (с помощью грузотакси) переволок его домой. Обошлось в 15 руб. Холодильник стоит 70 руб. Ура.

Вот все мои новости.

Обнимаю, жму. Твой Арк. Привет Адке, Росшеперу. Поцелуй мамочку.

Письмо Бориса брату, 10 мая 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Жалко, что так получилось с твоим выступлением в Политехническом. Я, вероятно, буду иметь за это фитиль. Ну, будем надеяться, что на финансовой стороне это мало отразится.

2. Сведения про Павленка — очень интересно. Независимо от конкретных последствий знакомство и приятельство с замом начальника такого департамента — это вещь! Всегда приятно, когда открываются перспективы, даже если они через неделю и закрываются.

3. Действия твои в Казани, естественно, полностью одобряю. Если будет свобода выбора, лучше, может быть, заключать договор отдельно на ДоУ, чтобы поскорее издали, а отдельно на ОМ. Это если, скажем, договор будет заключаться на 71-й год. Впрочем, тебе там виднее.

4. Давеча вдруг приходит бандеролька из Риги — «Далекая Радуга» на латышском. Очень мило, но не это главное: приложено письмо — завредакцией просит выслать данные (мои и твои) для перечисления гонорара! Значит, это былитаки не зряшные слухи насчет гонораров в союзных республиках. Я, натурально, срочнейше выслал им наши данные, не стал даже тратить времени на достатие справок о детях. Посмотрим, чем это кончится. Сумма небось мизерная, но ведь и то дар небес.

5. Кстати, что там в Болгарии? Не собираются прислать экзы? Спроси в иностранной комиссии. Сам не хочешь с этим связываться — выясни адрес издательства, я напишу.

6. С прискорбием отмечаю, что опять ты не держал перед собою моего предыдущего письма, пиша ответ на него. Я там спрашивал и спрашиваю вновь: как насчет 60 процентов в «Юности»? По всем законам, мы вроде бы имеем право.

7. У нас тут ходят слухи о пленуме ЦК по вопросам литературы. Ты что-нибудь слышал? Может быть, именно из-за этого ТАМ так тянут с ОО? Не дай нам с тобой бог загреметь в постановление! Жизни больше уж не будет совсем.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет. И поздравления — с новым холодильником.

Письмо Аркадия брату, 14 мая 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Вчера в 9.30 состоялась историческая встреча А. Стругацкого и Ю. Борецкого с тов. Павленком. Имела она место в кабинете Баскакова в Госкомитете по кину. Баскаков был выжит, а вселился Павленок. Никаких ощутимых результатов встреча не имела, был обмен улыбками и взаимное оглаживание.

Но! Еще накануне тов. Павленок прочитал сценарий про партизан и женщину из будущего, восхитился и направил его на Минскую студию со своей рекомендацией. Жена Борецкого едет туда послезавтра и будет всё узнавать, как там это принято. Впечатление: Павленок будет держать мазу за нас. Взял у меня последний вариант ТББ и нашу заявку на телевидение, помнишь? По В, ПкБ, ДР и пр. Взял также телефон, сказал, что будет мне в ближайшее время звонить.

2. Из Казани пока ничего.

3. Нина звонила, сказала, что дело сдвинулось с мертвой точки. Что ТАМ передали, будто теперь всё в порядке, остались только малые доделки, которые будут решены с Ниной ТАМ же в рабочем порядке. Но вот уже неделя, как Нина не может добиться приема ТАМ, чтобы покончить с этим делом.

4. Из Риги тоже получил и тоже отправил письмо. Справку о детях (свою, естественно, твоей у меня нема) отправляю сегодня. И тебе советую. Нечего их поощрять, как говорит Нина.

5. В «Юности» и Инокомиссии не был недели две. Так что насчет одобрения и насчет экзов из Болгарии ничего не знаю. Ужо схожу, а покуда некогда.

6. Слухов насчет пленума не имею. Впрочем, по образу жизни моему нынешнему — и иметь-то не от кого.

7. Прочел тут Шевцова «Во имя…»[1]. Вот вонища!

Пока всё. Обнимаю, целую, твой Арк.

Привет твоим, поцелуй мамочку.

Письмо Бориса брату, 18 мая 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Вообще-то новостей никаких, слава богу, нет. Пишу просто чтобы ответить. Наш бог снова переселился в Москву.

1. Насчет Павленка — интересно. Если бы он действительно встал за нас хотя бы самым умеренным образом — это было бы здорово.

2. Я никуда сейчас не звоню и ни с кем не общаюсь. Дело в том, что… Впрочем, я лучше расскажу тебе при встрече.

[1] Роман «Во имя отца и сына».

А суть: для всех я нахожусь сейчас в Москве по твоему срочному вызову. Это мне понадобилось, чтобы уклониться от кое-каких обязанностей, которые хотели мне навязать в Союзе. Впрочем, и звонить-то некому особенно. Вопрос об авансе в «Авроре» можно будет поставить только в конце мая (по договоренности). А больше дел в Ленинграде фактически не осталось. Да, брат, бог теперь в Москве.

3. Мама уехала в дом отдыха в Зеленогорске. Звонила оттуда, говорит — хорошо.

4. Перечитал вчера ГО. Нет, брат, это может быть хорошая вещь! Это мы с тобой напишем! Даже жалко, что придется отвлекаться на халтуру. Впрочем, может быть, это даже к лучшему: ГО надо растянуть во времени, чтобы было время вспомнить и забыть — вспомнить важное, забыть неважное.

5. Перечитываю сейчас Фейхтвангера — подряд, начиная с «Иудейской войны»,— а также помогаю Адочке в ее работе, черчу всякие графики и рисую картиночки.

6. А новостей нет.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Почитатели замучили — валят валом и обрывают телефон.

Письмо Аркадия брату, 22 мая 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

Есть новости. И ты прав, бог снова переселился в Москву[1], Бог Милостивый, Снисходительный и Улыбающийся.

Пл. Ногина выпустила наконец ОО из своих когтистых лап. Разрешение на публикацию дано. Стало, кстати, понятно, чем объяснялась такая затяжка, но об этом при встрече[2]. Стало известно лишь, что мы — правильные советские ребята, не чета всяким клеветникам и злопыхателям, только вот настрой у нас излишне критически-болезненный, да это

[1] Перефразировка «Бог теперь в Италии» (эти слова Юста Тивериадского часто повторяет Иосиф в первых двух книгах трилогии Л. Фейхтвангера об Иосифе Флавии — «Иудейская война» и «Сыновья»).

[2] Я абсолютно ничего об этом не помню. Сильно подозреваю, что ничего сенсационного мне АН при встрече не сообщил. Так бывало, и не раз.— *БНС*.

ничего, с легкой руководящей рукой на нашем плече мы можем и должны продолжать работать.

Итак, ОО на марше снова.

Но!

За это время успели рассыпать набор, и теперь мне приходится начинать всё с самого начала.

Перепечатать текст на машинке (разумеется, со всеми исправлениями и купюрами).

Вычитать машинописный текст (о боже милосердный!).

Производственный отдел дает нам зеленую улицу, Софья Никитична (нач. отдела) могучим плечом уже сейчас раздвигает нам дорогу в толпе детгизовских изданий.

Вычитать верстку.

Произвести все необходимые производственникам манипуляции на предмет сокращения или удлинения абзацев и строк, чтобы уместилось на полном числе печатных листов.

Ждать выхода книги. (Впрочем, предварительно опять-таки потребуется ТАМОШНИЙ штамп, но ТАМ поклялись, что читать снова больше не будут и штамп поставят не глядя.)

Подсчитано, что если все пойдет гладко (в производстве), то книга выйдет где-то в сентябре.

Одновременно я закинул Нине удочку насчет сорока процентов. (Нищета одолела, то-се, лето, дача, дети.) Нина ходила к юристу и выяснила, что это можно при наличии от нас заявления — де после одобрения прошло больше года и пр. Заявление напишу.

Вот такие дела, как пишет Курт Воннегут (см. «Новый мир» 3)[1].

В остальном новостей нет.

Получил от мамы открытку, ответил, но письмо будет идти долго. Будет мама звонить — передай любовь и поцелуи.

Жму и пр. твой Арк. Адке привет.

[1] «Такие дела». К. Воннегут, «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» (Новый мир (М.). — 1970.— №№ 3, 4).

Письмо Бориса брату, 29 мая 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Долго отвечал, ибо отвечать было нечего. И сейчас нечего, да совесть заела — лежит твое письмо в столе, такое безответное, бедненькое. Дай, думаю, отвечу.

1. Только что звонил в «Аврору» насчет аванса. Ранее мы договорились, что вопрос этот будет решен в конце мая. Андрей Островский сказал, что он болел, только что вышел, но что, с его точки зрения, всё должно обстоять благополучно. Обещал выяснить и сообщить.

2. Пришли деньги из Риги. 281 руб с копейками. Ннничего! Это получается по сто рублей за лист. Что ж, если бы теперь во всех пятнадцати союзных республиках да еще в чертовой уйме автономных областей, краев и прочих административных национальных округов издали по одной ДР — зажили бы мы припеваючи!

3. Из ГДР пришло письмо. Карл-Людвиг Рихтер осведомляется, буду ли я читать лекции по-немецки и не вышлю ли я их, в противном случае, на предмет предварительного ознакомления с ними переводчика («чтобы передать все тонкости»). А мне тем временем ехать расхотелось начисто. Тошнит при одной мысли. Тяну с ответом и тайно надеюсь на административную волокиту в инстанциях, которые так затянут дело, что к осеннему семестру я в Дрезден не попаду, а дальше, глядишь, объявятся неожиданные дела, последует мое письмо с глубочайшими извинениями и т. д. То есть я бы, конечно, в Дрезден на недельку смотался. Но в течение двух недель читать лекции (по четыре в неделю) относительно связи фантастики с философией и наукой, даже за профессорскую зарплату, не хочу!

4. Подрабатываю частным образом, по соглашению — сокращаю рукопись Меерова для Лениздата на три листа. Мучительная работа. Но расплата — марочками!

5. Дави, дави на гадов! Да здравствуют 40 процентов — основа нашего благосостояния и благодатный костыль на дороге бедствий!

6. А скоро поработаем! Кстати, не хочется ли тебе поработать? Побродить, так сказать, среди Шевелящихся Холмов? А? Разленился, небось! Все с рефератиками да с рецензийками забавляешься. А семь авторских листиков хорошей добротной прозы, насыщенной выдумками, образами и гвоздиками — не хочешь ли выработать?! «Холмы были шевелящиеся. На пульте мигали кенотроны. Петр Семенюк тяжело облокотился на подлокотники и рассеянно поиграл кадыком…» Эх, было же время!..

Мама возвращается числа шестого. Десятого, наверное, надо будет приступать. Не дрогнем, а?

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Письмо Аркадия брату, 2 июня 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Не дрогнем. Особенно мощно не дрогнем, если не 10-го, а примерно 15-го, понеже мои соплявки сдают здесь экзамены и сессии, и мне не хотелось бы оставлять Ленку наедине с этим истерическим ужасом. Тесть и теща умыливаются послезавтра на дачу. А вот начиная с 10–15 (по обстоятельствам) всласть пошевелим семенным кадыком на Шевелящихся холмах. Кстати, а как там с договором с «Авророиным»? Насчет шестидюймовки я понимаю, а как реально подписанный договор — существует он или нет? Ибо если он не существует, тогда, соответственно, призрачнеют шансы на аванс, и я решительно отказываюсь тащиться в Шевелящиеся холмы и предпочту <…> моего друга-следователя.

2. Сидю у в кабинете, загораю и на потолок плюваю[1]. Передо мной заново перепечатанная рукопись ОО, стоит она пока 80 р. Я ее призван считать к утру среды, после чего явиться к Нине и с помощью художественного редактора разметить места для иллюстраций. Затем, видимо, она

[1] Отсылка к строкам одесской песенки времен НЭПа, исполнявшейся В. Высоцким, «Здравствуйте! Мое почтенье…»: «Сижу у ДОПРе, загораю / И на потолок плеваю».

(рукопись) пойдет в производство. Нина надеется, что еще до ее отъезда в отпуск (до 15 июля примерно) получится верстка, а по приезде (в августе) и сверка, после чего бездумный штамп на Ногина и в сентябре… Эх, хорошо бы.

3. Насчет 40 % идут переговоры, пока всё затянуто туманом.

4. С кино тоже пока новостей никаких. Вот-вот должен позвонить мне Павленок и пригласить на беседу. Был у него Юра Борецкий, беседовал. Павленок предложил переделать нашу заявку на «Далекую Радугу» из серии телефильмов на двухсерийный широкоэкранный фильм, что я и сделал. Борецкий уверен, что эта заявка и короткометражка про партизан имеют все шансы пройти. Но до суммы прописью я ему не верю.

5. Стало известно, кто в нашей делегации на симпозиум в Японии. Это: Иван Антонович с супругой (это, действительно, необходимо, он плохо себя чувствует), Рим Парнов, Кагарлицкий, космонавт Леонов и Бережной (это украинский фантаст). Вот так-то, брат Борис. Да оно и к лучшему.

6. Издали ТББ на гишпанском языке. Очень красивая книжка получилась. Вот смотри же ты, даже с нашей ё… полиграфией можно такие хорошие издания производить. Привезу.

Вот пока всё. Привет Адке. Маме я письмо написал.

Целую, жму предплюсну, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 5 июня 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Подписанный договор с «Авророй» не только существует, но уже получено мною по этому договору что-то порядка 250 рублей. Получено позавчера, так что и ты скоро получишь, если уже не получил. А это значит, что работать-таки придется среди Шевелящихся Холмов, а не среди <…> нашего друга следователя.

2. Мамочка прибывает завтра. Буду ее встречать. Против твоего приезда числа 15-го отнюдь не возражаю — погоды стоят жаркие, ленивые, и так сладко ни о чем не думая копаться в марочках.

3. Ты все-таки до отъезда протолкни дело насчет денег не только в Детгизе (там, как я понял, толчок был дан), но и в «Юности». Что-то меня беспокоит твое молчание по поводу «Юности» — хотелось бы все-таки вырвать у них 60 процентов. А уж как получится с т. Павленком — будем только бога молить. Я с Лешкой о нем разговаривал, и Лешкины глаза загорелись: Павленок — третье лицо в Комитете. Шутки! Оч-чень полезное знакомство.

4. Как нас в «Правде» пропечатали, небось не заметил? Газет небось не читаешь? Оч-чень даже здорово получилось и весьма пикантно. Эх, будь на нашем месте истинно деловые люди, как бы стопроцентно они это использовали! На всякий случай сообщаю (если тебе еще не сообщили, что возможно): в «Правде» от 3, кажется, июня в статье, посвященной космонавтам, на стр. 3, смотрю это я — что-то знакомое! Ба! Рассказывается что-то там про Королева и сообщается между прочим, что в его архиве нашли какие-то бумажки, на коих его личным почерком написаны стихи: «В предутренний ветер, в ненастное море, где белая пена бурлит…» и т. д. Помнишь? Из СБТ. На нас ссылки, натурально, нет, и вообще ощущается тень намека, что это написал сам Главный конструктор, но факт есть факт. Так что ты везде об этом рассказывай — вдруг чем-то поможет. Да и приятно все-таки, хоть стихи и дерьмовенькие. Так что теперь нас не тронь — мы в ЦО печатаемся[1]. Как Евтушенко.

5. По-моему, огорчило тебя, что не пустили в Японию. Плюнь! Всё это, ей-богу, к лучшему. А я уж теперь хрен поеду в ГДР. Лекции вам читать? Хера! Не пускать так не пускать.

---

[1] Апенченко Ю. Путь в будущее. Наш спецкор передает с космодрома // Правда (М.).— 1970.— 3 июня. Отрывок из статьи о старте космического корабля «Союз-9» с А. Николаевым и В. Севастьяновым: «Накануне старта мы побывали в домике, где останавливался, жил и работал С. П. Королев. Много написано об энергии, силе духа и целеустремленности этого человека. Но вот в старой папке нашлись два чуть выцветших телеграфных бланка, на обороте которых твердым почерком выдающегося конструктора записаны стихи:

В предутренний ветер, в ненастное море,
Где белая пена бурлит,
Спокойные люди в неясные зори
Уводят свои корабли…

За несколько дней до начала полета спокойные люди пришли к этому домику и к тому, что по соседству с ним, поклониться и сказать, что путь продолжается».

Кстати, здесь был Лео Кошут, главред гедеэровского изд-ва, которое печатало СБТ. Я говорил с ним по телефону. Он сказал, что в их изд-ве только несколькими тиражами вышла СБТ и какие-то рассказы. Намекнул, почему больше ничего не вышло. Сказал, что деньги можно получить по приезде в ГДР, в любое время. Когда-нибудь съездим. Без лекций только. На пару дней.

6. А что слышно из Казани?

7. Я тут вкалывал на Меерова. Здорово поработал, в поте лица. Сократил на два с половиной листа. Посмотрим, что будет.

Ну вот, пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет! Девчонкам — ни пуха ни пера.

Случались и такие письма. Когда вроде бы и тема ушла в прошлое…

Из архива.
Письмо к АБС с «Ленфильма», 15 июня 1970

Уважаемые Борис Натанович и Аркадий Натанович!

30 января с. г. вам было направлено письмо, в котором была изложена точка зрения сценарно-редакционной коллегии студии на представленный вами по договору от 25 апреля 1969 г. третий вариант сценария «Дело об убийстве». В заключении мы предложили вам ответить, согласны ли вы продолжить работу над сценарием сверх 3-го варианта в духе предложенных нами замечаний.

Студия до сего дня не получила от вас ответа и вынуждена расценивать это как отказ от дальнейшей работы в предложенном направлении. В связи с этим студия считает договор с вами от 25 апреля 1970 г. на написание сценария «Дело об убийстве» на основании § 10 расторгнутым с сохранением за вами ранее полученных авансов.

Главный редактор киностудии «Ленфильм»

И. Головань

Рабочий дневник АБС

[дневник приездов: 20.06.70. Приезд 16.06.70. <...> Тужимся над сюжетом «Операция Маугли».]

17.06.70

Работаем у мамы.

Цивилизация — система социальной организации разумных существ, призванная создавать и обслуживать новые материальные и духовные потребности.

офтальмограф

офтальмоскоп

Малыш: Морщинистые острова

История об изобретателе вечного двигателя. Инопланетяне строят. Не работает. Прилетела ракета скорой помощи, взяла изобретателя и увезла. А двигатель заработал.

18.06.70

Гетероморфы. Киберов принимают за взрослых, людей — за детей. Попытка контактов — подражание охотничьим повадкам киберов. Дважды подрывали почву под «матками» — принимают корабли за взрослых особей,— чтобы перевести в более приятную среду обитания.

Герои попали на Морщинистый остров, являющийся инкубатором — детским садом. Корабль убил целое гнездо мальков. Возникла враждебность: киберов убивают, Айзека крадут и переправляют на материк. Изгоняют корабль.

[см. таблицу на стр. 527–528]

19.06.70

Утром сделали 6 стр.

Вечером сделали 2 стр. (8)

1) Малыш уходит к людям добровольно;
2) Малыша увозят насильно;
3) Малыш не входит в контакт;
4) Малыш остается добровольно;
5) Малыша задерживают предки;
6) Малыша люди не берут с собой;
7) Малыша убивают люди сознательно;

9.00	Посадка (очередная, 4-я) «Колючки-21». Посылка киберов-ловчих на поиски «паука» и «устрицы»	Гибель Воспитателя и 20-ти младенцев. Совещание, что делать. Малыш и Предки выходят на разведку. Решение — изгнать
10.00		Натыкаются на ловчего и тащат в пещеру, показать, что наделал виброякорь. Ловчему наплевать, он продолжает колоться[1], и рассвирепевший Малыш его убивает. Выносят дохлого ловчего и укладывают на видном месте. Надеются, что, увидев труп, эфемериды испугаются и улетят. А то уже 5 суток ловчие копают ходы на детплощадке, их уже ловили, показывали
11.00	Второй ловчий притаскивает к «Колючке» труп 1-го ловчего. Люди удивлены появлением электрических животных. Такого еще не было. Стасю поручено создать для ловчих электрозащиту. Тем временем 3-й ловчий обнаружил корабль	Теперь терпение лопнуло. Убили и выставили в качестве предупреждения. Один из Предков заманивает второго ловчего на труп первого
12.00	Нина, Айзек и Вандерхузе отправились на глайдере к кораблю, а Стась и Карло работают над защитой	Отпиливают виброякорь на случай, если матка перелетит на другое место и опять угодит на детплощадку. Увидели вылетающий глайдер, решили, что матка повреждена и «взрослые» улетели на глайдере, а значит, можно исследовать планету
13.00	Мрачно-унылое место, бессонные ночи. И вдруг Стась видит призрак Малыша. Орет. Вбегает Карло. Человекообразное изображение рассеивается	Малыш проникает на корабль и там осматривает всё. Малыш, смущенный, что напугал детей, удирает. «Взрослые» не улетели

[1] Имеется в виду — бить током.— *БНС*.

14.00	Экспедиция возвращается, рассказывает про корабль (скелеты). Карло и Стась не рассказывают про странное посещение. Ловчих к этому времени покрывают изоляцией и запускают вновь	На ловчих выпускают Малыша. Малыш пытает ловчих током, а т. к. он человек, они уходят обратно к «Колючке». Предки решили, что «взрослые», наконец, всё поняли и решили убираться
15.00	Возвращение ловчих без изолятора всех поражает. Снаряжается экспедиция, чтобы выяснить, что происходит: Стась, Карло и ловчие	Предки поражены: «взрослые» не только повторяют попытку, но и тащат за собой детей. Тогда решили окончательно острастить пришельцев: пускают Малыша во 2-й рейд на «Колючку». Малыш вызывает там панику
16.00	По радио Стась и Карло слышат сигнал тревоги, паника, садятся на ловчих и мчатся обратно. Им рассказывают о налете. Стась и Карло тоже рассказывают о том, что было 3 часа назад	Предки поняли так, что «взрослые» спешат на помощь детям. Предки считают, что вот теперь-то они улетят наконец
17.00	Хочется улететь, но хочется и раскрыть тайну. Идет бурное совещание. Айзек требует остаться и исследовать. Вандерхузе за немедленный отлет. Приказывает Стасю провести предстартовый контроль. Стась обнаруживает, что спилен виброякорь и корабль действительно покачивается, а раньше грешили на приборы	
19.00	Связь с материком, по рекомендации Горбовского приказано немедленно возвращаться	Малыш дает концерт: кричит разными голосами

8) Малыша убивают люди не ведая;

9) Малыша убивают предки (случайно или нарочно);

10) Малыш кончает самоубийством (героически или по личным причинам).

20.06.70

Думаем заново. Написанное похерили.

21.06.70

Находка корабля.

Часть 1 (до идентификации)

1. Происшествие с роботами. а) Возвращаются роботы. б) Остановившийся робот.

2. Зрительная галлюцинация. а) Видит, проснувшись. б) Малыша сквозь изображение, следы.

3. Слуховая галлюцинация. а) Голосовая галлюцинация (репортаж с корабля). б) 2 случая «шагов».

4. Запах. Каждый раз сопровожд<ает> галлюцинации в корабле.

5. Псевдо: а) случай с куклой, б) исчезновение пленок из регистрирующей аппаратуры.

Часть 2 (идентификация)

1. Появление Малыша в кают-компании, все видят, бросаются в погоню. Малыш катится по болоту.

Сюжет:

1. Беседа, обсуждение случившегося. Ксеник: «он», Стась: «Они». Ксеник опознал в лицо.

2. Телеграмма, идентифицирующая корабль: супруги Семеновы с годовалым ребенком.

3. Уверились, что ребенок выжил. Вандерхузе идет давать телеграмму, что работали напрасно.

5[1]. Доказательства разумности воспитателей:

а) прямохождение;

б) искусство имитации человеческой речи;

в) псевдо: роботы реагируют как на человека.

[1] Четвертый пункт отсутствует.

6. База предлагает: выловить и попытаться вернуть в лоно человечества, предоставить свободу выбора. Стась: за. Вандерхузе: за. Дик: ноет (живет себе, хорошо ему, зачем ловить, калечить). Ксеник отмалчивается: он подозревает разумность, а контакт после погони и пленения — это не контакт. А если сказать, что разумный — у ксеника отберут все прерогативы? Нет, не отберут. Он сам — член Комиссии и имеет право осуществлять Контакт.

7. Обмен телеграммами с Комиссией. Объявлена зона контакта со всеми вытекающими. Каспар загоняет всех в корабль и выходит в поле с транслятором.

8. На следующее утро. «Он идет». Некоторое удивление, что идет, неохотно, но не боясь. Стась его рассматривает в дальномер. Описание. Малыш садится перед Каспаром. Контакт начат.

9. Через сутки. Дик ноет, всё ему не нравится. С мрачным видом чистит оружие. Обучение языку закончилось.

10. Следующий день: разговор с Малышом. Слушают все в кают-компании. Одновременно записывается и выстреливается импульсами в Комиссию.

Недоразумение:

1. Роботы — старшие, Малыш требует увидеться с ними. Вызывают робота. «Они неживые». Демонстрация железа. Малыш в унынии: ему представляется, что люди и он сам со временем превращаются в машины.

2. «Я хочу с вами улететь».— «Конечно, хоть сейчас».— «А мы вернемся?» — «Обязательно». Малыш снова в унынии: его задача — убрать землян с планеты.

3. Малыш получает впечатление, что без него контакт невозможен.

Ничего его не интересует. Сам рассказывает охотно, но задает только десяток одних и тех же вопросов. После двух раз беседа переносится в кают-компанию. Показывают кино, дают музыку. Никаких признаков интереса.

Постоянные вопросы Малыша:

1. Вас много? (Сколько вас?) Если вы не будете, другие придут?

2. Вы очень хотите контакта?

3. Очень я необходим для контакта? Если меня не будет, контакт будет?

4. Если я с вами улечу, вы вернетесь? Если я улечу, возвращение будет?

5. Зачем вы хотите контакт? — Мы будем рассказывать вам, вы будете рассказывать нам.

22 июня 1970 г.

Стась Попов — кибертехник, 20 л.

Каспар Тендер — ксенопсихолог, 30 л. [справа: «Геннадий Комов — Капитан»]

Ричард [«Морзе» — перечеркнуто] Мирер — квартирьер-топограф, 22 л. [справа: напр<имер> Майка]

Яков Вандерхузе — капитан, 32 л.

Сделали 5 стр.

Вечером сделали 2 стр. (7)

23.06.70

Сделали 5 стр.

Вечером сделали 2 стр. (14)

С таким блоком акс<иомати>ки не только в люди. Всё будешь сомнению подвергать.

24.06.70

Сделали 5 стр.

Вечером сделали 2 стр. (21)

25.06.70

Сделали 5 стр.

Вечером сделали 2 стр. (28)

26.06.70

1. Причина катастрофы.
2. Игрушки и кройка-шитье.
3. Положение скелетов.
4. Микрофлора и микрофауна Земли.
5. Архив.
6. Утечка выжившей кибертехники.

Сделали 5 стр.

Вечером сделали 2 стр. (35)

27.06.70

Сделали 5 стр.

Вечером сделали 2 стр. (42)

28.06.70

Сделали 5 стр.

Вечер. сделали 2 стр. (49)

1) Невооруженным глазом было видно, что проекту «Ковчег» пришел конец.

2) Скорее всего нас отсюда попрут со страшной скоростью, и воцарится здесь КК.

29.06.70

[дневник приездов: 29.06.70. Написали 56 стр. «Малыша». <...>]

Сделали 6 стр.

Вечером сделали 1 стр. (56)

30.06.70

Сделали 5 стр. (61)

и временно прервались.

1.07.70

[дневник приездов: 1.07.70. Дописали 63 стр. Сегодня уезжаю[1].]

Арк уезжает.

Письмо Аркадия брату, 6 июля 1970, М.— Л.

Дорогой Борис!

Начинаем летнюю переписку.

1. С Ниной увидеться не пришлось, только обстоятельно разговаривали по телефону. ОО приходил из производственного отдела, Нина сняла вопросы корректоров и производственников, сейчас рукопись направляется непосредственно в набор. Случится это либо сегодня, 6 июля, либо через день. Нина уезжает в отпуск на месяц, управление нашими делами передала Эле Микоян, так что держать связь я буду с нею. Относительно денег — всё в порядке, деньги нам выслали (по слухам) третьего, так что будем ждать.

[1] На этой записи дневник приездов АНа в Ленинград заканчивается.

2. В «Юности» имел место некоторый шухерок по поводу нашей фотографии. Я вернулся как раз в тот день, когда Ленке строго предложили незамедлительно и категорически достать наш портрет. Каковы нравы? Ну, я на следующее утро туда. Конечно, никого там на месте нет. И это было к добру. Пошел я в ЦДЛ и носом к носу натолкнулся на Лесса — помнишь, этот спецфотограф по писателям? Всё утряслось моментально. Лесс был страшно доволен, поскольку финансово оправдывал затраты на фотопринадлежности, проявление и пр. Я был страшно доволен, потому что от меня отстали. Худредактор был страшно доволен, потому что фото у Лесса качественные и ретушировать не придется. В тот же день, двумя часами позже, я увиделся с художником Новожиловым, который сдавал иллюстрации для первого нашего номера. Мне страшно понравилось. А вот что мне НЕ понравилось. Ребята в «Юности», с которыми я разговаривал, с гадливостью рассказывают, что Железнов, ответственный секретарь, взялся сейчас сам читать перед сдачей в набор и обнаруживает вопиющее отсутствие литературных талантов (у себя): ему неизвестны, а следовательно объявлены в русском языке несуществующими, слова типа «брылья», «нищеброд» и пр. Озерова предложила мне быть всё время в пределах досягаемости, чтобы по первому свистку выехать и вступить в сражение, ибо она ничего поделать с ним, Железновым, не может. Впрочем, полагаю, все утрясется. Как поеду туда, так и поговорю с Озеровой насчет одобрения.

3. Больше существенных новостей нет. Между делом прочитал Шевцова «Любовь и ненависть». Страшненькая книжечка. Между прочим, прошел слух, будто в ЦК вынесли решение о строгом партийном взыскании Шевцову — по совокупности. Если это правда, то было бы неплохо.

Вот всё пока.

Привет Адке. Поцелуй маму.

Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 10 июля 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Письмо твое, наконец, получил. Ай да ты! Обещал ответить, в смысле отписать, на другой же день по приезде, а что получилось? Впрочем, понимаю: писать было особенно нечего. Мне тоже писать-таки особенно нечего, но пишу!

1. Ходил в Литфонд, подал заявки на первую половину сентября и на вторую половину октября. Обещали.

2. Вышла книга Бритикова о фантастике. Я ее еще не видел, но некоторые видели и почитывали. Говорят, что книга странноватая. Насколько я понял, Бритиков там со страшной силой несет Немцово-Казанцева, что меня несколько (не сильно, впрочем) удивило, и — что удивило меня гораздо больше — много пишет о нас, причем в основном хвалит. Я, грешным делом, думал, что в связи с конъюнктурой Бритиков нас вообще вымарает, однако же — нет. Миша Лемхин рассказывал, что о нас там очень много, чуть ли не на каждой странице. Говорили мне еще, что хвалит (среди прочих наших вещей) ВНМ и ругает УнС (Новопашенный цитировал мне по телефону: «Улитка Стругацких ползет вниз по склону фантастики»).

3. Когда будешь разговаривать с Железновым, держись крепче. Такие разговоры насчет русского языка — это милое дело. Крой его эрудицией, ссылайся на Даля и Ожегова и соглашайся не более, чем с десятью процентами замечаний. Это дозволяется. На самом деле Железнов, конечно, озабочен убрать РУССКИЕ слова из повести, рассказывающей о НЕРУССКОЙ жизни. Это все разновидности борьбы с аллюзиями и ассоциациями, а также с многодонностью литературы. Я этого дела нюхнул в «Неве» по самую завьязку.

4. Я сейчас в основном читаю и помогаю Адке считать. Дней через десять мы, вероятно, уедем с ней куда-нибудь, но не больше, чем на две недели. Надеюсь еще получить от тебя одно письмо до отъезда. И было бы ИЗУМИТЕЛЬНО, если бы ты выслал мне ТББ на гишпанском. Это было бы ВЕЛИКОЛЕПНО!

5. Пришли ли деньги из Детгиза, не знаю. Впрочем, на днях пойду в сберкассу.

6. Завтра провожаю мамочку в Москву. На днях мы с ней сражались в тыщу, и я выиграл 70 коп. А до этого играли в девятку с Копыловыми, и я просадил пять рубликов. Вот не везло так не везло! У Копылова была пруха, он выигрывал подряд, прямо как тот хмырь у Гашека[1], и как он ни корчился, как ни мучился — все выигрывал и выигрывал. Мы его уже крыли по всячески и намеревались бить, но ничего не помогало. Он уж и Фортуну ругал шлюхой и падлой — не помогало. Карты ронял. Уходил надолго в сортир. Прерывал игру, чтобы пожрать. Нет, не помогало. В общем, выиграл за вечер больше восьми рублей!

7. Из фотографий Лесса я бы рекомендовал все-таки ту, где мы стоим у книжной полки. «Мы за машинкой» мне не нра. Какая-то она нарочитая. Впрочем, всё это моча.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!!!

P. P. S. Так вышли ТББ, а? Это было бы РОСКОШНО! Это было бы …ительно и …ейше!

P. P. P. S. И опять же ты забыл поставить дату, мать… мать… мать!!!

Анатолий Бритиков воспринимал творчество Авторов очень неоднозначно. В известнейшей монографии, вышедшей в 1970 году, отразились среди прочего и все его воззрения на книги АБС. Поскольку в письмах АБС сам Бритиков, его статьи и книги упоминаются часто, приводим несколько отрывков из этой монографии — суждения Бритикова о различных произведениях Авторов. Суждения, возможно, и ошибочные, но всегда аргументированные — просто он такими видел мир и литературу.

Из: Бритиков А. Ф.
Русский советский научно-фантастический роман

<…>

Злой памфлет Стругацких «Понедельник начинается в субботу» (1965) — пародия более общая и менее удачная [чем рассказы Варшавского.— *Сост.*]. В повести немало просто развлекательных страниц, хотя и немало дельных

[1] Вейвода из «Похождений бравого солдата Швейка во время мировой войны» (ч. 1, гл. 14, главка 1).

выпадов против псевдонауки и псевдофантастики. Хорошо придумано учреждение, где та и другая «гармонически» объединяются: Научно-исследовательский институт Чародейства и Волшебства. Удачны образы сотрудников вроде Наины Киевны Горыныч или Януса Полуэктовича Невструева. Читатель не раз посмеется в отделе Линейного Счастья или Предсказаний и Пророчеств («Отдел был захудалый, запущенный»). Оценит, скажем, что НИИЧАВО отапливается и освещается от Колеса Фортуны и что «одно время модно было защищать диссертации на уточнение радиуса кривизны» этого счастливого колеса.

И все же остроумная «сказка для научных работников младшего возраста» (уточняет заглавие) получилась «довольно легкомысленной» (как предупреждает предисловие) не в шутку, а всерьез. Многовато в ней от хохмы, притом о вещах, зубоскальству мало сродственных.

Ведь НИИЧАВО занимается «прежде всего проблемами человеческого счастья и смысла человеческой жизни». Разумеется, нечего ожидать от профессора Выбегаллы, выращивающего «модель универсального потребителя», чье счастье «будет неописуемым»: «чем больше материальных потребностей, тем разнообразнее будут духовные потребности». Но для тонких Стругацких такой гротеск груб. Впрочем, и противостоящие Выбегаллам «честные маги» не отличаются глубиной мысли: «…даже среди них никто точно не знал, что такое счастье и в чем смысл жизни».

Правда, положительные персонажи НИИЧАВО «приняли рабочую гипотезу, что счастье в непрерывном познании неизвестного и смысл жизни в том же. Каждый человек — маг в душе, но он становится магом только тогда, когда… работать ему становится интереснее, чем развлекаться в старинном смысле этого слова». Но мы не видим причины упрекать того же Выбегаллу в том, что он не разделяет эту домашнюю истину. Он ли не самозабвенно «трудится» и он ли не видит в своем занятии смысла жизни?! А с другой стороны, разве «положительные» маги не занимаются такой же ерундой? Да и что другое им делать в НИИЧАВО?

Тем не менее авторы склоняются к тому, что упомянутая «рабочая гипотеза <…> недалека от истины, потому что, так же как труд превратил обезьяну в человека, точно так же отсутствие труда <…> превращает человека в обезьяну».

Какой труд — и какое отсутствие … Конечно, авторы все это прекрасно знают, но остановиться в своей всеобъемлющей иронии не могут. Вот и получается, что «позитивное» представление о труде, человеке и обезьяне, с точки зрения которого мы должны судить Выбегаллу, тоже вышло из какого-нибудь отдела Ординарного Шутовства. Нам кажется, в этом — главный просчет. Нам кажется, авторам не хватило чувства ответственности, которое диктует художественную меру.

<…>

Творчество Аркадия и Бориса Стругацких наиболее ярко отразило успехи и издержки освоения современным фантастическим романом социальной тематики. Дальше мы подробно остановимся на достижениях талантливых писателей, а сейчас попробуем выяснить источник просчетов.

Стругацкие начали как полемисты. В ранних повестях «Страна багровых туч» и «Путь на Амальтею» они выступили против теории предела, сводившей фантастику к ограниченному кругу технологических тем. Им принадлежит одна из самых известных книг о коммунистическом будущем «Возвращение» («Полдень. 22-й век»). Плодотворный спор вызвала фантастическая повесть-предупреждение «Трудно быть богом» (1964). В то же время в творчестве Стругацких резко выявилась односторонность этого жанра, связанная, как нам кажется, с пониманием фантастики лишь как художественного приема, т. е. с ослаблением научного критерия в социальной тематике.

Уже в «Стране багровых туч» Стругацкие попытались по-своему решить проблему героя современного фантастического романа. Если Ефремов показывал, каким необыкновенным станет человек при коммунизме, Стругацких увлекла полемическая мысль: коммунизм с его высокой научно-технической культурой и чистотой человеческих отношений по плечу лучшим нашим современникам.

Правда, их герои не несут таких вечных человеческих проблем, как Мвен Мас, Дар Ветер, Веда Конг. С другой стороны, в полемическом пылу писатели наделили некоторых своих «современных людей будущего» чертами несколько странными. Трудно, например, понять, как среди космонавтов мог оказаться человек, не только страдающий славолюбием, но и способный превратить случайное недоразумение в безобразную драку («Страна багровых туч»). В одной из ранних повестей коллектив гигантской кибермашины, пользуясь отлучкой шефа, задает Великому КРИ заведомо бессмысленные задачи. Бородатые дяди с жестоким любопытством детей любуются его «мучениями» — будто им невдомек, чего стоит рабочее время машины. А шеф не находит ничего лучше, как объясниться с «озорниками» при помощи… палки. (В другом варианте новеллы, включенном в «Возвращение», Стругацкие «поправились»: старый ученый таскает «мальчишку» за бороду…)

В «Возвращении» школьники-подростки собираются бежать на недавно открытую планету. Этот штрих может показаться жизненно правдивым: юность, вероятно, долго еще будет болеть возрастной безответственностью. Тем не менее, сравнивая этих «живых» юношей с несколько ригористичной молодежью «Туманности Андромеды», не скажешь, что Стругацкие ближе к истине. С одной стороны, благородная защита слабого и наказание виновного в нарушении кодекса мальчишеской чести, а с другой,— лексикон, никак не свидетельствующий о культуре чувств: «Какой дурак кинул мыло под ноги?!», «Вот как врежу», «Но-но! Втяни манипуляторы, ты!», «Грубая скотина».

В «Возвращении» среди ридеров — людей, способных читать чужие мысли,— фигурирует юнец, запахнутый в нелепую золотую тогу. Он занимается тем, что «подслушивает» мысли прохожих. Сей стиляга XXII в. требует для ридеров каких-то особых привилегий. Разумеется, его осаживают, однако нотация декоративна, под стать тоге. Писатели, видимо, хотели сказать: ничто человеческое не будет чуждо и нашим идеальным потомкам. Но не будут ли контрасты

помягче? Не втянет ли, в самом деле, «грубая скотина» свои «манипуляторы»?

Пестрота, противопоставляемая ефремовской голубизне, смахивает на ту, что в героях Немцова,— когда характер составлялся из наудачу выхваченных противоположностей. Пожалуй, только в повести «Трудно быть богом», в которой всё внимание уделено человеку, убедительна внутренняя борьба с не до конца преодоленными атавистическими инстинктами.

Не очень заботятся Стругацкие и о психологической правде положительных персонажей. Умные и интеллигентные люди у них чересчур уж склонны к несмешным (иногда — пошловатым) остротам. Раздражает нарочитое благородство, наигранная скромность, демонстративно грубоватая мужественность. Не слишком ли напоказ угрюм в «Стажерах» знаменитый космолетчик Быков? Не чересчур ли фатоват в той же повести не менее знаменитый планетолог Юрковский? Словечко «кадет», которым Юрковский надоедливо величает стажера Жилина, звучит в XXII в. почти так же, как звучало бы в устах Юрия Гагарина какое-нибудь «поелику» или «припадая к стопам».

Скромнейший из храбрых разведчиков космоса Горбовский (в «Возвращении» и других повестях) на отдыхе ужасно любит поваляться. На диване, на травке. Авторы аккуратно не забывают приставить эту прозаическую горизонтальность к его романтической вертикали. Многомерность, пусть и небогатая. А вот когда в последний час планеты Радуга Горбовский пристает с «житейским» вопросом к Камиллу: «Вы человек? Не стесняйтесь. Я уже никому не успею рассказать»,— хочется попросить его выразить свою межпланетную уравновешенность как-то иначе. Ведь Камилл — в самом деле наполовину робот (приспособлен для опасных опытов с нуль-пространством).

Трижды Камилл умирал и воскресал, и вот суждено в четвертый раз. Когда он посетовал на предстоящее одиночество, а Горбовский посочувствовал, что это уже от человека, Камилл ответил любопытным монологом о людях, которые

любят помечтать «о мудрости патриархов, у которых нет ни желаний, ни чувств»: «… вы оскопляете себя. Вы отрываете от себя всю эмоциональную половину человечьего и оставляете только одну реакцию на окружающий мир — сомнение. «Подвергай сомнению!» — Камилл помолчал. — И тогда вас ожидает одиночество».

Может быть, здесь приоткрывается некий спор авторов с самими собой. Они сказали больше, чем хотели, ибо невольно сказали о своем методе. Здесь прорисовывается не только мысль о нарушении баланса эмоционального с рациональным, но и противоречие концепции человека у Стругацких. В необычайной обстановке в людях раскрываются и необычайные возможности. Стругацкие же пытаются сохранить своих героев неизменными, и оттого знакомые их черты делаются странными и неестественными. Ведь когда Камилл упрекает «вполне людей»: «Нужно любить, нужно читать о любви, нужны зеленые холмы, музыка, картины, неудовлетворенность, страх, зависть» — он прав вовсе не риторически: очень, очень скудно наделены «живые» герои Стругацких «врожденной способностью чувствовать». И если не приходится сожалеть о страхе и зависти, то ведь и любовью никто по-настоящему не одарен, за исключением Антона-Руматы, но для того его пришлось отправить из будущего — в прошлое. («Трудно быть богом».)

Стругацким лучше удается не прямое изображение человека, а косвенная характеристика «идеи человека» — через окружающий мир. В «Возвращении» одна из новелл, включенная в главу «Благоустроенная планета», названа по знаменитому роману Г. Мелвилла «Моби Дик». У Мелвилла непокорный кит Моби Дик потопил корабль капитана Ахава, словно мстя человеку за его кровавое ремесло. На Благоустроенной планете китовый промысел перестал быть зверским убийством. На совершенных подводных лодках океанская охрана пасет стада китов, охраняет от хищников. Романтика мирного творчества, гуманного хозяйствования. Этика ремесла — прямое продолжение принципов коммунизма. И в обрамлении этой метафоры естественней голоса, теплее чувства героев.

Этот фон освещает человеческие фигуры едва ли не лучше, чем они раскрываются сами. «Работа, работа, работа… Весь смысл жизни в работе, — жалуется в «Стажерах» некая дама. — Всё время чего-то ищут. Все время чего-то строят. Зачем? Я понимаю, это нужно было раньше, когда всего не хватало. Когда была эта экономическая борьба. Когда еще нужно было доказывать, что мы можем не хуже, а лучше, чем они. Доказали. А борьба осталась. Какая-то глухая, неявная. Я не понимаю ее».

Свидетельница борьбы миров, в которой победила ее страна, эта женщина так и не стала ее участницей. Она не понимает уходящих в космос и не возвращающихся оттуда и все-таки не может не провожать и не встречать. Они — живут! И, умирая, остаются молодыми, и молодежь — стажеры — заменяет их на бессменной вахте. А она — прячется в тени аэровокзала, чтобы хоть глянуть на эту жизнь, что прошла мимо, — теперь уже старая, обрюзглая, отдавшая свои годы одной себе…

Мещанка появляется в начале и в конце повести. Эта композиционная рамка ненавязчиво вводит осколок прошлого в будущее. Мещанин не сможет открыто выступать под флагом индивидуализма, он попытается говорить от имени людей. Коммунизм, мол, в конце концов для того и строится, чтобы люди перестали изнурять себя. Для мещанина это значит — тешить себя безбедным, комфортабельным, изящным существованием. Мещанке пытаются объяснить разницу: природа дала человеку разум, и «разум этот неизбежно должен развиваться. А ты гасишь в себе разум». Но эти рационалистические эмоции отскакивают от ее софизмов: «Всю жизнь ты работал… А я всю жизнь гасила разум. Я всю жизнь занималась тем, что лелеяла свои низменные инстинкты. И кто же из нас счастливее теперь?

— Конечно, я, — сказал Дауге.

Она откровенно оглядела его и засмеялась.

— Нет, — сказала она. — Я! В худшем случае мы оба одинаково несчастливы. Бездарная кукушка… или трудолюбивый муравей — конец один: старость, одиночество, пустота. Я ничего не приобрела, а ты все потерял».

Цинично, бессильно и — жизненно. Не потому, что мещанин таким вот и останется (может быть, через сто лет его все-таки не будет?), а потому, что здесь гиперболизация зла — форма протеста и отрицания — и отрицания не головного, как часто получается у Стругацких, но и не только эмоционального. История ведь продемонстрировала невероятную приспособляемость мещанства. Глубоко эмоциональная тревога придает предупреждению о мещанине ту живую конкретность, которая меньше удается Стругацким в утверждении, в изображении положительных героев.

Хорошо ли, плохо ли показали Стругацкие Юрковского и Дауге, Горбовского и Быкова — те жили и умирали за высокие цели. И вот скромный спутник Юрковского бортинженер Жилин в повести «Хищные вещи века» встречает памятник. Не Юрковскому — открывателю тайны колец Сатурна, а «пионеру», сорвавшему огромный куш в местном казино. В некоем городке некой условной Страны Дураков. Ни одна душа здесь не знает героев космоса. Все жуют. Хлеб и наслаждения. Подражая древним владыкам, лакомятся мозгом живой обезьянки. Развлекаются стрельбой с самолета по отдыхающим обывателям. Ненавидят «интелей» — не обязательно интеллигентов, просто всех, кто не видит счастья во всем этом. И тайный порок, объемлющий все роды жеванья, — слег.

<…>

Писатели могли бы избрать и вовсе реальную заразу. Прозаичное пьянство или «поэтический» суррогат бездумного искусства. Цивилизация дьявольски изобретательна на вещи, пожирающие человека. Слег — символ бесцельного достатка, врасплох застигнувшего неустойчивые души. Мало кто не слыхал о духовном кризисе, поразившем те капиталистические страны, которым удалось достичь определенного материального благополучия. Фантастические цифры потребления алкоголя, невиданное падение нравов, бесплодное буйство или апатия, попеременно охватывающие то молодежь, то зрелое поколение,— это лишь тени глубокого

внутреннего недуга. Люди, которых извечно подстегивала лихорадка накопительства, в один прекрасный день вдруг обнаружили, что цель жизни достигнута и никакой другой нет. Ибо высшие, подлинно человеческие потребности не развиты. Остается слег.

В «Хищных вещах века» действие происходит в процветающем под эгидой ООН смешанном мире. Подавлены очаги войны, осуществлено разоружение, милитаристы на пенсии. Обо всем этом, правда, сказано не очень внятно. Неясно, какова роль в этом мире социалистических стран. Что это за Страна Дураков? В предисловии Стругацкие говорят о «свойстве буржуазной идеологии… разлагать души людей… И особенно страшным представляется действие этой идеологии в условиях материального достатка». Авторы абстрагировались от того, как эти факторы будут действовать в социалистическом окружении, и тем самым дали повод к недоумениям. На это можно возразить, что от фантастов нельзя требовать ответа на вопросы, которые разрешит только живая практика истории. Достаточно того, что в «Хищных вещах века» Стругацкие показали всю жизненную остроту проблемы, сформулированной в эпиграфе из Сент-Экзюпери: «Есть лишь одна проблема — одна-единственная в мире — вернуть людям духовное содержание, духовные заботы».

<…>

В романе «Возвращение со звезд», переведенном в один год с выходом в свет «Хищных вещей века», Станислав Лем проводит близкую Стругацким мысль, что опасность отчуждения человека от своей человеческой сущности коренится не только в старинной борьбе за место под солнцем, но и в новейшем мещанском идеале растительного существования. <…>

Вот этот мотив долга человека перед людьми, оказавшимися беззащитными перед «хищными вещами», и сближает повесть Стругацких с романом Лема. Правда, у Стругацких художественное решение холодней, дидактичней и декларативней. Жилин раздваивается между жалостью к жертвам сытого неблагополучия и ненавистью к закоренелому мещанину.

Нечего возразить против социальной педагогики, которую Жилин формулирует в финале, но куда более впечатляет его ненависть. Свою ненависть к мещанину Стругацкие сконцентрировали в повести «Второе нашествие марсиан» (1967). В какой-то мере они шли проторенным путем: «первое» — в «Борьбе миров» Уэллса. В повести «Майор Велл Эндъю» Лагин, используя Уэллсову канву, заострил ренегатскую сущность обывателя. У Стругацких разоблачение глубже, картина ренегатства куда сложней и художественно совершенней.

У Лагина и Уэллса мещанин предает в открытой борьбе. У Стругацких здравомыслящий (подзаголовок повести «Записки здравомыслящего») «незаметно» эволюционирует к подлости. Цель марсиан так и остается невыясненной. Они даже не появляются. От их имени действуют предприимчивые молодчики. Фермеров бесплатно снабжают пшеницей, которая созревает в две недели. Пойманных инсургентов агенты марсиан… отпускают, обласкав и одарив (правда, подарки явно принадлежали непокорным согражданам). Уэллсовы спрутопауки просто выкачивали кровь — здесь чувствуется рука рачительного хозяина.

И фермеры сами вылавливают партизан. Во имя чего сопротивление, если не меч, но «благодетельный» мир несут захватчики? Интеллигентные вожаки инсургентов не могут выдвинуть убедительных доводов. Да, независимость, да, человеку нужно еще что-то, кроме изумительной самогонки-синюхи. Но нужно ли этим? Духовные вожди проспали момент, когда мещанин поглотил человека. «Союзы ради прогресса» и «корпусы мира» рассчитаны в числе прочего и на обуржуазивание потенциальных очагов социального взрыва. Фашистская машина подавления опиралась и на развращение обывательских слоев нации. Войны продолжают угрожать миру и из-за равнодушия мещанина.

Стругацкие подводят к этому почти без иронии, почти без гротеска, в реалистических столкновениях характеров, через тонкий психологический анализ. Мещанин предает человечество, предавая человека в себе самом. Уверенно, мастерски,

зрело выписано перевоплощение вчерашнего патриота — в горячего сторонника захватчиков, знающего, что делать, партизана — в растерявшегося интеллигентика. Символика «Второго нашествия» не навязывается рационалистически, как в некоторых других вещах Стругацких, но сама собой вытекает из ситуаций. Гротескность не в манере письма, а в угле зрения на вещи.

Видение «хищных вещей» впервые мелькнуло в космической повести Стругацких «Попытка к бегству» (1962). На случайно открытой планете земляне увидели, какими опасными могут стать в руках феодальных царьков даже осколки высокой культуры. Стража принуждает заключенных, рискуя жизнью, вслепую нажимать кнопки на механических чудовищах, которые были оставлены здесь космическими пришельцами. Вмешаться? Но инструкция предписывает немедленно покинуть обитаемую планету…

Среди землян — странный человек по имени Саул. <…> Стругацкие не мотивируют, как это стало возможно: побег в будущее, нуль-перелет на Саулу. Не все ли равно! Пусть — как в сказке. Им важно было сказать, что каждый должен дострелять свою обойму. И в «Трудно быть богом» рассказано, что делали граждане коммунистической Земли на чужой планете, переживавшей мрак Темных веков.

Стругацкие, по-видимому, понимали, что невмешательство, заземляя фантастический элемент, снимает и затронутую в «Попытке к бегству» проблему активного вторжения в исторический процесс. <…> Повесть «Трудно быть богом» воспринимается как продолжение идеи Великого Кольца. Ефремов писал о галактическом единении. Но ведь встретятся звенья разума, которые еще надо будет подтянуть одно к другому. Опыт зрелого общества послужит моделью перестройки молодого мира. Но помощь должна быть предельно осторожной. Как и другие советские фантасты, Стругацкие исходят из того, что право всякого общества на самостоятельное и своеобразное развитие совпадает с его объективной возможностью подняться на более высокую ступень.

Неосторожное благодеяние может внести непоправимые осложнения в историческую судьбу незрелого мира. Ведь и на Земле различия между народами делают взаимодействие нелегкой задачей. И все же, по мере того как теснее становится мир, взаимодействие делается неизбежным.

То, что может случиться при встрече с чужой жизнью,— у Стругацких и аллегория, и фантастическое продолжение наших земных дел. Фантастика в «Трудно быть богом» заостряет вполне реальную идею научной «перепланировки» истории. Она целиком вытекает из марксистско-ленинского учения и опирается на его практику. Писатели как бы распространяют за пределы Земли опыт народов Советского Союза и некоторых других стран в ускоренном прохождении исторической лестницы, минуя некоторые ступени.

В «Стране багровых туч» Стругацкие полемизировали и отталкивались от научно-фантастической литературы. «Возвращение» и в еще большей мере «Трудно быть богом» в русле широкой литературной традиции. Ключевые беседы Антона-Руматы с бунтарем Аратой и ученым врачом Будахом перекликаются с однородными эпизодами в «Сне про Джона Болла» В. Моррисса и в «Братьях Карамазовых» Ф. Достоевского (Великий инквизитор). Романтически красочный и прозаически жестокий быт средневекового Арканара напоминает «Хронику времен Карла IX» П. Мериме. Горькая сатирическая и трагедийная интонация заставляет вспомнить М. Твена и Д. Свифта. Можно увидеть и портретные параллели (добрый гигант барон Пампа — Портос Александра Дюма), порой поднимающиеся до перекличек с мировыми типами (Антон — Дон Кихот). И все же Стругацкие меньше всего заимствуют. Мотивы и образы мировой литературы — дополнительный фон принципиально нового решения темы исторического эксперимента.

<…>

В 20–30-е годы советским фантастам представлялось, что для успеха освободительной борьбы в каком-нибудь XVIII в. не хватало малого — пулемета, пары-другой гранат. Для Гусева в «Аэлите» нет дилеммы: браться или не браться за

оружие. Ход событий во Вселенной ему видится прямым продолжением атаки на Зимний дворец. <…>

Герои Стругацких не могут выйти из игры, ибо взяли на себя ответственность за эту цивилизацию. И как раз поэтому не могут поднять оружие. Они связали себя, как они говорят, Проблемой Бескровного Воздействия на историю. Впрочем, эта формула не передает сложности их задачи: они не уклоняются от борьбы, но сознают, что от оружия зависит лишь малая доля исторического движения. Они пришли сюда, «чтобы помочь этому человечеству, а не для того, чтобы утолять свой справедливый гнев».

<…>

Герои Стругацких вооружены сказочной техникой, они синтезируют золото на нужды повстанцев из опилок — и это почти божественное могущество упирается в то, что народ Арканара все-таки сам должен сделать свою историю. Они — только родовспомогатели, они могут содействовать прогрессивному и препятствовать реакции, но не должны лишать народ самостоятельного исторического творчества, ибо только оно и пересоздает человека. Они могут — и все-таки не могут завалить Арканар изобилием, ибо дармовой хлеб развратит, и история будет отброшена вспять. Они не должны широко применять воздействие на психику, ибо тогда это будут искусственные, лабораторные люди. А человечество — не подопытное стадо. Люди сами вольны выбирать себе всё на свете и особенно — душу. Трудно быть богом.

<…> Трудно и, вероятно, опасно вмешиваться, но и не вмешаться нельзя. Коммунары будущего были бы недостойны предков, если бы не отважились провести корабль чужой истории через гибельные рифы и мели. Но они были бы отъявленными авантюристами, если бы обещали каким-нибудь «большим скачком» перенести отсталую цивилизацию в обетованный мир коммунизма.

<…>

Повесть Стругацких с большим драматизмом предостерегает от псевдореволюционной игры с историей. Писателей упрекали за якобы неисторичное совмещение фашизма

со средневековым варварством; в средневековье было, мол, и позитивное историческое содержание. Всем известно, что феодализм несводим к угнетению, самовластью и темноте, а варварство — не единственная черта фашизма как военной диктатуры империализма. Но разве всем известная характеристика фашизма как средневекового варварства — пустая метафора? И разве писатели не имели морального права реализовать ее в фантастическом сюжете? Ведь Стругацкие подчеркнули общечеловеческую мерзость всякого самовластья в любые исторические времена, а не строили теорию какого-то средневекового фашизма. Фантасты оказались более чутки к современной истории, чем некоторые ученые их критики: повесть «Трудно быть богом» вышла в свет до того, как вакханалия хунвейбинов, драпируясь в красное знамя, напомнила коричневое прошлое Германии.

Тем не менее повесть исторична и не метафорически. Средневековый эквивалент фашизма, показанный Стругацкими как диктатура военно-религиозного ордена, — явление типично феодальное. Разве нет более глубокой, не только нравственной аналогии между повергнувшей в ужас Европу инквизицией и застенками Гиммлера (кстати сказать, сознательно скопированными со всех предшествующих машин подавления)? В придуманных Стругацкими средневековых «серых ротах штурмовиков» столько же от гитлеризма, сколько и от обывателя всех времен и народов. Сила повести — в нравственном совмещении страшных для человека явлений далеких эпох. Это не костюмирование прошлого, а напоминание о том, что тотальное самовластье, как его ни называй, во все времена кралось по спинам жующего обывателя, столь же трусливого, сколь и кровожадного, — самой хищной вещи на свете. Это хотели сказать и хорошо сказали Стругацкие, нарушая исторический буквализм.

<…>

Но если в «Трудно быть богом» абстрактная символика пролога и эпилога мешает, хотя все-таки не меняет идейно-художественной концепции, то в повести «Улитка на склоне» (речь идет о главах, напечатанных в сборнике «Эллинский

секрет», 1966) абстрактная трактовка человека и прогресса выдвинулась на первый план.

Действие разворачивается на великолепно выписанном фантастическом фоне. Биологи изучают странную жизнь фантастического леса, в борьбе с которым изнемогает примитивное местное племя. Параллельно некая высокоорганизованная цивилизация амазонок проводит здесь биосоциальные эксперименты. Создаваемые амазонками новые формы жизни губят аборигенов, а между тем беднякам внушают, что загадочное одержание — высшее благо.

<…>

Биолог Кандид поясняет, что прогресс, руководствующийся лишь «естественными законами природы» («и ради этого уничтожается половина населения!»), — «не мой прогресс, я и прогрессом-то его называю только потому, что нет другого подходящего слова… Здесь не голова выбирает. Здесь выбирает сердце. Закономерности не бывают плохими или хорошими, они вне морали. Но я-то не вне морали». «Главным в повести,— предупреждают авторы в предисловии (опять сомневаясь, поймет ли читатель),— является трудное осознание Кандидом происходящего, медленное и мучительное прозрение, колебания Кандида и окончательный его выбор».

В чем же он колебался? Лесовики обречены «объективными законами (чего? какими?), и помогать им — значит идти против прогресса». Что же он выбрал? «Плевать мне на то, что Колченог (один из лесовиков. — *А. Б.*) — это камешек в жерновах их прогресса. Я сделаю всё, чтобы на этом камешке жернова затормозили». Каким образом? Вспарывая животы мертвякам — биороботам амазонок.

<…>

В «Хищных вещах века» легко догадаться, какие силы стоят за Иваном Жилиным: «Мы с детства знаем,— говорит он,— о том, как снимали проклятье на баррикадах, и о том, как снимали проклятье на стройках и в лабораториях, а вы снимите последнее проклятье, вы, будущие педагоги и воспитатели». Жилин тоже почти один, но он говорит: «Меня

услышат миллионы единомышленников», «Мы сделаем… наше место здесь». Кандид, напротив: «Я не вне морали… Это не для меня… Я сделаю все… если мне», и т. д.

В отчаянии Антона-Руматы был луч надежды. «Улитка» — безнадежный крик в ночи. «Кандид,— объясняют авторы в предисловии,— …знает о мире столько же, сколько мы с вами, его цели — наши цели, его мораль — наша мораль». Но он, оказывается, знает о нашей морали гораздо меньше Генри Моргана. Герой Хемингуэя, подводя итог своей нескладной жизни, признался: «Человек один не может ни черта». Кандид — один «босой перед вечностью», и его выбор, о котором говорят авторы, не более чем иллюзия.

Конечно, всему виной исключительные обстоятельства. Контуженный во время аварии, Кандид живет проблесками сознания. Нерасчлененный поток больных мыслей и чувств прямо-таки создан, чтобы через эту призму удивить химерическими образами леса. Но при чем здесь прогресс?

Искусная имитация косноязычного просторечия лесовиков дополняет стилистическое и психологическое совершенство «Улитки». Здесь нет ничего похожего на художественный разнобой «Возвращения» и тем более «Стажеров», но почти ничего не осталось и от конкретного социального опыта, от которого отталкивалась фантастика Стругацких в тех вещах.

Авторам оттого и пришлось «замотивировать» одиночество Кандида, оттого они и прибегли к психологическому субъективизму, что противопоставили внесоциального одиночку столь же внесоциальному прогрессу. В суждениях Кандида о прогрессе нет и следа конкретной социальной морали.

Впрочем, его мысли ошибочны и с точки зрения абстрактной. Ниоткуда не видно, что авторы не разделяют заблуждений Кандида, когда он характеризует прогресс с одной-единственной (и вовсе не определяющей) стороны неумолимых законов природы. Получается, будто человечество перед фатальной альтернативой: либо эти законы совпадают с моралью, либо идут с нею вразрез, но в обоих случаях абсолютно от человека не зависят.

Это, конечно, недоразумение. Прогресс не зависит от индивидуального человека, но он — порождение общественной деятельности, и человечество все больше научается его регулировать. (На этом ведь основана концепция повести «Трудно быть богом»!) Этим объективные законы социальной жизни отличаются от законов природы, которые человек может лишь использовать. Мы знаем, что такое извращенный прогресс,— повернутый против человека, но прогресс, от человека не зависящий,— это фикция.

И Стругацкие не пытаются быть последовательными. «Прогресс» амазонок у них не сам по себе — он соответствует их бесчеловечной морали. А, по Кандиду, опасность заложена в нем самом, амазонки — только послушные служанки «объективных законов». В своей модели человек — прогресс Стругацкие абстрагировались от социальных сил, приводимых прогрессом в движение и в свою очередь движущих его. В «Хищных вещах века» предупреждение об отрицательных тенденциях прогресса, при всех недостатках повести, учитывало эту обратную связь. А в «прогрессе» амазонок можно усмотреть и фашизм, и маоистскую «культурную революцию», и пожирающий деревню город, и что угодно — и в то же время ничего. Авторы утратили связь своей фантазии с реальностью. Фантастика превратилась в самоцельный прием абстрактнейшего морализаторства, продемонстрировав «возможности» этого столь красноречиво отстаиваемого некоторыми литераторами направления.

В «Улитке» по-своему оправдалось пророчество Камилла: «Вы… оставляете только одну реакцию на окружающий мир — сомнение. «Подвергай сомнению!»… И тогда вас ожидает одиночество».

Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону Фудзи,
Вверх, до самых высот.

В этот эпиграф писатели, видимо, хотели вложить некую антитезу безжалостному прогрессу. Но нам кажется, он ироничен по отношению к творчеству самих Стругацких. «Тихо,

тихо ползя» не построить ведь коммунистический мир, воспетый в «Возвращении», не одолеть «хищных вещей века», не рассечь бюрократической паутины, фантасмагорически изображенной во второй части «Улитки». Не вверх, а вниз по склону фантастики пустили они свою «улитку». Предупреждающая утопия воспарила к таким аллегориям, что потеряла смысл, открывая вместе с тем простор самым субъективным гаданиям. Фантастический роман-предостережение вырождается в малопонятное запугивание, когда предупреждение теряет ясность цели. Фантастическая «дорога в сто парсеков» оборачивается дорогой в никуда.

Хочется думать, что писатели благополучно переболеют поисками. Слишком много идей и образов вложено было Стругацкими в положительную программу советского социально-фантастического романа.

Творчество Стругацких — характерный пример того, каким острым и сложным стал наш современный фантастический роман, какие серьезные социальные темы он затрагивает и какие трудности переживает. Реакция литературной критики и ученых на творчество Стругацких, о которой мы бегло упоминали, тоже свидетельствует, как мало еще понята специфика фантастики и сколь ответственной стала работа писателя-фантаста, вторгающегося в сложность современного мира.

<…>

Письмо Аркадия брату, 12 июля 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

Новостей особых нет.

1. Был в «Юности», не дождавшись приглашения. Озерова сказала, что приглашений, видимо, и не будет, две части повести уже ушли в набор, а третью Железнов еще читает. Я намекнул насчет одобрения, она пообещала позондировать начальство.

2. О книге Бритикова слыхал, но не видел. Чего же он ее нам не дарит, сукин сын? Сам он ползет, в некотором роде, вниз по склону.

3. Высылаю тебе ТББ на гишпанском и один экз. «Огненного цикла».

4. О выборе фото не могло быть и речи, ибо Лесс передал его (фото) без моего участия и присутствия.

5. Относительно ОО ничего не слышно, считается, что это хороший признак, а там черт его знает.

6. Есть слух, что в «Правде» готовится статья по фантастике, написал Дмитревский, имен никаких, кроме Ефремова и Снегова, не упоминал. Есть также слух, что хотят там вставить про нас и, признав талантливость, все-таки пожурить. Вот еще этого нам не хватало!

А также всего, что потребуется впредь[1].

Привет Адке.

Дату поставить не забыл, она в тексте, разуй глаза.

А сегодня 12 июля 1970 года.

Жму, целую, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 16 июля 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Вчера вечером получил твое письмо, а сейчас вот принесли бандероль. Большое спасибо. Всё это выглядит очень мило, а кроме того, следует ожидать кой-каких деньжат за «Огненный цикл», не так ли? Пока что — а был я в сберкассе 14-го — ничего нового на книжке не появилось. Ты бы проверил, а?

1. Новостей у меня в общем никаких нет. Давеча звонил Севка Ревич, был проездом, хотел встретиться, а я как раз шел на день рождения в одно место и ничего не вышло. Жаль. Я хотел узнать, что там у вас и как. Эти слухи о статье Дмитревского мне тоже крайне не нравятся. Но остается, видимо, только молиться.

[1] Отсылка к роману И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 19.

2. Вчера вдруг позвонил директор Литфонда. Был чудовищно любезен, выяснял, какие номера нам удобно, и не страшно ли, если мы окажемся на разных этажах, и вообще. А кончится все это тем, что опять придется туда идти и стучать по столу.

3. Книжка Бритикова, по слухам, навалом лежит у нас в Академкниге. Завтра пойду покупать. Тебя буду иметь в виду. А особенно рассчитывать на авторские я не намерен: не те у нас с ним отношения, да и осуществится этот дар, я думаю, не раньше осени. Книжку я уже видел, издана хорошо, в именном указателе Стругацкие находятся на одном из первых мест по упоминанию — впереди разве что Ефремов. При просмотре успел только заметить, что автор хвалит ТББ и попутно несет Немцова.

4. Все время звонят почитатели, хотят общаться. Давеча вот звонил один из Чечено-Ингушетии. Слава, брат, слава, так ее и не так. И не мать[1]. А денег нет.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Привет Леночке. И маме, если будешь общаться. Напомни, что обещала мне написать.

Письмо Бориса брату, 5 августа 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Ты, небось, полагаешь (со слов мамы), что я наслаждаюсь отдыхом и солнцем около какого-нибудь лесного озера. Так хрена же! С отпуском у нас ничего не вышло, понеже Адка оказалась завалена делами до упора. Так что мы только съездили на казенной машине вокруг Чудского озера (три дня) и теперь снова пребываем у пенатов. В первую же ночевку я имел несчастие в глубокой тьме у костра заехать ногою в котелок с кипятком и заработал великолепный ожог вто-

[1] А. Н. Толстой, «Гиперболоид инженера Гарина» (гл. 35): «…так как клубной дисциплиной запрещалось употребление военно-империалистических слов, то ограничился одними боковыми выражениями: — Не так и не мать! — закричал он с невероятной энергией.— Шкот ему в глотку! Увели «Бибигонду», лучшее гоночное судно, разорви его в душу, сукиного сына, смоляной фал ему куда не надо… <…> «Бибигонду» увели, так и не так и не мать…»

рой степени: весь подъем правой ноги представляет у меня теперь чудовищный волдырь, беспрестанно точащий серозную жидкость. Сижу, натурально, дома и перемещаюсь по квартире на одной ноге — как Джон Силвер, вдруг утративший костыль[1].

Получил из Дрездена официальное письмо с приглашением, и так вдруг расхотелось ехать, что с ходу написал им исполненное раскаяния письмо относительно чудовищной загруженности делами, полной невозможности покинуть дом родной даже на неделю, мне невообразимо жаль… ваши хлопоты… такова жизнь писателя… ничего нельзя распланировать заранее… с сожалениями ваш… и т. д. Может быть, теперь отстанут.

Из Японии вдруг пришла бандероль: Тору Миёси, с которым ты не захотел познакомиться и с которым я познакомился прошлым летом, прислал в соответствии с обещанием какой-то свой психологический детектив. Что и о чем, сам понимаешь, разобрать я не могу. Цена — 430 иен. Всё. Ужо в сентябре получишь, и — чем черт не шутит — может быть, пригодится перевести и подзаработать.

Встречался с Володькой Лукониным. С кровью выдрал у него томик твоего Джекобса, зажатый у меня лет пятнадцать назад. Тоже получишь при встрече.

Прочитал статью Дмитревского. Могло быть и хуже. Ладно, переживем.

Как там дела? Что слышно? Деньги из Детгиза (1080 р.) и из «Мира» я получил. Был приятно поражен гонораром за Клемента — раза в полтора больше, чем я ожидал. Что ж, теперь еще выпотрошить бы Детгиз по-настоящему и можно будет заняться настоящим делом.

Жду письма. Пока всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

P. P. S. А у нас Толстикова сняли. Посылают послом в Китай. А у вас?[2]

---

[1] Персонаж «Острова сокровищ» Р. Стивенсона.

[2] Отсылка к стихотворению С. Михалкова «А что у вас?».

Письмо Аркадия брату, 9 августа 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

Получил твое скорбное письмо. У меня, впрочем, тоже ничего особенного нет. Я даже не источаю серозную жидкость.

1. Прошла верстка ОО, по техническим причинам пришлось посидеть, дабы увеличить число строк в последних трех-четырех листах на 200. Это не значит, конечно, что я дописал 200 строк, просто пришлось удлинять подходящие строки на одно-два слова — гл. образом прилагательные и наречия. Удлинил. Сдал.

2. Прошла верстка первой части ДоУ в «Юности». Ничегё, довольно аккуратно.

3. Из ГДР пришло два экза сборника «Флюг цум Альфа Эридани». Мы там, сам понимаешь, представлены этим г… «Айн роботер брихт аус», что означает, сам понимаешь, «Спонтанный рефлекс». А издание красивое.

4. Войскунский и Лукодьянов прислали нам по экзу «Плеск звездных морей».

Что еще?

Читаю с интересом статью Лема в «Новом мире»[1].

Да, вот еще. Прочел я книгу Бритикова и зашелся от злости. Ну и бредятина. Оказывается, мы с тобой вкупе с Громовой являемся создателями теории фантастики как приема, порочной и ошибочной, которая столь прискорбно сказалась на нашей с тобой идейно-художественной и т. д. и т. п. Себя же Бритиков объявил паладином теории фантастики как метода. Ну, мы с Громихой махнули открытое письмо в «Новый мир». Там это письмо не взяли. Тогда мы его в «ВопЛи». Там сейчас рассматривают. Но какова свинья — Бритиков! Он, ко всему прочему, еще и серый. Пишет ужасно, путаница у него несусветная, как теоретическая, так и фактическая. И Брандис хорош, его научный редактор. Ну, да хер с ними с обоямя.

В кино никакого движения.

[1] Лем С. Мифотворчество Томаса Манна / Перевод с польского В. Чепайтиса // Новый мир (М.).— 1970.— № 6.

Заканчиваю свою службу в ВИНИТИ, слава богу, насоставлял им два номера вперед и откланиваюсь. Завтра еду в Кудиново, к себе на работу, буду просить за свой счет отпуск, а не дадут — подам в отставку. Будет, надоело. Не пр-р-ропадем.

Такие дела.

Книгу Бритикова постарайся достать — и для меня, по возможности.

Пока всё. Жму, целую. Привет Адке. Лечись.

Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 12 августа 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получил, наконец, твое письмо, спешу ответить.

1. Новостей у меня никаких нет. Лечу ногу. Читаю. Перечитываю. Перед сном много и довольно бесплодно размышляю о М. С этим М нам еще предстоит основательно покорчиться. Сколько я ни представляю себе вторую часть, все время получается как-то пресновато. Я напридумывал множество чудес, кучу нечеловеческих свойств Малыша, но нет, понимаешь, во всем этом законченности, закругленности, этакой смыкаемости на идею. Получается забавно, юный читатель будет писить, но ведь это — так мало. Ну, ладно.

2. Со «Спонтанным рефлексом» нам просто везет. По моим подсчетам этот рассказишко (наряду с СБТ и «Шестью спичками») является этаким полномочным представителем творчества Стругацких за рубежом, и это тем более забавно, что в СССР этот рассказ почти неизвестен — его не читал даже всезнающий Кан, и в библиографиях он, как правило, не упоминается (например, его нет в ляпуновской библиографии в книге Бритикова).

3. Твоя бурная реакция на Бритикова меня, честно говоря, изумила. Книжка как книжка. Сероватая, конечно, нудноватая, но совсем не подлая и ничем не хуже брандисо-дмитревских сочинений. И про нас он пишет, согласись, вполне прилично, гораздо лучше, чем можно было бы ожидать по

духу времени. Все-таки, брат, сейчас, прямо скажем, не 64 годик, и уж конечно не 62. Так что твое сообщение о письме в «ВопЛи» меня несколько смущает. Не надо бы, а? Ни к чему нам это, ей-богу. Громова — пусть. Громова — она и есть Громова. Это ее дело — методы там разные, приемы, теории, а нам-то что за дело. Воля твоя, но я бы при первом же удобном случае наши имена с того письма снял. Совершенно ни к чему лезть нам в теорию и выступать против книги, пусть весьма средненькой, путаной, с ошибками, но НЕ ПОДЛОЙ.

4. Между прочим, помнится мне, ГЛ были сданы в «Новый мир». Ну, и чем кончилось? То есть, ЧЕМ кончилось, я догадываюсь, но КАК? Отпиши.

5. Что слышно из Казани? Общался ли ты с Борецким или Павленком? Всё отпиши.

6. А ведь скоро за работу! Скорее бери отпуск, поваляйся хоть недельку на диване, остервеней как следует, чтобы работалось со страстью. Скорее отбарабанить М и взяться за настоящее дело.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Письмо Аркадия брату, 17 августа 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

Письмо получил, отвечаю.

1. Верстка ОО, несмотря на болезнь Нины (но под ее неусыпным наблюдением), была своевременно обработана и еще в ту среду сдана обратно в производство. В «Юности» еще не был, ибо всю неделю корпел на работе — пришли 75 кассет с микрофото японских патентов из патентной биб-ки, и надобно было это хозяйство приводить в порядок, какового я сделал только 33 %. Остальное буду делать в ноябре, когда вернусь.

2. Над М я тоже размышляю, и мне тоже не нравится вторая часть, хотя, вероятно, по другим причинам, нежели тебе. Грубо, приблизительно говоря, не хочу, чтобы он умирал[1].

[1] Отсылка к заглавию романа Дж. Олдриджа «Не хочу, чтобы он умирал».

Ну, это при встрече. Нечеловеческие свойства и чудеса записывай аккуратно, знаю я тебя, все втуне пойдет, если не запишешь.

3. Относительно моей реакции на Бритикова. Не знаю. Я воспринял книгу как подлую. Да, хвалит, поднимает втоптанные в грязь ХВВ и ВНМ, но в то же время предъявляет нам политические обвинения, и мало того, что предъявляет,— выдумывает еще и предъявляет нам причины нашего «падения» — мы, видишь ли, создатели порочной теории фантастики как приема. Это ли не гадость? Ну, да хрен с ним. Будет возможность — сниму фамилии. Да и не беспокойся так, во-первых, бабушка надесятеро сказала, увидит ли это письмо свет, а во-вторых, оно в таком же духе, как — помнишь? — письмо наше по поводу статьи Когана. Да я привезу тебе копию, посмотришь.

4. ГЛ производят в НМ фурор (со слов Громовой). Среднее звено читает взахлеб и писает. Но то же самое среднее звено и именно поэтому же боится показать ГЛ начальству. Я сформулировал им задачу так: дайте нам квалифицированные рецензии, чтобы мы знали, как воспринимают такую вещь далекие от фантастики и социологии литературоведы-профессионалы. Ответ: будут рецензии.

5. Случилась странная или потешная штука. Звонит мне вчера Юра Борецкий, поговорили о том-сем (пока ничего нового), а он и говорит: кстати, в Пушкинском доме был? Нет, говорю, не был, а что? Выясняется, что в нашем Пушкинском доме, именуемом еще Музеем изящных искусств, имеет место выставка болгарской графики и представлены в частности великолепные иллюстрации художника имярек к повести «Улитка, взбирающаяся по склону» (авторы не указаны). Борецкий в восторге, графика, говорит, изумительная. А?

6. В отпуск готов в любой момент. Как с путевками?

Привет всем, жму и целую, твой Арк.

Открытка Бориса брату, 20 августа 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Только что выкупил путевки. Жду тебя 1-го вечером. Путевки начинаются 2-го, кончаются 14-го. Надеюсь еще получить от тебя какое ни на есть письмишко.

Пока всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Мама сообщает, что сегодня сядет писать тебе письмо.

Письмо Бориса брату, 25 августа 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Оно побило все рекорды: отправлено 17.08, получено в Ленинграде 24.08 (!). Наводит на размышления.

1. Не знаю, получил ли ты мою открытку. На всякий случай повторяю: путевки у меня в руках, жду тебя вечером 1-го сентября, конец путевкам 14-го, было бы хорошо, если бы ты раздобыл ленту для пишмашинки.

2. Новостей у меня, собственно, нет. Мельком виделся с Брандисом, он побывал в ГДР, обещал рассказать всякие забавные вещи об издательской политике немцев в области фантастики вообще и по отношению к Стругацким в частности, приглашал зайти, но я все как-то не соберусь.

3. Звонил мне Борщаговский. Рассказал свою эпопею общения с тобою по поводу перевертыша для Италии, жаловался, что ничего не понимает. Я его утешал в том смысле, что, мол, это какое-то недоразумение, и чтобы утешить окончательно, подарил ему книжку.

4. Да, по поводу М нам придется с тобой еще основательно поговорить. Туманно это все как-то. Впрочем, на то и работа.

5. Насчет болгарской графики — это те же самые иллюстрации к УнС, которые уже были готовы, когда книжку засекли. Да, хотелось бы взглянуть. Хоть ты-то сходи — интересно ведь.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

А тебя поздравляю с 45-летием. Подробности телеграммой.

Размышления Авторов над сюжетом начатой повести — каждого в отдельности — принесли свои плоды. Съехавшись в Комарово, они, денек пообсуждав новые идеи, пишут черновик «Малыша» на одном дыхании.

Рабочий дневник АБС

2.09.70

Прибыли в Комарово.

Комн<аты> 30, 31

3.09.70

Задачи Тендера:

1. Контакт на ур<ов>не улыбок.
2. Контакт на ур<овн>е языка.
3. Выяснить контактабельность хозяев и их уровень. (Когда гонят — либо набивание цены, либо оч<ень> высок уровень развития.)

Малыш:

1. Мимика — речь.
2. Бегает взад-вперед.
3. «Я сейчас птица» — вы спрос<и>те меня!
4. Булыжник в виде щупальца.
5. Замирает на потолке — экстаз.
6. Толпа фантомов — для рассматривания — «это тоже я могу».

Выяснение уровня цивилизации (разнообразие потребностей, мат<ериальных> и дух<овных>).

4.09.70

Сделали 6 стр.

Ч<елове>к — это всего лишь ч<елове>к.

Вечером сделали 2 стр. (69)

5.09.70
Сделали 5 стр.
Вечером сделали 2 стр. (76)
6.09.70
Сделали 5 стр.
Вечером сделали 2 стр. (83)
7.09.70
Сделали 6 стр.
Вечером сделали 2 стр. (91)
8.09.70
Сделали 5 стр.
Вечером сделали 2 стр. (98)
9.09.70
Сделали 7 стр.
Вечером сделали 2 стр. (107)
10.09.70
Сделали 6 стр.
Вечером сделали 2 стр. (115)
11.09.70
Сделали 5 стр.
Вечером сделали 2 стр. (122)
12.09.70
Сделали 5 стр.
Вечером сделали 3 стр. (130)
13.09.70
Сделали 6 стр.
Вечером сделали 5 стр. И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 141 СТР.
14.09.70
Уезжаем в Ленинград.

Письмо Аркадия брату, 17 сентября 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!
Излагаю:
1. ОО получена сверка, на этой неделе, видимо, Нина понесет его в цензуру. Молись. Впрочем, надеюсь я, что всё

обойдется благополучно. Детгиз со своей стороны твердо намерен выпустить книгу в этом году. Пискунов попробовал было дать нам всего 50 тыс. тиража (тогда бы нам больше ни копейки не заплатили), но Нине и Калакуцкой удалось отстоять нам 75 тыс.

2. Из Управления по охране авторских прав сообщили нам, что получен на нас гонорар. Я пошел узнать. Гонорары из Франции за «Возвращение» на 100 руб. и из ФРГ за «Обитаемый остров» на 90 руб. Получать будем сертификаты. От тебя требуется как можно скорее прислать две бумаги: 1. «Всесоюзному Управлению по охране авторских прав от гр-на такого-то заявление. Прошу авторский гонорар, поступивший из Франции и ФРГ за переиздание повестей «Возвращение» и «Обитаемый остров», выплатить мне в сертификатах в размере 50 %». (Это поскольку гонорар делим пополам.) 2. Доверенность. «Доверяю настоящим моему брату и соавтору такому-то получить причитающийся мне гонорар, поступивший из Франции и ФРГ, во Внешпосылторге». Заверишь доверенность в своем отделении СП. Итого придется нам на рыло по 95 руб. примерно. В сертификатах это хороший кусочек.

3. У нас новость: Наталья выходит замуж за какого-то парня из мехмата. В связи с этим мы теперь должны переезжать. У нас сейчас есть возможность купить готовую квартиру в академическом кооперативе. Нужно 2800 руб. 1000 у меня есть. Еще 2000 намерен я просить у Манина. Но, сам понимаешь, лучше бы это всё справить в узком кругу. Могу ли я рассчитывать перехватить у тебя хотя бы 1000? Тогда я с Маниным рассчитался бы (если все пойдет с ОО) еще до Нового года, а тебе выплатил бы в течение 71-го. Как ты, а? Будешь мне споспешествовать? Я тогда у Манина возьму деньги сейчас, по приезде в Комарово возьму у тебя и верну ему половину, а вторую половину по выходе ОО.

Срочно всё вышли, а также всё мне отпиши.

Привет своим. Поцелуй маму. Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 19 сентября 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Какой может быть разговор? Конечно же, я дам тебе тыщу. Если выйдет ОО, все будет хорошо. Если не выйдет, что ж — перебьемся как-нибудь. Дело благородное — не на водку же!

2. Бумаги высылаю. Если успеешь получить сертификаты до своего отъезда, обязательно отпиши мне и ответь на следующие вопросы:

a. На какую сумму сертификаты (точно)?

b. Что за сертификаты? Какого вида?

c. Адрес издательств во Франции и ФРГ. (На предмет получения экзов.)

d. Попробуй выяснить, почему раньше Франция не платила за В, а теперь вдруг решила платить? Может быть, нам еще что-либо причитается?

3. Был в Литфонде. Попросил путевки с 26 октября. Обещали.

Вот пока и всё. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Наталье — поздравления.

Счастливо отдохнуть!

С сентябрьского по ноябрьский номер журнал «Юность» публикует ОУПА.

Письмо Аркадия брату, 24 сентября 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Спасибо за готовность помочь. К счастью, это, видимо, не понадобится: от трехкомнатной квартиры решили отказаться, пока переселимся к знакомым, будем искать кооператив на однокомнатную. Манину я деньги вернул с благодарностью.

2. Бумаги твои я отнес, к моему возвращению из Гагры и поездке в Комарово я получу все эти сертификаты и привезу

тебе твою половину. Должен тебя огорчить: хотя сертификаты самые лучшие — «без полосы», как они выражаются, — у нас еще вычтут при выдаче 35 %. Вот так-то. Получится что-то примерно по 60 ру на нос. Адресов издательств мне там не дали, посоветовали обратиться по инстанциям в Межкниге. Заниматься этим времени нет, разве что по приезде. Франция раньше заплатила за В, а только сейчас нам об этом сообщили.

3. Звонил Нине насчет ОО. Пошлют на Ногина только на той неделе — задержались с оформлением.

4. Получил № 9 «Юности». Сегодня читал верстку № 11. Иллюстрации нравятся.

5. Улетаем завтра утром.

Жму, целую. Привет твоим, поцелуй маму.

Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 2 октября 1970, Гагра — Л.

Дорогой Борик!

Памятуя твою просьбу, пишу.

1. Классификация цивилизаций у меня ну совершенно не идет. Лень об этом думать. Ну ее, классификацию. Как-нибудь объедем этот вопрос по кривой.

2. По «Малышу» полагаю я, что надобно «кишки», высовывающиеся из-за гор, убрать напрочь и нигде ни о чем подобном не упоминать. Достаточно того, что видят они на экране с «третьего глаза».

3. Посмотрел я тут «Рожденную свободной» — возможно, ты читал: о львице, воспитанной среди людей[1]. Очень эта вещь к «Малышу» относится. Эта львица оказалась совершенно неприспособленной к жизни самостоятельной — не умела охотиться и пр., а люди ее держать тоже не могли, понеже опасно. Вот и с нашим героем что-то вроде этого, только он еще не успел стать «опасным» аборигенам.

4. То обстоятельство, что Малыш слишком антропоморфен у нас, не должно нас смущать. В конце концов, Маугли

[1] Англ. к/ф 1966 г. реж. Дж. Хилл, Т. Мак-Гован по книге Дж. Адамсон.

у Киплинга тоже. Я полагаю, наделять Малыша чересчур аборигенной психологией при всей заманчивости этой идеи было бы тоже антихудожественно. Так что общая психологическая схема Малыша меня удовлетворяет.

5. Черкни писульку сюда. Адрес: г. Гагра, ул. Руставели, 141, Дом творчества Литфонда, мне.

6. Братья-писатели[1], прочитав № 9 «Юности», пристают ко мне, чтобы я рассказал, что будет дальше. Nuts to them![2]

Всё. Обнимаю, привет Адке. Твой [подпись]

Письмо Бориса брату, 6 октября 1970, Л.— Гагра

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо, отвечаю немедленно.

1. Наконец раздобыл «Юность». Действительно, иллюстрации хороши. Только Мозес меня несколько разочаровал — сигара зачем-то и вообще вид американского бизнесмена по Ефимову. Но зато Симонэ и чадо — хороши.

2. В соответствии с договоренностью общался по телефону с Дмитревским. Всё ему рассказал, как и договаривались. Он был доволен. Настроен оптимистически, но, по-моему, ни хрена не знает, так что оптимизму его — грош цена.

3. Нагрянул тут из Дрездена Карл-Людвиг Рихтер — тот, что агитировал меня читать лекции. Вчера я с ним общался. Симпатичный немец, востроносенький такой, розовощекий и светлоглазый. Много и интересно рассказывал о ГДР. Я ему сказал, что лекции читать не поеду заведомо, но если выберусь в Берлин за нашими гонорарами, то заодно съезжу и в Дрезден, встречусь там с любителями фантастики. Он был и этим доволен. Как я понял, его основной интерес — поднабраться от нас цитат для своей диссертации. Он пишет что-то там о взаимоотношении человека и техники, и Громиха с Нуделем нацелили его на нас еще год или два назад.

---

[1] Н. Некрасов, «В больнице»: «Братья-писатели! в нашей судьбе / что-то лежит роковое…»

[2] Шиш им! *(англ.)*

4. Теперь насчет М. Я ее перечитал. К моему огромному удивлению, это оказалось неплохо. Во всяком случае, гораздо лучше, чем я ожидал. Я боялся литературно-технического несовершенства (повторения, однообразие описаний, водянистость и пр.) — ничего этого нет. Но есть другое: трагедия Малыша разворачивается слишком уж скоропалительно. Очень обрывистый конец (только это читатель рот раззявил в ожидании чудес, и тут — конец). Очень не на месте рассуждения Каспара — висят грузным курдюком там, где должно всё происходить стремительно (может быть, из-за этого скрадывается и трагедия Малыша). В общем, я сам пока толком не разобрался, как и что, но ощущение такое: собственно Малыш занимает около 60 страниц; этого мало; эволюция душевных переживаний должна быть растянута; однако растягивать некуда, у нас нет места. В этом вот и проблема. Я совершенно согласен с тобой, что антропоморфность Малыша — не страшно. Можно убрать и усы (хотя при этом пропадут некоторые энергичные и не лишенные прелести сцены). Но вот как сделать главное, спектр переживаний и отношений Малыша: от простого неприятия к любопытству, к восторженному любопытству, к мысли о предательстве своих, к отчаянию — вот как это сделать, я пока не понимаю. Ладно, будем думать.

5. Эх, скорее бы раздраконить нам М! Я тут еще раз перечитал ГО — очень, знаешь ли, неплохо! Прямо одно удовольствие читать.

6. Все-таки еще раз прошу тебя: когда будешь получать сертификаты, попытайся выяснить, сколько же денег было нам переведено в оригинале и когда.

7. Путевки я заказал с 26-го. Когда приедешь в Москву, обязательно мне напиши.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

В конце октября АБС вновь встречаются в Комарово — править черновик М.

Рабочий дневник АБС

26.10.70
Прибыли в Комарово, к<омнаты> 31, 32.
Сделали 10 стр. (10) 9
27.10.70
Сделали 10 стр. (20) 19
Вечером сделали 2 стр. (22) 21
28.10.70
Сделали 12 стр. (23) 32
Вечером сделали 1 стр. (35) 33
29.10.70
Сделали 12 стр. (47) 44
Вечером сделали 3 стр. (50) 48
30.10.70
Сделали 11 стр. (61) 59
Вечером сделали 1 стр. (62) 61
31.10.70
Сделали 12 стр. (74) 72
Была Адка и коньячок.
1.11.70
Сделали 7 стр. (81) 79
Курвиспат
Квази-переход
Фрагмент
Колокольчик
Обнаружение
Чеширский кот
Шарада
Щелкунчик
Сверчок на печи
1. Почему не пришел сразу?
2. Как ты проводишь время? Как устроен твой мир?
Вечером сделали 6 стр. (87) 84
1. Внимание на Стася.

2. Лекция Комова о машинах: намек на возможность машин-гигантов, открыл слабое место Малыша: информац<ионный> голод.

3. Лекция о мироздании.

4. Малыш устал и в восторге, хочет бежать размышлять.

5. Вопрос Комова о странных словах и цитатах Малыша: ласонька и т. д. Потом все расскажу, я помню все, что около меня когда-нибудь было.

2.11.70

Сделали 5 стр. (92) 89

1. Мама; план.

В конце главы Комов дает телеграмму: высылайте оборудование. Горбовский оборудование придержит.

Вечером сделали 8 стр. (100) 96

1. Камни и ветки.

2. Фантомы и мимикрия.

3. Мускульный язык.

4. Шрамы.

Либо проникнуть, либо техника.

О снах.

Вандер (Комову): На протяжении последней беседы все время горел красный огонь.

3.11.70

Сделали 5 стр. (105) 100

Вечером сделали 6 стр. (111) 108

4.11.70

Сделали 7 стр. (118) 114

Вечером сделали 5 стр. (123) 120

5.11.70

Сделали 6 стр. (129) 126

Вечером сделали 7 стр. (136) 131

В последний разговор с М<алышом> — «Щелкунчик» и пр.

6.11.70

Сделали 5 стр. (141)

И ЗАКОНЧИЛИ НА 136 СТРАНИЦЕ.

Арк уехал 8.11.70

Перед отъездом, 6 ноября, АБС пишут заявку на сборник «Неназначенные встречи» в издательство «Молодая гвардия». С этого момента в творческой жизни АБС появляется еще одна линия — борьба за публикацию этого сборника,— которая будет длиться без малого десять лет. Позже Авторы назвали эту часть своей жизни «Историей Одного Одержания» — в том горьком смысле неологизма из УнС: опустошение, уродование, упразднение. Покалеченную книгу издательству пришлось-таки выпустить, но цена этой победы была слишком большой… Эта «История» будет подробно изложена в продолжении настоящего издания.

Из архива. Заявка от АБС в МГ

В издательство «Молодая Гвардия» от членов ССП
А. Стругацкого, Б. Стругацкого

З а я в к а

Предлагаем Издательству опубликовать наш авторский сборник научно-фантастических произведений под общим названием «Неназначенные встречи» (название условное).

Мы предполагаем включить в сборник три новые фантастические повести («Дело об убийстве», «Малыш», «Пикник на обочине»), объединенные общей темой: неожиданные встречи человека с представителями иного разума во Вселенной.

Повесть «Дело об убийстве» (10 а. л.) была опубликована в № 9–11 журнала «Юность» за 1970 год в несколько сокращенном виде и под названием «Отель “У погибшего альпиниста”».

Повесть «Малыш» (7 а. л.) будет опубликована в журнале «Аврора» в 1971 году. Рукопись повести прилагается.

Повесть «Пикник на обочине» (предположительно 8 а. л.) находится в стадии разработки. Содержание повести сводится к следующему. Один из сравнительно пустынных районов земного шара (Северная Канада или Центральная Австралия) послужил местом временной стоянки трансгалактической экспедиции представителей иного разума. Очевидно, пришельцы не рассматривали Землю как объект исследования. Возможно, они так и не заподозрили, что Земля обитаема разумными существами. Пробыв на нашей планете несколько месяцев, они исчезли так же таинственно, как и появились. Район их временной

стоянки, превратившийся в своего рода заповедник удивительных явлений и загадочных находок, делается объектом пристального внимания как передовых ученых всего мира, так и нечистых политиканов и различных авантюристов, стремящихся использовать чудесные находки в своих корыстных целях.

Рукопись сборника может быть представлена через шесть месяцев со дня заключения договора. Полный объем сборника 25 а. л.

Письмо Аркадия брату, 12 ноября 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

Посылаю первую корреспонденцию.

1. С ОО все по-прежнему, я с Ниной не виделся, но, судя по голосу в телефоне, у меня такое впечатление, что она теряет силы и надежду.

2. Посылаю тебе твой экз договора, предложенного венграми. К договору была сопроводиловка из Управления по охране авт. прав, где подтверждается соответствие предложений венгров условиям заключенного между ними и нами соглашения. Два экза, согласно их просьбе, я подписал за нас обоих и отослал обратно в Управление.

3. М сдан на машинку, будет у меня в пятницу, за субботу и воскресенье я считаю, а в понедельник отнесу Беле и Жемайтису. Хотя у них в издательстве сейчас идет шумный скандал, и вряд ли можно ожидать рассмотрение нашей заявки в ближайшее время.

4. Был у Девиса, встретил полное понимание. Он предлагает перевести опять же Хола Клемента — «Миссию тяготения». Книгу мне дал, я ее сейчас читаю.

5. Пока никого из работодателей больше не видел. Черт. Отвык от своей машинки, все время не туда бью. А палец заживает.

Вот пока всё.

Привет Адке, поцелуй маму.

Дома всё в порядке. Будем искать квартиру.

Обнимаю, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 16 ноября 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Ну вот и первый договор с зарубежными братьями! Казалось бы, что такого, а все-таки приятно. Значит, если ничего экстраординарного не произойдет, в течение ближайших двух лет получим по 12 тыс. форинтов. И хотя форинт по нынешнему курсу составляет ровнехонько восемь коп, все же — с неба манна. Впрочем, по 12 не получится: не говоря уже о вычетах, книжки ведь будут в переплете, а это почему-то хуже для автора. Дерут с проезжающих![1]

Теперь соображения и вопросы:

1. Почему не пишешь ничего о впечатлении от ГО? Неужели не понравилось?

2. Мой М тоже в перепечатке. Будет готов в среду, так что еще на этой неделе, вероятно, отдам Дмитревскому и в «Аврору». Дмитревского, кстати, нет, он в Москве, но обещали, что вот-вот будет здесь. А про «Аврору» рассказывают ребята, что журнальчик рекламирует «Операцию “Маугли”» вовсю — тиражи-то хреновые и журнал во всех киосках валяется, не то что «Юность». «Малыша» прочел пока только Сашка Копылов. Читал, по его словам, с удовольствием, хотя, конечно… не то, понимаете ли! Впрочем, Сашка — человек простой, он и Меерова читал с удовольствием.

3. Теперь вот что. Как выяснилось, Шахбазян без всякого юмора воспринял весть, что его благородную фамилию треплют в бульварных романчиках. Поэтому, когда получишь рукопись, измени, пожалуйста, Каспара Шахбазяна на Каспара Манукяна. Я сделаю то же. Не забудь, ради бога, а то может получиться неловко.

4. Ну что ж, Хол Клемент так Хол Клемент. Тут только одно «но». Не «Миссию ли тяготения» переводил Голант? Неудобно будет. Один раз мы его уже обошли с Клементом.

---

[1] Н. Гоголь, «Ревизор» (действ. 2, явл. 6): «Хлестаков. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих».

Не воспринял бы он это как систему. Он ведь к нам очень хорошо относится. Ты, при разговоре с Девисом, напомни мягко про Голанта. И пусть решает Девис.

5. А что за новый скандал в МолГв?

6. Мамочке напиши про свои домашние обстоятельства. Она беспокоится.

7. Я уже звонил в Литфонд, просил путевку с 14.12. Обещали учесть.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет. И молодоженам.

Письмо Аркадия брату, 20 ноября 1970, М.— Л.

Дорогой Борик.

Форинты — ладно, когда-то они еще будут, а и не известно еще, будут ли. Меня, честно говоря, больше интересуют рубли, они же башли, а конкретно — красненькие, большие пачки красненьких, огромные пачки, я бы сказал. И есть у меня… гм… задумка посвятить этому интересу весь следующий год. Ну, это при встрече.

1. ГО я в вагоне не читал, берег для спокойной обстановки. И прочитал только неделю назад. Изрядная будет вещь, я так считаю. Неожиданная. Только главное — не торопиться. Здесь как никогда раньше необходимо длительное накопление и укладывание впечатлений и новых идей. Есть у меня мнение, что придется нам писать не менее двух черновиков. И, возможно, придется во втором черновике слегка (а кое-где и изрядно) расширять отдельные эпизоды и даже целые главы. Значит, ориентировочно я выезжаю 13-го, я так понял. В следующем письме подтверди.

2. М вышел из перепечатки, но отдал я его только Юре Манину — подарок по традиции — и Нине Матвеевне — почитать. Жемайтис в отпуске, Белочка болеет, так что заявку нести сейчас некому. Что до скандала в МолГв, то это мой информатор все напутал. Речь шла не об издательстве, а о журнале. Кажется, до этого Никонова все-таки добрались. Подробности мне неизвестны.

3. Насчет Хола Клемента. С Девисом я еще не встречался, но говорил с Хидекель, и она сообщила, что Голант переводит другую книгу, а эту Девис зарезервировал для москвичей, в частности, для нас. Так что с этикой здесь все должно быть в порядке. На той неделе пойду к Девису договариваться окончательно, тогда все уточню. Но бог ты мой, что это за скучища — «Миссия тяготения»! Я и забыл, как это скучно. Но! Красненькие!

4. Был я в сценарной коллегии Госкомитета по кино РСФСР у товарища Маторского Анатолия Григорьевича. Коллегия рассмотрела нашу с Борецким заявку-либретто «Гость из полудня» и совсем было нашла ее неприемлемой, но именно Маторский, который курирует единственную студию худфильмов этого комитета — Свердловскую,— объявил, что ему нравится. Были высказаны пожелания и поправки, и мы с Борецким просидели двенадцать часов, выворачиваясь через задницу, совмещая два требования: чтобы наш современник-комиссар был прав суровой правдой нашей действительности, а женщина из будущего была права универсальной правдой истории. Кажется, совместили. Торопиться пришлось потому, что Маторский уезжал в Свердловск и хотел тут же подкинуть туда готовый вариант либретто, чтобы подпихнуть их на скорейшее заключение договора. На этом пока всё кончилось.

5. Прочел последний наш кусок в «Юности». Как я и ожидал, по мелочам напакостили без нашего ведома. Читатель, конечно, не заметит, но противно. Я хотел покипятиться, но потом махнул рукой. Пусть гордятся.

6. Звонил тут мне некий заслуженный деятель искусств Токарев Владимир Николаевич. Как я понял, он специалист по драматургированию прозы (а возможно, если попадется, то и поэзии), сделано им несколько значительных пиес, в частности, «До свидания, мальчики» и «Три зимы и два лета»[1], а теперь обращается он к нам по поводу опьесизации ДоУ, сам понимаешь. Ничего конкретного, так, заявочный столбик он у меня забил. Я сказал, что должен — а как же! — посове-

[1] Соответственно, по повести Б. Балтера и по роману Ф. Абрамова.

товаться с тобой. Так вот, позвони к Володину, выясни а) кто это такой и б) как с ним обращаться, а также в) сколько с него брать. И вообще сообщи, стоит ли связываться. Весь гвоздь в том, что не знаю я, как за такие дела приниматься, да и бегать по разным коллегиям мне не с руки. Я бы сдал это дело кому-нибудь, выговорив себе красненькие, и дело с концом.

Конец. Обнимаю, жму. Твой Арк.

Мамочке письмо послал. Привет Адке и Росшеперу.

Письмо Бориса брату, 22 ноября 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Наконец отпечатан и мой «Малыш», считал я его сегодня и завтра понесу в «Аврору», а заодно и Дмитревскому. Не забыл ли ты исправить Шахбазяна на Манукяна? Снова прошу: не забудь.

2. Созвонился я с Володиным. Наш милый Александр Моисеевич был, как всегда, бесконечно любезен и обязателен — рассказал мне сам, что знает, куда-то звонил… в общем картина получилась следующая. Он категорически не рекомендует нам связываться с кем бы то ни было (Токарева он, кстати, не знает и не сумел выяснить, кто это и что это). Пьесу мы должны написать сами, причем не инсценировку, а именно пьесу с заданным сюжетом. Это дает следующее: по договору — 2000 руб. и 4 процента с каждого спектакля. Если пьеса пойдет широко — это выгодно, а детектив, обычно, идет широко. Далее, если мы продадим право на инсценировку — это гроши и никаких процентов впоследствии. И наконец, в декабре он будет в Москве, постарается выяснить, какой театр заинтересовался ДоУ и попытается убедить театральное начальство, чтобы оно обратилось прямо к нам, минуя всяких токаревых. Такие дела. Я, натурально, рассыпался в любезностях (особенно после того, как он восторгнулся ГЛ и рассказал, что новый главреж театра комедии лелеет мечту поставить УнС), но сам думаю следующее: Володин человек хороший, прекрасный человек, нас очень любит и вообще — но: восторжен! Чрезмерно, знаешь ли,

восторжен. А посему пусть он там выясняет, то, сё, а с Токаревым в принципе стоило бы договориться, но на жестких условиях: все пополам. Пишется пьеса, у нее три автора, все доходы пополам (а может быть, даже ему — только треть!), и Токарев пробивает вещь на театре, пользуясь своими связями. Все честно-благородно: с нашей стороны — сюжет и работа, с его — работа и пробивная сила. Таково мое мнение.

3. Насчет скандала в МолГв мне всё подробно рассказал Дмитревский. Он, оказывается, принимал во всем этом деятельное участие (если, впрочем, не врет). Так вот, подонка Никонова таки сняли наконец. Должны были снять еще летом, но тогда за него вступился Шолохов, а теперь он напечатал в журнале еще какую-то гадость (про то, как прекрасны были сталинские тридцатые годы в отличие от ленинских двадцатых) и терпение начальства лопнуло. Ганичев навалил полные штаны и схлопотал выговор. Такие дела. И Воронкова вашего сняли. Говорят, за Солженицына. Предупреждал ведь уважаемый человек Твардовский, что рано или поздно Солженицыну дадут нобелевку, почему не послушались? Кто виновен в нынешнем скандале? Натурально — Воронков. Молодой, энергичный, но не справился, понимаете ли, с такой работой посреди писателей. Заменили его Верченкой, а самого «отфутболили вверх» — в замфурцевой по художественной самодеятельности. Такие дела. Вообще любопытные вещи рассказывают о том, что творится у вас в Москве. А ты там живешь как в лесу, ничего не знаешь. Расспрашивал я, между прочим, Дмитревского и насчет скандала с «Часом Быка». Он всячески елозил и выкручивался, но видно — дело там обстояло неважно, но оргвыводов по Ефремову, кажется, пока нет. Во всяком случае, решение об издании его полного собрания пока в силе. Н-да… А кто виноват в том, что у нас появилось идейно нечеткое произведение «Час Быка»? Помоему, так Стругацкие виноваты. А ваше мнение, тов. Хлебовводов? Прекрасно, где тут моя мешалка?..

4. Что же это у тебя за планы относительно красненьких? Очень любопытственно! Мне-то хоть отломится, или это

планы лично-персональные? А то ведь я тоже люблю красненькие, да и синенькие с зелененькими приемлю.

5. Путевки нам дали с пятнадцатого. На 13 дней. Скоро пойду выкупать. Номера, правда, не рядом (30 и 34), но я полагаю, что переживем, а ты как полагаешь?

6. Юрку-то Манина выбрали или нет? Отпиши.

Ну вот, пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет. Как у вас с квартирой?

Письмо Аркадия брату, 29 ноября 1970, М.— Л.

Дорогой Борик!

Задержался с ответом, потому что надеялся на события. Но, как и надо было ожидать, события не воспоследовали.

1. С ОО все на месте. По секрету Ариадна передала слух, будто Главлит предложил Пискунову издавать под его, Пискунова, личную ответственность, но что Пискунов, якобы, отказался. Однако Нина этот слух не подтвердила: она звонит туда ежедневно, и ей бы сообщили. Видимо, придется в конце концов идти в ЦК, но это я откладываю на ближайшие дни после Нового года.

2. Отнес заявку и Малыша к Беле. Она считает, что вразумительного ответа от начальства придется ждать не ранее середины января. Нине я тоже давал читать Малыша, она довольна и согласна включить его в «Мир приключений» — это уже на 72-й год. Сейчас давать нельзя, ибо начальство с радостью ухватится и за счет Малыша покроет все расходы по ОО.

3. Был у меня Токарев. Обсудили все условия. Так и решили: все пополам (по трети я не стал уже требовать, застеснялся). Да и то сказать: от нас ничего не требуется, потому что и работать, и пробивать будет он сам. Мужик опытный, работает на этом деле одиннадцать лет, сейчас ему удалось пробить «Две зимы и три лета». Пусть. По его словам, если получится это дело, доход будет неплохой. Театра у него определенного пока нет, он действует прямо в министерстве.

4. Подписал договор на «Миссию тяготения». Срок сдачи — апрель. Тебя впутывать в перевод не стану, сам все

сделаю, гонорар, как всегда, пополам. Так что в апреле будут уже некоторые поступления («Мир» авансов не платит, только по одобрению). Еще ожидаются переводы научно-популярных статей с английского, это, пожалуй, будет вполне по плечу и тебе. Возможно, первую статью привезу тебе с собой. Еще собираюсь к Боре Ляпунову: пусть даст заказ на статейки для журнала «В мире книг», он там работает. И еще есть перспективка поработать с коротенькими сценариями для рекламфильмов. Это полторы-две странички выдумки за 120–220 руб. за штуку.

Такие дела. Приеду, следовательно, 14-го. С квартирой пока ничего.

Привет и поцелуи Адке и маме. Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 3 декабря 1970, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Начал уже беспокоиться, тем более, что давеча у меня какие-то падлы сломали ящик для писем. Но тут — твое письмо.

1. Сегодня же ездил в Литфонд, получил путевки. Итак, первый день работы — 15 декабря, последний 27. Исходи из. Комнаты будут, правда, не рядом, но это надо пережить. Заодно подал заявление на 12 января. Надеюсь, правильно поступил? И еще подал заявление на Коктебель на август. Может, присоединишься с Ленкой? Было бы смачно.

2. М прочитан Дмитревским и завотдела прозы Никольским. Оба довольны и расточают комплименты. Завотдела сказал, что, по его мнению, всё будет ОК. У Дмитревского было два замечания: а) Поподробнее разъяснить суть вертикального прогресса, б) Поподробнее разъяснить, почему контакт опасен свернувшейся цивилизации. Я отбрыкивался как мог, и мы договорились, что если начальство этого не потребует, то делать ничего и не будем. Начальство уже начало читать.

3. Действия твои с Токаревым одобряю полностью. Может, будет хоть шерсти клок. Что касается «Мира», то половину гонорара на этих условиях у меня рука (она же — нога) не поднимется принять. Треть, и при условии, что чистку

черновика производим вместе. Насчет научпоп статей — всегда готов. Прочие твои идеи относительно получения красненьких кажутся мне малоэффективными, работай уж сам, там и делить-то нечего — вши.

4. Теперь по поводу ОО. Мое мнение таково: если идти в ЦК, то идти надо прямо сейчас. Тянуть нечего. Они и сами затянут. Если ты пойдешь сейчас, решение оттянут до после Нового года. Если пойдешь после нового года, будут тянуть до дня Красной Армии, или до Женского дня, или — что самое вероятное — до окончания съезда партии[1]. Так что надо набрать побольше воздуху в грудь и нырнуть в эту прорубь как можно скорее. Посоветуйся с Ниной и, если она в принципе одобрит эту идею, давай прямо до отъезда в Ленинград и пробивайся. Побеседуй устно и для вящей солидности передай из рук в руки еще и письменную жалобу на недопустимую волокиту с книгой, имеющей большое воспитательное значение. Знаю, что тяжело, но ты не дрогни. Это лучше, чем писать рекламфильмы по сто рублей за штуку. В конце концов, речь идет о двух с половиной на нос. И я думаю, в ЦК можно прямо пожаловаться на денежные затруднения — по методу Саши Лурье: мол, новую мебель купил, на даче ремонт пора делать, очередь на автомобиль подходит и т. д. Стисни зубы, Аркашенька, и действуй.

5. Да! Будешь ехать, захвати, пожалуйста, два полных комплекта «Юности» и два 11-х номера отдельно. Хочу кое-кого подмазать. И хорошо было бы, если бы ты привез хотя бы 18-й том «Всемирной ф-ки». Мама уже получила 19-й.

6. У нас тут все болеют. У мамы было воспаление легких, сейчас вроде бы стало лучше. Андрюха валяется в простуде уже неделю.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

А с квартирой, я вижу, дело обстоит не так просто, как ты изображал? Покупай, покупай, пока есть деньги, пока дают в долг. Учти, я на последнем издыхании. Если так и дальше дело пойдет, в следующем году я уже не кредитор.

[1] Будущего XXIV съезда КПСС.

Рабочий дневник АБС

15.12.70

Прибыли в Комарово писать ГО.

Ком<наты> 30, 33.

Часть 2-я: что осталось.

1) Разговор с Наставником.

2) Сумасшедший: пришел каяться, что это из-за него Город, ибо он искал связи с Космосом.

3) Допрос Изи, отдает Изю Гейгеру. Выброшенная папка — еврейские штучки.

4) Вана доставляют за неявку на новую работу. Андрей звонит Отто, кот<орый> работает на биржевой машине, чтобы выручить Вана. Бывший нач<альник> машины — «падающие звезды».

5) Письмо от дяди Юры (дома, в самом конце).

6) Кэнси — репортер уголовной хроники. О законности. О праве правого нарушать закон.

Фрижа — телохранитель Фрица.

16.12.70

Сделали 6 стр. 125

Вечером сделали 1 стр. 126 (7)

17.12.70

Сделали 6 стр. (132) 13

Вечером сделали 2 стр. (134) 15

18.12.70

Сделали 6 стр. (140) 21

Вечером сделали 1 стр. (141) 22

19.12.70

Сделали 6 стр. (147) 28

Закончена 2-я часть.

Приезжала Адка.

20.12.70

Сделали 6 стр. (153) 34

Вечером сделали 1 стр. (154) 35

21.12.70

Сделали 6 стр. (160) 41

Вечером сделали 2 стр. (162) 43

22.12.70

Сделали 4 стр. (166) 47

Вечером сделали 2 стр. (168) 49

23.12.70

Сделали 7 стр. (175) 56

Вечером сделали 1 стр. (176) 57

24.12.70

Сделали 5 стр. (181) 62

Вечером сделали 1 стр. (182) 63

25.12.70

Сделали 6 стр. (188) 69

Вечером сделали 1 стр. (189) 70

Кэнси звонит Дюпену, тот уже продался.

26.12.70

Сделали 7 стр. (196) 77

Вечером сделали 1 стр. (197) 78

Кислоглазый узнан Кэнси — проворовавшийся чиновник по снабжению.

Чел<ове>к подорвал себя динамитом, предварит<ельно> разославши письма.

27.12.70

Сделали 2 стр. (199) 80

Конец 3-й части.

Дядя Юра говорит: филичевый (в смысле «говенный»).

Арк уехал 28.12.70.

У АБС в 1970 году в СССР на русском языке не вышло ни одной книги. Публикации этого года можно пересчитать по пальцам: ОУПА в журнале «Юность», рассказы «Пришельцы» (2-я глава «Извне») и «Шесть спичек» в сборнике «Фантастика и приключения», фрагменты ОУПА в газете «Комсомолец Татарии».

Переводы 70-го года — это переиздание «В стране водяных» Акутагавы Рюноскэ в одноименной книге (пер. с японского АНС) и «Огненный цикл» Клемента в одноименном сборнике (пер. с англ. С. Бережкова, С. Победина).

В этом же году на Авторов впервые обратило внимание зарубежное эмигрантское издательство, выпускающее альманах «Посев» (Франкфурт-на-Майне). В № 78 альманаха опубликована СОТ, в этом же и следующем номерах — статья Д. Руднева, в которой критик немалое внимание уделил АБС.

Из: Руднев Д. «Замкнутый мир» современной русской фантастики

<…> фантастика середины шестидесятых годов могла бы питать надежды на расцвет в будущем, если бы развивалась в условиях свободы творчества. Но, по-видимому, поддержки читателей (их насчитывается более трех миллионов) и целеустремленности некоторых писателей-фантастов было недостаточно, чтобы обеспечить этому жанру полноценную жизнь. Журнал, посвященный фантастике, так и не был создан. Ежегодные сборники, выпускаемые изд-вами «Знание» и «Молодая гвардия», оказались малоинтересными, и появление в них ценных произведений (например, «Суета вокруг дивана» Стругацких или рассказы Лема в 1965 г.) осталось исключением.

Тем более выделяются на фоне общей бездарности и скуки произведения Лема и братьев Стругацких, которые, вопреки общей тенденции, продолжали углублять свое творчество, кульминационным пунктом которого я считаю вторую часть повести «Улитка на склоне».

<…>

На одной из планет, например, диктаторы — так называемые Неизвестные Отцы. Одна из политических групп захватила власть в свои руки, воспользовавшись разрухой и трудностями после проигранной войны.

«Здешний мир висит на волоске, все шатко, призрачно, эфемерно, не на что надеяться, не на что опереться, и вот появляются Неизвестные — опора, надежда, устойчивость, обещание жизни… Отказаться от них, усомниться в них означает потерять твердь под ногами, повиснуть в зловещей пустоте…»

Неизвестные Отцы — анонимны для своих подданных. Граждане думают, что власть принадлежит безраздельно и равно всем Отцам. Но это — обман. Среди Неизвестных Отцов есть главный — «Папа». Между собой они все на «ты», именуют друг друга ласкательно: Умник, Головастик, Дергунчик, но все боятся Папы и не доверяют друг другу. Любимое их занятие — подкапывание под ближайшего

вышестоящего… Но они понимают, что режим может держаться только, если население ничего не будет знать об их интригах друг против друга, и мусора из избы они не выносят.

Однако строй диктатуры, открытый или коллективно-анонимный, включает в себя отнюдь не только диктатора (или диктаторов). У него два столпа утверждения: система террора с концлагерями и бюрократия.

Население диктаторской или тоталитарной страны делится на три основные категории: первая — те, кто сажают, вторая — те, кто сидят, третья — те, кто будут сидеть.

Начнем с нескольких характеристик первой.

«Легионеры, мы — опора и единственная надежда государства в это трудное время. Только на нас могут без оглядки положиться в своем великом деле Неизвестные Отцы… Хаос, рожденный преступной войной, едва миновал, но последствия его тяжко ощущаются до сих пор. Легионеры-братья! У нас одна задача: с корнем вырвать все то, что влечет нас назад, к хаосу. Враг на наших рубежах не дремлет… Но никакие усилия армии не приведут к цели, если не будет сломлен враг внутри. Сломить врага внутри наша и только наша задача, легионеры».

Подследственный обращается к молодому, неопытному работнику органов безопасности:

«Вы еще молодой человек. Все архивы после переворота сожгли, и вы даже не знаете, до чего вы все измельчали. Это была большая ошибка — уничтожать старые кадры: они бы вас научили относиться к своим обязанностям спокойно. Вы слишком эмоциональны. Вы слишком ненавидите. А вашу работу нужно делать по возможности сухо, казенно — за деньги. Это производит на подследственного огромное впечатление. Ужасно, когда тебя пытает не враг, а чиновник. Вот посмотрите на мою левую руку. Мне ее отпилили в доброй довоенной охранке, в три приема, и каждый акт сопровождался обширной перепиской. Палачи выполняли тяжелую, неблагодарную работу, им было скучно, они пилили мою руку и ругали нищенские оклады. И мне было страшно».

В прокурорской работе залог успеха — методика.

«Прошлое этого человека туманно. И это, конечно, неважное начало для знакомства. Но мы с вами знаем не только, как из прошлого выводить настоящее, но и как из настоящего выводить прошлое… Это называется экстраполяцией».

У представителей первой категории, т. е. тех, кто сажает, существует тенденция представителей второй категории не считать людьми.

Земляне на одной из планет допрашивают пойманного концлагерного охранника.

« — Сколько стражников в лагере?

— Два десятка.

— Сколько людей в хижинах?

— В хижинах нет людей.

…— Кто живет в хижинах?

— Преступники.

— А преступники не люди?

На лице (охранника — *Д. Р.*) изобразилось искреннее недоумение. Вместо ответа он нерешительно улыбнулся».

Конечно, взгляд на заключенных самого писателя обычно иной.

«Минут через десять он увидел вторую заставу. Это был аванпост огромной армии клетчатых рабов, а может быть, и не рабов как раз,— а самых свободных людей в стране».

<…>

Если работники госбезопасности — мышцы и кулаки тоталитарного режима, остов его — бюрократия.

Для чиновника начало начал — место. Оно определяет все его житейские отношения: внешнее почтение и скрытую зависть к вышестоящим, тиранство по отношению к нижестоящим и глубокое презрение к нечиновникам. Чиновник боится всякого риска, но тянется к повышению, часто очень рискованному, отстраняет все моменты, мешающие достижению цели (например, совесть и «неясность»), и старается не отличаться во взглядах от остальных чиновников того же уровня.

Государственный прокурор получил повышение:

«А ведь жалко будет, пожалуй, уходить отсюда — нагрел местечко за десять лет. И зачем мне уходить? Странно устроен

человек: если перед ним лестница, ему обязательно надо вскарабкаться на самый верх. На самом верху холодно, дуют очень вредные для здоровья сквозняки, падать оттуда смертельно, ступеньки скользкие, опасные, и ты отлично знаешь это и все равно лезешь, карабкаешься — язык на плечо. Вопреки обстоятельствам — лезешь, вопреки собственным инстинктам, здравому смыслу, предчувствиям — лезешь, лезешь, лезешь… Тот, кто не лезет вверх, тот остается внизу, это верно. Но тот, кто лезет вверх, падает туда же — вниз…»

<…>

Над обрывом, у края волшебного и таинственного леса, стоит Управление — концентрат чиновничьей тупости и бездарности. Если лес — образ будущего, неизвестного, неясного, образ самой жизни со всеми ее противоречиями, то управление и его служащие — образ близорукого, невежественного и ненавистнического подхода к противоречиям жизни.

«Невежество испражняется в лес. Невежество всегда на что-нибудь испражняется».

Вот набор высказываний, рисующих образ типичного чиновника Управления — искоренителя (!) Домарощинера:

«Мое отношение к лесу определяется моим служебным долгом… Человеку вообще нельзя сидеть на краю обрыва… Полная ясность может существовать лишь на определенном уровне… и каждый должен знать, на что он может претендовать. Я претендую на ясность на своем уровне, это мое право… а там, где кончаются права, там начинаются обязанности».

«Тебе (говорят искоренителю — *Д. Р.*) если по морде вовремя не дать, ты родного отца в бетонную площадку превратишь для ясности».

Современному тоталитарному государству и тем более тоталитарному государству будущего высококвалифицированные ученые и интеллигенция столь же необходимы, как солдаты или полицейские. Их положение в тоталитарном обществе двоякое. С одной стороны, они находятся в привилегированном материальном положении, имеют доступ к книгам и иным источникам информации, запрещенным для прочих слоев населения. С другой стороны, они, именно

в силу своей частичной привилегированности, особенно болезненно переживают условия того интеллектуального гнета, в котором им приходится работать. Часто в них уживаются наравне чисто умозрительные оппозиционные настроения с карьеризмом и пресмыканием перед сильными века сего. Ко всему этому, интеллигенция, как правило, ненавистна низшим слоям населения, которые отлично сознают ее роль в поддержке и укреплении режима террора и несоответствие между ее идеями и ее образом жизни.

<…>

Одна из основных опор общества (отнюдь не только тоталитарного) — рутина. Порой она страшней и бесчеловечней террора. У Стругацких эта тема встречается часто. В рассказе «Попытка к бегству» человека, протестующего против власти, называют «желающим странного».

Землянин Максим попадает на далекую планету «Обитаемый остров» и понемногу знакомится с ее общественным строем, с ее историей. Мы об этом произведении уже говорили выше, теперь проследим путь Максима к раскрытию правды об этом не весьма симпатичном мире. После трудной войны группка анонимных диктаторов захватила власть и навела в стране относительный порядок, обеспечив населению прожиточный минимум.

«Максим понял, что политическое устройство страны весьма далеко от идеального и представляет собой некую разновидность военной диктатуры. Однако ясно было, что популярность Неизвестных Отцов чрезвычайно велика, причем во всех слоях общества».

Новые правители укрепили свою власть устройством системы ПБЗ, позволяющей при помощи многочисленных башен, покрывающих страну, защищаться от баллистических атак противников, которые внутри страны поддерживаются выродившимися жителями — «выродками», наймитами иностранных держав. Выродки подлежат искоренению.

Понемногу выясняется, что «главное в выродках то, что они выродки. Отними у них это свойство, и все остальные

обвинения против них — предательство, людоедство и прочее — превращаются в чепуху».

Попав к выродкам, которые оказались борцами против режима, Максим узнает, что башни системы ПБЗ — по сути дела излучатели, очень болезненно действующие на мозг выродков, при помощи которых власть их и вылавливает. Но и это — только полуправда.

«Излучение башен предназначалось не для выродков. Оно действовало на нервную систему каждого человеческого существа на планете. Физиологический механизм воздействия известен не был, но суть этого воздействия сводилась к тому, что мозг облучаемого терял способность к критическому анализу действительности. Человек мыслящий превращался в человека верующего, причем верующего исступленно, фанатически, вопреки бьющей в глаза реальности. Человеку, находящемуся в поле излучения, можно было самыми элементарными средствами внушить всё, что угодно, и он принимал внушаемое как светлую и единственную истину и готов был жить для нее, страдать за нее, умирать во имя ее.

А поле было всегда. Незаметное, вездесущее, всепроникающее. Его непрерывно излучала гигантская сеть башен, окутывающая страну. Гигантским пылесосом оно вытягивало из десятков миллионов душ всякое сомнение по поводу того, что кричали газеты, брошюры, радио, телевидение, что твердили учителя в школах и офицеры в казармах, что сверкало неоном поперек улиц, что провозглашалось с амвонов церквей…

Опасность для Отцов могли представлять только люди, которые в силу каких-то физиологических особенностей не были восприимчивы к внушению. Их называли выродками. Постоянное поле на них не действовало вообще, а лучевые удары вызывали у них только невыносимые боли. Выродков было сравнительно мало, что-то около одного процента, но они были единственными бодрствующими людьми в этом царстве сомнамбул…

И самое гнусное заключалось в том, что именно они поставляли обществу правящую элиту, называемую Неизвестными Отцами. Все Неизвестные Отцы были выродками, но далеко не

все выродки были Неизвестными Отцами. И те, кто не сумел войти в элиту, или не захотел войти в элиту, или не знал, что существует элита,— выродки-властолюбцы, выродки-революционеры, выродки-обыватели — были объявлены врагами человечества, и с ними поступали соответственно».

<…>

Этой цитатой мы и ограничимся. Картины мироустройства на Обитаемом Острове и на Тормансе получаются стройные. Фантастичность ситуаций незначительна. Описаны явления, хорошо известные землянам XX столетия, особенно немцам и русским. <…>

Как видно из всего вышесказанного, фантасты достаточно критически относятся к окружающей их действительности. Но их творчество не сводится только к отображению пороков общества: они ищут также средств для преодоления этих пороков.

Прием неизменно тот же: человек, или группа людей, извне (с другой планеты, из другого времени) сталкивается с порочным социальным строем и, исходя из разных побуждений (простое сострадание, соображения «галактической безопасности» и т. д.), старается найти способы борьбы с отрицательными явлениями.

Бороться с ними человек стремится, но возможна ли вообще борьба, и если возможна, то какая именно?

В основном у фантастов эта проблема сводится к вопросу: возможно ли и желательно ли вмешательство человека, исполненного добрых намерений, в дела планеты (или страны), правопорядок которой очень далек от совершенства, но переносится большинством жителей как неизбежное зло? Основная причина пассивности последних — невозможность в силу замкнутости системы, в которой они находятся, найти критерий для сравнения их жизненных условий с иными, свободными. Люди же, приходящие извне и попадающие в эти условия, оказываются беспомощными из-за отсутствия онтологической связи с туземцами, из-за отсутствия возможности «сопереживать» с ними их проблемы.

Впрочем, у разных писателей — точки зрения разные: представители двух противоположных — Станислав Лем и Иван Ефремов, посередине между ними — братья Стругацкие.

Для Ефремова — всё ясно, проблемы нет.

<…>

Тормансиане творили зло по неведению, но, узрев истину в лице ее безупречных проповедников — землян будущего коммунистического общества, они прозрели, покаялись, начали «пресекать в корне зло», и всё само собой наладилось.

Единственная, но обязательная предпосылка успеха всего дела в том, что человек с Земли должен быть носителем абсолютной истины и лишен противоречивости, побуждающей его совершать «причиняющие зло действия».

Если, как видно из его произведений, Ефремов — интегральный оптимист, Лем, напротив,— интегральный пессимист.

<…>

Стругацкие относятся к проблеме «борьбы за человека» по-своему. Они хорошо видят трудности преодоления косности социальных структур, отрицательные свойства которых большинством населения даже не осознаются. Но Стругацкие выход всё же видят.

В «Обитаемом острове» представлена именно такая ситуация, которая кажется совершенно безвыходной. Общество, пронизанное системой пропаганды и полицейского террора, производит впечатление неуязвимого:

«Не было силы в стране, которая могла бы освободить огромный народ, понятия не имеющий, что он не свободен, выпавший из хода истории. Эта машина была неуязвима изнутри. Она была устойчива по отношению к любым малым возмущениям. Будучи частично разрушена, она немедленно восстанавливалась. Будучи раздражена, она немедленно однозначно реагировала на раздражение, не заботясь о судьбе своих отдельных элементов».

Но что было еще гораздо страшнее общества,— это сама вселенная, которая представлялась жителям острова заколдованным безвыходным местом:

«Обитаемый остров был миром, единственным миром во Вселенной. Под ногами аборигенов была твердая поверхность Сферы Мира. Над головами аборигенов имел место гигантский, но конечного объема газовый шар неизвестного пока состава и обладающий не вполне ясными пока физическими свойствами».

«Максим понял, что находится в гигантской ловушке, что контакт сделается возможным только тогда, когда ему удастся буквально вывернуть наизнанку естественные представления, сложившиеся в течение тысячелетий».

Выхода быть не может, ибо нет вселенной, нет бесконечного. Нет даже просто дальнего, чужого. Всё свое — рутинное, изношенное, безрадостное, но единственно возможное.

Появление идеи или человека извне воспринимается как патологическое явление. Землянина Максима запирают в сумасшедший дом потому, что он «желает странного».

И по сути дела наличие человека или идеи извне — чрезвычайно опасно для подобного тоталитарного общества именно тем, что такая идея или человек не способны органически слиться с каким-либо общественным механизмом и в состоянии оказаться той пылинкой, которая может остановить всю машину общества.

Правда, в данной ситуации борьба Максима с жуткой стихией оказалась почти бесполезной, его попытка «вывернуть наизнанку естественные представления, сложившиеся в течение тысячелетий», не увенчалась успехом. Но, несмотря на свои неудачи, несмотря даже на вред своих попыток революционным путем свергнуть тиранию «олигархов» (смысл вреда обстоятельно раскрывает перед ним сотрудник «галактической безопасности», тайно следивший за общественными процессами Острова), Максим продолжает борьбу. Он решился на эту борьбу уже в самом начале повести:

«Будь он неладен, этот бездарный замкнутый мир! Но у меня только два выхода: либо тосковать по невозможному и бессильно кусать локти, либо собраться и жить. По-настоящему жить, как я хотел жить всегда — любить друзей, добиваться цели, сражаться, побеждать, терпеть поражения,

получать по носу, давать сдачи — всё, что угодно, только не заламывать руки».

Как видно из отрывка, борьба за человека, за ближнего, вопреки всей кажущейся бесполезности своей, необходима Максиму, и в первую очередь обусловливается его личным стремлением, личной потребностью. Жизнь и борьба нераздельны и в своей совокупности проявляют себя даже вопреки объективным условиям внешнего мира.

В отличие от мира Обитаемого острова, который можно определить как замкнутый в себе и лишенный перспективности, мир в повести Стругацких «Улитка на склоне» заключает в себе совсем иную ситуацию.

В этом произведении наравне с обществом, стремящимся к рационалистическому тоталитаризму, существует таинственный лес, символ всего не познанного человеком. В мире «Улитки на склоне» выход из общественного тупика тесно связан с познанием леса, с приобщением к его иррациональным закономерностям. Вряд ли мы ошибемся, если примем лес в качестве символа нашего внутреннего мира — нашей совести, всего того, что определяет самоотверженность человеческой борьбы.

Герой повести, например, обращаясь к лесу, обещает ему бороться:

«…Здесь я не могу помочь тебе, здесь всё слишком прочно, слишком устоялось. … Но точку приложения сил я еще найду, не беспокойся. Правда, они могут необратимо загадить тебя, но на это тоже надо время и немало: им ведь еще нужно найти самый эффективный, экономичный и, главное, простой способ. Мы еще поборемся, было бы за что бороться…»

Ясно, что лес — одновременно и цель борьбы («я не могу помочь тебе») и ее условие («они могут загадить тебя»). Иначе говоря, борьба ведется и за лес и с помощью леса — за совесть и по совести…

После обещания, данного лесу, продолжать борьбу герой повести ночью, в библиотеке, в полном одиночестве, произносит монолог, обращаясь к старому двухтомнику:

«…Ты никогда не орал, не хвастался, не бил себя в грудь. Добрый и честный. И те, кто тебя читают, тоже становятся добрыми и честными. Хотя бы на время. Хотя бы сами с собой… Но ты знаешь, есть такое мнение, что для того, чтобы шагать вперед, доброта и честность не так уж обязательны. Для этого нужны ноги. И башмаки. Можно даже немытые ноги и нечищенные башмаки… Прогресс может оказаться совершенно безразличным к понятиям доброты и честности, как он был безразличен к этим понятиям до сих пор. …всё зависит от того, как понимать прогресс. Можно понимать его так, что появляются эти знаменитые «зато»: алкоголик, зато отличный специалист; распутник, зато отличный проповедник; вор ведь, выжига, но зато какой администратор! Убийца, зато как дисциплинирован и предан… А можно понимать прогресс как превращение всех в людей добрых и честных. И тогда мы доживем когда-нибудь до того времени, когда будут говорить: специалист он, конечно, знающий, но грязный тип, гнать его надо…»

Этот замечательный отрывок, конечно, не ответ на все вопросы о жизни, о будущем, о счастье человека и общества. Он не решает также задачи соотношения добра и зла, дозволенности компромиссов между ними, но верно указывает направление, в котором поиски должны вестись (и уже ведутся в сегодняшней России). Разум и нравственность — неразделимые компоненты человеческого я, совершенно равноправные. Попытки вывести один компонент из другого калечат человека, насилуют историю и фальсифицируют человеческие отношения. Их органическое соединение в личном плане — правда, а в общественном — право.

Человек живет в мире деятельного зла, и, чтобы побороть его зловещую косность, добро должно быть деятельно.

Герой рассказа «Попытка к бегству» утверждает:

«Раз вы хотите делать добро, пусть оно будет активно. Добро должно быть более активно, чем зло, иначе всё остановится».

<…>

Лес в «Улитке на склоне» — область таинственных явлений растительной, животной и сказочной жизни. В его непроходимых дебрях шарикообразные существа размножаются почкованием и топят сами себя в реках, следуя неразгаданным закономерностям. Под его кровом красуются в волшебном тумане русалки, его деревья перепрыгивают с места на место и его лужи с аппетитом всасывают и переваривают человеческую технику.

Люди чувствуют себя в лесу очень неуютно, и по распоряжению администрации в него впускают людей только в случае необходимости, и то лишь таких, которые не смогли бы его полюбить и стать на его защиту против чиновников «Управления».

Герой повести Перец добивается, наконец, возможности попасть в это «Управление», распоряжающееся «командировками» в лес:

«…человек, который никогда в жизни не видел леса, ничего не слышал о лесе, не думал о нем, не боялся леса и не мечтал о лесе, даже такой человек мог легко догадаться о существовании его уже просто потому, что существовало Управление (по делам леса.— *Д. Р.*). …Я стоял перед этой вывеской… и чувствовал слабость в коленях, потому что знал теперь, что лес существует, а значит всё, что я думал о нем до сих пор,— игра слабого воображения, бледная немощная ложь».

Перец хочет попасть в лес:

« — Тебе туда нельзя… Туда можно только людям, которые никогда о лесе не думали… Зачем тебе горькие истины?

— А зачем же я сюда приезжал?

— Чтобы убедиться. Неужели ты не понимаешь, как всё это важно: убедиться. Другие приезжают для другого. Чтобы обнаружить в лесу кубометры дров. Или найти бактерию жизни. Или написать диссертацию. Или получить пропуск, но не для того, чтобы ходить в лес, а просто на всякий случай: когда-нибудь пригодится, да и не у всех есть. А предел поползновений — извлечь из леса роскошный парк, как скульптор извлекает статую из глыбы мрамора. Чтобы потом

этот парк стричь. Из года в год. Не давать ему снова стать лесом».

Перец мечтает о лесе, страстно стремится познать его тайну. Казенный философ «Управления» Проконсул (! — *Д. Р.*) также много думает о лесе, но его мечта — рационализировать лес, то есть по сути его уничтожить.

«…как преступно мало мы говорим и пишем о нем (о лесе — *Д. Р.*). Он облагораживает, он будит высшие чувства… А мы никак не можем пресечь распространение неквалифицированных слухов, побасенок, анекдотов…

…Дело ведь не в том, был ты в лесу или не был, дело в том, чтобы содрать с фактов шелуху мистики и суеверий, обнажить субстанцию, сорвав с нее одеяние, напяленное обывателями и утилитаристами…

…И подчеркните (когда о лесе будете читать доклад. — *Д. Р.*), что не болота и трясины, а великолепные грязелечебницы; не прыгающие деревья, а продукт высокоразвитой науки; не туземцы, не дикари, а древняя цивилизация людей гордых, свободных… И никаких русалок! Никакого лилового тумана…»

Но лес не раскрывает своей тайны герою повести, и он в последний раз обращается к своему таинственному «другу»:

«Я не знаю, какой ты. Этого не знают даже те, кто совершенно уверен в том, что знают. Ты такой, какой ты есть, но могу же я надеяться, что ты такой, каким я всю жизнь хотел тебя видеть: добрый и умный, снисходительный и помнящий, внимательный и, может быть, даже благодарный. Мы растеряли всё это, у нас не хватает на это ни сил, ни времени, мы только строим памятники, всё больше, всё выше, всё дешевле, а помнить — помнить мы уже не можем… Так неужели я тебе не нужен? Нет, я буду говорить правду. Боюсь, что ты мне тоже не нужен. Мы увидели друг друга, но ближе мы не стали, а должно было случиться совсем не так. Может быть, это они стоят между нами? Их много, я один, но я — один из них, ты, наверное, не различаешь меня в толпе, а может быть, меня и различать не стоит. Может быть,

я сам придумал те человеческие качества, которые должны нравиться тебе, но не тебе, какой ты есть, а тебе, каким я тебя придумал…»

И на этот раз ответа от леса нет: Перец его получит — частично — от старого двухтомника, в сумерках пустынной библиотеки (см. выше).

<…>

Лем в «Солярисе» не разгадал загадки жизни. Он даже, наверное, дальше от ее решения, чем Стругацкие в «Улитке на склоне». Ему никакой «старый двухтомник» не указывает пути. Но Лем, как и Стругацкие, не считает, что невозможность познать неведомое должна привести к прекращению поисков. В этих поисках и скрыт подлинный смысл бытия, в них человек познает себя и мир в подлинном измерении.

Как бы ни определять Иное — неведомым, будущим, бессознательным архетипом, Богом,— познание его постулирует отказ человека от своего «эгоантропоцентризма», признание себя существом ограниченным чем-то или кем-то. В этом познании человек обретает себя, но оно несет ему всё то, что человек и сам в себе несет, оно дает ему выход из замкнутого мира, но выход этот может вести и к доброму (путь двухтомника), и к злу (встреча во сне с Океаном), и к жизни, и к смерти. Путь к неведомому ведет человека к раскрытию и достижению своих крайних пределов, но ведет только туда, куда человек сам будет стремиться.

<…>

Публикация в таком издании еще не обозначала статус диссидента, но означала опасную черту: прими Авторы эту публикацию как должное — и всё, возврата к прежнему статусу добропорядочного советского писателя не будет. У себя дома они уже не напечатаются.

АБС пока еще не знают о публикациях «Посева». У них свои планы, свои наработки, они хотят радовать читателя «здесь и сейчас». Эмиграция — как внутренняя, так и реальная — не их путь. Как в дальнейшем не раз говорили Авторы: «Нас увезут отсюда только связанными и на танке».

1971

Письмо Аркадия брату, 6 января 1971, М.— Л.

Здравствуй, Борик!

Ну вот, был я сегодня у Жемайтиса. Бела отсутствовала — была больна, нам, как всегда, везет. То, что сказал Жемайтис, сводится к следующему: вещь им всем в редакции понравилась, но они считают, что мы использовали не все ее возможности, не раскрыли некоторые тайны и так далее — кто аборигены, почему планета такая, сам понимаешь, детские вопросики. Тут я прервал его и сказал, что у нас была ограничена площадь, что писалось это для «Авроры», что мы можем дописать и домыслить все, что угодно, но давайте договор. Тут, сам понимаешь, произошла заминка. Он принялся гудеть, что не знает, как посмотрит главная редакция на детектив, будут-де спрашивать, а про что это. Я сказал ему, про что это, но он с сомнением покачал своей верблюжьей головой и посмотрел на меня вдоль носа. Я сказал, что если бы я к своему отъезду, имеющему быть 14-го, уже знал бы, что договор наверняка будет, мы бы могли сразу приступить к третьей повести. Он сказал, что будет стараться — договор на 72-й год. Примерно то же сказала и Бела, которой я тут же позвонил домой. Такие дела. В общем, читать они хотят, печатать — нет. Все же я надеюсь выдавить из них что-нибудь определенное к дню отъезда.

Звонил Нине. Перемен к худшему нет, видимо, на днях начнут печатать.

Были в Моск. организации перевыборы бюро. Из фантастов никого не выбрали, и Ариадна принялась выяснять, в чем дело. Как выяснилось, фантастику в организации будет вести некий Сафонов. Кто такой Сафонов — я, честно говоря, не знаю, но есть у меня сильнейшее подозрение, что это старый талантливый научпоп-лысенкоист. Ну и хрен с ними. Я туда не ходил давно и ходить, пожалуй, больше не буду.

Что еще? С кооперативом у меня по-прежнему неопределенно, никак не пропишут моего зятя. Пр-ровалиться им всем с зятьями и кооперативами.

Решил «Межкниге» пока не отвечать. Привезу письмо, ответим вместе.

Всё. Целую, жму. Привет Адке. Поцелуй маму.

Письмо Бориса брату, 9 января 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Письмо посылаю с оказией — так будет быстрее.

1. Путевки нам выписали. Первый день — 15, последний — 27. Жить будем на первом этаже, номера, кажется, 8 и 9. В понедельник-вторник пойду выкупать. Когда возьмешь билеты, телеграфируй.

2. Пытался связаться с Дмитревским (выяснить, как дела в «Авроре»), но он, оказывается, с внучкой в Комарове до конца каникул. Буду искать его, начиная с понедельника. Оснований для тревоги, впрочем, никаких.

3. Деятельность твою в МолГв одобряю полностью: жми, жми на гадов, пусть до отъезда определят, чем нам заниматься в Комарове.

4. Между прочим, информация о том, что Ю. Домбровский дал, якобы, положительную рецензию на ГЛ, есть информация ложная. Изя Кацман виделся с Домбровским на Новый год, и тот сказал, что ему действительно предлагали ГЛ на рецензию, но он отказался ее брать, ибо «в фантастике ничего не понимает и рецензировать то, в чем не разбирается, не может». В «Неву» насчет ГЛ я не звонил еще: жду, может, Саша сам позвонит. Перед отъездом, впрочем, звякну (брякну).

5. Кто такой Сафонов, не припомню. В справочнике сказано, что он Вадим Андреевич (прозаик). По-моему, был какой-то фантаст Сафонов, из этих… из старых, настоящих… Или то был Сафронов? Между прочим, Мееров был в декабре у Казанцева. Казанцев помнит Ал. Ал-ча еще по «Защите-240», а потому считает своим. Много было разговоров

о том, что «вот мы с вами понимаем фантастику, а эти, новые, братья всякие, только все изгадили…».

Ну вот, пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

А Машка ваша — прелесть.

13 января газета Ленинградского пединститута «Советский учитель» публикует очередную рецензию Лемхина — теперь на ОУПА.

Лемхин М.
Детектив братьев Стругацких

Новая повесть братьев Стругацких — детектив. Предыдущая их работа — «Обитаемый остров» — большой приключенческий роман. Это, на первый взгляд, неожиданно и, пожалуй, немного обидно.

Действительно, серьезные писатели (теперь, слава богу, не надо опасаться, говоря о фантастах — «серьезные писатели»), писатели настолько острых проблем, что даже маленькое их предисловие к роману К. Саймака «Всё живое» разжигает страсти литературных критиков. Да, серьезные писатели, совсем недавно и с таким трудом признанные серьезными, и вот — на тебе! — развлекательное чтение, скажут серьезные критики.

Я не буду этого опровергать, не буду доказывать, что приключения, а на самом деле все очень серьезно; детектив, а на самом деле социальный роман; не буду тревожить Достоевского и Грэма Грина. Серьезные критики правы по существу. Действительно, «Обитаемый остров» несколько облегчен. И, пожалуй, облегчен сознательно. Я бы сказал, что этот роман — популярное изложение собственных достижений. Это хороший роман как самостоятельное произведение, но он плох как роман, написанный после «Трудно быть богом» или «Хищных вещей века», он плох для самих авторов. Те же проблемы уже ставились и, главное, почти аналогично решались Стругацкими.

И вот — детектив. Ну ладно, «Обитаемый остров» хоть и повторение пройденного — хорошее повторение хорошего. А какие проблемы здесь?

Петер Глебски приятен нам. Он весел, общителен, честен, смел. Мы с удовольствием следим за ним; он пытается разобраться в том, что происходит в отеле «У погибшего альпиниста». Хороший ли человек Петер Глебски? Да, мы не сомневаемся в этом. Он и не может быть другим.

И вот настает его час, час Петера Глебски,— он должен решать, должен действовать. Но вдруг оказывается, что он сам не может ничего, он не человек, а чиновник, кем бы он ни казался, кем бы себя ни мнил, его и нет вовсе, а есть пыльные с замусоленными углами уставы, инспектор уже слился с ними и не может перешагнуть черту, за которой начинается Петер Глебски — человек.

Он оказался чиновником, машиной — инспектором Глебски. И пусть он потом понимает это, пусть жалеет, пусть мучится — шанс спасти свою душу, стать человеком, был дан ему, как дается он каждому из нас, и остался неиспользованным. «Звездный час инспектора Глебски» (один из вариантов названия повести) прошел, и потекли мутные часы аквариумной жизни инспектора Глебски. Он упустил свой шанс.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

«Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего, и соблюдающие написанное в нем, ибо время близко»[1].

«Я есмь Первый и Последний, и живый; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти[2].

«…знаю дела твои и труд твой, и терпение твое и то, что ты не можешь сносить развратных, и испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы…»[3]

---

[1] Откровение Иоанна, гл. 1, ст. 3.
[2] Там же, гл. 1, ст. 17, 18.
[3] Там же, гл. 2, ст. 2.

«Иди и смотри»[1] ; семь чаш гнева (божия)[2]; семь последних язв[3];

Технократия

15.01.71

Прибыли в Комарово. Б. болен и в соплях. Ком<наты> 8, 9.

16.01.71

1. Изучающие (ученые).

2. Стремящиеся завладеть (a. Politicos; b. Гангстеры).

3. Стремящиеся уничтожить, ибо видят беду.

17.01.71

А) Вещественное с автомобиля: 1) натекло масло; 2) наляпали бензину; 3) бросили старые свечи и фильтры; 4) ветошь; 5) перегоревшая лампочка; 6) обронили разводной ключ; 7) грязь с других мест.	1) скопление коллоидного газа в низинах (подвалы) — смерть, мутации, нет разложения трупов, живые мертвецы видны только при определенном освещении; 2) участки повышенной гравитации: вещество с измененной структурой; постепенно релаксируются; 3) «шевелящийся магнит»; «аккумуляторы»; «зуда» — мягкая упругая пилюлька, при нажатии прыгает и зудит; 4) залежь синего желе, частицы которого вибрируют с высокой частотой;

[Продолжение табл. на стр. 601]

Использование:

А)

1) подполье — для украшений; химия — как мутаген;

2) интерес только для ученых; опасно — иногда релаксация мгновенная; кубик весит много тонн;

3) «зуда» — оружие трапперов; не потрафят — оставит в уголке зудеть, с ума сойдешь;

«аккумуляторы» — объект охоты; опытные трапперы знают, где они рождаются — а почему — никто не знает.

[1] Там же, гл. 6, ст. 1 и сл.

[2] Там же, гл. 16, ст. 1.

[3] Там же, гл. 15, ст. 1.

Б) Пикник: 1) следы костра; 2) кости, огрызки яблок; 3) [«пустая тара (консервы, питье)» — всё перечеркнуто]; 4) хлебные корки; 5) спитой чай; 6) обертки от конфет; 7) консервные банки; 8) пустые бутылки; 9) банка сгущенки забыта; 10) несколько картофелин (прорастает). В) Люди: 1) нос<овой> платок; 2) выделения; 3) презервативы; 4) перочинный нож; 5) монеты; 6) старые газеты; 7) «Вася и Маша здесь были»; 8) засохшие цветы других полян.	бывшее и исчезнувшее солнце; россыпи гигантских (в кулак) диатомей[1]; глиняный шар, в который закатаны кости неизв<естных> животных; бесформенные куски белка, обработанного высокой частотой; участок, зараженный апелерирующими[2] веществами; человек не может оттуда уйти, вкусовые наслаждения приближаются к сексуальному; 6) идеальные термостаты — сосульки; 7) магнитные ловушки: два диска на метр друг от друга; 8) похоже на грелку, налить жидкость можно, но абсолютно проницаема снаружи. Изнутри непроницаема; 9) магнитная ловушка, заполнена какой-то массой. Рука проходит, а как достать — неизвестно; треугольный кусок материи, разлагающий воду на кислород и водород; бак с богатой органикой; змеиные яды; десяток странных предметов с прямой температурной связью: выше 5° — втрое теплее окруж<ающей> среды; ниже 5° — втрое холоднее; 4) машина исполнения желаний; 5) кольцеобразные предметы (кольца, обручи), вызывающие эйфорию без последствия; 6) множество изогнутых различным образом булавок, кот<орые> при определенных эксперим<ентальных> условиях начинают мигать разноцветными огнями: устройство записи информации; 7) лощина ночью равномерно вспыхивает в красноватом тумане.

[1] Диатомеи, или диатомовые водоросли — тип микроскопических водорослей, имеющих твердый кремневый панцирь.

[2] Т. е. «притягательными». — *БНС.*

Трапперы скрывают свои залежи. Есть «россыпи», известные ученым. Есть промышленность, добывающая «аккумуляторы» — неск<олько> тыс<яч> в год;

4) лечебное средство (тальк). Открыто трапперами как народная медицина (кожные болезни);

5) дьявольская находка; ясно, что ценность (глаз сатаны), но кто владеет — гибнет;

6) трапперы его боятся, как дьявола. Кто туда ходил — не вернулся, либо вернулся метаморфизированным;

7) объект охоты, антикварная ценность.

Б)

1) только воспоминания;

2) украшения;

3) только для ученых;

4) только для ученых; иногда трапперы находят и жрут: вкусно. Идет в продажу: вкусно;

5) трапперы боятся; ученые считают легендой;

6, 7, 8) объект браконьерства;

9) только для ученых;

10) опасность.

А)

5) комбинат рентгеновских трубок; гибель для трапперов («Смерть-лампа»);

6) робот, очень сложный; аргумент для тех, кто утверждает, что пришельцы все еще здесь, живет на серном заводе и работает на станках в ремонтном цехе. Вида постоянного не имеет. За ним наблюдают в телескоп;

7) брызги чужого пространства; разнокалиберные черные шарики; свет идет через них минутами и даже часами.

Б)

10) растение: снаружи протухший конус, а корень уходит на километры в землю и живет.

В)

1) уника;

2) уника;

3) объект браконьерства;

4) легенда, много смертей;

5) объект браконьерства; незаменимо для космонавтов и подводников; для стратегических дежурств; для стариков-властителей (источник вечной бодрости);

6) объект браконьерства; одну из тысячи расшифровали — 40-разрядные числа. Открыли: если держать булавку между большим и указательным пальцем и задумать число, она дает степень 2/3 этого числа. Открытие!

7) уника.

Ужасы:

α) Растения, пух которых ест кожу;

β) неизвестный фактор, вызывающий регрессивную эволюцию;

γ) неизвестный фактор, вызывающий деформации организма: растворение костей, изменение скелета.

Легенда: появилась лошадь с часами на левом копыте; по часам узнали, что это некто X.

Запрещается выезжать: из 6000 эмигрантов умерло 3000 — и никто естественной смертью. Каждый был в эпицентре большого бедствия.

18.01.71

1. Деньги для развлечений.

2. Бескорыстная работа во имя человечества (под влиянием погибшего оптимиста).

3. Деньги для семьи.

4. Деятельность, направленная на уничтожение (фанатики).

5. Бредовая мечта о мировом господстве (машина желаний).

6. Попытка к бегству.

Эпизоды:

Гибель «миноискателя».

Гибель «оптимиста».
Вербовка ВПК.
Штурм института.
Сбыт добычи.

траппер Рэдрик Шухарт «Рыжий»
«оптимист» Кирилл Панов // Валентин
девушка траппера Гута
разведчик Дик Нунан, Интерпол
братишка траппера Сэдвик
бармен-перекупщик Эрнесто
фанатик Абрахам Бухер «Гуталин»

Гл. 1

1) Разговор с особистом.

2) Возмущен<ный> разговор с Пановым.

3) Выход.

4) В Зоне.

5) После Зоны: изнеможен.

6) Кабак «Боржч» («Borczch») — он же.

а) Агент по эмиграции.

б) Дик Нунан — сообщит о смерти Панова.

в) Будущий вождь фанатиков — негр Гуталин (от Рэдрика это прозвище принимает, а иным по зубам).

г) Чичако — навязывается в спутники.

д) Скандал с Эрнесто (добычу не носит) — после получения известия о смерти Панова.

е) Отповедь Сэдвику.

7) На улице встречает Гуту — она беременна.

Гл. 2

1) Кладбище, ползут, тащит. Обещания насчет машины желаний. Раненый траппер — Барбидж.

2) Дома у Барбиджа, полоумная дочь.

3) У себя дома, покалеченный брат, ребенок — уродец.

4) В «Боржче».

а) Сдает Эрнесто добычу.

б) Общение с Нунаном и Валентином.

в) Опять фанатики.

г) Ребята из ВПК: пойти в цех, по слухам, там есть одна штука, надо достать.

5) Арест, суд трибунала.

19.01.71

Сделали 4 стр.

Вечером сделали 2 стр. (6)

М. б. здесь обещание: хочешь пустышку полную?

Молчит, курит. Потом он говорит: Знаешь, есть сведения, что в гараже лежит одна штука… дышит.

20.01.71

Сделали 6 стр. (12)

Вечером сделали 1 стр. (13)

21.01.71

Сделали 6 стр. (19)

Вечером сделали 1 стр. (20)

22.01.71

Сделали 6 стр. (26)

Вечером сделали 1 стр. (27)

23.01.71

Сделали 6 стр. (33)

Вечером сделали 1 стр. (34)

24.01.71

Сделали 6 стр. (40)

Вечером сделали 1 стр. (41)

25.01.71

Сделали 6 стр. (47)

Вечером сделали 1 стр. (48)

26.01.71

Сделали 6 стр. (54)

Вечером сделали 1 стр. (55)

27.01.71

Сделали 5 стр. (60)

Арк уехал 28.01.71.

Письмо Бориса брату, 1 февраля 1971, Л.— Кишинев

Дорогой Аркашенька!

Писем от тебя пока нет, так что пишу тебе сам, тем более что есть необходимость.

1. Дело в том, что «Аврора» выдала 35 %, что прекрасно, но эти мудрецы послали почему-то деньги и тебе и мне на мой адрес. Не на сберкнижки, и даже не на наши адреса, а именно на мой адрес. Боюсь, что здесь имеет место дружеская рука Колченога[1], решившего, что раз ты здесь… и т. д. Свои деньги я, натурально, получил, что же касается твоих, то срочно, как только получишь сие письмо, вышли мне доверенность, заверенную либо в ЖАКТе, либо в любом месте работы: настоящим я, нижеподписавшийся… доверяю получить такому-то мои деньги по почтовому переводу номер 2475 в количестве двести девяносто два рубля 94 копейки. Как только вернешься из Кишинева, сразу же и пошли заказным вместе с подробным отчетом.

2. Миша Лемхин прислал свою рецензию на ОО и ДоУ, опубликованную во всемирно известной газете «Советский учитель» (многотиражка Герценовского ин-та). Вот ДоУ уже и прессу имеет!

Вот пока и всё, крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Денег за ОО пока не вижу.

АН в это время зарабатывает деньги в Кишиневе.

Из архива. Заявка на сценарий «Трижды смертник»

И. о. главного редактора киностудии «Молдова-филм»
от члена ССП Стругацкого А. Н.
(псевдонимы: по кинодраматургии А. Строганов)

Заявка

Предлагаю вверенной Вам студии заявку на сценарий «Трижды смертник» — о героической жизни одного из самых значительных деятелей революционного подполья

[1] Прозвище Дмитревского Владимира Ивановича.

Молдавии, несгибаемого коммуниста-ленинца Якова Антипова (Павла Ткаченко).

Как известно, фундаментальная трудность в создании фильмов на революционно-биографические темы состоит в выделении главных, переломных моментов жизни исторического лица, определяющих его политическое, психологическое и моральное развитие. Жизнь революционера — зачастую сплошная цепь подвигов, иногда — ярких, поражающих все человечество, а зачастую незаметных, растянувшихся на месяцы и годы кропотливейшей работы, решительно неэффектных; задача художника — определить объективную социально-историческую иерархию в этой цепи, найти и показать силы, воздействовавшие на революционера и воспитавшие его революционером, оценить ближайшие и отдаленные результаты его деятельности.

Уже первый и самый поверхностный взгляд на героическую биографию Павла Ткаченко диктует исследователю следующую периодизацию: Бендерский период, окт. 1917 (возвращение из революционного Петрограда в Бессарабию) — июнь 1919 (процесс 108-ми, первый смертный приговор); Кишиневский период — с июля 1919 г. (нелегальный приезд в Кишинев для восстановления разгромленных сигуранцей коммунистических подпольных групп) по окт. 1920 (процесс 48-ми, второй смертный приговор); Румынский период — с начала 1921 г. (нелегальное прибытие в Яссы в качестве члена всерумынского комитета по созданию Компартии Румынии) и до конца — до зверского убийства на станции Вистерничен 4 сентября 26 года.

При ближайшем рассмотрении такая периодизация оказывается полностью оправданной и в смысле процесса политического развития замечательной личности Ткаченко. В Бендерский период — это вчерашний студент-первокурсник (в 1918 г. Ткаченко было лишь 17 лет), нетерпеливый поборник социальной революции, еще не большевик, но готовый драться за Святой Новый Мир вместе с большевиками, непременный участник вооруженных схваток с интервентами, организатор и «заводила» бендерской демократической молодежи; огромную роль в его становлении будущего комсомольского вожака

и зрелого партийного деятеля сыграл возглавлявший в то время Бендерскую подпольную парторганизацию старый большевик Григорий Иванович Борисов-Старый, поставивший Ткаченко во главе организации революционной молодежи в Бендерах.

В Кишиневский период мы видим уже незаурядного подпольщика, организатора, умело и терпеливо направляющего стихийные выступления кишиневского пролетариата, умело и терпеливо ткущего, вопреки всем усилиям сигуранцы, широкую сеть коммунистических организаций, пронизывающую все боевое профсоюзное движение в Кишиневе, охватившую весь юг оккупированной Бессарабии; и здесь партия продолжает направлять и воспитывать его в лице замечательного сына молдавского народа, старого коммуниста Александра Борисовича Рубинштейна.

Наконец, в Румынский период перед нами встает уже фигура международного масштаба. Ткаченко — один из тех, о ком 1-я совместная конференция коммунистических групп Румынии и Бессарабии в марте 1921 года вынесла такую резолюцию: «Конференция восхищается революционностью, непримиримостью, дисциплиной и жертвами коммунистов Бессарабии, ставя эти качества в пример рабочим Румынии». Теперь это искусный конспиратор, эрудированный марксист-ленинец, великолепно ориентирующийся в политической обстановке, страшная заноза в самой толще тела противника.

Строй фильма мыслится мне в соответствии с упомянутой периодизацией и политико-психологическими характеристиками личности Павла Ткаченко на каждый период. Движущие факторы в развитии образа: непосредственное влияние закаленных борцов партии Старого и Рубинштейна в Бендерский и Кишиневский периоды и тесная связь с международным коммунистическим движением — в Румынский период.

Для сюжетной организации фильма я намерен ввести в число действующих лиц антипода Ткаченки — крупного агента сигуранцы, лицо заведомо вымышленное, являющееся неким «концентратом» всего самого страшного и подлого, что олицетворяет собой фашизм. Как известно, сигуранца не принадлежала к числу самых эффективных охранок Европы,

но она, конечно, не могла бы существовать и, тем более, функционировать, если бы в ее аппарате не было бы фигур крупного масштаба, своего рода «черных гениев» — в противовес королевским идиотам типа Войнеску. Как мне представляется, именно провокационной деятельности таких мерзавцев высшего класса, деятельности бессовестной и тонкой, обязано революционное движение в Молдавии и Румынии провалами в 1919 и 1921 г., наконец, трагедией 1926 года.

Этот антипод Ткаченко — назовем его г-н Х — появляется в Бендерах еще до вступления королевских войск, проникает в коммунистическое подполье, предает, доносит, совершает тайные убийства. Для Ткаченки он остается нераскрытым до знаменитого процесса 270-ти (янв. 1922 г.). В дальнейшем вся деятельность Ткаченки в Румынии и до самого конца проходит, по моему замыслу, под знаком борьбы Ткаченко с этим умным и коварным врагом (= борьба с сигуранцей).

Одной из кульминаций фильма, на мой взгляд, должно быть знаменитое выступление Ткаченки на процессе 270-ти. С двумя смертными приговорами за спиной, коммунист и ярый враг коричнево-фашистского строя, этот великолепный оратор и логик сумел загнать судилище в такой тупик, что власти пришлось ограничиться в отношении его сравнительно мягким приговором. Здесь невольно напрашивается аналогия с Георгом Димитровым, сумевшим превратить судилище над коммунистами в Берлине в суд над фашизмом. Эту аналогию я намерен развить и углубить, одновременно подчеркивая неповторимое своеобразие образа 25-летнего коммуниста.

В случае заключения со мной авансового договора обязуюсь сдать первый вариант литературного сценария «Трижды смертник» в оговоренные со студией сроки.

Работа над сценарием потребует тщательной и кропотливой работы с архивными материалами, которые имеются только в Молдавской республике. В качестве консультанта по сценарию и фильму предлагаю привлечь зав. кафедрой истории КПСС Кишиневского сельскохозяйственного института тов. Довгополого Ивана Ивановича, кандидатская диссертация которого посвящена Павлу Ткаченко.

Письмо Аркадия брату, 3 февраля 1971, Кишинев — Л.

Дорогой Борик!

Не успел написать из Москвы.

1. Экзы ОО есть, но они в фонде. Надеюсь, к моему приезду зять перетащит их домой.

2. Деньги ни за ОО, ни за «Аврору» (по М) не переведены.

3. На Жемайтиса надежд почти что нет, но это еще надо расследовать дополнительно.

4. Партию ОО уже выбросили в продажу (в Москве), разошлась, конечно, мигом.

5. Как я и предполагал, здесь в Кишиневе договор этот на фильм о Павле Ткаченко не имеет самостоятельных перспектив (пока), а является формой уплаты мне (аванс) за работу на Борецкого. А жаль: я здесь подчитал кое-что, можно было бы написать интересный приключенческий фильм. Впрочем, Борецкий уверяет, что если нынешний сценарий понравится в здешнем ЦК (у нас там один из секретарей — консультант), то дело может очень даже пойти.

6. Кишинев — громадная, очень грязная деревня с собственной Академией наук.

Пока всё. Целую, жму, твой Арк.

Привет Адке, поцелуй маму.

8 февраля на киностудии «Молдова-филм» состоялось обсуждение поданной АНом заявки.

Из архива.

Заключение киностудии по заявке на «Трижды смертник»

З А К Л Ю Ч Е Н И Е
сценарно-редакционной коллегии киностудии
«Молдова-филм»
по заявке А. Стругацкого «Трижды смертник»

9 февраля 1971 года

Обсудив на своем заседании от 8-го февраля 1971 г. заявку А. Стругацкого «Трижды смертник», сценарно-редакционная коллегия считает, что по ней может быть сделан интересный сценарий о коммунисте-подпольщике, верном сыне молдавского народа — Павле Ткаченко. Картина эта может быть посвящена 50-летию образования Молдавской республики и основания компартии Молдавии. Она окажет большое влияние на формирование патриотических и интернационалистических взглядов у нашей молодежи, на которую, главным образом, и будет писаться сценарий.

В работе над сценарием автору следует учесть следующие замечания коллегии:

1. Будучи рассказом о Павле Ткаченко, сценарий в то же время не должен быть сугубо биографичным. Павел Ткаченко включал в себя черты биографий многих героев подпольщиков, и это должно обогатить будущий сценарий и фильм.

2. Герой должен быть показать как революционер международного класса, каким и был в жизни Павел Ткаченко. Он погиб очень молодым, но уже довольно крупной фигурой как революционер и политический деятель.

3. Вражеский лагерь не должен быть в фильме слишком оглупленным. Ткаченко должны противостоять умные и коварные противники, крупные идеологи своего класса. Тогда и борьба Ткаченко будет более весомой против таких врагов.

4. Ткаченко должен быть показан как один из талантливых представителей рабочего класса Бессарабии, выразитель его чаяний в борьбе против румынско-боярских оккупантов. Его величие и сила должны быть в том, что он выражал волю народа, ни на минуту не прекращавшего борьбу против оккупантов, за воссоединение с советской родиной.

Коллегия предлагает автору первый вариант сценария представить на студию не позднее 1 июня 1971 г.

И. о. главного редактора сценарно-редакционной коллегии киностудии «Молдова-филм» В. Андон

Редактор фильма В. Чибурчиу

Письмо Бориса брату, 10 февраля 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Надеюсь, ты уже дома. Сообщаю о последних событиях.

1. Сегодня позвонили из Литфонда. Путевки предоставляются нам с 19.02. Значит, вечером 18-го жду тебя к нам. Сейчас я в соплях, но как только оправлюсь, схожу и выкуплю.

2. История с письмом из Межкниги имела продолжение. Числа 4-го на мамин адрес пришло письмо со следующим содержанием: По договору с «Марион фон Шрёдер» нам с тобой отламывается 75 % гонорара из расчета по 8 % за каждый проданный экземпляр (почему-то — «в советских рублях»; будем надеяться, что это досадная описка). Издательство «Инзель-Ферлаг» рассматривает в данный момент возможность издания в ФРГ следующих наших книг: ХВВ, УнС, ВНМ, СоТ. Межкнига будет благодарна, если мы вышлем соответствующие экзы. Ну и всякая другая небезынтересная, но менее существенная информация. Прочитав сие письмо, я отложил его до встречи с тобой, но тут на мамин же адрес вчера подвалила телеграмма: «Срочно подтвердите согласие на издание… и т. д.» Тогда я решил действовать. Во-первых, я отправил в Межкнигу телеграмму: «Против издания наших книг на условиях, указанных в вашем номере 303–20/ОФ, возражений не имеем». Во-вторых, вчера же написал и отправил письмо, в котором подтверждал согласие на издание, сообщал, что мы ищем экз ТББ и найдя перешлем, втолковывал, что достать экзы прочих указанных книг будет (кроме ВНМ) весьма трудно, и испрашивал разрешения переслать машинописные копии. Я действительно уже предпринял некоторые шаги, чтобы раздобыть ТББ, и мне уже обещали, но пока еще не достали, так что если у тебя есть или можешь у кого-то стрельнуть (у Евдокимова, например), то запакуй и вышли по адресу «Москва Г-200, Смоленская-Сенная, 32–34, ВО «Международная книга», директору Западной конторы В. Зайцеву». Мне обещали книгу наверняка, дело только в сроках, так что в крайнем случае я отдам тебе то, что достанут мне. А дело мне представляется стоящим риска.

3. Как и следовало ожидать, дело с ГЛ в «Неве» не выгорело. Саша признал свою опрометчивость и — надо понимать, в компенсацию — совершенно неожиданно расхвалил «Малыша» как произведение весьма поэтическое и нетривиальное.

4. Еще раз напоминаю: срочно вышли доверенность на получение денег за М. Сроки хранения истекают. Вернут в банк, а потом ищи-свищи.

5. Передай Севке, что он опять ж… Бедняга Мееров прислал в МолГв свое «Право вето». Очень рассчитывал, тем более что повесть понравилась Ефремову. Так наш Белинский решил блеснуть объективной вольной критической мыслью: в рецензии он, этак не ругая и даже хваля, начертал, что мол, книгу печатать можно, но-де резонанса в публике она вызвать не может. Жемайтис, конечно, моментально вернул рукопись. Ему только того и надо было. Бедняга Ал. Ал-дрыч совсем раздавлен. Так вот передай Севке, что он ж… и что современный советский писатель не нуждается в резонансе. Он нуждается в красненьких.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет и поздравления.

Писатель или критик негативно оценивает произведение своего коллеги — и оно не печатается. Что правильнее — поступать честно (если книга действительно слаба) или учитывать «тысячелетье на дворе» (ибо при помощи твоей честности коллегу могут просто раздавить)? БН отвечал на этот вопрос так:

БНС. Офлайн-интервью, 03.04.02

Ответ зависит (и в сильнейшей степени) от той политической обстановки, в рамках которой происходят предлагаемые Вами события. Отлично помню, как мы назвали одного нашего хорошего знакомого литкритика, который в начале 70-х, в самый разгар гонений на АБС, позволил себе отвести душу и написать то, что он на самом деле думает о какой-то нашей повести. Это, помнится, были небесспорные, но вполне разумные соображения, имеющие при прочих равных

условиях полное право на существование. Но в результате его статьи очередная наша книжка была снова остановлена в производстве — под вполне разумным предлогом: вот что пишут об этой повести даже друзья АБС… Да, так вот мы назвали его тогда (формулировка смягчена!): Белинский хренов. И были безусловно правы. Когда Власть держит руку не столько на пульсе, сколько на горле Литературы, литературный критик должен выбрать — на чьей он стороне, на стороне Литературы или на стороне Власти. И действовать соответственно.

Во второй половине февраля АБС снова работают — продолжают писать ПНО.

Рабочий дневник АБС

19.02.71
Прибыли в Комарово. Арк страдает брюхом.
20.02.71
Сделали 5 стр. (65) 5
Арк едет в город.
21.02.71
Сделали 5 стр. (70) 10
Вечером сделали 1 стр. (71) 11
22.02.71
Сделали 5 стр. (76) 16
Вечером сделали 1 стр. (77) 17
23.02.71
Сделали 5 стр. (82) 22
Вечером сделали 2 стр. (84) 24
Всё равно мне не дожить.
24.02.71
Сделали 5 стр. (89) 29
Вечером сделали 2 стр. (91) 31
25.02.71
Сделали 6 стр. (97) 37
Вечером сделали 2 стр. (99) 39

26.02.71
Сделали 6 стр. (105) 45
Вечером сделали 2 стр. (107) 47
27.02.71
Сделали 5 стр. (112) 52
Арк едет в город. Была Адка.
28.02.71
Сделали 3 стр. (115) 55
Вечером сделали 3 стр. (118) 58
1.03.71
Сделали 2 стр. (120) 60
Арк уехал 2.03.71.

Письмо Аркадия брату, 7 марта 1971, М.— Л.

Дорогой Борик!

На фронтах без особых перемен[1]. За время моего отсутствия ничего существенного в Москве не произошло, писем интересных нет, известий тоже. Являлся Борецкий, я с ним покончил за три часа и вздохнул с облегчением.

1. Позвонил Подольный (составитель сборника в МолГв). Сообщил, что сборник с «Малышом» в центре передан начальству недавно, так что ответа пока нет. Я решил к Беле и Сергею пока не наведываться. Сейчас с ними говорить — опять они будут предлагать исправления и замечания, независимые от начальства, а это одна тоска. Вот когда начальство прочтет и если оно согласится включить М, тогда другое дело, тогда и поговорим.

2. Был у режиссера из Театра Сатиры, написал им с ходу ничего не обязывающую заявку. Режиссер снес заявку к Плучеку и к директору театра, они будут принимать меня в среду вечером в театре, там будет подробный разговор: дам кое-какие соображения по сюжету, выслушаю замечания и пожелания, а также прочту несколько страниц из СоТ, перепечатанные применительно к драматургии и с измененными

[1] Штамп военных сводок Первой мировой войны, закрепленный в литературе романом Э.-М. Ремарка «На Западном фронте без перемен».

именами действующих лиц. Хочу дать сценку с Эдельвейсом или начало сценки с Пришельцем.

Вот и все новости.

Внес деньги за квартиру, завтра расплачиваюсь с Маниным и опять остаюсь без штанов. Ура. Вкалываю с переводом Клемента.

Пока жму и целую,
привет Адке и Росшеперу.
Твой всегда Арк.

Письмо Бориса брату, 11 марта 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо и отвечаю как вежливый человек. Новостей нет никаких. Да и какие теперь могут быть новости из Ленинграда? Боги снова переселились в Москву.

Виделся с Дмитревским. Он сказал, что с четвертого нумера «Аврора» начинает, якобы, рекламировать М. Посмотрим.

Та увечная женщина, которая потеряла нашу книжку и которой я книжку послал, прислала письмо, благодарит и в то же время с некоторой сварливостью упрекает, что не поздравил ее с 8-м Марта. О господи! Впрочем, весьма благодарна и предлагает через знакомых доставать любые книги по электротехнике.

Имел несколько бесед с ребятами на предмет извлечения научных и философских идей для ПнО. Раздобыл-таки маленькую. Идейку. Это для разговора Нунана с Валентином, когда они перебирают разные варианты объяснения Зоны. Надо вставить еще вариант: пришельцы устроили Зону, чтобы посмотреть, как люди будут на это реагировать. Вроде как мы капаем, скажем, медом в муравейник и смотрим — какова скорость реакции, поведение рабочих, солдат и самцов и т. д. Тоже обидная для Нунана идейка.

Это ты хорошо придумал — дать в театр перепечатку из СоТ. Возможно, это их увлечет и дело встанет на деловую ногу.

Я тут прочел интереснейшую статью в «Природе». О голографии. Пишет Денисюк, главный наш голограф[1]. Фантастические вещи у них там получаются. Куда Ришару Сегюру[2]! У Ришара получались просто люди. А здесь получается фотопластинка, но, так сказать, со свойствами людей. Например: голографируют параболическое зеркало. Так выясняется, что голография зеркала (абсолютно на зеркало, естественно, не похожая — просто смутные пятна в фотослое) ведет себя как зеркало — собирает, скажем, лучи в фокус. Это все равно что у Ришара Сегюра заговорил бы не человек, которого он вырастил в ванне с жидкостью, а сама жидкость.

Пишу статью для журнала «Филателия СССР». Может быть, даже и напишу.

Вот и всё пока. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Свои идеи по поводу ПНО БН периодически записывает в рабочий дневник.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Еще вариант: Зона — эксперимент над чел<овечест>вом; хотят посмотреть, как люди будут себя вести в этой ситуации.

Такие люди, как Рэд — для нарушения любого равновесия и порядка. Хорошо — они нарушают, плохо — тоже.

Гнида

Труха

Падаль

1. Люди, живущие в Зоне.

2. Язык — скорее стилизация, физики, альпинисты.

3. Вперемежку с Хроникой.

4. Разговор Нунана с начальством; посещение дома Рэда; отец (глава с точки зрения Нунана).

[1] Денисюк Ю. Образы внешнего мира // Природа (М.).— 1971.— № 2.

[2] Литературный персонаж, упомянутый в «Послесловии Привалова» в ПНВС. См.: Ренар М., Жан А. Загадка Ришара Сегюра (Le singe).— [М:] «Пучина», [1927].

5. Длинные шарфы из космикона (рекламный трюк — якобы материал из Зоны).

Покойники

Эмиграция

Разум — то, что отличает от животного.

Разум — способность к контакту.

Письмо Бориса брату, 14 марта 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

На мамин адрес пришло письмо от Ренца (оренбургский театр кукол). Суть письма (очень делового):

1. За простую передачу авторами права на инсценировку авторы получают только полтора процента сбора с каждого спектакля.

2. За авторскую инсценировку авторы имеют: а) Деньги по договору с отделом театров Минкультуры РСФСР — в зависимости от инсценируемого материала и от авторитета авторов сумма может составлять 200–500–1000–1500 руб; б) Плюс три процента сбора от каждого спектакля.

3. Он, Ренц, лично готов быть нашим соавтором. В этом случае он берет на себя консультации по композиционно-сценической организации пьесы. Мы организуем литературу.

4. Работа должна быть закончена в августе, ибо запуск спектакля намечен на ноябрь 1971.

Обдумав ситуацию, я пришел к выводу, что, наверное, следует попробовать. По-моему, это не должно отнять очень уж много времени. Вряд ли больше одного месяца непрерывной работы. Поэтому предлагаю следующий ответ:

Уважаемый Роман Борисович!

Спасибо за консультацию. Мы согласны инсценировать «Отель» для Вашего театра на следующих условиях:

1. Вы будете нашим соавтором, ответственным за композиционно-сценическую организацию пьесы.

2. Договор будет заключен не менее, чем на 1000 руб (иначе, по-видимому, и начинать не имеет смысла).

Мы готовы приступить к работе, как только будет получен подписанный соответствующим начальством договор.

С уважением …….

Подумай и реши. Если «да», то перепечатай письмо и отошли, подписавши за обоих. Если будут сомнения, напиши или позвони мне. Обсудим. Можешь при желании позвонить и ему, он дал телефоны — служебные: 7–24–42 и 7–26–84; свой домашний: 9–73–97.

В остальном ничего нового. Суки, до сих пор не прислали ОО в нашу лавку!

Пока всё, крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Письмо Аркадия брату, 16 марта 1971, М.— Л.

Дорогой Борик!

Отвечаю тоже как вежливый человек, ибо новостей никаких.

Звонил сегодня Беле. Начальство прочитало сборник, но мнется и ничего определенного не сказало. По его требованию сборник дали на рецензию некоему доктору исторических наук (?) Маркову — на том основании, что он очень любит фантастику. Окончательное решение выйдет после того, как будет получена эта рецензия, затем рукопись с этой рецензией пойдет снова к Авраменке (вероятно, для того, чтобы дать ей возможность переоценить имеющуюся, но содержащуюся в тайне оценку?), а затем уже пойдет к Осипову, а тогда только мы узнаем свою судьбу. Бл… Л-литераторoведы.

В остальном без перемен. Никого не вижу, ни к кому не хожу. Да, был я у Плучека. Тоже <…>. Выслушал отрывок благосклонно, попенял, что нет-де этакой здоровой сумасшедчинки, нет бредятинки… Я его попытался прервать, что уж чего-чего, а этого… но он не слушал и нес, нес, блистал эрудицией, говорил час подряд и все без толку, и тогда наш редактор — молодец! — спросил его в лоб, как насчет

договора. Плучек сразу скис, и тут выяснилось, что они не могут, что их так часто подводили… пусть принесут первый вариант, и тогда будет видно. Короче, я встал, поблагодарил за внимание и ушел. Редактор потом мне звонил огорченно, причем сказал, что и ей попало: как только я вышел, вся сволочь, какая там присутствовала, набросилась на нее, крича, что Плучек — человек творческий, что ему нельзя о деньгах, что это его расстраивает, а его нужно беречь… Я вежливо сказал, что посоветуюсь с тобой, а приехав, ей позвоню, что ты скажешь.

Вот таким макаром.

Что ж, не впервой. Персонально я тебя обнимаю и жму.

Поцелуй маму, привет твоим.

Твой Арк.

И вот новости появились. АН узнал о публикации СОТ в «Гранях». Вот как об этом он рассказывал БНу и как об этом вспоминал сам БН:

БНС. Комментарии

АН (как полномочный представитель АБС) был вызван к секретарю по организационным вопросам Московской писательской организации тов. Ильину (бывшему не то полковнику, не то даже генерал-майору КГБ) и был там спрошен:

— Что такое НТС, знаете? — спросил его тов. Ильин.

— Знаю,— сказал АН с готовностью.— Машинно-тракторная станция.

— Да не МТС, а НТС! — гаркнул тов. Ильин.— Народно-Трудовой Союз!

— Нет, не знаю,— сказал АН и почти что не соврал, ибо имел о предмете самое смутное представление.

— Так полюбуйтесь,— зловеще произнесло начальство и, выхватив из огромного сейфа белую книжечку, швырнуло ее на стол перед обвиняемым. Книжечкой оказался номер журнала «Грани», содержащий хорошо знакомый текст.

Далее произошел разговор, после которого АН почти сразу же собрался и поехал в Ленинград, в Дом творчества

«Комарово» писать с братом-соавтором повесть, как сейчас помню, «Пикник на обочине».

Без малого тридцать лет прошло с тех пор, но я отчетливо помню те чувства, которые охватили меня, когда услышал я рассказ АНа и понял, какое мерзопакостное действо нам предстоит. Чувства были: самый унизительный страх, бессильное бешенство и отвращение, почти физиологическое.

В отличие от многих и многих АБС никогда не строили планов и нисколько не хотели нелегально публиковаться за рубежом. Действия такого рода представлялись нам всегда не только опасными, но и совершенно бессмысленными. Наш читатель — здесь, и писать нам должно именно для него и ни для кого (и ни для чего) больше — так, или примерно так, формулировали мы для себя суть этой проблемы. Ни в какой мере, разумеется, не осуждая тех, кто, не видя иного выхода, вынужден был печататься «за бугром», иногда даже восхищаясь их смелостью и готовностью идти на самые серьезные жертвы, мы в то же время всегда полагали этот путь для себя совершенно неприемлемым и ненужным. Наши рукописи («Улитка», «Сказка о Тройке», «Гадкие лебеди») попадали на Запад самыми разными путями, некоторые из этих путей мы позднее, уже после перестройки, узнали, некоторые — остаются и до сих пор тайной за семью печатями, но никогда эти публикации не совершались с нашего ведома и согласия. Более того, когда нам предлагали такой вариант действий, мы всегда от него отказывались — в более или менее резкой форме.

И вот теперь нам предстояло выразить свое отношение к акту, который нам был неприятен, к акту, который представлялся нам совершенно бессмысленным и бесполезным, да еще и бестактным по отношению к нам. При этом, выражая наше к этому акту отношение — отрицательное, безусловно самое отрицательное! — мы одновременно и помимо всякого нашего желания как бы поддерживали и одобряли тех, кто заставил нас это отношение выражать, мы как бы объединялись с ними в едином порыве казенного негодования,

становились по сю сторону баррикады, где не было никого, кроме негодяев, жлобов и дураков, где собрались все наши враги и не было (не могло быть!) ни одного друга.

О, это было более чем тошнотворное занятие! Полдня мы обдумывали свое коротенькое послание-отмежевание, а потом еще полдня его писали. Тошнило от того, что делать это мы ВЫНУЖДЕНЫ. От того, что сами мы не видели ничего дурного в происшедшем («ну напечатали и напечатали… кому какое дело? Чего тут огород-то городить, ей-богу!»), а изображать нам надлежало самое что ни на есть искреннее возмущение и негодование. От злости на дураков, переправивших рукопись за рубеж, и от доброхотов, радостно ее опубликовавших (из самых лучших побуждений, естественно!) — тоже тошнило, да еще как…

Рабочий дневник АБС

30.03.71

Прибыли в Комарово. Ком<наты> 29, 30.

Нам сообщили, что в № 78 за 1970 г. журнала «Грани» перепечатана наша повесть «Сказка о Тройке», вышедшая в свет в 1968 г. (альманах «Ангара» № 4–5). Нам сообщили также, что журнал «Грани», являющийся органом НТС, придерживается ярко выраженной антисоветской ориентации. По этому поводу мы имеем заявить следующее:

1. Повесть «Сказка о Тройке» была задумана нами как сатира на некоторые отрицательные явления, сопровождающие развитие науки и представляющие собой неизбежные издержки бурного научно-технического прогресса в наше время. Мы не беремся сами судить о достоинствах и недостатках нашей повести, но, по мнению ряда компетентных товарищей (в большинстве — ученых), «Сказка о Тройке» оказалась произведением своевременным и была хорошо принята в наших научно-технических кругах нашего общества.

2. Нам совершенно очевидно, что необоснованные и безапелляционные нападки на СОТ и другие наши произведения со стороны некоторых чрезмерно ретивых идеологических

работников местного значения и неквалифицированных возлелитературных дельцов-журналистов не дают редакции антисоветского журнала «Грани» никакого права рассматривать нас как своих авторов.

3. Мы категорически протестуем против опубликования нашей повести на страницах антисоветского журнала «Грани», как против провокации, мешающей нашей нормальной работе, и требуем, чтобы подобное впредь не повторялось.

31.03.71

Сделали 1 стр. (121) 1

1.04.71

Сделали 6 стр. (127) 7

Вечером сделали 1 стр. (128) 8

Омерзительный, как окурок в писсуаре.

2.04.71

Сделали 5 стр. (133) 13

Вечером сделали 2 стр. (135) 15

3.04.71

Сделали 5 стр. (140) 20

Вечером сделали 2 стр. (142) 22

4.04.71

Сделали 5 стр. (147) 27

Вечером сделали 1 стр. (148) 28

И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 148 СТРАНИЦЕ.

Я невежественен. У меня нет слов. Но ты такой всемогущий, вытяни из моей души. Потому что я ничего не могу придумать кроме…

5.04.71

Отвечали на письма.

6.04.71

Болтали и бездельничали.

7.04.71

Писали жалобу в Правительствующий Сенат (Секретариат МО ССП).

8.04.71

А. уехал в Лрд.

Теща и Мартышка.

Глаза как нарывы.

О родственниках Рэда.

Разговор о бунтарстве.

Больше сравнений в речи Рэда.

Сравнение Панова с другими друзьями Рэда (он бывает нудным, но всегда, гад, прав).

Ничто так не взрослит, как предательство (для ГО).

Кто со Стервятником свяжется — человек пропащий, даже если уцелеет.

Итак, в конце марта АБС узнали, что в прошлом году их опубликовали в «Гранях». Они пишут письма. А что еще остается?

В архиве сохранилась копия письма АБС в «Литературную газету» — она без изменений повторяла текст из дневника от 30 марта. Сохранился и черновик «жалобы в Правительствующий Сенат».

Из архива.
Письмо от АБС в секретариат МО СП, 7 апреля 1971

Уважаемые товарищи!

В течение последних нескольких лет наше творчество подвергается систематической и ничем не оправданной дискриминации со стороны некоторых издательств и определенных органов печати. Мы долго терпели, никуда не обращаясь ни с жалобами, ни с запросами, убеждая себя, что имеем дело с явлениями временными, случайными, что «полоса невезения» пройдет и все встанет на свои места. Неизменный доброжелательный интерес, с которым самый широкий читатель встречает наши произведения, казалось бы, подтверждал справедливость такого взгляда. Однако положение наше с каждым годом лишь ухудшалось. На наших глазах возник некий замкнутый круг: в прессе появляются безграмотные (зачастую разнузданные) статьи и рецензии; Комитет по печати немедленно приостанавливает нормальное прохождение нашей очередной книги; издательство настораживается и отказывается иметь с нами дело; все наши попытки (а также, как нам известно, попытки квалифициро-

ванных критиков и литературоведов) дать отпор огульному охаиванию встречают явное противодействие со стороны соответствующих печатных органов.

Приведем только три примера из практики нашей работы с издательствами.

1. Два года лежала в издательстве «Советский писатель» рукопись нашей повести «Улитка на склоне». Два года издательство собирало рецензии на нее и готовило редакционное заключение. Редакционное заключение оказалось, впрочем, сугубо благоприятным, а из трех рецензий две были положительны и лишь одна отрицательная, да и та рекомендовала издать повесть экспериментальным тиражом. Тем не менее, главная редакция, придравшись к какой-то неувязке в ходе переговоров о редакционной работе над рукописью, резко прервала эти переговоры и возвратила рукопись.

2. Повесть «Обитаемый остров» была хорошо принята в издательстве «Детская литература» и уже вернулась из Главлита (без единого замечания), когда в газете «Советская Россия» появилась на редкость бессодержательная, но негативная реплика по поводу журнального варианта этой повести. В результате последовавшей волокиты, инициатором которой был Комитет по печати РСФСР, книга вышла не в третьем квартале 69-го года, как это было запланировано, а в первом квартале 71-го года (да и то благодаря счастливому стечению обстоятельств: из плана выпуска 71-го года выпало какое-то название).

3. Вот уже скоро полгода лежит в издательстве «Молодая Гвардия» наша заявка на именной сборник. Заметим, что инициатором этой заявки явилось, по сути, само издательство, и издательство же, в лице своей главной редакции, до сих пор не дает заявке никакого хода, а рукопись центральной вещи предполагаемого сборника, получившая хороший отзыв работников редакции и рецензентов, рассматривается в главной редакции буквально под микроскопом, словно это не повесть о гуманизме людей коммунистического будущего, а бог знает что.

Мы могли бы привести еще много примеров, мягко выражаясь, странного отношения к нашей работе. Повесть

«Гадкие лебеди» под предлогами, не имеющими никакого отношения к литературе, была отвергнута целым рядом издательств и журналов. «Литературная газета» во время известной дискуссии по фантастике предложила нам высказаться лишь при условии, что мы не станем отвечать оппонентам. Та же «Литературная газета» совсем недавно наотрез отказалась публиковать рецензию на только что вышедшую нашу повесть «Обитаемый остров». Журнал «Журналист» позволил себе два выступления, порочащих нас как честных советских писателей, причем одно из этих выступлений является в худших традициях бульварной прессы попросту оскорблением личности. М. Алексеев в своем докладе на последнем съезде писателей высказал уже совершенную нелепицу по поводу нашей повести «Второе нашествие марсиан». И т. д., и т. п.

Терпеть такое положение и далее мы не намерены.

Нам надоело выкручиваться, отвечая на десятки и сотни читательских запросов (как письменных, так и устных — на встречах в институтах, в научных городках, в библиотеках): почему не выходит «Улитка на склоне»? когда и где выйдут «Гадкие лебеди»? кто и почему запрещает издание отдельной книгой «Сказки о Тройке»?

Нам надоело молча глотать наглые оскорбления возлелитературных невежд, зарабатывающих на создавшейся нездоровой ситуации посильный политический (да и не только политический) капиталец. Нам надоело отвечать завистливым дуракам, сколько мы заплатили тому или другому мерзавцу за то, что он «делает нам в прессе рекламу». Нам надоело ходить под страхом, что вот-вот какая-нибудь сволочь за рубежом обратит, наконец, внимание на всю эту отвратительную шумиху и вознамерится приобщить нас по этому поводу к числу «своих людей» (этого, впрочем, мы уже, кажется, дождались — спасибо свининниковым, дроздовым, краснобрыжим и алексеевым).

Нам надоело тратить время и нервы на все эти гадости. Они выбивают нас из колеи, мешают нам спокойно работать, наконец, лишают нас уверенности в завтрашнем дне.

Мы просим и требуем, чтобы Секретариат взял во внимание все изложенное выше, разобрался бы и принял соответствующие меры. Мы верим, что Секретариат способен сделать и сделает всё, от него зависящее. В противном же случае мы ждем от Секретариата практического совета: куда нам обратиться? В ЦК КПСС, в суд, в Комитет государственной безопасности или еще куда-нибудь?

С уважением,
А. СТРУГАЦКИЙ
Б. СТРУГАЦКИЙ

Как отреагировала «Литературная газета» на первое письмо, БН вспоминал:

БНС. Комментарии

Слава богу, этот текст наш никуда не пошел. Рассказывали, что товарищ Чаковский, тогдашний главред «Литературной газеты», который по замыслу начальства должен был опубликовать наше покаянное опровержение, прочитавши его, якобы произнес с отвращением: «Не понимаю, против кого они, собственно, протестуют — против «Граней» или против наших журналистов» — и печатать ничего не стал. На том дело о забугорных изданиях АБС и закрылось. До поры, до времени.

Письмо Бориса брату, 13 апреля 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Пишу, не дожидаясь твоего отчета. Сразу же после нашего телефонного разговора пошел я к Брандису (отнес рукопись М для Лендетгиза), а потом позвонил Дмитревскому. Обоим изложил ситуацию.

Брандис сочувствовал, мы хорошо и по-доброму поговорили часа три. Брандис, в частности, рассказал со слов Ефремова содержание беседы с Петром Нилычем Демичевым. Пока он рассказывал, странная мысль пришла мне в голову: какого

черта мы мелочимся? Надо идти прямо к Демичеву! И то же самое немедленно посоветовал мне Дмитревский, когда я рассказал ему про нашу телегу в секретариат. Логика Дмитревского неотразима: секретариат ничего не решает, он ничего не может решить. Надо идти а). По вопросам конкретно издательской сволочи (московской) к Верченке и б). По общим вопросам — к Демичеву. По отзывам Ефремова и Кетлинской — Демичев человек образованный, культурный, интересующийся и с широкими взглядами. Если бы он нас принял, разговор мог бы идти об очень широких вопросах: назначение фантастики, организация будущего и т. д. С Ефремовым он говорил, оказывается, главным образом, именно об этом. А чем мы хуже? Мне кажется, надо сделать следующее:

1. Сходить к Верченке и подать ему точную копию нашей телеги в секретариат. Заодно просто поговорить, поплакать в жилетку, попросить совета, пожаловаться, что вот протест писать вынудили, а пользы от этого никакой, только лишний шум теперь поднимется и т. д. Ты как-то говорил, что Верченко, вроде бы, нам симпатизирует. Разговор тем более мог бы оказаться полезным. Ведь Ильин — пешка, он просто исполнитель. Мы вообще дураки, нечего было с ним и связываться, а писать жалобу и разговаривать прямо с Верченкой.

2. Все-таки съездить к Ефремову. Набраться терпения и съездить. Подарить книгу, побеседовать, помириться. Главное — подробно расспросить о его беседе с Демичевым, попытаться получше понять, что это за человек. Не шла ли там речь о нас. Как лучше держаться. И т. д. Мне кажется, это было бы полезно — все услыхать лично от Ефремова.

3. После этой разведки и обмена мнениями со мною написать письмо Демичеву с кратким изложением наших обстоятельств и с просьбой уделить полчаса на беседу. Именно так поступил Ефремов, когда к нему прибежал перепуганный Ганичев и сказал, что готовится несколько разгромных статей по «Часу Быка». Демичев принял его через три дня (т. е. на самом деле позже, т. к. Ефремов заболел, но позвонили, что высылают машину, уже через три дня). Если Демичев согласится нас принять, я приеду и пойдем вместе.

Хуже вряд ли будет, а лучше — может быть. Изложим нашу позитивную программу (воспитание коммунара), реабилитируемся, глядишь, и просветлеет. Таким вот путем. И Дмитревский советует не откладывать, а идти по горячим следам съезда.

Было бы крайне ценно, если бы ты выслал мне немецкий экземплярчик ТББ. А равно и выяснил бы насчет гонорара.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет. Ох, и костерит она меня, наверное, что я тебя гоняю по начальству, а сам отсиживаюсь дома! Ну, хотите, я приеду? Вместе будем ходить, а?

Письмо Аркадия брату, 16 апреля 1971, М.— Л.

Дорогой Борис.

Получил твое письмо. Ситуация, следовательно, такова.

1. После нашего разговора я поехал к Нине, все ей рассказал и попросил совета. Ох и врезала же она нам. По ее словам, выходим мы оба с тобой обалдуи. Во-первых, что хотя бы попытались втиснуть в протест наши претензии к газетным сукам. По ее словам, мне при первой же встрече надо было просить Ильина, чтобы он продиктовал текст, тут же его отпечатать, подписать и вручить ему. Во-вторых, не следовало подавать ему нашу слезницу прямо тут же, вместе с протестом, а дождаться, пока протест будет опубликован, ибо мы дали секретариату на себя скверную характеристику: якобы торопим секретариат разобрать наше дело, дабы трусливо отвести его внимание от наших больших проступков. Было там еще что-то, но поскольку это что-то вытекало из градоначальнической психологии, я не совсем уверен, что правильно понял ее. Короче, она настаивала: написать протест так, как рекомендует Ильин; забрать или как-нибудь на время приостановить нашу слезницу хотя бы недели на две; немедленно отнести Ильину экз ГЛ, пока не отнес ему кто-нибудь другой. Так я и решил поступать, за исключением взятия назад слезницы, потому что не знал, как к этому подступиться. Но Ильина больше повидать мне не удалось.

У него был партактив и еще какие-то дела, я взял экз «Ангары» и новый вариант протеста, отнес его к секретарше, которая, между прочим, оказалась в курсе дела (так что теперь вся администрация, конечно, тоже в курсе дела), а нынче мне удалось дозвониться Ильину, и он сказал мне, что от нас пока больше ничего не требуется, а по слезнице нас вызовут, когда ее обсудят. Я сказал насчет ГЛ, он вздохнул и высказался, что прочитать ему в ближайшее время будет некогда; я же сказал, что главное — чтобы ГЛ были у него, и он согласился. Таково положение с этим на сегодня. Где-то в понедельник или вторник достану ГЛ и отнесу ему.

2. Был я в МолГв у Белы. Она сказала, что ничего нам не отломится. Авраменко просила ее открыть это нам как-нибудь дипломатично: мол, нет бумаги, да договорный портфель полон, то-сё, но она мне прямо сказала, что на каких-то верхах дирекции предложили до поры до времени со Стругацкими дела не иметь никакого. Ну что ж, забрал я оттуда экз М и пошел восвояси. Вот навалился класс-гегемон![1]

3. Был в Межкниге, получил четыре экза, два выслал тебе. Ты уже, наверное, получил. Спросил насчет авансов. Фомин удивился, что нам до сих пор не пришло извещение от Управления по охране авт. прав. Попросил, если до конца месяца не получим, сообщить ему, тогда они там сами начнут выяснять это дело.

4. Касательно визитов к Демичеву, Верченке и Ефремову. Знаешь, я тебе честно скажу: теперь я твердо убедился, что плохой я разговорщик с начальством. Да и ты, боюсь, тоже. То, что ты недоволен моим разговором с Ильиным, это ладно, хотя, возможно, и самое важное. Но у меня сложилось впечатление, что как бы мы ни поступили, к кому бы мы ни обратились, какие бы слова мы там ни произносили,— всегда найдутся у нас друзья, которые скажут, что поступили мы глупо, обратились не к тому, а уж слова, нами произнесенные,— это вообще сплошная херня. Из общих соображений, конечно, вытекает, что надобно лезть как можно выше, но

[1] Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 3, гл. 35.

что мы там скажем? И как себя там вести? У меня вообще какой-то невроз: когда я разговариваю с людьми, от которых завишу, мне становится все до того скучно и нудно, что я скорее стремлюсь закруглиться и только большим напряжением воли заставляю себя возражать и описывать свои бедствия. Все время думаю: ему-то ведь начхать, сдохнем мы или выкрутимся, ему лишь бы галочку поставить: беседа, мол, проведена, а там пусть сами как знают. Вот такое у меня впечатление. Возможно, ты сможешь это лучше. Если хочешь, попробуем. Отпиши, найду тебе квартиру (у нас повернуться негде, еще и папаша моего зятька тут же ночует), попробуй действовать.

5. А насчет Ефремова — ну вот не лежит у меня душа к нему идти, хоть тресни. Это же просто дивно, как тошнит от одной мысли. Приезжай, сам и поговоришь.

Такие дела.

Всем привет, поцелуй маму. Жму, целую, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 21 апреля 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Писем от тебя все нет и нет, я даже не знаю, получил ли ты мой план посещения Демичева, но поскольку получились кое-какие новости — пишу.

1. Ренц Корпорейшн[1] из Оренбурга прислал письмо. Благодарит за согласие писать сценарий, сообщает, что начал хлопоты по договору, обещает держать в курсе.

2. Звонил Брандис, со слов завредакцией Лендетгиза Плюсниной сообщил следующее. Она отнесла М директору, директор прочел и сказал, что вещь хорошая, но мало социально заострена. Плюснина заметила ему, что вещь идет в сборник для детей и в сборнике будут самые разнообразные по заостренности произведения. Директор не возражал. Она лично считает теперь, что дело в шляпе. Сборник должен выйти в 72 году, договор будем подписывать в конце мая —

[1] Ироническое именование режиссера Ренца по созвучию фамилии с аббревиатурой американской политической организации «РЭНД корпорейшн».

начале июня (когда сборник закончится составлением), по подписании — 60 процентов. Я не знаю, как дела в МолГв, но если есть шансы, то надо протянуть до подписания договора с Лендетгизом, а потом отказаться. Отказываться до заключения договора опасно. В Лендетгизе, сам понимаешь, всякое может произойти. Впрочем, я думаю, в МолГв все тихо и шансов нет.

3. Экзы ТББ от тебя получил — спасибо. На мой взгляд, очень приятное издание. Поздравления с днем рождения не получил — вероятно, шалит почта.

4. Напиши письмо. Интересуюсь знать:

а). Что в МолГв? Говорят, что, зачитывая планы МолГв на ближайшие годы, Бела назвала и наш сборник (персональный).

б). Как насчет сертификатиков?

5. Не кажется ли тебе, что пора пытаться пробить какое-нибудь переиздание в Детгизе — эдак на 73 год? Трилогию, например? Или сборник рассказов и повестей о Горбовском? Поговорил бы с Ниной.

Ну, пока всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Письмо Бориса брату, 23 апреля 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Пишу сразу после твоего звонка.

Ну что ж, нет так нет. В конце концов, может быть, и так отсидимся. Хотелось бы, конечно, форсировать события и попытаться их как-то повернуть в свою пользу, но, с другой стороны, как известно, всякое действие есть зло. Ладно. Отложим это пока. Я надеюсь, что нам что-нибудь отломится в Комитете по охране авторских прав, тогда я приеду получить и заодно мы побеседуем подробно и спокойно. Меня, собственно, сейчас смущают две вещи. Во-первых, твое упорное нежелание идти к Ефремову. Тут, брат, знаешь ли, от меня толку будет мало. Ефремов звал не меня, а именно тебя, что и понятно. Я, правда, еще надеюсь тебя уломать

по приезде; может быть, мы пойдем к нему вдвоем, но учти, брат, что тошнить всегда лучше в одиночку, чем при свидетелях. Вдвоем нам тоже будет тошно (т. е. это тебе будет тошно, мне-то что, я Ефремова давно простил), а Ефремов, по-моему, предпочел бы беседу с тобою тет-а-тет. Второе, что меня смущает, это то, что телегу мы подали на слишком низкий уровень. Может, согласишься на компромисс? Пошли Верченке по почте нашу телегу с сопроводительным письмом такого, примерно, содержания: Уважаемый …! Посылаем вам копию… Хочется надеяться, что секретариат МО разберется и пойдет нам навстречу, но мы сочли возможным поставить и лично вас в известность о наших бедах. Всякая ваша помощь и всякий ваш совет был бы нам очень ценен сейчас… Ну и, может быть, вставить насчет того, что он был директором МолГв и знает нас как старых авторов этого издательства и что именно он способен понять, как нам больно чувствовать себя отринутыми от МолГв — нашей альма матер. Я бы не настаивал на обращении к Верченке, если бы ты не рассказывал о том, что он, по слухам, хорошо к нам относится. Может быть, он не сделает ничего — пусть. А может быть, он позвонит Ганичеву, может быть, выяснит, с какого уровня идет на нас гонение, и сочтет возможным либо сам что-либо предпринять, либо хоть сказать нам, как действовать дальше. Вот обдумай такой вариант. Ходить тут никуда не надо, беседовать пока тоже не надо, а если он захочет встретиться сам, могу и я подъехать, если тебе уж так невмоготу. Информация нужна, понимаешь ли ты! Информация! И от Ефремова — информация, и от Верченки — информация! Очень же тяжело вот так существовать, не имея никакой возможности что-либо планировать. Ведь если гонения идут с низкого уровня — это одно (тогда ОБЯЗАТЕЛЬНО надо пробиваться к Демичеву). Если же с высокого — другое дело; тогда надо складывать крылышки и заползать в щель. Меня зло берет при мысли, что все ужасы проистекают от вшивого чиновника в отделе пропаганды, который действует на свой страх и риск в надежде отличиться или просто от перестраховки. Ведь ОО все-таки вышел! Почему? Каким

образом? Ведь при настоящем давлении сверху не должен он был выйти! И почему нам до сих пор не отказала «Аврора» (чего я, впрочем, жду со дня на день; это представляется мне вполне вероятным)?

Ну ладно. Перезимуем. Что ты сейчас поделываешь? Лично я блаженно бездельничаю, и если бы не вся эта нервотрепка, то чувствовал бы себя как в раю. Давеча дал почитать ГЛ Брандису, потом передам Дмитревскому, когда он приедет из Москвы. Отвечаю на разные письма. Жду, черт возьми, ОО в нашу лавку — до сих пор не пришли экзы!

Ты, конечно, все забыл, напоминаю: ты обещал пошарить по Москве машинку для мамы. Мне кажется, это был бы идеальный подарок. Только машинку надо небольшую, не тяжелее нашей. Напоминаю: поищи. Времени уже мало осталось.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Письмо Аркадия брату, 26 апреля 1971, М.— Л.

Дорогой Борик!

Получил, наконец, извещение из Управления охраны авторских прав. Позвонил. Сказали, что получен гонорар из ФРГ за ТББ на сумму 92 рубля, и спросили, как мы хотим это получать. Я ответил, что сертификатами. Спросили: будет ли Б. Н. получать сам или пришлет доверенность. Я, памятуя, что ты собирался приехать, ответил, что будет получать сам. Впрочем, сказали мне, если захочет получить по доверенности, то пусть таковую пришлет А. Н., каковой для него и получит. Повесив трубку, я тотчас позвонил в Межкнигу и спросил Фомина, почему гонорар столь мал. Ответ: издательство выслало 500 марок, из коих 25 % пошло в госбюджет, а оставшееся как раз соответствует предлагаемой сумме по курсу. По смыслу договора это нам задаток, а дальше нам будут высылать нашу долю по мере реализации книг дважды в год. Вот такие пироги. Насчет доверенности сам смотри, как тебе удобнее. Оформлено же все будет к концу этой недели.

Что касается письма Верченке, то мне здесь вчера посоветовали не торопиться, а подождать, пока будет ответ из секретариата МО. Я думаю (вернее, интуитивно ошшушшаю), что это правильно. А насчет информации от Ефремова — боюсь, он даст такую информацию, какую сам захочет. Не пойду я к нему. И вообще, среди знатоков и ценителей распространено мнение, что нам вообще ничего не следует предпринимать, а лечь на дно и ждать. Ясно одно: мы не виноваты, а раз уж случилась такая бодяга, оправдываться не имеет смысла, а то не было бы хуже.

Что я делаю? Гл. обр. судорожно ищу деньги. Заработки. Пока достал небольшую книжку на рецензию. Вероятно, опять приступлю к рефератам. Во всяком случае, не чувствую себя, как в раю. Да, еще вот что. По размышлении не стал носить к Ильину ГЛ. Если напомнит (при передаче ответа от секретариата), тогда дам.

Про машинку действительно забыл. Я здесь обо всем забыл. Завтра поеду поищу.

Пока всё. Жму, целую. Твой Арк.

Привет маме и Адке.

Письмо Бориса брату, 30 апреля 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Я вижу, ты в полнейшей депрессии. Что ж, с одной стороны, это естественно, но, с другой… Все-таки, при наличии полностью затянутого тучами горизонта какие-то шансы пока (повторяю, ПОКА) остаются.

1. В «Авроре» номер 4 я своими глазами видел рекламу М. Как ни говори — отрадно.

2. Звонил мне Брандис. Дело с М в Лендетгизе, вроде бы, налаживается. Во всяком случае, замглавного Плюснина уверена, что дело в шляпе, затребовала у меня два экза (один — первый) и грозится в начале мая подписать договор. Я отдал М на распечатку, числа 10-го понесу в Детгиз, а тут, может быть, и договорчик отломится!

3. Беседовал я с Сашей. Рассказал ему, в частности, об ПнО. Он рекомендовал пойти к замглавного, потолковать

для проформы относительно ГЛ, а потом предложить заявку на ПнО. Считает, что договор может выгореть.

Конечно, все это — более или менее сопли, но хоть что-то же должно выгореть! Я подъезжал и к Лешке насчет дальнейших планов. Он, правда, ничего определенного сказать не мог, до августа он должен закончить свою картину, но, в принципе, он горит желанием с нами работать и даже недавно забрасывал насчет нас удочку в студии. Ему было сказано: «Отчегё же. Если принесут что-нибудь проходимое, мы будем только рады».

4. Вооружившись биржевыми курсами, я произвел расчет нашего гонорара за ТББ и убедился, что все правильно. Действительно мы должны были получить 92 руб. 62,5 коп. Теперь, как я понимаю, из нас еще вычтут 35 процентов (интересно, по какой статье?) и достанется нам окончательно по 30 руб. 10,3 коп. Конечно, я могу выслать доверенность, но, честно говоря, хотелось бы мне приехать в Москву. Во-первых, хочу своими глазами увидеть всю процедуру и задать некоторые вопросы чиновникам; во-вторых, нам все равно надо пообщаться и многое обсудить. Поэтому, если ты не возражаешь в принципе и если сумеешь обеспечить мне два ночлега, я бы приехал: сегодня, скажем, вечером приезжаю, завтра мы делаем все дела и беседуем, послезавтра беседуем и дневным я уезжаю. А? От тебя только потребовалось бы найти мне у кого-нибудь койку и выяснить, можно ли все сертификатные дела покончить за один день.

5. Мне тут позвонил охваченный волнением В. Я. Голант (твой сопереводчик по Клементу) и сообщил, что ему звонил Девис и что Девис в панике. Дело в том, что Девису уже было сказано в Госкомитете, что Клемент — автор скучный, Девис его кое-как отстоял, а теперь якобы пообщался с тобой, и ты, якобы, тоже отозвался о Клементе весьма сдержанно. Голант попросил меня, чтобы я попросил тебя, чтобы ты убедил Девиса, что Клемент это превосходно и что тебя просто неверно поняли. «Зачем создавать тяжкую атмосферу вокруг еще не вышедшей книги?» — вопрошал Голант. И в этом вопросе есть резон. Я-то тебя понимаю: ты был

в раздраженных чувствах и позволил себе быть откровенным с собственным издателем. Однако Девис сделал из разговора какие-то не те выводы. Мое дело, сам понимаешь, сторона, но на твоем месте я бы подумал, как поправить положение. Деньги есть деньги, а с «Миром» тебе еще работать и работать.

6. Совершенно не понимаю, приедете вы к маме на день рождения или нет?

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

P. P. S. Отпиши свои соображения по поводу ПнО обязательно. Тут ведь хитрость в том, что появление ПнО в журнале может очень сильно повредить выходу ПнО в сборнике. А с другой стороны, какой бы то ни было сборник весьма проблематичен на протяжении ближайших лет.

Письмо Бориса брату, 14 мая 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Собственно, никаких особых событий не происходит, но тем не менее пишу.

1. Общался тут с Дмитревским. Он сказал, что М в «Авроре» пойдет все-таки не в июне, а в августе. В июне они хотят пустить Аксенова. В общем он оптимистичен, но, по-моему, чего-то недоговаривает. Я лично думаю, что они там просто ждут, когда появится, наконец, наш протест, дабы ситуация прояснилась.

2. Отвез в Лендетгиз заново отпечатанную рукопись М. Здесь, по словам Дмитревского, все обстоит хорошо, но нет везения: заболела замглавного, которая должна была вот уже сейчас подготовить договоры для подписания. Тут я Дмитревскому верю — он заинтересован сам в этом деле, так как является составителем и должен получить аванс за составительство. Он считает, что все будет ОК, как только выздоровеет замглавного.

3. Забавно, между прочим: хахаль (по-моему) машинистки, которая перепечатывала М, оказался фотографом «Невы».

Он очень заинтересовался М и предложил издать эту повесть отдельной книжечкой с фотоиллюстрациями, которые берется сделать. Где это вы собираетесь издавать? — спросил я не без ехидства. Посмотрим, спокойно ответствовал он. Может быть, в Лениздате — у меня там куча знакомых. Об издании он говорил так, словно главная трудность в том, чтобы съездить на Кольский п-ов и заснять там мерзлый пляж. Мы договорились встретиться и побеседовать поподробнее в начале июня. А знаешь — чем черт не шутит! Блат — великое дело.

4. Я тут посоветовался с народом и возымел мнение, что приеду за сертификатами после 20-го. Точнее — 24-го. Главный довод: хочется все-таки попытаться дождаться выздоровления замглавного в Лендетгизе. Так что давай ориентироваться на 24-е. Как только возьму билет, телеграфирую.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке — привет!

Письмо Аркадия брату, 17 мая 1971, М.— Л.

Дорогой Борик!

У меня тоже новостей никаких особенных нет.

1. Значит, будешь после 24-го. Ладно, учтем. Постарайся дать телеграмму дня за три, это будет очень удобно. Мы со своей стороны тебя ждем и будем отменно приветствовать.

2. Написал письмо Ефремову и получил очень сердечный ответ, он нас с тобой ждет, только его надобно предупредить за день-два.

3. Получил три экза «Улитки» на эстонском. Лева Минц, который мне их передавал, отозвался весьма одобрительно о переводе. Рассказал, что переводчик нашел очень остроумные средства, чтобы довести до читателя дух оригинала. М. п., тираж большой — 18 тыс. на 900 тыс. читающего по-эстонски населения. И еще получил деньги оттуда же — 271 руб. А я уж думал, что с этой овцы больше ни клока не получу!

5. Вчера, наконец, закончил сценарий «Трижды смертник». Надоел он мне ужасно, а все равно получилась, вероятно, банальщина. Впрочем, на такие темы, вероятно, никак

по-иному и не напишешь. Сейчас сдаю на машинку и отправлю, как только будет готово. А пока предамся зарабатыванию карманных денег при помощи рецензий.

5. Собираюсь съездить в «Новый мир» за ГЛ. Хоть рецензии бы получить.

Вот, пожалуй, и все.

Крепко жму, твой Арк.

Привет Адке, поцелуй маму.

В конце мая БН приезжает в Москву. А 2 июня на киностудии «Молдова-филм» происходит обсуждение сценария АНа «Трижды смертник».

Из архива.
Заключение коллегии по сценарию «Трижды смертник»

З А К Л Ю Ч Е Н И Е
сценарно-редакционной коллегии киностудии
«Молдова-филм»
по литературному сценарию «Трижды смертник»
(А. Строганова)

Обсудив на своем заседании от 2 июня 1971 г. первый вариант литературного сценария «Трижды смертник» (А. Строганова), сценарно-редакционная коллегия вынуждена отметить, что автор лишь эскизно наметил образ главного героя Я. Антипова (П. Ткаченко), ограничившись, в основном, его показом в застенках сигуранцы. Герой сценария оторван от жарких классовых битв рабочего класса и крестьянства Бессарабии против местных эксплуататоров и румынских оккупантов, за присоединение края к Советской Родине (см. п. 4 заключения коллегии от 9 февраля 1971 г.).

Хотя автор наделил героя определенными чертами характера (благородством, чуткостью, решительностью, умением полемизировать с врагом), это еще не составляет подлинного содержания бойца революции, каким в действительности был Ткаченко. А черты нарочитой грубости, которую он изредка проявляет, даже снижают уровень этого образа. Герой

дан изолированно от многих важных политических событий, происходивших в то время в крае, в СССР и в Европе (Венский съезд, Московский конгресс III интернационала, комитет контакта по созданию Компартии Румынии, местные съезды и т. п.). Не раскрыта многогранность умного, до мозга костей преданного делу свободы и коммунизма человека и борца, не отражена его обширная агитационно-пропагандистская и партийно-организационная деятельность. В сценарии нет атмосферы борьбы в бессарабско-румынском подполье. Недостаточно раскрыты образы старых большевиков-подпольщиков, под чьим влиянием рос и зрел герой. Нет контакта героя с массами. Нет достаточной достоверности в описании исторической обстановки.

Отрицательные герои показаны оглупленными (см. п. 3 заключения коллегии от 9 февраля 1971 г.).

Противоборство агента сигуранцы Лунческу и Ткаченко ограничивается тем, что они дают друг другу «полезные» советы.

Нет пока художественно-драматургического решения трех осуждений на смерть главного героя, а само осуждение не связано с конкретной революционной деятельностью героя.

Банальной выглядит и лирическая линия героя. Автор ничем не мотивирует скоропостижную женитьбу Лунческу на Тамаре.

Исходя из изложенного, сценарно-редакционная коллегия не может принять представленный автором сценарий как первый литературный вариант и предлагает в дальнейшей работе над сценарием «Трижды смертник» учесть следующие замечания:

1. Детально изучить конкретный исторический материал, связанный с жизнью П. Ткаченко, обратив особое внимание на классово-политическую обстановку, в которой должен действовать главный герой, и показать его во всей масштабности характера.

2. Показать главного героя не просто как жертву румынской сигуранцы, а как активного, деятельного, преданного делу революции борца, который живет и борется в тесном контакте с массами.

3. Расставить точные политические акценты при определении целей деятельности П. Ткаченко (борьба за освобождение народа от румынско-боярского гнета, за присоединение Бессарабии к Советской Родине).

4. Показывая противоборствующие стороны, отобразить характеры в столкновении двух антагонистических мировоззрений (Антипов — Лунческу).

5. Найти четкое художественно-драматургическое решение линии «осуждений на смерть» главного героя, избегая при этом декларативности.

6. Главный герой должен быть показан более уравновешенным, без налета грубости.

7. Тщательно выверить лирическую линию героя, освободив ее от слащавого мелодраматизма.

Новый (первый) вариант сценария предоставить на студию не позднее 1 сентября 1971 года.

И. о. главного редактора сценарно-редакционной коллегии киностудии «Молдова-филм» В. Андон

Редактор В. Чибурчиу

АН, вероятно, пишет письмо редактору с просьбой прислать ему имеющиеся у того материалы по биографии Ткаченко. В архиве сохранился ответ редактора.

Из архива. Письмо В. Чибурчиу к АНу, 7 июня 1971

А. Н.

Высылаю Вам мои записки по материалам Яши. Кое-что я уточнил у старой подпольщицы О. Волковой, которая знала лично Ткаченко и даже сидела вместе с ним в Вэкэрештской тюрьме (см. ниже). Ее муж — тоже старый подпольщик — обещал дать мне в следующий раз кое-какие сведения. Якобы у него есть «тетрадка» (не Барбу!).

Также я собираюсь в Черновцы к Розе Эльберт (б/женой Т.), которая расскажет кое-чего.

Я соберу все эти сведения и всё, что попадется по этому вопросу, и направлю Вам.

Из моих схем и предложений Вы должны брать, конечно, только то, что Вас интересует, и то, что может послужить созданию образа революционера.

Героя можете назвать просто Яша. Только на суде ясно будет, что он Антипов.

Но вообще мы с Вами имеем право пофантазировать и создать тот образ революционера, который требуется.

Иначе все факты биографии Ткаченко нельзя будет связать воедино драматургически.

С уважением [подпись]

Приехав из Москвы, БН спешит в издательство — договор ему обещали еще перед отъездом. И 14 июня Ленинградское отделение «Детской литературы» заключает договор на публикацию «Малыша». В договоре указаны директор отделения Морозов, главный редактор Неуймина и редактор Плюснина.

Письмо Бориса брату, 16 июня 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Наконец-то я могу тебе хоть о чем-то определенном написать.

1. Итак, я был вчера в Лендетгизе и подписал договор. Условия обычные. Координаты твоей сбк дал. Замглавного была очень любезна, когда я вошел, она как раз дочитывала второй раз М, сказала, что это прекрасная вещь, сообщила, что есть у нее только одно замечание (очень скоро выяснилось, что она просто начисто не поняла поступка Майки), мы обсудили это замечание (она нашла мужество признаться, что недопоняла, и без спора согласилась, что ребята-то поймут), после чего свела меня к делопроизводителю, с коим я и буду теперь держать связь насчет денег. Дело в том, что деньги будут лишь второго июля, да и то не обязательно — кто-то еще болен, но они надеются, что он выздоровеет. В общем отношение к нам там пока прекрасное. Замглавного снова намекала на издание М отдельной книжкой (когда разговор об этом пойдет всерьез, я им предложу идею «Рассказов о Горбовском» под общим названием «Родился завтра»)

и обещала попытаться выписать нам сразу 60 проц. (сие, впрочем, как я понял, зависит от расторопности остальных членов сборника — некоторые тянут: Ларионихa сдала рукопись только в тот день, когда я там был, а Мартынов и вообще до се не сдал, глухарь задрипанный).

2. В «Аврору» звонил только что. Никто не отвечает — видимо, рано. Позвоню еще после обеда, о результатах сообщу во благовременье.

3. Главу из ПнО все никак не решусь вынести из дома. Черт его знает — предчувствие, что ли, какое-то. Саша клянется, что ничего с рукописью не случится, предлагает редакционную машинистку, которая сидит тут же, за стеной — нет, не могу. Боюсь. Впрочем, может быть, еще справлюсь. Или найду какой-нибудь обходной путь. Все равно ведь без Попова нынешний замглавного Корнев на договор с нами не решится, а Попов где-то в заграницах.

4. Давал Адке читать ПнО. Впечатление было произведено — самое тяжелое. Считает напечатание нереальным. Ладно, посмотрим. Главное ведь что? Договорчик заключить.

5. Из маминого письма узнал о судьбе твоего сценария. Что ж, ты этого ожидал, Жорж Долдон[1]. Попробуй, действительно, через Мосфильм — у тебя ж там была куча знакомых — Павленок, там, и… и жандармский поручик Свидригайлов[2]… Тут недавно вдруг позвонил Лешка с идеей: он рассказал о сценарии ТББ Ролану Быкову, тот заинтересовался, и есть мысль попробовать его как таран. Сейчас дали ему прочесть последний вариант, если бы ему понравилось, можно было бы понадеяться на его быкову пробивную силу.

5. Еще после моего приезда от тебя звонил Дмитревский. Они с Брандисом готовят сборник для МолГв, сдать должны в октябре-ноябре. Очень просил у нас хоть что-нибудь — рассказ, статью, эссе. Считает это очень важным. У меня давеча возникла идея: дать ему вторую главу ПнО —

---

[1] Перифраз «Ты этого хотел, Жорж Данден!» Мольер, «Жорж Данден», действ. 1, явл. 7.

[2] Приблизительная цитата из рассказа А. Чехова «Либеральный душка» («ну и… жандармский поручик Подлигайлов»). Свидригайлов — персонаж «Преступления и наказания» Ф. Достоевского.

отрывок из новой повести, так сказать. В общем ведь довольно законченная вещь, а? Ей-богу, надо попробовать, как ты полагаешь? Опять же — МолГв: вдруг поверят и договорчик заключат на все?

6. Пришли экзы из Эстонии. Восемь штук. Одну — маме, одну — Мише Лемхину как биографу, а остальное?

7. Путевку в Коктебель нам не дали: тридцать заявок, десять путевок. Нам не досталось. Куда теперь деваться летом, не ясно.

8. Чем кончился демарш Самсонова? Как вообще дела в МолГв? В Детгизе? Не будет ли переизданий? Что вообще слышно? Отпиши, пожалуйста.

9. Прежде чем кончить сие письмо, решил еще раз позвонить в «Аврору», и что же? Гранки, оказывается, пришли, и более того — меня просят, умоляют, заклинают прийти сейчас же, немедленно, молниеносно, сметая все преграды, ибо времени нет, ах, увы, спасите, СОС!.. Вот бардачники! Позвонить сами они, конечно, не доперли и не доперли бы, если б я не позвонил.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Не хотите ли приехать? На пару деньков, а?

Письмо Аркадия брату, 23 июня 1971, М.— Л.

Дорогой братик!

С большим удовлетворением прочитал твое письмо. Впервые за много дней какие-то обнадеживающие вести. Ответил же тебе не сразу потому, что хотел подождать некоторых известий здесь, у себя.

1. С Самсоновым вышло неудачно. Он срочно выехал из Москвы и успел только поговорить со мной по телефону. Суть в общем сводится к тому, что в Большом ЦК к нам претензий в общем не имеют, а вся беда идет от некоторых типов в ЦК ВЛКСМ. Еще он смутно намекнул, что кто-то почему-то будет добиваться, чтобы нас реабилитировали.

2. Подал в МолГв две заявки на перевод: английский детектив «Кровавый урожай» Хэммета и японский «Луна и перчатки» Эдогавы. Сейчас заявки вместе с составом очередного сборника «Зарубежный детектив» на просмотре у Осипова. Еще дал в серию ЧОМ[1] нечто вроде заявки на небольшую (до 6 а. л.) книжку о Павле Ткаченко. Если выгорит, напишем хорошую книгу. А?

3. Мы с тобой получили приглашение на инсценировку или на написание самостоятельной пьесы для театра-студии «Жаворонок». Вчера я там был, смотрел пьесу «Жаворонок» (про Жанну д'Арк)[2] и беседовал с главными. Нас там все любят, вплоть до директора. В конце разговора главреж, краснея и смущаясь, признался, что мы уже включены в репертуар студии на три года вперед и что репертуар утвержден в министерстве без звука. Буду еще смотреть у них «Войну с саламандрами»[3] и беседовать более обстоятельно. Они намекают на смесь ТББ и ОО. А театр очень оригинальный — актеры, маски и куклы.

4. Позвонили мне из секции прозы и попросили дать на чтение и обсуждение ГЛ — это-де по заданию секретариата в порядке ответа на наше письмо. Я ответил, что рукописи у меня нет и что вообще я не понимаю, при чем здесь ГЛ. В письме главное не это. Неохота мне им давать, провались они пропадом. Болтуны и конъюнктурщики.

5. Насчет главы из ПнО — что ж, я тебя понимаю. Имеет смысл разве что сидеть у машинистки за спиной. Или самому. Ну их.

Вот, кажись, и все главное. А я перевожу японскую научновину, да рецензирую помаленьку, да вот считывал с машинки отредактированного Клемента. Селявишная жизнь.

Поцелуй маму, привет Адке. Возможно, как-нибудь приедем на денек-другой. Особенно, если выйдут какие-либо решения по театру и прочим делам, требующим обсуждения.

Жму, целую, твой Арк.

---

[1] Серия издательства «Молодая гвардия» «Честь. Отвага. Мужество».
[2] Пьеса Ж. Ануя.
[3] Инсценировка повести К. Чапека.

Письмо Бориса брату, 25 июня 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

1. Итак, гранки М в «Авроре» я вычитал и отнес. Никаких исправлений они не сделали. Редакторша наша, правда, сказала, что у редколлегии есть какие-то замечания по последней части, а именно — что-то по поводу Странников, но что говорить об этом со мной будет завотдела прозы, который сейчас в отпуске. Замечания, по ее словам, не существенные. Я думаю, они там не поняли, что за Странники, откуда, почему. Ладно, отмахнемся как-нибудь.

2. Не дожидаясь твоего ответа, поговорил с Брандисом и Дмитревским насчет второй части ПнО для молодогвардейского сборника. Оба приняли предложение с энтузиазмом, а потому я, наконец, решился и отдал часть отпечатать сестре Сашки Копылова. Дрожу, конечно, но авось. Все-таки — свои люди, известные. Когда будет готово, отвезу один экз в «Неву» вместе с заявкой, а второй — Дмитревскому с соответствующей разъяснительной врезкой. Между прочим, Дмитревский намекал на возможность заключения договора на ПнО с «Авророй». Я в ответ посвятил его в наши планы насчет «Невы» и выслушал длинную обличительную речь, какие в «Неве» все сволочи, кроме Саши Лурье и Кривцова. Что ж, попробуем стрелять по двум мишеням. А ты при случае стрельни и по третьей — я имею в виду «Юность».

3. Инсценировочку заполучить было бы неплохо. Я — за. И за роман о Павле Ткаченко я тоже — за. Судя по тому, что ты рассказывал, написать действительно можно интересно. Тут главное что? Договорчик тут главное.

4. Пришли наконец экзы УнС из Эстонии. На двух — трогательные для нас надписи от переводчика и замглавного. Там нас явно любят.

5. Между прочим, не достанешь ли ты мне «Зарубежный детектив» 71 года. Я его, понимаешь, пропустил и остался с носом.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Не забывают Авторов и региональные издания.

Из архива.
Письмо БНу из «Уральского следопыта», 29 июня 1971

Уважаемый Борис Натанович!

У нас наконец наметилось некоторое «шевеление» с коллективным сборником, для которого я когда-то (!) отобрал Ваш рассказ «Первые люди на первом плоту». По ряду обстоятельств сборник основательно потрепали в издательстве. В том числе, к искреннему моему сожалению, оказался изъятым Ваш рассказ,— как слишком, увы, мрачный… Поскольку от сборника оставалось менее половины,— спасая этот самый сборник, я рискнул без Вашего на то согласия предложить местным издателям другой — старый — Ваш рассказ: «Человек из Пасифиды». (Он печатался в «Сов. воине» в 1962 г.; «морально» он, мне кажется, ничуть не устарел и сегодня; между тем, широкому читателю, насколько я знаю, он попросту неизвестен.)

«Человека из Пасифиды» в издательстве одобрили.

В связи с этим — естественный вопрос к Вам: согласны ли Вы на публикацию этого рассказа в нашем сборнике?

Со временем меня теперь уже подпирает (сборник выйдет, вероятно, еще в этом году), поэтому очень надеюсь на быстрый (и очень хочу надеяться: положительный) ответ. Поэтому же точную копию письма (на случай, если Вы — в отпуске) отсылаю Аркадию Натановичу, в Москву.

С уважением В. Бугров

Письмо Бориса брату, 2 июля 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Пишу, не дожидаясь твоего письма, понеже есть информация.

1. Сегодня был в Лендетгизе, получил там деньги за М. Выдали 255 рупий с какими-то там дирхемами. Это, как я понимаю, аванс, 25 проц. По-видимому, редакторше

перед отпуском так и не удалось собрать сборник целиком, и с одобрением, сам понимаешь, образовалась задержка. Ничего. И то хлеб. Не пито, не едено. Вот уж не ожидал! Тебе должны перевести на сберкнижку до (как они сказали) 16-го с. м. Если ты срочно вышлешь мне справочку насчет детей, то я, может быть, еще успею снести туда, и денег будет, натурально, больше. Около кассы общался с директором — Николаем Антоновичем Морозовым. Он выразил нам свою благосклонность. («Как там братишка твой, а?..») Эх, к этому бы директору да тебя бы под бок! Цены бы этому содружеству не было! А уж что зелененьких…

2. Получил (как и ты, вероятно) письмо из «Уральского следопыта». Я лично немедленно отписал, что а). Не возражаю против ЧиП, но прошу в конце проставить дату написания — 1958, Ленинград; б). Есть у нас еще один старый, нигде почти не публиковавшийся рассказик — «Спонтанный рефлекс» называется, так не хотите ли? А вдруг пофартит? Зелененькие там, потиражные, сам понимаешь…

3. Как там у вас дела в Москве? Что слышно с высокой трибуны? Я с трепетом читал доклад Маркова, но вроде бы пока пронесло.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

5 июля АН пишет заявку в «Молодую гвардию» на ПНО. В архиве АБС сохранился ее черновик.

Из архива. Заявка на ПНО (черновик)

Предлагаем вниманию редакции нашу новую научно-фантастическую повесть «Пикник на обочине». Время действия повести — наши дни, место действия — небольшой городишко второстепенной капиталистической страны типа Канады или Австралии. Сюжет повести сводится к следующему.

Земля внезапно оказалась объектом посещения представителей иного разума. Пришельцы высадились в нескольких точках планеты, пробыли на Земле с десяток дней и, не вступая

в контакт, исчезли так же неожиданно, как и появились, оставив после себя обширные районы — так называемые Зоны Посещения,— представляющие настоящие сокровищницы удивительных загадок и опасных тайн. Зоны эти, конечно, становятся объектом самого пристального изучения, ученые всех стран пытаются воссоздать облик пришельцев, разобраться в причинах их появления, извлечь полезное из того «мусора», который остался на месте стоянок представителей сверхцивилизации Космоса. Но одновременно Зоны Посещения привлекают внимание и темных сил человеческого общества: военно-промышленные комплексы кап. стран, частные фирмы, анонимные компании жадно присасываются к «кладовым загадки», стремясь вопреки международному законодательству урвать кусочек и для своих целей. Возникает новая профессия — сталкеры; это люди (как правило, местные жители), которые, рискуя жизнью, пробираются в Зону, тащат оттуда таинственное и опасное, а затем сбывают хабар темным дельцам. Герой повести — сталкер. Повесть рассказывает о его тяжелой судьбе в мире частной инициативы, искаженном вторжением извне.

В настоящий момент закончены вчерне три из задуманных четырех частей повести. Часть вторая, как наиболее, на наш взгляд, характерная, прилагается.

Предполагаемый объем повести 8 а. л. Рукопись может быть предоставлена через 6 месяцев после заключения договора.

Письмо Аркадия брату, 6 июля 1971, М.— Л.

Дорогой Борик!

Известия, которые ты мне сообщаешь, служат именинам сердца и душевному утешению брата твоего. Хотел бы я тоже порадовать тебя чем-либо подобным, да нет, нетути ничего даже отдаленно похожего. МолГв молчит, не телится. Съезд[1] прошел мирно и скучно, да оно и слава богу. Правда, говорили, будто Евтушенко хорошо выступил, но сам я не слышал и еще не читал.

[1] V Съезд писателей СССР (29.06–02.07.1971).

Не обходит нас бог и неприятностями. Недели две назад на философском факультете МГУ выступил с докладом (или лекцией?) «О некоторых ошибках в истолковании русской философской мысли» некий подонок Щипанов. Там он, между прочим, нес поименно троих: Твардовского — за неправильные концепции относительно революции, допущенные в «Новом мире»; Карякина — за какие-то мысли относительно Радищева; и нас с тобой за какой-то роман (какой — я не смог выяснить), названный во всеуслышание антисоветским. Такие дела. Этот Щипанов — старый гад и сажальщик, один из верховодов в институте философии АН. Такие дела.

Письмо твое в «Уральский следопыт» полностью одобряю. Сам тогда уж писать не буду, а то жирно им очень.

Справочку о детях, видимо, уже не успел я выслать, это у нас сейчас весьма сложно, понеже домуправление где — никто не знает (ходят слухи, что оно попряталось в связи с тем, что в наших домах с апреля отключили воду и обещались пустить только в сентябре, да нет вот, пустили позавчера, суки, а домуправление все не возвращается).

Вот пока всё. Крепко жму и целую, привет Адке,

твой Арк.

Письмо Бориса брату, 20 июля 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Долго не отвечал — надеялся на какие-нибудь существенные новости. Однако таковых не обнаружилось. Поэтому просто отчитываюсь.

1. Отдал вторую часть ПнО Дмитревскому для ознакомления. Он обещал позвонить, но так и не позвонил (он сейчас живет в Комарово, на даче). Впрочем, может быть, и звонил, да меня дома не было.

2. Отвез вторую часть ПнО в «Неву». Вчера звонил Саше. Замглавного пока еще не удосужился прочесть, а возможно, и прочел, но определенного мнения не составил и выжидает. (Поповская школа!)

3. Вчера закончил выправлять гранки для № 9 «Авроры». Видел иллюстрации. Художник — Игорь Тюльпанов, картина коего у меня висит, если ты помнишь. Ничего себе иллюстрации — похоже по стилю на рисунки в З-С, которые когда-то там бывали. Этакая пищеварительная эстетика.

4. Из Публички прислали снова материалы по нашей библиографии с сопроводительным очень теплым письмом. Я вставил туда что сумел и отнес. Хорошо там к нам относятся.

5. Сходил в Литфонд, подал заявки на Комарово: с 3 сентября и с 17 октября. На 13 дней каждый раз. Обещали.

6. Совершил большое преступление: не удержался и вместе с Адкой перечитал ГО. Впечатление было произведено.

7. Получил письмо из Кронштадта с газетами (двумя; одну вырезку прилагаю[1]) и с просьбой автографа. Выслал.

8. Мама готовит на тебя (в связи с твоим неписанием) кары и скорпионы[2]. Грозится, что шиш ты получишь брусничной водички по приезде, не готовит она ее и готовить не будет, раз ты у нее такой сын. Берегись!

9. В первых числах августа рванем в Крым. Говорят, там в этом году ничего нет: ни холеры, ни жратвы, ни дикарей[3]. Перед отъездом еще, вероятно, отпишу.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

О картинах в своем кабинете и, в частности, о картине Тюльпанова БН вспоминал:

Из: БНС. Игра в фанты по-научному

— Чем вы руководствовались, отбирая для своего рабочего места вот эти картины?

— Тут три, так сказать, волны. Вот эта называется «XXII век», художника Тюльпанова, она экспонировалась

[1] Ачкасов Г. Из жизни XXII века // Рабочий Кронштадт (Кронштадт).— 1971.— 15 июля. (Статья об «Обитаемом острове».)

[2] Выражение восходит к 3-й Книге Царств, гл. 12, ст. 11. Процитировано в гл. 9. «Современной идиллии» М. Салтыкова-Щедрина.

[3] Летом предыдущего, 1970 года на многих курортах Черного моря были вспышки эпидемии холеры.

в Пулковской обсерватории. Художнику хотелось помочь финансово, и я выбрал ее. Вот эта, большая, подарена нам одним молодым человеком. Я ее называю «Тайная вечеря», очень похожа на цитату из библейского сюжета. И наконец, керамические картинки. Я их всегда с удовольствием покупал в Сухуми. На всех изображены подвыпившие грузины, очень забавно.

Письмо Аркадия брату, 26 июля 1971, М.— Л.

Дорогой Борик!

Не ответил сразу, потому что рассчитывал сперва получить информацию по одному касающемуся нас с тобой вопросу, но только теперь сообразил, что предварительно надо бы с тобой посоветоваться, да уже поздно. Видимо, дело будет как-то решаться завтра. А дело такое. С неделю назад мне сообщили, что меня разыскивает ведущий мультипликатор-режиссер некто Хитрук, ты о нем мог слышать, а если нет — спроси у Лешки. Я позвонил по данному мне телефону, Хитрука не было, но говорил я с главным редактором Мультфильма неким Снесаревым. Он обрадовался и сообщил, что Хитрук хочет, чтобы мы написали ему сценарий для полнометражного мультика. На какую тему, инсценировку или самостоятельный — не сообщил. Об этом я должен буду говорить с самим Хитруком завтра, т. е. 27-го. Меня предупредили, что с Хитруком надо держать ухо востро, но что если взять его в соавторы — все будет немедленно — договор, аванс и прочее. Работать с ним, как мне сказали, трудно, но можно и выгодно. Так что я уж буду браться, хорошо? Все-таки, если считать 3000 рублей, получим с тобой хоть 25 % от 2000, а то и больше. Согласен?

Далее, был я в «Жаворонке», смотрел «Войну с саламандрами» и имел конкретную беседу с главрежем Борисом Исаковичем, его заместителем Борисом Наумовичем (фамилии же их, господи, веси[1]) и зав. постановочной частью Влади-

[1] Фраза из поминовения на общих панихидах «убиенных, сожженных, потопленных, христианского погребения лишенных, имена же их Ты, Господи, веси…».

миром Николаевичем Лопухиным. Договорились конкретно до следующего. К началу сентября мы представляем им заявку на пьесу по смеси ТББ и ОО. Заявка на шести страницах, для юношества (так легче пройдет), прохождение ее закончится к ноябрю, после чего с нами заключают договор и выплачивают, гм, аванс. Из расчета 1500 ру. Напиши свои соображения по заявке, я ее разрисую по всем правилам насчет воспитания молодежи в духе и т. д., подпишу и подам. Непременно до твоего отъезда в Крым.

Вот пока всё существенное. Как с ПнО?

Привет Адке, жму и целую, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 29 июля 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Пишу тебе последнее перед отпуском письмо. Улетаю в Крым 2-го, адреса не знаю, черкну тебе оттуда вскорости по приезде.

1. Все твои действия в связи с мультяшкой заранее одобряю. Мультяшка дело хорошее, доброе. О Хитруке я, конечно, слыхал. Это очень известный и, по-моему, хороший мультяшник. Со Снесаревым я уже даже имел дело — через Лешку, когда мы с ним давали заявку на сценарий про автомобиль-танк[1]. Сценарий, как известно, не прошел, но Снесарев к нам относится неплохо. Так что — давай!

2. Что касается смеси ТББ и ОО в театре, то я, честно говоря, плохо представляю себе эту смесь. Вероятно, имеется в виду обстановка ТББ при легковесности ОО. Иначе говоря, Максим в Арканаре. Что ж, деньги не пахнут, мертвые не кусаются[2]. Даю тебе опять же карт-бланш. Соображений у меня пока никаких нет. Тебе же там виднее, что нужно. Как ни напишешь — все ладно, лишь бы договор заключили.

---

[1] Это мы с Германом придумывали сюжеты для мультяшек. Один сюжет продумали довольно подробно: как у автовладельца регулярно грабят машину и он придумывает разнообразные ухищрения по ее защите, так что в конце концов мирный «москвич» превращается у него в чудо-танк, оборудованный всеми средствами (автоматическими) обороны и контратаки.— *БНС*.

[2] «Мертвые не кусаются» — цитата из «Острова сокровищ» Р. Стивенсона.

А потом будем думать вместе, посоветовавшись с режиссером.

3. С ПнО в «Неве» ничего не происходит. Замглавного все еще не прочел, хотя и грозится это сделать в ближайшие дни. На самом деле, сам понимаешь, он просто не знает, как поступить. У них там была очередная выволочка в обкоме — за только что опубликованный роман Гора (?). «Но ведь вся же редколлегия читала!..» — оправдывался уязвляемый ответственный секретарь, на что ему было отвечено: «Стругацких у вас тоже вся редколлегия читала». Так что дело, я думаю, швах. Впрочем, и всегда-то шансов было не много. Меня скорее беспокоит, что Дмитревский так и не позвонил, но будем надеяться, что ничего особенного не значит. Собственно, прежде всего я озабочен узнать, над чем мы будем работать в сентябре. Или мы для кого-то будем спешно отделывать ПнО, или мы не спеша и со вкусом займемся ГО. Или вообще будем корпеть над каким-нибудь сценарием. Впрочем, к концу августа все это, надо думать, прояснится.

4. Теперь вот что. Вилинбахов побывал в Польше. За какую-то вшивую двухлистную статью из истории западных славян ему заплатили 2400 злотых (отрез на костюм, три пары кожаных перчаток, туфли и еще куча всякой мелочи). Неужели, черт возьми, не получим мы за все наши там труды в десять раз больше? Нет, брат, это так оставлять нельзя. Надо ехать. Говорят, марки там продаются навалом, а равно и прекрасные пишущие машинки. Так что ты, брат, займись. Собственно, от тебя требуется только организовать в Польше человека, который навел бы справки в издательствах и подготовил бы выплату гонорара сразу по нашем приезде. (У Вилинбахова был такой человек.) По-моему, ты знаком лично с Борунем, и это, по-моему, именно то, что нужно народу. Восстанови с ним контакт (может быть, можно использовать как-то связи Нуделя или Ариадны?), спишись и обрисуй обстановку. Я был бы очень рад поехать с тобой вместе, но если ты заартачишься, я готов и в одиночку. Оформить же поездку в демократическую страну для получения гонорара, говорят, сравнительно несложно через СП. Я бы мог, конечно,

написать Лему, но, честно говоря, мне это кажется не совсем удобным — все-таки Лем не того масштаба человек, чтобы гонять его по издательствам. Вот Борунь — это то, что нужно. Так что прошу тебя, займись. Нечего деньгам пропадать зря.

5. Давеча переслали мне из СП письмо некоего Дэвида Ти Джей Дагана. Он — преподаватель русского языка (пишет по-русски превосходно), любитель научной фантастики, «особенно советской», будет в августе в Институте им. Герцена проходить какой-то спецкурс и просит СП организовать ему встречу со Стругацкими, ибо считает, что «Стругацкие — среди самых блестящих фантастов мира». Я ответил ему теплым письмом.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Август у АБС получился довольно насыщенным.

В августовском номере журнала «В мире книг» опубликована статья Всеволода Ревича, часть которой посвящена ОО.

Из: Ревич В. Через будущее — к настоящему

<…>

А вот еще два романа, действие которых тоже отнесено в будущее. Они совсем другие по характеру. Речь идет о «Часе Быка» И. Ефремова и «Обитаемом острове» братьев Стругацких. Эти произведения очень похожи по замыслу.

Писатели создают на гипотетических планетах модели возможного развития общества. Развития, которое пошло по неверному пути. Уродливого развития. Тупикового пути.

Наше время дает достаточно поводов для беспокойства за его отдельные тенденции. В будущее пытаются заглянуть философы, публицисты, футурологи и экономисты, да и кто не задумывался над тем, что ожидает человечество через 100–150 лет. Фантастика оказалась подходящим видом не научной, а следовательно, всем доступной литературы, которая оперативно выхватывает различные тенденции современности (разумеется, не только отрицательные) и переносит их вперед.

От фантастических книг едва ли следует требовать законченных решений — это дело научной философии, но они заставляют задуматься над судьбами мира, острее ощутить собственную ответственность за них.

Это то общее, что объединяет и прогрессивных западных, и наших фантастов. Но есть разница, хотя она и не всегда выражена непосредственно. Впрочем, в данном случае она как раз выражена непосредственно. Произведения западных фантастов безысходны, тот угол, в который, по их описаниям, загнало себя человечество, не имеет никакого выхода.

В «Часе Быка» и в «Обитаемом острове» ни на секунду не забываешь, что рядом (пусть даже это «рядом» за много-много световых лет) есть коммунистическая Земля, где люди сумели построить то самое счастливое и справедливое общество, за создание которого отдано столько сил и столько жизней. И это одно уже лишает произведения какого бы то ни было исторического пессимизма. О романе И. Ефремова уже писали, поэтому ограничимся этими общими соображениями.

Несколько слов об «Обитаемом острове». В стране, куда попал вследствие космической катастрофы земной парень Максим, правит военная директория. Претенциозно именующая себя Огненосными Творцами, она захватила власть после долгих лет войны, голода и разрухи. Почти так, как и на ефремовском Тормансе. Власть поддерживается жестоким насилием и подавлением личности. Та же испытанная методика фашизма.

Это основной прием, с помощью которого Огненосным Творцам удается удержать своих подведомственных в послушании, — не одурманивающие военные марши и даже не орды штурмовиков-легионеров. Они используют дьявольские волновые передатчики, которые способны воздействовать на психику человека в нужном хозяевам направлении.

Фантастика? Такая ли уж фантастика? Сравнительно недавно в «Литературной газете» американский профессор Д. Креч как о насущной, уже стучащейся в дверь опасности говорил о тех несчастьях, которые могут обрушиться на человечество при дальнейшем усовершенствовании средств,

воздействующих на мозг. Он, правда, говорил о химических препаратах, но эта разница непринципиальная. Там радиоизлучатели, тут снадобья, подмешанные в питьевую воду. Опять — методика фашизма.

<…>

10 августа датирована заявка АБС на сценарий мультфильма.

Из архива.
Заявка от АБС в киностудию «Союзмультфильм»

Предлагаем заявку на сценарий полнометражного рисованного цветного фильма «По следам “Космического Негодяя”» (назв. условное).

Насколько нам известно, полнометражные мультфильмы пока еще большая редкость в отечественной, да и в мировой кинематографии. Причина этому, думается, состоит в том, что в рисованном варианте трудно разработать сюжет и создать образы героев, которые могли бы держать зрителя в неослабном напряжении на протяжении всех шестидесяти-семидесяти минут. Кроме всего прочего мультипликация, по нашему глубокому убеждению, является жанром по преимуществу ироническим, что тоже осложняет дело, о чем свидетельствует вся история мировой культуры: мы с трудом насчитали два десятка достаточно объемистых произведений, с начала до конца проникнутых духом сатиры, иронии, юмора, который воспринимался бы не только современниками авторов, но и в наши дни.

Отдавая себе отчет во всех этих трудностях, мы тем не менее берем на себя смелость обратиться в студию с предложением создать сценарий полнометражного фильма-мультипликации. В отношении острого сюжета и достаточно интересных и необычных героев мы рассчитываем на свой опыт писателей-фантастов, а успех нашей юмористической повести «Понедельник начинается в субботу» позволяет нам надеяться на положительный результат в смысле насыщения сценария веселыми ситуациями.

Ниже приводятся литературные характеристики предполагаемого сценария, а также некоторые комментарии, показавшиеся нам необходимыми для уточнения этих характеристик.

ЖАНР. По жанру предполагаемый сценарий должен соответствовать в литературе научной фантастике. Строгого определения научной фантастики не существует, но в данном случае мы обозначаем этим термином вид литературы, сюжетный строй которой организуется на основе воображаемых необычайных сил природы и воображаемых необычайных достижений науки и техники (в отличие от сказки, где сюжет держится на волшебных, мистических, потусторонних силах). Разумеется, здесь усматривается определенная трудность. В мультфильме, как известно, «всё возможно», и потому не так просто провести отчетливую грань между сказкой, научной фантастикой и просто мультипликационной условностью или шуткой. Однако нам представляется, что эту трудность при известном такте преодолеть будет легко.

СЮЖЕТ. Сюжет предполагаемого сценария должен быть очень простым и по возможности острым, изобилующим критическими, смешными и поражающими воображение ситуациями. В первом приближении он мыслится следующим образом. Межзвездные пираты-работорговцы на летающем блюдце «Космический Негодяй», рыская в поисках добычи по космосу, натыкаются на нашу Землю. Пользуясь фантастическими техническими возможностями, они похищают Девушку. В погоню бросаются Ученый, Спортсмен и Офицер. После целого ряда фантастических перипетий им удается, конечно, настигнуть пиратов, разгромить их и освободить Девушку. Борьба весьма тяжелая: на стороне пиратов невероятные технические ухищрения (они способны проникать в помещения через экраны телевизоров, останавливать время, свертывать пространство и т. д.), на стороне людей — мужество, верность, любовь, Разумеется, у пиратов «Космического Негодяя» есть свои слабые места (напр., они вынуждены жить и действовать при очень низких температурах, так как

боятся протухнуть), но в общем — это борьба человека против техники, и человек побеждает.

ГЕРОИ. Положительных героев четверо. Девушка, Ученый, Спортсмен и Офицер. Мужские роли олицетворяют охранителей человечества-Девушки. Желательно, чтобы образ Девушки, при всей гротескности, обусловленной мультипликационной системой, был максимально привлекателен. Мужчины, каждый в своем роде, ограниченно все вместе должны представлять собой великолепную необоримую силу. Отрицательные герои — командир «Космического Негодяя» и его заместитель по техническим вопросам. В них воплощается все зло нашего времени — эгоизм, корыстолюбие, мещанство. Мы считаем важным подчеркнуть, что борьба за человечество-Девушку есть борьба мысли и чувства против брюха. В этом состоит идейное содержание предполагаемого сценария.

СТИЛИСТИКА. Мультипликационный фильм по природе своей ироничен. Вообще самые удачные произведения человеческой культуры основаны на известном принципе «ирония и жалость»[1]. Предполагаемый сценарий будет строиться на пародийной основе. Кажущееся сюжетное разнообразие мировой фантастики при близком рассмотрении сводится вообще-то к весьма неширокому кругу сюжетных ситуаций. (У известного писателя-фантаста С. Лема нет ни одного самостоятельного сюжета.) Наиболее распространенные в нынешней научно-фантастической литературе сюжетные ситуации лягут в основу сюжетных узлов сценария (повторяем, в пародийной форме) и, как мы надеемся, чрезвычайно облегчат зрительское восприятие фильма.

Таковы художественные характеристики сценария, на который мы делаем заявку.

Полагаем, что сценарий может быть представлен на студию через три-четыре месяца после подписания договора.

В августе же БН, находясь на отдыхе в Симеизе, получает телеграмму от редактора «Авроры».

[1] Название песни из гл. 12 романа Э. Хемингуэя «Фиеста (И восходит солнце)».

Письмо Бориса брату, 18–19 августа 1971[1], Симеиз — М.

Дорогой Аркашенька!

Улетаю я из этого г… 26-го. Лечу через Москву (прямых билетов на Ленинград не достать). Встретиться нам вряд ли удастся, т. к. в лучшем случае буду на аэродроме три часа, но постараюсь тебе позвонить.

Тут мне из «Авроры» Косарева, раздобыв адрес у мамы, прислала телеграмму:

«От Дмитревского узнали вашей новой повести хотели бы включить ее план будущего года телеграфируйте согласие название повести договор заключим = Косарева».

Ай да Колченог! Я, натурально, тут же все, что надо, телеграфировал. Глядишь — и аванс схватим!

Итак, жди звонка. Если же не дождешься, значит я запутался в облаках и тогда буду звонить тебе из Ленинграда, либо пришлю письмо, как только раздобуду путевку.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

АН же в это время занят текучкой. Только одной неделей — 22–27 августа 1971 года — датированы восемь рецензий АНа, сохранившихся в архиве: на фантастические повести А. Валентинова «Заколдованная планета», Е. Гуляковского «Совсем простая планета», И. Радунской «Трагедия профессора Коуна», на документальную повесть Е. Симонова «Сезон несостоявшихся восхождений», фантастические рассказы Л. Худякова, Ю. Шулики, детективную повесть М. Ройзмана «Похитители детей», главы из романа С. Жемайтиса «Клипер “Орион”». Приводим здесь одну из рецензий.

Из архива. АНС.
Отзыв на повесть М. Ройзмана «Похитители детей»

Советский журналист, побывав за границей, получил документы, свидетельствующие о том, что в США существует организация, торгующая детьми, которых гитлеровцы во время войны увезли в Германию. Вернувшись на Родину, журналист передает эти документы в одну из центральных

[1] Датировка составителей.

газет и получает задание написать серию очерков об этом преступлении. Взяв аванс, он отправляется с женой в крымский городок. Но оказалось, что враг уже не дремлет. Наши простые русские уголовники, подкупленные агентами торгующего детьми концерна, пытаются помешать написанию очерка, убить, похитить, заставить замолчать журналиста. С помощью милиции все обходится благополучно.

Повесть явно не удалась. С трудом можно поверить, что ее написал автор «Дела № 306», до того алогично сделан сюжет, до того далека она от литературы. Об алогичности. С какой стати иностранцы, запуганные и знающие, что им грозит, посвящают в тайну похитителей детей советского журналиста? Как советский журналист, человек опытный, мог оказаться таким ослом, что понес важнейший компромат в газету, а не в МИД или в КГБ? С какой стати враги, узнавшие об этом компромате, начали охоту за журналистом только на советской территории? Каким это образом могло случиться так, что агентурой концерна занимаются не органы безопасности, а провинциальная милиция? Что это за нелепейшая выходка — пытаться уморить газом жену журналиста и оперативника? Таких вопросов можно задать очень много. Теперь о литературе. Я беру рукопись и наугад открываю ее. Страница 62. «…квартирная хозяйка… говорившая по-русски с акцентом, НО сердобольная и гостеприимная». Страница 126. «…стал искать какого-нибудь железного предмета». И так почти на каждой странице. А уж политические декларации, которыми обмениваются герои! Помилуйте, товарищ автор, нельзя же изображать работников милиции и советских журналистов учениками политического ликбеза, не нуждаются они в общих словах о мерзости американского империализма! И читатель, даже молодой, в этом не нуждается. У нас даже газеты оперируют не декларациями, а фактами. А в художественной литературе так говорят только начетчики и политические спекулянты. И очень жаль, что такая интересная и нужная тема не получила достойного литературного воплощения.

Я решительно не рекомендую повесть «Похитители детей» для «Мира приключений».

Из архива. Письмо БНу из «Уральского следопыта», 26 августа 1971

Уважаемый Борис Натанович!

Оба рассказа («Человек из Пасифиды» и «Спонтанный рефлекс») использовать я не смог, но вот первый из них — пошел совершенно точно: посылаю верстку, с просьбой вернуть по возможности быстрее.

Дату написания в конце рассказа я ставить не стал: оговорил в предисловии к сборнику, что это — «один из ранних рассказов Аркадия и Бориса Стругацких», мне показалось, что этого достаточно. Но если Вы настаиваете на дате — поставьте в верстке, я прослежу, чтобы всё ушло в дело.

Всего Вам доброго.

В. Бугров

Тем временем БН через Москву возвращается в Ленинград и пишет письмо брату.

Письмо Бориса брату, 29 августа 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Ну, как ты там? Протрезвел? Или как позавчера начал, так по сию пору?..[1]

1. За это время я побывал в ряде мест. Путевки, как ты уже, надеюсь, знаешь, будут у нас с 7-го. Дают нам по двойному номеру каждому (за те же деньги), жить будем как цари. Но вот что. В телеграмме я забыл написать: ОБЯЗАТЕЛЬНО возьми справку у врача. ОБЯЗАТЕЛЬНО. Присоединяюсь к твоему мату, но у начальства, как видно, очередной приступ служебного рвения, и тут уж ничего не поделаешь.

2. Был в «Авроре», вручил заявку на ПнО, получил заверения, что вопрос будет решен в ближайшие дни. В своих рекламных листовках они уже, оказывается, оповестили массы, что Стругацкие обещали им новую повесть. Все это ничего не значит, но шансы есть. Там же мне вручили четыре

[1] Автоцитата из ТББ.

экза восьмого номера с началом «Малыша». Один я презентовал маме, два ждут тебя.

3. Было бы ценно, если бы ты привез ленту для машинки.

4. Из Средне-Уральского книжного изд-ва пришли какие-то 80 руб. 23 коп. Без объяснений. Сегодня я получил верстку ЧиП, выправил, отправляю Бугрову с просьбой выяснить, что это за деньги. Что-то больно их мало. В ЧиП какникак целый лист. А ты получил? Рассказик, между прочим, жуткий. Прочитал я его — волосы дыбом встали!

5. Ходят слухи, что готовится какой-то сиспизиум по фантастике. Хотели, якобы, устроить его в Новосибирске, но тут Шестинский с Брандисом ринулись в Москву, как Роллинг в Европу[1]: па-ачему в Новосибирске! Па-ачему не в Ленинграде! Дело остается пока не выясненным, но я от души надеюсь, что ничего у них не выйдет.

6. Надеюсь еще получить от тебя письмо с новостями.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Письмо Аркадия брату, 30 августа 1971, М.— Л.

Дорогой Борик!

Телеграмму получил, поздравление тоже, спасибо, поцелуй маму и Адку.

Итак, надлежит мне приехать 6-го вечером, когда возьму билет — телеграфирую.

Со сценарием на «Мультфильме». Дело г…, опять нас почти обвели. Фильм планируется на 74-й год, поэтому заключить договор они могут только в 72-м. Впрочем, клянутся, что в январе и заключат. Я же сказал, раз спешки нет — подождем до января. Есть мнение, что это все шуточки Хитрука — хотел до заключения договора посмотреть, что мы можем ему предложить. Ну, мы ему фиг предложим.

В остальном ничего нового. В Гагру путевки будут, видимо, с 26-го.

Пока всё, целую и жму, твой Арк.

[1] Отсылка к эпизоду из гл. 8 романа А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина».

Перед отъездом в Ленинград АН информирует «Молдова-филм»:

Из архива. Письмо АНа В. Чибурчиу, 1 сентября 1971

Дорогой Володя.

Трижды и трижды пересматривал я материалы, которые прислал ты мне в июне, и ей-же богу, ничего не нашел в них из того, что можно было бы использовать для фильма. Излагать перипетии советской политики в те далекие годы в сценарии я считаю просто бестактным, ведь это художественный фильм, а не пособие для изучения истории революции в Молдавии. Я решительно отказываюсь давать в сценарии изображение заседаний, конференций и прочего. У меня создается впечатление, что ты забыл, о чем мы договаривались в Кишиневе и в Москве у Борецкого. Конечно, возможно, ты под давлением обстоятельств изменил свою точку зрения, но я-то свою не изменил.

Теперь так. Я давал читать сценарий ряду московских режиссеров. Общее мнение вполне положительное. Это неправда, что никакого образа не получилось. Это неправда, что не получилось классово-политической ситуации в оккупированной Бессарабии. Это неправда, что герой показан как простая жертва сигуранцы. Я не знаю, чем руководствовались вы при составлении «заключения», но, на мой взгляд (и не только на мой), ВСЕ замечания по заключению являются необоснованными и высосанными из пальца, а твои предложения (по материалам, которые ты прислал) представляются мне противоречащими не просто искусству, но вообще здравому смыслу.

Тем не менее я попытаюсь дополнить (не исправить, а дополнить) сценарий в соответствии с этими предложениями. Вероятно, всё станет скучнее и серее, но обязательства свои я обязан выполнить.

Прилагаю при этом просьбу продлить срок представления сценария до 1 ноября.

С наилучшими пожеланиями [подпись]

Из архива. Письмо АНа на киностудию «Молдова-филм», 1 сентября 1971

И. о. главного редактора
сценарно-редакционной коллегии
киностудии «Молдова-филм»
В. Андону,
редактору В. Чибурчиу

Прошу продлить мне срок представления очередного варианта литературного сценария «Трижды смертник» до 1 ноября 1971 года.

А. Стругацкий (А. Строганов)

Рабочий дневник АБС

7.09.71

Прибыли в Комарово. Ком<наты> 13, 15.

Хармонт

Дела вечерние:

1. Врезка к 2-й части.
2. Сюжеты к «Фитилю».
3. Заявка в Научпоп о Контактах.
4. Заявка на телестудию о невидимке.

Корреспондент: Еще один вопрос, господин доктор. Сегодня исполнилось ровно 12 лет со дня пресловутого Посещения, которое столь странным образом изменило течение истории нашего с вами родного города. Что вы можете сказать по этому поводу?

Доктор Пильман:

Сделали 4 стр. (0) 4

Будь он кто другой, накачал бы я его в дым, свел бы к хорошей девке, чтоб расшевелился, а наутро бы снова напоил и снова к девке, и был бы он у меня через неделю как

новенький — уши торчком, хвост пистолетом. Только вот Кириллу это лекарство не подходит, не стоит и предлагать, не та порода.

[ОТДЕЛЬНО НА ВЛОЖЕННЫХ ЛИСТКАХ ЗАМЕТКИ ПО «ВСТРЕЧЕ МИРОВ»]

Мыслимые типы взаимодействия (контакта)

1. Прямая агрессия.

2. Тайная агрессия (выведывание и паразитизм).

3. Нейтральный контакт (научный интерес).

4. Вступление в дружбу.

5. Их просьба о помощи.

1.

а. Агрессия с понятными землянам целями (порабощение, уничтожение).

б. Агрессия с непонятной землянам целью (агрессоры не понимают, что совершают агрессию).

в. Агрессия, когда земляне не понимают, что это агрессия.

Глазами землян

I. Агрессия.

Контакт

Пришельцы	Объективно	Земляне
Война	Война	Война
Миссионеры	Война	Война
Освоение		

Глазами землян

II. Нейтральный контакт (непричинение ни вреда, ни пользы, предупредительность и всяческое уклонение от любого общения; кратковременность).

Причины нейтральности пришельцев:

а. Считают контакт преждевременным и вредным для землян.

б. Абсолютно равнодушны к землянам.

в. Не желают преждевременно раскрывать карт.

г. Нейтральность видимая, кажущаяся вследствие психологической несовместимости.

Примечание: нейтральность эта может быть воспринята человечеством как оскорбление. Масс-психологический шок.

Глазами людей

III. Дружеский контакт.

Это не может быть дружба на равных. Если контакт состоится в обозримом будущем, это будет встреча с существами, чрезвычайно опередившими людскую цивилизацию в технологическом отношении (и, видимо, в психологическом), независимо от того, гуманоиды это или негуманоиды.

Намерения пришельцев

1. Патернализм глупый, анахроничный: обеспечение землян даровыми материальными благами. Эта акция может быть также основана на неверном представлении о земной массовой психологии.

2. Патернализм разумный: вмешательство (типа ТББ) в человеческую историю, рассчитанное на века, спасение человеческих ценностей при социальных катаклизмах, подправление человеческой истории.

3. Дружба типа зоопсихолог — животное: научный интерес, незаметный для человека и непонятный.

4. Дружба типа человек — собака: подсознательное удовлетворение от чувства превосходства и от покровительства.

5. Дружба как маска для достижения корыстных целей (см. I).

6. Использование Земли: как базы, как резервуара с водой… чего-то неизвестного людям (все это чрезвычайно маловероятно).

7. Уникальные свойства человека как объект корыстного интереса (без вреда для человека).

Напр<имер,> негры в США — гениальные спортсмены.

М<ожет> б<ыть> у человека уникальный мозг.

Люди как идеальные солдаты = союзники против напирающей другой воинственной цивилизации.

Люди как сотрудники (так расширились бы возможности людей, если бы удалось подружиться с дельфинами!).

8. Голод по подобному, спасение от одиночества. Миллионолетняя цивилизация наконец наткнулась на разум — молодой, вшивый, грязный, порочный,— но теперь она не одинока: ласкает, лелеет, прощает, балует, подчиняется прихотям. Что-то сексуальное.

Намерения пришельцев

1. Посещение с целью частного научного исследования.

2. Вынужденная (развлекательная) посадка.

3. Первая разведка во имя будущих агрессивных намерений (в частности, с намер<ением> I л).

4. То же с доброжелательными целями.

5. Нечеловеческие цели.

6. Попытка дружеского контакта методами, далекими от человеческой психологии (как ученый с орангутангами — делает вид, что равнодушен, тогда обезьяны приближаются).

8. Помощь землянам без желания контактироваться (изменения в атмосфере, истребление новых вредных вирусов и т. д.).

Намерения пришельцев

а) Порабощение, или уничтожение, или эксплуатация.

б) Доведение до ума (миссионерство), навязывание своего мировоззрения.

в) Безразличные к человечеству действия (не воспринимают землян как разумных существ).

г) Цели, психологически чуждые человеку.

д) Биологическое переустройство человечества (и всей земной природы) как исправление ошибок земной биоэволюции (она рассматривается как вредное для космической цивилизации отклонение, грозящее в будущем и т. д.).

е) Уничтожение потенциального соперника в Космосе.

ж) Истребление человечества как цивилизации тупиковой и как соперника истинной цивилизации, не успевшей развиться на Земле (напр<имер>, спрутов).

з) Агрессия косвенная: уничтожение жизненно важных для человечества элементов земной природы (напр<имер>, хлорофилла, планктона, кислорода, чего-то неочевидного)

при равнодушии или даже благожелательном отношении к человечеству.

и) Действия с самыми дружескими, но не понятными землянам намерениями (напр<имер>, хватание людей и вырезание у них органа «пункт останова»).

к) Попытка исследовать человечество на разумность (социологические, биологические, психологические эксперименты над человечеством).

л) Земля — плацдарм войны двух инопланетных цивилизаций, равнодушных к землянам.

м) Правители Земли натравливают массы на пришельцев, в результате — лже-агрессия, война.

н) Занесение чужой инфекции (вирусов, квазиразумной жизни и т. д.).

о) Прибытие на Землю даже дружелюбных существ, физиология и техника которых вызывает панику у людей, доводящую до пальбы (люди начинают пальбу).

п) Выявление замаскированных пришельцев, обитающих на Земле с научными целями.

8.09.71

Сделали 3 стр. (3) 7

Но тут, когда я уже поднимался по лестнице, меня вдруг осенило, да так осенило, что я вернулся в раздевалку, сел и снова закурил. Получалось, что в Зону-то мне идти сегодня нельзя. И завтра тоже, и послезавтра. Получалось, что я опять у этих лягавых жаб на заметке, не забыли они меня, а если и забыли, то им кто-то напомнил. И неважно, кто.

Вечером сделали 4 стр. (7) 11

9.09.71

Сделали 7 стр. (14) 19

Вечером сделали 2 стр. (16) 21

10.09.71

Сделали 8 стр. (24) 29

Вечером сделали 3 стр. (27) 32

11.09.71

Сделали 10 стр. (37) 42

Вечером сделали 3 стр. (40) 45

«Ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать». Р. П. Уоррен (стр. 322)[1]

12.09.71

— Да заткнись ты… Что ты как баба! Смогу — вытащу. Дину мне твою жалко — на панель ведь пойдет.

— Дина… Деточка моя… Они ж у меня балованные. Отказа не знали. Пропадут. Артур. Арчи. Ты ведь его знаешь, Рыжий. Где ты еще таких видел.

— Сказано тебе: смогу — вытащу.

Сделали 9 стр. (49) 53

Вечером сделали 3 стр. (52) 56

13.09.71

Он остановился перед гаражом, а когда вышел из машины, увидел управляющего, который шел к нему со стороны скверика. Как всегда, управляющий был не в духе, помятое личико с запухшими глазами выражало крайнюю брезгливость, словно не по земле он шел, а по навозной жиже.

— Доброе утро,— сказал ему Рэдрик вежливо.

Управляющий, остановившись в двух шагах, ткнул большим пальцем через плечо.

— Это ваша работа? — невнятно спросил он. Видно было, что это его первые слова со вчерашнего дня.

— Вы о чем?

— Качели эти… Вы делали?

— Я.

— Для чего?

Рэдрик, не ответив, подошел к воротам гаража и принялся отпирать замок. Управляющий последовал за ним и остановился за спиной.

— Я спрашиваю, для чего вы эти качели поставили? Кто вас просил?

— Дочка попросила,— сказал Рэдрик очень спокойно. Он откатил ворота.

[1] В такой редакции («…не из чего сделать») фраза печаталась только в самом первом издании: Уоррен Р. П. Вся королевская рать.— М.: Мол. гвардия, 1968.— С. 321–322.

— Я вас не про дочку спрашиваю,— управляющий повысил голос.— О дочке разговор особый. Я вас спрашиваю, кто вам разрешил? Кто вам, собственно, позволил в сквере распоряжаться…

Рэдрик повернулся к нему и некоторое время стоял неподвижно, пристально глядя в бледную, с прожилочками переносицу. Управляющий отступил на шаг и сказал тоном ниже:

— И балкон вы не перекрашиваете. Сколько раз я вам…

— Напрасно стараетесь,— сказал Рэдрик.— Все равно я отсюда не съеду…

Он вернулся в машину и включил двигатель. Положив руки на рулевое колесо, он мельком заметил, как побелели костяшки пальцев. И высунулся из машины и, уже больше не сдерживаясь, сказал:

— Но уж если мне придется все-таки съехать, сволочь, тогда — молись…

Сделали 7 стр. (59) 65
Вечером сделали 3 стр. (62) 68
14.09.71
Сделали 8 стр. (70) 77
Вечером сделали 3 стр. (73) 80
15.09.71
Сделали 6 стр. (79) 87

Предлагаем заявку на сценарий полнометражного научно-публицистического фильма-проблемы «Встреча миров» (название условное). Тема фильма — один из аспектов проблемы контакта земного человечества с инопланетными цивилизациями.

Бурный научно-технический прогресс последних десятилетий привел к тому, что целый ряд вопросов, еще недавно казавшихся чрезвычайно далекими от человеческой практики, встал буквально на повестку дня. В частности, благодаря бешеному развитию электроники, радиотехники и лазерной техники успешно решаются задачи сверхдальней космической связи, а это означает, что технически человечество уже сегодня способно дать знать о себе гипотетическим разумным

жителям далеких миров, равно как и принять и попытаться расшифровать сигналы иного разума. В последние годы вопрос о контакте с инопланетными цивилизациями оживленно дебатируется уже не только в фантастических произведениях и философских эссе, но и в серьезных научных статьях, на международных конференциях, специально этому вопросу посвященных, в выступлениях крупных специалистов по радиоастрономии, биологии, математике, лингвистике, психологии и социологии. Только что в Бюракане (Армения) закончилось международное совещание, посвященное проблематике контакта.

Эта проблематика имеет много аспектов. Сама проблема внеземной жизни во Вселенной: существует ли она вообще; каковы ее возможные формы; каковы пути ее эволюции; каковы условия возникновения разумной жизни; возможные формы прогресса этой разумной жизни — от самых примитивных до сверхцивилизаций. Проблема связи с иными цивилизациями во Вселенной: возможность межзвездных перелетов; техника поиска чужих сигналов и передачи своих; методика кодирования и расшифровки своей и чужой информации; и т. д. и т. п.

Нас более всего интересует аспект философско-социологический: как будут развиваться отношения между человечеством и инопланетной цивилизацией, коль скоро контакт будет достигнут. Каковы возможные пути развития контакта? Каковы вероятные последствия контакта для земного человечества, для его науки и техники, для массовой психологии, для истории вообще? Какие конкретные формы может принять контакт в зависимости от уровня развития биологии, психологии, социального устройства конкретных носителей иного разума? Наконец, какие цели может преследовать земное человечество, добиваясь контакта?

Точка зрения крайних оптимистов сводится к тому, что Разум един. Разумные существа с разных концов Гал<акти>ки всегда найдут друг друга, цели их одинаковы — бесконечное изучение и покорение бесконечной Вселенной, а потому контакт приведет с неизбежностью к обмену информацией,

взаимопомощи, взаимному ускорению прогресса разных миров. Даже встретившись со Сверхцивилизацией, далеко обогнавшей человечество на пути прогресса (а сейчас, пока проблема межзвездных перелетов на Земле не решена, речь может идти только о таком партнере), земляне только выиграют во всех отношениях — человечество совершит огромный технологический скачок, само выйдет в межзвездные просторы и окажется способным, может быть, даже разрешить свои социально-политические противоречия сегодняшнего дня. Вывод: контакт в высшей степени желателен, человечество уже теперь должно активно посылать сигналы в Космос, заявляя о своем существовании и стремлении войти в контакт.

Крайние пессимисты, напротив, исходят из идеи принципиальной агрессивности разума и, ссылаясь на исторические примеры беспощадного угнетения отсталых народов на Земле более развитыми, рассматривают контакт в терминах колонизации, угнетения, эксплуатации. С точки зрения крайних пессимистов контакт человечества со сверхцивилизацией — это трагедия безнадежного бесперспективного сопротивления, гибели земной цивилизации и низведения человечества до уровня рабочих животных, а может быть, и мясного скота. Вывод: контакт в высшей степени нежелателен, все попытки заявить о своем существовании — преступны, по крайней мере до тех пор, пока земная цивилизация сама не выйдет на галактические просторы и не превратится в партнера, равного по своей мощи сверхцивилизации.

Очевидно, разумный подход к проблеме контакта находится где-то посередине. Фильм мыслится нам как столкновение этих крайних точек зрения и поиска оптимальных решений. Хотелось бы рассмотреть разнообразные мыслимые условия контакта — контакт с гуманоидными цивилизациями, т. е. с существами, хотя бы внешне похожими на людей, и контакт с разумными существами иной биологической и биохимической организации; контакт с существами, близкими человеку по своей психологии, и с Разумом, для которого человеческая психология так же чужда, как для нас психология, скажем, спрутов. Контакт с цивилизацией, цели которой совпадают

с целями человечества,— покорение природы, экспансия в космос и микромир, непрерывное совершенствование своих социально-политических характеристик,— и контакт с Разумом, эволюция которого сильно отличались от человеческой, например — с биологической цивилизацией, в основе которой лежит не технологический прогресс, а расширение в первую очередь биологических и этологических знаний, не покорение природы, а так сказать, слияние с нею, поиски и использование ее скрытых резервов, непрерывное совершенствование биологических характеристик носителя Разума. И т. д.

Фильм мыслится как органическое сочетание художественных, публицистических и познавательных элементов с широким использованием как игровых эпизодов (в том числе кадров советской и зарубежной кинофантастики), так и мультипликации, комбинированной съемки и документального материала.

Сценарий может быть представлен через шесть месяцев после заключения договора.

Насколько нам известно, фильмов на такую тему ни в советской, ни в мировой кинематографии еще не было, а между тем интерес широких масс зрителей ко всем упомянутым проблемам необычайно велик. Нам кажется несомненным, что в случае удачи такой фильм должен неизбежно выйти на мировой экран.

16.09.71

Написали заявку на науч-поп фильм.

Сделали киноминиатюры «За успех!» и «Дьявольская шкатулка».

17.09.71

Сделали киноминиатюру «За проходной».

18.09.71

Придумали сюжет для телефильма «Выбор пал на Рыбкина».

19.09.71

Уехали к маме.

20.09.71

Арк уехал в Москву.

В Москве АНа ожидало письмо от редактора Чибурчиу — вполне официальное, на бланке киностудии.

Из архива. Письмо АНС с киностудии «Молдова-филм», 16 сентября 1971

Уважаемый тов. Стругацкий А. Н.!

По поручению руководства киностудии сообщаю Вам, что Ваша просьба о продлении срока представления первого варианта литературного сценария «Трижды смертник» до 1 ноября с. г. удовлетворена.

Во время работы над сценарием просим внимательно изучить заключения коллегии от 9 февраля с. г. и 2 июня с. г., а также текст Вашей заявки от 3 февраля с. г. и придерживаться их.

Также просим по-государственному относиться к материалам, касающимся биографии П. Ткаченко, в частности, и к тем, которые были любезно представлены Вам редактором.

К тому или иному факту, к той или иной схеме Вы должны подойти творчески, как художник, который уже имеет определенную эстетическую концепцию в обработке сырого жизненного материала. Кропотливая работа с фактами, умение художественно переработать частный факт и дать ему звучание глубокого обобщения избавляет любого талантливого автора от серости и скуки.

Вторично предлагаем выехать в Кишинев и изучить отдельные архивные материалы, которые не были и в скором будущем не будут опубликованы. Также можно будет Вам встретиться лично с женой П. Ткаченко, которая переезжает из Черновиц в Кишинев.

С уважением, редактор В. Чибурчиу

Письмо Аркадия брату, 23 сентября 1971, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Заявки и сюжеты передал по назначению.

2. Получил из Лендетгиза 312 руб. Полагаю, это по одобрению «Малыша».

3. Зашел ко мне Лех Енчмык, зав. отделом славянских литератур издательства «Искра» в Варшаве. Хорошо поговорили. У них готовится в одном томе ТББ и ВНМ, переводят СоТ и жаждут издать УнС. Обещал немедленно выслать два экза ОО. Пошлет нам вызов в Иностранную комиссию, копию мне.

4. Телеграмму мою ты, конечно, получил. Несколько дней после возвращения из Гагр позарез мне необходимы, чтобы провести переговоры и, возможно, заключить все-таки договор с Мультфильмом. Наши друзья подняли там большую волну и надеются добиться договора, не дожидаясь января.

5. В ЦДЛ столкнулся я с одним сотрудником «Юности», который на бегу поздоровался и крикнул, что уже дал в ЛГ интервью о планах «Юности» в 1972 году, куда включена и новая повесть Стругацких. Я так и остался с разинутым ртом. Это надобно обмозговать.

6. Рюрикова нет в городе. Вообще все в отпусках. Буду звонить ему по возвращении из Гагр.

Вот, кажется, и все.

Целую, жму, твой [подпись]

Привет Адке и Росшеперу.

В сентябре начинается переписка БНа с Борисом Штерном, приславшим рукопись.

Из архива Штерна.
Письмо БНа Штерну, 24 сентября 1971

Уважаемый Борис Гедальевич!

Роман Ваш я получил и прочитал. Надо сказать, Вы меня приятно удивили. То, что обычно присылают начинающие нашему брату-писателю, как правило, не лезет ни в какие ворота. Я же от Вашего романа, как Вы и надеялись, получил «несколько приятных минут».

У Вас несомненно есть способности. Роман в общем получился. Не знаю, какую Вы ставили перед собою цель, но то, что вышло из-под Вашего пера, — очень милая вещица для

среднего и старшего школьного возраста, да и взрослый прочтет ее не без приятности. Написано живо, энергично, легко, весело, и если снять с романа тонкий, но явственный налет этакой разухабистости, переходящей в пошловатость, убрать стилистические огрехи, вычеркнуть бородатые анекдоты, ввести почти на всех страницах сухой закон (за исключением тех мест, где выпивка обоснована требованиями сюжета), а также привести употребление глагола «класть» в соответствие с нормами русского литературного языка (у Вас везде — «ложу», «ложить» и т. д.) — в этом случае я лично готов бы был походатайствовать в каком-нибудь издательстве за Ваш роман. В своем нынешнем состоянии он представляет собою некую заготовку, чушку, так сказать необработанный и нешлифованный алмаз, и работа над ним предстоит еще немалая.

Так что поздравляю Вас с открытием у Вас литературных способностей, рекомендую Вам не бросать литературу, пробовать еще и еще. Сейчас у меня, к сожалению, совсем нет времени для подробного анализа Ваших огрехов, и я смутно представляю себе, когда это время появится. Попробуйте отнести Ваше детище в какое-нибудь издательство в Одессе. Вам наверняка откажут, но добросовестный редактор, буде такой найдется, должен был бы мотивировать причины отказа и ткнуть Вас носом в недоделки. Это могло бы пойти на пользу и Вам и Вашему роману.

С самыми добрыми пожеланиями, Ваш [подпись]

Письмо Аркадия брату, 28 сентября 1971[1], Гагра — Л.

Дорогой Борик!

Мы в Гагре, купаемся, загораем, я работаю и т. д.

1. К тебе, вероятно, уже заходили люди со студии Довженко. Что скажешь? Если ты согласен, пиши им заявку-либретто и отправляй. Все-таки аванс, да и впервые так — режиссер и директор, предварительно договорившись со студией, сами идут на поклон. Неужто не сделаем? Ведь сделаем, товарищи! Вот только когда?

[1] Датировка составителей.

2. Перед самым отъездом зашел в ЦДЛ и натолкнулся на Полевого. Он взял меня за руку и строго сказал: «Мы вас рекламируем. Давайте вещь». Я нагло ответил: «Мы-то дадим, а вот возьмете ли вы?» На этом разговор закончился. Я не успел больше ни слова сказать, его уже увлекли. Забавная ситуация. Я тут пораскинул умом и подумал: может, дать небольшую повестушку на основе спрута Спиридона, листов этак на 3–4? Что-нибудь либо о суде над кашалотами, либо о дипломатии, все с героями ПНвС. Написать заявку, подать в «Юность» с листом отрывка и потребовать договор с обязательством представить повесть, скажем, к 1 мая. А? А можно и начхать — обычный ход: Борис в Л-де поспешил заключить предложенный договор, повести вам не будет.

3. Вчера закончил и отправил в студию «Жаворонок» заявку на пьесу «Человек спускается в преисподнюю» (назв. условное) на 5 страницах. Это дело решится, я думаю, к концу октября.

4. Наши люди в Мультфильме предупредили меня, что будут выбивать нам с тобой договор, и если это не удастся — нам нужно будет притвориться сердитыми (здесь, собственно, и притворяться нечего) и через этих же людей сообщить, что с этой студией мы, видимо, не сработаемся.

Такие дела.

Обнимаю, жму. Твой [подпись]

Привет Адке, поцелуй маму. Я ей на днях напишу пару строк.

Да, получил 312 руб. Полагаю, по одобрению «Малыша» в Детгизе? Или я тебе уже писал об этом?

Письмо Бориса брату, 3 октября 1971, Л.— Гагра

Дорогой Аркашенька!

1. Люди из Довженки у меня были. Т. е. это я был у них. Поговорили. Должен тебе сказать, они произвели на меня благоприятное впечатление. Парень, правда, по-моему, звезд с неба не хватает и шедевра он не создаст, но разве в этом дело? В общем, я договорился, что до 1 ноября мы пришлем

им заявку-либретто, а они организуют договорчик с соответствующим авансом. А там видно будет. Правда, я ожидал, что некую болванку либретто ты мне пришлешь в своем письме (в этом смысле мне говорил довженковец), но, видно, придется сочинять самому, а как — не вполне ясно. Вообще, это будет нелегкий труд — написать сценарий по ПНвС. Это тебе не ТББ. Сюжета нет. Действия практически нет. Одни разговоры. Так что думай и высылай соображения. Я подожду писать либретто до получения от тебя хоть каких-нибудь идей, хоть плохих — чтобы от них отталкиваться.

2. Поведение Полевого любопытно. Оно тем более любопытно, что Саша посоветовал Попову написать в «Литературку», что «Нева» намеревается печатать в 72 году Стругацких, и Попов согласился. Посмотрим, посмотрим, что там появится в «Литературке»! А насчет Полевого знаешь, что я предлагаю? Сунь им ГЛ! Чем мы в конце концов рискуем? Может, хоть какой-нибудь «журнальный» вариант да пройдет. Ну а если не пройдет, тогда можно будет дать заявку и на Спиридона. Если они откажутся от ГЛ, мы получим, во-первых, некоторое моральное преимущество, необходимое для выбития авансового договора («Как же можно иметь с вами дело без договора? Вот мы вам дали ГЛ без договора, а вы не принимаете! Как же мы будем писать Спиридона без договора? Мы напишем, а вы опять не примете. Вся работа коту под хвост…»), а во-вторых, у нас будет время в конце октября поподробнее обсудить вариант со Спиридоном, а то я ничего определенного себе не представляю. А в-третьих — вдруг ГЛ все-таки пройдет? Ведь у них тираж падает, дела у них неважнецкие, а то бы они к нам хрен бы обратились. А тут повесть о загнивании буржуазной морали, о том, как капитализм будущее губит. То, сё. Ей-богу, стоит попробовать.

3. С «Авророй» у нас теперь любовь до гроба. Есть уже реклама ПнО. Уже развивается фантасмагорическая идея: повесть Стругацких — ежегодно. Уже я выступал в рекламной встрече «Авроры» с читателями, как «наш автор, популярный прозаик БОРИС СТРУГАЦКИЙ!» (аплодисменты; все встают; художники «Авроры» быстро-быстро рисуют

с меня саржи[1]). В общем, деньги за ПнО уже прислали — порядка 250 (а те 300 с лишним — это из Лендетгиза, за М), деньги за М из «Авроры» начнут поступать с начала ноября (оказывается, М печатается-таки в четырех номерах, а у них правило — платить остатние 40 % только после того, как «окупились» 60 %), три экза номера 9 я тебе раздобыл, и вообще мне сказали, что ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ «АВРОРЫ» номера ее были раскуплены в Ленинграде целиком (номера 8 и 9), так что понятно, почему нас там так вдруг полюбили.

4. М в Лендетгизе проходит пока нормально. Рукопись у художника. Художник — Рубинштейн. Не знаю такого.

5. Беседовал с Дмитревским и Брандисом. Главу из ПнО представлю им в ближайшие дни (сейчас — в перепечатке), вопрос о напечатании ПнО целиком пока не поднимал — жду удобного момента. Сам Дмитревский не предлагает, видимо, все-таки побаивается — целиком-то рукописи не читал. Совещание по фантастике временно откладывается, но Дмитревский очень хочет его провести (под своей эгидой), так что, может быть, оно и состоится.

6. Звонил в Литфонд, попросил отложить нам путевку на 28 октября.

7. Что это за «Человек спускается в преисподнюю»? Не помню такого.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Жду письма с соображениями по сценарию ПНвС.

Письмо Аркадия брату, 6 октября 1971, Гагра — Л.

В Киевскую киностудию им. Довженко
от А. Стругацкого и Б. Стругацкого

ЗАЯВКА

Предлагаем заявку на полнометражный киносценарий по мотивам нашей повести-сказки «Понедельник начинается в субботу».

[1] Цитата из сценки А. Райкина: «Режьте меня на куски, кушайте меня с маслом, делайте на меня саржи».

Насколько нам известно, прием включения сказочных (фантастических) элементов в сюжеты на современные темы неоднократно использовался как в советской, так и в мировой кинематографии. Достоинства такого приема налицо. Во-первых, кинопроизведение с элементами сказки (фантастики) приобретает более широкий обобщающий смысл, нежели ленты чисто реалистические (это, кстати, следует и из основополагающих постулатов современного литературоведения фантастики). Во-вторых, включение сказочных (фантастических) элементов усиливает эмоциональное звучание фильма — придает ему в зависимости от замысла режиссера и сценариста более мощное юмористическое или трагическое звучание. В-третьих, как это явствует из элементарной статистики зрительских мнений, фильмы со сказочными (фантастическими) сюжетами в среднем менее скучны, нежели реалистические. Наконец, есть еще одна сторона вопроса, в которой кровно заинтересованы создатели фильма: введение сказочного (фантастического) элемента зачастую позволяет им не задерживать внимание зрителей на подробностях, которые в общем не имеют никакого значения для развития действия, но в реалистическом плане необходимы для понимания исходной ситуации сюжета. Пример: уэллсовский обыватель получает дар творить чудеса без всяких ссылок на телекинез и полтергейство, которые к замыслу автора никакого отношения не имеют, но потребовали бы длинных и скучных разъяснений.

Повесть-сказка «Понедельник начинается в субботу» создана на основе указанных принципов. Конкретное содержание современной науки в данном случае нас не интересовало — интересовало нас лицо современного научного сотрудника. Сказочный гротеск позволил нам объединить бесчисленные и сложнейшие разделы физики, химии, биологии в единую «науку» чародейства и волшебства, интуитивно понятную любому читателю и не требующую никаких реалистических обоснований. Это дало нам возможность сосредоточить все внимание на личностях в науке, на выявлении их типических черт, на определении их стремлений и интересов.

Юмористические ситуации возникали сами собой — это определялось самим характером взаимодействия между «типичными представителями» героев нашего времени. (Заметим, что если бы нашей задачей было бы, скажем, определение места и роли науки в истории новейшего времени, эмоциональная сторона этой сказки звучала бы совсем иначе.) Наконец, практика показала, что повесть имела большой успех у самой широкой читательской аудитории. Нам представляется (и мы знаем достаточно тому подтверждений), что, несмотря на явные различия в методологии искусства и литературы, указанные принципы имеют настолько общий характер, что являются для кино и литературы одинаково характерными.

Как и повесть, сценарий мыслится нам в трех тесно связанных друг с другом сюжетах. Содержание первого сюжета и второго сюжета строится на основе первых двух новелл повести — «Суета вокруг дивана» и «Суета сует». С третьим сюжетом дело обстоит иначе, но об этом ниже.

Итак, молодой научный работник Саша Привалов, программист ЭВМ, совершает туристический вояж (в повести это вояж по русскому Северу, в кино это может быть любым районом, скажем, Украины). По пути он встречается с сотрудниками НИИЧАВО (Научно-исследовательского института чародейства и волшебства) молодыми магами Романом Ойрой и Эдиком Амперяном. Институту позарез нужен квалифицированный программист, и маги решают переманить Сашу к себе. В городе Соловце, где расположен Институт, они помещают Сашу на ночлег в Избу на Курьих Ногах (памятник соловецкой старины и музей НИИЧАВО). Далее следуют (см. повесть): знакомство со старой колдуньей Наиной Киевной, смотрительницей Избы; таинственная попытка украсть диван, на котором расположился Саша (диван является волшебным устройством для превращения действительности реальной в действительность сказочную); знакомство с котом Василием — певцом и сказочником; знакомство с говорящей щукой; приключение с неразменным пятаком; кража дивана и интервью со старыми магами Кристобалем

Хунтой и Федором Симеоновичем, а также с опустившимся магом, пьяницей и бездельником Хомой Брутом; столкновение с похитителем дивана молодым магом Витькой Корнеевым; наконец, приключение с зам. директора по хоз. части Модестом Матвеевичем и с проходимцем и очковтирателем профессором Выбегаллой. Заинтригованный и пораженный всем увиденным, Саша дает согласие поступить в НИИЧАВО.

Второй сюжет открывается сценами в Институте в канун Нового года. Маги неохотно оставляют дела и, понукаемые Модестом Матвеевичем, покидают лаборатории; вывешивается новогодняя стенгазета с эпиграммами в адрес Хомы Брута; Саша назначается дежурным по Институту, и тут выясняется, что как раз ночью должен завершиться очередной зверский эксперимент Выбегаллы по созданию модели «желудочно удовлетворенного человека» (опять же см. повесть). Выбегалло оставляет для наблюдения за ходом эксперимента свою лаборантку Стеллочку и удаляется пить водку. Стеллочка до смерти боится исхода этой истории и остается с Сашей (лирическая линия). Между тем институт пустеет, Саша заболтался с хорошенькой ведьмой, а когда спохватился около полуночи, то обнаружил, что вопреки строгому запрету Модеста Матвеевича все сотрудники оставили праздничные столы и вернулись на работу: для истинного мага «понедельник начинается в субботу». Далее следует: модель «желудочного вурдалака» появляется на свет и начинает дико жрать; молодые маги пытаются нейтрализовать ее, но не могут — оказывается, ее построили для Выбегаллы, под давлением его шантажа и вымогательств, старые маги, а запрограммировал сам Саша; Выбегалло является в лабораторию в сопровождении двух ретивых журналистов и разводит демагогию относительно бессмертной ценности своего открытия; Федор Симеонович и Хунта пытаются образумить Выбегаллу, указывая на опасность, которая грозит Институту со стороны модели пожирателя; надвигается катастрофа, но Роман Ойра спасает положение, уничтожив модель бутылкой с заключенным в ней джинном. (Как эпизод, здесь будет

дан образ старательного ученого-неудачника, изобретателя брюк-невидимок: брюки то делают невидимыми только те части тела, которые прикрывают, то делаются сами невидимы к великому смущению окружающих.)

Третий сюжет предстоит написать заново, соответствий ему в повести нет. Смысл его сводится к следующему. Магам — настоящим ученым всегда не хватает времени, между тем как существует масса бездельников, у которых свободного времени в избытке, и они тратят его черт знает на что. Корнеев, Роман и Эдик с помощью Саши и пресловутого дивана разрабатывают способ изъятия времени у тех, кому оно не нужно, и передачи его тем, кто в нем нуждается. Первый опыт проводится на бездельнике и пьянице Хоме Бруте и его собутыльнике Х. М. Вие. Затем отбирается время от Выбегаллы, который занят бессмысленной возней с павианами. Успех полный, старые маги благосклонно аплодируют. Но что-то осталось в осадке, молодые маги испытывают чувство неудовлетворенности. Федор Симеонович указывает им, в чем дело: необходимо добиться того, чтобы не осталось в мире ни одного человека, которому бы хватало и не нужно было бы время. Это задача много сложнее, но ее нужно выполнить. Гром фанфар, маги светлеют и принимаются за дело. Конец.

Соответственно, сценарий может быть представлен через … месяца после заключения договора, подписи.

Дорогой Борик!

Письмо твое получил. Посылаю прикидку заявки-либретто. Исправь, подумай, попробуй поподробнее развернуть третий сюжет (если ты его считаешь подходящим, конечно). Затем напечатай в двух экзах, один подпиши и вышли Ивченке, а один спрячь в архив. Я не думаю, что сценарий будет писать так уж затруднительно. Разговоры — да, имеют место, но и не без действия, а главное — необычность антуража: Стеллочка на метле с велосипедным сидением, пылесос как дальнейшее развитие идеи летательных аппаратов и так дал<ее>.

Идея сунуть Полевому ГЛ мне приходила в голову, но я отмел ее как недостаточно безумную[1]. Что ж, если ты так считаешь, то я сделаю. Только нужно изменить название. ГЛ — очень уж одиозно. Пожалуй, возьмем что-либо вроде «Прекращение дождя» или «Когда перестал дождь». Вышли свои соображения по названию.

«Человек спускается в преисподнюю» — это я дал такое название (условн.) в заявке для театра-студии «Жаворонок» по ТББ и ОО. Пьеса. Помнишь?

Обнимаю, жму. Твой Арк.

Привет Адке, поцелуй Маму. Росшеперу тоже привет.

Письмо Бориса брату, 11 октября 1971, Л.— Гагра

Дорогой Аркашенька!

Письмо твое получил. Заявку только что отбарабанил и пошлю — сегодня или завтра. Между прочим, они уже звонили из Киева, спрашивали, как дела. Я их успокоил.

Вместо ГЛ я предлагаю названия: «Год Воды», «Время ковчега»; «Сделай себе ковчег из дерева гофер» (это слова Бога — Ною); «Сорок дней и сорок ночей» (время излития дождя накануне потопа); «Время дождя». А вообще, наверное, неважно, какое будет название — если они примут, придумаем. Но хорошо бы его связать с Великим Потопом — так сказать, Великий Потоп коммунизма на одряхлевшего Ноя капиталистической идеологии. Давай, Аркаша, давай! Вдруг проскочит! Когда будешь вручать рукопись, вскользь заметь, что ее же мы намерены дать в «Неву». Это тем более будет уместно, что в «ЛитГаз» от 6.10 есть статья Попова о планах «Невы» — там мы упомянуты среди Гора и Шалимова.

Я тут отпечатал и отдал Брандису главу из ПнО. Поговорили. По-моему, Брандис сомневается в успешном исходе дела. Ну и черт с ним.

Лешкин фильм без малого зарубили в обкоме. Заставляют переделывать, но он бодр и все время напряженно думает

[1] Отсылка к фразе, приписываемой Н. Бору: «Ваша теория, конечно, безумна. Весь вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы оказаться верной».

о ТББ. Куда же все-таки делся экз последнего варианта сценария? У тебя точно нет?

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Откуда у тебя там машинка? Неужели ташшил?

Письмо Аркадия брату, 16 октября 1971, Гагра — Л.

Дорогой Борик!

Получил твое письмо.

С ГЛ поступлю, как условлено. Какое-нибудь название поставлю.

У меня новостей, сам понимаешь, нуль целых.

Машинку я, естественно, не ташшил. Кэль идэ?[1] Это машинка Коржавина.

Познакомился тут с Лиходеевым. Он нас любит и, по-моему, слегка завидует. Между прочим, в прошлом году в «Детгизе» вышла его книжка «Звезда с неба»[2]. Я прочитал главку — мне понравилось. Если достанешь, прочти.

Должен быть в Москве во второй половине дня 20-го.

Разузнаю новости и тотчас отпишу.

Целую, твой [подпись]

Привет Адке, поцелуй маму.

Рабочий дневник АБС

28.10.71

Прибыли в Комарово. Ком<наты> 35, 37.

Сделали 3 стр. (82) 89

Сюжет «Странные события на рифе Октопус».

Кракен, прожил 30 тыс. лет, последний своего вида, умирает. Яйца, отложенные лет 100 назад, разовьются после его смерти, пока их обслуживают осьминоги, но после смерти Кракена они разбегутся. Кракен ищет контакта с людьми — в надежде, что они вырастят кракенят.

[1] Что за <странная> идея? (*франц.*)

[2] Лиходеев Л. Звезда с неба.— М.: Дет. лит., 1969.

Попытки вступить в контакт только через телепатическое воздействие, и они чреваты страшной опасностью для людей.

Идея: гибнут пять человек. История каждого — часть истины. Вместе истина в повести не собирается, предоставляется читателю.

На рифе осел чудик-миллионер, строит замок, океанарий, радиотелескоп и пр.

Все подозрения — на пришельцев.

Миллионер погиб при таинственных обстоятельствах. Слуги разбежались. Остался полоумный калека-слуга: японец? русский?

Сыщики: сначала частный, затем гос<ударственная> комиссия.

29.10.71

Сделали 9 стр. (91) 99

Вечером сделали 2 стр. (93) 101

И вдруг, вроде бы ни с того ни с сего, он ощутил отчаяние. Все было бесполезно. Все было зря. Боже мой, подумал он. Ведь ничего же у нас не получится. Не удержать, не остановить. Никаких сил не хватит удержать в горшке эту квашню, подумал он с ужасом. Не потому что мы плохо работаем. Не потому что они хитрее и ловчее нас. Просто мир такой. Человек такой. Не было бы Посещения — было бы что-нибудь другое. Свинья грязи найдет.

30.10.71

Сделали 9 стр. (102) 111

Вечером сделали 3 стр. (105) 114

Утверждаю, что к октябрю (30 окт.) 1976 года не запустит и даже не построит Шахбазян никакого баллона, о котором стоило бы говорить, а в том поставит мне Адка бутылку хорошего коньяка.

[подпись АНС]

31.10.71

Сделали 10 стр. (115) 124

Вечером сделали 1 стр. (116) 126

1.11.71

Сделали 10 стр. (126) 136

Вечером сделали 2 стр. (128) 138

2.11.71

Сделали 9 стр. (137) 148

Вечером сделали 2 стр. (139) 150

3.11.71

Сделали 9 стр. (159)

И ЗАКОНЧИЛИ НА 159 СТРАНИЦЕ.

4.11.71

Говорили о РО и внешней политике. Гуляли.

Средства общения Кракена: телепатия; акустика (на 1000 км); свет; химия (обоняние).

Типы взаимодействий:

Кракен — кракен

Кракен — слуги

Кракен — добыча

Кракен — опасность

[Все 4 пункта обведены справа фигурной скобкой с надписью: «направленное»]

Фон мозга — не направленное.

Гипотеза: разум = накопление опыта в течение тысяч лет (+ обучение).

5.11.71

Арк уехал в город. Б. писал письма.

6.11.71

Пьеса насчет menzura Zoili.

7.11.71

Болтали о том о сем. Читали Гранина.

8.11.71

Болтовня. Пьеса о совести.

9.11.71

Уехали к маме.

10.11.71

Написали письмо в Киев.

Арк уезжает в Москву.

Письмо Аркадия брату, 13 ноября 1971, М.— Л.

Дорогой Борик!

Делаю маленький отчет по нашей программе.

1. Звонил в Межкнигу. По ТББ Фомин ничего не знает, а что до остальных книг, то приехавшие оттуда сотрудники привезли такие сведения: УнС и еще какая-то книга, он запамятовал — какая, выйдут в начале 72-го года, остальные пойдут одна за другой с промежутками в 5–6 месяцев.

2. Рюриков, как я и подозревал, в издательстве давно не работает, придется идти просто с улицы. ПнО я сдал машинистке, когда получу и считаю — соберу сборник и понесу в СП-издательство.

3. «Мультфильм». Коротко — так: договор будут заключать в начале декабря, но наши друзья не совсем довольны, что договор этот — для работы на Хитрука. Ларин предлагает нам разделиться и одному заключить договор с Хитруком, а другому — с еще одним режиссером. И все авансовые, а? Как ты считаешь? Сейчас иду к Ларину уточнять подробности.

4. С «Жаворонком» смех и грех. Замреж, с которым я имел дело, Борис Наумович Лондон, разругался со студией и ушел от них. Поэтому ничего мне сказать не может. А других телефонов и имен у меня нет, затерялись где-то. Впрочем, Лондон заверил меня, что в репертуаре мы стоим прочно и что мне уже звонили и еще будут звонить.

5. Чесноков все еще не мог связаться с Михалковым, так что по «Фитилю» вопрос остается пока открытым.

6. Рытченков из Научпопфильма сказал мне, что заявка наша всем очень нравится и вопрос о договоре и разговор с начальством (мой) будет через 10–15 дней.

7. С Ниной Берковой насчет «Экипажа “Тахмасиба”» еще не говорил, она куда-то уехала.

8. ГЛ (он же «Время дождей») вручил при потешнейших обстоятельствах. Перед тем как идти на Маяковскую, куда переехала «Юность», зашел я в наш кабак пообедать. Стою,

смотрю, где есть место, и вдруг меня тянут за брючину. Гляжу — сидит за столиком Мэри Лазаревна Озерова, зав. отделом худлитературы в «Юности».

— Где обещанная рукопись?

— У меня. Я хотел поговорить с Полевым…

— Где она? У вас с собой?

— Да, но я хотел переговорить…

— Нечего вам переговаривать. Давайте сюда.

— Вот, пожалуйста, но мне нужно…

— Потом, потом. Вот прочитаем, тогда и будем разговаривать.

Так все и закончилось. Унесла она в хищном клюве ГЛ (ВД), пообещав позвонить.

9. Ну а что касается телевизионщиков, то здесь все ясно. Требуют готовый сценарий, хотя заявка им очень-очень. Я сказал — только через договор. Мнутся. Тогда я плюнул и решил сделать это заявкой на «Мультфильм» (дополнительной).

Вот всё.

Насчет Польши еще буду узнавать.

Жму, целую. Привет Адке, поцелуй маму.

Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 15 ноября 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Отвечаю, придерживаясь плана твоего письма.

1. Сегодня отослал письмо в «Марион фон Шрёдер ферлаг». Задал вопросы о литкритике и читательских отзывах; когда выйдет ОО?; что еще планируется и когда?; попросил извещать о переводах денег. Заодно написал и Дагану. Даган прислал письмо и сборник советской н-ф под названием «Вортекс», что, надо понимать, означает «Вихрь» или «Круговорот». В сборнике, как всегда, куча великих русских фантастов (Б. Смагин, А. Горбовский, А. Мирер), почти половину сборника занимает «причудливая новелла

хорошо известных советских ученых бр. Стр. “Зе секонд инвежн оф мартианс”»[1]. Даган пишет, что перевод на редкость плохой, плоский, а я посмотрел — вроде ничего. Стоит сборник полтора фунта. По’л? Если перевести на марочки — 30 ряб! Вступительная статья в сборнике — Громовой.

2. Читал ребятам ПнО. Понравилось. Было даже сказано, что это первая вещь Стругацких, где есть образ. А мне самому, знаешь ли, не очень показалось. Растянуто как-то. Сам я, конечно, палец о палец не ударю, но если предложат сокращать — буду сокращать (с твоего позволения) и даже с удовольствием.

3. Разделиться на предмет заключения двух договоров с «Мультф-мом» — готов. Только запиши на меня эту мультяшку с Рыбкиным. Я ее хорошо себе представляю и могу написать сам, без всяких режиссеров.

4. Толкай Чеснокова в зад. Чего он в самом деле? Пообещай пол-литра.

5. Интересно, что будет с ГЛ в Ю. Я тут беседовал с Сашей, он советует нести ГЛ прямо к Попову, минуя Корнева как препятствие несущественное. А ведь пожалуй. Только вот экз ты у меня забрал.

6. Беседовал с Дмитревским. Совещание таки будет, и таки в Ленинграде. Ориентировочно — в феврале-марте. Повестку составляют пока Дмитревский с Брандисом, но потом этим займется Верченко. Дмитревский сказал, что давеча было международное совещание фантастов в Венгрии. От СССР были Парнов, Кагарлицкий и Волков (или Владко?).

7. А Лихтенштейн мой накрылся. Горе мое, смешанное с радостью, образует взрывчатую смесь[2].

Ну вот, пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

---

[1] Strugatskii A., Strugatskii B. The second Martian invasion/Vortex: New Soviet science fiction.— London: MacGibbon & Kee, 1969.

[2] Гораздо позднее эта фраза планировалась для БМС. См. НС-4.

Письмо Аркадия брату, 24 ноября 1971, М.— Л.

Дорогой Борик!

Прости, задержался с ответом, хотел дождаться новостей.

1. Мультфильм тянет, хотя твердо обещают заключить договор до конца месяца.

2. От Довженки ни писем, ни денег.

3. Говорил я с Ниной Берковой. К моему великому изумлению и радости, она сразу подхватила нашу идею. Оказывается, она давно уже вставила нас в перспективный план без названия. Видимо, придется рассчитывать на 74–75 год. Пойдет «Экипаж “Тахмасиба”», всего листов на 30. От нас потребуется вставить туда еще небольшую новую повестушку — листиков на 6. В этот приезд мы с тобой напишем заявочку и отдадим Нине. По возвращении, перед самым Новым годом, я пойду к Марии Михайловне Калакуцкой, поднесу ей комплект «Авроры» с «Малышом» (вот где мне зарез из-за нехватки экзов!), а в январе Нина начнет (и, надо надеяться, закончит) кампанию по подготовке договора. Вот так.

4. Наши друзья организовали для нас благоприятное мнение в издательстве «Сов. Россия». Тамошний главный — фронтовой друг известного тебе поэта Марка Соболя, а Соболь нас любит. Соответственно, завтра меня ждет зав. поэтической редакции со сборником «Незапланированные (или как их там) встречи», возьмет меня за ручку и отведет к заву редакции прозы.

5. Из «Юности» пока ничего.

6. Мои друзья, а также родственники прочитали ПнО и очень одобряют. Ленка считает, что оснований для упреков в растянутости не видит. Все очень хорошо.

7. Не удивляйся, что в письме такой бардак со строчками. Это я сижу у Карякина и печатаю на его машинке, которую он в свое время уронил шрифтом вниз.

Вот пока всё. Жму, обнимаю, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу. Поцелуй мамочку.

30 ноября состоялось заседание на киностудии «Молдова-филм».

Из архива. Заключение коллегии по первому варианту сценария «Трижды смертник»

З А К Л Ю Ч Е Н И Е
сценарно-редакционной коллегии
киностудии «Молдова-филм»
по первому варианту литературного сценария
«Трижды смертник» А. Строганова (А. Стругацкого)

Обсудив на своем заседании от 30 ноября с. г. сценарий «Трижды смертник», в присутствии исторического консультанта кандидата исторических наук тов. Бобейко И. Т., сценарно-редакционная коллегия отмечает, что автор не учел абсолютно большинство замечаний коллегии, изложенных в заключении от 2 июня 1971 г. Автор не учел реальную классово-политическую обстановку того времени, не смог раскрыть даже минимально масштабность образа главного героя как активного, деятельного, преданного до конца делу революции борца, не показал его деятельность в тесном контакте с массами.

По воле автора главный герой — жертва сигуранцы, он больше наделен чертами анархиста или левого эсера, чем революционера-большевика.

Герой получился фразером, автор подменяет активное действие героя многословием и разглагольствованием о делах революционного подполья.

Основной недостаток сценария заключается в нехудожественном подходе к материалу эпохи, фронтальности и декларативности изложения, неправдоподобности драматургических ситуаций.

Фронтально и декларативно звучат политические акценты при определении деятельности главного героя (борьба за освобождение народа от румынско-боярского гнета, за воссоединение с Советской Родиной).

Встречаются серьезные исторические неточности как якобы установка Москвы о создании КП Румынии или об участии главного героя в создании двух компартий.

Есть грубые тактические просчеты главного героя по вопросам организационным и революционной практики. Не видна роль бессарабских большевиков в создании КПР, а всеобщая стачка кишиневских рабочих 7 июня 1920 г. дается автором как вооруженное восстание.

Социально-бытовой фон сценария страдает недостоверностью.

Исходя из сказанного, сценарно-редакционная коллегия не может принять художественно некачественный сценарий А. Строганова (А. Стругацкого) «Трижды смертник» и рекомендует дирекции студии расторгнуть договор, заключенный с ним 8 февраля с. г., а автору предложить вернуть полученный аванс, обусловленный п. 8-а договора.

Главный редактор сценарно-редакционной коллегии киностудии «Молдова-филм» М. Мельник

Редактор сценария В. Чибурчиу

В декабрьском номере журнала «Детская литература» опубликована несколько необычная рецензия на ОУПА.

Кантор В. [Рецензия]

Последнее время с именем Стругацких мы привыкли связывать философическую, или (как модно говорить) «интеллектуальную», линию нашей фантастики. Надо сказать, что «интеллектуальность» не мешала Стругацким писать увлекательно. И все же приключенческая повесть, детектив, пусть даже и мастерски сделанный, с тонким психологическим анализом, напряженной интригой, но только детектив, так сказать, развлекательная вещь в себе, был бы для их творчества неожиданностью.

Что же перед нами за повесть? Сюжет ее построен по всем, казалось бы, канонам детективного жанра. В отдаленном горном отеле собирается случайная компания незнакомых между

собой людей, и среди них инспектор полиции Петер Глебски, тоже приехавший отдыхать, у него отпуск. Инспектор — ведущий голос, от его лица, лица так называемого среднего человека с Запада, ведется повествование. Следовательно, все происходящее дано в его оценке, с его точки зрения. Это существенно важный момент для понимания повести. Происходит внезапное убийство. «Светловолосого викинга» Олафа Андварафорса находят в его номере со свернутой шеей. Начинается расследование, которое не дает никаких результатов, поскольку каждый раз возникают факты, непонятные нашему «евклидову рассудку». Хозяин отеля заводит разговоры о нечистой силе, о «зомби». Но инспектор Глебски, человек простой и честный, не желает верить в потусторонний мир. Наконец, когда перебраны все подозреваемые, читатель начинает уже кидать невольные взгляды на некоего господина Мозеса, самого антипатичного из постояльцев отеля, которого словно бы нарочно никто не подозревает. И когда читатель уже почти поверил в свою версию, потому что на сцене появляется неизвестный однорукий, который при помощи Мозеса пытается выкупить таинственный чемодан, найденный в комнате убитого,— события разворачиваются в совершенно неожиданную сторону. Один из обитателей отеля оказывается гангстером из шайки знаменитого Чемпиона, бывшего гауптштурмфюрера, правой руки сенатора Гольденвассера, из «бешеных». Но он не убивал Олафа. Он выслеживал здесь члена банды по прозвищу Вельзевул, который год пробыл с бандой, совершая самые головокружительные операции, а потом порвал с гангстерами и бежал. И выясняется, что Мозес-то и есть этот самый Вельзевул. Но мало того — он называет Олафа своим роботом, чемодан — аккумулятором, себя — космическим пришельцем, «наблюдателем», который случайно впутался в эту банду, «считая сенатора Гольденвассера вождем революционеров», а «Чемпиона героем, а он оказался организатором массовых избиений женщин и детей в десятке стран и инициатором политических убийств в этой стране».

Не вспоминаем ли мы невольно и сразу ситуации прежних романов Стругацких, где благородные герои — космические

наблюдатели тоже вмешивались в жизнь иных планет, стараясь, как и Мозес, никому не повредить, конечно. Но пришельцы эти, по воле авторов, прекрасно разбирались в строе жизни этих недоразвитых аборигенов. В новой повести мы видим действие не с точки зрения благородного героя, которому, как дону Румате из романа «Трудно быть богом», тяжело притворяться «наглым и подлым хамом голубых кровей», а с точки зрения среднего человека той, чужой для пришельца планеты. И точка зрения этого честного инспектора полиции выглядит весьма симпатично, когда говорит он: «Вы для пришельца из другого мира слишком уж похожи на негодяя, Мозес. На богатого, до предела обнаглевшего негодяя». Глебски не боится встать поперек пути Чемпиону. Он не может отпустить бывшего сподвижника Чемпиона и готов выдержать бой с самим Чемпионом, но не отдать Мозеса и ему. И хотя пришелец называет свой облик «скверной маской», уверяет, что «господин Мозес, которого вы видите, это скафандр. Господин Мозес, которого вы слышите,— это трансляционное устройство»,— мы понимаем и приобщаемся к психологическому состоянию инспектора. И хотя пришельцы погибают от руки гангстеров, даже жалея их, мы понимаем, что инспектор Глебски не мог поступить иначе. Маска сильного мира сего была выбрана космическим наблюдателем не случайно. Он пришел в чуждый ему мир именно как сильный, как благодетель. Неприятие сильной личности, возомнившей, что в ее силах и власти дать счастье всем другим и на этом основании вмешивающейся в жизнь этих других, принося таким вмешательством только несчастья,— вот, на наш взгляд, та идея, что оказалась скрепляющим центром новой повести Стругацких.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Для ГО — один из действ<ующих> лиц — Гитлер (Борман) — обыкновеннейший человечек, скука.

1.12.71

Прибыли в Комарово. Ком<наты> 25, 26.

2.12.71

1. Общий облик города под Гейгером. Мещанский рай, кибуц.

2. В научно-технической канцелярии Президента. Беседа с Гейгером. Гейгер об экспедиции на север, о творцах.

Одновременно Изя — директор гор<одского> архива.

3. Сельма зовет домой — дядя Юра приехал.

4. Вечеринка. Сосед Гитлер.

Идея элитизма, ее крах. Народ без собственных источников света.

Кибуцная жизнь: дети в отрядах, тупой энтузиазм, равенство — каждому по потребностям, за прихоти — голову долой.

3.12.71

Сделали 4 стр. (203) 4

Вечером сделали 2 стр. (205) 6

4.12.71

Сделали 6 стр. (211) 12

Вечером сделали 1 стр. (212) 13

Всем сильным мира сего! Я ненавижу ложь, но ваша правда еще хуже лжи. Вы превратили город в благоустроенный хлев, а граждан города — в сытых свиней. Я не хочу быть сытой свиньей, но я не хочу быть и свинопасом. А третьего в вашем мире не дано. В своей правоте вы самодовольны и бездарны, хотя когда-то вы были настоящими людьми. Среди вас есть мои бывшие друзья — к ним я обращаюсь в первую очередь. Слова не действуют на вас, и я подкрепляю их своей смертью. Может быть, вам станет стыдно, может быть — страшно, может быть — просто неуютно. Это все, на что мне остается надеяться. Господь да покарает вашу скуку![1] Это не мои слова, но я под ними подписываюсь. Денни Ли.

Милый Воронин, прощай. Я взорвусь сегодня в 13.00 на площади перед стеклянным домом. Можешь посмотреть, как это произойдет, но не надо мне мешать — будут лишние жертвы. Твой бывший друг и зав. отд. рекламы Дэнни[2].

[1] Л. Леонов, «Дорога на Океан», гл. «Утро»: «Бог да покарает вашу скуку!»

[2] Что примечательно: на одной странице, в одном тексте АБС используют написание имени зав. отдела рекламы как «Дэнни» и «Денни». Это же прослеживается и в черновике, и в некоторых изданиях.

5.12.71
Сделали 5 стр. (217) 18
Вечером сделали 2 стр. (219) 20
6.12.71
Сделали 6 стр. (225) 26
Вечером сделали 1 стр. (226) 27
7.12.71
Сделали 6 стр. (232) 33

Для д<яди> Юры:

По реке плывет топор с о<стро>ва Колгуева
И куда же ты плывешь, железяка …?

Что-то стали ножки зябнуть,
не пора ли нам дерябнуть?

Захмелиться, забалдеть.

Вечером сделали 1 стр. (233) 34
8.12.71
Сделали 7 стр. (240) 41
А. едет в город.
9.12.71
Сделали 6 стр. (246) 47
Вечером сделали 1 стр. (247) 48
10.12.71
Сделали 7 стр. (254) 55
11.12.71
Сделали 2 стр. (256) 57
12.12.71
Обрабатывали ГЛ (ВД).
13.12.71
Вернулись к маме.
Составляли заявку на сборник в Детгиз.

Письмо Бориса брату, 16 декабря 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Высылаю тебе документы без задержки.

Завтра несу в «Аврору» перепечатанный и считанный ПнО.

Новостей особых нет. В ГДР в январе выйдет ДР (я видел обложку и рисунки — г…; не везет ДР с рисунками); кроме того, там переводят сейчас ДоУ; ОО я тоже вручил.

Был на сберкнижке — денег ниоткуда нет.

Спрашивал у знакомых, берут ли у них 35 % при выдаче сертификатов — не берут; видимо, это только судьба нашего брата-писателя.

С Болгарией заключен договор, как с Венгрией. Не соберутся ли и там что-нибудь издать? Люблю левы.

Вот пока и всё. Крепко жму ногу,

твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Письмо Аркадия брату, 18 декабря 1971, М.— Л.

Дорогой Борик!

Пишу не в пятницу, как обещался, а наоборот в субботу. Не поспел в пятницу. Итак:

1. ГЛ (алиас[1] ВД) снесены в «Юность», соответствующие слова были сказаны, Озерова обещала сразу начать читать сама, а затем без промежуточных инстанций прямо дать Полевому с тем, чтобы я имел ответ к 10–12 января.

2. Как ты, вероятно, уже знаешь, аванса за ПНвС мы не получили. Это я выяснил вчера, разлетевшись в сберкассу, после чего удрученно отправился на почту и послал телеграмму следующего содержания: «Киев киностудия Довженко Борису Ивченко Аванса нет вынуждены прекратить работу Стругацкие». И работу я, натурально, прекратил, не успев начать. Будем ждать, что дальше.

3. Долго не мог дозвониться Ревичу, потом потерял терпение и позвонил к Биленкину. Все стало ясно: Ревичи переезжают

[1] Alias — здесь: под псевдонимом (*англ.*).

на новую квартиру и потому неуловимы. Биленкин все же сказал, что ПнО они все читали и всем очень понравилось, и что Ревич старается впихнуть его в НФ, только намерен просить нас убрать какие-то две страницы. Я попросил Биленкина передать через Чеховскую (они же оба в «Вокруг света»), чтобы Севка мне позвонил, но пока звонка нет. В «МолГв», естественно, я решил пока не идти.

4. Из «Сов. России» вести пока не очень утешительные. Туркина (гл. редактор) сейчас в Москве нет, будет он 20-го, рукопись нашу читают, но выяснилось вдруг, что их редакция худлитературы занимается по преимуществу (или даже полностью) переизданиями. Мне пока не советовали туда ходить, пока не будут проведены соответствующие переговоры.

5. К Нине пойду в понедельник.

6. В Иностранной комиссии еще не был, так что ни насчет Польши, ни насчет наших «Фитильных» дел пока ничего не знаю.

7. 16 декабря нами заключен договор с «Мультфильмом» на полнометражный 6-частевый фильм «Погоня в Космосе» на сумму 3000 рублей. Аванс обещают либо 23 декабря, либо 7 января. Срок исполнения — 15 июля.

8. Рытченков (моснаучпоп) еще не вернулся в Москву, ожидается 25-го, будет мне звонить.

9. Насчет сертификатов и доверенности буду выяснять, когда получу от тебя доверенность.

Всё. Жму и целую, твой Арк. Привет Адке, поцелуй маму.

АН не собирается оставлять так дело со сценарием для «Молдова-филм» и направляет на киностудию письмо, в котором излагает свое видение ситуации.

Из архива. Письмо АНа на киностудию «Молдова-филм», 20 декабря 1971

Уважаемые товарищи.

Я получил и внимательно изучил ваше «Заключение» по моему сценарию. Должен сказать, что оно повергло меня в некоторое недоумение. Не буду задерживать Ваше внимание

на частностях, замечу только, что положения «Заключения», касающиеся исторических фактов и содержащие политические оценки, представляются мне попросту неверными, а положения, оценивающие идейно-художественную сторону сценария, возможно, и справедливы, но изложены слишком неконкретно, чтобы можно было сказать о них что-либо определенное. Впрочем, я утверждаю и готов доказать, что мнение, будто «автор не учел абсолютно большинство замечаний коллегии», совершенно не обосновано. Как раз большинство замечаний, изложенных в «Заключении» от 2 июня 1971 года и конкретно расшифрованных в личном ко мне письме редактора сценария от 7 июня 1971 года, было мною учтено, хотя, на мой взгляд, это вело к ухудшению художественных качеств сценария.

Основная моя претензия к авторам «Заключения» состоит в следующем. Не исключено, что, определяя сценарий «Трижды смертник» как художественно некачественный, они действительно верят в это. Не исключено даже, что сценарий действительно не удался (хотя на этот счет есть и другие мнения). Работа по созданию образа профессионального революционера — дело чрезвычайно увлекательное и очень сложное. Мне кажется, что с этим делом — в первом приближении, во всяком случае — я справился, вам кажется — что нет. В конце концов, от творческих неудач не гарантирован ни один писатель в мире. Но поражает меня странный вывод, сделанный в «Заключении»: «автору предложить вернуть полученный аванс». В п. 9 договора нет ни одного условия, которое было бы мною нарушено; мало того, я внес в сценарий исправления и переделки, которые в сущности противоречили «Заключению» Студии по заявке от 9 февраля 1971 года. После такого вывода я, разумеется, не собираюсь настаивать на том, чтобы договор не расторгался, но я слишком много и усердно работал над сценарием и категорически отвергаю требование вернуть аванс.

С другой стороны, я пользуюсь случаем, чтобы заявить Студии еще одну претензию. Как вам известно, в феврале нынешнего 1971 года Студия пригласила меня в Кишинев

для коренной переработки сценария Гибу о секретаре райкома. Работа была мною выполнена и полностью одобрена Председателем комитета по кинематографии, одним из работников обкома, режиссером Борецким и редактором Чибурчиу. Рукописный черновик этой работы у меня сохранился. Вознаграждения за эту работу я так и не получил. В настоящий момент кончается финансовый год, и мне хотелось бы, чтобы Студия, наконец, отыскала средства для оплаты моей февральской работы (равно как и неоплаченной части моих расходов по пребыванию в Кишиневе).

С уважением,

А. Стругацкий.

Письмо Бориса брату, 20 декабря 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Что ж, новости не так уж и плохи; я бы сказал даже: совсем неплохи. Если с «СовРоссией» не выгорит, обратиться, может быть, все-таки к МолГв? Или в СовПис? Надо же пытаться пробить сборник. А раз уж СовРоссия занимается переизданиями, может, переиздадут что-нибудь? Скажем ПкБ+ТББ. Или, может быть, ХВВ?

ПнО я в прошлую пятницу свез в «Аврору». Будем ждать результатов.

Общался с Элеонорой Вайст. Она, в частности, рассказала, почему нас так туго издают в ГДР. Оказывается, опцион на все наши основные вещи захватило изд-во «Фольк унд Вельт» (или что-то вроде) — захватить-то захватило, но издавать боится. ДР недавно удалось вырвать, надеются вырвать ОО. Впрочем, все это не столь важно.

Вырезки мне прочли. Ничего интересного, обычная бодяга. Сравнивают с Лемом: Лем более абстрактен и интеллектуален, для избранных; ТББ — более доходчиво, более народно. Забавно рекламируют ОО: роман о супермене. Давеча звонил Смолян — его знакомый (наш большой поклонник) прислал ему вырезку из «Франкфуртер Альгемайне», рецензия на ТББ, которой у нас, видимо, нет.

Было бы очень хорошо, если бы ты послал какую-нибудь из лессовских фотографий этим немцам — у меня не осталось ни одного фото. Сопроводил бы письмом, что, мол, спасибо за информацию, рекомендуем читать наши последние повести в «Юности» и «Авроре» (с указанием номеров), были бы благодарны, если бы и впредь ваше изд-во пересылало нам вырезки, а равно сообщало обо всех гонорарах, переводимых на наше имя в Межкнигу. Адрес: <…>

Говорят, вышел 21-й том «Всемирной ф-ки». Привез бы.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Письмо Аркадия брату, 21 декабря 1971, М.— Л.

Дорогой Борик!

Письмо невзачет.

Твоя доверенность теперь не годится. Необходима заверенная нотариально.

Текст.

Внешпосылторгу
от Стругацкого
Бориса Натановича.

Доверенность

Настоящим доверяю своему брату и соавтору Стругацкому Аркадию Натановичу получать причитающиеся мне гонорары, поступающие на мое имя из зарубежных издательских организаций в течение трех лет.

Подпись, дата.

Нотариальное заверение подписи (печати и пр.)

Целую, жму, твой Арк.

P. S. Нынче звонили из Киева, переполошились. Сообщили, что фильм утвержден на 1972 год. Видал? Но я был тверд и сказал, что работу мы возобновим только через два дня после получения гонорара.

Письмо Бориса брату, 26 декабря 1971, Л.— М.

Дорогой Аркашенька!

Посылаю доверенность. Муки я с ней принял — нечеловеческие. Ну да ладно.

1. Деятельность твою в отношении Довженки одобряю. Так их, гадов!

2. Только что звонил Дмитревскому. Он получил, по его словам, ПнО только вчера и успел прочесть только первую половину. Пока доволен, хотя и имеет замечания по лексикону Рэда. Завтра-послезавтра обещал закончить, написать отзыв и прочитать его мне.

3. Сейчас звонил Юрка Манин. Потрепались с ним по телефону с полчаса. Он грустный и все время вздыхает. Похвалил ПнО, чем очень меня обрадовал. Сказал, что дал тебе почитать изложенную Шафаревичем концепцию Лоренца[1]. Ты уж привези и мне.

4. Получил письмо от Дэйвида Дагана. Он пишет, что Майерс пытался просунуть УнС в американское изд-во Даббльдэй. Цитирую: «…но те вернули его, ссылаясь на «претензиозность» (pseudo-profundity). Конечно, претензиозность совершенно чужда господам Даббльдэй… А Майерс сейчас пытается интересовать другие издательства — надеюсь, с большим успехом». Конец цитаты.

5. Не дают писать письмо! Только что позвонил Саша Рубашкин, помнишь? Договорились с ним встретиться после Нового года.

Ну вот пока и всё. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Телефон! Телефон пробивай в новом доме!!!

Письмо Аркадия брату, 31 декабря 1971, М.— Л.

Дорогой Борик!

Только что получил доверенность. Думаю, именно такая и требуется.

[1] Статья И. Шафаревича «Загадка индивидуальности. Обзор некоторых работ Конрада Лоренца» (1967 г.) распространялась в самиздате.

Сразу чтобы не забыть. Постарайся, чтобы путевки были не раньше 13–14-го, иначе я здесь замучаюсь с билетами из-за этих паразитов-школьников. Сделай, а?

Сообщения по существу.

1. Если с «СовРоссией» не выйдет, обсудить мы все успеем при встрече. Все равно до встречи там ничего не выяснится, думается даже, что и до следующей после следующей.

2. С Лессом говорил, он обещал, а что из этого выйдет — не знаю. Человек он крайне необязательный. У меня же ни единой карточки нашей не осталось.

3. Встречался с Ниной, правда, почти наспех. Она благосклонна. На мой вопрос относительно возможности невключения новой вещи ответила небрежно: «Там видно будет». Но в общем, как говорил один герой Диккенса, «она благоволит»[1].

4. Встречался с Ревичем у Биленкина. Оба они прочитали, обоим нравится. Ревич говорит, что ПнО сейчас читает завред, которая вдруг заболела (охотно верю: сейчас у нас мощный грипп). Но у меня такое впечатление, что он сомневается, что ПнО у них пойдет. Впрочем, это скоро выяснится.

5. Озерова дает читать ВД (ГЛ) Амлинскому и обещает к моему отъезду дать окончательный ответ. Прислала поздравление с припиской, что надеется видеть нас на страницах «Юности» в 72-м. Сама одобряет.

6. Микросюжеты для «Фитиля» вручены Андрону Михалкову. Пока результаты неясны.

7. Гонорар (аванс) по Мультфильму надеюсь получить 7-го января.

8. С Польшей дела обстоят так. Борисов, консультант ИК[2] по Польше, тоже болен. Я посылаю письмо Леху Енчмыку (зав. ред. славянских литератур в «Искрах») с просьбой выслать приглашения и сообщить, как насчет гонораров. Приезд наш обозначил концом февраля — началом марта.

---

[1] Сводная цитата из романов Ч. Диккенса.

[2] Иностранная комиссия МО СП.

9. Дозвонился Фомину на Межкнигу. Фомин объяснил, что упомянутые пять книг взяло на себя издательство «Инзель-ферлаг», Франкфурт-на-Майне (каково совпадение названий — «инзель»!)[1], что из ФРГ пришли рецензии, которые он мне высылает, а насчет 35 % — это не по его епархии, но между нами девочками он слышал, что это вот-вот отменят. Я по этому поводу еще звонил юрисконсульту УОАП, но она тоже больна, м-мать!

10. Встретился в гостях у Марика Ткачева с режиссером Лешей Симоновым. Он страшно заинтересовался заявкой «Встреча миров». Договорились созвониться в новом году — и на тебе! На следующее же утро звонит Рытченков, очень довольный и веселый, и сообщает, что начальство на Моснаучфильме заявкой довольно и что с нами через месяц-другой (когда уладится суета вокруг плана на 72-й год) непременно заключат договор на 73-й. Каково?

11. Денег из Киева нет. Ходили с Ленкой в гости к Борецким и там неожиданно встретились с Борисом Ивченко. Узнав, что денег всё нет и что мы решительно отказываемся работать в таких условиях, он страшно приуныл, но пробормотал, что он нас хорошо понимает и просит лишь учесть, что фильм они добились запускать в 72-м году. Что делать!..

Вот пока всё.

Я, конечно, не теряю времени даром и ломаю рецензии помаленьку.

Жму, целую, твой Арк.

Адке всяческие приветы, поцелуй маму.

Еще раз с Новым годом. Да, интересная штука. По китайскому летоисчислению 71-й год является годом Свиньи и считается одним из весьма несчастливых. 72-й год — год Мыши, один из самых счастливых. А вот 73-й — это уже, брат, год Тигра[2], и хотя для будних дел он достаточно благополучный, но весьма чреват войной и прочей гадостью. Чумой, например.

[1] С немецкого «Die Insel» — «остров». «Обитаемый остров» вышел в издательстве «Марион фон Шрёдер» в 1972-м году: Strugatzki A. N., Strugatzki B. N. Die bewohnte Insel.— Hamburg; Düsseldorf: Schröder, 1972.

[2] Фактически год Тигра – 1974.

В 1971 году у АБС вышла книга ОО в «Детской литературе»; рассказ ЧИП был опубликован в свердловском сборнике «Только один старт», а «Малыш» — в «Авроре». В двухтомнике Акутагавы были переизданы три перевода АНа: «Бататовая каша», «Нос» и «В стране водяных». Также предисловие АНа было опубликовано в книге В. Саксонова «Повесть о юнгах. Дальний поход».

В этом году начинается длительный период замалчивания Авторов в прессе, но литературоведение еще не забывает о них. В 6-м томе «Краткой литературной энциклопедии», вышедшем в 1971 году, АБС встречаются дважды: в статьях «Роман» и «Сатира». Творчество АБС упоминали в своих диссертациях А. Любимова из Горького («Социально-философская фантастика раннего Г. Уэллса») и З. Эсебуа из Москвы («Творчество Колина Уилсона»).

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Впереди Авторов ждут трудные времена: пробивание каждой книги, каждой публикации; глухая неприязнь в верхах и не сулящие ничего хорошего изменения в руководстве издательств; первые болезни, обусловленные не только возрастом, но и нервной жизнью… Однако была и радость — радость творчества, признание читателей, верные друзья и поддержка семей. Всё это будет описано дальше.

Мы завидуем Вам, Читатель!

БЛАГОДАРНОСТИ

Составители бесконечно признательны

СТРУГАЦКОМУ Борису Натановичу

за согласие опубликовать переписку братьев Стругацких и за содействие в ее подготовке к печати.

Составители выражают благодарность за участие в подготовке этой книги:

ПЕРКЕЛЮ Григорию Зульевичу;

членам группы ЛЮДЕНЫ: Роману Арбитману, Владимиру Борисову, Владимиру Дьяконову, Вадиму Казакову, Алле Кузнецовой, Роману Муринскому, Леониду Рудману, Юрию Флейшману, Михаилу Шавшину, Илье Юдину.

Особую благодарность составители выражают Сергею Соболеву за помощь в осуществлении издания.

Приложения:

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АББРЕВИАТУР И РАННИХ НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Far Rainbow — перевод ДР издательства «Прогресс».

SOS — замысел рассказа, позднее — новелла для «Града обреченного».

SOS — Sargasso of Space. См. «Саргассы в космосе».

Апокалипсис — см. Новый апокалипсис.

Бедные злые люди.

БИЛ — Боги и люди.

Боги и люди — см. Люди и боги.

В — Возвращение.

ВД — Время дождя.

В наше интересное время (еще одна отходная детективному жанру) — см. Отель «У погибшего альпиниста».

ВНИВ — В наше интересное время.

ВНМ — Второе нашествие марсиан.

Возвращение. Вариант именования «Полдня. XXII век».

Воспоминания о настоящем — замысел.

Время дождя — см. Гадкие лебеди.

Встреча миров — либретто научно-художественного фильма.

Второе нашествие марсиан.

Выбор пал на Рыбкина — либретто киноминиатюры.

Гадкие лебеди. Вариант заглавия: Время дождя.

ГЛ — Гадкие лебеди.

ГО — Град обреченный.

Горилла, лев и попугай — притча для «Града обреченного».

Гость из полудня — несохранившийся сценарий АНа.

Град обреченный. Варианты заглавия романа, новелл и притч для него: SOS, Горилла, лев и попугай, Дом, Мой брат и я, Новый апокалипсис, Похититель душ, Седьмое небо, Следователь, Страна, управляемая мертвецами, Шахматы.

ГС (не расшифровано) — см. Сказка о Тройке.

Далекая Радуга.

Дело об убийстве — см. Отель «У погибшего альпиниста».

Детектив в Стране Дураков — разработка по «Хищным вещам века».

Дни Кракена.

Дом — новелла для «Града обреченного».

ДОУ — Дело об убийстве.

ДР — Далекая Радуга.

Дьявольская шкатулка — либретто киноминиатюры.

За поворотом в глубине — см. Улитка на склоне.

За проходной — либретто киноминиатюры.

За успех! — либретто киноминиатюры.

Звездный час инспектора Глебски — см. Отель «У погибшего альпиниста».

ЗПВГ — За поворотом в глубине.

Извне.

К вопросу о циклотации.

Кракен — см. Дни Кракена.

Круг огня — см. Огненный цикл.

ЛИБ — Люди и боги.

Люди и боги — замысел. Вариант заглавия: Боги и люди.

М — Малыш.

Малыш. Вариант заглавия: Операция «Маугли».

Маугли — см. Операция «Маугли».

Между двух фронтов — замысел. Вариант заглавия: Седьмое небо.

Миссия «Тяготение» — перевод АБС Х. Клемента.

Мой брат и я — см. Град обреченный.

Молитва о победе — замысел.

НА — Новый апокалипсис.

Незапланированные встречи — ошибочное именование сборника «Неназначенные встречи».

Неназначенные встречи — название сборника.

Новый апокалипсис — см. Град обреченный.

Обитаемый остров.

Огненный цикл — перевод АБС Х. Клемента. Варианты заглавия: Круг огня.

ОМ — Операция «Маугли».
ОО — Обитаемый остров.
Операция «Маугли» — см. Малыш.
Отель «У погибшего альпиниста». Варианты заглавия: В наше интересное время (еще одна отходная детективному жанру), Дело об убийстве, Звездный час инспектора Глебски.
ОУПА — Отель «У погибшего альпиниста».
Первые люди на первом плоту.
Перекати-поле — замысел.
Перец — см. Улитка на склоне.
Пикник на обочине.
ПКБ — Попытка к бегству.
ПНА — Путь на Амальтею.
ПНВС — Понедельник начинается в субботу.
ПНО — Пикник на обочине.
Погоня в Космосе — сценарий мультфильма.
Поиск предназначения.
Полдень, XXII век. Вариант заглавия: Возвращение.
Понедельник начинается в субботу.
Попытка к бегству.
Похититель душ — притча для «Града обреченного».
ПП — Перекати-поле.
ПП — Поиск предназначения.
Путь на Амальтею.
Рассказы о Горбовском — замысел сборника.
Риф Октопус — см. Странные события на рифе Октопус.
РО — Риф Октопус.
Родился завтра — замысел сборника.
С — Стажеры.
Саргассы в космосе — перевод АБС Э. Нортон.
СБТ — Страна багровых туч.
Седьмое небо — см. Град обреченный.
Седьмое небо — см. Между двух фронтов.
СВК — Саргассы в космосе.
СК — Саргассы в космосе.
Сказка о Тройке. Вариант заглавия: ГС (не расшифровано).
Скучные пустяки — замысел.

Следователь — новелла для «Града обреченного».

Совсем как человек — перевод АНа Кобо Абэ.

Сократ — несохранившийся перевод АБС рассказа Дж. Кристофера.

СОТ — Сказка о Тройке.

Спонтанный рефлекс.

Стажеры.

Страна багровых туч.

Страна, управляемая мертвецами — притча для «Града обреченного».

Странные события на рифе Октопус — замысел.

Суета вокруг дивана — заглавие первой части «Понедельник начинается в субботу».

Суета сует — заглавие второй части «Понедельник начинается в субботу».

ТББ — Трудно быть богом.

Трижды смертник — сценарий АНа.

Трудно быть богом.

Улитка на склоне. Варианты заглавия частей повести: За поворотом в глубине, Перец, Управление.

УНС — Улитка на склоне.

Управление — см. Улитка на склоне.

ХВВ — Хищные вещи века.

Хищные вещи века.

Хромая судьба.

ХС — Хромая судьба.

Человек из Пасифиды.

Человек спускается в преисподнюю — планировавшееся заглавие инсценировки.

ЧИП — Человек из Пасифиды.

Шахматы — притча для «Града обреченного».

Шесть спичек.

Экипаж «Тахмасиба» — планировавшееся заглавие сборника.

ПЕРСОНАЛИИ, УПОМЯНУТЫЕ В ПЕРЕПИСКЕ И ДНЕВНИКАХ АБС[1]

Абрамовы Александр Иванович и Сергей Александрович — писатели; отец и сын.

Абэ Кобо (Кимифуса) — япон. писатель.

Авраменко Инна (Инесса) Фёдоровна — редактор издательства «Молодая гвардия».

Адалис (Ефрон) Аделина Ефимовна — поэтесса.

Азбель Марк Яковлевич — физик, правозащитник.

Азимов Айзек — амер. писатель.

Аксёнов Василий Павлович — писатель.

Александров В.— автор статьи в газете «Правда Бурятии».

Александров Павел Сергеевич — математик, тополог.

Алексеев Михаил Николаевич — писатель.

Алимов Борис Александрович — художник-иллюстратор.

Алимов Сергей Александрович — художник-график, иллюстратор, режиссер мультипликации.

Альтов (Альтшуллер) Генрих Саулович — писатель, теоретик изобретательства.

Амлинский Владимир Ильич — писатель.

Амосов Николай Михайлович — хирург, писатель.

Андреев Сергей Леонидович — сотрудник Института ядерной физики СОАН, поэт, писатель, альпинист.

Андреев Юрий Андреевич — литературовед, писатель.

Анчаров Михаил Леонидович — писатель, поэт, бард.

Ахматова Анна Андреевна — поэтесса, переводчик.

Бабель (Бобель) Исаак Эммануилович — писатель.

Бальбуров Африкан Андреевич — писатель, главный редактор журнала «Байкал».

Бальдыш Георгий Михайлович — писатель.

Барто (Волова) Агния Львовна — поэтесса.

Баруздин Сергей Алексеевич — писатель, главный редактор журнала «Дружба народов».

---

[1] Указана лишь профессия упомянутых лиц либо занимаемая ими должность на момент упоминания в тексте. Определения «российский», «русский», «советский» опущены.

Баскаков Владимир Евтихианович — первый заместитель председателя Госкино СССР.

Баталов Алексей Владимирович — актер, режиссер.

Белинский Виссарион Григорьевич — критик, публицист.

Бережной Василий Павлович — укр. писатель.

Березко Георгий Сергеевич — писатель.

Беркова Нина Матвеевна — редактор издательства «Детская литература», критик, писательница.

Бестужев-Лада Игорь Васильевич — философ, социолог, литературовед.

Бехтерев Владимир Михайлович — невролог, психиатр, психолог.

Биленкин Дмитрий Александрович — писатель, критик, журналист, популяризатор науки.

Блюдце — студент, давший интервью газете «Смена».

Болдырев (Виктор Николаевич?) — писатель.

Бондарев Юрий Васильевич — писатель.

Борецкий Юрий Александрович — актер, режиссер.

Борис Исакович — главный режиссер театра «Жаворонок».

Борисов Виктор Максимович — писатель, сотрудник Иностранной комиссии СП.

Борисова-Гинзбург Раиса Борисовна — драматург, сценарист.

Борман Мартин — герм. партийный и политический деятель.

Борунь Кшиштоф — польск. писатель.

Борщаговский Александр Михайлович — писатель, критик.

Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.

Брежнев Леонид Ильич — государственный и политический деятель.

Бритиков Анатолий Фёдорович — литературовед, критик.

Брускин Дмитрий Михайлович — переводчик, писатель.

Брэдбери Рэй (Рэймонд) Дуглас — амер. писатель.

Бугров Виталий Иванович — редактор, журналист, критик, библиограф, историк научно-фантастической литературы.

Булгаков Михаил Афанасьевич — писатель, драматург.

Буль Пьер Франсуа Мари Луи — франц. писатель.

Бухарин Николай Иванович — государственный и политический деятель.

Быков Ролан Антонович (Роланд Анатольевич) — режиссер, актер.

Вайсброт Евгений Павлович — переводчик.

Вайст Элеонора — сотрудник издательства «Нойе Берлин».

Варшавский Илья Иосифович — писатель.

Васильев Олег Фёдорович — физик, председатель Совета Дома ученых Академгородка в Новосибирске.

Васильева (возможно — Елена Пантелеевна) — журналист.

Васильева В.— автор письма, опубликованного в «Литературной газете».

Венгеров Владимир Яковлевич — режиссер, сценарист, актер, руководитель 3-го творческого объединения «Ленфильма».

Верченко Юрий Николаевич — директор издательства «Молодая гвардия», позднее — заведующий отделом культуры МГК КПСС, руководитель СП.

Вилинбахов Вадим Борисович — историк, уфолог.

Вилкова Валентина Михайловна — заведующая редакцией русской прозы издательства «Советский писатель».

Владко (Еремченко) Владимир Николаевич — писатель, журналист.

Войнич Этель Лилиан — англ. писательница.

Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович (архиепископ Лука) — хирург, священнослужитель.

Войнович Владимир Николаевич — писатель.

Войскунский Евгений Львович — писатель, друг АНа.

Волков Александр Мелентьевич — писатель, драматург, переводчик.

Володин (Лившиц) Александр Моисеевич — драматург, сценарист.

Волькенштейн Михаил Владимирович — физико-химик, биофизик.

Воннегут (мл.) Курт — амер. писатель.

Воронков Константин Васильевич — писатель, секретарь по организационным вопросам СП СССР.

Воронов Владимир Ильич — критик, литературовед.

Воскресенская (фамилия по первому замужеству, урожденная Ошанина) Елена Ильинична — супруга АНа.

Воскресенская (в замужестве Фошко) Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНа.

Высоцкий Владимир Семёнович — поэт, бард, актер.

Выходцев Пётр Созонтович — литературовед, филолог, общественный деятель.

Галилей Галилео — итал. философ, физик и астроном.

Галич (Гинзбург) Александр Аркадьевич — бард, поэт, драматург.

Галь Нора (Гальперина Элеонора Яковлевна) — переводчик, критик, писательница.

Ганичев Валерий Николаевич — писатель, заместитель главного редактора журнала «Молодая гвардия», позднее — директор издательства «Молодая гвардия».

Гансовский Север Феликсович — писатель.

Гашек Ярослав — чешский писатель.

Герасимов Сергей Аполлинариевич — режиссер, сценарист.

Герман Алексей Юрьевич (Георгиевич) — режиссер, сценарист.

Герман Юрий Павлович — писатель.

Герцен Александр Иванович — писатель, публицист.

Гинзбург Александр Ильич — правозащитник.

Гитлер Адольф — герм. государственный и политический деятель.

Гладилин Анатолий Тихонович — писатель.

Гладков Теодор Кириллович — писатель, историк, друг АНа.

Глинкин Павел Евгеньевич — критик, литературовед.

Гоголь Николай Васильевич — писатель.

Голант Вениамин Яковлевич — писатель, переводчик.

Голованов Ярослав Кириллович — журналист газеты «Комсомольская правда».

Головань Ирина Павловна — главный редактор «Ленфильма».

Гончар Олесь (Александр Терентьевич) — писатель.

Гор Геннадий (Гдалий) Самойлович — писатель.

Горбовский Александр Альфредович — историк, очеркист.

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) — писатель, драматург, публицист, руководитель СП.

Гранин (Герман) Даниил Александрович — писатель.

Грекова И. (Вентцель Елена Сергеевна) — математик, писательница.

Григорьев Владимир Васильевич — писатель.

Громова Ариадна Григорьевна — писательница, критик.

Гукасян Фрижетта Гургеновна — главный редактор «Ленфильма».

Гуляшки Андрей — болг. писатель.

Гуревич Георгий Иосифович — писатель, критик, друг АНа.

Даган Дэвид Т. Дж.— канадск. преподаватель русского языка.

Даль Владимир Иванович — писатель, лексикограф, этнограф.

Данте Алигьери — итал. поэт.

Девис Евгений Артурович — заведующий редакцией популярной литературы издательства «Мир».

Демичев Пётр Нилович — государственный и политический деятель.

Демьяненко Александр Сергеевич — актер.

Денисов Георгий Аполлинарьевич — заместитель председателя Комитета СМ СССР по профтехобразованию.

Денисюк Юрий Николаевич — физик, специалист в области голографии.

Джекобс Уильям Уаймарк — англ. писатель.

Диккенс Чарльз Джон Гаффам — англ. писатель.

Дмитревский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.

Днепров (Мицкевич) Анатолий Петрович — писатель.

Долинина Наталия Григорьевна — писательница.

Домбровский Юрий Осипович — писатель.

Достоевский Фёдор Михайлович — писатель.

Дроздов Иван Владимирович — критик, писатель, публицист.

Дудин Михаил Александрович — поэт, руководитель СП.

Дымшиц Александр Львович — критик, искусствовед.

Дьяков Борис Александрович — писатель.

Евдокимов Александр Дмитриевич — библиограф, библиофил.

Евтушенко Евгений Александрович — поэт, режиссер.

Егоров Борис Борисович — космонавт, медик.

Егоров Юрий Павлович — режиссер.

Елена Самойловна — бухгалтер «Ленфильма».

Емцев Михаил Тихонович — писатель.

Енчмык Лех — заведующий редакцией советской литературы польск. издательства «Искры», журналист.

Ерёмин Геннадий (Иванович?) — редактор издательства «Молодая гвардия».

Ершов Леонид Фёдорович — критик, филолог.

Ефимов — сотрудник редакции «Литературной газеты».

Ефимов Борис Ефимович — художник-график, карикатурист.

Ефремов Иван Антонович (Антипович) — писатель, философ, палеонтолог.

Жанна д'Арк — национальная героиня Франции.

Жемайтис Сергей Георгиевич — редактор издательства «Молодая гвардия», писатель.

Жигарев Лев Викторович — заместитель главного редактора журнала «Знание — сила».

Жур Пётр Владимирович — писатель, литературовед, сотрудник редакции журнала «Звезда».

Журавлёв Василий Николаевич — режиссер.

Журавлёва Валентина Николаевна — писательница.

Забелин Игорь Михайлович — писатель.

Зайцев Валентин Михайлович — директор Западной конторы ВО «Международная книга».

Западов Александр Васильевич — литературовед, филолог.

Захаров Владимир Евгеньевич — физик-теоретик, позднее — директор Института теоретической физики.

Зернова (Зевина) Руфь Александровна — писательница, переводчик.

Зиновьев Григорий Евсеевич (Радомысльский Овсей-Гершен Аронович) — государственный и политический деятель.

И — кит. автор, «полумифическое лицо».

Иванов Георгий Александрович — директор Центрального телевидения.

Ивченко Борис Викторович — режиссер, актер.

Ильин Виктор Николаевич — секретарь по организационным вопросам МО СП, генерал-лейтенант КГБ.

Иорданский Алексей Дмитриевич — редактор отдела биологических наук журнала «Химия и жизнь», переводчик.

Кагарлицкий Юлий Иосифович — литературовед, критик.

Казанцев Александр Петрович — писатель.

Калакуцкая Мария Михайловна — заведующая редакцией издательства «Детская литература».

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович — государственный и политический деятель.

Камшалов Александр Иванович — секретарь ЦК ВЛКСМ по идеологическим вопросам, член коллегии Министерства культуры СССР.

Кан Вениамин Липманович — физик, критик, переводчик, знаток научной фантастики.

Канторович Владимир Яковлевич — очеркист, критик, социолог.

Капица Пётр Иосифович — писатель.

Кара (Кара-Дэмур) Сократ Сетович — критик.

Карелин Пётр Александрович — главный редактор Госкомиздата СССР.

Кармалита (Борщаговская) Светлана Игоревна — сценарист, режиссер, супруга А. Германа, приемная дочь А. Борщаговского.

Карнаков Яков Борисович — знакомый АБС.

Карякин Юрий Фёдорович — литературовед, публицист, историк.

Катаев Валентин Петрович — писатель.

Кетлинская Вера Казимировна — писательница.

Ким Роман Николаевич — писатель.

Киплинг Джозеф Редьярд — англ. писатель, поэт.

Кириченко Иван Петрович — заведующий сектором печати отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС.

Китайгородский Александр Исаакович — физик, популяризатор науки.

Клемент Хол (Стаббс Гарри Клемент) — амер. писатель.

Клюева Бела Григорьевна — редактор издательства «Молодая гвардия».

Козаков Михаил Михайлович — актер, режиссер, сценарист.

Козинцев Григорий Михайлович — режиссер.

Компаниец Василий Георгиевич — главный редактор издательства «Детская литература».

Кон Игорь Семёнович — философ, психолог, социолог, сексолог.

Копылов Александр Иванович — инженер ГАО, друг БНа.

Копытин Пётр Фёдорович — заведующий редакцией «Лениздата».

Корешкова Лидия Григорьевна — заместитель главного редактора Студии заказа фильмов ЦТ.

Коржавин (Мандель) Наум Моисеевич — поэт.

Корнев Ростислав Борисович — драматург, заместитель главного редактора журнала «Нева».

Королёв Сергей Павлович — конструктор космической техники.

Косарева Нина Сергеевна — главный редактор журнала «Аврора», позднее — сотрудник ЦК КПСС.

Котляр Юрий Фёдорович — писатель, критик.

Котов Евгений Сергеевич — сценарист, режиссер, заместитель главного редактора Главной сценарной коллегии Госкино СССР.

Кочетов Всеволод Анисимович — писатель, редактор.

Кошут Леонард (Лео) — заместитель главного редактора вост.-герм. издательства «Культур унд Фортшритт»,

позднее — заведующий редакцией издательства «Фольк унд Вельт», переводчик, составитель антологий.

Краснобрыжий Иван Тимофеевич — критик, писатель.

Кривцов Владимир Николаевич — заведующий отделом прозы журнала «Нева», писатель, китаист.

Кристи Агата Мэри Кларисса Миллер — англ. писательница.

Кунцевич Пётр — польск. литературовед.

Лагин (Гинзбург) Лазарь Иосифович — писатель.

Лагина Наталия Лазаревна — журналист, критик.

Ларин (Эпштейн) Борис Абрамович — сценарист, друг АНа.

Ларионова (Тидеман) Ольга Николаевна — писательница.

Лебедев Александр Александрович — критик, литературовед.

Левин Алексей Ефимович — председатель КЛФ МГУ, социолог, философ.

Левин Лев Ильич — редактор издательства «Советский писатель», литературовед, критик.

Лем Станислав — польск. писатель.

Лемхин Михаил Абрамович — фотохудожник, журналист, знакомый БНа.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич — государственный и политический деятель.

Леонов Алексей Архипович — космонавт.

Лесс Александр Лазаревич — журналист, фотограф.

Лесючевский Николай Васильевич — критик, директор издательства «Советский писатель».

Лифшиц Михаил Александрович — критик.

Лиходеев (Лидес) Леонид Израилевич — писатель, драматург.

Лойола Игнатий (Дон-Игнацио-Лопес-де-Рекальдо) — основатель ордена иезуитов.

Лондон Борис Наумович — педагог, режиссер.

Лопухин Владимир Николаевич — режиссер, актер, заведующий постановочной частью.

Лоренц Конрад — австр. биолог, основатель этологии.

Лукодьянов Исай Борисович — писатель.

Луконин Владимир Григорьевич — историк, ирановед, археолог, друг БНа.

Лурье Самуил (дружески — Саша) Аронович — критик, литературовед, редактор журнала «Нева».

Ляпунов Борис Валерьянович — писатель, критик, библиограф.

Майерс Алан — англ. переводчик.

Макаров — сотрудник редакции журнала «Москва».

Макаров Юрий (Георгий) Георгиевич — художник-иллюстратор.

Малинина Галина Николаевна — редактор издательства «Знание».

Мандельштам Осип Эмильевич — поэт, переводчик.

Манин Юрий Иванович — математик, друг АБС.

Марков Геннадий Евгеньевич — историк, этнолог, археолог.

Марков Георгий Мокеевич — писатель, руководитель СП.

Маркова Вера Николаевна — переводчик, поэтесса.

Мартынов Георгий Сергеевич — писатель.

Маторский Анатолий Григорьевич — сотрудник сценарной коллегии Госкино РСФСР.

Махлах-Львовская Елена Константиновна — редактор издательства «Детская литература».

Мееров Александр Александрович — писатель, инженер-ракетостроитель.

Миёси Тору — япон. писатель.

Микоян (Лозовская) Элеонора Петровна — редактор издательства «Детская литература», филолог.

Милютенко Владимир Борисович — заместитель главного редактора издательства «Молодая гвардия».

Минц Лев Миронович — географ, этнограф, журналист.

Мирер Александр Исаакович — писатель, литературовед, критик, редактор, друг АБС.

Мирский Лев Соломонович — режиссер.

Михайлов Владимир Дмитриевич — писатель.

Михайлов Владимир (Ривин Владимир Михайлович) — писатель, публицист, заведующий отделом науки «Литературной газеты».

Михайлов Николай Александрович — председатель Комитета по печати при СМ СССР.

Михайлова Алла Валентиновна — редактор 3-го творческого объединения «Ленфильм».

Михалков Сергей Владимирович — поэт, драматург, сценарист, руководитель СП.

Михалков-Кончаловский Андрей (Андрон) Сергеевич — режиссер, сценарист, писатель.

Можейко Игорь Всеволодович (псевдоним — Кир Булычев) — писатель, историк.

Монтень Мишель де — франц. философ, писатель.

Морозов Николай Антонович — директор ленинградского отделения издательства «Детская литература».

Некрасов Георгий Александрович — поэт, сотрудник редакции журнала «Нева».

Немцов Владимир Иванович — писатель.

Никитин Юрий Александрович — заместитель председателя харьковского КЛФ, заведующий отделом литературы газеты «Комсомольское знамя» (Киев); впоследствии — писатель.

Никольский Борис Николаевич — заведующий отделом прозы журнала «Аврора», впоследствии — главный редактор журнала «Нева».

Никонов Анатолий Васильевич — писатель, главный редактор журнала «Молодая гвардия».

Новопашенный Виктор Борисович — астроном, друг БНа.

Нортон Эндрю (Нортон Алиса Мэри) — амер. писательница.

Нудельман Рафаил Ильич (Эльевич) — литературовед, критик.

Овчаренко Феликс Евгеньевич — инструктор ЦК КПСС, впоследствии — главный редактор журнала «Молодая гвардия», писатель, критик.

Ожегов Сергей Иванович — языковед, лексикограф.

Озерова Калерия Николаевна — заведующая критическим отделом журнала «Новый мир».

Озерова Мэри Лазаревна — заведующая отделом прозы журнала «Юность».

Окуджава Булат Шалвович — поэт, писатель, бард.

Осипов Валентин Осипович — главный редактор издательства «Молодая гвардия».

Островский Андрей Львович — писатель, заместитель главного редактора журнала «Аврора».

Ошанин Илья Михайлович — китаист, составитель словарей, тесть АНС.

Павленок Борис Владимирович — заместитель председателя Госкино СССР.

Павлов Сергей Павлович — первый секретарь ЦК ВЛКСМ.

Панова Вера Фёдоровна — писательница, драматург.

Парнов Еремей (дружески — Рим) Иудович — писатель.

Пастернак Борис Леонидович — поэт, писатель, переводчик.

Пискунов Константин Федотович — директор издательства «Детская литература».

Плисецкая Майя Михайловна — балерина.

Плучек Валентин Николаевич — главный режиссер Театра сатиры.

Плюснина Анна Ивановна — заведующая редакцией ленинградского отделения издательства «Детская литература».

Подольный Роман Григорьевич — писатель, журналист, популяризатор науки.

Полевой (Кампов) Борис Николаевич — писатель, главный редактор журнала «Юность».

Пономаренко Светлана Андреевна — редактор 3-го творческого объединения «Ленфильм».

Попов Александр Фёдорович — главный редактор журнала «Нева».

Попов Борис Александрович — секретарь Ленинградского ГК КПСС.

Поповский Марк Александрович — писатель, журналист.

Преображенский Сергей Николаевич — редактор журнала «Юность».

Пришвин Михаил Михайлович — писатель.

Прокофьев Александр Андреевич — поэт, руководитель СП.

Пушкин Александр Сергеевич — поэт, писатель.

Радищев Александр Николаевич — поэт, писатель.

Рахманов Леонид Николаевич — писатель, драматург, сценарист.

Ревич Всеволод Александрович — журналист, кинокритик, литературовед, друг АНа.

Рекемчук Александр Евсеевич — писатель.

Ренц Роман Борисович — режиссер Оренбургского театра кукол.

Рерих Николай Константинович — художник, философ, писатель.

Рерих Юрий Николаевич — востоковед.

Рёскин Джон — англ. искусствовед, писатель.

Рихтер Карл-Людвиг — нем. филолог, сотрудник Дрезденского университета.

Романов Алексей Владимирович — председатель Госкино СССР.

Романов Алексей Михайлович — русский царь.

Романов Павел Константинович — руководитель Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР (Главлита).

Ромм Михаил Ильич — режиссер.

Ростан Жан — франц. генетик, философ, писатель.

Рохлин Яков Нисонович — главный редактор 3-го творческого объединения «Ленфильм».

Рубашкин (Никитин) Александр Ильич — критик, литературовед.

Рубинштейн Лев Яковлевич — художник.

Рыков Алексей Иванович — государственный и политический деятель.

Рытченков Владимир Александрович — режиссер «Центрнаучфильма».

Рюриков Юрий Борисович — критик, редактор издательства «Советский писатель».

Саймак Клиффорд Дональд — амер. писатель.

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович — писатель.

Самсонов Юрий Степанович — писатель, журналист, главный редактор журнала «Ангара».

Сартен Пьеретта — франц. социолог, публицист.

Сафонов Вадим Андреевич — писатель.

Сафронов Юрий Павлович — писатель.

Сахаров Алексей Николаевич — режиссер, сценарист.

Свенцицкая Наталия Александровна — физик-оптик, знакомая БНа, супруга Ю. Чистякова.

Свининников Валентин Михайлович — журналист, критик.

Семёнов Борис Фёдорович — главный художник журнала «Нева».

Семичастный Владимир Ефимович — председатель КГБ.

Сергеев (Гантваргер) Марк Давидович — писатель, поэт, литературовед, ранее — главный редактор журнала «Ангара».

Сименон Жорж Жозеф Кристиан — франц. писатель.

Симонов Алексей Кириллович — журналист, режиссер, общественный деятель.

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович — поэт, писатель.

Синдо Канэто — япон. кинорежиссер, сценарист, продюсер.

Синельников Михаил Хананович — критик, заведующий отделом русской литературы «Литературной газеты».

Склянский Яков Ильич — оператор.

Смагин Борис Иванович — журналист, писатель, физик.

Смолян Александр Семёнович — писатель, журналист.

Снегов (Козырюк, Штейн) Сергей Александрович (Иосифович) — писатель.

Снесарев Аркадий Георгиевич — сценарист, главный редактор «Союзмультфильма».

Соболь Марк Андреевич — поэт.

Соколов Виктор Фёдорович — режиссер, сценарист.

Соколов Олег Игоревич — главный редактор журнала «Искатель».

Соколова Елена Петровна — филолог.

Солженицын Александр Исаевич — писатель.

Соловьев Василий Иванович — сценарист, редактор киностудии «Мосфильм».

Соловьева Изабелла — критик, сотрудник редакции газеты «Литературная Россия».

Солоухин Владимир Алексеевич — писатель.

Софья Никитична — заведующая производственным отделом издательства «Детская литература».

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович — государственный и политический деятель.

Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНа.

Стругацкая (урожд. Литвинчёва) Александра Ивановна — мать АБС.

Стругацкая Мария Аркадьевна — дочь АНа.

Стругацкий Андрей Борисович — сын БНа.

Суслов Михаил Андреевич — государственный и политический деятель.

Сырокомский Виталий Александрович — первый заместитель главного редактора «Литературной газеты».

Сытин Виктор Александрович — писатель, руководитель СП, заместитель главного редактора Госкино СССР.

Тарасов Сергей Сергеевич — редактор объединения совместных фильмов Госкино, т/о «Юность», режиссер, сценарист, актер.

Таратута Евгения Александровна — литературовед.

Твардовский Александр Трифонович — поэт, руководитель СП, главный редактор журнала «Новый мир».

Тевекелян Варткес Арутюнович — писатель, член парткома МО СП.

Тендряков Владимир Фёдорович — писатель.

Теселько Мария Ивановна (урожд. Литвинчёва; в тексте — тетя Маня) — тетя АБС, сестра А. И. Стругацкой.

Титов Герман Степанович — второй космонавт.

Тихонов Николай Семёнович — поэт, руководитель СП.

Ткачёв Мариан Николаевич — переводчик, писатель, друг АНа.

Ткаченко Павел Дмитриевич (настоящее имя Антипов Яков Яковлевич) — деятель молдавского рабочего движения.

Товстоногов Георгий Александрович — главный режиссер ленинградского Большого драматического театра.

Токарев Владимир Николаевич — режиссер, драматург, автор инсценировок.

Толстиков Василий Сергеевич — государственный и политический деятель, дипломат.

Толстой Алексей Николаевич — писатель.

Толстой Лев Николаевич — писатель.

Томан Николай Владимирович — писатель, критик.

Травинский Владилен Михайлович — писатель, сотрудник различных редакций.

Троцкий (Бронштейн) Лев (Лейба) Давидович — государственный и политический деятель.

Туркин Владимир Павлович — главный редактор издательства «Советская Россия», впоследствии — заместитель главного редактора Госкомиздата СССР.

Турылёва Александра Мартьяновна — соседка, приятельница А. И. Стругацкой.

Тюльпанов Игорь Виссарионович — художник.

Уоррен Роберт Пенн — амер. писатель.

Урбан Адольф Адольфович — критик, литературовед.

Файнбург (Альпер) Захар Ильич — социолог, исследователь научной фантастики.

Фейхтвангер Лион — нем. писатель.

Филиппова Нина Сергеевна — главный редактор журнала «Знание — сила».

Фирсов Владимир Николаевич — писатель, сотрудник издательства «Мир».

Фолкнер Уильям Катберт — амер. писатель.

Фомин — сотрудник ВО «Международная книга».

Фурцева Екатерина Алексеевна — государственный и политический деятель, министр культуры СССР.

Хейфец Михаил Рувимович — литератор, историк, друг БНа.

Хейфиц Иосиф Ефимович — режиссер, сценарист.

Хемингуэй Эрнест Миллер — амер. писатель.

Хидекель Ирина Яковлевна — редактор издательства «Мир».

Хитрук Фёдор Савельевич — режиссер-аниматор, художник.

Хмелик Александр Григорьевич — сценарист, режиссер.

Хотта Ёсиэ — япон. писатель.

Хузе Ольга Фёдоровна — библиотекарь, библиограф, сотрудник ленинградского филиала Дома детской книги.

Хуциев Марлен Мартынович — режиссер, сценарист.

Хэммет Сэмюэл Дешил — амер. писатель.

Чаадаев Пётр Яковлевич — философ, публицист.

Чаковский Александр Борисович — главный редактор «Литературной газеты», писатель, общественный деятель.

Чапек Карел — чешский писатель.

Черноуцан Игорь Сергеевич — заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС.

Чесноков Владислав Фёдорович — переводчик, сотрудник Иностранной комиссии СП.

Чеховская Татьяна Петровна — журналист, редактор журнала «Знание — сила», супруга В. Ревича.

Чечулина Нина Александровна — редактор Лениздата.

Чингисхан (Темучин Тенгрин Огюгсен) — монг. правитель, полководец, завоеватель.

Чистяков Юрий Николаевич — астроном, друг БНа.

Чхиквишвили Ираклий Иосифович — заведующий сектором издательств Отдела пропаганды ЦК КПСС, заместитель председателя Госкомпечати СССР.

Шагинян Мариэтта Сергеевна — писательница.

Шалимов Александр Иванович — писатель.

Шапиро Михаил Григорьевич — режиссер, сценарист.

Шаров Александр (Нюренберг Шера Израилевич) — писатель.

Шафаревич Игорь Ростиславович — математик, философ.

Шахбазян Юрий Левонович — астроном, инженер, друг АБС.

Шевцов Иван Михайлович — писатель.

Шейкин Аскольд Львович — писатель, сценарист.

Шекли Роберт — амер. писатель.

Шелепин Александр Николаевич — государственный и политический деятель.

Шерстобитов Евгений Фирсович — режиссер, сценарист.

Шестинский Олег Николаевич — писатель.

Шефнер Вадим Сергеевич — писатель, поэт.

Шилейко Алексей Вольдемарович — физик, математик, популяризатор науки.

Шмуглякова Людмила Филипповна — редактор киностудии «Мосфильм».

Шнегас Светлана Андреевна — сотрудница газеты «Комсомолец Татарии».

Шолохов Михаил Александрович — писатель.

Щипанов Иван Яковлевич — философ.

Эдогава Рампо (Таро Хираи) — япон. писатель.

Эренбург Илья Григорьевич — писатель, поэт, публицист.

Эренбург Ирина Ильинична — переводчик, писательница, редактор.

Эткинд Ефим Григорьевич — литературовед.

Ювенал Децим Юний — римский поэт-сатирик.

Юрьев Зиновий Юрьевич (Гринман Зяма Юдович) — писатель.

Яблонский Григорий Семёнович — химик.

Ядов Владимир Александрович — социолог.

Якир Иона Эммануилович — военачальник.

Якир Пётр Ионович — историк, общественный деятель, правозащитник.

ИСТОЧНИКИ ПУБЛИКАЦИЙ

Абрамова Л. Факты его биографии: Л. Абрамова о Владимире Высоцком / Запись В. Перевозчикова.— М.: Россия молодая, 1991.

АБС. Дороги научного прорицания: Размышления с диалогами, с роботами, с ацтеками, с машиной времени, с путешествием в ту и другую сторону от настоящего / Беседу записал Ю. Медведев // Техника — молодежи (М.).— 1967.— № 7.

АБС. От авторов // АБС. Полдень, XXII век (Возвращение).— М., 1967.

АБС. Почему я стал фантастом // Иностр. лит. (М.).— 1967.— № 1.

АБС [Предисловие к первой главе повести-буриме «Летающие кочевники»] // Костер (Л.).— 1968.— № 7.

АБС. Стругацкие о Стругацких / Записал Ю. Никитин // Комс. знамя (Киев).— 1968.— 25 июля.

Александров В. Против чуждых нам взглядов // Правда Бурятии (Улан-Удэ).— 1968.— 19 мая.

Алексеев М. Армия и литература // Мол. гвардия (М.).— 1970.— № 5.

АНС. «Аэлита-88». Встреча с писателями-фантастами в Свердловске. На вопросы читателей отвечает Аркадий Стругацкий // Газета «Тюменский комсомолец».— 1989.— 20 янв.

АНС. В подвале у Романа // Измерение Ф (Л.).— 1990.— № 3.

АНС. Вместо эпилога / Записала С. Шнегас // Комсомолец Татарии (Казань).— 1969.— 3 авг.

АНС. «Научная фантастика — это признак высокой культуры каждой страны» / Глава из документальной книги В. Мора «Беседы о советской науке» / Пер. с исп. М. Шаповаловой // По Советскому Союзу.— М., 1986.— Вып. 8.

АНС. Первые впечатления // Бакинский рабочий (Баку).— 1967.— 15 окт.

Ахманов М. [О переводах и переводчиках] // Если (М.).— 2005.— № 5.

Бараев В. [О публикациях в «Байкале»] // Алфавит (М.).— 2001.— 27 сент.— 3 окт.

Белоусов А. Забывая о социальной обусловленности // Лит. газ. (М.).— 1969.— 22 окт.

Бестужев-Лада И. Этот удивительный мир // Лит. газ. (М.).— 1969.— 3 сент.

БНС. Владимир Высоцкий: Эпизоды творческой судьбы [О встречах Стругацких с В. Высоцким] / Записали Б. Акимов, О. Терентьев // Студенческий меридиан (М.).— 1990.— № 12.

БНС. Диалог с писателем-фантастом / Запись Т. Чесняк // Ленингр. ун-т.— 1967.— 21 февр.

БНС. Если б гимназисточки по воздуху летали!: Чудес в истории не случается. Почти / Записал И. Архипов // Общая газета.— 1996.— 11–17 июля.

БНС. Игра в фанты по-научному / Быстрых А. // «45-я параллель», Ставрополь.— 1991.— № 6 (15).

БНС. Комментарии: Стругацкий Б. Комментарии к пройденному // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собр. соч.: В 11 т. — Донецк: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica издательского дома «Corvus», 2000–2003.

Брандис Е., Дмитревский В. Тема «предупреждения» в научной фантастике // Вахта Арамиса.— Л., 1967.

Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман.— Л.: Наука, 1970.

Васильева В. Новаторство ли это? // Лит. газ. (М.).— 1969.— 15 окт.

Высоков Н. Зови вперед и выше // Лит. газ. (М.).— 1969.— 7 сент.

Гансовский С. [«Знаете, я как-то совершенно случайно…»] // Измерение Ф (Л.).— 1990.— № 3.

Герман А. Трудно быть Германом: Особенно, когда запускаешь новую картину / Беседовала М. Токарева // Общая газета (М.).— 1999.— 1–7 апр.

Гор Г. Жизнь далекая, жизнь близкая // Лит. газ. (М.).— 1969.— 22 окт.

Горловский А. Время фантастики // Юность (М.).— 1967.— № 1.

Громова А. Не созерцание, а исследование // Лит. газ. (М.).— 1970.— 7 янв.

Громова А. [Предисловие к журнальной публикации повести «Улитка на склоне»] // Байкал (Улан-Удэ).— 1968.— № 1.

Два старта в кинофантастике: «Круглый стол» писателей // Сов. экран (М.).— 1967.— № 18.

Ершов Л. Листья и корни: По страницам журн. «Нева» // Сов. Россия (М.).— 1969.— 26 июня.

Дроздов И. С самой пристрастной любовью // Огонек (М.).— 1969.— № 19.

Кантор В. [Рецензия] // Дет. лит. (М.).— 1971.— № 12.— Рец. на кн.: АБС. Отель «У погибшего альпиниста».

Клуб любителей фантастики МГУ: От Москвы до Витима // Фантастика, 1967 год.— М., 1968.— Сб. 1.

Котляр Ю. Мир мечты и фантазии // Октябрь (М.).— 1967.— № 4.

Котляр Ю. Послесловие к предисловию // Октябрь (М.).— 1969.— № 9.

Краснобрыжий И. Двуликая книга // Журналист (М.).— 1969.— № 3.

Лебедев А. Реалистическая фантастика и фантастическая реальность // Новый мир (М.).— 1968.— № 11.

Лем С. Литература, проецирующая миры // Лит. газ. (М.).— 1969.— 3 дек.

Лемхин М. Детектив братьев Стругацких: О повести «Отель “У погибшего альпиниста”» // Советский учитель (Л.; ЛПИ им. А. И. Герцена).— 1971.— 13 янв.

Лемхин М. Реальность. Гротеск. Талант // Ленингр. ун-т (Л.).— 1968.— 3 апр.

Мажаев Ф., Зазерский Е. Литература и ратный подвиг // Сов. Россия (М.).— 1969.— 21 нояб.

НС — «Неизвестные Стругацкие»:

1. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом».— Донецк: Сталкер, 2005.

2. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Понедельника…» до «Обитаемого острова».— Донецк: Сталкер, 2006.

3. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Отеля…» до «За миллиард лет…».— Донецк: Сталкер, 2007.

4. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Града обреченного» до «Бессильных мира сего».— Донецк: Сталкер, 2008.

5. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2008.

6. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2009.

8. Письма. Рабочие дневники. 1972–1977 гг. — В новом оформлении: Стругацкие. Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники. 1972–1977. — Волгоград, ПринТерра-Дизайн, 2012.

9. Письма. Рабочие дневники. 1978–1984 гг. — В новом оформлении: Стругацкие. Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники. 1978–1984. — Волгоград, ПринТерра-Дизайн, 2012.

[От редакции] // Лит. газ. (М.).— 1969.— 3 сент.

Партийные комитеты о прессе Иркутска // Журналист (М.).— 1969.— № 9.

Перкель Г. Пояснения — специально для этого издания.

Петр Вайль — Алексей Герман. «Трудно быть богом»,— сказал табачник с Табачной улицы // Искусство кино (М.).— 2000.— № 8.

Подольный Р. Борьба миров // АБС. Стажеры; Второе нашествие марсиан.— М., 1968.

Ревич В. Через будущее — к настоящему // В мире книг (М.).— 1971.— № 8.

[Редакционное предисловие к газетной публикации отрывка из повести «Сказка о Тройке»] // Комсомолец Татарии (Казань).— 1968.— 21 февр.

[Редакционное предисловие к журнальной публикации повести «Второе нашествие марсиан»] // Байкал (Улан-Удэ).— 1967.— № 1.

Руднев Д. «Замкнутый мир» современной русской фантастики // Грани (Франкфурт-на-Майне). — 1970. — № 78–79.

Самсонов Ю. Как перекрыли «Ангару», или Иркутская глава «Сказки о Тройке» братьев Стругацких / Интервью вел Ю. Багаев // Голос (Иркутск).— 1990.— № 1.

Сапарин В. Будущее человечества через призму фантастики // Коммунист (М.).— 1967.— № 12.

Свининников В. Блеск и нищета «философской» фантастики // Журналист (М.).— 1969.— № 9.

Файнбург З. Иллюзия простоты // Лит. газ. (М.).— 1969.— 10 сент.

Черняков Ю. [Первый раз я с ним познакомился…] / Беседовал А. Керзин // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 12, доп.— Донецк: «Сталкер», 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 5
Используемые документы 7
1967 9
1968 153
1969 284
1970 476
1971 596
Продолжение следует 708
Благодарности 708
Приложения 709

Литературно-художественное издание

СТРУГАЦКИЕ.
Материалы к исследованию:
письма, рабочие дневники
1967–1971

Составители
Бондаренко Светлана Петровна
Курильский Виктор Максимович

Технический редактор А. Тужилкин
Корректор Е. Афанасьева

ООО «ПринТерра-Дизайн»
400005, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 88
Наши электронные адреса:
www.printerra.com,
e-mail: mail@printerra.com

Подписано в печать 18.03.13. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 38,64. Тираж 100 экз. Заказ 4733.

Отпечатано в типографии издательства
«ПринТерра-Дизайн»